

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

69

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2019 Issue 69

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de México

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewica
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2019 Выпуск 69

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный
университет Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Уппсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

Главная тема настоящего выпуска журнала – «Пространства истории». Этой теме посвящены несколько рубрик, подготовленных на основе материалов Международной научной конференции «Пространства истории и истории пространств», состоявшейся в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в ноябре 2018 года и посвященной обсуждению последствий пространственного поворота

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент (зам. гл. редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 69

М.: ИВИ, 2019. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 69

Moscow: IWN, 2019. — 432 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс в общероссийском каталоге «Роспечать» — **36030**

© Общество интеллектуальной истории, 2019
© Институт всеобщей истории, 2019
© Журнал «Диалог со временем», 2019

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ПРОСТРАНСТВА ИСТОРИИ

Л. П. РЕПИНА

ИСТОРИЯ РЕГИОНОВ, ИЛИ “ТЕРРИТОРИЯ ИСТОРИКА” ПОСЛЕ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ПОВОРОТА

Пространственный поворот конца XX – начала XXI в. в истории и других гуманитарных науках существенно повлиял на обновление исследовательской проблематики и подходов, нацеленных на разностороннее понимание спатальных структур в обществах прошлого и современности. Все чаще и увереннее мир воспринимается как пространство взаимодействия в большом времени Истории. Обсуждению последствий пространственного поворота была посвящена Международная научная конференция «Пространства историй и истории пространств: метаморфозы восприятия, присвоение, созидание», которая состоялась в Институте международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского в ноябре 2018 года. Эта тема стала главной в настоящем выпуске нашего «Диалога со временем». Развернутые тексты прозвучавших на конференции докладов, составили основу нескольких рубрик. В настоящей статье ставится вопрос о предметных полях и методологических трудностях различных версий глобальной, региональной и локальной истории, а также рассматривается роль некоторых пространственных метафор в историческом познании.

Ключевые слова: *спатальный поворот, пространство взаимодействия, глобальная и региональная история, пространство микроистории, “территория историка”*

Несмотря на очевидные различия, новации подхода «новых спатальных историй» могут быть резюмированы термином «мультиперспективистский». Именно этот подход становится преобладающим в переплетающихся исследовательских пространствах «транснациональной», «перекрестной», «связанной», «включенной» истории (*transnational, histoire croisée, connected history, entangled history*) и других аналогичных направлений, он помещает в фокус исследования объединяющие общества, культуры и цивилизации *взаимосвязи, циркуляции, взаимообмены и взаимовлияния*, выраженные через категории *сетей, потоков, медиаторов* и т.п.¹ Варианты перекрестного подхода и истории трансферов, направленные на демонстрацию того, что связывает народы и культуры, предлагают более тонкий анализ проблем транснационального и регионального уровня и расширяют возможности для понимания способов интеракций между локальным, региональным и глобальным².

Глобальная история в контексте осмысления исторического процесса мировой интеграции может быть представлена как результат столкновения множества различных траекторий развития, как истори-

---

¹ Подробно об этом см.: Репина 2017а.

² См.: Ионов 2012; 2014

ческое движение в форме живого взаимодействия региональных культур. Но было бы наивно составлять картину мировой истории, изучающей транснациональные феномены, как некий «пазл» из множества историй региональных. Описание приблизительно совпадающих в историческом времени и взаимно соотнесенных параллелизмов в истории различных обществ, оставляя в тени динамическую составляющую их развития, не решает всех проблем, если исходить из понимания глобальной/мировой истории как истории «интерактивных пространств»³. Такой подход не дает возможности понять взаимосвязи между событиями и процессами, которые разворачиваются в разных регистрах – локальном, региональном, национальном, трансрегиональном, континентальном, глобальном, а ведь на каждом этапе «динамика глобальной общности предстает как результат наложения и столкновения множества различных траекторий или ансамбль траекторий»⁴. Остается также неясным, как можно адекватно описать неравномерные, разнонаправленные и многослойные взаимодействия в традиционных формах исторического нарратива, с его линейной логикой последовательных событий и довольно жесткой темпоральной организацией.

Критика в адрес авторов, совершающих попытки объять необъятное в новых историях взаимосвязанного мира, имеет серьезные основания. И, пожалуй, обращение к более ограниченным – региональным или трансрегиональным – пространствам сулит немалые преимущества или, по меньшей мере, удобства презентации полученных результатов. В этой связи стоит также обратить внимание на характеристику, данную Ж. Ревелем пространственным категориям микроистории, в которой каждый исторический актер «участвует прямо или опосредованно в процессах разных масштабов и разных уровней, от самого локального до самого глобального и, следовательно, вписывается в их контексты»⁵.

Процессы регионализации, наблюдаемые в интеграции локальных сообществ в более широкие территориальные комплексы, но при сохранении культурных различий (как в рамках этих территориальных образований, так и между ними), привели к актуализации трансдисциплинарных региональных исследований. Одна из важных тенденций в их развитии – «размывание» сложившейся в Новое время и до сих пор формирующей нашу «ретроспективную оптику» концепции жестких административно-государственных границ, которая и сегодня явственно присутствует в таких терминах, как «субнациональный регион» и «транснациональный регион»⁶. Подобные ситуации возникают в связи с тем, что

³ См., особ.: Osterhammel, Petersson 2005.

⁴ Лубский 2009. С. 127.

⁵ Ревель 1996. С. 117.

⁶ См.: Smith, Wistrich 2007.

историки, постоянно используя пространственные категории, редко дают им строгие дефиниции.

Противоречивые дефиниции региональной истории и ее предмета отражают имеющиеся в современной науке различия в трактовках понятия «регион», прежде всего в отношении его пространственных масштабов (на основе географического критерия) или дифференциации исследуемых регионов на внутригосударственные и надгосударственные (на основе административного или геополитического критерия). В зависимости от приоритетов той или иной научной дисциплины в содержании «региона» акцентируются разные основания: экономисты определяют регион как хозяйственно-экономическую общность; географы – административно-территориальную единицу; историки-краеведы – историко-культурную область; культурологи рассматривают регион как культурно-цивилизационное пространство и т.д., при этом акцент в интерпретации понятия «регион» переносится на менталитет, образ мышления, традиции, мироощущение его обитателей⁷. Одна из наиболее осмысленных исследовательских моделей опирается на комплекс природных, экономических, культурных и других признаков, который может объединять несколько различных округов или существовать внутри одного из них, но, тем не менее, представляет собой определенную культурно-хозяйственную целостность на основе устойчивых связей, общих представлений, образа жизни, исторических традиций.

Споры возникают и по вопросу определения, а точнее – конструирования границ изучаемых регионов. Хотя в результате «культурного поворота», охватившего всю сферу социально-гуманитарного знания на исходе XX в., приоритет в регионально-исторических исследованиях все больше переходит от сферы экономики к культурной специфике региональных сообществ, последние и сегодня нередко определяются по территориально-административным границам и номинируются по названиям соответствующих округов или исторических областей, причем, как правило, ретроспективно используются нынешние границы, без учета их подвижности и изменчивой конфигурации. Трудность состоит в том, что понятия экономического, политического, культурного, информационного, ментального пространства, как правило, не являются четко локализованными. Историки зачастую убеждены, что «выбранные ими границы региона “естественны”, а не являются плодом их собственного или заимствованного у политиков пространственного воображения»⁸.

Главной темой спатильных исследований стал «ландшафт как продукт властных отношений» в пространственных конфигурациях разного масштаба – от локального до геополитического, но, наряду с этим,

---

⁷ Рыженко 2011. С. 338.

⁸ Миллер 2006. С. 16.

сегодня на передний план выходят исследования региональной идентичности и региональной культуры, в которых региональная идентичность (как и любая другая коллективная идентичность) понимается не как данность, а, прежде всего, как результат активности элит. «Регион» в этой исследовательской парадигме выступает не как нечто данное историку в готовом виде в качестве объекта изучения, а как то, что следует выявить. Здесь стоит уточнить, что речь все чаще идет не о территории, а именно о региональной идентичности (с учетом важной роли фактора миграций в ее становлении и трансформации) не только в пределах национальных государств, но и в регионах, «рассекающих» все ныне существующие административно-государственные границы (включая социальное пространство контактных зон и даже транснациональные региональные ассоциации)⁹. Понятия «региональной идентичности» и «региональной культуры» трактуются в широком диапазоне. Наиболее точным представляется определение Э. Ройля: региональная культура – это «постоянно изменяющаяся культура, с глубокими корнями в прошлом и связями с природным окружением, но поддающаяся обновлению и изобретению традиций в настоящем»¹⁰.

А. Мегилл поставил вопрос о формах региональной истории, исходя из двух разных значений слова «регион». С одной стороны, «региональная история» берет в качестве объекта территорию внутри национального государства («региональная история первого типа»), с другой – иногда в качестве объекта региональной истории выступает территория, выходящая за пределы какой-либо суверенной целостности («региональная история второго типа»). Получается, что «региональная история первого типа» существует между полюсами национальной истории и локальной истории, а «региональная история второго типа» – между полюсами национальной и мировой истории. Если регион определяется как «сообщество людей в пространстве, отличном от локального, национально-государственного и глобального», то региональная история – как «история, в которой национальные государства и их четко очерченные границы играют второстепенную роль или отсутствуют вовсе»¹¹.

---

⁹ См., напр.: Pollard 1997.

¹⁰ Issues of Regional Identity... P. 10. В книге «Повестка дня для региональной истории» специально исследуются вопросы формирования региональных идентичностей (на материале различных регионов Европы), рассматриваются такие общие проблемы, как: «регион и пространство», «регион и империя», «регион и политика», «регион и город», «регион и культура». – An Agenda for Regional History... 2007.

¹¹ Мегилл 2010. С. 42-58. По убеждению Мегилла, региональная история как жанр историографии привлекает многих исследователей «из-за своей способности эффективно работать против категорий “национальной” и “мировой” истории, которые тесно связаны с представлением о том, что во всем мире существует некий единственный, доминирующий процесс человеческого развития». – Megill 2009. P. 13.

Обращаясь к активно развивающейся методологии «новой региональной истории», необходимо отметить, что ее мультиперспективная модель включает, наряду с пространственным измерением, измерение темпоральное – долговременную динамическую составляющую. Достаточно вспомнить акторно-сетевой принцип, который лег в основу построения концепции системы «культурных регионов» в пограничных областях, а также соответствующую модель исследования, направленную на выявление локальных, региональных, межрегиональных социальных сетей и раскрытие конкретного содержания осуществляемых в них взаимодействий и выходами в транснациональное пространство. Но региональная история сегодня рассматривается и с применением концепций «ментального пространства» и «воображаемых сообществ», а также в парадигме «истории памяти» и в плане «изобретения» региональных идентичностей. Однако нельзя не заметить, что без серьезной методологической проработки акцент на проблематику исторической памяти в новейших региональных исследованиях нередко оказывается не просто малопродуктивным, но откровенно манипулятивным. Эта тенденция в ее крайнем выражении была проанализирована В.А. Шнирельманом, который предложил развернутую типологию «пропитанных этноцентризмом идеологических конструкций» в дискурсах, развиваемых в конце 1990-х – 2000-е гг. в разных регионах России с опорой на комплекс разнообразных мифологем, включая миф о «прародине», где «прародина отождествляется со своим регионом, получающим, тем самым, престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии, а также миф о происхождении государства, изображающий регион священной землей, где надо искать истоки государственности¹². Таким образом, версии исторического развития регионов и репрезентации этого развития «связаны с символическим освоением исторического времени и пространства»¹³. Речь идет о «стремлении сохранить за собой территорию символическими способами», наполняя ее соответствующими символами.

В той же плоскости может быть рассмотрена и история пограничных областей или так называемых контактных зон¹⁴. Нет недостатка в политико-идеологических и морально-этических аргументах относительно значимости изучения пограничных зон, представляющих неоднозначный, а зачастую конфликтный опыт совместного существования

---

¹² См.: Шнирельман 2008. С. 9-10.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Так, например, Д.В. Сень констатировал, что «региональный подход, зачастую приводящий к этнизации местной истории, становится все менее научно состоятельным на фоне возрастающей политической значимости национализма и регионализма» и может послужить «лишним горячим основанием для разжигания новых “войн памяти”». См.: Сень 2006. С. 380-381, 386.

разных этнокультурных групп, для «воспитания в духе сотрудничества, синкретизма и интеграции» и «в интересах взаимопонимания»¹⁵. Однако приходится констатировать, что, несмотря на все возрастающий интерес исследователей к феномену кросс-культурного взаимодействия, как научные проблемы (прежде всего теоретические), так и те перспективы, которые открываются в истории пограничных регионов (*borderland history*) и так называемых *контактных зон*, до сих пор остаются слабо эксплицированными¹⁶. А ведь именно в таких регионах «переплетаются» исторические судьбы взаимодействующих народов, искусственно разделяемые в противоречащих друг другу историографических традициях, именно в таких социальных пространствах интенсивных коммуникаций происходит формирование новых идентичностей¹⁷.

Если оставить в стороне крайние проявления идеологии регионализма и «этнизации прошлого» и вновь обратиться к научной парадигме локально-региональных исторических исследований, то стоит, видимо, подчеркнуть, что она имеет противоположную направленность, развиваясь как антидот от «национализации прошлого» в духе национально-государственной историографии, ориентированной на задачи государственного строительства. Перспективы региональной истории в ее социокультурном наполнении формируют исследовательскую модель, в которой приоритет отдается изучению динамики межкультурных интеракций, включая историческую ретроспективу культурных коммуникаций в изучаемом регионе.

В целом, в научных программах локально-региональной истории превалирует контекстуальное мышление, которое во многом определяет лицо современной историографии. В такой интеллектуальной атмосфере эффективное междисциплинарное сотрудничество может быть построено на разделяемой всеми его сторонами теоретической установке – приоритете социокультурного измерения и признании активной роли человека как в формировании окружающей среды и пространства регионов, так и в создании структур идентичности (в процессе выстраивания «образа себя» и «образа Другого»). В связи с процессом регионализации, который является непосредственной реакцией на глобализационные процессы, актуальной задачей стала разработка проблемы межкультурного диалога вообще и, разумеется, диалога культур в его историческом измерении, в котором различные сценарии взаимодействия могут быть рассмотрены сквозь призму понимания «своего» и «чужого» прошлого, раздельной и совместной истории.

---

¹⁵ См., напр.: Коткин 2000. С. 16-20.

¹⁶ Hurd 2006. О концептуальных проблемах и задачах «истории пограничья» см. также: Мегилл 2008. С. 212-214.

¹⁷ Подробнее об этом см.: Megill 2009. См. также: Джонсон, Коулман 2012.

Одна из интереснейших тенденций глобальной, «новой мировой» и «трансрегиональной истории», направленных на преодоление доминирующих национально-государственных нарративов, связана с «новой историей империй»¹⁸, рассматривающей империю как сложные структуры в сравнительной перспективе и в режиме большой длительности, причем ее наиболее перспективные направления являются регионально-ориентированными. Следует признать конструктивную роль историописателей, как и географов (с их категориями «символической географии»), в процессах «присвоения» империей пространства.

С новым воплощением «наднациональной» имперской истории связывают большие надежды¹⁹, хотя в настоящее время ее предметное поле и методы остаются недостаточно определенными. Важно, однако, другое. Как подчеркивает британский историк Линда Колли: «Вся суть, привлекательность, значение и вызов имперской истории состоит в том, что, не будучи идентична глобальной истории, она подступает к ней предельно близко»²⁰. При этом в задачу историка входит идентификация и исследование множества разнообразных взаимосвязей между отдельными секторами и различными регионами и народами внутри целостной интерактивной системы – «мира империи».

В сетевой модели «новой истории империй» необходимо учитывать как реальные, так и виртуальные взаимодействия, которые носят дифференцирующий и конфликтогенный характер на базе противопоставления «свой»/«чужой»; они поддерживаются и актуализируются на основе акцентирования культурных различий и подчеркивания собственных достоинств, ценностей, традиций. Вопрос в том, как пишется история – как история противостояния и конфликтов или как взаимно соотнесенная история их преодоления, история сближения и единства.

Поскольку в поддержании и «переформатировании» коллективной идентичности чрезвычайно велика роль, которую играют имеющие глубокие корни традиции, возникает потребность в анализе не только исторических мифов, формирующих основу региональной идентичности, но также их использования или отторжения в конкурирующих нарративах, закрепляющих в коллективной памяти эмоционально окрашенные исторические символы и знаковые события, во многом определяющие и восприятие всех последующих событий, а также ценностное отношение к ним. Но мифологические нарративы осуществляют свои идентификационные функции и в других пространственных измерениях. Например,

---

¹⁸ Подробно об этом см.: Репина 2017б. С. 149-158. Британские «новые имперские истории» были уже в 2000-х гг. предметно представлены даже в пособиях для студентов. См., напр.: *The New Imperial Histories Reader*. 2009.

¹⁹ Hopkins 1999.

²⁰ Colley 2004. P. 133-134.

в региональном нарративе идентичности воспроизводятся представления о прошлом, транслируемые продуктами краеведческой деятельности разных эпох и учебной литературой по истории края. Целостность информационно-коммуникативного пространства, задающего границы обмена информацией является важным фактором формирования региональной идентичности²¹. Изменения условий жизни в регионе, его места в системе межрегиональных связей могут стимулировать создание новых версий прошлого и новой региональной идентичности.

Научное историческое знание также может выступать основой для формирования культурно-исторических символов (с различным смысловым содержанием), образующих определенную систему (на разных уровнях – общенациональном, региональном, локальном). Между историческим символом «Империя», выступающим как реликт имперской памяти, как «место памяти», «образ-воспоминание», и концептом «империя» в исторической науке, производящей деконструкцию образов имперского прошлого, нет пропасти. В многослойной памяти наличествуют разные составляющие – эмоциональная, прагматическая (политико-идеологическая), когнитивная. Разные стратегии построения памяти империй можно дифференцировать по линии «внутренняя империя – внешняя империя» (в терминах Я. Асманна). Политика памяти «внутренних империй» направлена на то, чтобы объединить свое разнородное население вокруг какой-нибудь скрепляющей идеи (например, идеи верности династии или монарху). Для «внешней» империи характерна другая стратегия построения памяти – назовем ее *стратегией цивилизационного разделения*. Эти стратегии мне и пришлось рассматривать, анализируя исторические тексты специального, обобщающего и учебного характера, на примере британской имперской и пост-имперской историографии, с учетом того, что Британская империя XVIII–XX вв. – это, по сути, мета-империя, в которой соединяются в разной конфигурации и в режиме долгого времени две империи – «внутренняя» и «внешняя» («домашняя» и «заморская»), что позволяет делать на данном материале наблюдения, имеющие более широкое применение. Впрочем, обширные комплексы текстов, в которых нашли отражение конструирование имперской идентичности, «политика памяти», а впоследствии ее пост-имперская деконструкция, требуют, несомненно, детального анализа.

Взаимодействие культур во времени («по вертикали») и в пространстве («по горизонтали») выступает ныне как приоритетный предмет исторического исследования. Диалог культур имеет множество граней и аспектов. Это не только проблема взаимодействия различных культур (или их представителей) в историческом времени, но также – не

²¹ См.: Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. 2013. Подробно об этом в контексте регионального социологического исследования см.: Горин 2010.

в последнюю очередь – проблема понимания и восприятия чужой культуры в контексте самого процесса познания прошлого, который выступает как взаимодействие историка (и современной ему культуры, составной частью которой является историческая наука) с остатками иной культуры – историческими памятниками-текстами. Речь идет об отношении современной исторической науки к прошлому как одной культуры к другой, о «понимании каждой культуры (античной, средневековой, нового времени, восточной) как Собеседника, как одного из участников диалога»²². Как неоднократно подчеркивал А.Я. Гуревич, источник не только отвечает на заданные вопросы, но и ставит свои вопросы перед историком, вернее – побуждает его формулировать новые вопросы, а также корректировать собственные теоретические предпосылки, методы анализа, рабочие гипотезы и концептуальный аппарат²³. В этом плане метафора *территория историка* оказалась на редкость плодотворной. Действительно, в эпистемологическом аспекте понятие *территория историка* приобретает новый смысл: «Взаимодействие сигналов, сообщений, идущих из прошлого, с вопросами и моделями, которые посылает в прошлое исследовательская мысль современного историка для того, чтобы получить необходимые ей ответы, – оба эти уровня совмещаются на специфической “территории историка”²⁴. Метафорически говоря, встреча сознания исследователя с фрагментами сознания людей, от которых до нас дошли оставленные ими тексты, и людей, для которых они были в свое время созданы происходит в особом «времени-пространстве», длительном пространственно-временном континууме исторического исследования.

Сегодня теория и практика познания прошлого должны в поиске решения концептуальных проблем выйти за пределы «территории историка» в интердисциплинарное пространство взаимодействия различных профессиональных культур – социальных и гуманитарных наук, и даже шире – в целостной системе научного знания. Интегративная функция истории в этом взаимодействии в системе наук становится все более очевидной. И в этой связи привлекает внимание оригинальная спатальная метафора Мишеля Фуко, который так описывает общее пространство наук о человеке: «...все гуманитарные науки взаимопересекаются и всегда могут взаимоинтерпретироваться, так что их границы стираются, число смежных и промежуточных дисциплин бесконечно увеличивается, и в конце концов растворен оказывается их собственный объект...»²⁵. Фуко отводит истории особое место в пространстве знания

---

²² Библер 1989. С. 28.

²³ Гуревич 1996. С. 103.

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994. С. 376–377.

– история, в определении Фуко, «не среди гуманитарных наук и даже не рядом с ними». Она вступает с ними в «необычные, неопределенные, неизбежные отношения, более глубокие, нежели отношения соседства в некоем общем пространстве... Поскольку исторический человек – это человек, который живет, трудится и говорит, постольку всякое содержание истории отправляется от психологии, социологии, наук о языке. И наоборот, поскольку человеческое существо становится насковзь историческим, никакое анализируемое гуманитарными науками содержание не может оставаться замкнутым в себе, избегая движение Истории... Таким образом, История образует “среду” гуманитарных наук»²⁶.

REFERENCES

- Библер В.С. Диалог. Сознание. Культура. (Идея культуры в работах М.М. Бахтина) // Одиссей. Человек в истории. – 1989. М.: Наука, 1989. С. 21-59.
- Горин И.Н. Социологический анализ механизмов формирования культурно-исторических символов региона. Курган, 2010. 179 с.
- Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. Человек в истории. – 1996. М.: Coda, 1996. С. 81-109.
- Джонсон К., Коулман А. Внутренний Другой: Диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107-125.
- Ионов И.Н. Идея “цивилизации” в Европе XIX века в контексте связанной и перекрестной истории // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 27-50.
- Ионов И.Н. Связанная история между двойной связкой и отрицательной обратной связью // Диалог со временем. 2014. Вып. 46. С. 194-218.
- Клейтман А.Л., Клейтман А.Ю. Формирование региональной идентичности в современной России в зеркале учебников по истории регионов // Кто боится учебника истории? / Ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2013. С. 62-70.
- Коткин С. О краеведении и его методологии // Методология региональных исторических исследований. Российский и зарубежный опыт. СПб., 2000. С. 16-20.
- Лубский А.В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 265 с.
- Мегилл А. Границы как историческая и теоретическая проблема // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2008. С. 212-214.
- Мегилл, Аллан. Границы и национальное государство: предварительные заметки // Диалог со временем. Вып. 30. 2010. С. 42-58.
- Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. М.: Новое литературное обозрение, 2006. 248 с.
- Ревель, Жак. Микроисторический анализ и конструирование социального // Одиссей. Человек в истории. –1996. М.: Coda, 1996. С. 110-127.
- Репина Л.П. Преодолевая границы государств и цивилизаций: макроисторические опыты современной историографии // Реконструкции мировой и региональной истории: от универсализма к моделям межкультурного диалога / Под общ. ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2017а. С. 7-71.
- Репина Л.П. Стратегии построения национального нарратива в имперском и постимперском пространстве: опыт Великобритании // Актуальные проблемы истории Великобритании XVII–XX вв. Рязань: Изд-во «Концепция», 2017б. С. 149-158.
- Рыженко В.Г. Историческая наука, регионоведение, культурология: возможности кооперации вокруг проблемы «присвоения прошлого» // Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л. П. Репиной. М.: ЛКИ, 2011. Р. 338-342.

²⁶ Там же. С. 385–389.

- Сень Д.В. «Черноморья» versus «Кубань»: некоторые аспекты дискурса империй и теоретические проблемы изучения истории Северо-Западного Кавказа конца XVIII – начала XIX в. // Итоги фольклорно-этнографических исследований этнических культур Северного Кавказа за 2005 год. Краснодар, 2006. С. 379-395.
- Шнирельман В.А. Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности / Ред. И.И. Курилла. Волгоград, 2008. С. 4-28.
- Colley, Linda. What's Imperial History Now? // What is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P/ 132-147.
- Hopkins A.G. Back to the Future: From National History to Imperial History // Past & Present. 1999. No. 164. P. 198-243.
- Hurd, Madeleine. Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. 507 p.
- Megill A. The Needed Centrality of Regional History // Ideas in History. 2009. Vol. IV. No. 2. P. 11-37.
- The New Imperial Histories Reader / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009. 470 p.
- Osterhammel J., Peterson N.P. Globalization. A Short History. Princeton: P.U.P., 2005 182 p.
- Pollard S. Marginal Europe: The Contribution of Marginal Lands since the Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1997. 327 p.
- Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1999. 252 p.
- Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6-21.

REFERENCES

- Bibler V.S. Dialog. Soznanie. Kul'tura. (Ideya kul'tury v rabotah M.M. Bahtina) // Odissej. CHelovek v istorii. – 1989. M.: Nauka, 1989. S. 21-59.
- Gorin I.N. Sociologicheskij analiz mekhanizmov formirovaniya kul'turno-istoricheskikh simvolov regiona. Kurgan, 2010. 179 s.
- Gurevich A.YA. «Territoriya istorika» // Odissej. CHelovek v istorii. – 1996. M.: Coda, 1996. S. 81-109.
- Dzhonson K., Koulman A. Vnutrennij Drugoj: Dialekticheskie vzaimosvyazi mezhdru konstruirovaniem regional'nyh i nacional'nyh identichnostej // Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya. 2012. T. 1. № 2. S. 107-125.
- Ionov I.N. Ideya “civilizacii” v Evrope XIX veka v kontekste svyazannoj i pere-krestnoj istorii // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 27-50.
- Ionov I.N. Svyazannaya istoriya mezhdru dvojnjoj svyazkoj i otricatel'noj obratnoj svyaz'yu // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 46. S. 194-218.
- Klejtmán A.L., Klejtmán A.YU. Formirovanie regional'noj identichnosti v sovremennoj Rossii v zerkale uchebnikov po istorii regionov // Kto boitsya uchebnika istorii? / Red. I.I. Kurilla. Volgograd, 2013. S. 62-70.
- Kotkin S. O kraevedenii i ego metodologii // Metodologiya regional'nyh istoricheskikh issledovanij. Rossijskij i zarubezhnyj opyt. SPb., 2000. S. 16-20.
- Lubskij A.V. Metodologiya regional'nyh social'no-gumanitarnyh issledovanij: Rostov n/D: Izdvo YUFU, 2009. 265 s.
- Megill A. Granicy kak istoricheskaya i teoreticheskaya problema // Teorii i metody istoricheskogo nauki: shag v XXI vek / Otv. red. L.P. Repina. M., 2008. S. 212-214.
- Megill, Allan. Granicy i nacional'noe gosudarstvo: predvaritel'nye zametki // Dialog so vremenem. Vyp. 30. 2010. S. 42-58.
- Miller A.I. Imperiya Romanovyh i nacionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 248 s.
- Revel', ZHak. Mikroistoricheskij analiz i konstruirovanie social'nogo // Odissej. CHelovek v istorii. – 1996. M.: Coda, 1996. S. 110-127.

- Repina L.P. Preodolevaya granicy gosudarstv i civilizacij: makroistoricheskie opyty sovremennoj istoriografii // Rekonstrukcii mirovoj i regional'noj istorii: ot universalizma k modeljam mezkul'turnogo dialoga / Pod obshch. red. L.P. Repinoj. M.: «Akvilon», 2017a. C. 7-71.
- Repina L.P. Strategii postroeniya nacional'nogo narrativa v imperskom i post-imperskom prostanstve: opyt Velikobritanii // Aktual'nye problemy istorii Velikobritanii XVII–XX vv. Ryazan': Izd-vo «Konceptiya», 2017b. S. 149-158.
- Ryzhenko V.G. Istoricheskaya nauka, regionovedenie, kul'turologiya: vozmozhnosti kooperacii vokrug problemy «prisvoeniya proshlogo» // Istoricheskaya nauka se-godnya: problemy, metody, perspektivy / Pod red. L. P. Repinoj. M.: LKI, 2011. R. 338-342.
- Sen' D.V. «Chernomoriya» versus «Kuban'»: nekotorye aspekty diskursa imperij i teoreticheskie problemy izucheniya istorii Severo-Zapadnogo Kavkaza konca XVIII – nachala XIX v. // Itogi fol'klorno-etnograficheskikh issledovanij etnicheskikh kul'tur Severnogo Kavkaza za 2005 god. Krasnodar, 2006. S. 379-395.
- SHnirel'man V.A. Identichnost', kul'tura i istoriya: provincial'nyj rakurs // Istoriya kraja kak pole konstruirovaniya regional'noj identichnosti / Red. I.I. Kurilla. Volgograd, 2008. S. 4-28.
- Colley, Linda. What's Imperial History Now? // What is History Now? / Ed. by D. Cannadine. Houndmills; Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004. P/ 132-147.
- Hopkins A.G. Back to the Future: From National History to Imperial History // Past & Present. 1999. No. 164. P. 198-243.
- Hurd, Madeleine. Borderland Identities: Territory and Belonging in North, Central and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. 507 p.
- Megill A. The Needed Centrality of Regional History // Ideas in History. 2009. Vol. IV. No. 2. P. 11-37.
- The New Imperial Histories Reader / Ed. by S. Howe. L.: Routledge, 2009. 470 p.
- Osterhammel J., Petersson N.P. Globalization. A Short History. Princeton: P.U.P., 2005 182 p.
- Pollard S. Marginal Europe: The Contribution of Marginal Lands since the Middle Ages. Oxford: Clarendon Press, 1997. 327 p.
- Issues of Regional Identity. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester: Manchester University Press, 1999. 252 p.
- Smith D., Wistrich E. Collective Identities in a Changing World // Regional Identity and Diversity in Europe. L.; N.Y., 2007. P. 6-21.

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru

History of the regions, or “Historian’s territory” after Spatial turn

Spatial turn of the late XX – early XXI c. in history and other humanities has significantly influenced the updating of research problems and approaches aimed at a diverse understanding of spatial structures in societies of the past and the present. More and more confidently, the world is perceived as a space of interaction in the great time of History. The consequences of the spatial turn were discussed during the International Scientific Conference “Spaces of histories and the history of spaces: metamorphoses of perception, appropriation, creation”, which took place at the Institute of International Relations and World History of Lobachevsky’s Nizhny Novgorod State University in November 2018. The topic has become central to this issue of our Journal. The detailed texts of the reports delivered at the conference formed the basis of several sections. This article raises the issue of subject fields and methodological difficulties of different versions of global, regional and local history, and discusses the role of some spatial metaphors in historical knowledge.

Keywords: spatial turn, space of interaction, global history, regional history, space of microhistory, “historian’s territory”

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru

Н. А. СЕЛУНСКАЯ

ЧУЖАЯ СТРАНА ПРОШЛОГО, ИЛИ ИСТОРИЯ С ГЕОГРАФИЕЙ ПОМПОНИЙ ЛЭТ И ВЛАДИМИР ЗАБУГИН

Тема реконструирования исторического пространства в интеллектуальных поисках историков прошлого сочетается с проблемой возможностей контакта культур и их взаимного отражения. «Прошлое – чужая страна», в разные века интеллектуалы, историки, гуманитарии, изучая мировую историю выстраивают двойной или тройной образ «другого»: образ прошлого вообще как чужеземья, образ изучаемой чужой земли, страны, народа), а также присваивают или отрицают «чужой» образ истории. В статье раскрываются интеллектуальные биографии двух выдающихся личностей – представителей итальянского Ренессанса и Серебряного века России. Отечественный историк и филолог-итальянист В.Н. Забугин, видный деятель русской эмиграции в Италии, посвятил труд жизни единственному итальянскому гуманисту, посетившему южные области России – Юлию Помпонию Лэту. Воспитанник университета Петербурга стал доцентом университета Рима, того центра знаний, которому в пору Возрождения отдал столько сил и знаний гуманист Помпониус. Тема пространства и его освоения раскрывается в нескольких проекциях в творчестве и Забугина, и Помпонию Лэта – в смысле реального путешествия, но также – что важнее – путешествия ментального, исторической реконструкции.

Ключевые слова: интеллектуальная история, интеллектуальная биография, пространственный поворот, итальянистика, эмиграция, Россия в мире

Нам предстоит рассмотреть интеллектуальные биографии двух ученых разных веков: как бы в зеркальных отражениях и повторяющихся мотивах пространств истории и сфер их деятельности. Из многих проблем изучения истории и истории личности сквозь века здесь будет выделен фактор пространства, не только и не столько факт изменения, перемещения, преодоления пути, но и соотношения «своего» и «чужого» исторического и культурного опыта. И, наверное, нет более болезненной и трудной проблемы в истории и истории науки, чем вопрос принятия, отторжения и усвоения «чужого» опыта, а также возможности понимания и изучения мира других личностей и их общностей, отдаленных от нас исторических миров¹.

Даже в удаленных пространствах истории может поддерживаться особый интеллектуальный диалог двух искателей исторической истины, как видно на примере историка В.Н. Забугина, и его исторического героя, гуманиста Юлию Помпонию Лэта. Сам поиск превращается в процесс трансляции основополагающей для двух ученых идеи гуманитарного образования и религиозного возрождения. Символическая преемственность и общность наследия двух интеллектуалов раскрывалась осо-

---

¹ См.: Репина 2006; Филиппов 2005.

бенно ярко в буквальном смысле в едином пространстве – и реальном, и символическом, а именно, в Вечном Городе Рима. И тот, и другой ученый обращались к прошлому, разумеется, сквозь призму современности.

Прошлое, воспринимаемое буквально как страна чужих – удачное, емкое и нужное для дальнейшего рассуждения понятие. «Прошлое» – это Другой, чужая страна – тоже образ Иного, отсюда и складывается формула: «прошлое – чужая страна»². Этот двойной образ «другого» выстраивает образ прошлого как чужеземья и как образ изучаемой земли, страны. Историк и филолог, итальянист Владимир Забугин, в своем творчестве соединил оба стремления – не только слиться с совершенно иным природным и социальным ландшафтом, чем тот, в котором он провел детство и юность, но приобщиться на правах наследника к прошлому этой земли, к истокам ее культуры, познать характер и нрав тех, кто закладывал основы Возрождения, определившего развитие культуры Италии и Европы на века. И все это по собственному выбору и воле.

Изучая интеллектуальные биографии русских историков начала бурного XX столетия, времени Великой Войны и революций, просто невозможно не выделить имя Владимира Забугина. Наследник русской культуры Серебряного века и исследователь культуры итальянского Возрождения, интеллектуал, историк и филолог, он стал чужеземцем на родине, но не был эмигрантом поневоле. Это не изгнанный революцией беженец, как многие другие, не осколок Империи, выброшенный на чужой берег, но человек сознательно выбравший Италию в качестве второй родины (еще до начала мирового конфликта), а вместе с тем, избравший и конфессию, новую религиозную идею. При всем восхищении историей и культурой, к которой приобщился молодой интеллектуал на чужбине, в его планы не входило простое усвоение предлагаемых шаблонов и мнений относительно прошлого и настоящего принявшей его страны. Интерпретирование прошлого Италии, собственная концепция культуры Возрождения, происходили одновременно с усвоением новой идентичности, выстраиванием новых собственных границ в новом культурно-историческом пространстве.

Значение такой специфической страты гуманитариев, какой были медиевисты и специалисты в области культуры итальянского Ренессанса, в мировой науке велико, именно эти специалисты по всеобщей истории, являясь интернациональным сообществом интеллектуалов, осуществляли трансляцию гуманитарного знания и обмен идей в области методологии истории. Роль, которую эти ученые играли в системе образования и академической жизни с рубежа XIX–XX вв. и далее, даже в эпоху мировых войн и революций, весьма примечательна³.

---

² Лоуэнталь 2004.

³ Селунская 2016.

Особенно интересна специфика распространения контактов и мобильности ученых в этот период: перемена мест и полей деятельности, возможности трансляции идей поверх государственных границ, адаптации к новой научной среде, изменения интеллектуального климата, и в России, и в Европе. Основные сюжеты жизни интеллектуальных сообществ первой четверти XX в. находят яркое отражение в биографии ученого, религиозного деятеля и эмигранта В. Забугина. Фактор пространства играл в ней большую роль. Проведя раннюю юность в северной столице, Забугин находился в зоне университетской культуры и в особой научно-педагогической среде, которую представлял собой семинарий И.М. Гревса, настоящая школа общения и воспитания историков и филологов, а затем последовали контакты с итальянскими учеными, стажировка, переросшая в самостоятельную работу, преподавание в Риме и вовлеченность в сферу притяжения духовного центра, единственного в Италии монастыря непрерывной византийской традиции, который располагался здесь же, в Лации⁴.

Владимир Забугин еще из России, а затем, находясь в Италии, пытался представить и интерпретировать культуру Возрождения и саму Италию времени гуманистов целостно, как некоторое единство, какими их, разумеется, не представляли ни первые римские «академики», ни их современники. Италия Ренессанса мыслилась единой в смелых мечтах редких мыслителей, но на протяжении своей истории отличалась полицентризмом, и в этом – одна из главных черт социокультурного и политического развития итальянских земель. Объединение Италии, опыт его переживания, а также систематизирующие труды и представления о культуре Возрождения – это Новое время, то, которое мог бы назвать своим представителем петербургской университетской традиции. Кроме того, как уже отмечалось, одним из основных мотивов исследований Забугина была не просто культура Итальянского Возрождения, но именно биография и творчество другого ученого, интеллектуального светоча прошлого – Помпония Лэта, возможно, единственного деятеля Ренессанса, который посетил территории, составлявшие во времена Забугина часть Российской империи. Таким образом, тема перемены мест, поиск нового – и деталь биографии итальяниста Забугина, и важная составляющая часть наследия гуманиста Помпония Лэта.

Именно в связи с этими обстоятельствами нас особенно интересует интерпретация жизни и творчества Юлия Помпония Лэта, созданная первым и долгое время почти единственным в Европе и России, исследователем наследия гуманиста, В.Н. Забугиным. Деятель итальянского Ренессанса Помпоний Лэт заинтересовал молодого русского исследо-

---

⁴ Санта-Мария-де-Гроттаферрата (итал. Santa Maria de Grottaferrata), или аббатство святого Нила (итал. Abbazia di San Nilo).

вателя начала XX века прежде всего тем, что сам прикоснулся к прошлому земли, которая была родной для изучающего историю Античности и Возрождения начинающего историка и филолога. Об этом автор исследования написал в пояснении к своей книге, утверждая, что она является именно «уплатой долга благодарности» от лица русской науки по отношению к единственному итальянскому гуманисту, побывавшему в пределах Руси и описавшего картину прошлого этих земель⁵.

В результате совпадения этих особых обстоятельств исследователь итальянского Ренессанса Забугин вполне ощутимо воплощает постмодернистский постулат о неизбежности восприятия текста более древнего и классического происхождения сквозь призму идей более современных авторов. Русский по рождению питомец классической латинской культуры задает для всех последующих ученых особую модель, «оптику» восприятия личности и наследия гуманиста Юлия Помпония Лэта, римского академика XV столетия.

При этом русская редакция трудов Забугина, посвященных Помпонию Лэту, отличается от его же итальяноязычных публикаций по той же проблеме рядом особенностей: русская редакция труда более краткая и представляет собой выборку сюжетов, в т.ч. русская публикация отличается вниманием к теме исторического и географического дискурса итальянского гуманиста, его контакту со Скифией. Забугин не просто проявил «охоту к перемене мест», а стал интеллектуалом двух миров, бесспорным наследником традиций и русской, и итальянской классической культуры. Находясь в достаточно неопределенном статусе в первые годы своей затянувшейся стажировки, в ситуации некоторого интеллектуального пограничья, Забугин, был тем не менее, не маргинальным представителем экзотической культуры, а, в полной мере, посредником между двумя академическими мирами – Российской Империи и Италии: публиковал рецензии на книги русских итальянистов по-итальянски, давал обзоры итальянской академической жизни на русском (в т.ч. в Журнале Министерства народного просвещения). Не удивительно, что и в исследовании по биографии Помпония Забугин выделял тему формирования первых академий и отношений интеллектуальных сообществ с властью. Это было характерной чертой и той крупной публикации на итальянском языке, которой занимался Забугин на протяжении первого десятилетия нового века в Италии, и в той русскоязычной версии исследования, которая существенно отличалась от итальянской, потребовала четкого отбора тем из-за сжатого объема, и вышла в 1914 г. в Петербурге, (еще не успевшем стать Петроградом)⁶.

---

⁵ Забугин 1914. С. 194.

⁶ В Предисловии к своему русскоязычному труду по теме итальянского Возрождения и наследия Юлия Помпония Лэта сам автор описывал свои исследовательские

Но в русской версии акцент поставлен иначе, пространства, странствия – едва ли не основная тема. Тема исторического пространства, освоения пространств, странствий гуманиста занимает важное место в сжатом, но более точно продуманном труде (самостоятельном по отношению к многотомной итальянской диссертации). Именно к этому труду, который обосновывает важность знакомства для русских соотечественников с наследием итальянского гуманиста, мы и будем обращаться.

Тема пространства и его освоения раскрывается в творчестве Забугина и Помпония в нескольких проекциях. Помпоний интересуется Забугина прежде всего в смысле описания реального путешествия по тем территориям, которые много позже стали частью Российской Империи, но также, что важно, путешествия ментального – исследователя волнует проблема реконструируемого исторического пространства.

Своеобразный исторический нарратив Помпония складывался из комментирования классических сочинений, в лекциях и учебных материалах, в своего рода путешествии по страницам сочинений древних авторов. Точно так же описания, содержащиеся в книге Забугина относительно путешествия в земли скифов и комментарии, сделанные как бы от лица Помпония Лэта – это реконструкция, полная особой поэтики, своеобразное сочинение, а не собственно перевод какого-либо одного готового и цитируемого источника.

Помпоний – превосходный материал для пояснения того, что в историографии принято называть ренессансной биографией. Даже само имя гуманиста служило поводом упрекнуть его в симпатиях к языческой культуре, в приверженности паганизму (вплоть до смены имени и принятия псевдонима)⁷, Однако есть основания утверждать, что Юлий Помпоний Лэт получил такое «римское» и несколько помпезное имя при крещении, В.Н. Забугин сразу же раскрывает эту тему в своем труде⁸. Имелись святые с подобным «классическим» именем в церковном

интересы так: «Объемистый труд, издаваемый в Италии, дает, по мере возможности исчерпывающий анализ источников, по каким возможно судить о жизни и деятельности главы римской Академии и учеников его. Первый том посвящен почти исключительно разбору фактов, из которых слагается запутанная история разгрома первой академии и процессов 1468-69 г., второй исследует сохранившиеся труды и памятники университетского преподавания Лэта... Третий будет посвящен второй Академии...» (там же. С. V-VI). Публикация же на русском языке должна была воплотиться в гораздо меньшем объеме, что предусматривало отбор тем изложения, но также и вместить вновь обнаруженные материалы, касающиеся юридической стороны дела академиков и описания «Скифии».

⁷ Когда круг единомышленников Помпония, первых «академиков» подвергся преследованиям, доносчики утверждали, что они «насмехаясь над Богом и святыми... стыдились своих христианских имен и потому меняли их на «академическая и эпикурейская». Забугин 2014. С. 52.

⁸ Забугин 2014. С. 2-3.

календаре, современном рождению будущего академика. Так, например, в Неаполе, в пору Поздней Античности епископом был некий Помпоний, и такие имена не были исключениями. Соответственно и крестивший младенца священник не имел оснований не нарекать его этим именем. В дальнейшем имя «Помпоний» официально фигурирует в сохранившихся бытовых документах жизни гуманиста, в расписках, в документации связанной с покупкой дома в Риме, куда отправился юный Лэт – все это подробно перечисляет Забугин на самых первых страницах русского издания. В более поздних материалах судебного процесса 1468–1469 г. над приверженцем свободомыслия присутствует уточнение и имени, и статуса: «Помпоний-римлянин»; запрос на арест гуманиста именно в такой форме поступил из папской курии⁹.

Возможно, своеобразие имени вызвано было еще и тем обстоятельством, что Помпоний был *filius naturalis* т.е. не законным сыном и наследником благородного семейства, где имена дедов и прадедов передавались новорожденным мальчикам. Таким побочным детям, как Юлий Помпоний, чаще давались цветистые необычные имена. Он был бастардом, хотя и милостиво принятым в доме своего благородного отца, наследника славного луканского рода. Неудивительно, что, пусть и не брошенный на произвол судьбы, но ощущавший шаткость своего положения в нобильской среде юный Юлий Помпоний счел сомнительной для себя возможность привлекательной карьеры в тех местах, где родился. Вместо воинской службы и занятий, обычных для законных отпрысков местной знати, Юлий Помпоний Лэт увлекся наукой, прежде всего, чтением классиков, гуманитарным образованием, и это пристрастие определило всю его жизнь. После смерти родителя он вскоре покинул дом, опасаясь злобы мачехи – законной супруги своего отца, а также всей ее могущественной родни¹⁰.

Какие же последствия повлекло за собой то, что молодой человек бросил родные места, отказавшись (на каких-то приемлемых условиях и при разумных отступных) от доли отцовского наследства? Сначала жизнь юного беглеца была трудной. Этот решительный шаг, тем не менее, оказался мудрым вдвойне: спустя годы после переселения в Рим, когда гуманист утвердился уже в качестве уважаемого, пусть и не самого богатого гражданина римской коммуны, в статусе профессора и лектора в Вечном городе, знатная южная родня Юлия Помпония ввязалась в конфликт с центральной властью. В результате главный законный наследник рода чудом не погиб в этом противоборстве, а спасся только потому, что, в свой черед, бежал из родных мест и окончил дни бедным изгнанником. В это время тот бедный родственник знатного

⁹ Забугин 2014. С. 36.

¹⁰ Там же. С. 4-5.

рода, которому суждено было стать сиротой и чужестранцем, достиг прочного положения в Риме, благоденствия и процветания. Такое сравнение судьбы Помпония и его знатной родни имелось в надгробной речи, произнесенной одним из верных учеников, прославлявших гуманиста Помпония Лэта, что особо отмечается в сочинении Забугина¹¹.

Переселение в Рим не означало полного разрыва с малой родиной, Помпоний поддерживал связь с неаполитанскими гуманистами и интересовался древностями юга, причем не только классическими, античными, но и средневековыми¹². Увековечено и окружено вниманием имя гуманиста было и благодаря созданию, согласно духу эпохи, вольных собраний ученых-гуманистов, которые назывались академиями. Такое интеллектуальное братство возникло в Риме, а во главе его встал Помпоний. Ученики и последователи появились и благодаря его живой манере читать лекции и комментировать классических авторов в Римской Сапиенце, и готовности давать увлекательные частные уроки любознательным юношам. И академия, и преподавательская карьера, в определенный момент навлекли наветы и подозрения на гуманиста, что могло окончиться самым печальным образом. Но буря миновала, и Помпоний оставался, к вящей славы Сапиенцы, ее профессором почти тридцать лет. Стал в свое время преподавателем университета Рима и биограф Помпония Лэта, русский ученый В.Н. Забугин.

Помпоний был главой объединения интеллектуалов Рима, которое, хотя и отличалось большим свободомыслием, первоначально имело высоких покровителей. Затем в 1468 г., за те же вольнолюбивые идеи Помпоний был обвинен в самых серьезных проступках: в свободомыслии, пороках и непослушании церкви, даже в покушении на папу римского¹³. Пункты обвинения «академического дела» Ренессанса, процесс 1468-69 г., фигурантами которого были именитые интеллектуалы того времени, и их стратегии защиты дают много интересного материала для реконструкции ренессансной биографии и понимания специфики ренессансного частного и публичного пространства. Здесь также у Забугина ярко обозначена тема пространства *sensu stricto*, т.е. перемены в судьбе гуманиста четко связываются с передвижениями, переселениями, вехи интеллектуальной биографии маркируются определенными местами и краями. Эти перемещения гуманиста по Италии и последствия его странствий интересны и нам, читателям, и, видимо, самому Забугину, подверженному той же судьбе странника. Но еще

¹¹ Забугин 1914. С. 6-7.

¹² Там же. С. 12-13. Однако в Римском архиве в документе, составленном в 1479 г. Юлий Помпоний назван гражданином и жителем Рима (с. 13, nota 59).

¹³ Обвинения касались того, что академики «ели мясо Великим постом, по пятницам и субботам, никогда не ходили к обедне, говорили, что Св. Франциск был ханжей, издевались над другими святыми». Там же. С. 51-52.

более интересны исследователю приметы путешествия Помпония по Скифии и Сарматии, а также описания этих земель (полуфантастические, опирающиеся не только на личный опыт, но на достаточно фантазийную традицию упоминания этих мест у классических авторов).

История с географией в личном опыте Помпония развивалась так: уже освоившийся в Риме уроженец юга, но не получивший твердого достатка в Вечном городе, решил отправиться дальше на север и восток итальянских земель, где находилась Светлейшая Республика Венеция, Серениссима, которая со стороны казалась ему оплотом свободолюбия и учености. Поначалу дела шли хорошо, Помпоний свел знакомства с лучшими венецианскими семействами, был принят в их домах, получил выгодные частные уроки. Гуманист оставил первоначальный план греческого путешествия и наслаждался тем, как прекрасна Серениссима, и как благоволят здесь к нему фортуна. На освоение этого нового пространства со своими законами и обычаями ушло более двух лет.

Затем, в Венецию стали приходиться письма от друга, свидетельствующие о том, что в Риме бушует буря папского гнева против круга гуманистов. Это изумило Помпония, ведь он до определенного времени был уверен, что ничем не обидел папский двор и могущественных кардиналов, ничем не заслужил опалу, следовательно, и опасаться нечего. Как пишет Забугин в третьей части своей русской книги о Помпонии: «Гуманист, все-таки, еще не представлял себе всей серьезности положения, и “в сердцах” ответил своему корреспонденту, что он-де в свободной стране, дружит со знатью, и что “венецианцы терпеть не могут попов”»¹⁴. Этот злой отзыв скрыть не удалось и такие слова гуманиста, разумеется, были на руку его обвинителям. Теперь даже и свободолюбие Светлейшей республики не спасет ученого от гнева папской курии.

Далее исследователь передает историю злключения Помпония так: «Пока шла эта переписка, и пока Помпоний был во власти злобы, Павел II отправил в Венецию брeve, прося выдать римскому правительству Помпония-римлянина». Вместе с брeve папы «Совету Десяти было прочитано письмо венецианского посла при Св. Престоле Петра Морозини, находившегося в Риме». Забугин указывает, что «Морозини поддерживал просьбу папы, и что сам Павел II, кроме брeve, послал письмо (обвинявшее Помпония в порочной жизни). Когда Совету Десяти было доложено об этом деле, Помпоний оказался в тюрьме Св. Марка. Забугин указывает, что «венецианское правительство» вело свое расследование на основании отобранных у гуманиста записей и «непристойной» книги, писанной его собственной рукой»¹⁵. Далее декорации меняются очень быстро: Помпоний – арестант, которому грозит не одно рассле-

¹⁴ Там же. С. 36. См. также ссылки № 59-61.

¹⁵ Там же. С. 36-41.

дование, а целый ряд обвинений, причем Светлейшая Республика, вместо «ненависти к попам» демонстрирует подозрительность и беспощадность в отношении гуманиста. Обвинения, выдвинутые от имени венецианской республики против ученого, прожившего в Венеции уже около трех лет, представляли собой опасность большую, чем та, которая исходила из Рима, поэтому, оказавшись во власти папского дознания оказалось меньшим злом. Арестованного морским путем отправили в Папскую область, через Анкону. Помпоний следует в Рим под стражей (при этом на этапирование отпустили достаточно значимые деньги, а сопровождал обвиняемого человек из числа сочувствующих гуманистам и академии – тот добросовестно выполнил приказ, но не причинил зла арестанту). И вот Помпоний снова в Вечном городе, но не в Сапиенце, не в кругу знатоков классических текстов, а в страшном, неприступном замке Св. Ангела (бывшем античном *Mausoleum Hadriani*, хотя вряд ли несчастный размышлял в тот момент о судьбах наследия Поздней Античности). Далее в монографии Забугина снова голос исследователя начала XX века накладывается на голос из более отдаленного прошлого. В книге вообще часто прямой речью цитируется Помпоний, при этом мы имеем дело с пространством исторического действия, которое сложным образом реконструируется Забугиным: «Сам будущий библиотекарь Сикста IV очень картинно описывает допрос и пытку, сводившуюся, к вздергиванию на веревке¹⁶. Допросы и пытки продолжаются долго; наконец, обвинения в заговоре против папы снимаются. Изнуренного подследственного отпускают даже с некоторой денежной компенсацией, освобожденный получает в награду и положение, о котором давно мечтал: он «к общему удовольствию получил место в римской Сапиенце, и сохранил его около двадцати восьми лет».

Дороги снова и снова приводят Помпония в Рим. После долгих и драматических испытаний гуманист был оправдан и вернул себе папскую милость (вместе с выплатой давно задерживаемого профессорского жалования университета Сапиенца). В этом университете он прочтет множество лекций, в которых история будет переплетаться с географией и топонимикой – как их понимали в век Возрождения, он напишет сочинения, в которых пространства предстают главным актором.

Если историю жизни академика Помпония рассматривать сквозь призму пространственных характеристик, то названы должны быть не только Неаполь, Венеция, Рим, но и те воссозданные миры, которые касаются больше воображения и эрудиции ученого эпохи Кватроченто, комментирования классиков, чем его реальных поездок из Италии за Альпы. Со своей стороны, Владимир Забугин, исследователь интеллек-

---

¹⁶ «палачи готовятся к делу и приводят в порядок свои орудия. Меня раздевают, истязают и мучают, как разбойника с большой дороги». Там же. С. 44.

туальной биографии Юлия Помпония Лэта, прочерчивает сквозь время контуры пространств и миров, которые осмыслил герой его научных трудов. В этом двойном ментальном усилии – гуманиста XV столетия и ученого XX века – раскрываются миры воображаемой Скифии и Сарматии, притом в реальных землях, которые так именовались. Помпоний мог быть там только раз в 1479-80 г., и Забугин предполагает, что его герой, покинув Италию проделал путь от Польши до Черного моря¹⁷. Очень многое и в заметках Помпония Лэта, и в реконструкции Забугина опирается на обширную классическую традицию, и оба комментируют эту традицию с указанием ошибок и поправок. «Данные о том, где собственно был глава Академии, очень скудны; зато его сведения о Скифии и Сарматии обильно вознаграждают нас»¹⁸, – указывает своему русскому читателю Забугин, и в этом нет никакого противоречия.

Скифия и Сарматия с их природным и социальным ландшафтом, даже описания Помпонием животного мира, в том виде, как они присутствуют в монографии Забугина, – часть целостной утопии или социального памфлета, в котором переплетены сведения античных авторов и их стереотипы, представления гуманиста Кватроченто и взгляд историка и филолога, эрудита начала XX столетия. «Скифия огромная страна, обнимавшая в древности значительную часть Германии, находящуюся за рекой Альбой. Сарматия начинается от Одры и тянется до Борисфена... Собственно сарматами теперь являются литовцы и поляки, хотя в Сарматии и живут скифы, но зовут их часто по ошибке вандалами, так как они служили под началом вандальских полководцев. В пределах Сарматии говорят на семи разных языках, из которых наиболее распространен скифский, именуемый русским, а наименее леттонский...» Особо отмечается, что «земля летом обращается в грязь, а зимой промерзает; если бы после таяния снегов не шли дожди, семена бы там не произрастали... Скифские повозки не имеют колес; даже лошади не могут быть подкованы... такая повозка называется сани, она изящна и служит также для поездок по льду»¹⁹. Здесь отчетливо проступают образы «грязи» и «льда», те метафоры описания варварских земель, которые доживают до современной культуры мемов. Однако гуманист Помпоний несколько поправляет поэта античности: «неправда, будто вино замерзает, тут Вергилий преувеличивает». Забугин отмечает, что богатые сведения Помпония и его современников о флоре и фауне базируются на знаниях античности, здесь перемешиваются реальные и мифические звери и птицы, в частности гуманист говорил о белых медведях, белых лисицах и белых воронах, а в упоминании Пом-

---

¹⁷ Там же. С. 71, 74.

¹⁸ Там же. С. 77.

¹⁹ Там же. С. 77-78, 84.

пония о «змеиных зубах, по виду вроде слоновьих клыков» Забугин видит указание на находки бивней мамонтов²⁰.

Наиболее пространны описания бобров. Забугин считает этот рассказ важным. Но это так не только потому, что рассказ о бобрах подробен и представлен в трех редакциях: в лекциях по Вергилию и двух разных курсах и комментариях. Данный экскурс Помпония – некое подобие утопии, разбор почти социальной иерархии, которая царит в животном мире. Не так важно, идет ли речь о воображаемой иерархии или реально подмеченных моментах доминирования. «У бобров три породы: крестьяне, знатные и властелины: они отличаются по цвету меха... у крестьян обыкновенно спина без волос и уши ободраны, их рыжий мех очень дешев. Знать чёрно-бурого цвета; этот мех ценен. “Властелины”, которых редко ловят, совсем черные... Если властелин попадает в руки охотников, то народ впадает в печаль и выражает ее походкой и обличем». Такие властелины показываются только в сопровождении подданных, целого стада, и они же распределяют собранные по их приказу трудом крестьян запасы. Техника сбора запасов в бобровом царстве описывается разным образом в лекциях по Варрону и в комментариях к Георгикам, а также указывается, что животное это «умно и чистоплотно, и чем благороднее, тем благовоспитаннее»²¹. Завершается экскурс в бобровый мир пассажем о том, что скифы считают лакомством бобровый хвост, и на него смотрят как на постное блюдо.

Так совершается переход от описания животного мира и мира птиц к описанию населения, нравов и обычаев местных обитателей, при всем внимании к которым, первым делом, Забугин указывает, что гуманист, явно «отделяет Скифию от Сарматии, т.е. Русь от Польши»²². Подчеркивается Забугиным и то, что Помпоний концентрирует внимание на описании Скифии. Весьма важно для конструирования скифского пространства (по Забугину, интерпретирующему гуманиста) было то, что путешественник попал сюда, на славянский восток именно в период последних свидетельств власти Орды, уже ослабленных, почти изжитых. В результате, в лекциях и комментариях к Вергилию рождается удивительная формула скифской свободы: «Скифы свободны, и Императоры их называются Императорами свободы»²³.

Таким, по Забугину, было описание Скифии, которое «можно извлечь из отрывков, разбросанных по лекциям Помпония»²⁴. Своеобразие «заметок» Помпония (это слово отмечено кавычками в монографии

---

²⁰ Там же. С. 91-92.

²¹ Там же. С. 94-95.

²² Там же. С. 97.

²³ Там же. С. 98.

²⁴ Там же. С. 85.

1914 г.), заставляет Забугина задуматься, насколько фрагментарность и избирательность являются следствием неполноты опыта путешественника и насколько зависят от стилистических особенностей построения текста. Забугину были известны и другие примеры реконструирования пространств Помпонием, но без личного непосредственного опыта, который играл значимую роль в описании Скифии²⁵. Для исследователя между этими ментальными опытами была существенная разница.

Образ Скифии Помпония – это, по выражению Забугина, то, что можно «извлечь из известных ныне рукописей и печатных комментариев». Синтетический образ реконструируется по фрагментам сложной техникой, ключевые слова здесь комментариев и фрагмент. При этом у возникающего текста, описывающего пространство, несколько авторов, начиная от писателей времен римской античности и заканчивая русским ученым XX века, который завершает цикл превращений и переработок, точнее – не завершает, а дает нам возможность продолжить эту цепь построений и отражений дальше.

Свою роль и задачи по отношению к наследию гуманиста Забугин видел двояко: реконструкция мира первых академий, изучение трудов Помпония и представителей его школы служит для понимания «духа эпохи и психологии гуманистического движения». Вместе с тем эта вовлеченность в опыт жизни и мысли гуманиста Кватроченто передавала стремление «практически осветить пользу выбора русскими работниками на почве всеобщей истории тем, могущих двинуть вперед знание прошлых судеб их родины»²⁶. Обе цели были связаны с попыткой увидеть целостное культурно-историческое пространство – Италии Возрождения или же России в истории, через кристалл частного и фрагментарного исследовательского опыта. Такие задачи связаны также с реконструированием идеи культурного ареала, с изучением истории пространства. Поэтому и опыт взаимодействия одного из последних историков, сформированных академической культурой Российской империи, с наследием римского академика Кватроченто требует изучения через категории культуры, истории пространств и интеллектуальной истории. Здесь имеется в виду не история пространства в техническом смысле – в смысле воссоздания картины передвижений гуманиста и его сотоварищей по Италии или вне Италии. Эта работа призвана обозначить тему пространственной истории в контексте интеллектуальной биографии и истории ментальностей, проблему фрагмента и целостности, тему диалога культур.

---

²⁵ «Есть еще кое-какие заметки, касающиеся далеких стран Азии, деревьев Индии... Но это уже чисто книжные, античные сведения, которые наш гуманист почерпнул у себя дома...». Забугин 2014. С. 101.

²⁶ Забугин 2014. С. 194.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Забугин В. Юлий Помпоний Лэт. СПб.1914.
 Лоуэнталь Д. Прошлое - чужая страна. М. 2004
 Репина Л.П. Историческая культура как предмет исследования // История и память: историческая культура Европы до начала нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. С. 5-18.
 Селунская Н. А. «Своя» и «чужая» история: историки-медиевисты между мировыми войнами и социальными потрясениями // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 62-90.
 Филиппов А.Ф. Конструирование прошлого в контексте коммуникации: теоретическая логика социологического подхода // Феномен прошлого / Отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 96-120.

REFERENCES

- Filippov A.F. Konstruirovaniye proshlogo v kontekste kommunikatsii: teoreticheskaya logika sotsiologicheskogo podkhoda // Fenomen proshlogo / Отв. red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletayev. M.: Izd. dom GU VShE, 2005. S. 96-120.
 Lowental D. Proshloe - chuzhaya strana. M., 2004.
 Repina L.P. Istoricheskaya kul'tura kak predmet issledovaniya // Istoriya i pamyat': istoricheskaya kul'tura Evropy do nachala novogo vremeni / Pod red. L.P. Repinoy. M.: Krug, 2006. S. 5-18.
 Selunskaya N. A. «Svoja» i «chuzhaja» istoriya: istoriki-medievisty mezhdru mirovymi voynami i social'nymi potrjaseniyami // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 55. S. 62-90.
 Zabughin V. Julyiy Pomponii Let. SPb.1914.

Селунская Надежда Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; liquidmodernity@gmail.com

Alien country of the past, or history with geography Pomponius Let and Vladimir Zabugin

The theme of reconstructing historical space in the intellectual search for historians of the past is combined with the problem of the possibilities of cultural contact and their mutual reflection. "The past is a foreign country", in different centuries, intellectuals, historians, humanities, studying world history, build a double or triple image of the "other": the image of the past in general as a foreign country, the image of the studied foreign land, country, people), and also appropriate or deny the "alien" image of history. The article reveals the intellectual biographies of two prominent personalities - representatives of the Italian Renaissance and the Silver Age of Russia. Historian and philologist V.N. Zabugin, a prominent figure in Russian emigration to Italy, devoted his life to the only Italian humanist who visited the southern regions of Russia - Julius Pomponius Let. A graduate of the University of St. Petersburg became an assistant professor at the University of Rome, the center of knowledge to which the humanist Pomponius gave so much strength and knowledge during the Renaissance. The theme of space and its development is revealed in several projections in the works of both Zabugin and Pomponius Let – in the sense of a real journey, but also – more importantly – a journey of mental, historical reconstruction.

Keywords: intellectual history, intellectual biography, spatial turn, Italian studies, emigration, Russia in the world

Nadezhda Selounskaya, PhD in History, senior research fellow, Centre for Intellectual History, Institute of World History (RAS); liquidmodernity@gmail.com

А. А. КУЗНЕЦОВ

СЛАГАЕМЫЕ «ГЕОГРАФИЧЕСКОГО КРУГОЗОРА»
СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ
опыт реконструкции по материалам биографий
С. И. Архангельского и Н. П. Соколова

В статье предпринята попытка выявить ключевые компоненты географических познаний двух советских специалистов по зарубежной истории С.И. Архангельского и Н.П. Соколова, складывавшиеся на пересечении самых разных факторов и практик – детских лет, проведенных в «глубокой» провинции, обучения в региональных центрах и столичных университетах, опыта длительных и краткосрочных путешествий по России и Европе, работы в вузах «закрытого» советского города, переписки с отечественными и зарубежными корреспондентами и т.д. Особое внимание уделено выбору базовых исследовательских тем, географические рамки которых существенно различались на отдельных этапах интеллектуальной биографии ученых.

Ключевые слова: С.И. Архангельский, Н.П. Соколов, пространство, географический кругозор, Английская буржуазная революция, история Венеции, локальный метод

Сергей Иванович Архангельский (1882–1958) и Николай Петрович Соколов (1890–1979) – два историка, заложившие основы нижегородской (горьковской) исторической школы. С.И. Архангельский оставил труды по нижегородской локальной истории, истории средневековой Флоренции, аграрному законодательству Английской буржуазной революции, внешней политике протектората Оливера Кромвеля. Н.П. Соколов защитил кандидатскую диссертацию о Тюрго, последующие труды и докторская диссертация были посвящены истории складывания Венецианской империи и её отношениям с Византией, а в конце жизни в его научном творчестве проявилась проблематика поздней античности.

Именно эти два учёных заложили в Горьком (Нижем Новгороде) традиции постижения всеобщей истории: Архангельский начал этот процесс, определил его направление, после его кончины Соколов укрепил эти достижения. В условиях советской самоизоляции, разрыва преемственности со «старой» научной школой, проблемы занятия всеобщей истории (доступ и умение работать с источниками, знание современной историографии) компенсировались за счёт накопленных в академической традиции Российской империи схолярных практик исследования. Научный кругозор двух историков определялся воспитанием, образованием и высокой внутренней культурой. Проецирование этих качеств на опыт провинциальных учёных советской эпохи позволит поставить проблему внутренней природы и импульсов их научного творчества¹.

---

¹ Отметим дефицит источников по биографии Н.П. Соколова, обусловленный тем, что в конце жизни он сознательно уничтожил личные документы, и в хранилищах

Оба историка – нижегородские уроженцы. Архангельский, хоть и появился на свет в Нижнем Новгороде, но, подобно П.И. Мельникову (Андрею Печерскому), с детства был связан с заволжским старообрядческим, при Керженце, Семёновым. Округу Семёнова П.И. Мельников воспел в романе «В лесах». Там находился его родовой дом, там жили родственники рано умершей матери. Параллель с Мельниковым как историком ощущалась Архангельским: он посвятил ему несколько статей. Научный интерес к Семёнову тоже проявился в исследованиях 1920-х гг. Он подогревался эмоциональным отношением. В 1901 г. Архангельский писал: ««Я люблю природу Семенова его окрестности... люблю его сосновые и еловые леса, люблю то поле – знаете, которое тянется от Семенова по направлению к деревушке Васильеву»².

Окончив с отличием Нижегородский Александровский дворянский институт, Архангельский в 1900 г. поступил в Московский университет. Перед поступлением он должен был выбрать между Московским и Петербургским университетами: «масса молодежи окончившей средние школы Н. Новгорода, направлялась учиться в Москву и Петербург. Приезжая на зимние и летние каникулы в Нижний Новгород студенты и курсистки делились на два землячества – московское и петербургское»³. В Москве он жил на съёмных квартирах. Вот адрес одной из них: «Большая Бронная, Большой Козинский переулок, дом Тихомировой, квартира №18»⁴. В 1902 г. за участие в студенческой сходке Архангельский был временно исключён из университета, затем восстановился. С 1900 по 1907 г. Архангельский, кроме Москвы и её библиотек, успел побывать в Греции и Турции (сам он в советской анкете писал: «1904 г. 2 месяца был в Греции, в Афинах, Коринфе, Дельфах, Олимпии и в Турции, в Константинополе и Смирне с научной целью (изучение археологии и искусства др. Греции)»⁵), а также в Тамбове и Тамбовской губернии, где жили родственники невесты (жены). С 1907 г. Архангельский укоренился в Нижнем Новгороде и начал преподавать в гимназиях русскую словесность и историю. 1 ноября 1908 г. С.И. Архангельский был принят в состав Нижегородской губернской учёной архивной комиссии (НГУАК), а также находился, как сказали бы сейчас, в заочной аспирантуре Московского университета.

Музея Нижегородского государственного университета и нижегородских архивов чудом сохранились разрозненные материалы. Поэтому информация о его жизненном и творческом пути черпается, в основном, из воспоминаний его учеников, передачи ими слов и суждений мэтра. Биографический очерк о Н.П. Соколове был написан его коллегой, а также учеником. – Кузнецов, Меженин 1988.

² Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 6299. Оп. 1. Д. 81. Л. 1об.

³ Архангельский 2016. С. 48–49.

⁴ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 81. Л. 3.

⁵ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 61.

Н.П. Соколов же родился в селе Мармыжи Княгининского уезда (ныне Перевозский район) Нижегородской губернии (ныне области); после местной приходской школы учился в Арзамасском духовном училище, а в Нижнем Новгороде оказался лишь в 1906 г., где и проходил 4-хлетний курс Нижегородской духовной семинарии.

В 1907–1910 гг. С.И. Архангельский и Н.П. Соколов не были знакомы. Нижний Новгород той поры был большим и шумным городом, с обилием церквей. Уже ходили первые трамваи. Волга, в которую впадала Ока, судя по фотографиям М.П. Дмитриева и А.О. Карелина, была заполнена разными судами. На левом берегу Оки каждое лето шумела ярмарка. Восточнее её располагался железнодорожный вокзал. В городе были купеческие и банковские конторы, гимназии, реальные училища, открывались новые библиотеки. Не хватало только своего университета.

В 1910 г. Н.П. Соколов покинул Нижний Новгород, решив посвятить жизнь исторической науке, он уехал в Нежин и поступил в Историко-Филологический институт кн. Безбородько, где проучился 4 года. Нежин, живописно расположившийся на берегу реки Осётр, должен был впечатлить нижегородца, до этого выдавшего Арзамас с рекой Тёшой и Нижний Новгород на величественном месте впадения Оки в Волгу, иным укладом жизни и вписанностью в малорусский ландшафт городской застройки. Не мог не поразить студента и большой графский парк XVIII в. с его аллеями⁶. Из Нежина он ездил в Киев, знакомился с достопримечательностями и посещал театры⁷. В июле–августе 1913 г. он побывал в Эльзасе-Лотарингии, где совершенствовал немецкий и французский (кроме этой поездки, упоминаемой в большинстве текстов о Соколове, имеется непроверяемое сведение о визите тогда же в Швейцарию⁸; ещё в одних воспоминаниях, со слов Соколова, поездка датировалась 1911 г.⁹, что объяснимо неточностью передачи из-за временной дистанции высказывания самого учёного и фиксацией меморий)¹⁰.

По окончании института в июне 1914 г. Соколов был назначен преподавателем реального училища Карла Мая в Петербурге «с одновременным прикомандированием к... университету по кафедре новой истории для подготовки к профессорской деятельности»¹¹. В то время Школа Карла Мая располагалась в здании на 14-й линии Васильевского острова. Итак, соприкоснувшись с миром столичного высшего исторического образования, Соколов тоже оказался в средней школе. И если

⁶ Посещал Соколов и дома нежинцев, поскольку давал частные уроки их детям. – Меженин, Кузнецов 1996. С. 167.

⁷ Кузнецов, Меженин 1988. С. 128.

⁸ Меженин, Кузнецов 1996. С. 168.

⁹ Капранов 2005. С. 111.

¹⁰ Фионова 1990. С. 4.

¹¹ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

Архангельский учил в провинциальной гимназии преимущественно девушек, то Соколов в Петрограде преподавал у юношей. Архангельский в это же время числился в заочной магистратуре Московского университета, а Соколов – магистрантом в Петербургском университете у Н.И. Кареева, М.И. Ростовцева, С.Ф. Платонова и И.М. Гревса.

Ситуация изменилась в 1917 г. Соколов, искавший подработки, устроился на службу при Временном правительстве, делал обзоры зарубежной прессы для Министерства иностранных дел. Вечером 25 октября (7 ноября) он вышел из Зимнего Дворца, а затем и вовсе уехал в Нижегородскую губернию. Одной из причин возвращения на родину было бегство референта Временного правительства из-за боязни преследований. Для Н.И. Кареева Н.П. Соколов канул в географическое небытие: «...еще очень дельный и работающий, хорошо подготовленный к научной деятельности Ник. Петр. Соколов. Он, собственно, не был петербургским студентом, а... был прикомандирован к нашему университету, избрав для своих занятий руководство мое и И.М. Гревса. Когда окончился срок его прикомандирования, он уехал на родину, и что с ним случилось, мне неизвестно, хотя одно время он и подавал вести о себе. В Соколове я видел тоже будущую научную силу»¹².

С января 1918 г. по июль 1923 г. Соколов учительствовал и заведовал школами в сёлах Сергачского уезда Нижегородской губернии¹³. Так он служил лишь преподаванию Истории, а в научном и бытовом отношении складывалась его своеобразная «робинзопада»: «...история всегда оставалась... любимым предметом. Редкие часы досуга выкраивал... сельский учитель для неё. Почти каждый день он берёт в руки любимые книги, купленные в Нежине или Санкт-Петербурге: иногда утром, а при удачном стечении обстоятельств, ещё час вечером. Немногие находящиеся под рукой книги штудировались детально, “самоиздания” [так!, но, видимо, подразумевалось «самозадания» – А.К.] нарочито усложнялись: перевод с немецкого на французский и наоборот, с греческого на латинский, с латинского на греческий...»¹⁴. В условиях Гражданской войны и тяжёлых последующих лет, чтобы прокормиться Соколов стал заготавливать сено, пахать, заниматься садоводством¹⁵.

Завершение этого этапа жизни Соколова совпало с прекращением преподавания истории в школах (1924 г.)¹⁶. Соколов переключился на принципиально иную деятельность: «В 1923 г. я перешел на работу в по-требкооперацию в г. Ветлугу Горьковской обл. (Нижегор. губ.). В 1927

¹² Кареев 1990. С. 260.

¹³ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2; Фионова 1990. С. 5–6; Меженин, Кузнецов 1996. С. 169.

¹⁴ Меженин, Кузнецов 1996. С. 170.

¹⁵ Там же. С. 170; Фионова 1990. С. 6. Прим. 1.

¹⁶ Фионова 1990. С. 6.

г. из Ветлуги я был переведен в г. Горький, где выполнял обязанности нач[альника] планово-финансового отдела облторготдела»¹⁷. В 1929 г. был образован Нижегородский (в 1932 г. переименован в Горьковский) край, куда, кроме бывшей Нижегородской губернии, вошли Вятка, Мордовия, Чувашия, Удмуртия, Марийская автономная область. В связи с этим Н.П. Соколов побывал на должностях начальников планово-финансового отдела крайснаба и крайторготдела Наркомснаба¹⁸. Надо представить огромный территориально-административный опыт управления планированием и финансами, накопленный Соколовым. Он складывался в годы двух первых пятилеток, период которых начинался тщательным экономическим планированием развития промышленности в стране. Н.П. Соколов должен был прекрасно разбираться в географических нюансах Горьковского края, Горьковской области и Поветлужья.

Архангельский после 1917 г. переместился с уровня преподавания в средних учебных заведениях в только что родившуюся высшую школу Нижнего Новгорода. Этому движению способствовало начало работы гимназического преподавателя С.И. Архангельского в Народном университете, открытом в 1916 г. (на его основе в 1918 г. был создан первый нижегородский государственный вуз – Университет). В 1917 г. Архангельский включился в дело реформирования образования – участвовал в съездах и руководящих органах управления образования. Это смещает его биографическую траекторию в Нижегородский пединститут как таковой (или в составе Нижегородского университета). После 1917 г. Архангельский ездил в Москву или в Тамбов, где его жена ухаживала за больными родителями. Он бывал в разных населённых пунктах губернии с лекциями, и всё прочней привязывался к Нижнему Новгороду и своему дому. В трудные в продовольственном плане годы занимался обеспечением семьи пропитанием. Помогали родственники из Семёнова, там у него также был свой дом и оттуда он привозил запасы на зиму.

Тогда же в творческой жизни Архангельского появилось новое направление. В 1918 г. НГУАК усилиями её руководителя А.Я. Садовского переоформилась в Нижегородскую Археолого-этнографическую комиссию (НАЭК). Целью такой операции были спасение и приумножение наследия НГУАК, но в дальнейшем она не вписалась в политику Советской власти. Архангельского тоже тяготили приемы работы старого поколения нижегородских архивистов. Поэтому в декабре 1924 г. он выступил одним из организаторов на основе Нижегородского педагогического института Нижегородского научного общества по изучению местного края (ННОИМК)¹⁹, подчинявшегося всесоюзным органам кра-

¹⁷ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

¹⁸ Меженин, Кузнецов 1996. С. 171; Фионова 1990. С. 6. Прим. 1.

¹⁹ Год работы Нижегородского научного общества... 1926. С. 7.

еведческого движения (делами ННОИМК Архангельский занимался до 1929 г.). На одном из общих заседаний ННОИМК в 1925 г. Архангельский сделал доклад «Краеведческий метод в науках об обществе», где впервые прозвучало: «Развитие *локального метода* тесно связано с современными заданиями исторической науки»²⁰. Эта идея легла в основание известной статьи С.И. Архангельского «Локальный метод в исторической науке»²¹. Рекомендацию к ее публикации дали акад. С.Ф. Ольденбург и организатор научного краеведения Н.П. Анциферов²².

Как руководитель Исторической секции ННОИМК Архангельский обеспечил её плодотворную работу на 7 заседаниях в 1925 г. В их тематике преобладала революционно-классовая составляющая²³. Архангельский отдал ей дань докладом «1905 год в Н.-Новгороде и прилегающих к нему промышленных районах»²⁴. Ещё один его доклад назывался «Нижегородский ремесленник и его судьбы» и был посвящен изоляции ремесленника от процесса формирования пролетариата²⁵. Эти и другие тексты по данной теме²⁶ были окончательно подытожены в монографии 1950 года «Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв.». В ней он показал региональную специфику формирования нижегородского пролетариата.

В 1926 г. С.И. Архангельский на общем собрании ННОИМК выступил с докладом «VI сессия Центрального Бюро Краеведения», где заострил внимание слушателей на критике узко-прикладного краеведения²⁷. На Исторической секции он сделал сообщение «Симбилейская вотчина Орловых-Давыдовых в конце XVIII и начале XIX века»²⁸ и положил начало исследованию этого нижегородского локуса. В 1927 г. на заседаниях Исторической секции звучали доклады Архангельского «Крестьянское волнение в Семеновском уезде в 1825 г.»²⁹ и «Ранняя культура Нижегородского края (XIII–XV вв.) и ее хозяйственные основы». Историк доказывал роль Волги в деле утверждения в будущем Нижегородском крае производящего хозяйствования, вытеснявшего хозяйствование присваивающее³⁰. В 1929 г. им было опубликовано две работы, связанные с проблемой Волги: рецензия на работу И.А. Шуби-

---

²⁰ Там же. С. 11.

²¹ Архангельский 1927.

²² ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 37. Л. 30, 34.

²³ Год работы Нижегородского научного общества... 1926. С. 15–17.

²⁴ Там же. С. 17. Архангельский 1926а.

²⁵ Год работы Нижегородского научного общества... 1926. С. 15.

²⁶ Архангельский 1924; 1925а; 1925б; 1926б.

²⁷ Второй год работы Нижегородского научного общества... 1928. С. 7.

²⁸ Там же. 1928. С. 27–28.

²⁹ Третий год работы Нижегородского научного общества... 1928. С. 17.

³⁰ Там же. С. 22–23.

на о волжском судоходстве и большая, фундированная источниками и историографией статья о Волжском пути и Нижегородском крае в XIII–XV вв. Текст о Волжском пути стал апробацией локального метода³¹. Предложив теоретическую исследовательскую модель, Архангельский принялся испытывать ее на прикладном материале. В 1920-е гг. он изучал производительные силы Нижегородской губернии: Волга, Заволжье, правобережье Оки и Волги, на 10 лет раньше Соколова набрав опыт изучения социально-экономического Нижегородского локуса.

К концу 1920-х С.И. Архангельский круто поменял “географию” исследований: от «Нижегородики» к Британии. Однако в основе и этого поворота лежал локальный метод. Упор был сделан на изучение аграрного вопроса Английской революции. В 1930-е гг. Архангельский всё более укоренялся в Горьковском государственном педагогическом институте (ГГПИ), там подготовил докторскую диссертацию по истории революционной Англии, стал руководителем Исторического отделения (факультета), определился с новым направлением научного поиска – внешней политикой протектората Оливера Кромвеля.

В 1930-е гг. биографии двух историков пересеклись. В 1934 г. вышло Постановление о восстановлении преподавания истории в школе. а в декабре 1936 г. Горьковский край был разделён на Горьковскую область, Марийскую и Чувашскую АССР. Н.П. Соколов писал в Автобиографии: «С 1936 г. я вернулся к преподавательской работе в средней школе в г. Горьком»³². Ранее не обращалось внимания на совпадение возвращения Соколова в школу и разделения Горьковского края с естественным переустройством всей системы управления. В новой структуре Соколову могло не оказаться места, а также он мог опасаться неизбежных для тех лет проверок личных дел и биографий – тогда «вспыли» бы его эсеровское прошлое и служба Временному правительству³³. Хотя сам Соколов в другой Автобиографии 1943 г.³⁴ указывал: «С конца 1934 г. преподавание истории стало восстанавливаться как в средней, так и высшей школе; но мне уже было трудно вырваться с места моей новой работы, т.к. за 10 лет приобрел некоторые познания в области экономических наук и имел ряд печатных работ в этой области. Это заставило меня “самовольно” перейти в школу № 25 Ждановского района в 1936 г. в качестве преподавателя истории. Здесь я прошел аттестацию и получил звание учителя средней школы этого предмета», – вопрос в том, что он ещё мог привести в качестве мотива своего крутого поворота в анке-

³¹ Архангельский. 1929. С. 127.

³² ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 2.

³³ Общавшийся с Н.П. Соколовым А.Я. Левин считает, что по этой причине Соколов уехал из революционного Петрограда и «отсиживался» в Нижегородской провинции. См.: Не подводя итоги... 2011. С. 94.

³⁴ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 85. Л. 3.

те первой половины 1940-х гг. Вероятно, что тогда на жизненный путь Соколова повлияли сошедшие в одной точке восстановление истории как школьной дисциплины и административно-организационные перипетии в Горьковском крае и Горьковской области.

В конце 1930-х произошла встреча Н.П. Соколова и С.И. Архангельского. В письме Архангельскому историк С.Н. Чернов (1887–1941 (1942)) вспомнил уговоры лета 1939 г.: «Помню, что Вы... хотели получить от меня заверение, что в 1939–40 г. я буду преподавать в Горьком. Помню, Вы даже привлекли к беседе об этом Вашего славного завуча»³⁵. Этим завучем был Н.П. Соколов. Дело в том, что Чернов учился, как и Соколов, в магистратуре у С.Ф. Платонова в 1912 г. Тогда он, как и Соколов, преподавал в петербургских гимназиях. Это географическое совпадение и пытался использовать С.И. Архангельский.

Н.П. Соколов с 1940/1941 учеб. года по совместительству стал руководить педагогической практикой студентов ГППИ, где С.И. Архангельский руководил Историческим отделением. В июле 1942 г. Соколов обратился к Архангельскому с предложением своих услуг как преподавателя по кафедре всеобщей истории³⁶. с 1942/1943 учеб. года Соколов начал свою деятельность в высшей школе г. Горького. В 1943 г. он защитил в Казани диссертацию, посвящённую философским и историческим взглядам Тюрго. А в 1943/44 гг. изменился и географический вектор исследований Соколова: от Франции он переместился к Средиземью, а именно к Венеции и ее отношениям с Византией. В основе этого движения – призыв Е.А. Косминского к С.И. Архангельскому в 1943 и 1944 гг.: «Образовалась еще группа по ист. Византии. Есть ли в Горьком люди, занимающиеся этими вопросами? Сообщите, пожалуйста»; «Очень прошу Вас поговорить с Н.П. Соколовым. Если его привлекает мысль примкнуть к работе Византийской группы Инст[итута] Ист[ории] АН, сделать доклад на Визант[ийскую] или смежную тему, дать статью; взять перевод первоисточника, то мы будем очень рады»³⁷. В 1946 г. С.И. Архангельский стал первым деканом открытого в Горьковском государственном университете историко-филологического факультета и в числе прочих преподавателей призвал туда Н.П. Соколова.

В 1920–1930-е гг. и Соколов, и Архангельский оказались прочно привязанными к Нижнему Новгороду (Горькому). Отсюда они потом будут выезжать: Архангельский – на Кавказ (в отпуск), в санаторий «Узкое» (Подмосковье), в Москву (для работы в библиотеках, архивах, заседаниях Академии Наук СССР, общения с коллегами), в Ленинград (для работы в библиотеках, архивах, общения с коллегами и встреч с

³⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 325. Л. 18.

³⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 292. Л. 1.

³⁷ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 193. Л. 17а.; Д. 201. Л. 162.

семьей сына); а Соколов – в Москву и Ленинград (для работы в архивах, библиотеках, подготовки докторской диссертации).

Н.П. Соколов проживал в доме, расположенном в центре города, на улице Ульянова. На той же улице располагались ГГПИ, где Соколов начинал работу в высшей школе, а с начала 1960-х гг. — историко-филологический факультет госуниверситета. В письме Архангельскому летом 1942 г. сообщается, что Соколов собрался уехать в Катунки. Там у него был дом и участок, где потом он разбил фруктовый сад. В годы Великой Отечественной войны Соколов там огородничал.

О нижегородской укоренённости С.И. Архангельского можно судить по заметке Н.П. Анциферова в связи с совместным с И.М. Гревсом путешествием по древнерусским городам в 1925 г.: «Н[ижний] Новгород. ...Побывали у историка Архангельского, который водил нас по стенам Кремля. Очень удачно подвел к ним. Из главной улицы, через закоулок подвел к глубокому оврагу, на дне которого проложена дорога и над которым на холме – стены и башни Кремля, бегущие по изломанным линиям холма»³⁸. Архангельский провёл коллег от Большой Покровской улицы (тогда улицы им. Я.М. Свердлова) мимо Верхнепосадской Никольской церкви и одноименного погоста на кромку спуска (того самого глубокого оврага) от нынешней площади Минина к Зеленскому съезду. На другой кромке спуска возвышается участок Кремля, связанный с Никольской башней. Путь через закоулок, использованный Архангельским, существует и ныне, несмотря на застройку в 1930-е гг. на месте уничтоженных старых зданий гостиницы.

С.И. Архангельский проживал в родовом доме (не сохранился) на улице Ошарской (переименованной в улицу Красного милиционера, а после вернувшей прежнее название). Сейчас участок, где некогда стоял дом Архангельского, относится к центральной части города. Но вплоть до смерти историка это была окраина, что зафиксировал в своём романе Н.И. Кочин, в 1920-е гг учившийся у С.И. Архангельского: «Профессор заметил рвение Пахарева и пригласил его к себе. *Деревянный домик на окраине города* был весь завален книгами и заставлен цветами»³⁹. Этот дом Архангельский сумел де факто сохранить за собой, несмотря на все конфискации, уплотнения. Родовое гнездо в Семёнове отстоять не удалось, а, может быть, он этого не хотел. Согласно недавно выясненным обстоятельствам, дед и отец историка – Андрей Павлович и Иван Андреевич Архангельские – сделали карьеру в Семёновском уезде, добившись дворянства и подтвердив его потом. Иван Андреевич успел

---

³⁸ «Все это краеведы-энтузиасты ...полные благородства и гордости старинной». Заметки Н.П. Анциферова о поездке с И.М. Гревсом по древнерусским городам в 1925 г. 2017. С. 96.

³⁹ Кочин 2012. С. 53.

послужить на должностях полицейского надзирателя по Семёнову, казначея Семёновского уездного казначейства, а в 1875, 1878, 1882 гг. избирался в заседатели Семёновской дворянской опеки, в 1882 г., подобно отцу, был назначен директором Семёновского уездного попечительного о тюрьмах отделения⁴⁰. Поэтому Сергей Иванович не только «как правило, в биографии писал об окончании просто среднего учебного заведения, избегая упоминать о Нижегородском дворянском институте»⁴¹, но и делал всё, чтобы не всплыло дворянско-полицейское прошлое его отца, а потому, видимо, легко отказался от прав на дом в Семёнове. Дом перестает упоминаться в его личной переписке с конца 1920-х гг. Архангельский в военные годы, чтобы дополнить продовольственное снабжение по карточкам, занимался огородничеством: он имел два участка для посадки картошки: один – сравнительно недалеко от дома, а другой – на левом берегу Волги в Борском районе. Для возделывания борского участка надо было пересекать по мостам Оку, Волгу (возможно, по железной дороге) или пересекать Волгу на пароме.

Если Соколов после 1917 г. устремился в Нижегородскую губернию (и нет данных о том, что он хотел покинуть её), то Архангельский, напротив, рвался из неё. Из его переписки известно, что он цеплялся за любую возможность переехать в Москву или Ленинград и до, и после войны. После избрания в 1946 г. в члены-корреспонденты АН СССР он рассчитывал получить жильё и работу в Москве. Напрасно. За этими попытками стояло, как кажется, стремление быть ближе к академическим центрам страны с их библиотеками, архивами, музеями, ведущими издательствами и средой коллег. Архангельский и не думал, что сам формирует подобную среду в Горьком – своими трудами в области истории, просвещения и организации науки и образования.

В биографических географиях двух историков имеется ещё один (анти-, суб-)культурный топос, от которого русскому человеку советуют не зарекаться. В 1902 г. Архангельский за участие в студенческой сходке был арестован, после суда исключен из университета, отбыл в Нижний Новгород и провел в его тюремном остроге 3 месяца. За год до этого в нижегородском тюремном замке месяц сидел Максим Горький⁴². Наверное, исключенный студент Архангельский мог утешаться этой мыслью. Про опыт изоляции Соколова известно из беседы с его дочерью в 1990 г.: «Однажды, в начале сентября 1938 г., он не вернулся с работы домой, – машина приехала за ним к школе. На допросе потребовали объяснить, какое отношение он имеет к Романовым... Он ответил, что... ему нечего сказать, и после угрозы следователя Кашеева

---

⁴⁰ Кауркин, Кузнецов 2018.

⁴¹ Не подводя итоги... 2011. С. 94.

⁴² Привалова 2017.С. 70–73.

(«У нас скажешь!») добавил, что в средние века инквизиция тоже добивалась признания даже в самом немыслимом, но признание... – ещё не доказательство вины. «Вина» арестованного состояла в том, что у него были серебряные часы (с вензелем великого князя Михаила, – подарок Ф.К. Душкина, награждённого ими в первую мировую войну, – впоследствии участника гражданской войны, большевика, который решил, что беспартийному его товарищу они больше «к лицу»). Кроме того, припомнили немецкую книгу... – подарок немца, ехавшего в одном поезде с Николаем Петровичем из Москвы в 1929 или 1930 году, – нижегородский знаток немецкого не только помог иноземцу объяснить с проводником, но и приютил его на несколько дней у себя»⁴³.

Имеется лишь одно свидетельство о столкновении Н.П. Соколова с советской репрессивной системой. В его автобиографических документах нет упоминаний этой истории, хотя он должен был это указать. А вот С.И. Архангельский в анкетах указывал: «В 1902 году был уволен из университета за участие в студенческом движении»; «Пребывание в университете удлинилось вследствие увольнения из него в 1902 году за участие в студенческом движении и ареста, перешедшего в трехмесячное тюремное заключение». Конечно, разница между тюрьмой царской и тюрьмой советской была огромной. Информацию о советской тюрьме в Горьком Архангельский и Соколов могли узнавать от коллег. В 1938 г. были арестованы историки пединститута В.Д. Зеленцов и А.И. Парусов. Они были освобождены в 1939 г. и могли рассказать о порядках в местах заключения. Кроме того, Архангельский о нравах советской исправительной системы мог знать от жены двоюродного брата Алексея Андреевича Архангельского. От него самого Сергей Иванович в 1933 г. получил описание ареста и высылки в Барнаул⁴⁴. А накануне войны Алексея Андреевича арестовали за неосторожный политический анекдот, рассказанный в чайной. Несмотря на все усилия родных, он был осуждён. О его мытарствах в тюрьмах и лагерях от Волховстроя до Воркуты и поведала его жена в письмах двоюродному деверю. В 1941 г. был арестован и приговорён к 10 годам заключения усыновленный С.И. Архангельским племянник его второй жены Анны Богумиловны, урождённой немки. Немецкое происхождение стало отягчающим обстоятельством и препятствием для освобождения по амнистии, перечеркнувшим надежды Юрия (Георга) Сергеевича Архангельского. В его письмах отцу показаны реалии «перевёрнутого мира» в пересылках, в Кемерово⁴⁵.

Географический опыт обоих историков можно расширить за счёт переписки. Их корреспонденты из разных городов СССР и зарубежья

⁴³ Фионова 1990. С. 6–7. Прим. 2.

⁴⁴ Кузнецов 2011.

⁴⁵ ЦАНО. Ф. 6299. Оп. 1. Д. 85. Л. 50–314.

напрямую и опосредованно создавали образы далёких стран и мест, побывать в которых ни Н.П. Соколов, ни С.И. Архангельский не могли. Родственники Архангельского проживали в Тамбове, Семёнове, Ленинграде, Ставрополе, Пятигорске, Фрунзе (Киргизия). Первые два населённых пункта к концу 1920-х гг. выпали из коммуникативной среды – родственники умерли. Бишкек (Фрунзе) стал, наверное, проклятым городом: там в конце 1943 г. умер родной сын историка Константин. Ещё одна родственная эпистолярная линия связывала Архангельского с Германией. Туда уехала в 1919 г. сестра второй жены Архангельского – Яна Кубэ (именно она оставила своего сына семье Архангельского). В фонде С.И. Архангельского хранится её письмо 1938 г.

Корреспондентами Архангельского были историки, жившие в разных городах. Н.М. Пакуль дал описание пути из Алма-Аты в освобождённый в 1943 г. Харьков и само описание этого разрушенного города⁴⁶. Е.А. Косминский, В.М. Лавровский поведали об эвакуационной повседневности московских историков в Средней Азии, Свердловске⁴⁷. Блокадный Ленинград и его пригороды раскрылись в письмах И.И. Любименко, С.Н. Чернова и др. И.Н. Бороздин, однокурсник Архангельского, писал из Ашхабада и Воронежа. Какой-то свой образ Англии должен был всплывать в сознании историка, когда он получал письма от Кристофера Хилла. Косминский делился в послевоенных письмах впечатлениями о поездках в Армению или Рим на X-й конгресс историков в 1955 г. На этот конгресс собирался поехать С.И. Архангельский. Первоначально чиновники от Академии наук СССР включили его в список делегации, поручили ему написать доклад (что и было сделано). Затем в Москве всё перерешили, и Архангельского исключили из списка, не уведомив его. В августе 1955 г. на вопрос о поездке из Академии наук С.И. Архангельскому ответили отказом.

Вообще, мотив несостоявшегося выезда за границу в судьбах обоих историков актуален. Ещё в студенческие годы они побывали за рубежом и более им это не удавалось. У Соколова в 1917 г., по устным свидетельствам, сорвалась возможность податься консулом в Италию или Швейцарию⁴⁸. Избрание Архангельского в 1946 г. членом-корреспондентом АН СССР позволило многим его коллегам и знакомым считать, что его выпустят в Англию, союзнику СССР в годы Второй Мировой войны, для работы в её архивах и библиотеках. Наверное, и сам Архангельский на это надеялся, но напрасно. Потом не состоялась его поездка в Рим. По итогам этой истории в АН СССР был согласован вопрос о поездке горьковских историков на XI-й конгресс в Стокгольм в 1960 г. Возмож-

⁴⁶ ЦАНО. Ф. 6299. Оп.1. Д. 249. Л. 32–33 об.

⁴⁷ ЦАНО. Ф. 6299. О. 1. Д. 193. Л. 13–15 об.; Д. 201. Л. 149–157.

⁴⁸ Не подводя итоги... 2011. С. 94.

но, так хотели исправить несправедливость в отношении Архангельского. Было принято решение, что поедут он, Н.П. Соколов и В.Т. Илларионов⁴⁹. Однако кончина Архангельского осенью 1958 г. перечеркнула эту поездку и для других членов делегации.

К географическим пространствам Архангельского и Соколова имеет отношение их владение иностранными языками. В Личном листке по учёту кадров об Архангельском написано: «Иностр. языки – итальянский, греческий, латинский – со словарем, английский, французский, немецкий – читает, может объясняться; немецкий – владеет свободно»⁵⁰. Как само собой разумеющееся, мемуаристы отмечают широкое знание Соколовым иностранных языков. Очевидно, это были немецкий, французский, итальянский, английский языки. Также Соколов для занятий по палеографии освоил старофранцузский и средневековый немецкий.

Географические пространства историков замыкались на Горький (Нижний Новгород). Личный их опыт складывался из опыта проживания и посещения Москвы, Ленинграда (Петербурга), Горьковской области и несистематических визитов в курортные места Кавказа, Подмосковья. У каждого было своё место отдохновения: у Архангельского – родовой дом, к Н.П. Соколова – дом в Катунках. Серьёзным уроном для каждого из них стало то, что они не могли выехать за границу. Историкам-всеобщникам нужны были библиотеки и архивы, а так они вынуждены были любыми способами добираться до источников и иностранной литературы в Москве, Ленинграде. Отсюда, быть может, устойчивое желание Архангельского перебраться в Москву или Ленинград. И, очевидно, им недоставало «тактильного» прикосновения к воплощению своей истории – Англии, Средиземноморью (может быть, Соколов при посещении Эльзаса и Лотарингии сумел добраться до Парижа (диссертация о Тюрго). Их заграница осталась до 1917 г. Определённая ирония заключалась в том, что Архангельский в юности посетил те места Средиземноморья, в которых разворачивалась история, которую изучал Соколов. В жизненном опыте обоих учёных, изучавших историю империй, море присутствовало незначительно – с берегов Финского залива и Северного Причерноморья. Такой отрыв исследований прошлого от его реальности мог компенсироваться только знакомством с репродукциями и интеллектуальной визуализацией в сознании историков. Тем более, это обстоятельство актуально, что как личности, как историки Архангельский и Соколов сформировались в до-телевизионную эру, с ограниченными по сегодняшним меркам средствам связи и коммуникаций. В подобных условиях они и писали всеобщую историю в оборонном Горьком и творили историю его исторической науки.

⁴⁹ Архив Российской академии наук. Ф. 1530. Оп. 3. Д. 23. Л. 2–4.

⁵⁰ ЦАНО. Ф. 2734. Оп. 9а. Д. 9. Л. 62.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архангельский С.И. 1905–1906 год в Н.-Новгороде и прилегающем к нему промышленном районе Предисловие //Труды Нижегородского научного общества по изучению местного края. Т. I. Выпуск I. Исторический. Нижний Новгород, 1926а. С. 3–13.
- Архангельский С.И. Возникновение Нижегородского государственного университета и первые 12 лет его существования 1918–1930 // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2016. № 4. С. 48–54.
- Архангельский С.И. Возникновение пролетариата в Павловском промышленном районе // Труд в России. Исторический журнал. Л., 1924. Кн. 1. С. 42–53.
- Архангельский С.И. Волжский водный путь и Нижегородский край в XIII–XV веке// Нижегородский краеведческий сборник. Т. II. Нижний Новгород, 1929. С. 126–145.
- Архангельский С.И. К вопросу о происхождении пролетариата в пределах Нижегородского края // Нижегородский край и его хозяйство. Нижний Новгород, 1925а. С. 143–172.
- Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // Краеведение. 1927. № 2. С. 181–194 (перезд.: Cogito. Альманах истории идей. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д., 2011. С. 432–447).
- Архангельский С.И. Происхождение промышленного пролетариата в Нижегородском крае // Нижегородский край. Ч. III. Нижний Новгород, 1926б. С. 108–137.
- Архангельский С.И. Процесс формирования промышленного пролетариата в Нижнем Новгороде // Труд в России. Л., 1925б. Кн. 2–3. С. 200–210.
- Архив Российской академии наук. Ф. 1530. - личный фонд С.И. Архангельского.
- «Все это краеведы-энтузиасты ...полные благородства и гордости старинной». Заметки Н.П. Андиферова о поездке с И.М. Гревсом по древнерусским городам в 1925 г. // Отечественные архивы. 2017. № 5. С. 85–102.
- Второй год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1926. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1928. 50 с.
- Год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1925. Н.Новгород: Нижполиграф, 1926. 59 с.
- Капранов М.С. Далекое — близкое // Исторический факультет глазами выпускников и сотрудников. Нижний Новгород: б/и, 2005. С. 108–112.
- Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1990. 384 с.
- Кауркин Р.В., Кузнецов А.А. Неизвестные ранее источники по биографии С.И. Архангельского I. Новые данные по генеалогии С.И. Архангельского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 32–37.
- Кочин Н.И. Нижегородский откос. Нижний Новгород: Литера, 2012. 344 с.
- Кузнецов А.А. За малейшее проявление протеста следовала ругань..., ответ, что нужно смотреть на нас как на арестованных, лишенцев" (документ о высылке из Пятигорска в 1933 г.) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып.12. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С.285-292.
- Кузнецов Е.В., Меженин В.М. Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: выдающиеся учёные. Горький: ВВКИ, 1988. С. 127–137.
- Меженин В.М., Кузнецов Е.В. Страницы нижегородской историографии: профессор Н.П. Соколов // Исследования по истории России. Межвузовский сборник научных трудов. Нижний Новгород: Изд-во НГПУ, 1996. С. 165–174.
- Не подводя итоги... (Письмо профессора А.Я. Левина А.А. Кузнецову по поводу его статей, посвященных борьбе с космополитизмом в исторической науке г. Горького и биографии Н.П. Соколова от 28.09.2011) // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени / Под ред. А.Н. Маслова. Нижний Новгород: Пламя, 2011. С. 103–108.
- Привалова Н.И. Биографическая хроника М. Горького. Материалы и исследования нижегородского периода жизни писателя. Нижний Новгород: Бегемот НН, 2017. 176 с.
- Третий год работы Нижегородского научного общества по изучению местного края. 1927. Нижний Новгород: Нижполиграф, 1928. С. 48 с.
- Фионова Н.А. Николай Петрович Соколов. Биобиблиографическая справка. Горький: Изд-во ГГУ, 1990. 16 с.

REFERENCES

- Arhangel'sky S.I. 1905-1906 god v N.-Novgorode i prilgayushem k nemu promyshlennom raione Predislovie //Trudy Nizhegorodskogo nauchnogo obshestva po izucheniyu mestnogo kraya. T. I. Vypusk I. Istoricheskii. Nizhnii Novgorod, 1926a. S. 3-13.
- Arhangel'sky S.I. Vozniknovenie Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta i pervye 12 let ego sushestvovaniya 1918-1930 // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2016. № 4. S. 48-54.
- Arhangel'sky S.I. Vozniknovenie proletariata v Pavlovskom promyshlennom raione // Trud v Rossii. Istoricheskii zhurnal. L., 1924. Kn. 1. S. 42-53.
- Arhangel'sky S.I. Volzhskii vodnyi put' i Nizhegorodskii kraj v XIII-XV veke// Nizhegorodskii kraevedcheskii sbornik. T. II. Nizhnii Novgorod, 1929. S. 126-145.
- Arhangel'sky S.I. K voprosu o proishozhdenii proletariata v predelakh Nizhegorodskogo kraya // Nizhegorodskii kraj i ego hozyaistvo. Nizhnii Novgorod, 1925a. S. 143-172.
- Arhangel'sky S.I. Lokal'nyi metod v istoricheskoi nauke // Kraevedenie. 1927. № 2. S. 181-194/ (pereizd.: Cogito. Al'manah istorii idei. Vyp. 5: Foundation. Rostov-n/D., 2011. S. 432-447).
- Arhangel'sky S.I. Proishozhdenie promyshlennogo proletariata v Nizhegorodskom krae // Nizhegorodskii kraj. Ch. III. Nizhnii Novgorod, 1926b. S. 108-137.
- Arhangel'sky S.I. Process formirovaniya promyshlennogo proletariata v Nizhnem Novgorode // Trud v Rossii. L., 1925b. Kn. 2 □ 3. S. 200-210.
- «Vse eto kraevedy-entuziasty □ polnye blagorodstva i gordosti starinnoi». Zametki N.P. Anciferova o poezdke s I.M. Grevsom po drevnerusskim gorodam v 1925 g. // Otechestvennye arhivy. 2017. № 5. S. 85-102.
- Vtoroi god raboty Nizhegorodskogo nauchnogo obshestva po izucheniyu mestnogo kraya. 1926. Nizhnii Novgorod: Nizhpoligraf, 1928. 50 s.
- God raboty Nizhegorodskogo nauchnogo obshestva po izucheniyu mestnogo kraya. 1925. N.Novgorod: Nizhpoligraf, 1926. 59 s.
- Kapranov M.S. Dalekoe - blizkoe // Istoricheskii fakul'tet glazami vypusnikov i sotrudnikov. Nizhnii Novgorod: b/i. 2005. C. 108-112.
- Kareev N.I. Prozhitoe i perezhitoe. L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1990. 384 s.
- Kaurkin R.V., Kuznetsov A.A. Neizvestnye ranee istochniki po biografii S.I. Arhangel'skogo I. Novye dannye po genealogii S.I. Arhangel'skogo // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 6. S. 32-37.
- Kochin N.I. Nizhegorodskii otkos. Nizhnii Novgorod: Litera, 2012. 344 s.
- Kuznetsov A.A. Za maleishee proyavlenie protesta sledovala rугan'..., otvet, chto nuzhno smotret' na nas kak na arestovannyh, lishencev" (dokument o vysylke iz Pyatigorsk v 1933 g.) // Stavropol'skii al'manah Rossiiskogo obshestva intellektual'noi istorii. Vyp12. Stavropol': Izd-vo SGU, 2011. S.285-292.
- Kuznetsov E.V., Mezhenin V.M. Nikolai Petrovich Sokolov // Gor'kovskii gosudarstvennyi universitet: vydavushiesya uchenye. Gor'kii: VVKI, 1988. S. 127-137.
- Mezhenin V.M., Kuznetsov E.V. Stranicy nizhegorodskoi istoriografii: professor N.P. Sokolov // Issledovaniya po istorii Rossii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnyh trudov. Nizhnii Novgorod: Izd-vo NGPU, 1996. S. 165-174.
- Ne podvodya itogi □ (Pis'mo professora A.Ya. Levina A.A. Kuznetsovu po povodu ego statei, posvyashennyh bor'be s kosmopolitizmom v istoricheskoi nauke g. Gor'kogo i biografii N.P. Sokolova ot 28.09.2011) // Al'manah po istorii Srednih vekov i rannego Novogo vremeni / Pod red. A.N. Maslova. Nizhnii Novgorod: Plamya, 2011. S. 103-108.
- Privalova N.I. Biograficheskaya hronika M. Gor'kogo. Materialy i issledovaniya nizhegorodskogo perioda zhizni pisatelya. Nizhnii Novgorod: Begemot NN, 2017. □ 176 s.
- Tretii god raboty Nizhegorodskogo nauchnogo obshestva po izucheniyu mestnogo kraya. 1927. Nizhnii Novgorod: Nizhpoligraf, 1928. S. 48 s.
- Fionova N.A. Nikolai Petrovich Sokolov. Biobibliograficheskaya spravka. Gor'kii: Izd-vo GGU, 1990. 16 s.

Андрей Александрович Кузнецов, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; nalbuз@mail.ru

**The elements of “geographical horizons” for Soviet historians:
experience of reconstruction basing on the cases of
S. I. Arkhangel’sky and N. P. Sokolov**

The paper manifestates itself the attempt to reconstruct the main characteristics of the so-called “geographical horizons” of two Soviet scholars specialized in studies of the foreign history. The author identifies the key components of S.I. Arkhangel’sky’ and N.P. Sokolov’s geographical knowledges, developed under the influence (or at the intersection) of different factors and practices – childhood spent in the “deep” Russian province, educational training in regional centers and metropolitan universities, experience of long and short travels within Russia and Europe, work in universities of the “closed” Soviet city Gorky, communication with domestic and foreign correspondents, *etc.* Particular attention is paid to the selection of basic research topics, the geographical frameworks of which varied significantly at certain stages of the intellectual biographies of the scholars.

Keywords: S.I. Arkhangel’sky, N.P. Sokolov, geographical space, geographical horizons, the English bourgeois revolution, the history of Venice, the local method

Andrey Kuznetsov, Doctor Hab. in History, Associate professor of Department of Culture and Psychology of Entrepreneurship at the Institute of Economics and Entrepreneurship of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

ВООБРАЖАЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОПЫТ ДРУГОГО

А. В. МАХЛАЮК, К. В. МАРКОВ

ЭЛЕМЕНТЫ ТРАВЕЛОГА В НАРРАТИВНОЙ СТРУКТУРЕ «РИМСКОЙ ИСТОРИИ» КАССИЯ ДИОНА*

В статье рассмотрены автобиографические фрагменты и этногеографические экскурсы, которые могут быть охарактеризованы как «персональная география» историка или своего рода травелог – заметки, описания и сведения, основанные на личном посещении тех или иных мест. Соответствующие пассажи «Римской истории» еще не становились предметом специального анализа как значимая особенность дионовского повествовательного стиля наряду с пристрастием к чудесам, анекдотам и отступлениям новеллистического характера. Там, где это возможно, в связи с общим контекстом повествования или даже вне зависимости от него, Дион не упускает случая не просто указать на свое знакомство с той или иной местностью, но и особо подчеркнуть авторитетность своего знания, основанного на личном опыте.

Ключевые слова: *Кассий Дион, «Римская история», греко-римская историография, нарратив, травелог, имперское пространство, автопсия*

Луция Клавдия Кассия Диона, автора объемной «Римской истории», можно назвать рефлексирующим историком. На страницах своего труда он, подобно Полибию¹, неоднократно обращается к размышлениям о сложностях составления истории, довольно подробно рассказывает о том, как обратился к историческим штудиям и работал над своим сочинением. Дион, очевидно, разделял точку зрения Полибия, который подчеркивал: «...история тогда будет хороша, когда за составление исторических сочинений будут браться государственные деятели и будут работать не мимоходом... но с твердым убеждением в величайшей настоятельности и важности своего начинания... отдадутся ему всею душою до конца дней, или же когда люди, принимающиеся за составление истории, считают обязательным подготовить себя жизненным опытом...» (Polyb. XII.28a.3–5. Пер. Ф.Г. Мищенко). Биография Диона, известная по его труду и эпиграфическим источникам², не оставляет со-

---

* Публикация подготовлена в рамках НИР Н-405-99 «Viatores, vagantes, hostes: практики и образы странствий в высоких культурах Средиземноморья», реализуемой ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Полибий, вероятно, был одним из его источников. См.: Foulon 2016.

² Комментированный перевод автобиографических фрагментов «Римской истории» см.: Махлаюк, Марков 2008. О карьере и творческой биографии Диона см.: Марков 2008; Махлаюк 2015; Millar 1964. P. 5–27; Hose 2007; Markov 2016; Molin 2016 (с суммированием всего известного на данный момент материала). Об автобиографическом элементе в труде Диона: Freyburger-Galland 2009; Scott 2018.

мнений в том, что он обладал и значительным политическим опытом, и убеждением в важности своего исторического труда, и готовностью приложить все возможные усилия, чтобы преодолеть трудности, возникающие на пути историка. В одном из наиболее пространных «методологических» отступлений³ в 19-й главе LIII книги Дион обращает внимание на сложности в получении полной достоверной информации, с которыми после установления в Риме единовластия сталкивался историк, желающий осветить события во всей Римской державе. Эти сложности обусловлены, по его мнению, во-первых, тем, что «очень многое стало совершаться в тайне и без огласки» и «всё говорится и делается по воле и желанию властителей и их приспешников», а во-вторых, тем, что «обширность Империи и обилие событий создают огромные трудности для их точного освещения». Выход из такой ситуации он видит в том, чтобы излагать события «в соответствии с имеющимися сведениями, так ли это произошло на самом деле, или же как-то иначе», используя при этом не только письменные источники, но и информацию, полученную благодаря собственным наблюдениям (LIII.19.3–6)⁴.

Здесь, помимо препятствий политического характера, принципиально значимо указание на обширность римского мира, который непросто охватить в едином рассказе, одинаково подробно осветив его разные части. По мысли Диона, помочь ему должна характерная для античной историографии в целом установка на автопсию – знания, полученные самим историком как наблюдателем и очевидцем описываемых событий⁵. И римский историк на протяжении всего своего труда там, где это возможно (в первую очередь в книгах, посвященных современной истории от Коммода до Александра Севера⁶), стремится следовать указанному (вполне полибиевскому) подходу к получению необходимых сведений, в т.ч. относящихся к географическим реалиям и характеристикам того имперского пространства, на котором разворачиваются события описываемой им истории. И если этногеографические экскурсы и отдельные пространственные представления Диона, включенные в нарративную структуру его «Истории», уже становились предметом специального рассмотрения⁷ (как и другие нарратологические характеристики его труда, которые в последнее время изучаются весьма интенсивно⁸),

³ Анализ этой главы см.: Gabba 1955. P. 325–330; Millar 1964. P. 37–38; Manuwald 1979. S. 94, 105–106; Rich 1990. P. 168; Hose 1994. S. 447.

⁴ Перевод цитат из труда Диона принадлежит авторам.

⁵ Ср. выразительные суждения Полибия на этот счет в XII.27–28. Об автопсии в традициях античного историописания в целом см.: Marincola 1997. P. 63–86.

⁶ См.: Bering-Staschewski 1981; Schmidt 1997; 1999; 2000; Scott 2018.

⁷ Freyburger-Galland 2003; Pitcher 2012 и особенно Bertrand 2016.

⁸ В свете недавних исследований нарративная структура «Римской истории» предстает как сложное целое, в котором переплетаются разные субжанровые пласты

то наблюдения и суждения Диона, основанные на личном знакомстве с теми местами, где ему самому довелось побывать, пока не привлекали внимания исследователей, хотя эти элементы, близкие по своему характеру к травелогам, могут пролить свет на особенности индивидуального стиля, методов работы, авторской нарративной личности и на определение места Дионова труда в традициях греко-римского историописания.

Соответствующие фрагменты сочинения Диона, как представляется, могут быть отнесены к травелогам – жанровой категории, которая всё более активно внедряется в литературоведческие исследования и трактуется иногда в расширительном смысле, не только как собственно описание путешествий (реальных или вымышленных), «занимательный художественный ландшафтно-исторический экскурс»⁹, но прежде всего как текст, нацеленный на описание пространства, на фиксацию внешнего¹⁰; причем это всегда рассказ от первого лица, «я-повествование»¹¹, «стремление к достоверному изображению “чужого” мира, пропущенного через восприятие путешественника»¹².

**Ἡ πατρίς μου: покинуть отечество, чтобы обрести
новую родину и вернуться**

Всякое путешествие означает расставание с родными местами, которое может оказаться долгим или даже безвозвратным и повлечь за собой обретение нового отечества. Биография Кассия Диона в этом отношении уникальна. Родившись в семье сенатора М. Клавдия Кассия Априониана в 162 или 163 г. н.э. в греческом городе Никея¹³, он покинул его уже в ранней юности для продолжения образования¹⁴, а в 179–180 гг. отправился сопровождать своего отца, занявшего пост наместника провинции Ликия-Памфилия (LXXII.7.2), после чего оказался в Риме, где стал посещать заседания сената. Именно Никею Дион неоднократно упоминает как свою родину (ἡ πατρίς μου)¹⁵. Туда же он и удалился (под

(анналистический и биографический, мемуаристический и новеллистический), повествовательные приемы и модусы: Pelling 1997; Hidber 2004; Махлаюк 2009; Kemezis 2014; Scott 2018. См. также работы J. Rich, M. Coudry, E. Bertrand, V. Fromentin, O. Devillers и др. в коллективном труде: Cassius Dion 2016 (раздел “Les forms de la narration historique”); о содержании этого раздела: Makhlaiuk 2017.

⁹ Милюгина, Строганов 2013. С. 27.

¹⁰ Шпак 2016. С. 265. Обсуждение истории возникновения, жанровых признаков и вариаций травелога см.: Никитина, Тулякова 2013; Майга 2014; Русаков, Русакова 2014; Мартынюк 2017; Мартынюк, Лукинова 2017; Аксенова 2018.

¹¹ Никитина, Тулякова 2013.

¹² Майга 2014. С. 258.

¹³ О Никее в римскую эпоху см.: Guinea Diaz 1997. О вифинских корнях и связях Диона см.: Ameling 1984.

¹⁴ Вероятно, в одном или нескольких малоазийских центрах, вроде Смирны или Эфеса, где преподавали прославленные риторы и софисты. Ср. Millar 1964. P. 14.

¹⁵ LXXIV.11.2; LXXVI(LXXV).15.3; LXXX.1.3. М. Хозе, исходя из того, что семья Априониана в 160-е гг. могла находиться вместе с ним в Риме, допускает, что буду-

предлогом болезни) в 229 г., чтобы продолжить свой труд и провести остаток дней на родине (LXXX.5.1–2). В упоминаниях о своем происхождении и месте рождения нет ничего необычного для античной историографии: они имеются у многих (если не большинства) древних историков, от Гекатея, Геродота, и Фукидида до Дионисия Галикарнасского, Иосифа Флавия, Аппиана, Арриана и Аммиана Марцеллина¹⁶. Но Диона отличает намеренное включение в общую ткань повествования материала и отдельных замечаний, свидетельствующих о его привязанности к отечеству и о хорошем знании родных мест.

Став сенатором и пройдя соответствующие ступени *cursus honorum*, войдя в императорский совет (*consilium principis*) как один из «друзей» (*amici*) императоров, Дион имел возможность в этом качестве посещать родные места, о чем свидетельствуют некоторые его пассажи. Так, описывая возвращение Септимия Севера в 200 г. из похода в Парфию, он рассказывает об одном эпизоде, имевшем место в Никее, и не упускает случая показать свое знание местных реалий: «...когда однажды в Никее, моем родном городе, императору захотелось кефали, которая вырастает в местном озере до больших размеров, он послал за ней к Плавциану¹⁷» (LXXVI[LXXV].15.3). Вероятно, к тому же пребыванию Севера в восточных провинциях относится и другой эпизод, о котором Дион повествует как очевидец: «В те дни происходило атлетическое состязание, на которое в принудительном порядке явилось столько атлетов, что мы удивлялись тому, как стадион смог их вместить. В этом состязании участвовали и женщины, которые сражались друг с другом столь жестоким образом, что это дало повод для насмешек и в адрес других, весьма высокопоставленных женщин» (LXXVI[LXXV].16.1).

Находясь при дворе Каракаллы в Никомедии зимой 214/215 г. (LXXIX[LXXVIII].8.4), Дион вполне мог побывать в родном городе, где, скорее всего, имел земельные владения и, подобно многим сенаторам греческого происхождения выполнял общественные обязанности¹⁸. Не случайно в 218/219 г. император Макрин именно его назначил в Смирну, Пергам и другие города провинции Азия на должность *curator ad corrigendum statum civitatum* – особого чиновника по наведению порядка в важных городах (LXXX[LXXIX].7.4). Очевидно, новый император при этом назначении учитывал связи Диона с данным регионом и прилегающими областями, такими, как Киликия, где он побывал еще в молодости (его отец был пропреторским легатом этой провинции в 183 г.: LXXIII[LXXII].7.2; ср. LXIX.1.3), или Азия, где он мог начинать свою

щий историк родился не в Вифинии, а в столице Империи (Hose 1994. S. 359–360). Однако никаких убедительных оснований принять это предположение нет.

¹⁶ Marincola 1997. P. 272–274 (с указанием также исключений из этой традиции).

¹⁷ Гай Фульвий Плавциан – префект претория в правление Септимия Севера.

¹⁸ Millar 1964. P. 20 f.; 23.

сенаторскую карьеру в должности военного трибуна или квестора¹⁹. Этот опыт личного знакомства с географией и достопримечательностями восточных провинций отразился на страницах «Римской истории».

Примечательно, однако, что ни о Вифинии, ни о Никее Дион нигде не говорит как о греческом регионе и греческом городе и, как историк, отождествляет себя с Римом, с его историей и традициями²⁰. Есть основания утверждать, что Рим и Италия стали для него настоящей второй родиной, к которой он был, возможно, привязан не менее, чем к первой²¹. Как сенатор, он значительную часть жизни провел в Риме и был хорошо знаком с его городским ландшафтом и топографией, памятниками и постройками, о которых упоминает значительно чаще других историков, в частности, Ливия и Тацита, хотя и не испытывает столь же эмоциональной привязанности к Вечному Городу²². Но одно дело Рим, который был в глазах Диона столицей мира и космополисом, городом (*ἄστυ*), доминировавшим над сельской округой (хорой) в полисе, которому он уподобляет Римскую империю (ЛП.19.6)²³, и совсем другое – Италия, и в первую очередь любимая кампанская вилла Диона²⁴. Именно Италию он называет «той самой страной, которую мы населяем» (Fr. I.3), а о своей вилле под Капуей, в которой живет всякий раз, когда находится в Италии, пишет: «Я выбрал это место по разным причинам, но более всего из-за его спокойствия, чтобы, отдыхая от городских дел, писать сей труд» (LXXVI.2.1). Сюда же, на свою виллу, он направился в 229 г., когда стал во второй раз консулом (*consul ordinarius iterum*), причем вместе с императором Александром Севером, который разрешил ему отправлять должность не в Риме, поскольку преторианцы были враждебно настроены к Диону из-за проявленной им дисциплинарной строгости в бытность его наместником Паннонии (LXXX.4.2; 5.1–2).

Действительно, Капую и Кампанию в целом Дион знает очень хорошо и не упускает случая поделиться интересными подробностями, преподнося их вполне в духе путевых заметок, посвященных местным

---

¹⁹ Кроме того, он, возможно, был, как и его отец, легатом пропреторского ранга в Ликии и Памфилии в 197–198 гг. (ср. рескрипт Севера наместнику по имени Дион в Dig. 50.12.7). См.: Millar 1964. P. 15; Molin 2016. P. 438–439.

²⁰ Millar 1964. P. 190; Aalders 1986. P. 283. Однако вопрос о культурной идентичности Диона продолжает дебатироваться: Freyburger-Galland 2013; Burden-Strevens 2015.

²¹ Millar 1964. P. 10.

²² Gowing 2016. P. 117–118 и далее с подробным анализом восприятия и репрезентации Дионом римских городских реалий в сравнении с другими римскими историками. А. Гоунинг не соглашается с Ф. Милларом в том, что Дион был столь же привязан к Риму, как и к Никее (Gowing 2016. P. 135).

²³ De Blois 1999. P. 270, n. 8.

²⁴ Как и другие сенаторы, происходившие из провинций, Дион должен был иметь недвижимость в Италии, а также, согласно действующим нормам, двойное местожительство (*domicilium*) – в Риме и у себя на родине (Dig. 1.9.11).

достопримечательностям и историям. Так, он упоминает, что Октавиан взамен купленной для поселения ветеранов земли построил для капуанцев акведук (Aqua Iulia), которым они чрезвычайно гордятся, а также передал им земли Кносса (на Крите), «которыми они и в настоящее время пользуются» (XLIX.14.5). Историк подробно описывает окрестности Кум в Кампании, в т.ч. нимфей Калипсо на берегу Авернского озера и постройки Агриппы в Байях, которые, по его словам, видел собственными глазами (XLVIII.50–51). По поводу этого святилища он замечает: «В то время как производились эти работы, одна статуя, обращенная к Авернскому озеру, – то ли статуя Калипсо, которой посвящено это место, куда, как говорят, приплыл Одиссей, то ли какой-то другой героини – покрылась потом, как человеческое тело. Что это означало, я не могу сказать; однако расскажу обо всем заслуживающем внимания, что я наблюдал в этом месте» (XLVIII.50.4). Рассказывая же о построенных Агриппой банях, он сообщает о горячих источниках, в которых огонь смешивается с водой, и горячая вода направляется в особый резервуар, откуда по трубам пар поступает в бани. Вполне вероятно, что, находясь на своей вилле, Дион стал свидетелем извержения Везувия в 202 г. (LXXVII[LXXVI].2.1)²⁵, что стимулировало его интерес к вулканическим феноменам и позволило представить яркое описание знаменитого извержения, погубившего Помпеи (LXVI.21.1–22.1)²⁶.

Две родины, вифинская Никея и Италия, разделенные немалым расстоянием, существенно обогатили знания Диона о пространствах империи. Его «персональная география» еще больше расширилась благодаря государственной службе, во время которой он смог ближе узнать балканские и западные провинции, а замысел написать всеохватывающую римскую историю предполагал освоение географии «утилитарной»²⁷, нацеленной главным образом на насыщение нарратива информацией, важной для понимания исторических событий.

Сенатор, путешествующий «по казенной надобности», и любознательный историк, собирающий материал

Сообщения Диона свидетельствуют о его незаурядной любознательности, распространявшейся на природные феномены и локальные достопримечательности, а также на сверхъестественные явления и божественные знамения, связанные с той или иной местностью²⁸. Это качество Диона, несомненно, помогало писать исторический труд, насыщая его выразительными подробностями и личностным авторским видением. При этом, черпая важные и просто любопытные сведения

²⁵ См.: Letta 2007.

²⁶ Freyburger-Galland 2004, а также: Murison 1999. P. 188–191.

²⁷ О понятиях персональной и утилитарной географии см.: Bertrand 2016. P. 702 ff.

²⁸ Ср. Марков 2013; Coltelloni-Trannoy 2017.

в разных уголках империи, он не был праздным туристом, но отправлялся в свои путешествия, насколько мы о них осведомлены, преимущественно «по казенной надобности», в связи со ступенями и поворотами своей государственной карьеры.

Путешествия Диона, связанные с карьерой, начинаются, как уже было отмечено выше, еще в юношестве. В Рим из родной Вифинии он мог попасть традиционным путем: морем до Фессалоники, а затем по Эгнациевой дороге через Аполлонию Коринфскую²⁹ в Иллирии, где его поразили чудеса, связанные с рекой Аоем, которые он явно описывает как очевидец, специально интересовавшийся всякого рода диковинами и оракулами³⁰. Как очевидец, хотя и менее детально, рассказывает он – в связи с историей об убийстве братьев Квинтилиев Коммодом – и о святилище Амфилоха в городе Малле, который посетил, когда был в Киликии вместе с отцом, управлявшим этой провинцией (LXXII.7.1–2).

В дальнейшем, когда Дион начал свою сенаторскую карьеру, судя по ряду автобиографических пассажей в повествовании о смуте 190-х гг. и правлении Септимия Севера, его жизнь протекала преимущественно в Риме и в Кампании. Вместе с тем в сохранившемся тексте «Римской истории» нет никаких свидетельств о том, где находился автор в последние годы правления Севера. Так, остается неясным, сопровождал ли он императора во время его похода в Британию в 207–211 гг. Ф. Миллар не исключил такой возможности, но воздержался от утвердительного ответа³¹. Тем не менее в одном из недавних исследований путешествие Диона в Британию в свите императора преподносится как факт без каких бы то ни было дополнительных пояснений³². Каким бы заманчивым ни было такое предположение, сообщения Диона о Британии³³ не могут

---

²⁹ Важный город в Иллирии при устье р. Аой, колония коринфян и керкирян.

³⁰ «Что... поразило меня в наибольшей степени, – так это тот огромный огонь, который извергается из-под земли около реки Аоя и при этом ни по поверхности окрест нисколько не распространяется, ни то самое место, где пребывает, не воспламеняет и вообще не делает его более сухим, а травы и деревья совсем близко от себя оставляет вполне свежими. Во время проливных дождей он усиливается и вздымается вверх. По этой причине место это называют Нимфайоном, и прорицание совершается здесь следующим образом. Обратившись с вопросом о том, что желаешь узнать, нужно взять ладан и, чтобы донести свою просьбу, бросить его [в огонь]. В ответ, если твоему желанию суждено исполниться, огонь охотно принимает ладан, и даже если тот упадет где-то в стороне, он, устремившись туда, подхватывает его и поглощает; если же желание неисполнимо, то огонь не только не подбегает к нему, но даже в том случае, если ладан попадает прямо в пламя, отклоняется и отходит назад» (XLI.45.1–4).

³¹ Millar 1964. P. 149.

³² Molin 2016. P. 440.

³³ Не стоит, правда, забывать, что соответствующие пассажи в LXXVII(LXXVI) книге дошли в сокращении Ксифилина, византийского эпитоматора XI в., который далеко не всегда дословно и последовательно излагал труд Диона, хотя так же, как

быть однозначно истолкованы как элемент травелога. Приведенное им описание простоты и суровости нравов меатов и каледонцев, выдержанное в духе тацитовской «Германии», вполне соответствует топике репрезентации римлянами северных варваров:

Меаты обитают за той самой стеной, что разделяет остров на две части, а каледонцы дальше за ними; оба [племенни] населяют дикие и бедные водой горы, пустынные и болотистые равнины, не имеют ни стен, ни городов, не возделывают полей, но кормятся благодаря своим стадам, охотничьей добыче и кое-каким диким плодам, ибо рыбы, которая там водится в несметном количестве, они не едят. Живут они в шатрах, не пользуясь ни одеждой, ни обувью, женщинами владеют сообща и всё потомство воспитывают вместе. По большей части имеют они народное правление и весьма охотно занимаются грабительскими набегами; по этой причине они выбирают своими предводителями самых отважных мужей. Сражаются они и на колесницах, используя небольших и быстрых лошадей, и в пешем строю; в беге они чрезвычайно стремительны и очень устойчивы в обороне. Вооружены они щитами и короткими копьями с прикрепленными внизу древка бронзовыми шаровидными погремушками, которые при сотрясении гремят и устрашают неприятелей; имеются у них также и кинжалы. Они умеют переносить и голод, и стужу, и всякого рода тяготы; ведь, погрузившись в болото так, что над водой остается только голова, они проводят так по многу дней, а в лесах питаются корой и корнями и на всякие чрезвычайные обстоятельства готовят особый вид пищи, съедая кусочек которой всего лишь размером с боб, они не испытывают ни голода, ни жажды (LXXVII[LXXVI].12.1–4)³⁴.

Эти сведения (и информацию о том, что Британия – остров, как подтвердила экспедиция Севера, а не полуостров, как считалось ранее)³⁵ Дион мог почерпнуть из литературы и официальных отчетов³⁶. Не исключено также, что часть сведений восходит к сообщениям людей, служивших в Британии и сопровождавших Севера. Таково, вероятно, происхождение и ряда приведенных автором анекдотов, в т.ч. об остроумии жены каледонского вождя Аргентококка, которая, как рассказывали Диону, беседовала с супругой императора Юлией Домной о вольных нравах британских женщин (LXXVII[LXXVI].16.5). Однако, принимая во

римский историк, питал интерес к необычным природным феноменам, географическому и этнографическому материалу (Mallan 2013. P. 635).

³⁴ Геродиан, для которого, видимо, труд Диона был источником, добавляет некоторые детали: использование железа в качестве украшений, разноцветные татуировки с изображением зверей (Herodian. III.14.6–8), но его рассказ в целом менее подробен.

³⁵ В XXXIX.50.3 Дион рассуждает об этой проблеме с перечислением разных точек зрения. Говоря о британском наместничестве Юлия Агриколы, он утверждает, что тот впервые доказал, что Британия является островом (LXVI.20.1–2), а в связи с британским походом Севера называет точные размеры Британии (LXXVII[LXXVI].12.5) и сообщает, что император, дойдя до крайнего предела острова, «самым тщательным образом произвел наблюдения за движением солнца и протяженностью дней и ночей как в летнее, так и в зимнее время» (LXXVII[LXXVI].13.3). Впрочем, в своем этнографическом описании Британии Дион не учитывает данные своих предшественников (Цезаря, Страбона, Тацита). См.: Bertrand 2016. P. 708.

³⁶ Millar 1964. P. 149.

внимание пристрастие Диона к включению в повествование анекдотического материала (весьма разнообразного по содержанию и источникам, включая и личный опыт автора)³⁷, нельзя исключать, что в данном случае он мог узнать эту историю, находясь в окружении императора во время британской экспедиции. Кроме того, изображение британцев в процитированном отрывке по своему характеру вполне сопоставимо с тем экскурсом, который Дион посвящает паннонцам, подчеркивая, что описывает их как очевидцев, на основе собственного опыта, полученного во время наместничества в Верхней Паннонии (см. ниже)³⁸.

Ряд впечатлений, которыми Дион делится с читателями, были получены им во время восточного похода Каракаллы. Путь императора пролегал через Галлию, Германию, Дакию, Фракию. Упоминается и о «небезопасной переправе» через Геллеспонт» и прибытии императора в Пергам (LXXVIII[LXXVII].16.7). Сложно точно определить, на каких из обозначенных этапов похода Дион сопровождал императора; можно уверенно говорить только о том, что Дион находился в окружении Каракаллы зимой 214–215 гг. Повествуя об этом периоде, он рассказывает об утомительных многочасовых, иной раз тщетных ожиданиях сенаторами выхода ведущего разгульную жизнь императора; сообщается и о беседе между императором и Дионом по поводу нескольких строк из Еврипида на пиру по случаю празднования Сатурналий (LXXIX.8.4–5). Возможно, на пути в Никомедию или обратно Дион посетил Византий³⁹. Детальное описание он приводит в повествовании об осаде и взятии города Септимием Севером в 196 г. (LXXV[LXXIV].10.2–6).

Дион сообщает, что, осматривая стены города, разрушенные так, словно были захвачены чужеземцами, он не только видел, как они стоят, но даже слышал, как они «говорят». «Дело в том, – поясняет автор, – что от Фракийских ворот до моря стояли семь башен, и, если кто-то приближался к одной из них, кроме первой, сохранялась тишина; но стоило только крикнуть что-нибудь или бросить камень, башня [не только] отражала звук и “говорила” сама, но и заставляла следующую сделать то же самое, и таким образом звук одинаково передавался через все башни, причем они не прерывали друг друга, но все – одна за другой – подхватывали эхо и передавали звук дальше» (LXXV[LXXIV].14.5–6).

Как видим, Дион склонен не ограничиваться поверхностным наблюдением, но, при возможности, готов лично проверить сообщаемые сведения.

Путешествия Диона с Запада на Восток и обратно на Запад не заканчиваются в 215 г., и, возможно, его византийские наблюдения относятся к иному путешествию, как и возможность увидеть расщелину

³⁷ Schmidt 2000; Махлаюк 2009.

³⁸ В этих свидетельствах, как и в других сообщениях Диона об удивительных достопримечательностях, можно видеть характерный для эпохи Северов интерес к парадоксографии (Bertrand 2016. P. 709. См. также: Марков 2013; Coltelloni-Trannoу 2017).

³⁹ Впрочем, Дион мог побывать в Византии и во время первых поездок из Вифинии и восточных провинций в Рим и обратно.

с ядовитыми испарениями в фригийском Гиераполе⁴⁰, аналогичную той, которую Траян наблюдал в Ктесифоне (LXVIII.27.2–3). Дион проявляет себя как истинный естествоиспытатель, готовый к эксперименту и способный признаться в ограниченности своих знаний:

... Я видел другую подобную расщелину в Гиераполе, что в Азии⁴¹, и проверил ее с помощью птиц, кроме того, я и сам наклонялся над ней и сам видел испарения. Она расположена внутри некой цистерны, и над ней выстроен театр. [Эти испарения] убивают все живое, за исключением людей, которых лишили мужских органов. Постичь причину этого я не в состоянии, но просто рассказываю об увиденном и услышанном так, как я это видел и слышал.

Именно в Азии Дион, как он пишет, узнал о «призраке» (δαίμων) Александра Македонского, который объявился на Дунае и в сопровождении четырехсот вакхантов проследовал через Мёзию и Фракию до Византия, получая по пути поддержку от местных властей и населения. Затем он внезапно исчез, после того как переправился через Боспор, сошел на берег в Халкедонии, совершил священные обряды и похоронил деревянную лошадь (LXXIX.18.1–3). Эта история представлена как загадочное происшествие, случившееся на окраинах империи, и преподносится как эксклюзивный материал, полученный Дионом во время путешествия. Вместе с тем для понимания нарративных функций данного сообщения важен контекст, в котором оно приводится. Ф. Миллар обратил внимание на то, что «Лже-Александр» по сути повторяет путь, проделанный Каракаллой в 214 г., и если так, то этот персонаж оказывается «Лже-Лже-Александром» – он подражает Лже-Александру Каракалле, который в свою очередь имитировал Александра Македонского. Дион мог этим выражать свое саркастическое отношение к такому подражательству. Признавая, что некоторые детали этой удивительной истории могли быть понятны только современникам, отметим, что Дион указывает на взаимосвязь между появлением «призрака» и усыновлением Гелиогабалом его двоюродного брата Алексиана, получившего имя Александр: «Он [Гелиогабал] утверждал, что совершить усыновление ему приказал Элагабал, так же как и назвать приемного сына Александром. Я же в свою очередь убежден, что это действительно произошло благодаря вмешательству какого-то божества, но сужу об этом не по его словам, а по брошенной ему кем-то фразе об Александре из Эмесы, который придет ему на смену, и по событиям в Верхней Мёзии и Фракии» (LXXX[LXXIX].17.3). Очевидно, что ссылка на знамения, предшеству-

⁴⁰ Скорее всего, Дион посетил Гиераполь после исполнения обязанностей куратора в Пергаме и Смирне в 218–219 гг. (Barnes 1984. P. 251). По другим версиям, он мог проходить в Азии квестуру (Millar 1964. P. 15) или побывать в Гиераполе в начале карьеры, когда проходил службу в качестве военного трибуна (Molin 2016. P. 438).

⁴¹ В начале данной главы Дион рассказывает о достопримечательностях Вавилона, которые осматривал Траян во время своего восточного похода, в том числе о расщелине с ядовитыми испарениями, в которых погибали все живые существа.

ющие усыновлению, является в некоторой степени реверансом высокопоставленного сенатора в сторону императора Александра Севера, при котором был написан данный текст. Е. Карлсен даже предположил, что сообщение Диона о помощи и поддержке, которую «призраку» оказывали местные власти, должно было послужить намеком на недовольство попыткой Элагабала остановить процесс усыновления своего кузена, тогда как утверждение Диона, что об этом событии он узнал практически на месте, является «авторской уловкой»⁴². Однако нет каких-либо веских оснований утверждать, что история о «призраке» является исключительно авторским вымыслом, своего рода псевдо-элементом травелога, а не информацией, известной только по слухам и включенной в контекст повествования после некоторой авторской обработки.

С воцарением Александра Севера Дион достигает пика своей карьеры, получая ряд ответственных постов в провинциях. Сначала он направился в провинцию Африка, где либо получил назначение на пост проконсула в 220/221 г. или в 223 г. (XLIX.36.4; LXXX.1.2), либо в ранге *legatus legionis* принял командование III Августовым легионом, дислоцированным в Ламбезисе в Нумидии, которая при Севере стала отдельной провинцией⁴³. Непосредственным знакомством с этой провинцией, вероятно, объясняется предметность и детальность его описания места расположения африканского города Тапса, при котором произошла знаменитая битва Цезаря во время гражданской войны: описание выглядит так, будто сделано человеком, видевшим местность своими глазами⁴⁴:

Тапс расположен на своего рода полуострове, по одну сторону которого простирается море, по другую – озеро. Перешеек между ними столь узкий и болотистый, что до города можно добраться только двумя путями, которые разделены болотом и пролегают на небольшом расстоянии друг от друга вдоль прибрежно-го утеса по обеим сторонам перешейка (XLIII.7.2).

Аналогичным образом можно оценить и другие топографические пассажи, в которые Дион, помимо прочего, включает, подобно Павсанию, исторические сведения об описываемом месте, сопоставляя их с современным положением дел, как, например, в описании города Диррахия, помещенном в рассказ о войне Цезаря и Помпея:

Диррахий расположен на земле, которая раньше считалась принадлежавшей иллирийскому [племени] парфинов, но ныне, как и в то время, относится к Македонии; и он имеет весьма выгодное месторасположение, [и неважно,] был ли он Эпидамном керкирян, или же чьим-то еще городом. Те, кто об этом пишет, связывают и его основание, и название с героем Диррахием; другие же утверждают, что место было переименовано римлянами из-за труднодоступности скалистого

⁴² Carlsen 2016. P. 330.

⁴³ Первое предположение является *communis opinio*; второе высказано Г. Вриндом (Vrind 1923. P. 67, 141–142; ср. Gabba 1955. P. 291, n. 7). О спорах по этому вопросу см.: Sanna 2006–2007 (автор склоняется ко второму мнению).

⁴⁴ Barnes 1984. P. 248; Bertrand 2016. P. 705.

берега⁴⁵, ибо в латинском языке слово “Эпидамн” означает “ущерб”⁴⁶, и поэтому представляется дурным знамением для направляющихся туда (XLI.49.2–3).

В рассказе о месторасположении Акция и действиях Октавиана перед сражением с флотом Антония и Клеопатры Дион не только приводит важные топографические подробности, которые могут указывать на его личное знакомство с местностью, но и критически высказывается о сведениях, дошедших до него в устной передаче, возможно, как раз при посещении этого знакового для римской истории места⁴⁷:

[Октавиан]... расположился там на возвышенности, откуда равным образом открывался вид и на открытое море вплоть до островов Паксос [и Антипаксос], и на внутренние воды Амбракийского залива, а также на воды между ними, где находятся гавани Никополя. Это место он укрепил, возведя валы отсюда и до Комара, гавани на внешней стороне [перешейка]... Я также слышал, что он переправил триеры из внешнего моря в залив под прикрытием укреплений, используя в качестве волока свежесодранные шкуры, смазанные оливковым маслом. Впрочем, мне ничего неизвестно о действиях этих кораблей внутри залива, и поэтому я не могу поверить в это сообщение (τῷ μυθολογίᾳ); действительно, было бы весьма непорочно перетащить на шкурах триеры через столь узкий и неровный участок суши. Ныне Акции является святилищем Аполлона и располагается перед устьем пролива, ведущего в Амбракийский залив напротив гаваней Никополя. Этот пролив тянется на большое расстояние узким руслом одинаковой ширины, и он, как и все воды перед ним, представляет удобное место для того, чтобы встать на якорь и переждать непогоду (L.12.3–7).

Из Африки Дион возвращается в Италию, но вскоре получает новое назначение – пропреторским легатом в Далмацию (224–226), а затем в Верхнюю Паннонию (XLIX.36.4) (226–228) – чрезвычайно редкое назначение для сенатора греческого происхождения⁴⁸. Полученные в Паннонии сведения пригодились ему в рассказе о походе Октавиана против иллирийцев в 35 г. до н.э., хотя до Паннонии тот не дошел⁴⁹. Вставляя в рассказ пространный этногеографический экскурс, Дион подчеркивает, что знает о паннонцах не понаслышке (XLIX.36.4): «Об этом я знаю не по слухам и не из книг, но благодаря собственному опыту (ἀλλὰ καὶ ἔργῳ μάθων), ибо мне довелось ими управлять... вот почему я достоверно пишу об обитателях этого края все то, что наблюдал воочию» (ὅθεν ἀκριβῶς πάντα τὰ κατ’ αὐτοῦς εἰδὼς γράφω). По его словам,

Паннонцы обитают близ Далмации, вдоль самого Истра от Норика до Мёзии, и влчат наиболее жалкое среди всех людей существование (ибо не хватает им ни плодородия земли, ни мягкости климата; пребывая большую часть времени в условиях суровой зимы, они не производят ни вина, ни оливкового масла,

⁴⁵ Дион подразумевает образование названия «Диррахий» из компонентов δυσ- (приставка, усиливающая отрицательный смысл) и ῥαχία («скалистый берег», «прибой»).

⁴⁶ В греческом слове Epidamnus римляне могли усматривать латинское *damnum* – «ущерб, урон, потеря».

⁴⁷ Ср. Bertrand 2016. P. 706 и в особенности Reinhold 1988. P. 102.

⁴⁸ Millar 1964. P. 25–26; Rich 1990. P. 3. См. также: Марков 2017 и Markov 2016.

⁴⁹ Reinhold 1988. P. 70.

разве лишь самую малость и притом скверного качества, ячмень же и просо употребляют и как еду, и как питье), вместе с тем храбрейшими сльвут среди всех, о ком нам известно, ибо они – самые отважные и самые кровожадные, словно не обладающие ничем, что побуждало бы их вести достойный образ жизни... Название же племени происходит от того, что хитоны с рукавами они изготавливают из кусков материи, именуемых ими «паннами»⁵⁰, своеобразно разрезая и сшивая их по местному обычаю (XLIX.36.2–5).

Кроме того, в следующей главе историк упоминает о слиянии рек Савы и Колопса, указывая, что Колопс в его время окружает весь город, чего не было в 35 г. до н.э. (XLIX.37.3). В данном случае вполне естественным является вывод о том, что те сведения, которые передает Дион, были получены им, когда он находился в Паннонии на посту легата. Однако в описании самих паннонцев, как можно видеть, он явно отдает дань традиционной греко-римской «варварологии»⁵¹, используя характерную топику в противопоставлении варварской дикости, жестокости и воинственности цивилизованному образу жизни. Это обстоятельство лишний раз подтверждает, что в своих «травелогических» заметках Дион отнюдь не был простодушным фиксатором увиденного и услышанного (хотя нередко, подобно Геродоту, заявляет, что передает то, что рассказывают и что он видел или слышал сам⁵²), но приносил в сведения, полученные с помощью автопсии, те знания (и предрассудки!), которые приобрел благодаря своему образованию и жизненному опыту.

***

Таким образом, труд Диона действительно насыщен элементами травелога. Там, где это возможно, в связи с общим контекстом повествования или даже вне какой бы то ни было явной зависимости от него, автор, как правило, не упускает случая указать на свое личное знакомство с той или иной местностью, чтобы особо подчеркнуть авторитетность своего знания как историка, обладающего серьезным опытом. Прямые ссылки, сделанные *ad hoc* замечания и приводимые автором выразительные подробности обнаруживают его хорошее знакомство как с родной для него Вифинией и прилегающими областями Малой Азии и европейского Босфора, так и с Италией и Римом, ставшими для Диона второй родиной, а также с теми провинциями, в которых он занимал посты в ходе своей сенаторской карьеры (Азия, Африка, Далмация, Верхняя Паннония, а возможно, и Британия). Дион активно использует эти знания в «утилитарно-географических» целях, чтобы придать большую достоверность своему повествованию при описании театров военных действий и отдельных сражений, но в то же время охотно включает

⁵⁰ Это транслитерация латинского слова *pannus*, означающего «кусочек ткани, лоскут» (Burden-Stevens 2015. S. 290).

⁵¹ Bertrand 2016. P. 716 f.

⁵² Ср.: LIV.9.9: γράφω τὰ λεγόμενα и Hdt. VII.152: λέγειν τὰ λεγόμενα.

в свой нарратив рассказы об экзотических явлениях, локальных достопримечательностях и обычаях, редкостных природных феноменах и чудесах, чтобы оживить изложение и привлечь внимание читателя. Нередко эти сведения и представления, полученные благодаря собственным путешествиям, преподносятся в форме, близкой к путевым заметкам, образуя «персональную географию» автора, основанную также на книжных знаниях. Все это работает на создание образа нарратора, способного охватить в своем повествовании все пространство Римского мира и в то же время готового критически оценить свидетельства и мнения своих предшественников. Вместе с тем «Римская история» Диона демонстрирует явный интерес к парадоксографии, соответствующий увлечениям северовского времени, обнаруживает непосредственную причастность Диона к геродотовской традиции историописания, с которой его роднит готовность удивляться увиденному и услышанному, пристрастие к авторским отступлениям на самые разнообразные темы, в том числе связанные с собственными странствиями.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аксенова М.В. Травелог: путешествие жанра и жанр путешествий // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2018. 3(31). С. 170–176. [Aksenova M.V. Travelog: puteshestvie zhanra i zhanr puteshestvij // Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. 2018. 3(31). S. 170–176]
- Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. Philology and culture. 2014. 3(37). С. 254–259. [Majga A.A. Literaturnyj travelog: specifika zhanra // Filologiya i kul'tura. Philology and culture. 2014. 3(37). S. 254–259]
- Марков К.В. Дион Кассий о паннонацах и своей службе в качестве наместника Верхней Паннонии // Балканские тетради. Ежегодник по истории и культурной географии Балкан. Нижний Новгород; Нови Сад, 2017. С. 13–20. [Markov K.V. Dion Kassij o pannoncah i svoej sluzhbe v kachestve namestnika Verhnej Pannonii // Balkanskije tetradi. Ezhegodnik po istorii i kul'turnoj geografii Balkan. Nizhnij Novgorod; Novi Sad, 2017. S. 13–20]
- Марков К.В. К вопросу о хронологии работы Диона Кассия над «Римской историей» // ВДИ. 2008. 2(65). С. 142–152. [Markov K.V. K voprosu o hronologii raboty Diona Kassiya nad «Rimskoj istoriej» // Vestnik drevnej istorii. 2008. 2(65). S. 142–152]
- Марков К.В. «Сверхъестественное» и «чуждое» как категории исторического мышления Диона Кассия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. 6(1). С. 266–270. [Markov K.V. «Sverh"eststvennoe» i «chudestvennoe» kak kategorii istoricheskogo myshleniya Diona Kassiya // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2013. 6(1). S. 266–270]
- Мартынюк Е.Б. К вопросу об истории жанра литературы путешествия («травелог») // Актуальные проблемы современной гуманитарной науки: отечественные традиции и международная практика. Симферополь, 2017. С. 340–346. [Martynjuk E.B. K voprosu ob istorii zhanra literatury puteshestviya («travelog») // Aktual'nye problemy sovremennoj gumanitarnoj nauki: otechestvennyye tradicii i mezhdunarodnaya praktika. Simferopol', 2017. S. 340–346.]
- Мартынюк Е.Б., Лукинова М.Ю. К вопросу об определении термина «травелог» // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход. Симферополь, 2017. С. 261–266. [Martynjuk E.B., Lukinova M.Yu. K voprosu ob opredelenii termina «travelog» // Perevodcheskij diskurs: mezhdisciplinarnyj podhod. Simferopol', 2017. S. 261–266]
- Махлаюк А.В. Историк «века железа и ржавчины». Кассий Дион и его «Римская история» // Кассий Дион Коккейан. Римская история. Книги LXIV–LXXX / пер. с древнегреч. под ред., комм и ст. А.В. Махлаюка. 2-е изд. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2015. С. 372–437. [Mahlayuk A.V. Istorik «veka zheleza i rjavчины»]

- rzhavchini». Kassij Dion i ego «Rimskaya istoriya» // Kassij Dion Kokkejan. Rimskaya istoriya. Knigi LXIV–LXXX / per. s drevnegrech. pod red., komm. i st. A.V. Mahlayuka. 2-e izd. SPb.: Filologicheskij fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2015. S. 372–437]
- Махлаюк А.В. Анекдоты в нарративной структуре «Римской истории» Кассия Диона // Политика, идеология, историописание в римско-эллинистическом мире: Материалы науч. конф.. Казань, 2009. С. 117–136. [Makhlaiuk A.V. Anekdoty v narrativnoj strukture «Rimskoj istorii» Kassiya Diona // Politika, ideologiya, istoriopisanie v rimsko-ellinisticheskom mire / Materialy nauchnoj konferencii. Kazan', 2009. S. 117–136]
- Махлаюк А.В., Марков К.В. Дион Кассий Коккеян. «Римская история». Автобиографические фрагменты и свидетельства. Пер. с древнегреч., вст. ст. и комм. // Из истории античного общества. Вып. 11. Н. Новгород, 2008. С. 235–266. [Makhlaiuk A.V., Markov K.V. Dion Kassij Kokkejan. «Rimskaya istoriya». Avtobiograficheskie fragmenty i svidetel'stva // Iz istorii antichnogo obshchestva. Vyp. 11. N. Novgorod, 2008. S. 235–266]
- Милогина Е.Г., Строганов М.В. Русская культура в зеркале путешествий. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с. [Milyugina E.G., Stroganov M.V. Russkaya kul'tura v zerkale putesthestvij. Tver': Tver. gos. un-t, 2013. 176 s.]
- Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2013. С. 132–138. [Nikitina N.A., Tulyakova N.A. Zhanr traveloga: kognitivnaya model' // Homo Loquens: Aktual'nye voprosy lingvistiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov. 2013. S. 132–138]
- Русаков В.М., Русакова О.Ф. Методология дискурса-исследования травелога // Дискурс-Пи. 2014. 4 (17). С. 14–20. [Rusakov V.M., Rusakova O.F. Metodologiya diskurs-issledovaniya traveloga // Diskurs-Pi. 2014. 4 (17). S. 14–20]
- Шпак Г.В. Травелог: поиск универсальной дефиниции. Четыре стратегии репрезентации пространства // Преподаватель XXI. 2016. 3. С. 261–277. [Shpak G.V. Travelog: poisk universal'noj definicii. Chetyre strategii reprezentacii prostranstva // Prepodavatel' XXI. 2016. 3. S. 261–277]
- Aalders G.J.D. Cassius Dio and the Greek World // Mnemosyne. 1986. 39.3/4. P. 282–304.
- Ameling W. Cassius Dio und Bithynien // Epigraphica Anatolica. 1984. 4. S. 123–138.
- Barnes T.D. The composition of Cassius Dio's Roman History // Phoenix. 1984. 38.3. P. 240–255.
- Bering-Staschewski R. Römische Zeitgeschichte bei Cassius Dio. Bochum: Brockmeyer, 1981.
- Bertrand E. L'empire de Cassius Dion: géographie et *imperium Romanum* dans l'Histoire romaine // Cassius Dion: nouvelles lectures / Éd. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P.701–724.
- Burden-Stevens C. 'Ein völlig romanisierter Mann'? Identity, Identification, and Integration in the "Roman History" of Cassius Dio and in Arrian // Processes of Cultural Change and Integration in the Roman World. Leiden – Boston: Brill, 2015. S. 287–306.
- Carlsen J. Alexander the Great in Cassius Dio // Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician / Ed. C.H. Lange, J.M. Madsen. Leiden: Brill, 2016. P. 316–332.
- Cassius Dion: nouvelles lectures (2 vols.) / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. 881 p.
- Coltelli-Tranoy M. La place du thauma dans l'Histoire romaine de Cassius Dion // Ktèma. 2017. 42. P. 219–232.
- De Blois L. The Perception of Emperor and Empire in Cassius Dio's Roman History // Ancient Society. 1999. 29. P. 267–281.
- Foulon É. Polybe source de Cassius Dion? Bilan d'une aporie // Cassius Dion: nouvelles lectures / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 159–177.
- Freyburger-Galland M.-L. L'Italie vue par un Bithynien du IIIe siècle // Folia Electronica Classica. 2003. Numéro 6, juillet-décembre (<http://bcs.fltr.ucl.ac.be/FE/06/Italie.html>).
- Freyburger-Galland M.-L. Les phénomènes volcaniques chez Dion Cassius // Connaissance et représentation des volcans dans l'Antiquité. Actes du colloque (Clermont-Ferrand, 19–20 septembre 2002) / Ed. É. Foulon. Clermont-Ferrand, 2004. P. 139–157.
- Freyburger-Galland M.-L. Dion Cassius, un Gréco-romain du IIe siècle // Dialogues d'histoire ancienne. Supplément 9, 2013. Le point de vue de l'autre. Relations culturelles et diplomatiques. 1ère rencontres SoPHiA (23–24 mars 2012, Mulhouse). P. 77–90.

- Freyburger-Galland M.-L. Histoire et autobiographie dans l'oeuvre de Dion Cassius // *Interférences* [Online] 2009. 5. URL: <http://journals.openedition.org/interferences/907>.
- Gabba E. Sulla "Storia romana" di Cassio Dione // *Rivista Storica Italiana*. 1955. 67. P. 289–333.
- Gowing A.M. Cassius Dio and the City of Rome // *Cassius Dio: Greek Intellectual and Roman Politician* / Ed. C.H. Lange, J.M. Madsen. Leiden–Boston: Brill, 2016. P. 117–135.
- Guinea Diaz P. Nicea. Estudio de una ciudad en la Bitinia romana. Huelva: Servicio de Publicaciones de la Universidad de Huelva, 1997. 409 p.
- Hidber T. Cassius Dio // *Narrators, Narratees, and Narratives in Ancient Greek Literature* / Ed. I. de Jong, R. Nünlist, A. Bowie. Leiden–Boston: Brill, 2004. P. 187–199.
- Hose M. Cassius Dio: A Senator and Historian in the Age of Anxiety // *A Companion to Greek and Roman Historiography* / Ed. J. Marincola. Malden; Oxford: Blackwell., 2007. P. 461–467.
- Hose M. Erneuerung der Vergangenheit. Die Historiker im Imperium Romanum von Florus bis Cassius Dio. Stuttgart–Leipzig: B.G. Teumber, 1994. xii, 522 S.
- Kemezis A.M. Greek Narratives of the Roman Empire under the Severans: Cassius Dio, Philostratus and Herodian. Cambridge; N.Y.: Cambridge University Press, 2014. xii, 340 p.
- Letta C. L'eruzione del Vesuvio del 202 d. C. e la composizione dell'opera di Cassio Dione // *Athenaeum*. 2007. 97. P. 41–47.
- Makhlauiuk, A.V. Review of Valérie Fromentin, Estelle Bertrand, Michèle Coltelloni-Tranroy, Michel Molin, Gianpaolo Urso (ed.), *Cassius Dion: nouvelles lectures*. Bordeaux: Ausonius, 2016 // *Bryn Mawr Classical Review*. (<http://bmcr.brynmawr.edu/2017/2017-12-15.html>).
- Mallan, C.T. The Style, Method, and Programme of Xiphilinus' *Epitome* of Cassius Dio's *Roman History* // *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 2013. 53. P. 610–644.
- Manuwald B. Cassius Dio und Augustus: philologische Untersuchungen zu den Büchern 45–56 des dionischen Geschichtswerkes. Wiesbaden: Steiner, 1979. 317 S.
- Marincola J. Authority and Tradition in Ancient Historiography. Cambridge: CUP, 1997.
- Markov K.V. Towards Peculiarities of Cassius Dio's Career in 220s // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2016. 3. P. 57–62.
- Millar F.G.B. A Study of Cassius Dio. Oxford: Clarendon Press, 1964. xiv, 239 p.
- Molin M. Biographie de l'historien Cassius Dion // *Cassius Dion: nouvelles lectures* / Ed. V.E. Fromentin et al. Bordeaux: Ausonius Éditions, 2016. P. 431–446.
- Murison Ch.L. Rebellion and Reconstruction: Galba to Domitian, a Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History Books 64–67 (A.D. 68–96). Atlanta: Scholars Press, 1999. xxi, 291 p.
- Pelling C.B.R. Biographical History? Cassius Dio on the Early Principate // *Portraits: Biographical Representation in the Greek and Latin Literature of the Roman Empire* / Ed. M.J. Edwards, S. Swain. Oxford: Clarendon Press, 1997. P. 117–144.
- Pitcher L.V. Cassius Dio // *Space in Ancient Greek Literature: Studies in Ancient Greek Narrative*. Vol. 3 / Ed. I.J.F. de Jong. Leiden–Boston: Brill, 2012. P. 257–268.
- Reinhold M. From Republic to Principate: An Historical Commentary on Cassius Dio's Roman History, Books 49–52 (36–29 BC). Atlanta: Scholars Press, 1988. xxii, 261 p.
- Rich J.W. Cassius Dio, The Augustan Settlement (Roman History 53–55.9). Warminster: Aris and Phillips, 1990. xii, 260 p.
- Sanna A. La ἐν τῇ Ἀφρικῇ ἡγεμονία τῆ τε Δελματίας: nota sulla natura degli officia di Cassio Dione (XLIX 36, 4) // *Sandalion*. Quaderni di cultura classica, Cristiana e medieval. 2006–2007. 29–30. P. 60–76.
- Schmidt M.G. Die "zeitgeschichtlichen" Büchern im Werk des Cassius Dio von Commodus zu Severus Alexander // *Aufstieg und Niedergang der römischen Welt* / Hg. H. Temporini, W. Haase. II.34.3. Berlin–New York: de Gruyter, 1997. S. 2591–2649.
- Schmidt M.G. Politische und persönliche Motivation in Dios Zeitgeschichte // *Geschichtsschreibung und politischer Wandel im 3. Jh. n. Chr. Kolloquium zu Ehren von Karl-Ernst Petzold (Juni 1998) anlässlich seines 80. Geburtstags*. Stuttgart: Steiner, 1999. S. 93–117.
- Schmidt M.G. Anekdotisches in Cassius Dios Zeitgeschichte // *Museum Helveticum*. 2000. 57.1. S. 20–35.
- Scott A. Cassius Dio's Contemporary History as Memoir and its Implications for Authorial Identity // *Ancient Biography: Identity through Lives* / Ed. F. Cairns, T. Luke. Prenton: Francis Cairns, 2018. P. 229–248.

Махлаюк Александр Валентинович доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и классических языков, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ, makhl@imomi.unn.ru

Марков Константин Владимирович кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории древнего мира и классических языков, Институт международных отношений и мировой истории ННГУ, mkv_2003@mail.ru

Travelogue elements in the narrative structure of Cassius Dio's *Roman History*

The article deals with those autobiographical authorial interventions and ethnogeographic excursions that can be characterized as "personal geography" of the historian or a kind of travelogue – notes, descriptions and information obtained via personal visits to certain places and regions. The relevant passages of "Roman history" have not yet become a subject of special analysis as a significant feature of Dion's narrative style, along with his passion for all sorts of miracles, anecdotes and deviations of a novelistic nature. The material under consideration suggests that, where possible, in connection with the General context of the narrative, or even beyond any dependence on it, Dio usually does not miss the opportunity not just to point out his familiarity with a particular area, but also to emphasize the authority of his knowledge based on personal experience.

Keywords: Cassius Dio, Roman History, Greek and Roman Historiography, narrative, travelogue, space of empire, autopsy

Alexander V. Makhlaiuk, Dr. Sc. (History), Professor, Chair of Ancient History and Classical Languages, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, makhl@imomi.unn.ru

Konstantin V. Markov, Associate Professor, Department of Ancient History and Classical Languages, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, mkv_2003@mail.ru

М. С. ЧИСТАЛЕВ

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ЕГИПТА КАК ЭКЗОТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА НА ПРИМЕРЕ НИЛЬСКИХ СЦЕН

Использование образа карликов в визуализации жителей долины Нила рассматривается как значимая составляющая определения характера и специфической роли Нильских сцен в римском представлении о Египте. Отмечается взаимосвязь перемены стилистики Нильских сцен и резкой стереотипизации сюжетных линий с изменениями в римской политике в отношении Египта, которая связана с его становлением как части *Imperium Romanum*.

Ключевые слова: Древний Рим, Египет, Нильские сцены, восприятие иноземной культуры

Э. Саид в монографии «Ориентализм» писал, что со времен античности Восток был «вместилищем романтики, экзотических существ, мучительных и чарующих воспоминаний и ландшафтов, поразительных переживаний»¹. Именно экзотические существа и уникальные египетские ландшафты соединились в изображениях повседневной жизни Египта, получивших в научной литературе обозначение *Нильские сцены*. Нильские сцены, или Нильские пейзажи – стилизованные изображения разлива Нила, местной флоры и фауны, египетского населения и других сюжетов, ассоциировавшихся у римлян с Египтом. Египетские пасторальные сцены – популярная тема для изображений в разных частях Римской империи со II в. до н.э. по VI в. н.э.² и исключительно важное свидетельство распространения египетской тематики в Риме и Италии. Наибольший интерес для нас будут представлять Нильские сцены в общественных сооружениях, в частных домах и виллах.

В историографии Нильские сцены с XIX в. связывались с культом Исиды³, что проистекало из двух стереотипов, сформированных в отношении элементов египетской культуры на территории Италии: во-первых, что «цивилизованные римляне не могли сами начать поклоняться восточной (а значит варварской) богине», и что «этому способствовало влияние низших слоев населения»⁴; во-вторых, что египетские и египтизированные монументы и артефакты в Италии должны быть априори связаны с египетскими культурами. М.И. Ростовцев рассматривал Нильские сцены в основном как элемент экзотического внутреннего убранства (экзотизма), сравнивая их с шинуазри в европейской живописи.

---

¹ Саид 2006. С. 7.

² Versluys 2002. P. 27.

³ Vidman 1981. P. 133–134.

⁴ Lambrechts 1956. P. 7.

си и декоративно-прикладном искусстве⁵. М. Блэйк предположила, что Нильские сцены берут начало на эллинистическом Востоке и попали на Запад вместе с искусством мозаики⁶. Первым обобщенную интерпретацию египтизированных сцен, в т.ч. и Нильских, дал К. Шефолд в публикациях о римской настенной живописи, приписывая Нильским пейзажам прямой или косвенный религиозный контекст⁷. В начале 1960-х гг. А. Адриани отметил, что истоки популярности Нильских сцен в Риме, возможно, следует искать в изображении бога Нила из Ватиканского музея⁸. Связь с богом Нила находит и И. Лэвин в своей монографии о мозаике в Антиохии⁹.

Одним из первых отказался от безоговорочной религиозной трактовки Нильских сцен в пользу общего культурного влияния М. Малэз, дав ясно понять, что религиозный аспект не является здесь основным¹⁰. Эту тенденцию продолжил П. Мэйбум, который исследовал Нильские сцены, датируемые I в. до н.э., изучая Нильскую мозаику Палестрины (древний Пренесте). П. Мэйбум, как и М. Малэз, приходит к выводу, что в Нильских сценах довольно сложно найти религиозный подтекст. По его мнению, более вероятным является их предназначение в качестве экзотического декора, чье символическое значение предполагает благосостояние и богатство¹¹. Иную интерпретацию Нильских сцен предложила и С. Такаш: согласно ее трактовке, в Нильских сценах отчетливо прослеживаются элементы символики культа Исиды, однако они уже оторваны от изначального (религиозного) контекста и являются частью нового римского стиля, отображающего экзотический мир¹².

В начале XXI в. изучение темы культурных контактов между Римом и Египтом вышло на новый уровень, свидетельством чему стало появление ряда работ, посвященных образу Египта в римской литературе, а также переосмысление влияния религиозного фактора на формирование представлений о египетской культуре в римском обществе.

Самым последним и наиболее полным изданием Нильских сцен является монография Мигеля Верслуйса¹³, в которой автор не только убедительно доказывает, что значение Нильских сцен в определенной степени контекстно-зависимое, отказываясь таким образом от сложив-

---

⁵ Rostovtzeff 1911. S. 71.

⁶ Blake 1940.

⁷ Schefold 1957; Schefold 1952.

⁸ Adriani 1961. P. 55.

⁹ Lavin 1963. P. 225, 273. Множество комментариев к Нильским пейзажам триклиния в доме Юлии Феликс в Помпеях дала Х. Уайтхаус. – Whitehouse 1985. P. 129–134.

¹⁰ Malaise 1972; 1984. P. 1627.

¹¹ Meyboom 1995. P. 84.

¹² Takács 1997. P. 34.

¹³ Versluis 2002.

шейся традиции классифицировать все египетские сюжеты в римском декоре как религиозные, но и указывает на необходимость выделения Нильских пейзажей в отдельный жанр живописи.

В целом, несмотря на очевидную актуальность проблемы определения характера и роли Нильских сцен в римском представлении о Египте как экзотическом пространстве, все еще недостаточно изученными остаются вопросы взаимосвязи между Нильскими сценами и прочей Аегуртиаса, а также использование образа карликов в визуализации обитателей долины Нила. Изображения карликов сохранились на памятниках, относящихся практически ко всему античному периоду, но наиболее частое упоминание их в изобразительном искусстве римлян приходится именно на период бытования Нильских сцен. Мы постараемся ответить на вопрос, почему римляне использовали именно образ карликов для изображения жителей долины Нила, а также попытаемся рассмотреть этот образ в контексте *interpretatio Romana*.

Самые ранние Нильские сцены (Нильские пейзажи), датируемые концом II в. до н.э., сохранились только в виде мозаики, носят преимущественно этнографический характер и характеризуются высокой степенью реалистичности и детализации изображения различных аспектов жизни Египта¹⁴. Египтяне запечатлены за традиционными работами во время разлива Нила, при этом присутствуют как религиозные, так и светские сцены, дополненные разнообразной флорой и фауной. Мозаика 90–50-х гг. до н.э. также носит этнографический характер (илл. №1), как хорошо показывает пример из *Casa del Fauno* в Помпеях (VI 12, 2)¹⁵. Серьезные перемены в стилистике Нильских сцен происходят после битвы у м. Акций: детализированное и реалистичное изображение трансформируется в стереотипное и упрощенное, и уже к 20-м гг. I в. до н.э. жители долины Нила все чаще изображаются в виде карликов. В 110 из 131 дошедших до нас Нильских сцен присутствуют изображения египтян, и, что удивительно, только на 35 из них – в виде обычных людей, а на остальных 75 – в виде карликов¹⁶. При этом стилистика изображения карликов имеет различия, которые заключаются в специфических чертах, передающих этнографическое разнообразие долины Нила. Показательный пример – сцена симплегмы на берегу Нила из *Casa del Medico* в Помпеях¹⁷ (илл. №2). На ней хорошо различимы фигуры карликов со светлой кожей в дорогих одеяниях и обнаженных карликов с темным цветом кожи. В первом случае, по-видимому, изображено греческое население Египта, тогда как остальные карлики – египтяне.

---

¹⁴ Versluys 2002. P. 287.

¹⁵ Meyboom 1977. P. 72.

¹⁶ Meyboom 2007. P. 171.

¹⁷ Versluys 2002. Fig. 87.

Илл. 1. Фрагмент мозаики первой половины I в. до н.э., из Дома Фавна в Помпеях.

Илл. 2. Сцена пиршества и симплегмы на берегу Нила из Дома врача в Помпеях.

Тот факт, что коренное египетское население изображается вместе с греческим, говорит о том, что римляне не выделяли карликов в качестве обособленной части египетского населения (как, к примеру, это было с пигмеями) и более того, любой египтянин вне зависимости от этнического происхождения мог быть изображен в образе карлика. Их образ намеренно искажался, имитируя физические патологии в виде большой головы, коротких конечностей, выступающих ягодиц и пр. Карликов в большинстве Нильских сцен легко можно узнать по непропорционально полному строению тела и несоразмерности относительно прочих элементов росписи (илл. №3), но иногда эти черты не столь выражены¹⁸, и изображения карликов определяются лишь наличием большой головы, коротких конечностей и т.п. В обоих случаях строения фигур людей далеки от классического канона, свойственного римским традициям, и все изображения карликов в Нильских сценах имеют в той или иной степени различные физические отклонения (илл. №4).

¹⁸ Как, например, на росписи триклиния из Casa del Efebo в Помпеях (I 7, 11).

Илл. 3. Фрагмент сцены с танцующими карликами из колумбария виллы Дориа Памфили в Риме.

Предположение П. Мейбума о том, что римляне изображали египтян в Нильских сценах в образе карликов по причине массового распространения среди коренного населения Египта в период античности достаточно редкого заболевания – карликовости, не выдерживает никакой критики¹⁹. Главным аргументом против этой теории является то, что одновременное изображение людей нормального роста вместе с карликами в Нильских сценах практически не встречается²⁰, а единичных дошедших до нас примеров недостаточно для подтверждения гипотезы.

Илл. 4. «Сражение» карликов с дикими обитателями нильской долины из Дома врача в Помпеях.

¹⁹ Meuboom 2007. P. 182.

²⁰ Всего можно выделить только два случая. Подр. см. Versluys 2002. Fig. 15, 121.

По мнению М. Верслояса, появление в Нильских сценах карликов и стереотипизация сюжетных линий соотносятся с переменой римской политики в отношении Египта, который становится частью *Imperium Romanum* и, соответственно, переходит в подчиненное положение по отношению к Риму. Изображение египтян как бесстыдных и жалких людей, противопоставляло их образу идеального римлянина, акцентируя социальную неполноценность местного египетского населения в глазах римских завоевателей²¹. Это позволяет выделить первый аспект интерпретации образа карликов в Нильских сценах, который можно обозначить как *социальный*. К тому же аспекту относятся и некоторые эротические сюжеты, встречающиеся в Нильских сценах как пародия на любовные похождения Марка Антония и Клеопатры, восходящие к периоду правления Октавиана Августа²². С социальным аспектом связано и появление карликов в Нильских сценах в качестве иллюстрации развлечений, которым предавались римляне и в которых карлики и иные люди с физическими отклонениями развлекали зрителей. С другой стороны, образ карликов в частных домах и виллах использовался и как оберег от зла²³, что позволяет выделить второй, не менее важный – *анотропеический* аспект, на наличие которого впервые указал Д. Кларк²⁴, сравнив представления римлян о том, что их окружают злые духи с современными представлениями о том, что мир вокруг нас наполнен бактериями и вирусами. Но если главные римские религиозные культы были направлены на то, чтобы избежать угроз, таких как война, эпидемия, голод, в масштабах всего общества, то отдельно взятому человеку приходилось обеспечивать свою безопасность и благополучие дополнительными мерами. В качестве одной из таких мер служили карикатурные изображения карликов в Нильских сценах. Одновременно смешной и отталкивающий образ карликов должен был служить оберегом от злых духов и сглаза. Особую силу этому оберегу придавали эротические сюжеты, где стилистически выделенные символы мужского начала были не только связаны с представлениями о неиссякаемом плодородии, но и с силой, способной дать отпор любому злу, которое будет представлять опасность для жителей дома или посетителей общественного сооружения.

Нильские сцены в римских общественных сооружениях (преимущественно в термах) позволяют определить третий аспект – *стилистический*. Нильские сцены наилучшим образом подходили для терм именно по причине изображения водной стихии²⁵. Они также размещались в качестве элемента декора в нимфеумах и водных садах таким образом,

---

²¹ Etienne 2003. P. 97–100.

²² Grimm 2000. P. 127.

²³ Garland 1995. P. 109; Clarke 1998. P. 42–45.

²⁴ Clark 2007.

²⁵ Functional and Spatial 1993. P. 34–37.

чтобы казалось, что вода является продолжением росписи²⁶, создавая тем самым реалистичный эффект присутствия²⁷ (илл. №5).

Илл. 5. Мозаичное украшение нимфеума в виридарии Дома великого герцога Тосканы в Помпеях.

Еще одной составляющей использования образа карликов в Нильских сценах является уже упомянутая взаимосвязь с символами плодородия и изобилия. Этот аспект использования образа карликов в Нильских сценах, не имеющий ярко выраженного негативного подтекста, мы обозначим как *символический*. Нильские сцены, насыщенные изображениями местной флоры и фауны, а также отчасти дополненные эротическими сюжетами, иллюстрировали не только уникальное для Египта природное явление – разлив Нила²⁸, но и счастливое, а отчасти даже комичное, состояние местного населения. Схожие черты можно найти у древнеегипетского бога Беса, иконография которого напоминает римскую стилистику изображения карликов²⁹ (илл. №6).

Важно отметить, что все четыре выделенные нами аспекта не являются взаимоисключающими: одни и те же сцены могут одновременно быть, к примеру, иллюстрацией плодородия и оберегом от зла. При этом очевидно, что изначально наибольшее значение имел социальный аспект и вероятнее всего именно он стал своего рода отправной точкой в преобразовании представлений о жителях долины Нила в конце I в. до н.э. Однако даже несмотря на то, что перемену в стилистике Нильских сцен мы связываем именно с завоеванием Египта, едва ли можно

²⁶ Как, например, на мозаике на южной стене виридария Casa della fontana в Помпеях (VII 4, 56) в нижней части нимфеума.

²⁷ De Naan 1997. P. 215.

²⁸ Meuyboom 1995. P. 150–154.

²⁹ Для сравнения статуя танцующего бога Беса из музея Алларда Пирсона в Амстердаме (Moormann 2000. P. 113) и изображения карликов в Нильских сценах из Casa dello Scultore (VIII 7, 22) в Помпеях.

говорить о мгновенной смене образов в обозначении египетской культуры. Связи между Египтом и Римом стремительно укреплялись, начиная с середины I в. до н.э., в то же время происходило становление римского имперского сознания, которое выражалось в возрастающей потребности четкой идентификации образа «другого».

Илл. 6. Танцующий бог Бес, конец I в. н.э., известняк (слева). Фрагмент сцены с танцующими карликами из колумбария виллы Дориа Памфили в Риме (справа).

Разумеется, процесс формирования этнических представлений о других культурах состоит не только из трезвых наблюдений, но и грубых заблуждений – предубеждений в отношении «других» и завышенных самооценок, а формирование идентичности происходит через отрицание негативных черт собственного народа и приписывание их «другим». Далеко не последняя роль в этом процессе принадлежит греческой и римской литературе с достаточно предвзятым отношением к египетской культуре. Большинство римских авторов объединяет отсутствие адекватного³⁰ понимания египетских культурных и религиозных традиций и, более того, нежелание разобраться в этом вопросе. Они выделяли отдельные особенности египетских религиозных верований, но совершенно игнорировали культурную среду, в которой зародились эти представления, часто применяя критерии оценки чуждые египетской культуре³¹.

³⁰ В данном случае термин «адекватный» служит для обозначения верного воспроизведения в представлениях, понятиях и суждениях объективных связей и отношений действительности. Иными словами, мы понимаем термин «адекватный» в значении «верный», «точный», «правильный».

³¹ Чисталев 2019. С. 176–177.

Именно в неверном (искаженном) восприятии римлянами отдельных религиозных традиций египетской культуры лежат корни возникновения некоторых стереотипов в отношении Египта и египтян, которые в свою очередь порождали негативные чувства.

Таким образом, появление образа карликов в Нильских сценах на начальном этапе было связано в первую очередь с попыткой показать инверсию нормальной цивилизованной жизни. Однако распространение *Aegyptiaca Romana* на территории Римской империи произошло быстрыми темпами и носило столь широкий характер, что уже к середине I в. н.э. изначальный негативный контекст был переосмыслен и интерпретирован по-новому. Квази-этнографические сюжеты становятся все больше связаны с апотропеическим и символическим аспектами. Тем не менее, в вопросе интерпретации образа карликов в Нильских сценах не существует единого подхода, общих правил, позволяющих дать четкое смысловое толкование. Особенно это касается той части Нильских сцен, которая хронологически может быть однозначно отнесена ко II в. н.э. или более позднему периоду. Если посмотреть на этот вопрос глобально, то следует констатировать, что в историографии за последние 150 лет так и не сложилось традиции, позволяющей без сомнений интерпретировать находки, составляющие целый культурный пласт, который мы называем *Aegyptiaca Romana*. Однако осмысленный отказ от безоговорочной религиозной трактовки большей части *Aegyptiaca*, который постепенно происходил, начиная с середины XX в., позволяет надеяться, что дальнейшие изыскания в этом направлении помогут выявить всю специфику экзотического образа Египта, который, совершенно определенно, включал в себя концептуально противоположные представления о египетской культуре.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. М., 2006. 640 с. [Saïd E.V. Orientalism. Zapadnye koncepcii Vostoka. M., 2006. 640 s.]
- Чисталев М.С. Египет и Рим. М., 2019. 320 с. [Chistalev M.S. Egiptet i Rim. M., 2019. 320 s.]
- Adriani A., Pensabene P. Repertorio d'arte dell'Egitto greco-romano. Palermo, 1961. V. II. 71 p.
- Blake, M.E. Roman mosaics of the late Empire in Rome and vicinity // *Memoirs of the American Academy in Rome*. 1940. Vol. 17. P. 81–130.
- Clarke J.R. Looking at lovemaking. Constructions of sexuality in Roman art 100 BC–AD 250. 1998. Berkely. 372 p.
- Clarke J.R. Three uses of the pygmy and the Aethiops at Pompeii: Decorating, «othering», and warding off demon // Nile into Tiber. Egypt in the Roman World / L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom (eds.). Leiden, 2007. P. 155–169.
- De Haan N. Nam nihil melius esse quam sine turba lavari. Privatbäder in den Vesuvstädten // *MededRom*. 1997. 56. P. 205–226.
- Etienne M. Queen, harlot or lecherous goddess? An egyptological approach to Roman propaganda images // Cleopatra reassessed, The British Museum Occasional Papers Iss. 103 / S. Walker & S., A. Ashton (eds.). London, 2003. P. 95–100.
- Functional and Spatial Analysis of Roman Wall paintings. Proceedings 5th International Congress on Ancient Wall Painting / E.M. Moorman (ed.). Leiden, 1993.

- Garland R. The eye of the beholder. Deformity and disability in the Graeco-Roman world. L., 1995. 280 p.
- Grimm G. Regina meretrix oder Kleopatra als königliche Hure? // Antike Welt. Zeitschrift für Archäologie und Kulturgeschichte. 2000. 31.2. S. 127–133.
- Lambrechts P. Augustus en de Egyptische Godsdienst. Brussel: Paleis der Academiën, 1956. 35 p.
- Lavin I. The Hunting Mosaics of Antioch and Their Sources: A Study of Compositional Principles in the Development of Early Mediaeval Style. Washington, 1963. 286 p.
- Malaise M. Inventaire pr éliminare des documents égyptiens découverts en Italie. Leiden, 1972. 207 p.
- Malaise M. La diffusion des cultes égyptiens dans les provinces européennes de l'Empire romain // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt: Geschichte und Kultur Roms im Spiegel der neueren Forschung / Hrsg. von W. Haase, H. Temporini. Tl. II. Bd. 17.4. Berlin; N.Y., 1984. P. 1615–1691.
- Meyboom P.G.P. I mosaici pompeiani con figure di pesci // Mededelingen van het Nederlands Historisch Instituut te Rome. Hague, 1977. Bd. 39. P. 49–94.
- Meyboom P.G.P. The Nile Mosaic of Palestrina: Early Evidence of Egyptian Religion in Italy. Leiden, 1995. 409 p.
- Meyboom P.G.P., Versluys M.J. The meaning of dwarfs in Nilotic scenes // Nile into Tiber. Egypt in the Roman World / L. Bricault, M.J. Versluys, P.G.P. Meyboom (eds.). Leiden, 2007. P. 170–208.
- Rostovtzeff M.I. Die hellenistisch-römische Architekturlandschaft // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1911. Bd. XXV. S. 1–186.
- Schefold K. Die Wände Pompejis. Topographisches Verzeichnis der Bildmotive. B., 1957. 378 s.
- Schefold K. Pompejanische Malerei: Sinn und Ideengeschichte. B., 1952. 207 s.
- Takács S.A. Isis and Sarapis in the Roman world. Leiden, 1997. 235 p.
- Versluys M.J. Aegyptiaca Romana: Nilotic Scenes and the Roman Views of Egypt. Leiden, 2002. 509 p.
- Vidman L. Isis und Sarapis // Die orientalischen Religionen im Römerreich / Hrsg. M. Vermaeren. Leiden, 1981. S. 121–156.
- Whitehouse H. Shipwreck on the Nile: A Greek Novel on a "Lost" Roman Mosaic? // American Journal of Archaeology. 1985. Vol. 89. P. 129–134.

Чисталев Марк Сергеевич, кандидат исторических наук, независимый исследователь; marcus7@mail.ru

Visualization of Egypt as exotic space in graphic monuments of Italy on the example of the Nilotic scenes

This paper explores the use of the image of dwarfs in visualizing the inhabitants of the Nile Valley on the example of the Nilotic scenes as a significant component in determining the nature and specific role of the Nilotic scenes in the Roman perception of Egypt. It is noted the interrelation between the change in the style of the Nilotic scenes and the sharp stereotypification of subject lines with changes in the Roman policy towards Egypt, which is connected with its formation as part of Imperium Romanum.

Keywords: Ancient Rome, Egypt, Nilotic scenes, appreciation of the alien culture

Mark S. Chistalev, Ph.D. (History), independent researcher; marcus7@mail.ru

И. Ю. ВАЩЕВА

МЕНТАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ЦАРСТВ В СОЧИНЕНИЯХ ХРИСТИАНСКИХ АВТОРОВ V–VII ВВ.

Статья посвящена проблемам интерпретации пространственных представлений в текстах христианских историков раннего Средневековья. Эти представления зачастую вызывают недоумение у современного читателя и объясняются отсутствием научного мышления. Однако в оптике ментальной географии многие такие «ошибки» или «странности» выглядят весьма привлекательными для исследователей. Обращаясь к практикам толкования библейской Книги Даниила и связанной с ними концепции четырех царств, автор статьи пытается выявить особенности осмысления данной теории в текстах Павла Орозия, Мовсеса Хоренаци и Себеоса, а также определить степень ее востребованности в трудах христианских авторов V–VII вв.

Ключевые слова: ментальная география, теория четырех царств, Сульпиций Север, Павел Орозий, Мовсес Хоренаци, Себеос, историческая мысль раннего средневековья

Идея *всемирной истории* кристаллизовалась в традиции историописания благодаря христианским авторам IV–VII вв., и ее разработка потребовала ввести в исторические нарративы новые ментальные схемы, позволившие ранжировать обширный фактографический материал в контексте принципиально новой интеллектуальной конструкции, каковой представало общемировое пространство. Одним из компонентов христианской мысли при этом оказывались концепции четырех царств и *translatio imperii*, связанные с толкованиями библейской Книги Даниила¹. Данная теория не была сформулирована исключительно христианскими историками, ее истоки фиксируются и в иудейской, и в греко-римской античной традиции². Тем не менее, идея четырех царств прочно закре-

---

¹ Momigliano 1980; The Book of Daniel 1993; Delcor 1986; Swain 1940; Casey 1976; Podskalsky 1972.

² Истоки данной концепции неоднократно обсуждались в исторической литературе. Принято считать, что впервые о четырех монархиях (или царствах) упоминается в сочинении Эмилия Суры, фрагмент которого сохранился в «Римской истории» Веллея Патеркула (I.6.6). В дальнейшем идея четырех (или пяти) монархий будет представлена в сочинениях Дионисия Галикарнасского, Помпея Трога и других античных историков. Список империй включает Ассирийскую державу, Мидийскую, Персидскую, Македонскую. Наследницей их является Римская империя (а также Парфянское царство у Помпея Трога). Для библейской традиции гораздо более значимым является Вавилонское царство в качестве первой империи (см.: Delcor 1986). Другие авторы, принимая в целом саму идею, неоднократно пересматривали список четырех империй, включая в него Египет, греков, Эдом и т.д. (Flusser 1972). В конечном итоге ко II в. н.э. список 4 империй утвердился в более или менее фиксированном виде и выглядел как последовательность Ассиро-Вавилонского царства, Мидийского (точнее Мидо-персидского, поскольку его

пилась в историописании Средневековья, прежде всего, благодаря «Хронике» Евсевия Кесарийского, который, систематизируя события прошлого, обратился к истории Ассирийского, Мидийского, Персидского, Македонского царств и, наконец, Римской империи.

Отметим, что перечень четырех наиболее значимых царств (подчас серьезно расходящийся с библейским источником), а равно и роль каждого из них в истории, виделись авторам раннего Средневековья по-разному. Если у самого Даниила история начинается с Вавилонского царства, а далее говорится о Мидийской, Персидской и Греко-македонской державах, то в «Хронике» Евсевия Кесарийского этих царств уже пять: на смену Вавилонскому приходит Ассирийское, отдельно рассмотрены Мидийское, Персидское, Македонское, а завершается перечень Римской империей (вместо греческого царства). Евсевий не являлся творцом новой теории и, вписывая Римскую империю в контекст мировой истории, лишь следовал за Иринеем Лионским³, Ипполитом Римским⁴ и Кириллом Александрийским⁵, чьи сочинения были весьма популярны во II–III вв., но именно текст Евсевия определил дальнейшее бытование концепции в историографической традиции: большинство позднейших авторов подразумевали под великими царствами Ассиро-Вавилонскую (за исключением «Истории» Сульпиция Севера, предпочитавшего говорить о царстве халдеев), Мидо-Персидскую, Македонскую (Греко-Македонскую), Римскую державы⁶.

Главный вектор осмысления теории последовательно сменявших друг друга великих царств, которая позволяла обосновать единство библейской и античной (греко-римской) истории и поместить образы прошлого в общий эсхатологический кадр, вряд ли сильно менялся. Но некоторые отличия в толкованиях ее христианами историками, которые принадлежали к разным поколениям, культурным стратам и локальным сообществам, все-таки фиксируются. Попробуем обозначить наиболее важные из этих особенностей, обратившись к сочинениям Сульпиция Севера, Павла Орозия, Мовсеса Хоренаци и Себеоса, в которых идея *translatio imperii* может считаться и своеобразным нарративным стержнем, и средством для фокусировки поменявшейся исторической оптики.

Так, *Сульпиций Север*, трактуя «перечень» четырех царств, ссылается на библейский рассказ о сне Навуходоносора и его объяснение Даниилом, но сам этот перечень выглядит необычным. Автор пишет:

представителем является Дарий «Мидийский»), Греко-македонского (у одних авторов фигурирует как греческое, у других — как македонское) и, наконец, Римского царства.

³ Irene. Contre les Heresies. V. 26; V.30.3

⁴ Hippolyt. Comm. In Dan. II.3.12.; IV.17; De Christo et antichristo. 23–25; 28. Подробнее см.: Nuove ricerche su Ippolito 1989.

⁵ Cyrillus Alexandrinus. In Zachariam prophetam commentaries // PG. 72, 92; de Boer 1985.

⁶ Подробный разбор истоков и эволюции концепции см. Podskalsky 1972.

«И вот вслед за этим [такое] дал пророк объяснение увиденному во сне идолу через образ мира. Золотая голова есть царство Халдейское, ибо оно, как мы знаем, было первым и могущественнейшим. Грудь и руки серебряные означают второе царство, ибо Кир, победив Халдеев и Мидийцев, власть передал Персам. В животе медном возвещается третье царство, и мы ясно видим, что это Александр, свергнув власть Персов, утвердил Македонию. Железные голени есть четвертое государство, под ним понимается Рим, из всех предшествующих царств сильнейшее. Ноги же частью железные, частью глиняные есть Римское государство, которому предначертано разделиться так, чтобы уже никогда не воссоединиться вновь, что так же исполнилось, ибо не одним императором, но многими и часто с оружием в руках или противоречивыми страстями государство Римское управлялось» (П.Ш.1–5).

Оригинальность трактовки обеспечивается введением в общепринятую схему Халдейского царства. Для Сульпиция Севера Халдейское царство – «первоначальное местожительство» родоначальника народов Авраама (I.5.1), поэтому рассказ об истории рода человеческого связывается у него с Халдейской землей, в отличие и от античной трактовки, согласно которой первым царем был ассириец Нин⁷, и от библейской, выдвигавшей на роль первой мировой «империи» Вавилонское царство.

---

⁷ О царе Нине дал прекрасную справку В.М. Тюленев: «Упоминания о царе Нине нет ни в одном источнике собственно восточного происхождения. Первые упоминания о нем принадлежат к греко-римской литературной традиции. Имя этого ассирийского царя встречается у Геродота, который называет Нина сыном Бела, внуком Алкея (Herod. Hist. 1.7), отцом Сарданпала (Herod. Hist. II.150). В дальнейшем главным источником сведений о царе Нине для европейских историков стала Persica Ктесия Книдского (ок. 400 г. до н.э.). Относительно определения первого исторического царствования в греко-римской литературе существовало по крайней мере две традиции. Обе они были известны Орозю. Согласно первой, идущей, как считается, от Кастора Родосского (автор Хроники, доведенной до 61 г. до н.э.) через Варрона (см.: Arnaud-Lindet М.-Р. (Orose). Т. 1. Р. 197–198), первым историческим царем был Бел, отец Нина. Источником второй традиции, согласно которой первым царем следует считать Нина, для Орозия послужил Юстин (Jus. Epit. I.1–5; 1.8). При этом следует оговориться, что Юстин считал Нина первым царем-завоевателем, в отличие от предшествующих миролюбивых царей; Юстин к тому же называет неких египтянина Весозиса и скифа Танаиса, правивших прежде Нина и искавших славы для своих народов вдали от дома (Jus. Epit. I.1.6–7). Уже Августин смешивает обе традиции. Сначала со ссылкой не только на Помпея Трога и Юстина, известных Орозию, но и на других авторов он сообщает о Нине Ассирийском как о первом царе: «С какой бы долей правдивости ни писали и Юстин, и Трог... все же в кругу прочих писателей также признано, что власть ассирийцев простерлась и вширь, и вдаль при царе Нине» (Aug. De civ. Dei IV.6). Несколько позже, в XVI книге трактата *О граде Божьем*, написанной после публикации Истории Орозия, Августин называет первым царем Бела, отца Нина, говоря, что Бел правил шестьдесят пять лет, а после него царствовал Нин в течение шестидесяти двух лет (Aug. De civ. Dei XVI. 17). В VII книге Истории Орозий укажет на свое знание подобной традиции, однако останется верным Юстину (Hist. VII.2.13). Имя царя Нина запечатлено в названии ассирийского города Нинивеи, в отношении которого Нин рассматривался в качестве героя-основателя». Тюленев 2001. Т. 1. С. 169.

Еще сильнее отличается от принятой схемы толкование Павла Орозия. Если все его предшественники так или иначе транслировали мнение о четырех царствах, которым *поочередно с востока на запад передавалось мировое господство*, то для Орозия эти царства привязаны к частям света: Вавилонское царство располагалось на востоке, Карфагенское (sic!) – на юге, Македонское – на севере, а Римское – на Западе⁸. Некоторые исследователи видят в таком подходе результат совмещения теории четырех земных империй с представленной Иеронимом идеей разделения державы Александра Македонского на четыре части⁹. Однако здесь присутствует совершенно иная логика, и она четко отрефлексирована самим автором во второй книге «Истории против язычников»:

«А если всякая власть от Бога, то тем более от Бога царства, из которых берет начало любая другая власть; а если от Бога всякое царство, то в еще большей мере от него всякое великое царство, которому покоряется вся мощь остальных царств; таковым сначала было Вавилонское царство, затем Македонское, потом Африканское и, наконец, Римское, которое и ныне продолжает существовать, и по этому невыразимому определению *в четырех сторонах света возникли четыре великие царства*¹⁰, а именно – Вавилонское царство на востоке, на юге – Карфагенское, на севере – Македонское, на западе – Римское; из них между первым и самым последним, то есть между Вавилонским и Римским, как бы между престарелым отцом и маленьким сыном, возникли, словно опекун и покровитель, Африканское и Македонское, кратковременные и срединные царства, *допущенные властью времени, а не по праву наследования*» (II.1.3–6). К этой же мысли Орозий возвращается и в седьмой книге: «... между Вавилонским царством, что располагалось на востоке, и Римским, которое, возвышаясь на западе, взращивалось наследием востока, *посредничали Македонское и Африканское царства, то есть они на юге и на севере в краткий срок своего существования как бы играли роль опекуна и покровителя*» (VII.2.4).

Таким образом, Павел Орозий акцентирует не только пространственную, но и хронологическую логику в процессе наследования земного величия (*translatio imperii*)¹¹. Кроме того, если первые три великих царства соотносятся у него с репрезентацией отдельных частей ойкумены – Азии, Европы и Африки¹², то Римская империя, возвышающаяся на Западе, но «вращенная наследием Востока» при посредничестве македонян и карфагенян, мыслится уже как «универсальная» *всемирная империя*. Специфика «Истории против язычников» – еще и в наделении концепции четырех царств весьма прагматическим статусом на уровне нарративной стратегии. Если иным христианским авторам эта теория

⁸ Подробнее см.: Janvier 1982; Тюленев 2005. С. 169–170.

⁹ Jerome. In Danielelem. I.2.31–35; II.7.4–7.

¹⁰ Здесь и далее при цитировании источников курсив автора статьи.

¹¹ См.: Тюленев 2005. С. 167–178. О концепции *translatio imperii*: Trieber 1892; Swain 1940; Flusser D. 1972; Collins; Mendels 1981; Alonso-Núñez 1989; Redmond 1989–90.

¹² «Предки наши видели весь круг земной, опоясанный океаном, трехдольным и называли три его части Азией, Европой и Африкой» (I.2.1).

представлялась главным образом умозрительной, то в сочинении Орозия она служит также основой для структурирования событийного материала, относящегося к греческому (II.6–11; II.14–18; III.1–2; III.11 и далее), македонскому (III.12–14; III.16–20; III.23), карфагенскому (IV.6–19) и римскому (V–VII кн.) прошлому. Повествование автора о всемирной истории смещается с севера на юг и с востока на запад, от Греко-македонского царства до Карфагенского и от Вавилона до Рима, причем именно последний вектор (Восток–Запад, Вавилон–Рим) является основополагающим, поскольку маркирует связь первого и последнего всемирного царства, царства севера и юга в этой системе наделяются промежуточным значением («*ролью опекуна и покровителя*»).

Обращаясь к идее *translatio imperii* и модели четырех царств, Орозий решает не только композиционные задачи, но «активно теоретизирует по поводу концепции четырех Империй, он наполняет ее хронологическими подсчетами, а также обнаруживает в истории четырех империй большое количество синхронизмов и событийных параллелей», особенно между Вавилоном и Римом¹³. Для обоснования сходства Римской и Вавилонской держав и необходима Орозию указанная теория. Такое уподобление позволяет доказать, помимо прочего, что взятие Рима готами не является свидетельством конца, что Рим еще не прожил «вавилонского времени» (1400 лет от своего основания) и, следовательно, еще достаточно долго будет благоденствовать. Орозий пишет:

«...Вавилон, спустя 1160 лет и приблизительно 4 года, как был основан, оказался разграблен мидийцами и Арбатом... и был лишен владычества и самого царя; сам же [город] после этого довольно долго оставался невредимым. Подобным же образом и Рим по истечении такого же срока, т.е. спустя 1160 лет и приблизительно 4 года [от основания], потревоженный готами и Аларихом... не лишенный владычества, до сих пор остается невредимым и царствует» (II.3.2–3). Кроме того, «и у Вавилона, и у Рима было сходное возникновение, сходное влияние, сходное могущество, сходные времена, сходные блага, сходные несчастья, но все же не был одинаков их исход и упадок. Ибо тот [город] утратил власть, этот сохраняет; тот осиротел после убийства царя, этот, поскольку невредим император, безмятежен. Почему же так? Потому что там в царя была наказана неводержанность страстей, здесь в царя пребывало непрерывнейшее благочестие христианской религии; там без почтения религии безумный произвол порождал жажду сладострастия, здесь были христиане, которые смогли уберечь [город], христиане, благодаря которым можно было уберечься, христиане, благодаря эпохе которых и в эпоху которых может быть пощада» (II.3.6–7).

Идея благополучия и процветания империи благодаря христианам и правлению христианских правителей, теория превосходства христианских времен над языческой эпохой проходит красной нитью через все сочинение Павла Орозия¹⁴. В рамках такого подхода¹⁵ ключевой

¹³ Подробнее см.: Тюленев 2005. С. 172–177.

¹⁴ Там же. С. 178–186.

оказывается провиденциальная роль Рима в истории Спасения человечества: «Бог, сменяющий царства и располагающий времена, а также карающий за прегрешения... основал Римскую империю... Её, возвышенную за долгое время через царей и консулов, после того как ею были покорены Азия, Африка и Европа, Бог, по определению своему, отдал в руки одного императора, самого энергичного и самого кроткого... При этом императоре... Бог истинный... открыл тот знаменитый источник Своего постижения» (VI.1.5–7). Вероятно, Орозий, возражая оппонентам из числа язычников и вопреки эсхатологическим ожиданиям многих христиан, использовал концепцию четырех царств, чтобы обосновать превосходство христианского Рима над всеми прочими царствами и его нескорую гибель. В контексте христианского историописания на рубеже Античности и Средневековья данное обоснование позволяло настаивать на том, что именно Римская империя – провиденциально последнее мировое царство, во время существования которого однажды уже реализовалось предсказанное торжество христианской истины, а позднее должно свершиться и Второе Пришествие.

Примеры необычного сочетания концепции четырех царств с типикой христианского универсализма и своеобразно истолкованной идеей христианской империи обнаруживаются не только в латинских текстах эпохи, но, к примеру, и в древнеармянской историографии. Более того, именно на армянской почве конфигурация отмеченных сюжетов обретает весьма причудливые формы, без учета которых нельзя адекватно судить о многих «несоответствиях» и «неточностях» в описаниях прошлого армянскими историками. Так, ярко выраженной спецификой обладают пространственные компоненты в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци. Важное место в его повествовании о прошлом армянских земель занимает Эдесса и ее правитель Абгар IV Ухама. Сирийский город Эдесса попадает на страницы «Истории Армении» не случайно и не вследствие оплошности автора. Его основание в интерпретации Мовсеса Хоренаци напрямую связано с армянской историей: первоначальной столицей Абгара оказывается армянский город Мцбин, Эдесса же выступает форпостом на восточных границах его царства, куда этот правитель со временем переводит свой двор и царский архив, фактически превращая Эдессу в собственную резиденцию (II.27)¹⁶.

¹⁵ В целом об исторической концепции Павла Орозия см.: Faink 1951; Diesner 1963; Goetz 1980; Koch-Peters 1984; Ampio 1988; Polichetti 1999. О совпадении и переплетении Римской политической истории и священной христианской истории особенно см.: Inglebert 1996. P. 527–591.

¹⁶ «Немного спустя умирает Август и его на римском престоле сменяет Тиберий. Германик, ставший кесарем, подвергает поношениям вельмож, посланных в Рим Аршавиром и Абгаром, за проведенную ими войну, в которой был убит сын брата Ирода. Ожесточенный этим, Абгар замышляет мятеж и готовится к войне: строит

Большинство деталей повествования, связанных с личностью Абгара Ухамы, выглядит у Мовсеса Хоренаци интригующе. Мовсес не только ссылается на него как на первого в истории царя, принявшего христианство, но и представляет Абгара, не имевшего особого отношения к Армении, едва ли не главным персонажем армянской истории. Мовсес неоднократно обращается к его деяниям и в первой, и во второй книгах «Истории». Он, в частности, пишет: «В двадцатом году Аршеза, когда истекли дни его царствования, собралось армянское войнство и по его указанию провозгласило царем над собой Арджамом, то есть Аршамом¹⁷, сына Арташеса, брата Тиграна, отца Абгара» (II.24). Автор не только считает и называет Абгара «нашим царем» (II.25) или «царем Армении» (II.33), но вводит его в династию Арташесидов, а само имя правителя трактует на армянский манер: «Абгар, сын Аршамом, вступает на престол на двадцатом году правления Аршавира, царя персов. Этот Абгарос именовался “*аваг айр*” из-за своей необычайной скромности и мудрости, а потом также из-за возраста. Греки и сирийцы, не умея правильно произнести это (имя), наименовали его Абгарос» (II.26). Так, с помощью серии сомнительных отождествлений и домыслов сирийский правитель Абгар Ухама становится правителем армян.

Под пером Мовсеса Хоренаци Абгар становится также героем, связывающим судьбы царской власти (восходящей к первому царю – Нину) и христианскую историю. В ключевые моменты истории на ее авансцене оказываются армяне. Даже характерный для христианского историописания синхронизм «Август – Христос» (II.26) в сочинении Мовсеса призван подкрепить не только идею событийного пересечения церковной и имперской истории (предусмотренного промыслом Божиим), но и причастность к величайшим эпизодам прошлого Абгара и армян: Абгар не только правит Арменией, но и улаживает дела персов, учреждая у них три рода (к одному из них принадлежал просветитель Армении св. Григор) и утверждая порядок наследования, дабы не пресекался род Арташеса, ведь «этот великий род воистину является кровью Валаршака, то есть семенем Аршака Великого, брата Валаршака» (II.27).

город на том месте, где сторожевой полк армян в свое время охранял Евфрат от Кассия, и называет его Эдессой. Переносит туда свой двор, бывший в Мцбине, и всех своих идолов – Набога, Бела, Батникала, Тарата, и книги храмовой школы, также и все архивы царей» (II. 27).

¹⁷ Исследователи и комментаторы «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци отмечают, что имя **Аршам** возникло по недоразумению: у царя Эдессы Абгара было прозвище Укама («Черный»), которое в армянском переводе «Церковной истории» Евсевия Кесарийского передано в форме Арджамом (от арджн – «черный»), а в переводе труда Лабубны – Аршамом. «Абгар Аршамом» было воспринято как «Аршамом Абгар», т.е. Абгар, сын Аршамом. Отсюда возникло представление, что Абгару на троне Эдессы предшествовал Аршамом.

Благодаря Абгару история Армении напрямую связывается с историей библейской, при этом противниками армянского царя оказываются Пилат, Ирод и прочие злодеи. Мовсес пишет: «враги – Пилат и тетрарх Ирод, Лисания и Филипп – злословили на его счет. Абгар же, прибыв в свой город Эдессу, заключил союз с Аретом, царем патрийцев, и послал ему помощь через некоего Хосрана Арцруни для ведения войны с Иродом. Ибо Ирод, ранее женатый на дочери Арета, выгнал ее с позором и взял (в жены) Иродиаду, разведя ее с живым мужем, за что постоянно подвергался осуждению со стороны Иоанна Крестителя, и по этой причине убил его. И из-за бесчестия дочери между Аретом и им вспыхнула война, в которой *при помощи армянских храбрецов войскам Ирода было нанесено тяжелое поражение; как будто providению Божию было угодно воздать за смерть Иоанна Крестителя*» (I.29).

Так, армянский народ не только оказывается сопричастен евангельским событиям, но также выполняет важную миссию, осуществляя божественное возмездие. Далее излагается знаменитая легенда о переписке Абгара с самим Иисусом Христом, об исцелении царя и его обращении в христианство, а также о проповеднической деятельности в Эдессе апостолов Фаддея и Варфоломея (I.33), которых Мовсес называет «нашими апостолами» (I.34). Все эти сюжеты необходимы армянскому историку для обоснования того, что свет истинной веры очень рано воссиял на армянской земле и армянская церковь по праву считается апостольской.

Ментальная карта «Армянской истории» включает обширные, но хорошо узнаваемые регионы. Здесь интересно, впрочем, что понятия «Армения» и «армянский» четко не привязываются к конкретным географическим объектам. Перед читателем, скорее, образ некоей «срединной земли», наделенный глубоким символическим смыслом: Армения – это посредница между Востоком и Западом, связующее звено между первым в мировой истории царством Нина и Римской империей. Собственно, и повествование Мовсеса начинается с происхождения народов и деяний Арама – потомка Иафета и прародителя армян, который превосходит самого Нина и древностью, и могуществом¹⁸.

---

¹⁸ «Он настолько прославился могуществом, что окружающие нас народы по сей день, как всем известно, называют нашу страну по его имени. Он совершил еще множество других отважных подвигов, но... обо всем этом не упомянуто в коренных царских книгах или в храмовых историях... Во-первых, потому, что его время предшествовало царствованию Нина, а тогда никто не проявлял заботы о подобных вещах». Он приводит и другую причину: «Как я узнал, Нин, будучи человеком гордым и самолюбивым и желая показать, что именно им положено начало и власти над миром, и всяческой доблести и благодати, приказал предать огню все прежние сборники преданий о совершенных где-либо и кем-либо подвигах доблести, а те, что состоялись в его время, приостановить и записывать только касающиеся его одного» (I. 14).

Пребывание армян под властью завоевателей трактуется Мовсесом Хоренаци весьма своеобразно. История армян в целом не подчинена «стандартной» нарративной схеме, в которой за фазами порабощения и страданий угнетенного народа должны последовать героическое сопротивление завоевателям и период «реального» или возмещаемого писателем триумфа. Факты покорения армян великими завоевателями древности представлены отнюдь не трагическими поражениями, но подаются как заключение выгодных народа альянсов, благодаря которым армяне выступают друзьями и союзниками «агрессоров», а иногда и главными участниками славных завоевательных походов. Например, завоевание персами Мидийского царства Мовсес преподносит как великую победу армянского царя Тиграна¹⁹, который в союзе с Киром и при его помощи разгромил царство мидян (I.24). Он, в частности, пишет о Тигране: «это самый могущественный и разумный из наших царей, превзошедший в храбрости не только их, но и всех остальных. Он при помощи Кира сокрушил владычество мэдов (т.е. мидян. – И. В.) и, покорив греков, долгое время держал их в повиновении. Он раздвинул пределы страны нашего обитания, доведя их до крайних древних ее рубежей. Он вызывал зависть всех своих современников, а для нас, ныне живущих, его время и он сам – заветная мечта» (I. 24).

Согласно Мовсесу, армяне прославились подвигами «в Илионской войне, описанной у Гомера»: «Также и наш Зармайр, служивший ассирийцам, с немногими (воинами отправился) вместе с эфиопским войском на помощь Приаму и там, получив рану от эллинских храбрецов, умер; желал бы я, чтобы это было от Ахилла, а не от кого-либо другого из храбрецов» (I.2). Судьба армянского народа оказывается переплетенной и с историей Александра Македонского. Довольно причудливым способом Мовсес связывает этого величайшего завоевателя древности с династией Аршакуни, которая правила в Армении:

«Александр Македонский, сын Филиппа и Олимпиады, двадцать четвертый потомок Ахилла, овладев всей вселенной, умирает, завещав свое государство многим, дабы всюду считали властителями македонян. Вслед за ним в Вавилоне воцарился Селевк, отобрав власть у многих; в упорной войне он покорил также парфян и поэтому был прозван Никанором²⁰. Он властвовал тридцать один год и оставил царство своему сыну Антиоху, прозванному Сотером [который процарствовал] девятнадцать лет. За ним последовал Антиох, прозванный Теосом [процарствовавший] десять лет, а на одиннадцатый парфяне отпали от служения македонянам. Так воцарился Аршак Храбрый из Авраамова семени, от отпрысков Кетуры²¹, в подтверждение слова Господнего к Аврааму: “цари народов от тебя произойдут”» (II.1).

¹⁹ Имеется в виду Тигран I Ервандид (ок.560–535 г. до н.э.).

²⁰ Селевк I Никатор (312–281 г. до н. э.), основатель династии Селевкидов.

²¹ Кетура, Хеттура – вторая после Сары жена библейского Авраама, родившая ему сына, названного Мадияном (Бытие 25:1).

В другой части говорится о роли Аршака в прошлом Армении:

«Рассказывают, что *Аршаак Великий*, царь Персии и Парфии и родом парфянин, отложившись от македонян, воцарился над всем Востоком и Ассирией и, убив в Ниневии царя Антиоха, *подчинил своей власти всю вселенную*. Брата своего Валаршака он ставит царем в Армении, сочтя это благоприятным для сохранения неизблемости своего царствования. Столицей ему он назначает Мцбин²² и включает в пределы его (государства) часть западной Сирии, Палестину, Азию²³, все Средиземье²⁴ и Теталию²⁵, начиная от Понтийского моря до того места, где Кавказ оканчивается у Западного моря²⁶, а также Атрпатакан²⁷ “и прочее, чего достигнут мысль твоя и храбрость, ибо границы храбрецам, говорит он, определяет их меч: сколько отсечет, стольким и владеют”» (I.8). Мовсес подчеркивает значимость Аршака I в мировой истории: «*Аршаак же завладевает третьей частью света*, как об этом можно узнать из четвертой книги Геродотовой Истории о событиях, сообщающей о делении всей земли на три части и о том, что одна из них называется Европой, другая – Ливией и третья – Азией; ею-то и овладел Аршаак» (II.2).

Здесь важно и происхождение Аршака «от Авраамова семени», и предзаданность его воцарения Священным Писанием, и соотнесенность с Александром Македонским, и власть армянского царя над огромными территориями, и соединение в руках Аршака и династии Аршакуни светского и духовного владычества, унаследованного от Авраама.

В результате виртуозного рассказа Мовсеса Хоренаци армянский царь Валаршак, через родство с Аршаком Великим, оказывается одним из наследников державы Александра Македонского.

Попытки Мовсеса удревнить историю собственного народа и связать ее с судьбами всей ойкумены, максимально расширив владения армянских правителей, выглядят более-менее заурядными, но его рассказ о противостоянии армян с римлянами интригует²⁸. Странно то, что царь Великой Армении Тигран Великий (95–55 гг. до н.э.) – один из самых могущественных представителей династии Арташесидов и великих завоевателей древности, присоединивший к Армении Сирию, Месопотамию и земли парфян²⁹, – в сочинении Мовсеса не заслуживает ни похвалы, ни уважения. В начале второй книги историк бегло, без эмоций сообщает о многочисленных победах армян (в правление и под предво-

²² Мцбин – сирийский город Нисибин в Северной Месопотамии, близ границ исторической Армении.

²³ Азия – в данном случае западная часть Малой Азии, соответствовавшая территории римской провинции Азии.

²⁴ Средиземье (Миджеркрайк) – так у Мовсеса называется полуостров Малая Азия.

²⁵ Теталия – страна, судя по контексту, между Черным и Каспийским морями.

²⁶ Западное море – судя по всему, Каспийское море, которое названо так с точки зрения обитателей исконной Парфии, располагавшейся к юго-востоку от Каспия.

²⁷ Атрпатакан – Атропатена, нынешняя иранская провинция Азербайджан.

²⁸ Подробнее см.: Ващева 2012.

²⁹ Кусикьян 1940; Манандян 1943; Манасерян 1982; Халатьянц 1903.

дательством Тиграна) над римлянами и другими могущественными противниками (II.17–20), что, однако, ничуть не добавляет славы Тиграну. Далее в «Истории» читаем: «Тирана сменяет его брат Тигран Последний, занявший престол в двадцать четвертом году правления персидского царя Пероза. Он царствовал долго – сорок два года и умер, так и не свершив никаких достойных упоминания подвигов мужества, кроме разве того, что был взят в плен некоей молоденькой гречанкой во времена, когда скончался римский царь Тит Второй, который был назван Антонином Августом...» (II.64). Тиграна Мовсес изображает не просто плохим воином и полководцем (он был пленен девицей и освобожден только римлянами), но и непорядочным человеком, который легко нарушал государственные и брачные обязательства и отрекся от своих сыновей (II.64). В целом, образ Тиграна Великого задан армянским историком V века на удивление скупое. Автор, вместо гордости за соотечественников демонстрирует довольно благосклонное отношение к завоевателям (римлянам) и куда как более негативное – к армянскому правителю. Сходным способом Мовсес характеризует и сына Тиграна – Артавазда. Последний описан, прежде всего, как глубоко порочный и нечестивый правитель: «Артавазд, однако, не совершил каких-либо иных мужественных и доблестных деяний. Предавшись обжорству и пьянству, он бродил по болотам, тростниковым зарослям и скалистым местностям, преследуя диких ослов и кабанов. Пренебрегая мудрыми и отважными делами и заботой о доброй славе, истинный прислужник и раб чрева, он лишь умножал нечистоты» (II.22). Автор не говорит о том, что в военных сражениях против римлян армянские войска под предводительством Артавазда неизменно одерживали победы, а сам армянский правитель был захвачен лишь после того, как Антоний хитростью заманил его в свой лагерь, якобы для ведения переговоров. Последние события вообще представлены как доблестная военная победа Антония: «с большим войском он идет на Артавазда и, пройдя через Месопотамию, предает мечу невероятное множество армянских воинов и забирает в плен их царя» (II.22). Складывается впечатление, что симпатии армянского историка находятся на стороне римлян. Мовсес изображает их не столько коварными и жестокими противниками и поработителями Армении, сколько доблестными воинами и покорителями всего мира.

В чем причины столь парадоксальной репрезентации событий армянским автором? Ответить на этот вопрос невозможно, опираясь лишь на фактографию повествования Мовсеса Хоренаци. По нашему мнению, специфическая интерпретация этим автором конфликта между армянами и римлянами должна быть соотнесена с восприятием идеи *translatio imperii* и теории четырех царств. Вероятно, именно они во многом определили структуру «Истории Армении» и толкование ряда исторических сюжетов. Так, занимающая центральное положение вто-

рая книга («Изложение средней истории наших предков») повествует не столько о судьбах армянского народа, сколько об утверждении в мире власти римлян – по сути, о начале четвертого, последнего из возведенных пророком, мировых царств. С учетом распространенности этой концепции и ее возможного влияния на мировоззрение Мовсеса, понимание им роли армян во всемирной истории предстанет в несколько ином свете. Армяне для него – не столько сообщество, субъективно претерпевающее вызовы времени (завоевания, порабощения и т.п.), или самостоятельный актер истории, сколько богоносный народ, способствующий реализации божественного плана. Именно армяне сломали власть мидийцев (I.24), способствовали переходу власти над миром от македонян к римлянам (рассказ о войне армян против македонянам и дружбе с римлянами в II.2). Всюду у Мовсеса армяне выступают не врагами или вынужденно покорными данниками Рима, но его союзниками и друзьями, а Аршак Храбрый «отправляет послов договориться (с римлянами. – *И.В.*) о союзе, чтобы они не помогали македонянам, с условием *не уплаты дани, а ежегодных даров* в сто талантов» (II.2).

Такое толкование событий армянским автором отнюдь не случайно. Мовсеса Хоренаци трудно заподозрить в незнании материала, недобросовестности или недостатке образования. Перед нами, напротив, тщательно продуманный текст, его задача – выстроить целостный образ прошлого армян, который, соответствуя основным посылам христианской традиции, позволял бы соотнести это прошлое с Божественным промыслом, глобальной историей Спасения.

Еще дальше идет армянский автор VII века *Себеос*, историческое повествование которого («История императора Иракла») ³⁰ организовано в прямом соответствии с концепцией *translatio imperii* и схемой четырех царств. Себеос ссылается на пророчества Даниила, но по-своему интерпретирует известные библейские сюжеты:

«Кто может рассказать о страшных бедствиях, нанесенных исмаильтянами, которые воспламенили пожаром море и сушу? Пророк Даниил заранее предсказал эти бедствия, постигшие землю; он уподобил четверем зверям четыре царства, должествующие возникнуть на земле. Во-первых, западное царство греков – зверь подобный человеку. Пророк говорит “исторжена быша крила его и воздвигется от земли” и подразумевает здесь бесовское идолопоклонство. “И на ногу человеку ста, и сердце человеку дадеса ему”. Второй зверь, подобный медведице, восстал на востоке. Он подразумевает царство Сассанидов. “И три ребра во устех его”, то есть царства: персидское, мидийское и парфянское. Это явствует из того, что ему говорят: “восстани, яждь плоти многи”, как он и съел многих. “И третий зверь аки рысь: тому же крила четыре птичьи над ним и четыре главы зверю”. Говорится о северном царстве – Гога и Магога и о двух товарищах его, которым дана была власть стремительно летать в северных стра-

³⁰ The Armenian History attributed to Sebeos...

нах в свое время. “И се зверь четвертый страшен и ужасен, зубы же его железни велии, и ноги его медяны, ядый и истончевша, останки же ногами своими попираше”. Этот четвертый [зверь] – царство исмаильтян на юге, как объяснил архангел: “Зверь четвертого царства превзойдет все царства и поест всю землю”. “И десять рогов его, десять царей восстанут, и по ним восстанет другой, иже превзойдет злобами всех прежних”» (Ш.32).

Мы видим, что основные акторы и сам порядок перехода земного могущества от одного царства к другому, выглядят совершенно иначе, чем в упомянутых ранее текстах. Вместо Вавилона первым царством названо «западное царство греков (или ромеев)», которое в VII в. может идентифицироваться только с Византийской империей и Константинополем. Место царства мидян и персов занимает держава Сасанидов на востоке. Третьим, взамен привычного Греко-Македонского, выступает «Северное царство», или «царство Гога и Магога», не поддающееся более точной локализации. Наконец, четвертое и последнее в плане христианской эсхатологии царство, которое всеми предшествующими авторами прочно ассоциировалось с Римской империей, оказывается «царством исмаильтян на юге». Появление в традиционной схеме исмаильтян вызывает, пожалуй, наименьшее число вопросов. Их царство оправданно ассоциируется с арабами, о чьих завоеваниях огромных территорий в VII в. свидетельствует сам Себеос. Относительно предсказуемо и определение их религиозной принадлежности: «исмаильтяне» посланы Богом, чтобы разрушить установившийся мировой порядок, тогда как греки изображены отступниками от истинной веры, а персы однозначно рассматриваются как язычники. Однако все дальнейшие рассуждения по поводу смыслов, заложенных автором в «Историю императора Иракла», наталкиваются на серьезные проблемы. Реконструкция на ее основе реальных исторических событий, развернувшихся на обширных территориях (Византии, Персии, Аравийского полуострова и др.) в первой половине VII в., а также верификация географических и хронологических маркеров, крайне затруднительны³¹.

Географический охват повествования Себеоса невероятно широк. Он рассказывает о событиях политической жизни в Римской империи и Сасанидском Иране, в государстве арабов и Передней Азии в целом. Явным диссонансом при этом выглядит включение в число акторов истории, наряду с реальными державами, некоего «Северного царства» или «Царства Гога и Магога», которое не поддается однозначному отождествлению. Неясно и то, почему автор кардинально меняет последовательность *translatio imperii*. Если в традиционных трактовках вектор исторического развития – пусть и с некоторыми вариациями – направлен с Востока на Запад (тем самым история мира символически

---

³¹ Акопян 2016.

движется по «естественному» пути – от восхода к закату), то у Себеоса этот вектор теряет значимость. Позиционирование им в качестве первой мировой державы «западного царства греков», вероятно, должно символизировать остановку движения истории, достижение последней своего предела. Значимо и то, что в схеме Себеоса отсутствует Римская империя, традиционно считавшаяся воплощением важнейших смыслов, своеобразной квинтэссенцией земного владычества. Таковую подачу вряд ли можно объяснять невежеством или спонтанной ошибкой Себеоса. Здесь, скорее, содержится намек на то, что в истории Спасения ключевую роль должны сыграть уже не римляне. На роль лидера, богоискусно и богоизбранного народа претендуют, возможно, именно «сыны Гога и Магога», происходящие из племени Иафетова³², «от семени Аврамова», и населившие «северные земли».

Поражают неожиданностью и отдельные оценки Себеосом арабских завоеваний. В частности, не вполне согласуется с позицией христианского епископа его мнение относительно успехов «исмаильтян», которым якобы помогает сам Бог. Непонятными в системе рассуждений Себеоса о *translatio imperii* выглядят роль Армении и исключительное внимание к византийскому императору Ираклию, вокруг деяний которого выстраивается все повествование³³. Разумеется, опасное положение Армении между Византией, Сасанидским Ираном и стремительно возвышающимся миром ислама вынуждало Себеоса чутко реагировать на события в соседних странах, даже если они не соотносились напрямую с судьбами Армении. Однако анализ сугубо фактографической канвы его «Истории» не приближает нас к пониманию авторского замысла и к адекватной интерпретации им армянской, византийской и всемирной истории. Вероятно, лишь обращение к эсхатологическому плану, который маркирован включением в число четырех мировых империй «царства Гога и Магога», может прояснить смыслы, заложенные в концепцию *translatio imperii* этим христианским автором VII века.

Исторические сочинения христианских писателей поздней Античности и раннего Средневековья наглядно демонстрируют тот факт, что восприятие человеком географического пространства, его репрезентация и осмысление далеко не всегда продиктованы прагматическими аспектами и «реальным опытом». Смысловые границы географических маркеров и обозначений подвижны и несвободны от религиозных, политических, культурных предпочтений того или иного автора. «Истинные» (в понимании представителей эпохи) знания о географическом

---

³² Об особой роли этнонима «племя Иафетово» в обосновании особой значимости (богоизбранности) «нового» народа см.: Топоров 2010. С. 273–274; Солнцев 2012–2013. С. 63–64.

³³ Подробнее см.: Арутюнова-Фиданян 2003.

пространстве, как и привычные практики моделирования географических образов тесно сопряжены с эмоционально-ценностным восприятием воображаемого объекта³⁴. Топонимы, появившиеся на страницах христианских историй, зачастую наделены символическими коннотациями. Определить смыслы последних невозможно без учета тех конкретно-исторических условий, в которых составлялись данные тексты. Не является исключением здесь и практика актуализации церковными авторами фундаментальной теории четырех земных царств.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акопян П.А. Византийская империя в трактовке Себеоса // Научные ведомости БелГУ. Серия История. Политология. 2016 № 1 (222). Вып. 37. С. 43–46 [Akopyan P.A. Vizantijskaya imperiya v traktovke Sebeosa // Nauchny`e vedomosti BelGU. Seriya Istoriya. Politologiya. 2016 № 1 (222). Vy`p. 37. S. 43–46].
- Арутюнова-Фиданян В.А. Себеос об Иракии // Мир Александра Каждана: К 80-летию со дня рождения / отв. ред. А. А. Чекалова. СПб.: Алетейя, 2003. С. 150–159 [Arutyunova-Fidanyan V.A. Sebeos ob Iraklii // Mir Aleksandra Kazhdana: K 80-letiyu so dnya rozhdeniya / otv. red. A. A. Chekalova. SPb.: Aleteiya, 2003. S. 150–159].
- Ващева И.Ю. Парадоксы исторической концепции Мовсеса Хоренаци // Диалог со временем. Вып 40. М., 2012. С. 219–230 [Vashheva I.Yu. Paradoksy` istoricheskoy koncepcii Movsesa Xorenaci // Dialog so vremenem. Vy`p 40. M., 2012. S. 219–230].
- Замятин Д.Н. Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с. [Zamyatin D.N. Kul`tura i prostranstvo. Modelirovaniye geograficheskix obrazov. M.: Znak, 2006. 488 s.].
- Ипполит Римский. Творения св. Ипполита, еп. Римского. Казань, Казан. духовная академия. Вып. 1–2. Казань, 1898. 301 с. [Ippolit Rimskij. Tvoreniya sv. Ippolita, ep. Rimskogo. Kazan`, Kazan. duxovnaya akademiya. Vy`p. 1–2. Kazan`, 1898. 301 s.].
- История епископа Себеоса / Пер. Ст. Малхасянц. Ереван: Изд-во Арм. филиала АН СССР, 1939. 184 с. [Istoriya episkopa Sebeosa / Per. St. Malxasyancz. Erevan: Izd-vo Arm. filiala AN SSSR, 1939. 184 s.].
- История императора Иракла. Сочинение епископа Себеоса, писателя VII века / Пер. с арм. К. Патканьяна (К. Патканова). СПб., 1862. 216 с. [Istoriya imperatora Irakla. Sochinenie episkopa Sebeosa, pisatelya VII veka / Per. s arm. K. Patkan`yana (K. Patkanova). SPb., 1862. 216 s.].
- Кусикьян И. Тигран II и Рим // Исторический журнал. 1940. № 10. С. 87–98 [Kusik`yan I. Tigran II i Rim // Istoricheskij zhurnal. 1940. № 10. S. 87–98].
- Манандян Я.А. Тигран II и Рим: в новом освещении по первоисточникам. Ереван, 1943 [Manandyan Ya.A. Tigran II i Rim: v novom osveshhenii po первоistochnikam. Erevan, 1943].
- Манасерян Р.Л. Процесс образования державы Тиграна II // ВДИ. 1982. № 2. С. 122–138 [Manaseryan R.L. Process obrazovaniya derzhavy Tigrana II // VDI. 1982. № 2. S. 122–138].
- Мовсес Хоренаци. История Армении. Пер. с древнеарм. языка, примеч. Г. Саркисяна; Ред. С. Аревшатян. Ереван, 1990. 291 с. [Movses Xorenaci. Istoriya Armenii. Per. s drevnearm. yazy`ka, primech. G. Sarkisyana; Red. S. Arevshatyan. Erevan, 1990. 291 s.].
- Священная и церковная история христианского историка Сульпиция Севера. М., 1915. 138 с. (переводчик не указан) [Svyashhennaya i cerkovnaya istoriya xristianskogo istorika Sul`piciya Severa. M., 1915. 138 s. (perevodchik ne ukazan)].
- Солнцев Н.И. «Этнографическое» введение «Повести временных лет» как отражение перехода от мифопоэтического к логико-дискурсивному описанию исторических событий // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Вып. 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 59–68 [Solncev N.I. «E`tnograficheskoe» vvedenie «Povesti vremenny`x let» kak otrazhenie perexoda ot mifopoe`ticheskogo k logiko-

³⁴ См. в этой связи: Замятин 2006.

- diskursivnomu opisaniyu istoricheskix soby'tij // Al'manax po istorii Srednix vekov i rannego Novogo vremeni. Vy'p. 3–4. 2012–2013. Nizhnij Novgorod, 2013. S. 59–68].
- Сульпиций Север. Сочинения / пер. А.И. Донченко. М.: РОССПЭН. 1999. 320 с. [Sul'picij Sever. Sochineniya / per. A.I. Donchenko. M.: ROSSPEN. 1999. 320 s.]
- Творения блаженного Иеронима Стридонского. (Библиотека творений св. отцов и учителей церкви западной). Киев, 1879–1913. 391 с. [Tvorenija blazhennogo Ieronima Stridonskogo. (Biblioteka tvorenij sv. otczov i uchitelej cerkvi zapadnoj). Kiev, 1879–1913. 391 s.].
- Топоров В.Н. «Мировое дерево»: универсальный образ мифопоэтического сознания // он же. Мировое дерево. Универсальные знаковые комплексы. М., 2010. Т. 1. С. 263–289 [Toporov V.N. «Mirovoe derevo»: universal'ny'j obraz mifopoe'ticheskogo soznaniya // Idem. Mirovoe derevo. Universal'ny'e znakovy'e komplekсы. M., 2010. T. 1. S. 263–289].
- Тюленев В.М. Историческая концепция Павла Орозия // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Под ред. Г.Е. Лебедевой. Вып. 5. СПб., Алетейя, 2005. С. 157–183 [Tyulenev V.M. Istoricheskaya koncepciya Pavla Oroziya // Problemy` social'noj istorii i kul'tury` srednix vekov i rannego novogo vremeni. Pod red. G.E. Lebedevoy. Vy'p. 5. SPb., Aletejya, 2005. S. 157–183].
- Тюленев В.М. Павел Орозий и его «История против язычников» // Павел Орозий. История против язычников. Кн. I–III. СПб., «Алетейя», 2001. С. 5–20 [Tyulenev V.M. Pavel Orozij i ego «Istoriya protiv yazy'chnikov» // Pavel Orozij. Istoriya protiv yazy'chnikov. Kn. I–III. SPb., «Aletejya», 2001. S. 5–20].
- Тюленев В.М. Рождение латинской христианской историографии: с приложением перевода «Церковной истории» Руфина Аквилейского. СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005. 288с. (Серия «Библиотека христианской мысли. Исследования»). 288 с. [Tyulenev V.M. Rozhdenie latinskoj xristianskoj istoriografii: s prilozheniem perevoda «Cerkovnoj istorii» Rufina Akvilejskogo. SPb.: «Izdatel'stvo Olega Aby'shko», 2005. 288s. (Seriya «Biblioteka xristianskoj my'sli. Issledovaniya»). 288 s.].
- Халатынц Г.А. Армянские Аршакиды в «Истории Армении» Моисея Хоренского: опыт критики источников. Ч. 1–2. М., 1903. 143 с. [Xalat'yanz G.A. Armyskie Arshakidy` v «Istории Armenii» Moiseya Xorenskogo: opy't kritiki istochnikov. Ch. 1–2. M., 1903. 143 s.]
- Alonso-Núñez J.M. Aemilius Sura // Latomus. 1989. Vol. 48. P. 110–119.
- Ampio R. La concezione orosiana della storia, attraverso le metafore del fuoco e del sangue / Civiltà classica e Cristiana. 9. Genova. 1988. P. 217–236.
- Casey M. Porphyry and the origin of the Book of Daniel // JThS. Vol. 27. 1976. P. 15–33.
- Collins J.J. The Place of the Fourth Sibyl in the Development of Jewish Sibyllina // Journal of Jewish Studies. 1974. Vol. 25. P. 365–380.
- Cyrrillus Alexandrinus. In Zachariam prophetam commentaries // PG. 72, 92.
- de Boer S. Rome, the Translatio imperii and the Early Charistian Interpretations of Daniel II and VII // Rivista di Storia e Letteratura Religiosa. Vol. 21. 1985. P. 181–218.
- Delcor M. La Prophétie de Daniel (chap. 2 et 7) dans la littérature apocalyptique juive et chrétienne, en référence spéciale à l'Empire romain // Da Roma alla Terza Roma. Vol. III. Popoli e spazio romano tra diritto e profezia. Napoli, 1986. P. 11–24.
- Diesner H.-J. Orosius and Augustinus // Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae. Vol. 11. 1963. P. 89–102.
- Faink G. Paul Orose et sa conception de l'Histoire. Paris: Centre de Documentation Universitaire, 1951. 234 p.
- Flusser D. The four empires in the Fourth Sibyl and in the book of Daniel // Israel Oriental Studies. 1972. Vol. 2. P. 148–175 .
- Goetz H.-W. Die Geschichtstheologie des Orosius. Darmstadt, 1980. 180 s.
- Hippolyte de Rome. Commentaire sur Daniel / SC, 11. Paris: Editions du Cerf, 1947. 403 pp.
- Hippolytus. Werke I. Commentarius in Daniele / 1.Aufl. Hrsg. von G.N. Bonwetsch / H. Achelis. Leipzig: Hinrichs, 1897.
- Inglebert H. Les Romains Chrétiens face à l'Histoire de Rome. Histoire, christianisme et romanités en Occident dans l'Antiquité tardive (III–V siècles). P., 1996. P. 527–591.
- Irenee de Lyon. Contre les heresies. Livre I–V. Paris, 1979.
- Janvier Y. La Geographie d'Orose. P., 1982. 288 p.

- Jerome's commentary on Daniel / Saint Jerome, Gleason Leonard Archer. Baker Book House, 1958. 189 p.
- Koch-Peters D. Ansichten des Orosius zur Geschichte seiner Zeit. Frankfurt am Main; Bern; N.Y., 1984. 236 p.
- Mendels D. The Five Empires: A Note on a Propagandistic Topos // AJPh. 1981. Vol. 102. N 3. P. 330–337.
- Momigliano A. Daniele e l teoria greca della successione degli imperi // Rendiconti Accademia dei Lincei. Classe de Scienza morali, storiche e filologiche. Serie VIII. Vol. XXXV. 4. 1980. P. 157–162.
- Moses Khorenats'i. History of the Armenians / Transl. and Commentary by R. Thomson. Cambridge (Mass.): Harvard University Press, 1978. 400 p.
- Nuove ricerche su Ippolito / Studia Ephemerides augustinianum. Rome, 1989. 149 p.
- Orosius: Seven Books of History Against the Pagans / Ed. by A. T. Fear. Cambridge: Cambridge University Press., 2010. 456 p.
- Paul Orose. Histoires (Contre les Païens) / Ed. par M.-P. Arnaud-Lindet. 3 Vols. Paris: Belles Lettres, 1990–1991. 917 p.
- Podskalsky G. Byzantinische Reichschatologie: die Periodisierung der Weltgeschichte in den vier Grossreichen (Daniel 2 und 7) und dem tausendjährigen Friedensreiche (Apok. 20) / G. Podskalsky. München: Fink, 1972. 114 s.
- Polichetti A. Le 'Historiae' di Orosio e la tradizione imperiale nella 'Storiografia ecclesiastica' occidentale (311–417 d.C.). Napoli: Edizioni Scientifiche Italiane, 1999. 267 p.
- Redmond S.A. The Date of the Fourth Sibylline Oracle // Second Century: A Journal of Early Christian Studies. 1989–90. Vol. 7. No. 3. P. 129–149.
- Sulpice Severe. Chroniques / Ed. par Gh. de Senneville-Grave. P.: Editions du Cerf, 1999. 538 p.
- Swain J.W. The Theory of the Four Monarchies. Opposition History under the Roman Empire // CPh. 1940. Vol. 35. No. 1. P. 1–21;
- The Armenian History attributed to Sebeos / Translated with notes by R.W. Thomson. Historical commentary by J. Howard-Johnston and T. Greenwood. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 1999. Vol. 1–2. (Series Translated Texts for Historians. Vol. 31). 362 p.
- The Book of Daniel. Ed. by A.S. Van der Woude. Louvain, 1993.
- Trieber C. Die Idee der vier Weltreiche // Hermes. 1892. Bd. 27. S. 321–344.
- Neumann, Iver B. Russia and the Idea of Europe: A Study of Identity and International Relations. London and New York: Routledge, 1996. 253 p.

Ващева Ирина Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций, Институт международных отношений и мировой истории, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; vasheva@mail.ru

Mental geography of the early Middle Ages: the *Four monarchies* theory in the works of Christian authors of the V–VII cc.

The article deals with the problems of interpretation of spatial representations in the texts of Christian historians of the early Middle Ages. These ideas are often puzzling for the modern reader and are explained by the lack of scientific thinking. However, in the optics of mental geography, many of these “errors” or “oddities” look extremely attractive to researchers. Turning to the practice of interpreting the biblical Book of Daniel and the related concept of the four kingdoms, the author of the article tries to identify the features of the interpretation of this theory in the texts of Orosius, Khorenatsi and Sebeos, as well as to determine the degree of its demand in the works of Christian authors of the V–VII cc.

Keywords: mental geography, the theory of the Four Monarchies, Sulpicius Severus, Paulus Orosius, Moses Khorenatsi, Sebeos, historical thought of the Early Middle Ages

Irina Vashcheva, Dr. Sc. (History), Professor of the Department of History of Medieval Civilizations, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; vasheva@mail.ru

Ю. Е. ВЕРШИНИНА, А. Н. МАСЛОВ

**РАССТАВАНИЕ КАК ИСПЫТАНИЕ ЧУВСТВ
ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ФОН РАССКАЗОВ О РАЗЛУКЕ С РОДСТВЕННИКАМИ
В КОНТЕКСТЕ ПРОШЛОГО И НАСТОЯЩЕГО***

В статье рассматриваются ситуации разлуки с родными и близкими, освещенные двумя писателями раннего Средневековья – Григорием Турским и Бедой Достопочтенным. Анализируются, в частности, коммуникативные аспекты расставания родственников, эмоциональная реакция, приписанная персонажам исторических и агиографических текстов, а также оценка нарраторами поведения отдельных героев в соответствующих эпизодах повествования. Особый акцент сделан на соотношении сведений, формирующих «эмоциональный фон» того или иного эпизода, с целеполаганием нарраторов и жанровым своеобразием рассказов.

Ключевые слова: родство, история эмоций, разлука с близкими, раннее Средневековье, Григорий Турский, Беда Достопочтенный, историописание, агиография

По меткому замечанию Х. Хаммера, ни в Античности, ни в Средние века не найдется текста с названием “*De consanguinitate*”¹. Вместе с тем, отношения родства в огромной мере влияли на повседневную жизнь, потестарные и религиозные практики Средневековья. По образцу родственных уз моделировались многие аспекты межличностного взаимодействия и коллективной активности. Сведения о родстве персонажей того или иного рассказа (исторического, агиографического, литературного) выступали ключевым элементом их репрезентации, позволяя наметить ожидаемые (или не очень) варианты поведения в рамках определенного сообщества, формировали примерный кадр восприятия их деяний аудиторией. Во многих случаях это предполагало особый акцент на фиксации эмоционального фона отношений между родственниками, манифестировать который можно было в связи с различными сюжетными ходами и нарративными техниками.

В статье сделана попытка разобраться с интенсивностью эмоциональных реакций на разлуку с родными², которые приписывались героям текстов, созданных двумя церковными писателями раннего Средневековья – Григорием Турским и Бедой Достопочтенным. Нас интересуют и конкретные приемы трансляции этими авторами «чувственных

---

* Публикация подготовлена в рамках НИР Н-405-99 «*Viatores, vagantes, hostes: практики и образы странствий в высоких культурах Средиземноморья*», реализуемой ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ *Hummer*. 2018. P. 3–4.

² Об особенностях изучения родственных отношений в период Средневековья и специфике источников см.: Réal 2001. С. 137–143; Laurent 1976. P. 3–20; Stafford 2001. P. 257–271; Tinsley 2005. P. 229–247.

аспектов» расставания с родственниками, и общая модальность авторских описаний, которые в зависимости от контекста могли сообщать отдельные эпизодам положительные либо негативные коннотации. Под разлукой мы понимаем продолжительное (иногда неопределенное по времени либо даже бессрочное) пребывание вдали от близких людей, без возможности привычных коммуникаций с ними, в т.ч. связанное, с реальной или воображаемой опасностью для жизни кого-то из участников отношений. Именно элемент неопределенности сообщает мотиву разлуки (в отличие от иных «смыслообразующих» для нарратора / аудитории вызовов – смерти, военного конфликта, измены и т.д., – которые требуют некоей однозначной, т.е. отрефлексированной сообществом реакции) черты *иррегулярности*, ситуативного нормирования, а, следовательно, и потенциальной спонтанности в демонстрации чувств, наделяемых вследствие этого своеобразной «подлинностью».

Известно, что оба автора были священнослужителями, получили хорошее, по меркам своего времени, образование, проявили себя как плодовитые и многоплановые писатели, но иные вехи их биографий сильно разнятся³. Создатель «Истории франков» – выходец из знатного галло-римского рода, ставший духовным лицом в довольно зрелом возрасте при покровительстве короля Сигиберта и королевы Брунгильды⁴. На протяжении долгого времени Григорий возглавлял влиятельнейший турский диоцез, активно участвуя в политической и религиозной жизни франкского государства. Это предопределило хорошее знание епископом и церковной, и светской среды, особенностей и предпочтений как потомков галло-римлян, так и франков. Происхождение англосакса Беда Достопочтенного (672/673–735) остается предметом дискуссий⁵. Нет точных данных и относительно его мобильности – можно лишь утверждать, что большую часть сознательной жизни Беда провел в монастыре Ярроу (Джарроу), куда попал семи лет от роду, и при этом не достиг сколь-нибудь значимого церковного сана⁶. Такая «местечковость» церковного служения (на первый взгляд, противоречащая широчайшей эрудиции и писательской активности) Беда делает резонным вопрос о степени его знакомства с реалиями семейного быта и поведенческими стереотипами англосаксонского общества и, в частности, знаги.

---

³ О влиянии этих факторов на формирование образа событий, освещаемых этими авторами, см.: Dailey 2015; 2014. P. 3–27; Szerwiniack. 2007. P. 237–245.

⁴ О вопросах, связанные с его биографией см.: Heinzelmann 2001. P. 7–29; Goffart 1988. P. 112; James 1998. P. 51–66; Савукова 1987. С. 321–350.

⁵ По мнению одних ученых, Беда происходил из семьи «свободного общинника-керла» (Эрлихман 2001. С. 322). Другие же считают, что он принадлежал к знатному роду, возможно даже королевскому (Blair 1970. P. 4–5; Campbell 2010. P. 25). В.В Зверева замечает, однако, что сам Беда никогда не упоминал о своем происхождении (см. Зверева 2008. С. 68; ср. Brown 2010. P. 5).

⁶ См. об этом: Эрлихман 2001. С. 327; Зверева 2008. С. 81; Ненарокова 2003. С. 22.

Существенно отличаются и формально-содержательные аспекты анализируемых сочинений. Несоответствие текстов Григория Турского нормам литературной латыни давно стало общим местом⁷. Произведения англосакса Беда, обитавшего вдали от романоязычного ареала, напротив, написаны на латыни куда более близкой к классическим канонам⁸. Кроме того, невзирая на соответствие *operum magnorum* и Григория, и Беда фрейму христианской церковной истории⁹, их цели были различны. Григорий, заявляя о намерении «...описать войны царей с враждебными народами, мучеников с язычниками, церквей с еретиками... ради тех, кто страшится приближения конца света»¹⁰, основную часть своего труда посвящает все же истории галльской /франкской церкви, конкретнее – турскому диоцезу. Беда, ориентируясь в своей «Истории» на прославление, прежде всего, христианизации англосаксов¹¹, тем не менее, сохраняет универсалистскую перспективу даже тогда, когда речь заходит о вполне локальных событиях.

Затронем и специфику агиографических нарративов двух авторов. Рассказы о святых созданы ими в виде агиобиографий (характерном для средиземноморской христианской культуры), но на формирование англосаксонской агиографической традиции (особенно в родной для Беда Нортумбрии) сильно влияла ирландская школа, в рамках которой жития создавались преимущественно в форме аретологий. Беда жил в период, когда т.н. «кельтское» христианство на севере Британии активно вытеснялось римским, но ирландские монашеские традиции и книжность отчасти сохраняли былой авторитет¹². И это обстоятельство следует учи-

⁷ Оценивая знания Григорием Турским латыни, Л. Торп поясняет: «...Григорий писал так, как говорил. Его язык – это повседневная разговорная латынь Галлии VI в., такая, на которой говорил образованный представитель знати, осознающий свое положение епископа... его латынь... это народный язык, быстро трансформирующийся из повседневной речи эпохи Августа в старофранцузский первых письменных текстов...» (Thorpe 1974. P. 38–39). Сам Григорий Турский считал свою латынь деревенской («sermo rusticum», Gregorii Episcopi Turonensis 1951. II, 6). Сравнение его латыни с латынью эпохи Каролингского возрождения см.: Salvini 1970. P. 1–20.

⁸ Подробнее см.: Laistner 1935. P. 237–266; 1939. P. 69–93; Holder 2010. P. 145.

⁹ «...Задачей истории теперь становится не исследование реальных исторических фактов, а подбор доводов для подтверждения Священного писания. Она утверждала христианскую концепцию истории рода человеческого: от первородного греха к искуплению его Христом и к грядущему спасению. Всемирная история представлялась подготовкой вселенского торжества Христовой церкви, а изображаемые недавние и современные события – борьбой за это торжество...» (Савукова 1987. С. 330). См. также: Зверева 2008. С. 139–141.

¹⁰ Григорий Турский 1987. С. 7. Здесь и далее цитаты из текста «Истории франков» приведены по русскому изданию 1987 г.

¹¹ Эрлихман 2001. С. 329–335. См. также: Зверева 2008. С. 144–151.

¹² Об этом см.: Ненарокова 2003. С. 87–91. Напомним, что Беда подвизался в монастыре, организованном по уставу св. Бенедикта Нурсийского, который предполагал

тывать при интерпретации агиографических сочинений Беды, довольно четко отличающихся от аналогичных текстов турского епископа.

***

В «Истории франков» расставание с близкими порой изображается как событие, которое нарушает привычную жизнь семьи и сопровождается проявлением крайней *горести* или *печали* (лат. *dolor*)¹³. В этом отношении показателен эпизод с отъездом в Испанию дочери короля Хильперика, принцессы Ригиунты – необходимость ее сопроводить легла тяжким бременем на подданных государя: «...*Говорят, что многие... удавились от такого горя: ведь сына разлучали с отцом, мать – с дочерью, и они отъезжали с горьким плачем и проклятиями...*»¹⁴. Слезы и чрезмерное горе самой принцессы при расставании с родителями, как и поломка оси ее кареты при выезде из города, служат, согласно Григорию, дурным предзнаменованием¹⁵. Другим характерным чувством разлучаемых родственников предстает в «Истории франков» страх¹⁶. Основанием такой реакции родственников накануне расставания нарратору, естественно, могли видеться опасности, сопровождавшие жизнь вдаль от дома. Интересно, что подчас отсутствие определенности в сроках возвращения того или иного родственника воспринимается по аналогии со смертью и оборачивается составлением завещания: «...*Многие же люди более знатные, которых силою заставляли ехать, оставили завещания и, отдав свое имущество церквям, попросили вскрыть эти завещания тотчас по прибытии невесты в Испанию, — как если бы они уже были в могиле...*»¹⁷. В свою очередь встречи родных после разлуки

превращение монахов в единый организм, с общей волей и разумом. Монахи практически никогда не оставались в одиночестве и редко покидали стены монастыря, что создавало почву для формирования между ними довольно тесной привязанности, внешние проявления которой, однако, уставом св. Бенедикта не приветствовались. С другой стороны, на севере Британии, в т.ч. в Нортумбрии, еще были живы традиции кельтской монашеской культуры, для которой были характерны противоположные черты: эмоциональность сочеталась в ней с обязательными длительными странствиями и отшельничеством (там же. С. 107–112; Усков 2001. С. 190–192).

¹³ Подробнее см.: Rosenwein 2002. P. 23–32; 2006.

¹⁴ Григорий Турский 1987. С. 187. В описании этого же автора королева Хродехильда испытывала боль («ignoras in ipso dolore», Gregorii Episcopi Turonensis 1951. III, 18) от перспективы расставания с внуками. Схожие чувства, очевидно, переживала и принцесса Ригунта, которая отправилась к своему жениху в Испанию, а также многие из участников ее кортежа (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. VI, 45).

¹⁵ Gregorii Episcopi Turonensis 1951. VI, 45.

¹⁶ Подробнее о страхе в «Истории франков» см. Newbold 1994. P. 3–17.

¹⁷ Григорий Турский 1987. С. 187. Что касается собственно смерти родственников, то она традиционно выставляется печальным известием, а также поводом для публичной ламентации. Напомним здесь про [лицемерное] сожаление короля Хлодвига относительно отсутствия у него родственников: «...*Горе мне, что я остался чужим среди чужестранцев и нет у меня никого из родных, которые могли бы мне чем-либо помочь в минуту опасности*» (Григорий Турский 1987. С. 59).

могут сопровождаться в «Истории» демонстрацией радости и щедрым приемом, даже если ранее герои повествования не были знакомы, подобно принцессе Ингунде и ее бабке королеве Гоисвинте¹⁸ или самому Григорию Турскому и герцогу Гундульфу, дяде его матери¹⁹.

Тем не менее, подавляющее большинство фрагментов «Истории», посвященных расставанию с родными, не содержит упоминаний о чувствах героев и не выступает для рассказчика пространством «сборки эмоционального опыта». Так, Григорий не сообщает о переживаниях супругов Сигиберта и Брунгильды, на долгое время разлученных из-за войны с Хильпериком (братом Сигиберта): «...Он вернулся оттуда и прибыл в Париж, куда приехала к нему Брунгильда с детьми...»²⁰. Рассказывая об убийстве Сигиберта, он упоминает о крайне эмоциональной реакции Брунгильды на смерть мужа, но далее ни слова не говорит о ее чувствах, касающихся насильственного разлучения с сыном и дочерьми²¹. Упоминание о чувствах в момент расставания или встречи, видимо, признак неординарной ситуации, развивающейся вопреки ожиданиям потенциальной аудитории. Основной способ демонстрации печали героев «Истории франков» – плач (лат. *planctus, fletus, lacrima*)²², проявления страха – пассивность, готовность идти на уступки, подчинив свое поведение стороне, которая угрожает родственникам, находящимся вне дома. При этом о печали либо страхе не упоминается, если разлука связана с выполнением определенных служб²³ и / или королевских поручений²⁴. Отсутствуют упоминания об этих чувствах и в ситуациях, когда

¹⁸ «Ингунду, дочь короля Сигиберта, отправленную с большой пышностью в Испанию, с великой радостью приняла ее бабушка Гоисвинта...» (Григорий Турский 1987. С. 143). О возможной предвзятости Григория Турского при создании образа королевы Гоисвинты см. в публикации: Dailey 2015. P. 27–28.

¹⁹ «...Я принял его дружелюбно и, узнав, что он дядя моей матери, держал его у себя пять дней, после чего, дав ему все необходимое, позволил идти...» (Григорий Турский 1987. С. 166).

²⁰ Григорий Турский 1987. С. 112.

²¹ Gregorii Episcopi Turonensis 1951. V. 1.

²² «...они отъезжали с горьким плачем и проклятиями; плач в Париже стоял такой, что его можно было сравнить с плачем египетским...» (там же. С. 187). Р. Ньюболд в своей статье приводит полный перечень слов, связанных с переживанием горя героями «Истории франков» (см. Newbold 2006. P. 1–23).

²³ По сообщению Григория Турского жена полководца Флавия Аэция начинает волноваться об отсутствующем муже только когда до нее «дошел слух, что Аэций, сражаясь с отрядами врагов, находится в большой опасности» (Григорий Турский 1987. С. 34). Св. Цезарий, по свидетельству автора его «Жития», сначала отправил свою сестру в монастырь в Марселе для «повышения квалификации», а после основания им монастыря в Арелате вернул ее в город и сделал его настоятельницей. При этом автор ничего не сообщает нам об их переживаниях во время разлуки (Раннехристианские жития галльских святых 2016. С. 116–117).

²⁴ За исключением уже упомянутой поездки принцессы Ригиунты к жениху: «...Сам же Хильперик... приказал взять многих из слуг, живущих в королевских имениях, и

дети (преимущественно сыновья) передаются под опеку третьих лиц для завершения образования²⁵. Разлука с родными женщины, вступавшей в брак, по всей видимости, тоже не считалась поводом для грусти²⁶. Не маркированы эмоционально и сведения о передаче матерью детей от первого брака родственникам мужа в случаях повторного замужества²⁷. С другой стороны, в качестве очевидных девиаций преподносятся попытки различить родных, не объяснив характер грядущего отъезда. Например, после того как король Хильперик пожелал отправить в Испанию, кроме Ригиунты, еще и вторую дочь Базину, не наделив последнюю сколь-нибудь внятным статусом, королева-монахиня Радегунда указала ему на недопустимость такого решения²⁸.

Продолжительное отсутствие близкого родственника – даже в случае пребывания далеко за пределами страны – не артикулируется автором как повод для сомнений в силе родственных уз либо как признак *фактического* ослабления или разрыва последних. Хлотхильда, сестра Хильдеберга I, ставшая супругой короля вестготов Амалариха, извещает родного брата о своем бедственном положении, переслав ему «всего

разместить их по повозкам. Многих плакавших и не хотевших уезжать он приказал держать в темнице, чтобы потом было легче отправить их при дочери в Испанию... Многие же люди более знатные, которых силою заставляли ехать, оставили завещания и, отдав свое имущество церквям...» (Григорий Турский 1987. С. 187).

²⁵ *«Аредий был жителем города Лиможа и происходил не из простой семьи, но из весьма знатного в тех местах рода. Его передали королю Теодоберту и включили в число придворных детей. А в городе Трире жил в то время епископ Ницетий, человек исключительной святости, почитавшийся в народе не только проповедником удивительного красноречия, но и славнейшим в совершении добрых и чудесных деяний. Увидев юношу во дворце короля, Ницетий заметил в его лице нечто благостное и велел ему следовать за ним. И тот, покинув королевский дворец, последовал за ним. И когда они вошли в келью и начали беседовать о божественном, юноша испросил у блаженного епископа наставить его, научить, воспитать и упражняться с ним в чтении Священного писания...»* (Там же. С. 310).

²⁶ На это указывают слова короля Хильперика, который отказывается праздновать свадьбу дочери в связи с трауром по недавно умершему у него сыну: *«Видишь, в доме моем рыдание, и как мне справлять свадьбу дочери?»* (Там же. С. 179). Напротив, расставание с родными в результате замужества часто изображается, как идущее «на пользу» женщине. Бургундская принцесса Хродехильда в результате брака с королем франков Хлодвигом заняла подобающее ей место в обществе, которого ее лишил дядя, убивший ее родителей и отправивший ее в изгнание. Еще более значимо для Григория то, что следствием этого брака стало обращение Хлодвига в христианство (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. II, 28). Вестготская принцесса Брунгильда благодаря замужеству перешла из арианства в католичество (Ibid. III, 27).

²⁷ *«...Хлотарь немедленно взял в жены Гунтевку, жену своего брата. Сыновей же его взяла после траура королева Хродехильда и держала их при себе...»* (Григорий Турский 1987. С. 64); *«...Транквилла, жена Сихара, оставив детей и имущество своего мужа в Туре и Пуатве, уехала к своим родителям в деревню Мавриопы и там вышла замуж...»* (Там же. С. 257).

²⁸ Gregorii Episcopi Turonensis 1951. VI, 34.

лишь» окровавленный платок. Этого сигнала достаточно, чтобы король Хильдеберт пошел войной на Амалариха и вернул сестру домой²⁹. На родственное участие короля Хильдеберта II рассчитывают византийцы, пленившие его сестру и ее сына. В качестве условия возвращения пленников они требуют от Хильдеберта II напасть на вестготов³⁰.

Интенсивность деятельной заботы по поводу отсутствующих родственников, как правило, опосредована осознанием реальной опасности для их жизни и / или чести, но в целом довольно редко расцветивается известиями об эмоциональном состоянии разлученных персонажей. Так, примером эмоционально маркированного стремления спасти родного человека служат в рассказе Григория действия жены полководца Аэция: «*в волнении и печали стала постоянно ходить в базилику святых апостолов и молиться о том, чтобы ее муж вернулся к ней из этого похода живым. Так она молилась и днем, и ночью*»³¹. В итоге ей удается разжалобить святых, в честь которых был освящен этот храм: один из них убеждает Бога изменить участь Аэция, и вернуть его домой живым³². Однако в иных случаях эмоциональные компоненты поведения героев никак не оговорены автором, который ограничивается описанием конкретных действий по спасению близких³³.

Герои «Церковной истории» Беда, хотя и оказываются в ситуациях расставания с близкими, не наделяются сколь-нибудь явной эмоциональной реакцией на предстоящую разлуку³⁴. Показателен эпизод, по-

²⁹ Gregorii Episcopi Turonensis 1951. III, 10.

³⁰ Ibid. VIII, 18.

³¹ Григорий Турский 1987. С. 34–35.

³² Gregorii Episcopi Turonensis 1951. II, 7.

³³ Блаженный Григорий Лангрский для возвращения домой племянника «*послал на розыски Аттала [племянника] своих слуг. Как только они нашли Аттала, они предложили его хозяину подарки за него, но тот отказался от них, говоря: «Человек из такого рода стоит десяти фунтов золота!»*» (Григорий Турский 1987. С. 69). Епископ решил не платить выкуп, а воспользоваться услугами собственного раба, которому за возвращение молодого человека дал вольную и землю, а также освободил всю его семью (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. III, 15). Так же поступает королева Фредегонда: «*Фредегонда направила Хуппу в область Тулузы, для того чтобы он любым способом вызволил оттуда ее дочь... взяв Ризунту, он привел ее оттуда с собой, не без великого унижения и поругания*» (Григорий Турский 1987. С. 214). Король Хильдеберт I сам вернул свою сестру, с которой жестоко обращался ее муж, король Амаларих (Gregorii Episcopi Turonensis 1951. III, 10). Королева Брунгильда пыталась уговорить магнатов королевства помочь вернуть ее дочь, находящуюся в плену в Африке, но не встретила поддержки, и дочь умерла в плену (Ibid. VIII, 21).

³⁴ Беда упоминает практику заложничества (Bede 2015. P. 1037) и изгнания в качестве меры наказания (Ibid. P. 944). При этом, «Церковная история», в отличие от «Истории франков», сообщает о наиболее опасном развитии ситуации с заложником – его убийстве: «*...Эдвин был убит... Погиб там и один из его сыновей... в то время как второй, Эдфрид, был отдан Пенде, который позже, во время правления Освальда, убил его, несмотря на свою клятву...*» (Беда Достопочтенный 2001. С. 70). Эр-

священный прибытию во владения короля Восточных англов его родственницы св. Хильды: «...Когда она решила оставить мирскую жизнь и служить одному Господу, она направилась в провинцию восточных англов, поскольку была родственницей тамошнего короля. Она хотела, если возможно, отправиться потом в Галлию, оставив дом и все имущество, чтобы жить странницей во имя Господа в Кальском монастыре... Хильда целый год провела в той провинции, намереваясь отбыть за море...»³⁵. Сообщив про факт родства с правителем и длительное пребывание Хильды среди восточных англов, Беда попросту не уведомляет читателя о том, имела ли место встреча короля и его родственницы. Даже финал знаменитого рассказа о двух братьях, один из которых (считавшийся мертвым) был спасен молитвами второго, включает не описание их переживаний, но лишь указание на моральный урок, который «многие слышавшие» извлекли из этой истории³⁶.

Было бы наивно интерпретировать «бесстрастность» Беды, с ранних лет воспитывавшегося в монастыре, только обстоятельствами его биографии, или же считать, что приведенные примеры подтверждают наличие принципиально иной модели эмоциональности в англосаксонском обществе³⁷. Реакцию на расставание родственников нужно соотносить с жанровой спецификой нарратива и целеполаганием рассказчика. Если в исторических повествованиях эмоциональный фон разлуки геро-

---

лихман предполагает, что это произошло, когда его родственник Освальд начал войну против Пенды (Там же. С. 266, прим. 439). Очевидно, Пенда рассчитывал на определенные «родственные» чувства по отношению к Эдфриду со стороны Освальда. Добровольная разлука с родными реализуется в силу обычая (прежде всего при замужестве) либо в чрезвычайных обстоятельствах. Так, королева Эдильберга вынуждена отослать своего сына Эксфри и Иффи, внука своего мужа, в Галлию поскольку опасалась за жизнь мальчиков, которых мог убить их дядя, ее брат, Эдбальд и их родственник, новый король Нортумбрии, Освальд (Bede 2015. P. 957). Пытаясь использовать нападение мерсийцев для захвата власти в Нортумбрии, принц Эдильвальд покидает своего дядю Освальда и переходит на сторону его врага Пенды (Ibid. P. 1037–1038). Это обстоятельство, с одной стороны, изображается как отягчающее положение Освальда, а с другой, невыгодно характеризует его племянника («Эдильвальд же, сын короля Освальда, находился на стороне врагов и вышел на войну против своего дяди и своей страны; однако в час битвы он бежал и ждал ее исхода в безопасном месте...»). Беда Достопочтенный 2001. С. 98).

³⁵ Беда Достопочтенный 2001. С. 137–138.

³⁶ Там же. С. 137.

³⁷ Так, Дж. Йохенс утверждает, что в германской языческой культуре вообще отсутствовала модель отношений между матерью и ребенком, построенная на взаимной эмоциональной привязанности, подобно христианской паре Иисус–Дева Мария. Любящие матери «появляются» в Скандинавии только после принятия христианства и в основном встречаются в агиографии (Jochens 1996. P. 201–222). Ко времени написания «Церковной истории» христианизация англосаксов продолжалась около 130 лет и была неравномерной, в связи с чем, влияние христианской доктрины на отношения между родственниками могло быть не столь незначительным.

ев может актуализироваться лишь время от времени (не оказывая особого влияния на общую канву рассказа), то в житиях эта актуализация выглядит более регулярной, хотя и не всегда становится предметом обсуждения. Мотив разлуки с родными в агиографии приобретает подчас свойства нарративного топоса, соотношенного с сюжетами нравственного совершенствования / аскетического подвига святого вдали от дома, противодействия земной семьи его христианскому служению. Разрыв святого с родней / домочадцами нередко выступает поворотным моментом повествования, который четко связан с лиминальным статусом протагониста и позволяет рассказчику зафиксировать «накал мирских страстей», но в то же время – прояснить подлинный характер отношений главного героя с Богом, усилив градус читательской эмпатии.

Будущие святые являют показное безразличие к родственным узам в миру. Многие герои «Жития отцов» турецкого епископа оставляют своих родителей и семьи, удаляются в монастыри, не демонстрируя ни печали, ни страха. Св. Лупичин после смерти родителей уходит в рустынь, покинув свою жену и семью³⁸. Св. Галла от служения Богу не могли отвратить «ни любовь отца, ни нежность матери, ни ласка кормилицы»³⁹, ради поступления в монастырь он пренебрег желанием отца женить его на дочери другого сенатора и уехал из дома. Лишь аббат монастыря, куда он хотел поступить, напоминает ему, что необходимо спросить разрешения у отца⁴⁰. Св. Патрокл безразлично отнесся к просьбам матери помочь ей после смерти отца и принял постриг⁴¹. Св. Фриард «покинув свое скромное жилище, забыв и родителей, и родину, ушел в поисках пустыни, чтобы пребывание в этом мире не воспрепятствовало его стремлению к молитве»⁴². У Беды герои оставляли не только

³⁸ Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 214. Подробнее о расторжении брака по взаимному согласию, когда один или оба супруга хотели вступить в монастырь см., например, в кн.: Réal 2007. P. 160–161.

³⁹ «...dilectio patris, non matris blanditiæ, non amor nutricium...» (Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 230).

⁴⁰ Ibid. P. 230. Получение согласия отца на постриг или паломничество представляется серьезным испытанием решимости человека и Бедо Достопочтенному: «Альфريد, сын названного выше короля Освю, решив сам отправиться в Рим для поклонения храмам апостолов... отец Альфрида заставил его отказаться от намерения совершить упомянутый путь и вынудил его остаться в родном королевстве...» (Беда Достопочтенный 2002. С. 241). Послушание же монаха кровному отцу оборачивается плачевным финалом: «...Тогда же Константин, простой солдат самого низкого звания, был вознесен в Британии безо всяких заслуг... Его сын Констант, которого он из монаха сделал цезарем, также был убит во Вьенне собственным своим приближенным комитом Геронтием...» (Беда Достопочтенный 2001. С. 18).

⁴¹ Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 252–255.

⁴² «Et egressus ab hospitolo suo, oblitus parentes et patriam, heremum petiit, ne in saeculo habitanti impedimentum aliquod de oratione mundi sollicitudo conferret» (Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 257). Схожие описания поведения святых можно найти и

семью, но также значительные земельные владения и мирские почести: «...находясь на службе короля Освью и получив от него в дар земельное владение, соответствовавшее его положению, Бенедикт, примерно двадцати пяти лет отроду, отверг бременное владение, чтобы снискать вечное. Он отворотил свой взор от земного войска... он оставил дом, родных и отечество ради Христа и Евангелия...»⁴³. Расставание с близкими изображается как испытание на пути к жизни во Христе, маркер которой – решительный разрыв с миром и отказ от его важнейшей составляющей – родственных уз⁴⁴. Любое проявление истинно верующим страстности неуместно. Чувства родственников, которых покидает христианский подвижник, как правило, им игнорируются. Препятствия со стороны семьи будущего святого могут уподобляться козням дьявола и служат антиобразцом поведения⁴⁵. Как идеал воспринимается безусловное принятие близкими героя его решения удалиться от мира (как, например, в случае св. Вилфрида⁴⁶), или даже помещение его в монастырь самими родственниками⁴⁷.

в других раннесредневековых житиях. Авторы житий св. Марцелина и св. Цезария рассказывали, что они покинули родителей ради служения Господу, даже не поставив последних в известность о своем намерении, причем в житии Цезария особо подчеркивается, что он отказался от родителей и родины ради любви к Богу (*«pro amore regni caelestis non solum parentibus, sed et patriae redderetur extraneus»*) (Раннехристианские жития галльских святых 2016. С. 21, 94). Св. Колумбан буквально перешагивает через рыдающую на полу мать, не позволяющую ему уйти в монастырь, и требует, чтобы она не препятствовала ему (Vita Columbani 1902. P. 67).

⁴³ Беда Достопочтенный 2002. С. 241. Впрочем, довольно часто Беда опускает подробности мирской жизни своих героев-святых, и не описывает сцены их расставания с близкими, как в случае со св. Феликсом (см. Beati Felicis Confessoris Vita 1862. P. 790) или св. Кутбертом (см. Beda 1940).

⁴⁴ Gregorii Episcopi Turonensis 1951. I, 46; IX, 39; X, 31.

⁴⁵ Принца Оффу умоляет остаться весь народ его королевства, но он стойко выдерживает испытание: «Оффа... был столь достойным и прекрасным юношей, что весь народ умолял его остаться и принять царский скипетр. Он же, побуждаемый благочестием, оставил жену, земли, родных и отечество ради Христа и ради благовестования... Он также, достигнув святых мест в Риме, принял постриг, окончил жизнь в монашестве...» (Беда Достопочтенный 2001. С. 174). Мать св. Цезария, не желая расставаться с ним, отправила за ним погоню, но не смогла вернуть. Организованное ею преследование автор «Жития» сравнивает с попытками дьявола удерживать Цезария от служения Господу: «...он пересек реку в присутствии преследователей, посланных его матерью, но не был увиден ими. Некий несчастный, в которого вселился дьявол, неотступно следовал за Цезарием и постоянно кричал ему: «Цезарий, не ходи!» (Раннехристианские жития галльских святых 2016. С. 94–95). См. также: Gregorii Episcopi Turonensis 1951. VI, 13; Vita Geretrudis 1888. P. 454–455.

⁴⁶ «...достигнув возраста четырнадцати лет, он предпочел монашескую жизнь мирской. Когда он сказал об этом отцу, ибо мать его уже умерла, тот одобрил благое намерение мальчика и всячески ободрял его в этом достойном начинании...». Беда Достопочтенный 2001. С. 174. Беда, судя по всему, был знаком с «Житием св. Вилфрида» Эддия Стефана, но предпочитает опустить такую деталь как грубость и

Уход из мирской жизни, по свидетельству большинства источников, далеко не всегда означал подлинный разрыв всех контактов с близкими, особенно если кто-то из них тоже вступал в ряды священнослужителей⁴⁸. Так, св. епископ Галл — родной дядя Григория Турского, по словам последнего, «нежно любил его» и часто навещал⁴⁹. Григорий Лангрский продолжал общаться с семьей⁵⁰, св. Ницетий жил с родителями даже когда стал священнослужителем⁵¹. Св. Аредий после смерти отца и брата вернулся к матери и жил в родительском доме, продолжая служить Господу: «...он предавался постам и молитвам, он попросил мать взять на себя все заботы по дому. А именно: присмотр за прислугой, возделывание полей и уход за виноградниками, чтобы ничто не мешало ему и не отвлекало его от молитвы; только одно право он оста-

---

жестокость мачехи святого, которые, по мнению автора жития, оказали значительное влияние на решение Вилфрида поступить в монастырь (Eddius Stephanus 1927. 2). См. также Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 230.

⁴⁷ Так было и в случае самого Беда: «...Родился он в пределах того монастыря и в семь лет стараниями родных был отдан для обучения преподобнейшему аббату Бенедикту, а потом Кеолфриду. С тех пор он всю жизнь провел в этом монастыре, целиком посвятив себя изучению писаний...» (Беда Достопочтенный 2001. С. 193). По свидетельству анонимного автора «Жития св. Кеолфрида», аналогичным образом поступили и родители этого святого (The Anonymous Life of Ceolfriht 1965. P. 213).

⁴⁸ В некоторых житиях разлука с родными для человека, решившего посвятить себя служению Господу, изображается как окончательный разрыв контактов, даже если они тоже присоединялись к церкви. Так, в «Житиях Юрских отцов» сообщалось, что если родственники оказывались в соседних монастырях (Боббио и Лауконе), то не могли узнать ничего друг о друге (не говоря уже о встречах), считая друг друга фактически мертвыми. Такие меры объяснялись опасением, что привязанность к члену семьи превысит любовь к Господу и сведет на нет их религиозное рвение (Vitaе Patrum Iurensium 1896. P. 136). Монахиням как в монастыре Боббио, так и в женском монастыре в Арле, запрещалось покидать обитель (даже в случае стихийных бедствий) (Ibid. P. 136; Раннехристианские жития галльских святых 2016. С. 117). В житиях упоминаются послушники, которые встречались с родителями, но такие контакты подаются как нежелательные. В изображении «Жития св. Атала» инициатором подобной встречи были родители, для ребенка же она была скорее тяжелым, чем радостным переживанием (послушник, встретившийся с родителями, заболел в их доме, и мать была вынуждена как можно скорее вернуть его в монастырь) (Vita Athalae 1902. P. 117–118). Св. Иоанн отказался от встречи с матерью, даже зная, что это была их последняя возможность увидеться (Vita Iohannis 1896. P. 509). Св. Патрокл после ухода в монастырь старался не допустить даже близких контактов с духовными братьями (Gregorii Episcopi Turonensis 1885. 253). Напротив, судя по замечанию автора анонимного «Жития св. Кеолфрида» о наследовании им качеств отца, Кеолфрид продолжил общение с семьей после поступления в монастырь, куда его отдали родители еще в раннем детстве (The Anonymous Life of Ceolfriht 1965. P. 226).

⁴⁹ «...ab eo plerumque dilectione inicum visitabatur» (Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 220). Епископ Фавст, дядя св. Квинциана, также продолжил общение с родственниками после принятия сана (Ibid. 1885. P. 224).

⁵⁰ Gregorii Episcopi Turonensis 1885. P. 238.

⁵¹ Ibid. P. 241.

вил за собой — самому руководить возведением церквей...некоторых из своих слуг постриг в монахи и основал монастырь... А его набожная мать заботилась о пище и об одежде для монахов...»⁵².

В «Житии св. Кутберта» Беда упоминает о посещении святым, во время странствий с проповедями, его старой кормилицы⁵³. Аббатиса Эльфледа продолжает общаться со своим братом, королем Эгфридом, возможно выступая посредником между ним и церковью в вопросе престолонаследия⁵⁴. В англосаксонских монастырях семейственность вообще приобрела широкое распространение. Беда неоднократно сообщает о родственниках, проживавших в одном монастыре и не отрекавшихся от своего кровного родства. Он рассказывает, к примеру, как аббатиса Херебурга отчаянно пыталась спасти свою заболевшую дочь, которая была монахиней ее же монастыря⁵⁵. Св. Хильда в его изображении стремится поступить в Кальский монастырь, потому что там уже подвизалась ее сестра Хересвида⁵⁶. Принцесса Эльфледа управляла монастырем Стренескалк вместе со своей матерью Энфледой⁵⁷. Сходная ситуация наблюдалась и в монастыре самого Беды: «...Ибо Эостервин приходился двоюродным братом своему аббату Бенедикту, но столь высокими были качества души обоих, и столь мало значило для них благородное происхождение в миру, что и один, вступив в монастырь, не искал себе почта перед остальными из-за кровного родства или происхождения, и другой не помышлял предложить ему это...»⁵⁸.

---

⁵² Григорий Турский 1987. С. 310. Не прерывают своих контактов с семьей и многие другие святые. Св. Цезарий на протяжении всей жизни активно «работал» вместе со своей сестрой Цезарией (Раннехристианские жития галльских святых 2016). Святая Итта добилась не только права основать монастырь и принять постриг самой, но и разрешения на постриг своей дочери – св. Гертруды (Vita Geretrudis 1888. P. 455–457). См. также Vita Desiderii Cadurcae urbis episcopi 1902. P. 565. Епископ Эркенвальд, подобно св. Цезарию, основал монастырь не только для себя, но и для своей сестры: «...он основал два преславных монастыря – один для себя, другой для своей сестры Эдильбурги – и в обоих ввел совершенную форму правила и дисциплины... Когда она управляла этим монастырем, она показала себя достойной во всем своего брата-епископа...» (Беда Достопочтенный 2001. С. 120).

⁵³ Beda 1940. 14.

⁵⁴ Ibid. 24.

⁵⁵ Bede 2015. P. 1197–1198.

⁵⁶ Ibid. P. 1148. Жена короля Нортумбрии Эгфрида также переживает окончание войны с пиктами в монастыре своей сестры (Beda 1940. 27). Согласно анонимному «Житию аббата Кеолфрида», первоначально он поступил в монастырь Гиллинг, которым управлял его брат Цинефрит (Cynefrith). Позже его брат отправился в Ирландию, передав управление монастырем в руки двоюродного брата Тунберта (Tunbert) (The Anonamous Life of Ceolfriith 1965. P. 213).

⁵⁷ Bede 2015. P. 1169.

⁵⁸ Беда Достопочтенный 2002. С. 246. См. также Beda 1940. 2. Оговорка Беды по поводу родственных уз Бенедикта Бископа и Эостервина, по мнению М.Р. Ненаарковой, объясняется тем, что единоличное избрание Бенедиктом Бископом своего род-

Когда речь заходит о квазиродственных связях, то они для наших авторов во многом напоминают кровные узы. Григорий Турский следующим образом описывает взаимоотношения святых отшельников Романа и Лупицина с братьями основанных ими монастырей: хотя сами святые не проживали с ними, но часто навещали их. Видимость самостоятельного быта в период отсутствия святых-основателей, превращалась в испытание для живущих там монахов, чье поведение оценивалось и корректировалось после их возвращения⁵⁹. Беда так характеризует замысел Бенедикта Бископа при основании двойного монастыря апостолов Петра и Павла: «...[он] построил монастырь ...с тем лишь условием, чтобы единый мир и согласие и такая же тесная дружба и благодать вечно сохранялись бы между двумя местами. И поскольку тело нельзя отделить от головы, благодаря которой оно дышит, и голова не может забыть о теле, без которого у нее нет жизни, то пусть никто не пытается любым способом разделить эти монастыри, соединенные друг с другом братскими узамы первых апостолов...». В качестве идеального аббата Беда описывает Эостервина, который не только не отлучался из монастыря, но всегда стремился к единению с братьями: «...где находил трудившихся братьев, по обыкновению присоединялся тотчас же к ним в работе... Он ел ту же пищу, что и другие братья всегда в одной трапезной с ними, спал в том же помещении, где спал перед тем, как стать аббатом. Даже охваченный болезнью и уже наперед зная о своей смерти по верным признакам в течение двух дней оставался в спальне братьев...»⁶⁰.

Разлука фигурантов «семьи духовной», как и кровных родичей, способна вызвать у расстающихся печаль и страх. Так, один из немногих эпизодов, который снабжен у Беды сведениями о довольно бурной эмоциональной реакции на расставание героев, связан с утверждением духовного, а не кровного родства. Это рассказ об отъезде в Рим аббата Кеолфрида: «...сначала все они [братья монастыря] выступили против его [Кеолфрита] намерения, упав на колени и многократно умоляя его со слезами и рыданиями, но он [Кеолфрит], в конце концов, настоял на своем... он [Кеолфрит] был столь решительно настроен, что отправился в путь всего через три дня после того, как открыл свое тайное намерение братьям... желая избежать задержки друзьями или

ственника Эостервина в качестве второго аббата монастыря апостолов Петра и Павла, противоречило правилам св. Бенедикта, которые предписывали участвовать в выборе главы монастыря всем его насельникам, и скорее соответствовало ирландской монашеской традиции, в которой аббат монастыря сам назначал своего наследника и приемника, часто из числа собственных родственников, против которой Бенедикт выступал (Ненарокова 2003. С. 165–166; Беда Достопочтенный 2002. С. 249).

⁵⁹ Gregorii Episcopi Turonensis 1885. 214–216.

⁶⁰ Беда Достопочтенный 2002. С. 245–246.

местной знатью, которые высоко ценили его [Кеолфрита]... он [Кеолфрит] дал поцелуй мира каждому из них [братьев монастыря]... под звуки рыданий, прерывающих литании, они вошли в капеллу... Они прибыли на берег; среди их слез он [Кеолфрит] снова дал всем им поцелуй мира. Они упали на колени и, после его [Кеолфрита] молитвы, он и его спутники взойшли на корабль... после отбытия его [Кеолфрита] и его спутников братья вернулись в церковь и со слезами и молитвами вверили себя и свои заботы Богу...»⁶¹. Хотя Бенедикт Бископ, основатель монастыря, довольно часто покидал его, именно отъезд Кеолфрита вызывает у монахов столь живую реакцию. Она может быть связана и с фатальным характером разлуки (Кеолфрит чувствовал приближающуюся кончину и хотел умереть в Риме) и с тем, что у братьев, вероятно, не сложились «близкие» отношения с часто отсутствовавшим основателем монастыря, тогда как Кеолфрит жил с ними более тридцати лет⁶². Разумеется, Беда составлял указанный пассаж и под влиянием собственных переживаний от смерти Кеолфрита, которого он считал своим духовным отцом и учителем⁶³.

Подводя итог сказанному, подчеркнем, что параллельный анализ столь разных текстов Григория и Беды на предмет переживания разлуки с родными, не должен подменить собой полноценные реконструкции восприятия родства и эмоций в сочинениях двух раннесредневековых авторов. Вместе с тем, такое сопоставление позволяет акцентировать принципиальную неоднозначность ситуаций, связанных с демонстрацией чувств и ее авторскими оценками. Эмоциональный фон расставания с братьями во Христе мог представляться более насыщенным по сравнению с реакцией на разлуку близких родственников. Вменяемая родным святого чувственная реакция на его уход из семьи воспринималась как досадная помеха для духовного роста героя и скверная антитеза похвальной бесстрастности подвижника.

---

⁶¹ Vita quinque sanctorum abbatum 1862. P. 726–727. В том же ключе, но более сдержанно Беда описывает последнюю встречу св. Кутберта и его друга отшельника Хереберта (см. Beda. 28). Беда также сообщает, что, когда св. Кутберт серьезно заболел, братья его монастыря молились за него, т.к. не могли обойтись без него из-за его святости (Beda 1940. 8).

⁶² То же могло иметь место в случае смерти аббата Зигфрида, который возглавлял общину совсем недолго: Беда пишет, что скорбь братьев о его смерти выразилась в постоянных хвалах Господу, но не упоминает слез или стенаний (см. Vita quinque sanctorum. P. 724). Также анонимное «Житие аббата Кеолфрида» сообщает, что он был нежно встречен своими названными братьями, при вступлении в монастырь (The Anonymus Life of Ceolfriith 1965. P. 214). Его автор также отмечает, что Бенедикт Бископ и Кеолфрид были связаны духовными узами, которые были сильнее кровной связи между Бенедиктом и его родным братом, далеким от Бенедикта по своим устремлениям и душевным качествам (The Anonymus Life of Ceolfriith 1965. P. 219).

⁶³ Об отношениях Беды и Кеолфрида см. подробнее: Blair 1970. P. 178.

Источники

- Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов / Пер. с лат. В.В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001 [Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov. SPb.: Aletejya, 2001. S. 321–337].
- Беда Достопочтенный. Житие блаженного Феликса / Пер. с лат. М.Р. Ненароковой // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 8. 2002. С. 62–131 [Beda Dostopochtennyj. Zhitie blazhennogo Feliksa / Per. s lat. M.R. Nenarokovoj // Dialog so vremenem. Al'manah intellektual'noj istorii. Vyp. 8. 2002. S. 62–131].
- Беда Достопочтенный. История аббатов / Пер. с лат. В.В. Зверевой // Средние века, 2002. Вып. 63. С. 240–250 [Beda Dostopochtennyj. Istoriya abbatov / Per. s lat. V.V. Zverevoj // Srednie veka, 2002. Vyp. 63. S. 240–250].
- Григорий Турский. История франков / Пер. с лат. и комм. В.Д. Савуковой. М.: Наука, 1987 [Grigorij Turskij. Istoriya frankov / Per. s lat. i komm. V.D. Savukovoj. M.: Nauka, 1987].
- Раннехристианские жития галльских святых / Пер. с латинского, исследования и комментарии А.В. Банникова, А.И. Каспарова, О.В. Пржигодской. СПб.: Евразия, 2016 [Rannekhristianskie zhitiya gall'skikh svyatyh / Per. s latinskogo, issledovaniya i kommentarii A.V. Bannikova, A.I. Kasparova, O.V. Przhigodskoj. SPb.: Evraziya, 2016].
- Bede Historia Ecclesiastica Gentis Anglorum // The Complete Works of Bede. Delphi Classics, 2015. P. 547–761.
- Beda. Vita Sancti Cuthberti / Two Lives of St. Cuthbert // Text, transl. and notes by B. Colgrave. Cambridge: Cambridge University Press, 1940.
- Beda Venerabilis. Vita quinque sanctorum abbatum // PL. T. 94. P., 1862. P. 713–730.
- Beda Venerabilis. Vita Beati Felicis Confessoris // PL. T. 94. P., 1862. P. 789–798.
- Gregorii Episcopi Turonensis Historiarum Libri X // MGH. SRM. V.1.1. Hannoverae, 1951. P. 1–537.
- Gregorii Episcopi Turonensis. Liber Vitae Patrum // MGH.SRM. V.1.2. Hannoverae, 1885. P. 211–194.
- Eddius Stephanus. Vita Sancti Wilfrithi / Ed. and trans. by B. Colgrave // The Life of Bishop Wilfrid by Eddius Stephanus. Cambridge: Cambridge University Press, 1927.
- The Anonymous Life of Ceolfriht // The Age of Bede / Transl. by D.H. Farmer. L.: Penguin Classics, 1965. P. 213–229.
- Vita Geretrudis // MGH. SRM. V. II. Hannoverae, 1888. P. 447–474.
- Vitae Patrum Iurensium // MGH. SRM. V. III. Hannoverae, 1896. P. 125–166.
- Vita Iohannis // MGH. SRM. V. III. 1896. Hannoverae, 1896. P. 502–517.
- Vita Columbani // MGH. SRM. V. IV. Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 1–112.
- Vita Athalae // MGH. SRM. V. IV. Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 113–119.
- Vita Rusticulae ou Marciae // MGH. SRM. V. IV. Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 337–351.
- Vita Desiderii Cadurcae urbis episcopo // MGH. SRM. V. IV. Hannoverae et Lipsiae, 1902. P. 547–602.

Литература

- Зверева В.В. «Новое солнце на Западе». Беда Достопочтенный и его время. СПб.: Алетейя, 2008 [Zvereva V.V. «Novoe solnce na Zapade». Beda Dostopochtennyj i ego vremya. SPb.: Aletejya, 2008].
- Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада / Пер. с фр. под общ. ред. В.А. Бабинцева; послесловие А.Я. Гуревича. Екатеринбург: У-Фактория, 2005 [Le Goff Zh. Civilizaciya srednevekovogo Zapada / Per. s fr. pod obshch. red. V.A. Babinceva; posleslovie A.Ya. Gurevicha. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2005].
- Ненарокова М.Р. Досточтимый Беда – ритор, агиограф, проповедник. М.: ИМЛИ РАН, 2003 [Nenarokova M.R. Dostochimyj Beda – ritor, agiograf, propovednik. M.: IMLI RAN, 2003].
- Савукова В.Д. Григорий Турский и его сочинение // Григорий Турский. История франков. М.: Наука, 1987. С. 321–350 [Savukova V.D. Grigorij Turskij i ego sochinenie // Grigorij Turskij. Istoriya frankov / Per. s lat. i komment. V.D. Savukovoj. M.: Nauka, 1987. S. 321–350].

- Усков Н.Ф. Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. Германские земли II/III — середины XI в. СПб.: Алетейя, 2001 [Uskov N.F. Hristianstvo i monashestvo v Zapadnoj Evrope rannego Srednevekov'ya. Germanskie zemli II/III — sere diny XI v. SPb.: Aletejya, 2001].
- Эрлихман В.В. Отец английской истории // Беда Достопочтенный. Церковная история народа англо в. СПб.: Алетейя, 2001. С. 321–337 [Erlihman V.V. Otec anglijskoj istorii // Beda Dostopochtennyj. Cerkovnaya istoriya naroda anglov. SPb.: Aletejya, 2001. S. 321–337].
- Althoff G. *Ira regis: Prolegomena to a History of Royal Anger* // *Anger's Past: The Social Uses of an Emotion in the Middle Ages* / Ed. by B. H. Rosenwein. Ithaca and L.: Cornell University Press, 1998. P. 59–74.
- Blair P.H. *The World of Bede*. Cambridge–N. Y.: Cambridge University Press, 1970.
- Campbell J. *Secular and Political Contexts* // *The Cambridge Companion to Bede* / Ed. by S. DeGregorio. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 25–39.
- Dailey E.T. *Queens, Consorts, Concubines: Gregory of Tours and Women of the Merovingian Elite*. Leiden–Boston: Brill, 2015.
- Dailey E.T. *Gregory of Tours and the Paternity of Chlothar II: Stages of Legitimation in the Merovingian Kingdoms* // *Journal of Late Antiquity*. 2014. Vol. 7. P. 3–27.
- Goffart W. *The Narrators of Barbarian History (A.D. 550–800): Jordanes, Gregory of Tours, Bede, and Paul the Deacon* (ND Publications Medieval Studies). Notre Dame: University of Notre Dame Press, 2005.
- Heinzelmann M. *Gregory of Tours: History and Society in the Sixth Century*. N.Y.–Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Holder A.G. *Bede and the New Testament* // *The Cambridge Companion to Bede* / Ed. by S. DeGregorio. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 142–155.
- Hummer H. *Visions of Kinship in Medieval Europe*. Oxford–N. Y.: Oxford University Press, 2018.
- James E. *Gregory of Tours and the Franks* // *After Rome's Fall: Narrators and Sources of Early Medieval History* / Ed. by A.C. Murray. Toronto: University of Toronto Press, 1998. P. 51–66.
- Jochens J. *Old Norse Motherhood* // *Medieval Mothering* / Ed. by J.C. Parsons, B. Wheeler. N.Y.: Garland Publishing, 1996. P. 201–222.
- Laurent Th. *Saints sans famille? Quelques remarques sur la famille dans le monde franc à travers les sources hagiographiques* // *Revue Historique*. 1976. Vol. 255(517). P. 3–20.
- Laistner M.L.W. *The Library of the Venerable Bede* // *Bede, His Life, Times and Writings*. N. Y., Oxford University Press, 1935. P. 237–266.
- Laistner M.L.W. *Bede as a Classical and a Patristic Scholar* // *Transactions of the Royal Historical Society*, 1939. Vol. 19. P.69–93.
- Newbold R.F. *Interpersonal Violence in Gregory of Tours' "Libri Historiarum"* // *Nottingham Medieval Studies*, 1994. Vol. 28. P. 3–17.
- Newbold R.F. *Secondary Responses to Fear and Grief in Gregory of Tours' "Libri Historiarum"* // *Studia Humaniora Tartuensia*. 2006. Vol. 7. P. 1–23.
- Newbold R.F. *The Nature of Anger in Gregory of Tours' "Libri Historiarum"* // *Nottingham Medieval Studies*. 2007. Vol. 51. P. 21–39.
- Réal I. *Vies de saints, vie de famille. Représentation et système de la parenté dans le Royaume mérovingien (481–751) d'après les sources hagiographiques*. Turnhout: Brepols, 2001.
- Réal I. *Discours multiples, pluralité des pratiques: séparations, divorces, répudiations, dans l'Europe chrétienne du haut Moyen Age (VIè–IXè siècles) d'après les sources normatives et narratives* // *Répudiation, séparation, divorce dans l'Occident medieval: [actes du colloque tenu à Valenciennes, 17–18 novembre 2005]* / Ed. E. Santinelli. Valenciennes: Presses universitaires de Valenciennes, 2007. P. 157–179.
- Rosenwein B.H. *Writing and Emotions in Gregory of Tours* // *Vom Nutzen des Schreibens: Soziales Gedächtnis, Herrschaft und Besitz im Mittelalter* / Hg. W. Pohl, P. Herold. Wien: Verlag der österreichischen Akademie der Wissenschaften, 2002. P. 23–32.

- Rosenwein B.H. *Emotional Communities in the Early Middle Ages*. Ithaca and L.: Cornell University Press, 2006.
- Salvini R. Pre-Romanesque, Ottonian and Romanesque // *Journal of the British Archeological Association*. 1970. Vol. XXXIII. P. 1–20.
- Szerwiniack O. Frères et sœurs dans l'Histoire ecclésiastique du peuple anglais de Bède le Vénérable de la fratrie biologique à la fratrie spirituelle // *Frères et sœurs: les liens adelphiques dans l'Occident antique et médiéval: Actes du colloque de Limoges*, 21 et 22 septembre 2006 / Ed. par S. Cassagnes-Brouquet et M. Yvernauld. Turnhout: Brepols, 2007. P. 237–245.
- Stafford P. *Parents and Children in the Early Middle Ages* // *Early Medieval Europe*. 2001. Vol. 10. P. 257–271.
- Tinsley D.F. *Reflections of Childhood in Medieval Hagiographical Writing: The Case of Hartmann von Aue's Der arme Heinrich* // *Childhood in the Middle Ages and the Renaissance: the Results of a Paradigm Shift in the History of Mentality* / Ed. by A. Classen. B.: Walter de Gruyter, 2005. P. 229–247.
- Thorpe L. *Introduction* // *Gregory of Tours. The History of the Franks*. L.: Penguin Classics, 1974. P. 7–58.

Сокращения

MGH. SRM – Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum
 PL – Patrologia Latina

Юлия Евгеньевна Вершинина, аспирант Центра междисциплинарных антропологических и социокультурных исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, VershininaUE@gmail.com

Артём Николаевич Маслов, кандидат исторических наук, доцент, зав. Центром междисциплинарных антропологических и социокультурных исследований Института международных отношений и мировой истории ННГУ им. Н.И. Лобачевского, maslovartem@yandex.ru

Parting as a test of feelings: the emotional background of the accounts: about separation from nearest and dearest

The paper deals with the situations of disconnection from close kindred reproduced by two early medieval writers — Gregory of Tours and Venerable Bede. The authors analyse, in particular, the communicative aspects of the parting of relatives, the emotional reactions ascribed to the characters of historical and hagiographic texts, as well as the writers' evaluation of the conduct of some characters in the corresponding episodes of their narratives. Special attention was paid to correlation between data which formed “emotional background” of concrete episodes and the writers' goals as well as genre specifics of Gregory's and Bede's writing.

Keywords: kindred, history of emotions, separation from relatives, Early Middle Ages, Gregory of Tours, Venerable Bede, hagiography, history writing

Yulia Vershinina, post-graduate student, Centre of Interdisciplinary Anthropological and Sociocultural Studies, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, VershininaUE@gmail.com

Artem Maslov, PhD in History, Head of the Centre of Interdisciplinary Anthropological and Sociocultural Studies, Institute of International Relations and World History, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, maslovartem@yandex.ru

КОНСТРУИРУЯ ПЕРИФЕРИЮ

А. Е. БАРЫШНИКОВ

ИМПЕРСКАЯ УГРОЗА И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЛАНДШАФТА ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ РИМСКОЙ БРИТАНИИ¹

В статье рассматриваются перспективы изучения пространства и ландшафта Римской Британии. Последние десятилетия отмечены значительным ростом числа публикаций, в центре которых – проблемы трансформации пространства острова в римское время. Данный «пространственный поворот» далек от завершения, его ключевые термины и концепты еще требуют теоретического осмысления. Однако уже сейчас ясно, что обращение к исследованию пространства и культурного ландшафта римской Британии позволяет сделать шаг к созданию нового, «многоголосого», нарратива, в котором найдется место разным взглядам на изменения региона в I–IV вв.: субъективному римскому и объективному археологическому.

Ключевые слова: Римская Британия, пространство, культурный ландшафт, провинция Римской империи

Сегодня романо-британские исследования представляют одну из наиболее динамично развивающихся отраслей в изучении Римской империи. В значительной мере это определяется интенсивностью археологических работ на территории самой северной провинции римского мира. Благодаря крупным многолетним проектам, охранным раскопкам и деятельности энтузиастов с металлоискателями, корпус источников постоянно увеличивается, и, кажется, нет никаких оснований предполагать, что этот процесс в ближайшее время остановится². Расширение базы источников оказывает двойственное влияние на развитие романо-британистики. С одной стороны, обилие полученных свидетельств позволяет изучать новые аспекты провинциальной истории, с другой – рост доступных данных происходит слишком стремительно. Исследователи не успевают анализировать и осмысливать только что введенные в оборот материалы, равно как и создавать оригинальные интерпретации и реконструкции на основе уже известных источников.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-78-30029).

² Укажем лишь несколько масштабных проектов последних десятилетий, результаты которых непосредственно влияют на наши представления о пространстве древней Британии: раскопки в районе римского Силчестера в рамках «The Town Life Project» (Fulford 2015b), и мультидисциплинарные исследования региона, населенного племенами дуротригов – «Durotriges Project» (Cheetham, Hambleton, Russell, Smith 2013). О роли коммерческой археологии и охранно-спасательных археологических раскопок, в т. ч. для изучения романо-британских городов: Fulford 2015a.

Одно из последствий – отказ от масштабных нарративов, своеобразным «скелетом» которых выступала событийная история (воспроизводимая без серьезных изменений на протяжении последнего столетия в изданиях с названиями «Римская Британия» и «История римской Британии»). «Антинарративная» позиция обнаруживается в фундаментальном *The Oxford Handbook of Roman Britain*, где вся хронологически-событийная канва истории римской Британии уместается в две страницы, а за ними следует почти тысяча страниц, посвященных анализу разных аспектов римского прошлого острова³. Другое направление связано с попытками создать новый образ римской Британии, качественно иную картину развития Альбиона под властью Рима. Ключевые моменты – отказ от концепции романизации, павшей под ударами многочисленных критиков, и стремление заменить унифицирующую, одномерную интерпретацию романо-британской действительности сложным комплексом представлений, в основе которых – теоретический плюрализм. Наиболее удачный пример – обобщающий труд Дэвида Мэттингли, где опыты микро- и мезо-анализа (в частности, изучение идентичностей и индивидуального опыта взаимодействия римлян и бриттов) сочетаются с макроуровнем исследования (реконструкцией масштабных изменений политического и экономического пространства провинции)⁴.

Внимание к отдельным аспектам провинциальной древности и стремление выстроить комплексную картину произошедших с римской Британией метаморфоз связаны с возрастающей потребностью в новых исследовательских оптиках, которые учитывали бы всё разнообразие расширяющегося корпуса источников, но при этом позволяли увидеть историю региона в целом. Проще говоря, чтобы «переварить» обилие данных, нужно совершенствовать теоретические инструменты. Некоторые из них (концепты гендера и идентичности, глобализации и глокализации) уже активно используются в романо-британских исследованиях⁵. Ими, впрочем, потенциально эффективный теоретический инструментарий не исчерпывается. Интересные результаты могут дать анализ властных структур, иерархии и гетерархии, реконструкция экономического уклада провинции, наконец, обращение к пространственной истории острова. Последняя, как представляется, может стать основной для нового, оригинального синтеза наших знаний о жизни и развитии римской Британии. Именно поэтому она заслуживает особого внимания.

С некоторой степенью условности можно сказать, что пространство Римской Британии редко привлекало внимание исследователей.

³ Millett, Revell, Moore 2016. P. xxvii–xxviii.

⁴ Mattingly 2006. P. 3–20. Общая характеристика концептуального подхода Д. Мэттингли, его слабых и сильных сторон: Барышников 2012. С. 291–294.

⁵ Mattingly 2004; 2006; 2011; Pitts, Versluys 2016; Pitts 2007; 2008; Revell 2009; 2016.

Отдельные аспекты пространственной истории острова – географический фактор и его роль в развитии провинции, региональная специфика, развитие городского пространства, внешние и внутренние границы провинции – затрагивались в публикациях, но редко выходили на первый план. Пространство оставалось фоном, на котором происходили политические события, разворачивались военные действия и протекали социокультурные процессы. Такое восприятие пространства можно увидеть уже в классическом труде Ф. Хэверфилда о романизации Британии. Здесь весь комплекс проблем сжат до характеристики территориальных особенностей провинции в небольшой главе с названием «Предварительные замечания...»: север и запад острова, как отмечает Хэверфилд, на протяжении всего римского времени оставались милитаризованными территориями, в то время как на юге и востоке, свободных от масштабного военного присутствия, распространялись города и виллы⁶. Отношение к пространству как фону сохранялось вплоть до последних десятилетий XX века. Отдельные работы, подобные детальному топографическому исследованию Лео Риве (написанному в соавторстве с Клином Смитом), общую историографическую ситуацию не меняли⁷.

Первые признаки изменений стали заметны с публикацией фундаментального «Атласа Римской Британии» под редакцией Барри Джонса и Дэвида Мэттингли⁸. Данное издание не было простым набором карт с сопроводительными статьями. Оно явилось попыткой переосмыслить историю Британии в римский период через качественно новые интерпретации пространства, учитывающие контекст и динамику развития региона. Общие (и потому неизменно упрощающие) топографические представления о пространстве провинции сменились детализированными реконструкциями разных аспектов романо-британского прошлого – римских завоевательных походов и постоянной оккупации острова, эволюции административного деления региона, урбанизации и развития транспортной системы, экономической стороны римского присутствия, религиозной жизни Британии и проч. Изображения, вместе с развернутыми комментариями создавали новый, визуально-текстовый, тип нарратива, наглядно, через воспроизведение пространства демонстрируя, насколько история римского Альбиона сложнее привычных образов⁹.

Публикация первого издания «Атласа» совпала с началом серьезных теоретических дебатов в романо-британских исследованиях, результатом которых стало осознание концептуальной уязвимости общепринятых взглядов на прошлое провинции и распространение новых

---

⁶ Haverfield 1923. P. 20; подобное восприятие пространства в исследовательской литературе во многом сохраняется до сих пор. См.: Sargent 2002.

⁷ Rivet, Smith 1979.

⁸ Jones, Mattingly 2007² (репринт первого издания 1990 года).

⁹ Jones, Mattingly 2007². P. vii.

подходов к изучению Римской империи и ее регионов. Некоторые из новых разработок оказались быстро (и не всегда заслуженно) забыты, другие – сформировали новый мейнстрим. Так, современные публикации по истории Римской Британии невозможно представить без понятий «глобализация» и «идентичность», в то время как «бриколаж культур» и «креолизация», кажется, больше не привлекают исследователей.

Начиная с первой половины 1990-х интерес к пространству древнейшей Британии и его трансформации начинает стремительно расти. Термины «landscape» и «spatial organization» появляются в заголовках публикаций и темах проектов, и, что еще важнее, становятся ключевыми элементами в структуре исследований экономических, социокультурных и политических изменений в римской Британии. Работы Дэвида Петтса, Луизы Ревелл, Дэвида Мэттингли показывают, что изучение ландшафта и его трансформации, анализ пространственной организации и ее эволюции может быть полезен для реконструкции этнокультурных идентичностей провинции и понимания региональной специфики процессов межкультурного взаимодействия¹⁰.

Количество публикаций, связанных с изучением пространства Римской Британии, казалось бы, позволяет говорить о настоящем «пространственном повороте» в изучении провинции. Но это будет некоторым преувеличением. Насколько можно судить, несмотря на растущий интерес к данной тематике, исследованиям не хватает рефлексии и методологического самоанализа; проще говоря, исследованиям пространства лишь предстоит осознать свою специфичность и сформироваться в качестве самостоятельного направления научного поиска. Важнейшее значение в этом процессе, на наш взгляд, может сыграть осмысление и теоретизация понятия «cultural landscape», которое включает в себя как результаты преобразовательной деятельности по отношению к пространству, так и комплекс существующих представлений о нем¹¹.

---

¹⁰ Dark, Dark 1997; Petts 1998; Mattingly 2006. P. 255–291 (о городах и их влиянии на ландшафт), 379–427 (о сельской местности); Revell 2009. P. 40–79. К числу наиболее интересных направлений исследования можно также отнести изучение речных и сухопутных путей острова, их роли в развитии романо-британского урбанизма и пространства провинции: Witcher 1998; Rogers 2013; Ingate 2019.

¹¹ Даже в тех публикациях, где реконструкция и интерпретация ландшафтов прошлого находится в центре внимания, отсутствуют попытки дать определение и разработать потенциал понятий «landscape» и «cultural landscape». При этом круг понятий, связанных с данной тематикой, уже не только активно используется, но и подвергается рефлексии в смежных направлениях археологического поиска. См.: Robb 1998 (попытка концептуализировать термин «religious landscape»); Aston 1985 (о связи трансформации ландшафта и локальных историй), Birks 1988 (о возможностях применения термина «cultural landscape» к изучению прошлого). Стоит отметить попытки осмыслить понятие «landscape» и потенциал его использования в археологии. Ряд авторов включает в него три основных компонента: экологию поселений, ритуаль-

Наше отношение к пространственным категориям в изучении истории Римской Британии несколько отличается от преобладающего в научных публикациях. Сейчас «пространство» и «ландшафт» являются понятиями, применяемыми прежде всего в археологических исследованиях для интерпретации материальных источников и для описания изменений изучаемого региона. На наш взгляд, пространственный подход можно расширить за счет привлечения свидетельств античной традиции. Трансформация пространства кажется потенциально удачной исследовательской метафорой. Ее использование, поможет обобщить имеющиеся данные, выделить общие черты в развитии региона и локальные вариации, зафиксировать материально осязаемые перемены пространства. С другой стороны, изучение античной традиции поможет увидеть, как изменения культурного ландшафта Британии в римское время отражались в сознании людей прошлого, реконструировать «символическое» преобразование острова.

Романоцентризм такого взгляда на переустройство пространства древнего Альбиона, предопределенный состоянием источников (представленных свидетельствами греческих и римских авторов), нужно учитывать, но он не должен останавливать тех исследователей, кто пытается реконструировать характер трансформации Британии в римское время. Несмотря на регулярную критику в новейших публикациях, римский взгляд остается взглядом современников событий и тем самым сохраняет определенную ценность для историков и археологов¹². Кроме того, обращение к античной традиции и последующее сравнение ее субъективных свидетельств с объективными данными археологии поможет создать обобщающий, «многоголосый» нарратив, включающий и соотносящий два взгляда на изменения пространства римской Британии: «идеальный» и «реальный»¹³.

Для римских и греческих авторов покорение Британии, включение острова в состав Римской империи неизбежно означало изменение ее пространства. Экспансия римской власти, которая должна была восприниматься местными сообществами как процесс распространения

ный ландшафт и этнический ландшафт; к сожалению, насколько нам известно, попытки подобного методологического самоанализа, как и обращения к смежным областям историко-археологического знания, пока не получили распространения в романо-британских исследованиях. См.: Anschuetz, Wilshusen, Scheick 2001.

¹² Своеобразную апологию античной традиции как источника для исследования римской Британии см.: Hurst 2016. P. 110–112. Более скептический взгляд (он преобладает в современных романо-британских исследованиях) см.: Mattingly 2006. P. 37.

¹³ Потенциал обращения к пространству для создания обобщающих нарративов реализуется в новейшей научно-популярной литературе, где авторы используют пространство и ландшафт для рассказа о том, как развивалась Британия. См.: Pryor 2011; Krane 2016 (с большим вниманием к географии, чем к истории).

имперской угрозы по территории острова, для самих римлян представлялась расширением цивилизованного пространства, покорением дикого региона, устранением пограничной угрозы¹⁴. В процессе завоевания Альбион, жители которого по большей части не были знакомы с «нормальным» для греков и римлян образом жизни, обитали в лесах и защищенных природой поселениях (Strabo IV.5.2; Caes. BG. V.12.14), приобретает черты римского культурного ландшафта: появляются города, форумы, храмы (Тас. Agr. 21); происходит качественное переустройство не только жизни, но и самого пространства.

В складывающемся на основе сообщений античных авторов нарративе особенно выделяются свидетельства Тацита, который показывает амбивалентную природу происходивших перемен. С одной стороны, римская власть «приучает» бриттов к мирному существованию, вдохновляет их строить храмы, дома и форумы, окружает «замиренных» заставами и укреплениями (Тас. Ann. XIV.31; Agr. 20–22). С другой, Рим разоряет покоренные территории, превращая их в пустыни, заставляя бояться мира не меньше войны (Agr. 20; 23)¹⁵. Что интересно, Тацит вполне осознает, что подобные трансформации пространства не были простыми результатами материальной деятельности нового романо-британского общества по преобразованию культурного ландшафта. Рассказ римского историка – это еще и история культурного переосмысления пространства, его идеологического покорения – неслучайно в повествовании Тацита храм Клавдия в Камулудуне является не просто строительным проектом новой власти, но символом угнетения, значение которого очевидно для бриттов, притесняемых провинциальной администрацией и ветеранами (Тас. Ann. XIV.31)¹⁶.

Рассказывая о римской экспансии (и шире – о римской политике) в Британии, античная традиция бегло касается еще одного изменения, произошедшего с пространством острова – возникновения новых границ, отделяющих мир Империи от северного варварского мира. Остается лишь сожалеть, что о строительстве вала Адриана, появление которого остается одним из наиболее заметных следствий римской «работы» с пространством, античные авторы почти не сообщают (SHA.

¹⁴ В данном случае несущественно, была ли эта угроза реальной или мнимой (в частности, не очень ясно, насколько отражает действительность утверждение Цезаря о поддержке бриттами восставших галлов – Caes. BG. III.9). Важно, что античные авторы видели в Британии потенциальную угрозу. Об образе Британии в античной традиции см.: Stewart 1995.

¹⁵ См. знаменитую негативную характеристику римского мира в речи Калгака: «...создав пустыню, они говорят, что принесли мир» (Тас. Agr. 30). Здесь и далее все цитаты из «Анналов» и «Жизнеописания Агриколы» даны в переводе А.С. Бобовича.

¹⁶ «... возведенный божественному Клавдию храм представлялся тринобантам как бы оплотом вечного господства над ними...» (Тас. Ann. XIV.31).

Hadr. 11)¹⁷. Тем более интересными представляются замечания Тацита о том, какими были и какими могли стать пределы провинциального пространства при Агриколе (*Tac. Agr.* 23–24).

Итак, картина создания Римской Британии на основе сообщений античных авторов – это картина трансформации пространства: Империя преобразует болотистый и лесной остров, заселенный воинственными племенами, создает новый культурный ландшафт – с дорогами, гарнизонами, городами, границами, отделяющими новый римский мир от старой варварской периферии. Такой образ пространственной трансформации легко представим, понятен и кажется непротиворечивым (что во многом и предопределяет его «живучесть» в массовом сознании и научно-популярных репрезентациях романо-британских древностей). При этом субъективность подобного нарратива, обусловленная имперской «оптикой», не менее очевидна; впрочем, эту субъективность можно не только учитывать, но и использовать. Глядя на Британию глазами римлян, можно (конечно, с большой долей условности) представить, как эти метаморфозы пространства воспринимались местным населением.

Стоит отметить, что специфика античной традиции о Британии делает подобные реконструкции весьма ограниченными с точки зрения информативности. Множество аспектов, связанных с изменением пространства провинции, осталось за пределами внимания греческих и римских авторов. В частности, такова участь сельской местности, которой – за исключением пассажа Тацита о триновантах, сгоняемых с земель новой властью (*Tac. Ann.* XIV.31), – не нашлось места. Масштабные и комплексные по своему характеру метаморфозы сельского пространства, связанные с распространением вилл и загородных поместий, эволюцией способов хозяйствования, изменениями флоры и фауны, фиксируемые новейшей археологией, не упоминаются античными авторами. То же можно сказать про трансформацию «ритуальных ландшафтов» Британии, ставшую результатом тесного взаимодействия местных культовых и религиозных традиций с имперскими: эта сторона жизни провинции представлена лишь упоминаниями храмов (в том числе, храма Клавдия в Камулодуне) в тексте Тацита.

Археологическое видение трансформации пространства римской Британии, в целом совпадая с картиной, заданной античной традицией, во многих деталях от нее отличается. Кратко охарактеризуем его, обратившись к двум конкретным аспектам происходивших перемен, – развитию романо-британского урбанизма и созданию границ провинции.

Изменения культурного ландшафта острова под влиянием урбанизации, развития городского хозяйства, распространения архитектурных

---

¹⁷ О проблеме создания границ, их влияния на пространство провинции и связи с формированием идентичностей см.: Gardner 2017a; 2017b.

техник, подражающих галло-римским и средиземноморским образцам, вместе с военным присутствием на севере острова составляют наиболее заметные материальные следы римского присутствия. Но, вопреки впечатлению, которое может сложиться под влиянием античной традиции, эта трансформация пространства не была прямым результатом действий провинциальной администрации. Как показывают исследования крупных городов юго-востока Британии (Каллевы, Веруламия, колонии в Камулодуне), римский урбанизм не имплантировался на место, некогда занятое бриттскими оппидумами, но «вырастал» из предшествующих поселений. Элементы римского городского ландшафта смешивались с местными традициями, форумы и портики, упоминаемые Тацитом, соседствовали с круглыми домами доримского образца, регулярная планировка пространства учитывала значимые для бриттского населения места, храмы строились по соседству и в тесной связи с погребениями и сакральными сооружениями местного населения¹⁸. Взаимодействие местного и римского элементов изменяло пространство провинции, создавая новый культурный ландшафт.

Важной стороной трансформации пространства Британии стало появление новых границ – феномен, который не сводился к созданию внешних границ, но включал в себя переустройство внутренних барьеров. Интересы провинциальной администрации привели к появлению территориально-племенных округов (*civitates*), к созданию внутренних границ, отделявших катувеллаунов от триновантов, регнов от атребатов. Эти барьеры, по всей видимости, не вполне совпадали с существовавшими в доримское время. Более того, некоторые изменения пограничных пространств оказались явным новшеством: так, Лондиний возник на пограничной и мало освоенной территории, которая не принадлежала конкретному племени и, возможно, имела сакральное значение. Появление Лондиния и развитие связанной с ним системы сухопутных и водных путей изменили облик региона и решающим образом повлияли на развитие окружающих территорий.

Создание внешних границ, прежде всего валов Адриана и Антонина на севере, привело к появлению нового пространства – провинциального. Границы не были абсолютно непроницаемыми, не отделяли глухой стеной римский мир от варварского, но играли важную роль в конструировании символического пространства, идеологическом обосновании самости и целостности провинции, создании новой общности и новой провинциальной идентичности, объединяющей все население провинции¹⁹. Рождение чувства общности – одно из важнейших последст-

---

¹⁸ Подробнее о развитии романо-британских городов и факторах, предопределивших их специфику, см.: Барышников 2016а.

¹⁹ Ценные наблюдения о новой провинциальной идентичности см.: Ivleva 2016.

вий трансформации пространства Британии под властью Рима. С некоторой долей условности можно сказать, что Британия стала Британией именно в римский период.

Анализ трансформации пространства римской Британии неразрывно связан с вопросами о том, какие факторы влияли на происходившие перемены, какие силы меняли культурный и географический ландшафты острова. Античная традиция естественным образом выдвигает на первый план римский фактор: действия (и бездействия) провинциальных наместников и прокураторов, политическую волю императоров. Данные археологии показывают, что речь нужно вести не столько о римском переустройстве пространства Британии, сколько о трансформации, спровоцированной римским завоеванием и администрированием. В ряде случаев (например, в возникновении и развитии города Каллевы) решающим фактором изменений были деятельность местной элиты и взаимодействие римского и бриттского начал; в других – пространство само «диктовало» суть и характер перемен: так, появление Лондиния во многом было предопределено географическим фактором²⁰.

Многие аспекты изменений пространства римской Британии еще недостаточно изучены. Так, не вполне ясно, как римское завоевание повлияло на физическую карту Британии: что происходило с лесными массивами и болотистыми почвами, каким было объективное влияние организованной Римом эксплуатации полезных ископаемых, как хозяйственная деятельность обитателей провинции изменяла ее ландшафт²¹.

Потенциал пространственного подхода к изучению Римской Британии позволяет надеяться, что многие нерешенные сегодня проблемы найдут своих исследователей. Но, наш взгляд, помимо изучения конкретных вопросов, связанных с изменением пространства провинции, особенно важной является задача теоретической разработки понятий «пространство» и «культурный ландшафт», которые могут (и должны) превратиться из слов, удобных для построения обобщающих нарративов, в познавательные категории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Барышников А.Е. История римской Британии без романизации: концепция Дэвида Мэттингли // *Studia Historica*. 2012. Вып. XII. С. 284–295. [Baryshnikov A.E. Istorija rimskoj Britanii bez romanizacii: koncepcija Devida Mettingli // *Studia Historica*. T. XII. S. 284–295].
- Барышников А.Е. Города юго-востока римской Британии I–II вв. н.э. как центры культурного взаимодействия: Дисс... канд. истор. наук. Казань, 2016а. [Baryshnikov A.E. Goroda yugo-vostoka rimskoj Britanii I–II vv. n.e. kak centry kul'turnogo vzaimodeystvia. Dissertacia na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Kazan', 2016a].
- Барышников А.Е. Лондиний и взаимодействие культур на юго-востоке римской Британии I–II вв. н.э. // *Мнемон*. 2016б. Вып. 16 (2). С. 187–212. [Baryshnikov A.E. Londinij I

²⁰ О специфике возникновения Каллевы и Лондиния см.: Барышников 2016б; 2017.

²¹ Ситуация начала серьезно меняться в последние годы, во многом благодаря междисциплинарным исследованиям. См.: Witcher 2013; Lodwick 2017; 2019.

- vzaimodejstvie kul'tur na yugo-vostoke rimskoj Britanii I–II vv. n.e. // *Mnemon*. 2016b. T. 16 (2). S. 187–212].
- Барышников А.Е. Урбанизация юго-востока римской Британии: история Каллевы атребатов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2017. № 3. С. 23–32. [Baryshnikov A.E. Urbanizaciya yugo-vostoka rimskoj Britanii: istoriya Kallevy atrebatov // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2017. № 3. S. 23–32].
- Anschuetz K.F., Wilshusen R.H., Scheick C.L. An Archaeology of Landscapes: Perspectives and Directions // *Journal of Archaeological Research*. 2001. Vol. 9 (2). 2001. P. 157–211.
- Aston M. Interpreting the Landscape: Landscape Archaeology and Local History. L., 1985.
- Birks H.J.B. Introduction // *The Cultural Landscape – Past, Present and Future* / ed. by H.H. Birks, H.J.B. Birks, P.E. Kaland, D. Moe. Cambridge, 1988. P. 179–188.
- Cheetham P., Hambleton E., Russell M., Smith M. Digging the Durotriges: Life and Death in Late Iron Age Dorset // *Current Archaeology*. 2013. Issue 281. P. 36–41.
- Dark K., Dark P. *The Landscape of Roman Britain*. Stroud, 1997.
- Fulford M. Retrospect and Prospect: Advancement of Knowledge, Methodologies and Publication // *The Towns of Roman Britain: the Contribution of Commercial Archaeology since 1990* / ed. by M. Fulford, N. Holbrook. London, 2015a. P. 198–209.
- Fulford M. Silchester: the Town Life Project 1997–2014: Reflections on a Long Term Research Excavation // *Theoretical Roman Archaeology Conference 2014* / ed. by T. Brindle, M. Allen, E. Durham, A. Smith. Oxford, 2015b. P. 114–121.
- Gardner A. Brexit, Boundaries and Imperial Identities: A Comparative View // *Journal of Social Archaeology*. 2017a. Vol. 17 (1). P. 3–26.
- Gardner A. Roman Britain from the Outside: Comparing Western and Northern Frontier Cultures // *Romans and Barbarians beyond the Frontiers: Archaeology, Ideology and Identities in the North* / ed. S. Gonsalez Sanchez, A. Guglielmi. Oxford; Philadelphia, 2017b. P. 34–47.
- Haverfield F. *The Romanization of Roman Britain*. Oxford, 1923.
- Hurst H. The Textual and Archaeological Evidence // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. by M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. 95–116.
- Ingate J. Water and Urbanism in Roman Britain: Hybridity and Identity. L.; N.Y., 2019.
- Ivleva T. Britons on the Move: Mobility of British-Born Emigrants in the Roman Empire // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. 245–261.
- Jones B., Mattingly D. *An Atlas of Roman Britain*. Oxford, 2007.
- Krane N. *The Making of the British Landscape: From the Ice Age to the Present*. London, 2016.
- Lodwick L.A. Evergreen plants in Roman Britain and beyond: movement, meaning and materiality // *Britannia*. 2017. Vol. 48. P. 135–173.
- Lodwick L.A. Farming practice, ecological temporality, and urban communities at a late Iron Age oppidum // *Journal of Social Archaeology*. 2019.
- Mattingly D. *An Imperial Possession. Britain in the Roman Empire*. London, 2006.
- Mattingly D. Being Roman: Expressing Identity in a Provincial Setting // *Journal of Roman Archaeology*. 2004. Vol. 17. P. 5–25.
- Mattingly D. *Imperialism, Power and Identity Experiencing the Roman Empire*. Princeton, 2011.
- Millett M., Revell L., Moore A. Introduction // *Oxford Handbook of Roman Britain* / ed. by M. Millett, L. Revell, A. Moore. Oxford, 2016. P. xxvii–xxxvi.
- Perring D. Two Studies on Roman London: A. London Military Origins – B. Population Decline and Ritual Landscapes in Antonine London // *Journal of Roman Archaeology*. 2011. Vol. 24 (1). P. 249–282.
- Pitts M. The Emperor's New Clothes? The Utility of Identity in Roman Archaeology // *American Journal of Archaeology*. 2007. Vol. 111 (4). P. 693–713.
- Pitts M. Globalizing the Local in Roman Britain: an Anthropological Approach to Social Change // *Journal of Anthropological Archaeology*. 2008. Vol. 27. P. 493–506.
- Pitts M., Perring D. The making of Britain's first urban landscape: the case of Late Iron Age and Roman Essex // *Britannia*. 2006. Vol. 37. P. 189–212.
- Pitts M., Versluys M.J. Globalisation and the Roman world: perspectives and opportunities // *Globalisation and the Roman World: Archaeological and Theoretical Perspectives* / ed. by M. Pitts, M.J. Versluys. Cambridge, 2015. P. 3–31.

- Pryor F. *The Making of the British Landscape: How We Have Transformed the Land, from Prehistory to Today*. London, 2011.
- Revell L. *Roman Imperialism and Local Identities*. Cambridge, 2009.
- Revell L. *Ways of Being Roman: Discourses of Identity in the Roman West*. Oxford; Philadelphia, 2016.
- Rivet A.L.F., Smith C. *The place-names of Roman Britain*. London, 1979.
- Robb J.G. The 'ritual landscape' concept in archaeology: a heritage construction // *Landscape Research*. 1998. Vol. 23. P. 159–174.
- Rogers A. *Water and Roman Urbanism: Towns, Waterscapes, Land Transformation and Experience in Roman Britain*. Leiden; Boston, 2013.
- Sargent A. The North-South Divide Revisited. Thoughts on the Character of Roman Britain // *Britannia*. 2002. Vol. 33. P. 219–226.
- Stewart P.C.N. Inventing Britain: the Roman Creation and Adaptation of an Image // *Britannia*. 1995. Vol. 26. P. 1–10.
- Witcher R.E. On Rome's Ecological Contribution to British Flora and Fauna: Landscape, Legacy and Identity // *Landscape History*. 2013. Vol. 34 (2). P. 5–26.
- Witcher R.E. Roman roads: phenomenological perspectives on roads in the landscape // *TRAC 97: Proceedings of the Seventh Annual Theoretical Roman Archaeology Conference* / ed. P. Barker, C. Forcey, S. Jundi, R. Witcher. Oxford, 1998. P. 60–70.

Барышников Антон Ералыевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Центр когнитивных программ и технологий РГГУ, baryshnikov85@gmail.com

Imperial threat and the transformation of landscape The Spatial history of Roman Britain

The paper considers some perspectives of research of Romano-British space and landscape. Last decades were marked by the significant increase of the publications focused on the problems of the transformation of the island in Roman period. This 'spatial turn' seems to be far from the end, and the key terms and concepts are still requiring theoretical rethinking. But as one can see now, the study of Romano-British space and cultural landscape allows to make another step towards the creation of a new multivocal narrative, combining different views on the regional change I–IV AD: subjective Roman and objective archaeological ones.

Keywords: Roman Britain, space, cultural landscape, provinces of Roman Empire

Anton E. Baryshnikov, Ph.D. in History, research fellow, Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities; baryshnikov85@gmail.com

Ю. С. ОБИДИНА

ОТ РАЯ ЗЕМНОГО К РАЮ НЕБЕСНОМУ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ГРАНИЦАХ ПОТУСТОРОННЕГО МИРА
В ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ*

В статье рассматривается эволюция взглядов на границы потустороннего мира на рубеже Античности и Средневековья. Автор показывает, что эволюция представлений о локализации одного из аспектов потустороннего мира – Рая, привела к превращению смерти из «проблемы» в «возможность». Отмечается, что к VII в. появляется новый стиль христианского миропонимания, оперирующий качественно иными образами посмертного воздаяния и локализации Рая. Изобилие Рая, лежавшее близко к этому миру и связанное с царством Божиим было утрачено под воздействием усиления внимания к проблемам заслуг, греха, идентичности.

Ключевые слова: *поздняя Античность, раннее Средневековье, христианство, потусторонний мир, грех, покаяние, Рай земной, Рай небесный, царство Божье*

Изучение образных структур, связанных со смертью и загробным миром, показывает, что представления о них как о догме, вечном континууме христианства, не соответствуют действительности. В них различимы наслоения верований, практик, мировоззренческих установок, заметно отличающихся друг от друга и имеющих отпечаток определенного времени и места. В раннем Средневековье античные христианские представления выделяются довольно четко, но христианское воображение Европы эпохи Каролингов и пост-иконоборческой Византии уже не принадлежало древнему миру. Образный ландшафт христианства изменился. Распространенные образные структуры, связанные с позднеантичным христианством, постепенно теряли свою силу.

Освобождение раннесредневековой Европы и Византии от позднего античного прошлого — процесс медленный, сложный и неоднородный. Роберт Маркус в работе «Конец древнего христианства» предположил, что «Западная Европа в конце шестого века знаменует собой настоящий разрыв с миром Античности»¹. Но был ли этот разрыв полным? Цель статьи — показать, как меняются представления о потустороннем мире в период оформления средневекового христианства, объяснить их преемственность, противоречивость и неоднородность.

В позднеантичных христианских текстах, проблема загробного мира², актуальная на протяжении всей христианской истории, предстает

---

* Публикация подготовлена в рамках НИР Н-405-99 «Viatores, vagantes, hostes: практики и образы странствий в высоких культурах Средиземноморья», реализуемой ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

¹ Markus 1990. P. 222.

² Гуревич 1984. С. 52.

странно не сфокусированной и разнородной. В то время как ранние средневековые дебаты о природе идентичности за гробом, – приглушенный, но важный фон для появления резко очерченного, биографического представления о человеке, которое становится впоследствии отличительной чертой западной мысли и религиозной чувствительности.

Легче описать мировоззренческий сдвиг в отношении потустороннего мира, чем объяснить его. Даже топографические особенности Ада³ разработаны воображением средневековых христиан гораздо отчетливее, чем потусторонний мир, расположенный на Небесах. Однако обращение к этому аспекту позволит понять, как потусторонний мир, первоначально близкий и осязаемый, с каждым веком удалялся от живых.

В V–VI вв., как и раньше, считалось, что потусторонний мир все еще располагается «под рукой». Эти представления вписывались в «научную» картину мира того времени. Поскольку Рай лежал за звездами, он был защищен от прямого человеческого взгляда мерцающей завесой физических небес. Рай был рядом, и все же очень далеко⁴. Такой взгляд на него был скорее «надсторонним», а не «потусторонним»⁵. Но пропасть между небом и землей была населена эфирными существами. Ангелы и демоны делили то же физическое пространство, что и люди. Верхние слои воздуха были наполнены соперничающими силами⁶.

Ангелы были «сподручны», чтобы передавать утешение и руководство истинно верующим. Демоны также давали знать о себе в этом мире, часто создавая вполне осязаемое физическое присутствие в повседневной жизни. Считалось, что демоны занимают различные ниши на земле, скрываясь в пустынных уголках поюстороннего мира. Рай также находился «под рукой». В монашеских поселениях или у могил святых можно было найти драгоценные трещины в стене, отделяющие этот мир от потустороннего. Свет и аромат проливались из этих трещин, и с ними приходило исцеление всех видов — чудесное цветение растений, расцвет сморщенных тел калек и паралитиков, под влиянием целебных ветвей Рая, в котором теперь жили святые⁷.

Рай был слишком нагруженным понятием, чтобы соответствовать любому простому определению. Его реальное расположение по отношению к небу и земле было предметом самых разных взглядов. Библейские комментарии, связанные со школой Феодора Тарсийского, архиепископа Кентерберийского, содержат всевозможные догадки о его локализации. Они варьировали от положения над неподвижными звез-

³ Ковригина 2015. С. 48–54.

⁴ Lewis 1964. P. 119.

⁵ Brown 1978. P. 16–18.

⁶ Ephes 6:12.

⁷ Nie 1987. P. 108–28; James 1993. P. 45–60; Brown 1996. P. 107–110.

дами (для Рая небесного) до места нынешнего Иерусалима — в двадцати километрах вверх по дороге от знаменитой гробницы Адама, где находился первоначальный райский сад и однажды стоял сам Адам⁸ (для Рая земного). Помимо такого «научного» размышления, понятие Рая суммировало все, что было наиболее желаемым и все же недоступным в непростой жизни среднестатистического христианина. Рай окружал мир так же, как он окружал христианское воображение — подобно золотой короне или мерцающему ореолу вокруг луны. Для христианских мучеников Рай располагался по соседству. Мученик мог спать, ступить в Рай и проснуться на следующее утро с тяжелым вкусом его сладости во рту. Дар святых людей – пронзить завесу постоюстороннего мира и посмотреть, какая часть иной реальности, хорошей или плохой, задержалась в окружающем их мире. Демоны и ангелы были четко явлены взору средневекового христианина⁹.

В целом, мы имеем дело с религиозной чувствительностью, сформированной осознанием имманентного присутствия в этом мире другого мира. Для среднестатистического христианина вера в почти физическую близость Рая шла рука об руку с сильным чувством собственной правоты. Похороны любого крещеного христианина с белыми одеяниями, ароматом и мерцанием свечей символизировали вступление души в Рай. Темные ужасы могилы не позволяли блокировать прямой вид на сладкую, ароматную рошу Рая, которая лежит, как бы вниз по дороге, что подтверждают слова молитвы у Пруденция, датируемые около 400 г.

*Patet ecce fidelibus ampli
via lucida iam paradisi¹⁰.*

*[Смотри, сейчас для верующих сияющий
путь лежит открытым в просторный рай]*

Таким образом, один из вариантов попадания в потусторонний мир – приятное путешествие в благоухающий райский сад. Несколько поколений христиан жило в такой безапелляционной уверенности. Сальвий Альбийский (ум. в 584 г.) за несколько лет до своей смерти, будучи болен лихорадкой, якобы проделал именно такой путь. Два ангела унесли его в местность над «этим убогим миром» и даже над звездами, где он стоял под облаком неземного света. Там он был поглощен ароматом таких изысканных запахов, что в течение трех дней после возвращения не чувствовал необходимости в еде или питье. Сальвию было грустно вновь обрести себя «в этой черной дыре земного жилища». Сладкий вкус рая, все еще наполнявший его рот, сменился волдырями¹¹.

⁸ Theodore. In Pentateuchen I, 35; 62.

⁹ Severus. Vita Martini 21. l.

¹⁰ Paulinus. Cathemerinon 10.161–62.

¹¹ Gregory of Tours. Libri historiarum 8.1.

Полвека спустя загробный мир переместился дальше от земли. В совершенно другой части Европы Фурсей Ирландский вернулся из мира мертвых во время тяжелой лихорадки, которая случилась с ним примерно в начале 630-х гг. Он был вновь обращен к жизни, буквально оглушенный своим опытом. Когда он проходил через вздымающееся пламя, его щека и плечо прижимались к телу грешника, от которого он некогда получил в дар одежду в обмен на более легкое покаяние, чем того требовали грехи¹². То было отнюдь не приятное путешествие. Начальные этапы путешествия Фурсея сопровождались ледяными боевыми криками демонов, которые выстроились против него как армия¹³.

В отличие от опыта Фурсея, для Сальвия короткий визит на небеса был моментом безмятежного освобождения, побега из «убогого мира» в желанный, легкий и сладкий мир Рая. Для Фурсея, напротив, путешествие на край неба и обратно не было благословенным избавлением. Это было невероятно тернистое «странствие души». После смерти, вознесенный вверх ангелами, ирландский монах, в конце концов, достиг Рая, который мало отличался от небес Сальвия Альбийского. Но путь в Рай уже представляет собой проход через обширную и грозную «ничейную» территорию. Чтобы умереть, нужно испытать сложный процесс «перехода». Он включал путешествие через темную границу, чьи безликие опасности могут быть развеяны только «посредством созидания неизвестной реальности в себе», как писал К. Леви-Стросс, описывая духовные путешествия шаманов¹⁴. Посредством такой «фабулы», опасности загробного мира были упорядочены в виде драматической череды событий. Фурсей вернулся к жизни с рассказом о путешествии и его последовательных этапах. Одна встреча следовала за другой, душа же прошла через безмерные расстояния другого мира¹⁵.

Однако опыт «другого мира» не является свидетельством локальности и «экзотичности» нового акцента, сделанного во всем латинском христианском мире на величии и страданиях души после смерти. Истоки этого нового чувства расстояния и потенциальной опасности можно обнаружить гораздо раньше. Для этого следует обратиться к фигуре, которая занимает центральное место в финальный период существования античного христианства – Григорию Великому. Его «Диалоги» были написаны в 593–594 гг.¹⁶ В то время как Григорий настаивал, что он писал о чудесных событиях, которые произошли в его родной Италии «в современную эпоху», «современность» для него часто означала

---

¹² Visio Fursei 16.

¹³ Ibid. 5–6.

¹⁴ Леви-Стросс 1977. Р. 179.

¹⁵ Visio Fursei, 17.

¹⁶ McCready 1989; Cracco 1986. Р. 255–266; Markus 1997.

«пост-апостольский» период; последний же не всегда воспринимался «недавним»¹⁷. Многие истории, приведенные у Григория, происходят из областей, где социальные и церковные структуры были разрушены в его время. Рассказанные переселенцами, это были осколки местной памяти, оторванные от своего первоначального контекста¹⁸.

Григорий выдвинул идею о возмездии в этом мире, публично выраженном для тайного греха нарушения священных границ с иным миром. Не потусторонние аспекты этих рассказов приковывали внимание, а проявление Ада на земле – зрелищные наказания, которые здесь и сейчас достигали одержимых демонами, в виде поочередных мук от «адского» мстительного пламени и внезапного холода. Григорий был последним из античных авторов, кто отрицал, что Бог допускал такого рода возмездие «здесь и сейчас». В «Диалогах» он пытался представить и другую перспективу. Она была призрачной из-за надвигающейся необъятности загробного мира. Моменты общения с ангелами и демонами в этой жизни казались неубедительными по сравнению с окончательным массивным нападением, которое ожидало всех людей во время смерти. Воспоминания, которые дорожили отголосками видимых признаков наличия иного мира в посюстороннем, блекли в сравнении с ужасающими когортами ангелов и демонов, которые собирались вокруг каждой души в момент ее перехода на тот свет. Начиная с Григория, можно наблюдать, как унаследованный комплекс ранних христианских понятий приближается к заметному сдвигу акцентов, сместившихся на момент смерти и на судьбу души во все более «окольном» потустороннем мире. Именно ощутимый сдвиг от мира с незримыми, смежными силами к загробному миру – миру, отчетливо различимому лишь в момент смерти (о чем повествует четвертая книга «Диалогов» Григория), задает тон для латинских писателей VII в. и последующих столетий¹⁹.

Другие проявления потустороннего мира на этом свете были обусловлены представлениями о времени и пространстве²⁰. С изменением этих представлений и смерть стала другой. Проповеди Анастасия Синайского (ум. ок. 700 г.) и Андрея Критского (ум. ок. 740 г.) на тему смерти и умирания представляют один из аспектов культурной программы, характерной для Византии VII в. и православных общин Ближнего Востока, попавших под арабское владычество. Она заключалась в поиске религиозного языка, на котором могут общаться все верующие христиане²¹. Точно так же можно предположить христианскую чувстви-

---

¹⁷ McCready 1989. P. 16–32.

¹⁸ Greg. Magn. Dial. I [Praef.]; III 36; IV 16, 21.

¹⁹ Hillgarth 1992. P. 212–235.

²⁰ Horden 1993. P. 177–194.

²¹ Cameron 1992. P. 250–276, 264–269.

тельность в невидимой драме, которая разыгрывается на каждом смертном одре. Смерть оставалась для византийцев великим уравнивающим началом. Могущественные люди, даже сам император, замолкают в последний момент, «видя теперь то, что они никогда не видели прежде, слыша то, чего они никогда раньше не слышали, переживая то, чего никогда раньше не испытывали»²². Проповедники хотели склонить христианское воображение к моменту смерти как привилегии, поскольку это был действительно *универсальный, мгновенный контакт с потусторонним миром*. Но византийцы раннего Средневековья были вынуждены смотреть на смерть по-прежнему глазами живых²³. Их не поощряли смотреть дальше. «Не выясняйте состояние души после ее ухода из тела, потому что вам не следует спрашивать о такой вещи. Нам не дано знать даже природу души; откуда нам знать природу места ее отдыха?»²⁴.

На Западе христиане VII в., воспитанные на «Диалогах» Григория Великого, не испытывают страха перед переходом в иной мир, как было бы логично ожидать. Сцены смертного одра, ассоциирующиеся с сиянием, с вязким ароматом, зрелищем светящегося тела, спускающегося, как облако, к точке схода над землей, часто сопровождаемые неземной музыкой, свидетельствовали, что иной мир на мгновение вошел в мир земной. Заслуги души давали право на такой славный переход в мир иной. Именно этот элемент захватил воображение более поздних эпох.

Эволюция представления о границах потустороннего мира привела к эволюции мировоззренческих установок, в ходе которой мы видим превращение смерти из «проблемы» в «возможность»²⁵. Перед лицом смерти сообщество испытывает острую необходимость мобилизовать память о мертвых. Ритуал смерти, похороны и торжественное захоронение предполагали наиболее обнадеживающую преемственность из всех: непрерывное «присутствие» потустороннего мира в посюстороннем. В то же время, наличествовали и непрестанные попытки «просканировать» этот мир на предмет дальнейших признаков «присутствия» мира потустороннего, с помощью которых можно расширить список потенциальных возможностей. Поэтому, как это ни парадоксально, решительный «поворот» к загробному миру, произошедший в VII в., не обязательно отражает беспокойство христиан о судьбе души после смерти. Новый стиль «потустороннего мира» формируется под влиянием «другого» чувства священного, отличного от того, к которому привыкли христиане поздней Античности. Для них Рай обрушивался на землю в великолепных зданиях, наполненных светом, с порывами аро-

---

²² Anastasius Sinaita. De defunctis, 1196 С.

²³ Ibid. 1193 CD

²⁴ Ibid. 1289 С.

²⁵ Taylor 1989. P. 149–154.

мата и с постоянным шумом. Теперь же Рай сам стал более отдаленным; он больше не был «представлен» на земле так, как раньше.

Разделенное на священное и мирское, пространство этого мира вносило коррективы в пространственные представления о мире ином. Четко очерченные священными барьерами, которые осмеливались пересечь лишь немногие миряне, монахи и монахини, а также святые, ожидали одно высшее и достаточное проявление другого мира в этом мире в момент их смерти. Для них момент перехода из мира земного в мир небесный слился в одну точку в пространстве и во времени. Их смерть, как и в случае с выдающимися язычниками, чья смерть часто описывается как путешествие Я, упорядоченное восхождение души на законное место среди звезд²⁶ – взятие души на небеса, – давала последний, окончательный взгляд на головокружительность потусторонних высот.

Но между двумя мировоззрениями были большие различия. У великих платоников души легко поднимались на небеса, коль скоро они произошли от небес благодаря счастливой случайности рождения в человеческом теле. Души же монахов и святых отправлялись на безопасную дорогу в Рай только спустя годы усердного покаяния за грехи. Прорыв ощущения отдаленности от потустороннего мира, и усилившийся акцент на абсолютной высоте и опасности порога, который отделял всех, кроме самых исключительных людей, от его внутренних границ, не могут быть обособлены от общего процесса – появления на всей территории Западной Европы VII в. новых духовных лидеров, связанных с новыми социальными элитами. Их современники верили, что Небеса предназначались именно тем, кто считал себя наиболее подверженным опасности согрешить. Как изменились эти страхи? В Западной Европе, Византии и странах зарождающегося ислама престол Бога переместился дальше от земли в течение VII в.: в разных регионах возникают качественно разные взгляды по вопросу очищения и прощения грехов, что в конечном итоге приведет к разным локализациям потустороннего мира в средневековом католицизме, православной Византии и в исламе.

Христианские общины поздней Античности были полны «неидеальных» людей, но было важно, чтобы *peccata levia*, легкие, едва осознаваемые грехи среднестатистического христианина, не исключали его надежды на жизнь небесную. В первые десятилетия V в. с этим вопросом столкнулся Августин в ходе пелагианской полемики. Пелагиане полагали, что каждый грех был сознательным актом презрения к Богу и, следовательно, достойным адского пламени. Из писем Августина следует, что он вынужден был защищаться от обвинений Пелагия, минимизируя опасности Ада²⁷. К концу спора с Пелагием, Августин пытался

²⁶ Porphyry. Vita Plotini, 22.

²⁷ Augustine. Ep. 4.

найти место в католической церкви и надежду на Рай для тех, кто «позволяет своим сексуальным аппетитам, хотя и в приличных узах супружества, и не только ради детей, но потому, что им это нравится... Кто смирился с оскорблениями с менее чем полным терпением. ... Кто держится за то, что имеет»²⁸. Их *peccata levia*, которые Августин считал связанными с подсознательной любовью к «этому миру» и его благам, были достаточно распространены, чтобы не быть полностью испуленными покаянием при жизни. Их души столкнулись с незаконченными делами в загробном мире. Остаток «легкого» греха, а с ним и личности, глубоко отягощенные действиями прошлой жизни, перешли границу другого мира, обычно определяемого отсутствием такой особенности.

Вынужденные «думать о немислимом», христиане V и VI вв. склонялись к «фиксированным компонентам» и устоявшимся образным структурам. Но ни одна образная структура не могла очертить проблему в полном объеме, так как отражала принципиально разные области опыта. Возникновение учения о Чистилище на Западе обычно рассматривают с точки зрения сопоставления двух таких структур: одна была связана с возможным очищением души после смерти; другая подчеркивала Божье осуществление Его суверенной прерогативы милосердия. Две образные структуры одновременно несколько неловко чувствовали себя в глубине души христиан средневековья, когда они обратились к проблеме грешных мертвецов. Открытие пути к доктрине Чистилища на Западе, в переломный период между поздней Античностью и Средневековьем, наступило в результате сдвигов в отношении значимости этих двух структур. Обращение к понятию милости Божьей, свободно предлагаемой до сих пор несовершенным душам, сдерживало растущий спрос на какую-либо форму очищения за могилой, с помощью которой души умерших были достойны наслаждения присутствием Бога. В результате на первый план выходит новый синтез милости Божьей и Чистилища – идея о том, могут ли души после смерти наслаждаться (в умах живых) явной, временной идентичностью, предоставленной им средневековым учением о Чистилище. Теперь христиане больше не были безликой группой заблудших подданных, ожидающих в неустановленный момент времени вседостаточной милости Божьего прощения.

Традиция Августина и Григория Великого предполагала, что с момента падения Адама духовный рост должен быть длительным и болезненным процессом. Действительно, может потребоваться больше жизни, чтобы стать достойным присутствия Бога. Эта болезненность предполагала ощущения чисто физического характера. Укоренившаяся образная традиция отводила главное место огню различного рода²⁹. С III в.

²⁸ Augustine. *Contra ii epistulas Pelagianorum*, 3.5.14.

²⁹ Edsman. 1940. P. 3–12.

христиане обращались к авторитету Первого послания Павла к Коринфянам: «и огонь испытает каждый... Если тело любого человека будет сожжено, он понесет потери: он сам будет спасен, но так же огнем»³⁰. Для Климента Александрийского и Оригена это был «мудрый огонь», «сильный и способный очистить зло»³¹.

Таким образом, огонь был символом способности Бога трансформировать каждый уровень Его собственного творения. В то же время это было пламя, которое охраняло онтологический порог между Человеческим и Божественным. «Мудрый огонь» Климента и его современников требовал более полного преобразования, чем простое очищение отдельных грехов. Чтобы пройти через этот огонь, нужно было выйти за пределы Человеческого: приблизиться к Богу, вступив в огненную бурю, в которой люди утратили свою природу и приняли огненную сущность ангелов, теснивших престол Бога.

Для мыслителей того времени подобный образ трансформации огнем был слишком подавляющим, чтобы оказаться желанным. Сама человеческая идентичность, даже различия между святыми и грешниками могут быть поглощены в огне такой интенсивности. Для Августина и Григория Великого подавляющее чувство величия и Божьей милости увенчались верой в покаяние, и в этом мире, и в потустороннем. Основание покаяния покоилось на классической почве. Ответственность грешника за грехи связывала окончательное прощение с личным преобразованием. Бог более не довольствуется некачественными душами. Каждая душа должна научиться зависеть «более тесно и с большей любовью» от Него, чтобы впитывать в себя не просто опыт извне, а «внутреннее правило Его праведности»³². Милость Божья сама по себе не удовлетворила бы душу, которая жаждала быть с Богом. Необходимость «очищения» души была обязательным условием вступления в присутствие Бога, сохранившее на протяжении веков отдаленную связь с долгим трудом над человеческим «Я», ассоциирующимся с нравственным миром классического философа³³. Августину пришлось столкнуться с удивительно широким разнообразием взглядов на милосердие Бога³⁴. Оно касалось творческих структур, наделенных исключительной долговременной прочностью. Во время Страшного суда сила святых будет преобладать, чтобы получить прощение для всех, кроме худших грешников. Ибо если святые молились за своих гонителей, когда они были живы, насколько эффективнее будут их молитвы сейчас,

---

³⁰ 1 Кор 3:13, 3:15.

³¹ Clement Alex. *Eclogae propheticae* 25.4; *Stromateis* 7.6; Origen, *Hom.* 3.

³² Gregory. *Dialogi* 4.46.9.

³³ Brown. 1992. P. 62–69.

³⁴ Augustine. *De civitate Dei* 21.18.1.

когда они находятся в присутствии Бога. Спасение, предоставленное Богом в ответ на прошения святых, будет всеобъемлющим³⁵.

Что касается Ада, его вечность также может быть нарушена Спасением. Очищающий огонь, о котором говорил Павел, был адским огнем, в который будут погружены грешники на короткое время. Для Августина идея проклятия, связанная с погружением в адский огонь, была «не в ее материальности, а в ее вечности»³⁶. Он не хотел давать однозначного ответа на вопрос о степени и силе заступничества, которое могли предоставить святые в последний день, и о точной природе грехов, в отношении которых это заступничество может оказаться эффективным. В «Граде Божьем», как и в «Проповеди»³⁷, Августин предстает перед нами добросовестным епископом, который думал, что христианам лучше сожалеть, чем чувствовать себя в безопасности, чтобы не ослабить усердие в своем стремлении избежать всех грехов³⁸.

Вопрос о периодической отсрочке наказания в Аду, поднятый еще Пруденцием, сам по себе был второстепенным: это была скорее проверка внешних границ сложившейся структуры ожиданий³⁹. В мире Григория Турского даже самые незначительные чудеса, связанные с могилами святых в Галлии, были наделены смыслом, потому что намекали на возможную силу святых для защиты грешников в последний день. Рай не только сосредотачивался вокруг гробниц святых; он проявлял себя во многих укромных уголках этого мира, поэтому трон Бога не казался недостижимым, по причине постоянного присутствия в этом мире.

Но «чудесное» удивление по поводу множества случайных намеков на присутствие другого мира в этом мире уступило место более сфокусированному акценту на потусторонний мир. Новые литературные жанры подчеркивали длительный и трудный характер путешествия души после смерти, передавая чувство опасности, которое усиливало восторг захватывающими смертями немногих привилегированных. Что еще важнее, – огонь, который в позднеантичной модели, как правило, окружал престол Божий, как последний барьер, который человеческая душа должна пересечь, потерял связь с ним. Освобождаясь от Божественного присутствия, огонь действует сам по себе, охраняя порог между этой жизнью и последующей: «Он ищет каждого по заслугам... Ибо как тело прожигает незаконное желание, так душа будет гореть, как законное, должное наказание [каждого порока]»⁴⁰. Фурсей оставил свои «Виде-

---

³⁵ Ibid. 18.9-11; 21.19–23.

³⁶ Ibid. 21.21.13-20; Daley. 1991. P. 149.

³⁷ Augustine. Enarratio 37.6; 80.20.

³⁸ Ibid. 21.27.192.

³⁹ Carozzi. 1994. P. 127–131.

⁴⁰ Ibid. 8-9.

ния», чтобы утверждать, что за этими сценами скрыта тайна Божьего милосердия. Но милосердие больше не занимало центр внимания, как это было у Григория Великого. Оно лежало на краю горизонта, и было теперь крайним средством. Грехи, если их не искупить на земле, заставляют верующего немедленно подвергнуться на небесах санкциям, которые были вполне предсказуемыми. Мы имеем дело с появлением ощущения собственного Я, которое больше не удерживает надежду на милость Божью. Теперь это самозабвенное чувство долгого, покаянного процесса, который должен в итоге привести к престолу Божьему.

Взгляды на другой мир менялись не только во времени, но и в пространстве. Христиане Востока не были готовы принять идеи, которые Григорий и последующее поколение латинских христиан приняли с уверенностью. Потусторонний мир остался во многом скрыт от них. Судьба души в загробном мире не была той проблемой, которая привлекала их внимание. Христианская погребальная практика также отражает изменения в отношении к потустороннему миру. Она эффективно разграничивала горизонты, за пределы которых среднестатистический покойный античный христианин не был готов проникнуть. Ушедшая душа была «духом». Поскольку дух был жив, он искал «покой». Покой (*aeterna*) значил для грешников больше, чем надежда Царствия Небесного⁴¹. Ранняя христианская эпиграфика поддерживала эту точку зрения⁴², как и погребальная практика, которая предполагала, что «дух» находился «в покое» в непосредственной близости от могилы. Вместо этого Месса стала рассматриваться как средство превращения «земных» представлений в более «неземные».

Подношения умершим и молитвы за их душу были традиционными практиками в V в. Но такие молитвы и подношения носили «утвердительный, а не инструментальный характер»⁴³. Они свидетельствовали о том, что усопший находился в рамках христианской общины и имел право на спасение⁴⁴. Что предполагали эти молитвы за усопшего? Большую вероятность возможного спасения⁴⁵. Обычные молитвы не способствовали постепенному очищению грехов, и не давали немедленного эффекта в длительном процессе, когда загробное время загадочным образом идет в ногу с человеческим временем. И если эпитафии поздней Античности приписывали мертвым статус духов «в состоянии покоя»⁴⁶, то в эпитафиях VII в. слышны обрывки автобиографии: душа, нуждаю-

---

⁴¹ Caesarius of Arles. Sermo 47.5; Beck, 1979. P. 53.

⁴² Kajanto 1978. P. 27–53.

⁴³ Brown 1978.

⁴⁴ Tertullian. De monogamia 10.4; De exhortatione castitatis 11.2.

⁴⁵ Anastasius Sinaita. Oratio de Synaxi, 87:837 B; Cyprian. De oratione dominica 4.

⁴⁶ Carlos 1995. P. 431–462.

щаяся в молитве, говорит с живыми из-за пределов могилы. Теперь «грех» и «заслуги», оцениваемые с дотошной точностью, а не только «жизнь» души, которая имела наибольшее значение в определении человеческой личности, играют роль и в этом мире, и в потустороннем.

Происходит заключительный этап «переориентации» мира: не «преступление», в смысле поощрения большего чувства вины в христианских кругах, а окончательное сведение всего опыта к двум универсальным объяснительным принципам – греху и покаянию. Основной моделью новых открытий больше не было стремление охватить вселенную с высоты звезд. Это было стремление раскрыть «сокровенные тайны» религиозной жизни – тайну греха, тайные добродетели, тайные практики, рассказанные на исповеди, чтобы проникнуть в тайны личности⁴⁷. И это изменение, которое не было одномоментным, необратимым и однонаправленным, означало конец собственно античного потустороннего мира.

В отличие от прежних, античных образных структур христианства, фундаментальных для его собственного существования, к VII в. появляются новые образные структуры, заполненные вопросами о заслугах, грехах и идентичности. Они нуждались в другом потустороннем мире, населенным более четко сфокусированными лицами святых и грешников, и не желали присваивать идеи своего древнего прошлого. Изобилие Рая, лежавшее поблизости к этому миру, древнее чувство беспрепятственной силы и милости Рая, связанное с Царством Божьим, было утрачено. В результате поздние античные христианские взгляды на потусторонний мир либо остались неразработанными, либо обрели иной фокус. Потусторонний мир Античности в его христианской ипостаси, был одной из многочисленных жертв, принесенных во имя рождения средневековой Европы.

Источники

- Августин Блаженный. Творения: В 4 т. Т.3: О Граде Божием. Книги I-XIII. СПб.: Алетейя; Киев: УЦИММ-Пресс, 1998. 595 с.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Российское Библейское Общество, 2014. 1376 с.
- Киприан. Сочинения // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-latina-pl-volumes-available-online/>
- Климент Александрийский. Строматы. В 3 т. / Подг. текста, пер., предисл. и коммент. Е.В. Афонасина. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2003. Т. 1. Кн. 1–3. 544 с.; Т. 2. Кн. 4–5. 336 с.; Т. 3. Кн. 6–7. 368 с.
- Ориген. Сочинения // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-graeca-pg-pdfs>
- Порфирий. Жизнь Пифагора. Жизнь Плотина / Пер. М.Л. Гаспарова // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. С. 449–476.
- Сулпиций Север. Сочинения / Пер. А. И. Донченко. М.: Росспэн, 1999. 320 с.
- Anastasius Sinaita. Sermo in defunctos, ex editione Christiani-Friderici Matthaeii, cum interpretatione nostra // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-graeca-pg-pdfs/>.

⁴⁷ Boniface. Epistula 115.

- Augustine. *Epistulae* // Bibliothéque augustinienne. Paris: Etudes augustinienes, 1987. 525 p.
- Clement of Alexandria. *Сочинения* // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-graeca-pg-pdfs/>.
- Gregorii Episcopi Turonensis. *Historiarum libri X* Ed. By B. Krusch. W. Levison // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. V. 1. P. 1.* Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1869. P. 1–537.
- Tertullian. *Сочинения* // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-latina-pl-volumes-available-online/>.
- Gregory. *Dialogi de vita et miraculis patrum Italicorum et de aeternitate animarum* // URL: <https://www.roger-pearse.com/weblog/patrologia-latina-pl-volumes-available-online/>.
- Leontius of Neapolis // Dawes E., Baynes N. H. *Three Byzantine Saints: Contemporary Biographies translated from the Greek.* Oxford: Basil Blackwell, 1948. 275 p.
- Paulinus. *Cathemerinon* / ed. H. J. Thomson // *Loeb Classical Library.* Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961. 589 p.
- S. Bonifatii et Lulli *Epistulae* / Hrsg. M. Tangl // *Monumenta Germaniae Historica: Epistulae selectae.* Bd. 1. Berlin: Weidmann, 1916. 363 s.
- Theodore of Canterbury. In *Pentateuchen* // Lapidge M. *Biblical Commentaries from the Canterbury School of Theodore and Hadrian.* Cambridge: Cambridge Un-ty Press, 1994. 612 p.
- Vita Prima S. Fursei* // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores Rerum Merovingicarum. V. IV.* Hannoverae: Impensis Bibliopolii Hahniani, 1869. P. 423–449.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. 2–е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1984. 350 с. [Gurevich A.YA. *Kategorii srednevekovoj kultury. 2–e izd., ispr. i dop.* M.: Iskusstvo, 1984. 350 s.]
- Ковригина И.В. Пространственная стратификация загробного мира в визионерской традиции Средневековья (на примере «Церковной истории народа англоv» Беды Достопочтенного и «Книги видений» Отлоха Санкт-Эммерамского) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского.* 2015. № 4. С. 48–54 [Kovrigina I.V. *Prostranstvennaya stratifikaciya zagrobnogo mira v vizionerskoj tradicii Srednevekov'ya (na primere «Cerkovnoj istorii naroda anglov» Bedy Dostopochtennogo i «Knigi videnij» Otloha Sankt-Emmeramskogo)* // *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo.* 2015. № 4. S. 48–54].
- Ле Гофф Ж. Рождение Чистилища. Екатеринбург: У–Фактория; М.: АСТ–Москва, 2009. 544 с. [Le Goff Zh. *Rozhdenie Chistilishcha.* Ekaterinburg: U–Faktoriya; M.: AST–Moskva, 2009. 544 s.]
- Леви–Стросс К. Структурная антропология. Пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: Изд-во Эксмо–Пресс, 2001. 512 с. [Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya.* Per. s fr. Vyach. Vs. Ivanova. M.: Izd-vo Eksmo–Press, 2001. 512 s.]
- Beck H.G. *Die Byzantiner und ihr Jenseits: Zur Entstehungsgeschichte einer Mentalitat* Munchen: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1979. 71 p.
- Brown P. *Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire.* Madison: University of Wisconsin Press, 1992. 182 p.
- Brown P. *The Making of Late Antiquity.* Cambridge, Mass.: Harvard Un-ty Press, 1978. 148 p.
- Brown P. *The Rise of Western Christendom: Triumph and Diversity AD 200–1000.* Oxford: Blackwell, 1996. 712 p.
- Cameron A. *Byzantium and the Past in the Seventh Century: The Search for Redefinition* // *The Seventh Century: Change and Continuity.* London, 1992. P. 250–276.
- Carozzi C. *Eschatologie et au-delà* // *Recherches sur l'Apocalypse de Paul.* Aix–en–Provence: Université de Provence, 1994. P. 127–131.
- Daley B.E. *The Hope of the Early Church: A Handbook of Patristic Eschatology.* Cambridge: Cambridge University Press, 1991. 300 p.
- Edsman M. *La Baptême de Feu* // *Uppsala Universitet Nytesta mentliga Seminar. Acta 9.* Uppsala: Lundqvist, 1940. P. 3–12.
- Galvao-Sobrinho C. R. *Funerary Epigraphy and the Spread of Christianity in the West* // *Aethnaeum.* 1995. № 83. P. 431–462.

- Hillgarth J.N. Eschatological and Political Concepts in the Seventh Century // *The Seventh Century: Change and Continuity*. London, 1992. P. 212–231.
- Horden P. Responses to Possession and Insanity in the Earlier Byzantine World // *Social History of Medicine*. 1993. № 6. P. 177–194.
- James E. A Sense of Wonder: Gregory of Tours, Medicine and Science // *The Culture of Christendom: Essays in Medieval History in commemoration of Denis L.T. Bethell*. London: Hambledon, 1993. P. 45–60.
- Kajanto I. The Hereafter in Christian Epigraphy and Poetry // *Arctos*. 1978. № 12. P. 27–53.
- Lapidge E. Biblical Commentaries from the Canterbury School of Theodore and Hadrian. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. 612 p.
- Lewis C. S. *The Discarded Image*. Cambridge: Cambridge University Press, 1964. 232 p.
- Markus R.A. *The End of Ancient Christianity*. Cambridge University Press, 1990. 258 p.
- Markus R.A. *Gregory the Great and His World*. Cambridge: Cambridge U.P., 1997. 241 p.
- Mc Cready W.D. *Signs of Sanctity: Miracles in the Theology of Gregory the Great*. Toronto: Pontifical Institute of Mediaeval Studies, 1989. 316 p.
- Nie G. de. Views from a Many–Windowed Tower: Studies of Imagination in the Works of Gregory of Tours. Amsterdam: Rodopi, 1987. 348 p.
- Taylor L. The Uses of Death in Europe // *Anthropological Quarterly*. 1989. № 62. P. 149–154.

Юлия Сергеевна Обидина, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории средневековых цивилизаций Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, basiley@mail.ru

From Paradise to Heaven: representations of the borders of the Other world in the Late Antiquity and the Early Middle Ages

The article discusses the evolution of views on the boundaries of the other world at the turn of antiquity and the Middle Ages. The author demonstrates that the evolution of ideas about the localization of one of the aspects of the other world, Paradise, led to the transformation of death from a “problem” into a “possibility”. It is noted that by the VII century a new style of Christian understanding of the world appears, operating with qualitatively different images of the posthumous reward and localization of Paradise. The abundance of Paradise, which lay close to this world and was connected with the kingdom of God, was lost under the influence of increased attention to the problems of merit, sin and identity.

Keywords: Late Antiquity, Early Middle Ages, Christianity, other world, sin, penance, Paradise, Heaven, the kingdom of God

Yulia S. Obidina, Doctor of Philosophy, Associate Professor. Professor of the Department of the History of Medieval Civilizations of Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, basiley@mail.ru

РУСЬ НА КАРТЕ МИРА ИСЛАМСКИХ ГЕОГРАФОВ X ВЕКА

Статья посвящена анализу сведений о Руси арабских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала, сочинения которых структурно состоят из двух частей — картографической и текстовой. В картографическую часть входят круглая карта мира и 20 прямоугольных карт — карты Индийского океана, Средиземного и Каспийского морей, а также 17 карт различных провинций Халифата. Текстовая часть составлена как комментарий к картам: во введении, имеющем концептуальный характер, дается обзор системы мировых империй с входящими в них странами и народами мира, а в основной части помещено описание объектов, изображенных на 20 упомянутых картах. Картографическую, концептуальную и описательную части сочинений в историографии принято рассматривать по отдельности, хотя они все характеризуют один и тот же объект, различаясь лишь масштабом и формой изложения. Так, о Руси говорится в различных контекстах: на круглой карте Русь показана как одна из стран мира; во введении — как часть византийского имперского пространства; в основной части сочинения (в разделе, посвященном описанию Каспийского моря) — как самостоятельное государство, состоящее из трех областей. Проведенный в статье сравнительный анализ информации арабских географов о Руси вскрывает механизм формирования образа страны и ее позиционирования в системе мировых империй.

Ключевые слова: Русь, ал-Истахри, Ибн Хаукал, исламская картография, мировые империи, географический образ

Сообщения арабских географов X в. ал-Истахри и Ибн Хаукала о Руси неоднократно переводились на русский язык¹ и прочно вошли в корпус иностранных известий о Древнерусском государстве. В сочинениях этих авторов наряду с разрозненными сведениями о русах содержится связный рассказ о внутреннем устройстве Руси (о «трех группах русов»), который неизменно привлекает главное внимание исследователей. Между тем этот рассказ целесообразно рассматривать в контексте сочинений ал-Истахри и Ибн Хаукала в целом, принимая во внимание их рассуждения о месте Руси в системе мировых империй, а также изображение Руси на входящей в состав их трудов карте мира.

Благодаря тому, что сочинения ал-Истахри и Ибн Хаукала включали в себя не только описательную часть, но и карты, можно сравнить между собой разные способы презентации, интерпретации и концептуализации информации о Руси, бытовавшей в середине X в. в исламском мире. Это важно не только для изучения древнерусской истории, но и для рассмотрения общей проблемы соотношения карты и словесного описания в античных и средневековых источниках географического

---

¹ См. последние переводы с библиографией предыдущих: Новосельцев 2000. С. 313–323; Большаков. 2006. С. 745–752; Древняя Русь. 2009. С. 81–94.

толка. Необходимость дифференцированного отношения к описанию какого-либо географического объекта, с одной стороны, и к его же картографическому изображению – с другой, связана с тем, что составитель текста и картограф пользуются разными способами презентации информации и производства нового знания. Как показывают новейшие исследования по истории картографии, карты следует оценивать не с точки зрения «точности», а через призму их культурно-исторической и художественной специфики. Изучение социокультурного и политического контекста, в рамках которого карты производились и использовались, привели к выводу о многофункциональности карт и, соответственно, к признанию сложного характера картографического изображения как такового. В настоящее время карта рассматривается как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений, как форма политического дискурса и способ манифестации власти².

Не случайно создание т.н. «Ма'муновской карты» мира – первого арабского картографического произведения, о котором имеются сравнительно достоверные, хотя и очень скудные, сведения, – было связано с прекращением масштабных внешних завоеваний в эпоху Аббасидов, когда на первый план вышла проблема интеллектуального освоения внутреннего пространства империи и консолидации входивших в нее народов на основе исламских ценностей.

Сама карта, изготовленная для халифа ал-Ма'муна (813–833), не сохранилась, но она известна по описаниям более поздних авторов³. По мнению видевшего ее арабского энциклопедиста середины X века ал-Мас'уди, «Ма'муновская карта» превосходила карты Птолемея и Марина Тирского: «Лучшее, что я видел в таком роде, было в книге “Географии” Марина, – а география значит пересечение земли, – и в “Ма'муновской карте”, исполненной для ал-Ма'муна, в составлении которой участвовало несколько ученых его времени. На ней был изображен мир с его сферами и планетами, сушей и морями, обитаемыми и необитаемыми частями, поселениями народов и прочим. Она лучше упомянутых раньше “Географии” Птолемея и “Географии” Марина и других»⁴. Если ал-Мас'уди уверенно связывал «Ма'муновскую карту» с традицией Птолемея, то другой знакомый с нею ученый, испано-арабский географ XII века аз-Зухри, описывал карту совершенно иначе. «Ма'муновская карта», которую видел аз-Зухри, хотя и была разделена на семь широтных

² Из последних обобщающих работ см.: Delano-Smith, Kain 2009; Edney 2019 (с обширной библиографией).

³ Крачковский 1957. С. 87.

⁴ *Bibliotheca geographorum arabicorum* 1894. P. 33. Рус. пер.: Крачковский 1957. С. 87.

зон-климатов, – что в принципе согласуется с птолемеевской традицией, – но расположение климатов на ней было иным, чем у Птолемея: они были изображены в виде шести кругов, окружавших помещенный в середине седьмой⁵, т.е. следовали персидской системе деления ойкумены на изолированные одна от другой географические области-*кишвары*.

Первые дошедшие до нас исламские карты были созданы учеными т.н. «классической школы» арабских географов, или школы ал-Балхи. Ее основателем считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ум. 934), который около 920 г. написал сочинение, известное под разными названиями: «Картины климатов» (*Сувар ал-акалим*), «Виды стран» (*Ашхал ал-билад*) или «Упорядочение стран» (*Таквим ал-булдан*). Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, но послужил основой для произведений других исламских ученых⁶.

В начале 930-х гг. сочинение ал-Балхи обработал выходец из Южного Ирана ал-Истахри – первый представитель «классической» школы географов, сочинение которого сохранилось. Вторую редакцию своей «Книги путей и государств» (*Китаб ал-масалик ва ал-мамалик*)⁷ ал-Истахри составил около 950 г. Она получила большое распространение в исламской историографии, в особенности в восточной части халифата, где она бытовала и в переводах на персидский и турецкий языки.

Продолжателем ал-Истахри стал Ибн Хаукал, уроженец города Нисибина в Верхней Месопотамии. В середине X в. он объехал почти весь исламский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве политического агента сначала египетских Фатимидов, а позднее – багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Свое сочинение «Книга картины земли» (*Китаб сурат ал-ард*)⁸ Ибн Хаукал начал писать под впечатлением от встречи с ал-Истахри и задумал его как исправленную переработку труда последнего. Однако работа над книгой, продолжавшаяся в течение 950–970-х гг., привела его к созданию вполне самостоятельного географического сочинения, пусть и включавшего многие материалы ал-Истахри.

Хотя представители «классической школы» писали на арабском языке, ее основоположники, ал-Балхи и ал-Истахри, были этническими персами, выходцами – о чем говорят их *нисбы*, – из иранских городов Балха и Истахра. Укорененность в персидской культуре повлияла на композицию их сочинений, в которых центральное место в структуре Халифата занимает Иран, а географическое деление Земли, несмотря на

⁵ Kitāb al-Dja'rāfiyya 1968. P. 306.

⁶ Tibbets. 1992. P. 108–111.

⁷ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870.

⁸ Bibliotheca geographorum arabicorum 1873; Opus geographicum 1938–1939.

формальное использование ими принятого большинством мусульманских географов греческого термина «климат» (араб. *иклим*), фактически основано на системе иранских областей-*кишваров*.

Сочинения географов «классической школы» сопровождалось набором карт, а текстовая часть сочинений была построена как развернутый комментарий к ним. Количество и тематика карт, а также их порядок были строго регламентированы. Полный комплект включал в себя одну общую карту мира, карты трех морей – Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Хазарского (Каспийского), а также 17 карт различных областей халифата: Аравии; Магриба; Египта; Сирии; ал-Джазиры (Верхней Месопотамии); Ирака; Хузистана; Фарса; Кирмана; Синда; Армении, Аррана и Азербайджана; Джибала; Дайлама и Табаристана; Персидской пустыни; Сиджистана; Хорасана; Мавараннахра⁹. Карты предельно схематичны: градусная сетка и масштаб на них отсутствуют, моря и острова представлены в виде геометрически правильных кругов или эллипсов, береговые линии условны, а реки нанесены прямыми линиями. Как и подавляющее большинство арабских карт, карты географов «классической школы» ориентированы на юг¹⁰.

Карты отдельных областей, по всей вероятности, мыслились как самостоятельные изображения, не состыкованные друг с другом. Их схематизм, отсутствие единого масштаба, а также ярко выраженный «иранский акцент» не позволяли составить из них в совокупности карту мира, в связи с чем последняя вычерчивалась специально.

Хотя для «классической школы» арабских географов было характерно преимущественное внимание к описанию исламских стран, в сочинениях ал-Истахри и особенно Ибн Хаукала имеется немало сведений о странах и народах Европы, о немусульманских районах Азии и Африки. При этом, если в основном тексте данные о немусульманских народах и государствах сообщаются лишь в связи с характеристикой тех или иных областей Халифата, то во введении к своим трудам они дают общее описание всей ойкумены – стран, народов и морей, – и излагают свои представления об устройстве мирового порядка.

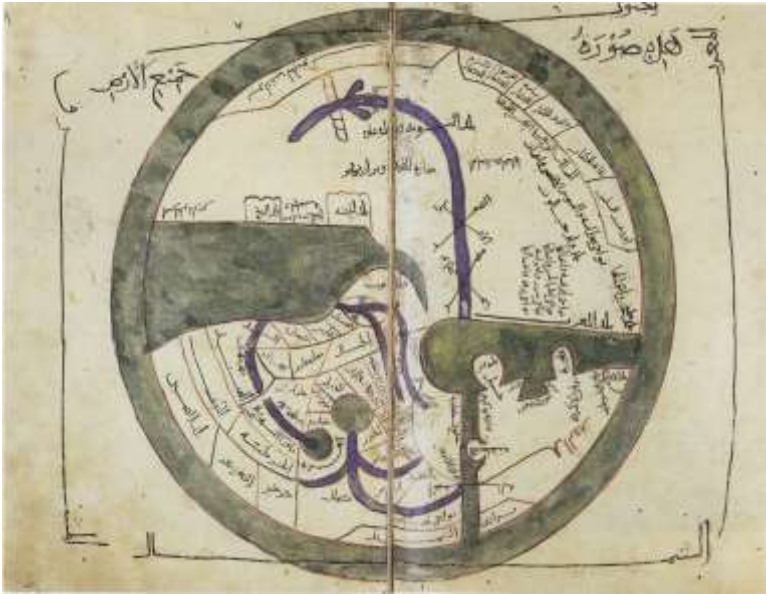
Таким образом, то или иное государство в сочинениях географов «классической школы» предстает в разных масштабах: мировом – как составная часть одной из империй; региональном – как область какого-либо историко-культурного региона; и наконец, само по себе. Текстовая характеристика страны дополняется ее картографическим изображением на карте мира и – для исламских стран – на региональной карте. Так, на круглой карте Русь показана как одна из стран мира; во введении – как часть византийского имперского пространства; в основ-

⁹ Tibbets. 1992. P. 114.

¹⁰ Tibbets. 1992. P. 112–129.

ной части сочинения (в разделе, посвященном описанию Каспийского моря) – как самостоятельное государство, состоящее из трех областей.

Первое из дошедших до нас исламских картографических изображений Руси содержится на карте мира из сочинения Ибн Хаукала в рукописи 1086 г. из Музея Топкапы в Стамбуле. Вот как сам Ибн Хаукал описывал фрагмент карты, на котором изображена Русь: «В этой части [карты] позади слова “север” расположена страна Йаджуджа и Маджуджа, затем, выше – славяне (*ас-сакалиба*)... Потом за ними к востоку – болгары и русь (*ар-рус*). Затем на побережье [Константинопольского] пролива – области Трапезунда, а над протекающей рядом рекой – болгары, русь, башкиры, буртгасы, хазары, печенеги, еще одни болгары, затем земля Сарир, а над ними – Внутренняя и Внешняя Армения. А слева – Азербайджан и Арран, а справа от Армении – река Тигр»¹¹.

Карта мира Ибн Хаукала по рукописи 1086 г. из Музея Топкапы в Стамбуле (Istanbul, Topkapı Sarayı Müzesi Kütüphanesi, A. 3346, fols. 3b–4a). Ориентация южная. Воспроизведено по: <http://www.myoldmaps.com/early-medieval-monographs/213-ibn-hawqals-world-map/213-ibn-hawqal.pdf>

На карте Ибн Хаукала Русь, как и другие страны и народы, обозначена в виде этнотопонима, а географическими маркерами ее местоположения являются, прежде всего, наименования соседних с нею

¹¹ Opus geographicum 1938–1939. P. 9.

народов, а также изображение реки *Атил*, «над» которой, по словам Ибн Хаукала, и помещаются русы. На первый взгляд, карта не слишком информативна, но не следует забывать о специфике работы картографа. Если автор географического описания, говоря о русах, мог ограничиться фразой о том, что они везут свои товары «из самых отдаленных окраин страны славян»¹², предоставляя читателям возможность самим вообразить, где именно живут русы, то картограф, желавший нанести на карту сведения о Руси, должен был найти для нее точно определенное место. И чтобы понять, почему Русь изображена на карте Ибн Хаукала так, а не иначе, надо обратиться к тому дискурсу о славянах, русах и других восточноевропейских народах, который развивали предшественники школы ал-Балхи – ученые IX – начала X века Ибн Хордадбех и Ибн Русте, а также путешественник в Волжскую Булгарию в 922 г. Ибн Фадлан.

Сведения этих авторов о местонахождении русов весьма неопределенны. Ибн Хордадбех, которому принадлежит первое в исламской литературе упоминание о русах, говорил лишь о маршрутах, которыми они пользовались для транспортировки своих товаров в пределы Византии и Халифата. При этом он ничего не сообщил ни о стране русов, ни о каком-либо месте их проживания. Ему было известно лишь то, что русы везли свои товары из «самых отдаленных [окраин страны] славян», причем в Хазарию они попадали по «Реке славян», а о том, каким путем они добирались до Черного («Румийского») моря, он не знал. То есть на международном рынке русы появились, можно сказать, из ниоткуда, и единственной частью пространства, маркируемой Ибн Хордадбехом как «русская», оказывался торговый маршрут, по которому они шли. При этом по мере удаления от Багдада этот путь русов становился все менее и менее отчетливым для их исламских контрагентов, теряясь где-то у «самых отдаленных [окраин страны] славян».

Первые сведения о месте обитания русов появились в исламском мире в конце IX в., когда создавалась т.н. «Анонимная записка» о северных народах, дошедшая до нас в изложении Ибн Русте. На основе этих сведений в арабо-персидской литературе X–XVI вв. сформировался устойчивый географический образ «острова русов»¹³. В отличие от сообщения Ибн Хордадбега, в рассказе об «острове русов» основное внимание уделялось не торговым путям, а показу русов, так сказать, у себя дома, в тех «самых отдаленных [окраинах страны] славян», откуда русы везли свои товары на исламский Восток и в Византию.

Образы, задающие внутренние параметры «острова русов», все до одного безымянные: Ибн Русте не знает наименования ни одного их рода, реки или горы; ему неизвестен язык русов; не указано даже назва-

¹² Как это сделал Ибн Хордадбех: *Bibliotheca geographorum arabicorum* 1889. P. 154.

¹³ Об «Анонимной записке» и «острове русов» подробнее см.: Коновалова 2001.

ние того моря (или озера), в пределах которого находился «остров русов». Внешними географическими маркерами активности русов являются города Хазаран и Булгар, куда, согласно Ибн Русте, русы везли свои товары на продажу. Все конкретные данные, сообщаемые «Анонимной запиской» о русах, касаются организации их общества и верховной власти или являются сведениями этнографического толка (нравы, обычаи, одежда), которые мусульманские информаторы узнавали либо от самих русов, доходивших с купеческими караванами до ближневосточных городов, либо от своих хазарских и болгарских контрагентов, поддерживавших торговые отношения с областями русов¹⁴. Даже единственный арабский путешественник по Восточной Европе X в. Ибн Фадлан, видевший русов своими глазами, встретился с ними в Булгаре, т.е. за пределами собственно русской территории¹⁵. В рассказе о русах Ибн Русте, в отличие от сообщений о всех других народах региона, нет указаний на расстояния между землей русов и другими народами. Можно говорить даже о своего рода экстерриториальности «острова русов»: на политической карте региона страна русов присутствует, но в географическом смысле ее как бы и нет, так как совершенно не ясно, где она находится.

Из состава сообщений о русах у Ибн Хордадбеха и в «Анонимной записке», а также из свидетельства Ибн Фадлана очевидно, что основными центрами получения информации о русах в исламском мире во второй половине IX – начале X века были не сами русские земли, а городские центры (прежде всего, Булгар и Итиль), лежавшие на Волго-Каспийском пути, по которому осуществлялись торговые и некоммерческие контакты Восточной Европы с исламскими странами. Наряду с Булгаром и Итилем, где регулярно появлялись купцы-русы, еще одним известным в исламском мире географическим объектом, тесно связанным с присутствием русов, была «Река славян», которая, согласно Ибн Хордадбеку, позволяла добраться из русских земель до Хазарии и далее по Каспийскому морю до городов на территории халифата.

Что касается сообщений о Руси в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукала, то содержательно они продолжают сложившийся в IX – начале X в. дискурс о Руси, источниками которого были сведения, циркулировавшие в районе Средней и Нижней Волги и на Каспии, о чем свидетельствует то, что практически все сведения о русах в этих сочинениях приведены в главе, посвященной описанию Каспийского моря¹⁶. Роль Волго-Каспийского пути в аккумуляции данных о Руси очевидна и из того, что почти все упоминания о русах у рассматриваемых авторов так

¹⁴ Bibliotheca geographorum arabicorum 1892. P. 145–147.

¹⁵ Ковалевский 1956. С. 141–146.

¹⁶ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 217–227; Opus geographicum 1938–1939. P. 387–397.

или иначе связаны с известиями о Хазарии, Булгаре или реке *Атил*, которую Ибн Хаукал называет «Рекой русов»¹⁷.

В то же время, в отличие от Ибн Хордадбеха и Ибн Русте, говоривших о русах как о народе, ученые школы ал-Балхи проблематизировали термин *ар-рус* как этноним. И ал-Истахри, и Ибн Хаукал утверждали, что *ар-рус* – это наименование государства, а не название народа, племени или города¹⁸. Это заявление базировалось на новых сведениях о Руси, получивших распространение в исламском мире к середине X в. В частности, стало известно, что государство русов не было унитарным, но имело сложный состав, включавший три группы (*джинс*, *синф*) русов. Каждая группа была территориально отделена от других и имела свой городской центр – *Куйябу*, *Славу* и *Арсу*. Иерархия этих центров, с точки зрения внешних контрагентов русов, очевидна: *Куйяба* описана как самый бойкий и известный вне Руси центр, сопоставимый по размерам с Булгаром, *Слава* – как второй по известности, но менее доступный город, *Арса* – как малодоступная территория, связанная с внешним миром лишь через *Куйябу*¹⁹. Если сравнивать данные о трех группах русов с рассказом об «острове» русов, то окажется, что ал-Истахри и Ибн Хаукал, как и Ибн Русте, не приводили никаких сведений ни о географическом положении русов относительно других народов, ни о границах Руси – ни внешних, ни внутренних между группами русов. Они знали лишь *центры* власти русов, но ничего не сообщали о территориальных *границах* их власти. Однако тут важно, что три группы русов не были изолированы одна от другой и, в силу того, что находились в иерархических отношениях между собой, могли быть описаны как целое, как территориально-политическая общность русов. О том, что арабские географы понимали русов именно как общность, говорят первые же фразы их описания и у ал-Истахри, и у Ибн Хаукала: «Русы. Их три группы»²⁰.

Ал-Истахри и Ибн Хаукал первыми в исламской литературе показали место Руси в системе мировых империй (*мамлака*), являвшихся, по их мнению, столпами миропорядка: это Халифат, которым управляет из Багдада повелитель правоверных (*амир ал-му^{минин}*); Византия (*ар-Рум*), во главе которой стоит царь (*малик*), живущий в Константинополе; Китай (*ас-Син*) – его правитель (*сахиб*) проживает в городе Кайфэн; Индия (*ал-Хинд*) во главе с царем (*малик*), резиденцией которого является город Канаудж²¹. Арабские географы сформулировали и принципы,

¹⁷ Opus geographicum 1938–1939. P. 13, 15, 388, 389.

¹⁸ Ibid. P. 394; Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 223.

¹⁹ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 225–226; Opus geographicum 1938–1939. P. 397–398.

²⁰ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 225; Opus geographicum 1938–1939. P. 397.

²¹ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 4; Opus geographicum 1938–1939. P. 9.

которые позволяли отнести ту или иную страну к категории «империй», в отличие от «стран» и «земель»: имперскую государственность, по их мнению, создает органическое сочетание религии (*дин*), культуры (*адаб*) и власти (*хукм*)²². И действительно, выделенные ими четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма. Так, пестрота европейской политической карты представлялась арабским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству: «Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рума [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка (*малик*) один»²³. Точно так же, располагая данными о лингвистических различиях между жителями Китая и окружающими его племенами тюрок, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех подданными одного государя – правителя Китая.

В этой идеальной модели миропорядка, существовавшей в представлениях арабских географов, Русь включалась в сферу влияния Византии. До какой-то степени это было сделано чисто механически: «Что касается государства ар-Рум, то к востоку от него страны ислама, к западу и югу – Окружающее море, а к северу – границы области ас-Син, так как то, что находится между тюрками и страной ар-Рум из славян и других народов, мы присоединили к стране ар-Рум»²⁴. То есть русы попадали в сферу влияния Византии на основании того, что их земли лежали между Византией и тюрками, которых ал-Истахри и Ибн Хаукал относили к сфере влияния Китая. Вместе с тем арабские авторы имели данные о том, что, по крайней мере, часть русов исповедовала христианство – достаточно вспомнить утверждение Ибн Хордадбеха о том, что приходившие в Багдад купцы-руссы платили джизью, поскольку, по их утверждению, были христианами²⁵. Поэтому в другом месте ал-Истахри и Ибн Хаукал уточняют, что в орбите влияния Византии находились именно христианские народы: «В государство ар-Рум входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарира, алан, армян и [других народов], исповедующих христианство»²⁶.

Таким образом, первое картографическое изображение Руси в исламской географии опирается на существовавшую с IX в. традицию описания русов как народа. Реальная информация, лежавшая в основе этой традиции, по своему происхождению была самым тесным образом

²² Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 4; Opus geographicum 1938–1939. P. 10.

²³ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 9; Opus geographicum 1938–1939. P. 14.

²⁴ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 5; Opus geographicum 1938–1939. P. 11.

²⁵ Bibliotheca geographorum arabicorum 1889. P. 154.

²⁶ Bibliotheca geographorum arabicorum 1870. P. 4; Opus geographicum 1938–1939. P. 9.

связана с функционированием Волго-Каспийского торгового пути, участок которого от Булгара и ниже до впадения в Каспийское море был хорошо знаком исламским купцам. Поэтому локализация Руси на карте Ибн Хаукала «привязана» к изображению реки *Атил*. Новизна информации о Руси в сочинениях ал-Истахри и Ибн Хаукала была связана с трактовкой термина *ар-рус* не только как этнонима, но и как политонима, с показом тройственной структуры Древнерусского государства, но и с концептуализацией места Руси на карте мира. Эта концептуализация выражалась, во-первых, в четкой географической локализации русов, которая была неведома более ранним исламским авторам, и во-вторых, в позиционировании Руси на политической карте мира как государства, относящегося к византийскому культурному пространству, куда географы школы ал-Балхи включали все европейские страны и тюркские народы, а также христианские народы Закавказья.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bibliotheca geographorum arabicorum / Ed. M.J. de Goeje. Lugduni Batavorum, 1870. Т. 1; 1889. Т. 6; 1892. Т. 7; 1894. Т. 8.
- Kitāb al-Dja'rafīyya: Mappemonde du calife al-Ma'mun reproduite par Fazari (IIIe/IXe s.) rééditée et commentée par Zuhri (VIe/XIIe s.) / Texte arabe établi avec introduction en français par M. Hadj-Sadok // Bulletin d'Études Orientales. 1968. Т. 21. P. 7–312.
- Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim Ibn Haukal al-Naṣībī): Secundum textum et imagines codicis constantinopolitani conservati in Bibliotheca Antiqui Palatii N 3346 cui titulus est "Liber imaginis terrae" / Ed. collato textu primae editionis aliisque fontibus adhibitis J.H. Kramers. Lugduni Batavorum, 1938–1939. Fasc. 1–2. 526 p.
- Большаков О.Г. Ал-Истахри — Ибн Хаукаль // История татар с древнейших времен в семи томах / Под ред. М. Усманова и Р. Хакимова. Казань: РухИЛ, 2006. Т. II: Волжская Булгария и Великая Степь. С. 745–752 [Bol'shakov O.G. Al-Istakhri — Ibn Khaukal' // Istoriya tatar s drevneyshikh vremen v semi tomakh / Pod red. M. Usmanova i R. Khakimova. Kazan': RukhIL, 2006. Т. II: Volzhskaya Bulgariya i Velikaya Step'. S. 745–752].
- Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия / Сост. Т.Н. Джаксон, И.Г. Коновалова, А.В. Подосинов. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. Т. III: Восточные источники / Сост. Т.М. Калинина, И.Г. Коновалова, В.Я. Петрухин. 264 с. [Drevnyaya Rus' v svete zarubezhnykh istochnikov. Khrestomatiya / Sost. T.N. Dzhakson, I.G. Konovalova, A.V. Podosinov. M.: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2009. Т. III: Vostochnyye istochniki / Sost. T.M. Kalinina, I.G. Konovalova, V.Ya. Petrukhin. 264 s.]
- Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии / Отв. ред. Б.А. Шрамко Харьков: Харьковский университет, 1956. 348 с. [Kovalevskiy A.P. Kniga Akhmeda Ibn-Fadlana o yego putshestvii na Volgu v 921–922 gg.: Stat'i, perevody i kommentarii / Отв. ред. В.А. Шрамко Khar'kov: Khar'kovskiy universitet, 1956. 348 s.]
- Коновалова И.Г. Состав рассказа об «острове русов» в сочинениях арабо-персидских авторов X–XVI вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье / Отв. ред. Г.В. Глазырина. М.: Восточная литература, 2001. С. 169–189 [Konovalova I.G. Sostav rasskaza ob «ostrove rusov» v sochineniyakh arabo-persidskikh avtorov X–XVI vv. // Drevneyshiyе gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 1999 g.: Vostochnaya i Severnaya Yevropa v srednevekov'ye / Отв. ред. G.V. Glazyrina. M.: Vostochnaya literatura, 2001. S. 169–189].

- Крачковский И.Ю. Избранные сочинения. М.; Л.: Издательство Академии наук СССР, 1957. Т. IV. 919 с. [Krachkovskiy I.Yu. Izbrannyye sochineniya. M.; L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1957. T. IV. 919 s.]
- Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI–IX вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1998 г.: Памяти чл.-корр. РАН А.П. Новосельцева / Отв. ред. Т.М. Калинина. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. С. 264–323 [Novosel'tsev A.P. Vostochnyye istochniki o vostochnykh slavyanakh i Rusi VI–IX vv. // Drevneyshiyе gosudarstva Vostochnoy Yevropy. 1998 g.: Pamyati chl.-korr. RAN A.P. Novosel'tseva / Otv. red. T.M. Kalinina. M.: Izdatel'skaya firma "Vostochnaya literatura" RAN, 2000. S. 264–323].
- Delano-Smith C., Kain R.J.P. Cartography, History of // International Encyclopedia of Human Geography / Ed. by R. Kitchin, N. Thrift. Amsterdam; Oxford: Elsevier, 2009. P. 428–440.
- Edney M.H. Cartography: The Ideal and Its History. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2019. 309 p.
- Tibbets J.R. The Balkhī School of Geographers // History of Cartography / Ed. by J.B. Harley and D. Woodward. Chicago; London: The University of Chicago Press, 1992. Vol. II. Book 1: Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies. P. 108–136.

Коновалова Ирина Геннадиевна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора, Институт всеобщей истории, Российская академия наук; *irina_konovalova@mail.ru*

Old Rus' on the world map of Islamic geographers of the 10th century

The paper is devoted to the analysis of information about Old Rus' on the maps and texts of Arab geographers of the 10th century al-Iṣṭakhṛī and Ibn Ḥawqal. Their works are structurally composed of two parts – cartographic and textual. The cartographic part includes a round world map and twenty rectangular maps – maps of the Indian Ocean, Mediterranean and Caspian Seas, as well as seventeen maps of various provinces of the Caliphate. The textual part is composed as a commentary on the maps: the introduction gives a conceptual overview of the world system of empires, states, lands and peoples, followed by a description of the twenty above-mentioned objects drawn on the maps. Three parts of the treatise – cartographic, conceptual and descriptive – are usually considered separately from each other, despite the fact that they all characterize the same object, only on a different scale and in different ways. Thus, Rus' is depicted in various contexts – on the round map it appears as one of the countries of the world; in the introduction it is conceptualized as a part of the Byzantine imperial space; in the main part of the work (in the section describing the Caspian Sea) it is shown as an independent state consisting of three units. The comparative analysis of the information of Arab geographers about Old Rus' reveals the mechanism of forming the image of the country and its positioning in the system of world empires.

Keywords: Old Rus', al-Iṣṭakhṛī, Ibn Ḥawqal, Islamic cartography, world empires, geographical image

Irina Konovalova, Dr. Sc. (History), deputy director, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; *irina_konovalova@mail.ru*

**THE RHIPAEAN MOUNTAINS ON THE EARLY PORTOLANS:
INFLUENCE OF ANCIENT AND MEDIEVAL
TRADITIONAL CARTOGRAPHY?¹**

The portolan charts belong to the cartographic products that show almost no continuity in comparison with the previous ancient and medieval maps. Naval maps contain accurate data on the configuration of the coasts of the Mediterranean, Black and Azov Seas with much realistic information about cities, ports, rivers, mountains and other cartographic objects. Portolan charts drastically break with medieval traditional cartography – with its religious, mythological and fantastic images. However, they include the Rhiphaean Mountains, which were one of the most important marker of the north of Eurasia in antiquity and the Middle Ages. It seems that the cartographical portolans could not get rid of this element that was so important in the mythological picture of the world; there exist several maps that show some mountains that could be Rhiphaean. It confirms the proposition that naval maps have some common features to traditional ones. In our paper we show, how the ancient and medieval geography represented the Rhiphaean Mountains and which traits in the portolan charts could be considered as echos of the traditional European cartography.

Key words: *portolan charts, the history of cartography, the Rhiphaean Mountains, medieval maps, ancient geography*

One of the most mysterious concepts in ancient geography and cartography are the Rhiphaean Mountains that had for centuries been the object of mythological, cosmological, geographic, cartographic, and poetic discourses. Having originated as a designation of the northern (in relation to Greece) Thracian mountains, where king Boreas dwelt, the name in the course of time became attached to the mountains located allegedly in the extreme north of the oecumene. Many ancient geographers and cartographers tried to identify the legendary Rhiphaean Mountains with the real mountain ranges in Northern Eurasia from the Pyrenees through the Alps, the Carpathians, the Caucasus, the Ural, the Altai to the Tien Shan.

The Rhiphaean mountains in the ancient geography

In this part, we would like to consider briefly the main features of this mythopoetic and geographical concept in the antiquity.

Already the ancient Ionian scientists located these mythical (or semi-mythical) Rhiphaean (in the Latin orthography often Rhiphaean) Mountains (you can see different variants of the name: Ῥιπαί, Ρίπαια ὄρη, Ῥιπαῖα ὄρη, Ripaei/Riphaei montes, Riphei, Ripheus, Rifei, Rifrei, Riffei), in the north, most often the north-north-east of Europe (see for example the reconstruction of world map of Hekataios in the end of the 6th c. BC in ill. 1).

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 14-18-02121).

Ill. 1. The reconstruction of the world map of Hecataeus from Miletus (after Geus 2001: 85)

For the first time the Rhipaeian name, without indicating their localization, we find in the poem of Alkman in the second half of the 7th century BC in the form of 'Ripas' (F 90 Page: 'Ρίπας ὄρος).

Where were situated the northern mountains in Europe, from the point of view of the archaic Greeks? Our analysis of the geographical and cosmological representations of the Homeric Greeks leads to the conclusion², that Europe in this world picture was limited by Greece itself, washed from the east, south and west by sea (ill. 2). The North remained *terra incognita*; really it was the Balkan Peninsula.

Ill. 2. World picture of Homeric Greeks

² Podosinov 2015.

In this archaic world picture, the northern horizon of the Greeks was closed by mountainous regions – Pieria, Macedonia, Paeonia and Thrace. So, known then Europe ended in the north in a certain large mountain range. When the periphery of the oecumene was being gradually better acquainted, these mountains were moved to the north of Europe and began to stretch from the Alps to the Urals, preserving their neighborhood with the northern ocean³.

In close connection with the Rhipaeen Mountains, from which the northern wind Boreas is blowing, there is a blissful people of Hyperboreans living in the narrow strip of land between Rhipaeans and the Northern Ocean in a mild climate and revering Apollo⁴. As an example of the combination of these two names, we will quote the words of the Hellenistic poet Callimachus, who in his work "Reasons" speaks of "the sons of the Hyperboreans who accompany the gifts from the Rhipaeen mount" to Greece (Delos)⁵. The very name of the Hyperboreans could be transferred to Rhipaeen Mountains, which were sometimes called the Hyperborean mountains⁶. The ambiguous localization of the Hyperboreans supported in antiquity the idea of stretching Rhipaeans in Northern Europe and Asia from the Alps to the Tien Shan and even China⁷. In one of the first mentions of the Hyperboreans they and therefore the Rhipaeen Mountains were located in the North-Eastern Europe in connection with the very concrete peoples. This is how, for example, the Greek author Damastes (a contemporary of Herodotus) describes their location: "The Issedones live above (ἄνω) the Scythians, higher (ἄνωτέρω) – Arimaspians, above (ἄνω) them - Rhipaeen Mountains, from which Boreas blows and

³ See about this "moving" Beckers 1914. P. 538: «Da im Laufe der Zeit die Vorstellung vom Bereich des Nordrandes der Erde eine vielfache Wandlung durchmachte, und die umgrenzende Peripherie sich der fortschreitenden Aufhellung nördlicher Erdräume von Fall zu Fall anpassen mußte, so wurden die Rhipäen in späteren Zeiten höher im N(ordnen) gesucht und angenommen als in früheren»; see also p. 548-549. Cf. Wikén 1939. P. 540-552; Stenger 2001. P. 992-993; Rausch 2013. P. 16-17.

⁴ The first detailed exposition of the legend is preserved in Herodotus (IV, 32-35), although some references to it are found in earlier writers. The legend of Hyperboreans is described in various ways by many ancient authors. On the significance of the Hyperborean topos for ancient geographic literature and on their localization, see more: Daebritz 1916. P. 258-279; Harmatta 1955/1956. P. 57-66; Dion 1976. P. 143-157; 1977. P. 260-270; Ramin 1979. P. 55-71; Romm 1989. P. 97-113; 1992. P. 60-67; Kyriazopoulos 1993. P. 395-398; Werhahn 1994. P. 967-986; Lazova 1996; Bridgman 2005. P. 27-98; Rausch 2013. P. 49-55; 77-80.

⁵ Aitia, fr. 186, 8: νίεζ Ὑπερβορέων Πρωτόν πέμψουσιν ἄρ' οὐραός.

⁶ See, e.g., Servius ad Verg. Aen. XII, 366: Certum sit eum (sc. Boreas) de Hyperboreis montibus flare... - Certainly it (i.e. Boreas) blows from the Hyperborean mountains; Schol. Bern. ad Verg. Georg. III, 196: Hyperborei montes in Scythia, inter quos Aquilo inflat - Hyperborean mountains are in Scythia, Aquilon blows there; Schol. ad Stat. Theb. V, 390: Hyperborei enim montes trans Aquilonem sunt - Hyperborean mountains are situated behind Aquilon. The Rhipaeen and Hyperborean mountains are identified or differentiated by Eusthatus, Aeticas and Stephanos from Byzantium (Eustath., ad Dionys. Perieg. 314; Aethicus 717; Steph. Byz. 654; см. Beckers 1914. P. 538).

⁷ See e.g. Bolton 1962. P. 1-2.

where snow never melts; above them Hyperboreans dwell til the other sea (ὕπὲρ δὲ τὰ ὄρη ταῦτα Ὑπερβορέους καθήκειν εἰς τὴν ἑτέραν θάλασσαν).

It should be noted that in the Roman geographical tradition the Rhipaeian Mountains take their place steadily in the extreme north-east of Europe. Valerius Probus in the commentary to Vergils *Georgica* III, 382, obviously arguing with supporters of the Alpine localization of Rhipaeans, notes that “some people took the Rhipaeian mountains for the Alps. But the Rhipaeian mountains proper are in Scythia.” The “Scythian” tradition was reproduced by Mela, Pliny, Solin, Julius Honorius, Paulus Orosius, other Latin authors and in this form was inherited in the Middle Ages.

In ancient geography, the idea, that all the rivers of oecumene have their origin in the mountains, was widely spread. The rivers, flowing from the Northern Europe, had to originate in the Rhipaeian mountains. Perhaps for the first time this idea was perfectly expressed in the middle of the 1st c. AD by the first Roman composer of geographic work, Pomponius Mela: according to him the Rhipaeian mountain rises behind the Aremphians, beyond this mountain is the Northern Ocean (I, 117); Rhipaeian mountain stretches through the north of Eastern Europe (II, 1); they are inhabited by Hyperboreans (III, 36); river Tanais (modern Don) originates from the Rhipaeian mountain (I, 115). The connection of the Don-Tanais with the Rhipaeian mountains very soon became as strong as the connection of Rhipaeians with the Hyperboreans.

As for the mapping of Rhipaeians in the ancient cartography, it should be noted that very few artifacts have been preserved from antiquity – practically two or three maps, and only on the map of Ptolemy the Rhipaeians are called by this name.⁸ In the 3rd book (III, 5, 15) Ptolemy mentions several mountains in Eastern Europe (so called European Sarmatia), and among them the Rhipaeians: “Sarmatia is crossed also by other mountains [except Sarmatian ones], between which are called:

Peuce mount	51° - 51°
Amadoka mount	59° - 51°
Bodinon mount	58° - 55°
Alaunon mount	62°30' - 55°
Carpathes mount, as it is said	46° - 48°30'
Venedian mountains	47° 30' - 55°
Rhipaeian mountains , the middle of which is	63° - 57° 30'.”

On the reconstruction of the map (ill. 3) we see, that Ptolemy has placed the Rhipaeian mountains in the northeast corner of European Sarmatia on his map. The origins of Tanais on the map of Ptolemy are not related to the Rhipaeians, although they are near the mountains, somewhat north of them. Such localization breaks drastically with traditional concepts.

⁸ Of course, we must not forget that there are only reconstructions based on the description of the map by Ptolemy. See new edition: Klaudios Ptolemaios 2006.

Ill. 3. Map of European Sarmatia after Ptolemy

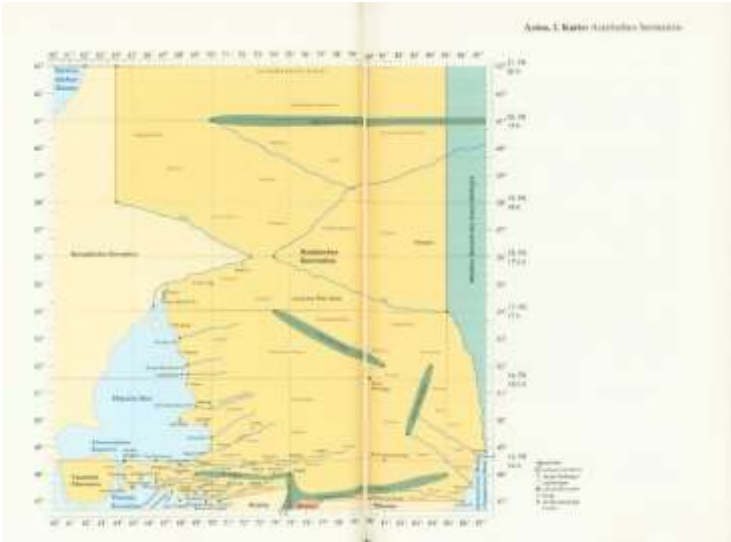
So, the mythical Rhipaeen mountains found their place on the purely "scientific" map of Ptolemy, although their existence was already doubted by Herodotus, Eratosthenes, Apollodorus and Strabo. This shows only one thing – the deep penetration into the mind of the ancient man of the idea, that certain Rhipaeen mountains existed somewhere in the north of Eastern Europe.

The Hyperboreans of Ptolemy were separated from the Rhipaeans and turned into almost an epithet: in the north of Asiatic Sarmatia, Ptolemy places the Hyperborean mountains (V, 9, 13: Ὑπερβόρεια ὄρη), the river Ra (Volga) flows down from them and about it Ptolemy told: "Hyperborean Sarmatians live in the areas adjacent to the unknown land" (V, 9, 16) (see ill. 4).

So, Ptolemy has depicted both mountains – Rhipaeen (in Europe), and Hyperborean (in Asia). If we consider that Ptolemy's Asiatic Sarmatia is a part of modern Eastern Europe from the Don to the Urals, then both these mountains are still in Eastern Europe.

The famous ancient map, where we can probably see the Rhipaeen Mountains, is the so called *Tabula Peutingeriana*, the Latin map from the first centuries AD⁹. The river Tanais (Don) takes its origin in some mountains without name (ill. 5). We can suppose, that these mountains are the Rhipaeans, because the whole ancient geography insisted, that Tanais originates just from Rhipaeans.

⁹ See about this map: Podossinov 2002, 287–378.

III. 4. Map of Asiatic Sarmatia after Ptolemy

III. 5. Tabula Peutingeriana (above to the left are mountains, possibly Riphæan)

These theories were inherited by the Christian cosmological tradition. We mean the concepts of Cosmas Indicopleustes (6th c.) in the east and the Anonymous from Ravenna (6th-7th cc.) in the west of medieval Europe. Cosmas wrote only about the elevation of the earth's surface (τὸ ὕψος τῆς γῆς) to the north and west of the oecumene, behind which the sun hides in the night¹⁰.

¹⁰ Topogr. Christ. 88C-89C; 185C-188D. *Kiessling* 1914, 865-867; cf. 869 about influence of ancient tradition on Kosmas: «Kosmas hat als Grundlage seiner astronomischen Erdkunde die authentische Schrift eines altionischen Meteorologen benutzt...».

The manuscripts of his “Christian topography” contained the image of the mountain in the north of Europe, behind which the sun sets (ill. 6)¹¹.

Ill. 6. Illustration from a manuscript of «Christian topographia» of Cosmas Indicopleustes

So famous Christian cosmographers, denying the sphericity of the Earth and the sky, the existence of Antipodes and other “achievements” of ancient science, retained the notion of the existence of the Rhiphaean mountains in the north of the flat Earth.

The Rhiphaean Mountains on the medieval maps

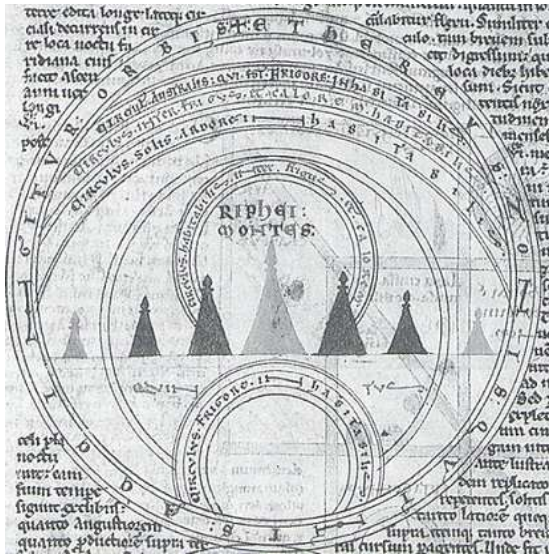
Throughout the Middle Ages and in the following epoch until the 16th century and even further the existence somewhere in the North-East Europe or North Asia of the Rhiphaean mountains was not particularly questionable. Many medieval maps¹² as we will see contain indication of the Rhiphaean mountains¹³. Moreover, these mountains were present even on very schemat-

¹¹ The same ideas were defended by Anonymous from Ravenna: *Cosm. I, 9*: *Nam alii philosophi et prudentes viri dixerunt quod in arctoam partem infra Oceani mare innumerabili spatio atque investigabili itinere dei iussu maximi sunt montes, post quos, quando sol occasum accipit, totam perambulat noctem, usque dum rediens secundum suum tempus mane post ipsos montes iterum hominibus apparet...* See in details: Podossinov 2002. 107–111.

¹² More about medieval maps see in: *The History of Cartography 1987. P. 283–509.*

¹³ The simplest T-O schemes (for example, Vatican City, Biblioteca Apostolica Vaticana, Reg. Lat. 814, fov. 74v); diagrams contrasting the extreme North with the South (for example, Paris, Bibliothèque Nationale, Latin 4860, fov. 166v); climate maps (Berlin, Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Philipps 1833, fol. 39v; Dijon, Bibliothèque municipale, 448, fol. 76; Paris, Bibliothèque Nationale, Latin 6415, fol. 69); maps with mixed structure of T-O and climate zones (for example, Munich, Bayerische Staatsbibliothek, CLM 4612, fol. 103v); Anglo-Saxon *Mappa Mundi*; *Psalter World Map*;

ic maps with a small number of geographical objects, which indicates their importance in the minds of medieval cartographers (ill. 7).

Ill. 7. Climate mappa mundi, Baltimore, Walters Art Museum (end of 12th c.)

The Rhiphaean mountains were constantly depicted as one of the most extreme (or the most extreme) points of the oecumene in the north. On medieval maps, Tanais-Don almost always originates in the Rhiphaean Mountains (ill. 8). In most cases this mountain range is located directly in the North. Paulus Orosius wrote in 6th c.: “Europe begins, as I have said, under the northern zone from the Tanais River, where the Rhiphaean Mountains, standing back from the Sarmatian Ocean, pour forth the Tanais flood which passing by the altars and boundaries of Alexander the Great swells located in the territories of the Rhobasci Paludes Maeotidae, immense overflow of which goes widely into the Euxine Sea near the city of Theodosia” (I.2.4)¹⁴. And in another place about Europe: “It begins from the Rhiphaean Mountains, the river Tanais and the Maeotidae Paludes that are to the east...” (I.2.52)¹⁵.

Hereford Map and others. It seems that the Rhiphaean mountains are depicted without textual legend on Ebstorf map. These maps and all other monastery *mappa mundi* mentioned in this article are published in Chekin 2006.

¹⁴ Oros. I.2.4–5: Europa incipit ut dixi sub plaga septentrionis, a flumine Tanai, qua Rhiphaei montes Sarmatico auersi oceano Tanaim fluiuium fundunt, qui praeteriens aras ac terminos Alexandri Magni in Rhobascorum finibus sitos Maeotidas auget paludes, quarum immensa exundatio iuxta Theodosiam urbem Euxinum Pontum late ingreditur.

¹⁵ Oros. I.2.52: Incipit a montibus Rhiphaeis ac flumine Tanai Maeotidisque paludibus quae sunt ad orientem...

Ill. 8. Fragment of the mappa mundi from the manuscript of *In Apocalipsin* by Beatus de Liebana (1086 or 1124)

According to Isidore of Seville: “The Rhiphaean Mountains are at the top of Germany (in capite Germaniae), they were called like that because of perpetual wind blowing; indeed $\rho\acute{\iota}\omega\eta$ and $\acute{o}\rho\mu\eta$ is inrush in Greek, from $\rho\acute{\iota}\pi\tau\epsilon\upsilon$ – to throw” (XIV, 8, 8)¹⁶. However, on some maps this mountain range appears with a little deviation to the East, in the Asian part of the world¹⁷, or to the West, in the European one¹⁸ (ill. 9). On the maps with climate zones the Rhiphaean mountains was almost always located in the northern inhabitable zone or close to the border between habitable and inhabitable ones¹⁹. John of Holywood (in Latin Johannes de Sacrobosco) told about the climate *Dyrarpheos* that goes through the Rhiphaean Mountains²⁰.

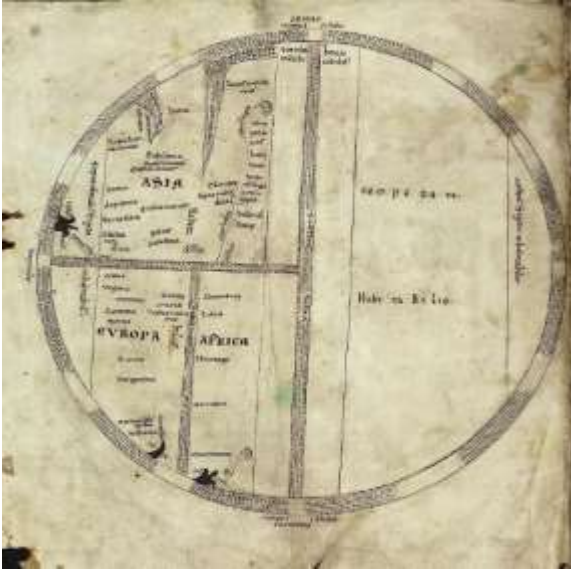
¹⁶ Isid. Etym. XIV, 8, 8: Rhiphaei montes in capite Germaniae sunt, a perpetuo ventorum flatu nominati; nam RIFE Graece impetus et ORME dicitur, APO TOU RIPTEIN.

¹⁷ Leipzig Map (Universitätsbibliothek Leipzig, Rep. I 4 (Leihgabe Leipziger Stadtbibliothek), fol. 184 v); Vatican Map (Vatican City, Biblioteca Apostolica Vaticana, Reg. Lat. 571-V, fol. 71v); Map from the Alexandreis (Paris, Bibliothèque Nationale, Latin 8352, fol. 100v), Heidelberg Map (Heidelberg, Universitätsbibliothek, Salem IX, 39, fol. IV); Lambert of Saint-Omer Maps (Gent, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, 92, fols 92v–93; Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, Gud. Lat. I, fols 59v–60; Paris, Bibliothèque Nationale, Latin 8865, fol. 56; Leiden, Bibliotheek der Rijksuniversiteit, Voss. Lat. F 31, fol. 165v).

¹⁸ Fleury Type of Maps (Berlin, Staatsbibliothek zu Berlin – Preußischer Kulturbesitz, Philipps 1833, fol. 39v; Dijon, Bibliothèque municipale, 448, fol. 76) and some illustrations to Beatus of Liebana’s *Commentary on the Apocalypse* (New York, P. Morgan Library, M 644, fols 33v–34; La Seu d’Urgell, Museu Diocesà, 501, fols VIv–VII; Valladolid, Biblioteca de Santa Cruz, 433, fols 36v–37; available at URL: <https://www.facsimilefinder.com/facsimiles/beatus-of-liebana-valcavado-codex-facsimile#&gid=1&pid=8>; Madrid, Biblioteca Nacional, Vitr. 14.2, fols 63v–64; London, British Library, Add. 11695, fols 39v–40).

¹⁹ Chekin 2006. P. 93–120.

²⁰ Thorndike 1949. P. 112.

Ill. 9. Heidelberg map from manuscript of *Etymologiae* by Isidore of Seville, 13th c.

On the classical medieval maps the northern territories were reduced that is especially seen on the detailed ones, in particular of the Ebstorf-Hereford type. That's why the mountains often appear close to the Black Sea. It seems logical because there was little information about the North from traditional renowned sources from which the authors derived the data for their maps. Moreover, the northern parts of the world were populated by wild tribes and monsters in medieval perception. The exception was made in the case of the blessed people of the Hyperboreans who lived outside the area of Boreas blowing, that froze other nations, according to the ancient myth. One can see even the Hyperborean mountains on some of the maps (ill. 10).

Ill. 10. Fragment of Freising map, 11th c. with the Hyperborean mountains

The Rhipaeen mountains on the portolan charts

The portolan charts have another purpose in comparison with the medieval monastery maps (see e.g. on the *Carta Pisana*, ill. 11)²¹.

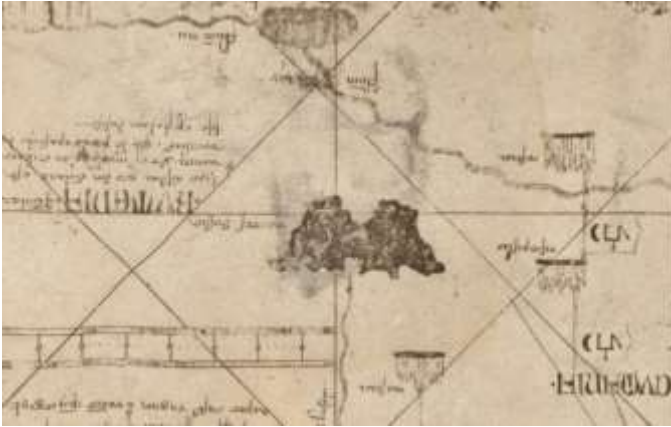
Ill. 11. *Carta Pisana* (c. 1290)

The coastline on naval maps is depicted accurately in order to use them in navigation. Makers of portolan charts use new methods of space representation based on mathematical calculations. Italian portolan charts show mostly the Mediterranean and related seas/ As to Catalanian ones, they included not only visited territories but also supposed ones. It is more than just a portolan chart and it often had a spherical form, usual for *mappa mundi*. So despite the coastline of naval charts is close to the real one, vast lands of continents could be influenced by the mythological data from traditional maps and contain the Rhipaeen mountains. There are several naval maps that show some mountains that are exactly or most probably the Rhipaeen ones. One of the variants of their representation on naval charts is a small mountain massive to the north of the Euxine Sea (ill. 12, 12a, 12b), as it is shown on 1325 and 1339 charts.

Ill. 12. Fragment of the portolan chart by Angelino Dalorto, 1325

²¹ The History of Cartography 1987. P. 371–463; Fomenko 2011.

Ill. 12a. Fragment of the portolan chart by Angelino Dulcert, 1339

Ill. 12b. The Catalan Atlas by Abraham Cresques, 1375

There are mountains that are depicted very similarly in the Catalan Atlas by Abraham Cresques. This range is identified as mountains of Rossia. As on 1325 and 1339 portolan charts, they are located between Russia and Cumania. A river takes its origins in these mountains but it is not the Tanais as on many *mappae mundi*. The Tanais arises to the north from the lake, goes to the south-east approaching the Volga, and then flows to the west. These two rivers are close to each other in one place, it is similar to what Ptolemy has described. However, the Volga is straight that doesn't correspond to the depiction of the ancient geographer. Is it probable that Ptolemy had been able to influence mapmakers before his *Geography* was translated into Latin and he became well known in Western Europe?

Another variant of their depiction is a great mountain range stretching from the area to the north of the Black sea to the North-East (ill. 13, Munich, Bayerische Staatsbibliothek, BSB-Hss Cod.icon. 131).

Ill. 13. The portolan chart, c. 1505, Italy

As it is seen, the Rhipaeen mountains are surrounded not by tribes of the Scythians as in traditional cartography but by Russian and Tatarian lands. By the way, on this map “rex Russie” and “rex Moshovichi” are different rulers despite Russia of that time was quite a united state with Moscow as its capital. Although the maker of this portolan chart tries to put realistic information about the lands to the north and east of the Black sea, he has not enough data to do it properly to the end. May be that is the reason for appearing on this map of the mountains that are most possibly Rhipaeen.

Six streams originate in this range and converge to three rivers. One of them is Tanais which traditionally begins, as we have seen, throughout the antiquity and the Middle Ages in the Rhipaeen mountains (that contradicts the point of view of Ptolemy) and flows into the Maeotidae Paludes, i. e. the Azov sea. The other river is the Rha fluvius, the Volga, that is known to be mentioned under that name by Ptolemy. Moreover, the influence of this ancient geographer reveals itself as follows: Tanais and Rha are very close to each other in one place as he has depicted. As we can observe, according to Ptolemy, Tanais originates in the Rhipaeen mountains, and the Volga in the Hyperborean. The mapmaker of this portolan chart combined these two ranges in one, that’s why the both rivers flowed now from one ridge. So the influence of Ptolemy is seen more than the one of monastery maps in this case. It is not surprising because *the Geography* written by this author was known in Western Europe from the beginning of 15th c. and earlier in the Eastern Roman Empire, many maps were made according to the instructions by Ptolemy during the final period of the Middle Ages²².

The maker of the portolan chart 1505 mixes the data taken from works of Ptolemy, traditional medieval cartography and quite realistic, but not very accurate, information about ethnic and political configuration in the region.

²² Bagrov 2004. P. 78–91.

Such depiction of the Rhiphaean mountains had continuation in the next centuries cartography. For example, there is a gravure map by Abraham Ortelius made in 1590 according to ancient sources (ill. 14).

Ill. 14. Abraham Ortelius, *Pontus Euxinus*, 1590

Isidore of Seville as we know told that the Rhiphaean mountains were located “in capite Germaniae”. One can see them more likely “in capite Poloniae” on the map, mentioned above, new reality is considered. Orosius wrote that the Rhiphaean mountains make one part of the border between Europe and Asia. One can see such their location on many traditional medieval maps. May be on this portolan they perform the same function. Poland, Bohemia, Hungary and catholic Europe in the whole is located to the west of them. And the Tatars are observed to the east of the Tanais. Russian lands probably occupy the position on the border between two parts of the world.

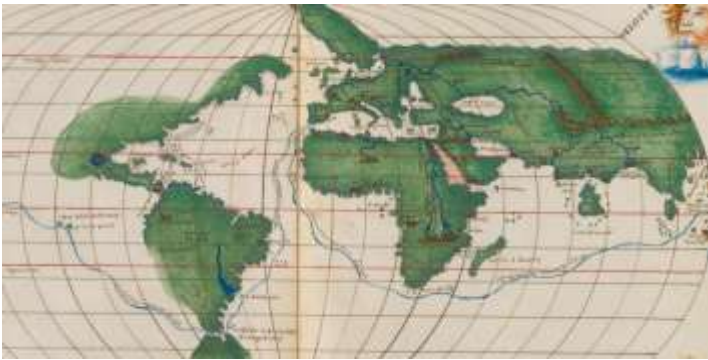
The work of the Polish historian and geographer Matthew Mehovsky (1457–1523) “On Two Sarmatias” (published in 1517) has great historical and symbolic significance for the fate of the myth about the existence of the Rhiphaean Mountains. He researches in his treaties the contemporary history and geography of Eastern Europe and, in particular, of Rus.

Matthew was in fact the first in Western European historiography to give readers relevant information about this region, vigorously protesting against the fantastic data of ancient and medieval authors about Eastern Europe. He rejects their stories about the blessed Hyperboreans, the Arimaspi and the griffins, about two-headed, dog-headed and one-eyed people, about

the horrors of winter, finally about the Rhipaeen and Hyperborean mountains. Here is what Matthew writes in the Introduction to his treatise²³:

Many writers... claimed that in those northern regions are situated the most famous in the world mountains – Rhipaeen and Hyperborean, and from them no less glorious rivers flow, described and sung by cosmographers and poets: the Tanais, the Great and Small Borysthenes and the Volga – the greatest of the rivers. All this is far from the truth, and it will be not superfluous, basing on the experience (our universal teacher), to refute and reject this as an ignorant and unverified message... That there are no mountains there, called Hyperboreans, Rhipaeen and Alanean, we know this most precisely and see, that the aforesaid rivers arise and have their origins in the plain.

Thus, the ancient myth about the existence of the mysterious Rhipaeen Mountains in the north of Eurasia was dethroned. However, even after publishing of the treatise of Matthew Mehovsky the range of mountains, similar to the Rhipaeen ones, appears on the maps with meridians, e.g. in the atlases made by Battista Agnese in the 16th c. (portolan charts there represent information mostly about coastline of seas) (ill. 15, 15a, 15b). However, the mountain range appears not on all maps by this mapmaker.

Ill. 15. Map from Atlas by Battista Agnese, c. 1541–1542

²³ Sed et montes Alanos, Hiperboreos et Ripheos, in orbe terrarum nominatissimos, in illis regionibus septemtrionis affirmaverunt et ex eis non minus famosa erupisse flumina, per cosmographos et vates celebres scripta atque decantata, Tanaim, Boristenem Maiorem et Minorem, Volhamque, maximum fluminum, declararunt. Quod cum alienum sit a vero, non abs re, experientia docente, quae est magistra dicibilium, confutandum et reiendum est, tanquam prophanum inexperiteque promulgatum. Scimus quidem et visu cognoscimus praefata flumina tria, magna siquidem, Boristenem, Tanaim et Volham, ex Moskouia oriri et defluere, Minorem vero Boristenem, quem Aristoteles Hipanis, alias Minorem Boristenem appellat, ex Russia superiori cepisse et in Maiorem Boristenem decurrere et ei commisceri. Montes autem Hiperboreos, Ripheos et Alanos nuncupatos illic non existere certo certius scimus et videmus et iam praedictos fluvios ex terra plana consurrexisse ac emersisse conspicimus. Mechovskij 1936. P. 128. Cf. ibidem. P. 163: Accipe quarto, quod montes Riphei et Hyperborei non sunt in rerum natura non in Scythia, non in Moskouia, nec usquam locorum, et cum fere omnes cosmographi asserant Tanaim, Edel seu Volham, Dzwinia et magnos fluvios ex praedictis montibus effluere, conficta conficte et potius fabulosa inexperiti scripsere.

Ill. 15a. Map from Atlas by Battista Agnese, c. 1544

Ill. 15b. Map from Atlas by Battista Agnese

In any case the influence of Ptolemy is evident. Moreover, the legend has remained – the warm and fertile land of Sannikov has been looked for during last two hundred years in the Arctic Ocean; modern people write books, make films and organize scientific conferences about this land.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Bagrov L. The History of Cartography. Moscow: Centrpoligraph, 2004. 319 p. (in Russian).
 Багров Л. История картографии. М.: Центрполиграф, 2004. 319 p.
 Ballabriga A. Le Soleil et le Tartare. L'image mythique du monde en Grèce archaïque. Paris: Editions de l'Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales (Ed. de l'EHESS), 1986. 298 p.
 Beckers W.J. Die rätselhafte Hochgebirge des Altertums, die sogenannten Rhipäen // Geographische Zeitschrift. 1914. Vol. 20. No. 9/10. P. 534-557.
 Bolton J.D.P. Aristeas of Proconnesus. Oxford: Oxford Univ Press, 1962. 272 p.
 Bridgman T. Hyperboreans: Myth and History in Celtic-Hellenic Contacts. New York; London: Routledge, 2005. XX+249 p.
 Casson S. The Hyperboreans // The Classical Review. 1920. Vol. 34. P. 1-3.

- Chekin L.S. Northern Eurasia in Medieval Cartography. Inventory, Text, Translation, and Commentary. *Terrarum Orbis. Histoire des représentations de l'espace: textes, images (History of the Representation of Space in Text and Image)*. Turnhout: Brepols Publ., 2006. 498 p.
- Daebritz H. Hyperboreer // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1916. Vol. 9. No. 1. P. 258-279.
- Dion R. La notion d'Hyperboréens: ses vicissitudes au cours de l'antiquité // *Bulletin de l'association G. Budé*. 1976. No. 2. P. 143-157.
- Dion R. Aspects politiques de la géographie antique. Paris: Les Belles Lettres, 1977. 305 p.
- Fomenko I.K. The Image of the World on the Old Portolan Charts. The Black Sea Region. End of 13th – 17th cc. Moscow: Indrik, 2011. 424 p. (in Russian).
- Фоменко И.К. Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье. Конец XIII – XVII в. М.: Индрик, 2011. 424 с.
- Geus K. Utopie und Geographie. Zum Weltbild der Griechen in frühhellenistischer Zeit // *Orbis terrarum*. 2001. No. 6. P. 55–90.
- Harmatta J. Sur l'origin du mythe des Hyperboréens // *Acta antiqua Academiae Hungaricae*, 1955/1956. Vol. 3. P. 57-66.
- Harley J.B., Woodward D. The History of Cartography. Chicago; L.: The University of Chicago Press, 1987. Vol. 1. 622 p.
- Herrmann A. Ottorocorrai // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1942. Vol. 36. No. 3. P. 1888-1889.
- Kießling E. Ῥῆπαια ὄρη // *Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft*. 1914. Vol. 1 (2. Reihe). P. 846-916.
- Klaudios Ptolemaios. Handbuch der Geographie: griechisch-deutsch / Stückelberger A., Graßhoff G. (eds). Basel: Schwabe Verlag. 2006. Vol. 1-2. 1018 p.
- Kyriazopoulos A. The Land of the Hyperboreans in Greek Religious Thinking // *Parnassos*. 1993 Vol. 35. P. 395-398.
- Lasserre F. Rhipaia ore // *Kleine Pauly*. Lexikon der Antike in fünf Bände. 1979. V. 4. P. 1417-1419.
- Lazova T. The Hyperboreans. A Study on the Paleo-Balkan Tradition. Sofia: Centre of Underwater Archaeology. 1996. 87 p.
- Macurdy G.H. The Hyperboreans // *Classical Quarterly*. 1916. Vol. 30. P. 180-183.
- Mehovski M. Tractatus de duabus Sarmatiis. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1936. XI+288 p. Меховский М. Трактат о двух Сарматиях. М.-Л.: АН СССР, 1936. XI+288 с.
- Podossinov A.V. Eastern Europe in the Roman cartographic tradition. Moscow: Indrik, 2002. 504 p. (in Russian).
- Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции. М.: Индрик, 2002. 504 с.
- Podossinov A.V. Where sailed Odysseus to? To the geographical concepts of the archaic Greeks. Moscow: LRC Publishing House, 2015. 200 p. (in Russian).
- Подосинов А.В. Куда плывал Одиссей? О географических представлениях архаической эпохи. М.: Языки славянских культур, 2015. 200 с.
- Рянков И.В. Rhipaia, is it myth or reality // *Ural'skiy sledopyt*. 1978. No. 8. P. 44-48 (in Russian).
- Пьянков И.В. Рифей – миф или реальность // *Уральский следопыт*. 1978. № 8. С. 44-48.
- Ramin J. Mythologie et géographie. Paris: Les Belles Lettres, 1979. 141 p.
- Rausch S. Bilder des Nordens. Vorstellungen vom Norden in der griechischen Literatur von Homer bis zum Ende des Hellenismus. Eurasien-Abteilung des Deutsches Archäologisches Institut: Archäologie im Eurasien. Bd. 28. Berlin: Philipp v. Zabern GmbH. 2013. VIII+444.
- Romm J. Herodotus and Mythic Geography: The Case of Hyperboreans // *Transactions of the American Philological Association*. 1989. Vol. 119. P. 97-113.
- Romm J. The Edges of the Earth in Ancient Thought: Geography, Exploration and Fiction. Princeton: Princeton University Press, 1992. 228 p.
- Stenger J. Rhipaia ore // *Der neue Pauly*. 2001. Vol. 10. P. 992-993.
- Thomson J.O. History of Ancient Geography. Cambridge: C.U.P., 1948. P. XI+427.
- Thorndike L. The Sphere of Sacrobosco and its commentators. Chicago: The University of Chicago Press, 1949. 496 p.

- Tomaschek W. Kritik der ältesten Nachrichten über den Skythischen Norden. I. Über das Ariaspische Gedicht des Aristeas // Sitzungsberichte der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philos.-histor. Klasse. Wien. 1888. Vol. 116. S. 715–780.
- Werhahn H.M. Hyperboreer // Reallexikon für Antike und Christentum. 1994. V. 16. P. 967-986.
- van Windekens A.J. Les Hyperboréens // Rheinisches Museum. 1957. Vol. 100 (NF). P. 164-169.
- Wikén. E. Die Ansichten der Hellenen über den Nordrand der Oikoumene vor Pytheas: Rhipaien und Hyperboreer // ΔΡΑΓΜΑ. Festschrift für Martin P. Nilsson. Lund, 1939. P. 540-552.
- Yel' nitskiy L.A. Knowledge of the ancients about the northern lands. Moscow: The State Publishing House of Geographical Literature, 1961. 224 p. (in Russian).
- Ельницкий Л.А. Знания древних о северных странах. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1961. 224 с.

Подосинов, Александр Васильевич, доктор исторических наук, проф., зав. кафедрой древних языков, Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова; главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; podossinov@mail.ru

Денисов, Андрей Олегович, аспирант, Исторический факультет, МГУ им. М.В. Ломоносова; andreydenisov@yandex.ru

Рифейские горы на ранних портоланах: влияние античной и средневековой традиционной картографии?

Карты-портоланы почти не демонстрируют преемственности по сравнению с предшествующими античными и средневековыми картами. Морские карты содержат точные данные о конфигурации побережий Средиземного, Чёрного и Азовского морей с большим количеством реалистичной информации о городах, портах, реках, горах и других картографических объектах. Карты-портоланы резко порывают со средневековой традиционной картографией – с её религиозными, мифологическими и фантастическими образами. Однако они включают в себя Рифейские горы, которые были одним из самых важных указателей севера Евразии в Античности и Средние века. Несколько карт показывают некие горы, которые могут быть Рифейскими. В статье показано, как античная и средневековая география представляла Рифейские горы и какие черты карт-портоланов могли бы рассматриваться как отголоски традиционной европейской картографии.

Ключевые слова: карты-потоланы, история картографии, Рифейские горы, средневековые карты, античная география

Alexander Podossinov, Prof. Dr. Director of the Department of ancient languages History faculty of Lomonosov Moscow State University Head research fellow Institute of World History of Russian Academy of Sciences; podossinov@mail.ru

Andrey Denisov, PhD student, History faculty of Lomonosov Moscow State University; andreydenisov@yandex.ru

ПРЕОДОЛЕВАЯ ГРАНИЦЫ КУЛЬТУР И ЭПОХ

ДЖУЗЕППИНА ЛАРОККА

ПРОСТРАНСТВО И “СЛЕДЫ” РЕНЕССАНСА ЕВГЕНИЙ АНАНЫН И ДЖОВАННИ ПАПИНИ

Статья посвящена культурным связям между русским исследователем Ренессанса Евгением Ананьиным (1888–1965) и итальянским академиком Джованни Папини (1881–1956). В центре внимания – дискуссия о значении Ренессанса. Контакты между ними, вероятно, восходят к началу 1930-х, когда Папини был одним из ведущих интеллектуалов, а в конце 1930-х стал директором Национального Центра Ренессанса во Флоренции. Еще в 1913 г. Ананьин изучал историю Ренессанса в Италии, он опубликовал статьи о Пико делла Мирандола в ведущих итальянских научных журналах и монографию *G. Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463–1494* (Vare, 1937), которая имела большой резонанс. Его взгляд на Ренессанс отличался от теории Буркхардта (в то время признанной в Италии) и проливал свет на тесную связь между Средневековьем и Возрождением. Судя по нескольким неопубликованным письмам Ананьинова и его жены, адресованным Папини, их отношения рано прекратились, и Папини, следуя за Бенедетто Кроче, решительно противостоял любой анти-Буркхардтовской интерпретации Ренессанса.

Ключевые слова: итальянская литература, Ренессанс, русско-итальянские культурные связи в XX в., Е. Ананьин, Дж. Папини

В истории русско-итальянских отношений XIX и XX столетия были периодом самых плодотворных культурных дебатов по разным направлениям, в которых проявились глубокие размышления о проблемах и «следах», как писал Карло Гинзбург, пользуясь выражением Марка Блока¹. Один из этих многочисленных «следов» представлен дискуссией об итальянском Ренессансе. Она началась в XIX в., и в ней принимал участие, среди других, автор знаменитой «Paradiso degli Alberti» Александр Веселовский, живший в Италии и близкий к таким личностям, как Джозуэ Кардуччи, Франческо Д'Анкаона и Анджело де Губернатис². Веселовский критиковал итальянские теории, которые обнаруживали Ренессанс в Рисорджименто, он предложил особое прочтение, феномена Возрождения как продолжения римской культуры и поставил вопрос об отношениях между индивидуумом и массой, который был центральным для русской культуры с конца XIX в. Вначале Веселовский, под влиянием мифологической школы Федора Буслаева (но не приняв ее до конца), сблизился с т.н. итальянской исторической школой Кардуччи, Компаретти и Д'Анкаона³. Веселовский не был единственным

---

¹ Ginzburg 2018². P. 8-9; Блок 1973. С. 33, 34.

² См.: Marzaduri 1973; Mazzanti 2013; Rabboni 2009; 2006; 2017.

³ См.: Marzaduri 1973. P. 78; Rabboni 2017. P. 19.

русским той эпохи, занимавшимся Ренессансом, но он стал для будущего поколения одной из точек отсчета для того, чтобы продолжить изучение этого феномена, еще далекого от полного понимания.

Другая плеяда филологов, медиевистов, литературоведов, писателей, поэтов бросила вызов определению эпохи Возрождения и его значению в европейской культуре, а затем, в частности, и в русской. Учитывая тот исторический момент, вопрос о Ренессансе имел для русских ученых двойную функцию: с одной стороны, он был нацелен на то, чтобы уяснить корни этого явления, подвергнув критике итальянские и европейские источники: ставились проблемы, связанные с отношениями между литературным и народным миром, между политическими и литературными институтами, а также с периодизацией. С другой стороны, некоторые филологи, поэты и писатели размышляли о существовании русского, точнее славянского, ренессанса, и вообще о славянской идентичности. В первом случае обсуждения привели, как мы увидим, к пониманию элементов преемственности со средневековой традицией, неизбежно столкнувшихся с развитием итальянской традиции, направленной на создание собственной идентичности. Во втором случае (и эта тема уже частично была затронута исследователями)⁴, вопрос касался отношений с древностью и, в силу этого переосмысления, будущего России. Хоть и с разных точек зрения, все эти интеллектуалы обращались к феномену Возрождения благодаря периодам обучения в Италии и Европе, которые в ряде случаев перешли в опыт эмиграции. Это была Италия при Джолитти и при фашизме, страна, призванная, в свою очередь, решать важные проблемы (южный вопрос, разбой, индустриализация, формирование новых партий), в т.ч. со своей идентичностью (объединение Италии 1861 г. было еще исторически очень близким событием). Это было начало «нового исторического момента», как сказал Джолитти: «каждый, кто не слеп, может это видеть»⁵.

XX век наследовал дискуссию вокруг эпохи Возрождения, начатую в прошлом столетии русскими медиевистами и итальянскими учеными, активно выступавшими на страницах главных литературных журналов того времени. Несколько слов позволят кратко пояснить интеллектуальный путь специалиста по средневековью и Возрождению Евгения Ананьина с писателем и исследователем Ренессанса Джованни Папини, а также момент их интеллектуальной встречи.

После учебы в Петербурге в 1911 г. Ананьин эмигрировал в Берлин, а потом в 1912–1913 гг. – в Париж, где окончил университет⁶.

⁴ См.: Махлин 1995; Николаев 1997; 2006; Сегал 2010; Garzonio 2012; и др.

⁵ *Discorsi parlamentari...* 1953. Vol. II. P. 633.

⁶ См. о биографии Ананьина: Гардзонио 2000; Гардзонио, Сульпассо 2011. С. 18, 19, 104, 117, 119, 120, 173, 177, 282, 380, 381, 413, 414, 42; Саббатини 2011; Шрубa 2015.

В 1913 он переехал в Италию и сотрудничал со многими русскими и европейскими журналами, в т.ч. итальянскими, такими, как *La critica sociale* социалиста Филиппо Турати, заняв антиленинскую позицию. Ананьин много занимался историей западного средневековья и Ренессанса с особым вниманием к такой фигуре, как Пико делла Мирандола⁷. Его работы в Италии в основном публиковались в 1930-х гг. В 1934 г. в итальянском «Новом Историческом Журнале» (*Nuova rivista storica*) был издан большой обзор «Проблема Ренессанса»⁸, в котором Ананьин утверждает, что тезис Якоба Буркхардта о Возрождении больше не удовлетворяет требованиям современной исторической критики и требует коррекции. Из критического обзора недавних зарубежных публикации, посвященных эпохе Возрождения (Вальзер, Нейман и Нордстрем), который предложил Ананьин, упомянем три момента: 1) преемственность между средневековьем и эпохой Возрождения; 2) религиозная тенденция Ренессанса и 3) кризис схоластики начиная с середины XIV в. с попыткой Ренессанса обновить и создать новый духовный порядок.

Ренессанс, по Ананьину, следует понимать не как антитезис «почти тотальному “варварству” и “невежеству”» (*di quasi totali “barbarie” ed “ignoranza”*) Средневековья, а наоборот, как культурно-историческое пространство, во многом продолжающее духовную культуру Средневековья. Пытаясь очистить понятие Возрождения от клише, сформированных в эпоху Просвещения с упором на разрыв между Ренессансом и Средневековьем, Ананьин позитивно оценил работу Конрада Бурдаха «*Renaissance, Humanismus, Reformation*», хотя не принял приписываемую им связь между средневековым *renovatio* и *rinascita* и критиковал его подход как слишком «статический»⁹.

---

⁷ Anagnine 1937a. Книга Ананьина, которая заслуживает специального анализа, получила много рецензий, многие – негативные. Среди них – рецензия философа и историка философии Джузеппе Саятта, который написал: «Ананьин – больше литератор и, как все литераторы, довольствуется сбором данных и не пытается действительно проникнуть в мысли Дж.Б. [sic!] Пико [...] Ананьин... недостаточно знает философию и особенно историю философии, чтобы обнаружить параллели между Пико и Эразмом» (Saitta 1937. P. 250-251). Ответ последовал незамедлительно (Anagnine 1937b. P. 435-439). Резкая полемика продолжилась еще двумя статьями: Saitta 1938. P. 254-255; Anagnine 1939a. P. 253-255. По этому поводу Эрнесто Кодиньоле написал в октябре 1939 г.: «Если Вы прочитали последний номер “N.[uova] Riv.[ista] St[orica]”, то Вы знаете, что столь же вульгарнейший, сколь и предательский персонаж Саятта получил то, что он заслуживал.». См. Ларокка 2015. С. 300, 301.

⁸ Anagnine 1934.

⁹ Anagnine 1934. P. 555, 556. Ананьин опубликовал также некролог Бурдаха (см.: Anagnine 1937a). Насчет вопроса о непрерывности между Средневековьем и Ренессансом, уже Хейзинга в «Осени Средневековья» (1919) выделил некоторые элементы средневекового наследия в Возрождении, как, например, стремление к лучшей жизни, идиллическое мировоззрение жизни и идеал рыцарства. Однако, как известно, его прочтение было ограничено фламандской культурой.

Ананьин намеревался уделить особое внимание в рамках Возрождения неоплатоническому учению, такие понятия которого как «христианство с платоническим уклоном» или «христианизованный неоплатонизм» имели фундаментальное значение для его идеи Возрождения как продолжения Средневековья. Неоплатонизм в Италии, для Ананьи-на, не был новым явлением, ибо средневековая Европа уже познакомилась с платоническими исследованиями и уже тогда была совершена попытка, как сам автор подчеркивал, «примирения Христа и Платона»¹⁰. Такое представление было подтверждено в 1937 г. в его монографии, а также в 1939 г., когда в журнале *Nuova rivista storica* вышла статья Анальина «Вокруг Пико делла Мирандола», где он постарался «применить новое синкретическое видение» античного и средневекового наследия, и, среди других, «мистико-католической и схоластической, арабской, иудейской» традиций¹¹. Для Ананьи-на важнейшую роль играл Петрарка, которому русский учёный приписывает критическое отношение к схоластике, признавая значение Платона в пробуждении философской мысли эпохи Возрождения. Как подчеркивает Ананьин, не случайно, что фактически Петрарка возвращается к отцам церкви (можно рассмотреть *Secretum* для того, чтобы понять этическую и моральную роль Св. Августина) и подтверждает бессмертие души¹².

Имя Джованни Папини в итальянской культуре было тесно связано с группой «La Voce» (Голос), важного литературного журнала 1910-х гг.¹³ «La Voce», редактором которого был, среди прочих, писатель и мыслитель Джузеппе Преццолини, ученик Бенедетто Кроче, был основан в 1908 г. (пройдя разные этапы до 1916 г.) именно под знаком неои-деализма Кроче (тем не менее, Кроче резко критиковал русскую философию, считая ее суррогатом немецкой философии)¹⁴. Речь шла о культурном пространстве, в котором смешивались разнообразные опыты: они *in itinere* соотносились друг с другом, рассуждая об одних и тех же произведениях, авторах и не боясь предлагать разные интерпретационные парадигмы. Это были молодые интеллектуалы, готовые включиться

---

¹⁰ Anagnine 1934. P. 566.

¹¹ Anagnine 1939b. P. 435-439. P. 439.

¹² Anagnine 1934. P. 562.

¹³ Об истории журнала и его роли в итальянской культуре XX века см.: Carpi 2003; 2010. Редакция имела отношения с русскими эмигрантами, уделяла пристальное внимание русской культуре, в основном русской литературе XIX в. и романам Достоевского и Толстого. Много русских интеллигентов были корреспондентами Джованни Папини, Джузеппе Преццолини и Арденго Соффичи. Среди них упомянем Юргиса Бальтрушайтиса, Еву Кюнь Амендолу, Дмитрия Мережковского, Бориса Яковенко и Михаила Ларионова. См. подробнее: Котрелев 2015; 1978; Garzonio 2016; Adamo 1998. P. 64-75.

¹⁴ Croce 1918. На это обвинение резко ответила русская эмигрантка Анна Айзенштадт на страницах журнала Бориса Яковенко «La Russia Democratica». Eisenstadt 1918.

в интеллектуальный процесс, исследовать новые темы и подходы, создавая то, что русская эмигрантка в Италии, крупнейшая фигура культуры того времени, Ольга Ресневич Синьорелли, определила как «первый смелый журнал, целинник сухой земли итальянской культуры» («la prima rivista coraggiosa dissodatrice dell'arido terreno della cultura italiana»). Папини был плодовитым писателем, мыслителем и уже в ранние годы писал о Возрождении. В 1938 г. он стал руководителем основанного во Флоренции в 1937 г. Национального Центра Ренессансных исследований, был главным редактором связанного с этим институтом журнала «Rinascita» (Расцвет) и ученым, близким к фашистскому режиму¹⁵.

В самом начале XX в. Папини обратил свой взор на Реформацию, отрицая любой интерес к итальянскому Возрождению. Он пишет в своем дневнике: «Нужно решиться в конце концов больше не говорить, по крайней мере в связи с Италией, о Возрождении <...> Настоящий Расцвет был не итальянским, а немецким, то есть Реформация. Что такое Реформация? Возрождение евангельского духа, христианской чистоты, галилейской демократии, то есть всего того, что католическо-языческое, аристократическое, жуирское и порочное средневековье забыло. <...> Таким образом, сформировалось реформаторское Возрождение, то есть возвращение к простому назаретскому идеалу»¹⁶. Эта “германская” оптика длилась, несмотря на последующие вариации, до второй половины 1930-х гг., когда Папини на первом заседании, организованном Центром и посвященного именно Ренессансу, прочел доклад «Pensieri sul Rinascimento» (Мысли о Возрождении), глубоко переосмыслив свои ранние взгляды и поддержав идею об абсолютно итальянском Возрождении. Именно в эти годы Ананьин переписывался с Папини.

Ананьин в ряде неизданных писем к Папини критиковал исследования Буркхардта и Бурдаха, понимая Ренессанс как «воскрешение классицизма» («risurrezione del classicismo»), в основном, греческой матрицы. В письме к Папини 1940 г., Ананьин пишет: «Я должен сказать, что не собираюсь следовать за точкой зрения Я.<коба> Буркхардта, для которого Возрождение является чем-то вроде “deus ex machina” (антитезой Средневековью), ни Бурдаха, не видящего никакого перехода между средневековым *renovatio* и *rinascita*, сближая – на мой взгляд необоснованно – два термина. Мне бы хотелось довести свое исследование не до середины XVI в.<ека> (примерно тогда, когда возникли первые следы

¹⁵ О нем и о его связях с русскими и русской культурой см. Vassena 2010; 2012.

¹⁶ «Bisogna decidersi una buona volta a non parlar più, almeno per l'Italia, di Rinascimento. [...] La vera Rinascita non fu quella dell'Italia ma di Germania, cioè la Riforma. Cos'è la Riforma? Il rinascere dello spirito evangelico, della purità cristiana, della democrazia galilea, cioè di tutto quello che il medioevo cattolico-pagano, goditore, aristocratico, vizioso aveva dimenticato. [...] Così si ebbe il Rinascimento riformato, cioè il ritorno al semplice ideale nazzareno.» Записка от 24 сентября 1903 г. (Papini 2005. P. 236).

знаменитого отождествления Ренессанса с «возрождением классицизма», отождествления, которое станет – как я показал в своей работе – чем-то вроде догмы только в XVII веке и не благодаря собственно итальянцам. Объем книги мог бы составить 280-300 сс.»¹⁷.

До сих пор не найдены письма Папини к Ананьину. Но если учитывать изменение концепции Папини к 1930-1940-м гг., его отношение к Ананьину не было слишком положительным. Это явно видно в опубликованном интересном интервью писателя на страницах газеты «Фашистский труд» (*Il Lavoro fascista*) после конференций о Возрождении, состоявшейся в мае 1937 г., на которой Папини выступал с официальной речью¹⁸. В интервью Папини критиковал русских и иностранных медиевистов вообще, указывая на итальянские корни явления и на исключительно итальянскую способность его понять: «...Исследователи Возрождения – почти все иностранцы <...> и среди самых современных два – русские, а один – скандинав. <...> Иностранцы исследователи, несущие – почти всегда – свою протестантскую и демократическую ментальность. <...> Возрождение начинается с Данте, в Италии, и оно является периодом абсолютного господства итальянского творческого гения в мышлении, в искусствах, в политике. Эта атака – хотя и лишена решительного фундамента – заслуживает большего внимания, в том числе потому, что она опасна»¹⁹.

Отсылка к двум русским ученым не могла не относиться к Владимиру Забугину (1880–1923), автору посмертной «Истории христианского Возрождения» (*Storia del Rinascimento cristiano*, 1924)²⁰ и к Ананьину, единственным русским голосам на тему истории итальянской

¹⁷ «Debbo dire che non intendo seguire il punto di vista di J.[acob] Burckhardt per cui il Rinascimento è stato un po' «deus ex machina» (antitesi col M.[edio] Evo) né quello di Burdach, il quale non vede nessuna soluzione di continuità frà la «renovatio» medievale e «rinascita», avvicinando [sic!], a mio avviso, arbitrariamente, i due termini. Vorrei condurre la mia indagine no alla metà del XVI s.[ecolo] (pressappoco di quando si ebbero le prime avvisaglie di quella famosa identificazione del Rinascimento colla “risurrezione del classicismo”, identificazione che diventerà – come ebbi a indicare in un mio studio – una specie di *doymma* solo nel Seicento e non precisamente per opera degli Italiani. Il volume potrebbe constare di circa 280-300 pp.». Fondazione Primo Conti. Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche. Archivio Giovanni Papini. Fiesole. Fascicolo Anagnine Eugenio. Письмо от 20 февраля 1940 г.

¹⁸ Sassoli 1937. P. 3.

¹⁹ «[...] Gli studiosi del Rinascimento sono quasi tutti stranieri [...] anche tra quelli più recenti due sono russi e uno scandinavo. [...] studiosi stranieri i quali portano – quasi sempre – [...] la loro mentalità protestante e democratica. [...] il Rinascimento nasce, con Dante, in Italia ed è periodo di assoluto predominio del genio creativo italiano nel pensiero, nelle arti, nella politica. L'offensiva – anche se priva di decisivo fondamento – merita di essere attentamente considerata; anche perché è pericolosa». – Sassoli 1937. P. 3.

²⁰ Книга получила исключительно отрицательную рецензию от итальянского академика Витторио Чана (1862–1951). См.: Cian 1926.

культуры между XIII и XVI вв. (другой исследователь, Николай Оттокар, был специалистом по коммунальному периоду). «Пониженный» в 1930-х гг. как теоретик Возрождения, Владимир Забугин высоко ценился как классический филолог, а уже в 1918 г. критиковал Папини на страницах журнала Бориса Яковенко «La Russia Nuova», сурово обсуждая его соображения вокруг убийства Николая II, содержащихся в работе «Nicola II»: «Коллега Папини сказал: “Все связывает и очаровывает в этой абсурдной истории <...>”. Нет, коллега Папини, эта история не абсурдна. У нее строгая и свирепая логика. Это библейский закон и набор возмездия Данте. Екатеринбургские красногвардейцы отомстили за повешенных Столыпиным <...>. Свирепая логика, но правильная. Я не знаю, найдется ли в мире живая душа, которая будет сожалеть о бедном Николае II, за исключением нескольких придворных и верных служанок, тех, кто растроганно показывал мне прошлым летом его личную и очень немецкую квартиру. Он падает в пустоту, в ужасную пустоту, куда тащит свою династию с собой...»²¹. Папини, вероятно, не знал об этой статье, поскольку «La Russia Nuova», как и другие издания, основанные русскими эмигрантами в Италии («La Russia», «La Russia del Lavogo», в меньшей степени «La Russia Democratica» Яковенко), имели небольшой резонанс в местных кругах. Однако «История христианского Возрождения» Забугина была известна Папини, упомянутые наблюдения 1937 года показывают, что он ее не особенно ценил.

Со своей стороны, Ананьин ответил Папини через несколько лет (видимо, нелегко было опубликовать работу против академика, близкого фашистскому режиму). В 1939 г. в «Новом Историческом Журнале» он опубликовал статью «Дж. Папини и Возрождение» с критикой интервью Папини 1937 г. и нового журнала «Rinascita», основанного им. Ананьин писал: «Поскольку до сих пор, по Папини, Возрождением занимались прежде всего “иностранцы исследователи, которые внесли в свои исследования свой протестантский и демократический менталитет” <...> возникает необходимость исправить положение, и вот причина, по которой сам Дж. Папини начал публикацию своего “Rinascita”»²².

²¹ «Disse il collega Papini: «tutto si lega e si incantena in questa tremenda assurdità della storia. Nicola, di questa catena, non era neanche un anello – ma un semplice fiocco, tanto pomposo e famoso che copriva coi suoi sboffi il ferro di sotto». No, collega Papini, la storia non è assurda. Ha una logica ferrea e feroce. È la legge biblica e dantesca insieme del contrappasso. Le guardie rosse di Jekaterinburg hanno vendicato gli impiccati dello Stolypin <...> Logica feroce, ma giusta. Non saprei se si troverà al mondo un'anima viva che rimpiangerà il povero Nicola II, tranne qualche fido cameriere di Corte, di quelli che l'estate scorsa mi mostravano, commossi, il suo tedeschissimo appartamento privato. Egli cade nel vuoto, in uno spaventoso vuoto, ove trascina con sé la sua dinastia...». – Zabughin 1918.

²² «Poichè finora, secondo G. Papini, del Rinascimento si son occupati per lo più “gli studiosi stranieri che avevano portato nelle loro ricerche la loro mentalità protestante e democratica (?! – Burckhardt, ad es. che bel «protestante» e «democratico!») [...] ecco sorgere la

И жена Ананьины Ивет после прочтения интервью Папини 1937 г. очень резко написала ему: «Я прочитала Ваше интервью в “Lav.[oro] Fasc.[ista]” к Сассоли, я отправляю ее своему мужу, которого Вы называете ослом и еще хуже, если я понимаю латынь <...>²³. В том же году Ивет написала Кодиньоле, жалуясь на поведение Папини, который, по ее свидетельству, вначале был готов посредничать с Дуче, но забыл. Она обвинила Папини в отсутствии интереса к исследованиям мужа: «Когда мы были во Флоренции, я видела Папини [...] Он сказал мне: “Отправьте его ко мне, отправьте, я хочу сделать все для него, он заслуживает самого высокого титула в области исследований Возрождения, он более всех достоин, пишите об этом министру де Векки [...] Месяцем позже, в декабре 1936 года, он сказал мне: “Я здесь, в Риме, ради Вашего мужа” [...] Он пытался получить аудиенцию у Дуче [...] И затем, были ли это вульгарный обман или он передумал, но он пошел к Дуче, чтобы говорить за себя, чтобы ухватить свой лакомый кусок!»²⁴.

До сих пор не обнаружены свидетельства об ответе Папини, который, во всяком случае, не мог принять научного пути Ананьины. Он теперь рассматривает Ренессанс не через неканоническую интерпретацию своих ранних лет с особым вниманием к Реформации, а через призму идей, основанных на чисто итальянской перспективе. Вероятное равнодушие Папини, учитывая отсутствие свидетельств, которые могут указывать на обратное, собственно должно было быть ответом на этот полемический отклик. Оно свидетельствует об интеллектуальной перемене итальянского писателя по сравнению с его ранним периодом.

necessità di retti care tutte queste posizioni ed ecco la ragione per cui G. Papini stesso inizia la pubblicazione della sua “Rinascita”». Anagnine 1939d. P. 109.

²³ «Ho letto Suo articolo sul «Lav.[oro] Fasc.[ista]» firm.[ato] da Sassoli, lo mando a mio marito che Lei fa chiamare asino e peggio, se capisco il latino, eppure Lei, Ecc., conosce suo cognome e nome... Ha letto sua buona risposta a Nordstrom... 3 anni fa... Ci ha pensato lui prima di tutti, peccato che da buon italiano non l'abbia lodato a tempo suo nella stampa, sarebbe stato giusto, ma Lei non ama che gronder! tout le monde. E lo so, – perche ho lodato io mio marito gli è diventato subito nemico!...È usignuolo che canta anche lui, ma Lei non sa, non capisce il russo.» Письмо от 13 июня без указания года, но, учитывая его содержание, можно датировать документ от 1937 г. Fondazione Primo Conti. Centro di Documentazione e ricerche sulle Avanguardie storiche. Archivio Giovanni Papini. Fiesole. Fascicolo Anagnine Yvette.

²⁴ «Quando fummo a Firenze ho visto Papini, si ebbe a male che mio marito non veniva a cercare sua amicizia. Mi disse: – “Me lo mandi, me lo mandi, voglio fare io tutto per lui, lui merita la piu alta carica nel campo degli studi sul Rinascim.[ento], è più degno di tutti, lo scriva al Ministro de Vecchi[.] Un mese dopo, nel dicembre 1936, mi disse: “io sono qui a Roma per suo marito”[.] Cercava di ottenere una audienza dal Duce [...] E poi sia che è stato volgare inganno o sia che si abbia poi ricreduto, ma andato dal Duce ha parlato per se per strappare una piccola torta!» Письмо к Эрнесто Кодиньоле от 13 мая б/г, но благодаря содержанию, можно датировать его 1937 г. Centro Archivistico Scuola Normale Superiore, Pisa – Archivio Ernesto e Anna Maria Codignola . Fascicolo Anagnine Yvette.

В конце 1930-х гг. Ананьин продолжал исследования о Возрождении и опубликовал несколько статей, не имевшие особого резонанса²⁵. В 1958 г., через два года после смерти Папини, Ананьин наконец смог опубликовать свою книгу «Понятие “rinascita” в Средние века: V–X вв.» (Il concetto di rinascita attraverso il Medio Evo: V–X secc., Milano-Napoli, Riccardo Ricciardi Editore), где повторил многие из положений, уже высказанных в 1930–1940-е гг., а историко-культурная панорама тех годов была совсем иной. Это было время итальянского экономического чуда, Италия вышла из фазы поиска новой идентичности, прежде всего антифашистской, после военных лет. И теперь, в связи с новым международным контекстом, религиозные прочтения феномена Возрождения и его связи со Средневековьем играли совершенно периферийную роль в общественных науках. Это был период утверждения подхода Эудженио Гарена (хотя Гарен 1930-х гг. отличался от Гарена 1950-х)²⁶.

Представляется досадным недоразумением отсутствие такой фигуры мыслителя и медиевиста, каким был Ананьин, в изученном культурно-историческом пространстве. Освещение с разных перспектив представителей русской эмиграции, новые сведения об этих общих следах интеллектуального дискурса XX века обогатили бы историю науки обеих стран. Теперь все – в руках «наблюдателей фактов человеческих»²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Блок М. Апология истории или ремесло историка М.: Наука, 1973. [Blok M. Apologiya istorii ili remeslo istorika. M.: Nauka, 1973]
- Гардзонио С. Евгений Ананьин-русский революционер и исследователь итальянской культуры // Res Philologica – II. Филологические исследования. Сб. ст. памяти акад. Г.В. Степанова. К 80-летию со дня рождения (1919–1999). СПб.: Петрополис. 2000. С. 73–81 [Gardzonio S. Evgenij Anan'in-russkij revolyucioner i issledovatel' ital'yanskoj kul'tury // Res Philologica – II. Filologicheskie issledovaniya. SPb.: Petropolis. 2000. S. 73–81]
- Гардзонио С., Сульпассо Б. Осколки русской Италии. Книга I. Русский путь. М. 2011. [Gardzonio S., Sul'passo B. Oskolki russkoj Italii. Kniga I. Russkij put'. M. 2011.]
- Котрелев Н. Письма Юргиса Балтрушайтиса к Джованни Папини / Публ., вступ. и пер. с итал. Н. Котрелева // Иностранная литература. № 3. 2015. С. 265–273. [Kotrelev N. Pis'ma YUrgisa Baltrushajitisa k Dzhovanni Papini / Publ., vstup. i per. Nikolaya Kotreleva // Inostrannaya literatura. № 3. 2015. S. 265–273]
- Котрелев Н. Итальянские литераторы-сотрудники «Весов» // Проблемы ретроспективной библиографии и некоторые аспекты научно-исследовательской работы. М., 1978. С. 129–158 [Kotrelev N. Ital'yanskije literatory-sotrudniki «Vesov» // Problemy retrospektivnoj bibliografii i nekotorye aspekty nauchno-issledovatel'skoj raboty. M., 1978. S. 129–158]
- Ларокка Дж. Эрнесто Кодиньола и русские в Италии. К истории отношений // Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940), a cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Collana di Europa Orientalis. Salerno. 2015 [Larokka Dzh. Ernesto Kodin'ola i russkie v Italii. K istorii otnoshenij // Emi-grazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900–1940), a cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Collana di Europa Orientalis. Salerno. 2015]
- Махлин В.Л. Третий Ренессанс // Исупов К.Г. (под ред.) Проблемы бахтинологии. Бахтинология. Исследования. Переводы. СПб. 1995. С. 132–154 [Mahlin V.L. Tretij Renes-

²⁵ Anagnine 1939c. См. также: Anagnine 1940; 1941.

²⁶ Об этом см. Ciliberto 2011. P. 12 и сл.

²⁷ Блок 1973. С. 34.

- sans // Isupov K.G. (pod red.) Problemy bahtinologii. Bahtinologiya. Issledovaniya. Perevody. SPb. 1995. S. 132-154]
- Николаев Н.И. Идея Третьего Возрождения и Вяч. Иванов периода Башни // Башня Вячеслава Иванова и культура Серебряного века. СПб., 2006. С. 226-234 [Nikolaev N.I. Ideya Tret'ego Vozrozhdeniya i Vyach. Ivanov perioda Bashni // Bashnya Vyacheslava Ivanova i kultura Serebryanogo veka. SPb., 2006. S. 226-234]
- Николаев Н.И. Судьба и идеи Третьего Возрождения // *μουσείον*. Проф. Александр Зайцеву ко дню 70-летия. СПб. 1997. С. 343-350. [Nikolaev N.I. Sud'ba i idei Tret'ego Vozrozhdeniya // *μουσείον*. Prof. A. Zajcevu ko dnyu 70-letiya. SPb. 1997. S. 343-350.]
- Саббатини М. Евгений Ананьин и Пьеро Гобетти: письма о России (1924–1925 гг.) // «Беспокойные Музы». К истории русско-итальянских отношений. Сост. А. Д'Амелия. Салерно. 2011. Т. 2. 343-359. [Sabbatini M. Evgenij Anan'in i P'ero Gobetti: pis'ma o Rossii (1924–1925 gg.) // «Bespokoynye Muzy». K istorii russko-ital'yanskikh otnošenij. Sost. A. D'Ameliya. Collana di Europa Orientalis. Salerno. 2011. T. 2. 343-359.]
- Сегал Д.С. Константин Вагинов и античность // Тахо-Годи Е.А. (ред.). Античность и русская культура Серебряного века. К 85-летию А.А. Тахо-Годи. СПб.: Наука. С. 149-175 [Segal D.S. Konstantin Vaginov i antichnost' // Taho-Godi E.A. (red.). Antichnost' i russkaya kultura Serebryanogo veka. K 85-letiyu A.A. Taho-Godi. SPb.: Nauka, S. 149-175]
- Шруба М. О несостоявшихся сотрудниках «Современных записок»: случай Е.А. Ананьина // Русская эмиграция в Италии: журналы, издания, архивы (1900-1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900-1940), a cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Collana di Europa Orientalis. Salerno. 2015. С. 215-224 [SHruba M. O nesostoyavshihся sotrudnikah «Sovremennyh zapisok»: sluchaj E.A. Ana-n'ina // Russkaya emigraciya v Italii: zhurnaly, izdaniya, arhivy (1900-1940) / Emigrazione russa in Italia: periodici, editoria e archivi (1900-1940), a cura di S. Garzonio e B. Sulpasso. Collana di Europa Orientalis. Salerno. 2015. S. 215-224.]
- Adamo S. Dostoevskij in Italia. Il dibattito sulle riviste (1869-1945). Campanotto Editore. Pasi-ano di Prato. 1998. P. 64-75.
- Anagnine E. Il problema del Rinascimento // Nuova Rivista Storica. Anno XVIII. Novembre-Dicembre 1934. Fasc. VI. P. 573-594.
- Anagnine E.G. Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463-1494. Bari. G. Laterza & Figli. 1937a.
- Anagnine E. Conrad Bürdach (1859-1936) // Nuova rivista storica. Anno XXI. Fasc. I-II. Gennaio-Aprile 1937b. P. 82-83.
- Anagnine E. Ancora a proposito di G. Pico della Mirandola. Replica al prof. G. Saitta // Nuova Rivista Storica. Anno XXIII. Maggio-Giugno 1939a. P. 253-255.
- Anagnine E. Intorno a Pico della Mirandola // Nuova rivista storica. 1939b. Anno XXIII.
- Anagnine E. «Il concetto del Rinascimento» // Romana. III. Maggio-Giugno 1939c. P. 298-320.
- Anagnine E. G. Papini e il Rinascimento // Nuova rivista storica. Anno XXIII. № 1939d. Fascicolo VI. P. 109.
- Anagnine E. Il concetto del Rinascimento attraverso la storia (III-XIV secolo) // Nuova Rivista Storica. Luglio-Ottobre 1940. Fasc. IV-V. P. 322-351.
- Anagnine E. Il concetto del Rinascimento attraverso la storia (III-XIV secolo) // Nuova Rivista Storica. Maggio-Agosto 1941. Fasc. III-IV. P. 215-259.
- Carpi U. La voce. Letteratura e primato degli intellettuali. Pensa Multimedia. Roma-Lecce. 2003.
- Carpi U. «La Voce» nel dibattito culturale del Novecento // Gentili S. (a cura di). «La Voce». 1908-2008. Morlacchi Editore. Perugia. 2010. P. 15-39.
- Cian V. Del volume: Storia del Rinascimento cristiano in Italia di Vladimiro Zabughin. Recensione. (Treves, Milano, 1924, in-8, pp. VIII-376) // «Giornale storico della letteratura italiana. LXXXVII. 1926. P. 350-357.
- Ciliberto M. Eugenio Garin. Un intellettuale del Novecento. Editori Laterza. Bari. 2011.
- Croce B. Il pensiero russo secondo due libri recenti // Giornale d'Italia. 4 settembre 1918.
- Discorsi parlamentari di Giovanni Giolitti pubblicati per la deliberazione della Camera dei Deputati. Tipografia della Camera dei Deputati. Roma. 1953. Vol. II. P. 633.
- Eisenstadt A.V. La «Crociata» di un filosofo contro la Russia // La Russia Democratica». Anno 1. 1918. Novembre-dicembre. № 1-2. P. 13-17.

- Garzonio S. L'opposizione di 'Rinascenza' e 'Decadenza' (Vozroždenie e Vyroždenie) nell'opera di Nikolaj Bachtin // Tonini L. (a cura di). Rinascimento e Antirinascimento. Firenze nella cultura russa a Otto e Novecento. Firenze. 2012. P. 77-88.
- Garzonio S. «Siamo due, siamo soli». Jurgis Baltrušaitis scrive a Giovanni Papini // Alberti A., Ferro M.C., Romoli F. (a cura di). Mosty mostite. Studi in onore di Marcello Garzaniti. FUP. Firenze 2016. P. 338-348.
- Ginzburg C. Introduzione // Idem. Il filo e le tracce. Feltrinelli. Milano. 2018². P. 8-9.
- Marzaduri M. Gli anni italiani di Aleksandr Veselovskij // Annali della Facoltà di lingue e letterature straniere di Ca' Foscari. V. III, N 1. 1973. P. 73–97.
- Mazzanti S. La ricezione di Aleksandr N. Veselovskij in Italia // Ricerche slavistiche. 11 (57) 2013. P. 369-425.
- Papini G. Il non finito. Diario 1900 e scritti inediti giovanili, a cura di A. Casini Paszkowski. Le Lettere. Firenze. 2005. P. 236.
- Rabboni R. Una corrispondenza di Aleksandr N. Veselovskij: “Tedeschi, italiani e slavi nelle leggende del Friuli” (1866) // Borghello G. (a cura di). Per Teresa. Dentro e oltre i confini. I. Udine. Forum. 2009. P. 63- 86.
- Rabboni R. Il Pucci di D'Ancona e Veselovskij // Bendinelli Predelli M. (a cura di). Firenze alla vigilia del Rinascimento. Antonio Pucci e i suoi contemporanei. Atti del Convegno di Montreal, 22-23 ottobre 2004. McGill University. Fiesole. Cadmo. 2006. P. 271-315.
- Rabboni R. Dalla scuola storica al formalismo // De Giorgi R., Rabboni R. (a cura di). Aleksandr Nikolaevič Veselovskij. Studi su Dante. Fabrizio Serra Editore. Roma. 2017. P. 15-32.
- Saitta G. [рец. на] Eugenio Anagnine. Pico della Mirandola // «Leonardo. Rassegna mensile della cultura italiana». Fasc. 7-8. Luglio-Agosto. 1937. P. 250-251.
- Saitta G. Polemica // Leonardo. Rassegna bibliografica mensile. Anno IX. № 6. 1938. P. 254-255.
- Sassoli M. Politica e cultura in un colloquio con Giovanni Papini // Il Lavoro Fascista. Quotidiano dei lavoratori italiani. Anno XV. № 127. Sabato 29 maggio 1937. P. 3.
- Vassena R. (a cura di). Lettere di Giovanni Papini a Olga Signorelli // Garetto E., Rizzi D. (a cura di). Olga Signorelli e la cultura del suo tempo. Europa Orientalis. Salerno. 2010. P. 145-300.
- Vassena R. Giovanni Papini e Lev Tolstoj // Rebecchini D., Rossi L. (a cura di). Sincerità di Tolstoj. Saggi sull'opera e la fortuna a 100 anni dalla morte. Cisalpino. Istituto Editoriale Universitario. Milano 2012. P. 187-202.
- Zabughin V. Nemesi // La Russia Nuova. Anno I. 1918. Martedì 2 Luglio. №. 3. P. 2.

Джузеппина Ларокка, PhD in Slavic Studies, Researcher of Russian Literature and Language, Университет Мачерата, giuseppina.larocca@unimc.it

Space and traces of Renaissance. Evgenij Anan'in and Giovanni Papini

This article deals with the cultural relationships between the Russian scholar of Renaissance Evgenij Anan'in (1888–1965) and the Italian academic Giovanni Papini (1881–1956) with a particular attention to the discussion on the significance of the Renaissance. Anan'in probably got in contact with Papini during the early 1930s, when the Italian writer was one of the main intellectual figures, becoming in 1937 the director of the National Centre for Renaissance in Florence. Once in Italy (from 1913) Anan'in had studied the history of Renaissance with a focus on Pico della Mirandola, publishing articles in the most prominent Italian academic journals and monography *G. Pico della Mirandola. Sincretismo religioso-filosofico. 1463–1494* (Bari, 1937) which had a great resonance. His idea on Renaissance was completely different to the Burckhardt theory (at that time accepted in Italy) and sheds light on the crucial link between Middle Ages and Renaissance. According to some unpublished letters by Anan'in and his wife, Ivette, addressed to Papini it is clear that their relationship early ended and that Papini, following Benedetto Croce, strongly opposed to each anti-Burckhardt interpretation on Renaissance.

Keywords: Italian Literature, Russian Literature, Renaissance, Italian-Russian cultural relationships, Twentieth Century

Giuseppina Larocca, PhD in Slavic Studies, Researcher of Russian Literature and Language, University of Macerata, giuseppina.larocca@unimc.it

ДЖАННИ РОДАРИ И САМУИЛ МАРШАК ДИАЛОГ ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

В статье рассмотрены отношения Джанни Родари и Самуила Маршака на фоне восстановленного диалога между Италией и Советским Союзом после Второй мировой войны. В историческом контексте послевоенных лет поездка итальянских делегаций в Советский Союз предстает как путешествие не только в пространстве, но и во времени, поскольку СССР – не просто иная культура, а новая цивилизация, цивилизация будущего. Среди членов итальянских делегаций, особое внимание советская публицистика уделяла детскому писателю Джанни Родари, чей успех в СССР во многом способствовал его популярности в Италии. Реальная встреча двух титанов детской литературы состоялась в мифологизированном контексте, полном риторики и идеологических штампов. Автор подчеркивает необходимость различать плодотворные творческие отношения двух авторов от пафосного повествования об их знакомстве, характерного для статей и заметок в советских журналах и газетах того времени.

Ключевые слова: *Родари, Маршак, детская литература, перевод, образ СССР*

Отношения Италии и Советского Союза после Второй мировой войны представляют собой важную составляющую политической, социальной и культурной картины двух стран¹.

Преобразование внутренней политики при Хрущеве способствует созданию новой площадки для диалога между Советским Союзом и европейскими странами. В частности, культура приобретает дополнительное значение, являясь привилегированным каналом для формирования нового образа двух стран: «Развивающиеся культурные контакты между Италией и Советским Союзом были результатом десталинизации; для итальянской культуры Оттепель считалась вторым, после Революции, шансом на переосмысление советского социалистического развития. Со своей стороны, СССР начал проявлять интерес, хоть и осторожный, к западным, особенно итальянским, интеллектуалам и писателям»².

Пытаясь осмыслить культурно-историческое пространство периода 1946–1964 гг. на основе диалога Джанни Родари и Самуила Маршака в рамках итало-советских отношений, необходимо сначала рассмотреть, некие специфические черты данного контекста, среди которых играла значительную роль диалектика между реальностью и вымыслом, сопровождавшая исторический процесс послевоенного периода³.

---

¹ См. Тимофеев 1980; Константинова 1986.

² Sabbatini 2018. P. 89.

³ «В советской коммунистической системе эта планомерно возводившаяся сюрреальность была составной частью самой реальности и даже в каком-то смысле более реальной, чем сама реальность, и ее нельзя недооценивать». – Страда 2014. С. 192.

С конца Второй мировой войны, активно ведется процесс трансформации образа СССР в глазах итальянцев, формулируется новая идентичность – не русская, а советская, утверждаются те принципы, на которых основывается государственный строй. В 1944 г. в Италии появляется Ассоциация Италия–СССР, чья миссия заключается в продвижении культурного обмена между двумя странами на совершенно новой основе. По словам Джорджо Петракки⁴, «с самого зарождения Ассоциации ее деятельность основывалась на двух составляющих – культурной и идеологической»⁵. В 1953 г. основано издательство Editori Riuniti (как результат слияния двух маленьких партийных издательств Edizioni di Rinascita и Edizioni di cultura sociale); его появление можно интерпретировать как следствие испорченных отношений ИКП с Туринским издательством Einaudi и как новую возможность для итальянской компартии выйти на рынок со своим издательством, сильно ориентированным на русско-советский каталог литературных и политических произведений. Поддерживая миф, зиждущийся на двух основаниях – пятилетнем плане и военной победе СССР – заметки, статьи, воспоминания и книги, написанные итальянскими писателями и журналистами с 1945 года, способствуют разработке нового представления об СССР.

Для установления тесных, идеологически проверенных контактов, все поездки в Советский Союз из Италии и обратно должны были быть организованы в определенном порядке: до смерти Сталина и XX съезда КПСС в Россию можно приехать только в составе делегации или по официальным каналам. Акцент ставится на поиске *утопии*, которую Советский Союз своим опытом превратил в реальность.

Параллельно некоторые издательства и организации, якобы напрямую не связанные с коммунистическими партиями, начинают играть очень важную роль; среди них – Европейское Сообщество Писателей (Comunità Europea degli Scrittori – COMES), основанное в Неаполе 18 и 19 октября 1958 г. благодаря Джованни Баттиста Анджелиетти⁶ и Джанкарло Вигорелли⁷. Организация ставит себе цель способствовать диалогу со странами Восточной Европы, с теми странами, в которых свобода

---

⁴ Доктор наук по истории международных отношений в Государственном университете г. Удине, с 2003 по 2006 г. он работал директором Департамента исторических и документальных наук. До 2013 г. он также являлся консультантом по истории в Итальянском институте культуры в Москве.

⁵ Петракки 2014. С. 178.

⁶ Итальянский писатель и журналист, получивший в 1949 г. Премию Стрега за роман «Память» (La memoria).

⁷ Джанкарло Вигорелли (1913–2005) был писателем, журналистом и одним из лучших итальянских литературных критиков XX века. Он всю жизнь проявлял живой интерес к русской-советской литературе, вследствие чего в его частной библиотеке осталось более 3 тысяч произведений на русском языке, включая редкие издания, журналы, плакаты и гравюры.

слова и печати ограничена⁸. «Со второй половины 50-х гг. по начало 60-х гг. COMES представляло собой самый существенный контакт между европейской и советской культурной дипломатией»⁹.

Что касается итальянской публицистики о путешествиях в «страну Советов», то все историки единогласно указывают на особый жанр повествования, существенно отличающийся от обычных путевых заметок и книг о путешествиях: поездка в СССР становится настоящим паломничеством, которое не измеряется конкретным географическим расстоянием. Иными словами, «это путешествие в другой мир, но не просто отдаленный и экзотический, а другой по сути, качественно отличающийся от всего остального мира, отдельный от него, мир новой культуры, новой цивилизации», вроде «ритуального восхождения к святыне»¹⁰, чья цель – «создание поучительного мифа эпопеи»¹¹, который, естественно, искажает реальную ситуацию. Несмотря на то, что роль журналистов и писателей, посетивших СССР, неоднозначна, их пребывание там явно демонстрирует большие перемены в отношениях между СССР и европейскими странами. При этом, в повествованиях Карло Леви, Альберто Моравиа, Пьера Антонио Кварантотти Гамбини или Эльзы Моранте, присутствуют абсолютно разные позиции¹².

Подобным образом, советские делегации начинают посещать Италию: их миссия «заключалась в “экспорте” позитивного образа Советского Союза, его активном формировании в Италии»¹³. Результат проникновения советской идеологии в Италию очевиден: «В первое послевоенное десятилетие, вплоть до смерти Сталина, вернее, до 1956 года, “советский миф” утвердился в Италии. Может быть, даже больше, чем во Франции»¹⁴. А после смерти Сталина, какой бы ни была оценка культурных итало-советских связей, итало-советские отношения, «полные ожиданий левых интеллектуалов относительно новых явлений пост-сталинской культуры, характеризовались главной темой эстетической и идеологической ответственности»¹⁵. Эти надежды, будут обмануты в течение следующего десятилетия.

Очертив общий контекст итало-советских отношений, можно проследить за конкретными и «дистанционными» контактами Родари с СССР и Маршак с Италией, а также за диалогом, установившимся между двумя писателями.

---

⁸ См. Racine 2008; Sabbatini 2012-2013.

⁹ Sabbatini 2018. С. 106.

¹⁰ Гуревич 2011. С. 204, 208.

¹¹ Петракки 2014. С. 181.

¹² См. Страда 2014; Hollander 2017.

¹³ Коломиец 2014. С. 187.

¹⁴ Страда 2014. С. 196.

¹⁵ Sabbatini 2018. С. 152.

Самуил Яковлевич посещает Италию гораздо раньше того времени, о котором идет здесь речь, т.е. с апреля до августа 1933 г. Он гостит в Сорренто, у писателя Горького, который в тот момент занят созданием издательства Детская Литература и активно участвует в организации Первого съезда писателей Советского Союза 1934 г., на котором прозвучит известный со-доклад Маршака по детской литературе¹⁶. Маршак посещает Неаполь, Венецию и Рим. В столице Италии он знакомится и дружит с Виктором Павловичем Кимом, работающим в то время корреспондентом ТАСС. Из воспоминаний жены Кима¹⁷ мы узнаем, что Маршак хорошо владеет итальянским языком и восхищается итальянской речью¹⁸. Его увлечение итальянской культурой проявляется годы спустя, именно в переводах стихов Джанни Родари: как он сам рассказывает в беседе с Лидией Чуковской, состоявшейся 12 июля 1957 года, «когда я был в Италии и слышал гениальные народные песенки [...], или другие – венецианские, в которых живет отзвук похода крестоносцев, я думал: почему не находится поэт, который мог бы на этой, на народной, основе что-то построить? Таким оказался Родари»¹⁹.

Первые переводы стихов Родари выходят в «Литературной газете», в ноябре 1952 г. (№ 141). Они продолжают регулярно выходить вплоть до 1953 г. в разных журналах и газетах; в 1952 и 1953 гг. выходят отдельно две книги стихов Родари в переводе Маршака, опубликованные соответственно Детгизом (в 1955 г. печатается второе издание) и Библиотекой Огоньком. Вторая «волна» переводов итальянского детского писателя восходит к 1962–1963 годам, т.е. к последним годам жизни переводчика. По словам жены Кима, Маршак до самого конца жизни действительно «сохранил прежний живой интерес к Италии»²⁰.

Реальное знакомство двух писателей происходит во время одной из поездок Родари в СССР, а именно в 1963 г. Путешествия Джанни Родари в СССР представляют собой важную часть его творческой биографии, они становятся определяющим фактором его литературного развития, что следует учитывать при анализе отношения писателя к СССР. Слава Родари в Советском Союзе несравнима с популярностью других писателей, особенно детских²¹. Стоит также подчеркнуть, что невероят-

---

¹⁶ См. Де Флорио 2017.

¹⁷ Цецилия Ким – известная исследовательница итальянской литературы, автор книг, посвященных литературной ситуации, социальной проблематике и общественной атмосфере Италии 1970-х и 1980-х гг.

¹⁸ Галанов, Маршак, Паперный 1971. С. 312–324.

¹⁹ Маршак 1971б. С. 588.

²⁰ Галанов, Маршак, Паперный 1971. С. 323.

²¹ Об этом есть разные свидетельства, как в Италии, так и в России: «Его популярность в Италии во многом обусловлена невероятным успехом, которым в Советском Союзе пользовались роман «Приключения Чиполлино» и считалки, прекрасно переведенные великим поэтом Маршаком» (Argilli 1990. P. 84–85). «Популярность Рода-

ный успех Родари в России немало влияет на его популярность на родине, в Италии, особенно после публикации «Приключений Чиполлино»²². Любопытно, что в документальном фильме «38 минут в Италии» И.С. Гутмана по сценарию В.П. Некрасова присутствует краткий фрагмент с выступлением Джанни Родари. Родари попадает вместе с дочкой Паолой в кадр с 9.14 до 10.08 мин. Он рассказывает о Риме, а его представляют как автора Чиполлино. «У нас хорошо знают Родари, любят его книги», – утверждает голос рассказчика Виктора Некрасова²³.

При этом его личное восприятие является каким-то сдержанным, оставленные им воспоминания имеют, по крайней мере, амбивалентное значение. Они не предназначены для публикации, но должны служить основой для будущей, никогда не написанной книги о детях и детстве в СССР. В 1984 г. издательство Эйнауди опубликует под названием «Игры в СССР» записки из дневника Родари, который он ведет в течение своей последней поездки по Советскому Союзу, в 1979 г.²⁴ Еще во время первых поездок у Родари сложилось неоднозначное впечатление, в частности относительно издательства «Прогресс», с которым он сотрудничал. С одной стороны, он соглашается туда поехать по приглашению издательства, с другой же писатель понимает, что издательство служит интересам государства и полностью разделяет его идеологию.

Издательство «Прогресс» становится также «яблоком раздора» между Родари и Юлией Добровольской²⁵, его первой устной переводчи-

ри в СССР того времени, благодаря блестящим переводам Маршака, превзошла его тогдашнюю популярность в Италии, если можно так ее назвать» (Solonovič 2004. P. 210). 12 марта 1956 г. знаменитый итальянский журналист Джузеппе Боффа пишет Родари: «Как тебе прекрасно известно, после Тольятти [...] ты самый популярный итальянец в Советском Союзе: твои работы переводятся, печатаются, ставятся в театре, их читают и любят взрослые и дети» (частный архив Родари).

²² Родари начиная с 1950-х гг. много раз посещал СССР и пользовался огромным успехом. См.: De Florio 2019.

²³ «38 минут в Италии», Центральная студия документальных фильмов (Москва), 1965, 4 части. Режиссер И.С. Гутман, сценарист В.П. Некрасов.

²⁴ В самом начале дневника он записывает: «Я люблю эту страну, а ее так мало понимаю» (Rodari 1984. P. 3); и, судя по разным заметкам, писатель хорошо понимал, что ситуация сложнее, чем кажется: «Я терпеть не могу, как легко молодые интеллигенты могут себе позволить жить двойной правдой, то есть жить во лжи. Если у них оправдание есть, то оно находится в усвоении двойной правды с детства и, если верить их словам, в массовом распространении этой двойной правды. Но есть что-то неправильное в их привыкании к такой ежедневной театральной игре и к полному разрыву между личным и публичным. Одно ясно: они – не коммунисты и не ведут себя как коммунисты. Кажется, они не видят выхода и ждут только естественного конца геронтократии. Я не знаю, верят ли они во что-либо, может быть в микросражения на уровне частных случаев в их работе» (Там же. P. 21).

²⁵ Юлия Добровольская (1917–2016) – знаменитый филолог, переводчик, лексикограф, педагог, писательница, мемуаристка. Автор Большого Русско-итальянского Итальянско-русского словаря, многочисленных книг и пособий по русскому языку.

цей в СССР. Он часто бывал у нее в гостях, и они очень подружились. Но Юлия Абрамовна, вернувшись из лагеря и эмигрировав в Италию, пыталась отговаривать Родари от поездок в СССР, понимая, что все там устроено «по заказу». Вспоминая те времена, Юлия Добровольская утверждает, что несмотря на теплый прием и общие интересы с русскими детскими писателями, в частности Маршаком и Чуковским, Родари до конца не понял, какова была реальность, в которой жили советские литераторы. По ее мнению, в реальном пространстве второй половины XX века настоящего диалога не было и не могло быть²⁶.

В контексте, полном риторики и идеологических штампов²⁷, переводы Маршака приобретают дополнительное значение, создавая символическое пространство свободы, где идеологическая навязчивость значительно и сознательно уменьшается. При рассмотрении стихов Родари, переведенных Маршаком, бросается в глаза, что переводчик подбирает стихи, которые преимущественно связаны с темой труда (*Открытки с видами городов, Воскресная прогулка, Когда умирают фабричные трубы*), или касаются социальных вопросов (*Поезд эмигрантов, Чиччо*), или воспевают дружбу народов (*Поезд, идущий за границей, Всемирный хоровод*). Это не удивительно, поскольку все эти темы близки коммунистической идеологии²⁸ вообще, и Маршаку и Родари в частности.

Хрущевская эпоха является поворотным моментом: с установлением более прочных контактов за границей, поступает невероятный поток переводной литературы со всего мира²⁹, появляются новые журналы и издательства³⁰, кино и театр начинают обращать внимание на творчест-

---

Она была арестована в 1944 г., попала в 1945 г. в Ховринский лагерь и была освобождена благодаря амнистии 1945 г. С 1956 г. (после реабилитации) по 1965 г. преподавала итальянский язык в МГИМО, начала переводить итальянскую литературу: произведения Де Санктиса, Шаши, Моравиа, Паризе, Родари, Вентури и др. В 1964 г. был опубликован ее учебник «Практический курс итальянского языка».

²⁶ Из частного разговора с Юлией Добровольской, Милан, октябрь 2015 г.

²⁷ Стоит еще раз подчеркнуть присутствующую в официальном дискурсе мистификацию, опирающуюся на пропагандистские клише и риторические коммуникативные приемы и значительно повлиявшую на общественный строй.

²⁸ «Труд – самодостаточная ценность. Результат, производительность, а тем более доходность, стоят на втором месте. Труд идеализируется как несущая опора всего нового строя, а следовательно, и нового человека» (Гуревич 2011. С. 206). Во всех заметках и мемуарах большое внимание уделяется посещению фабрик, заводов, колхозов и советскому производству вообще.

²⁹ Итамар Эвен–Зохар (Itamar Even–Zohar) создал полисистемную теорию литературного поля (Polysystem Theory), в котором самой активной системой внутри общей модели он считает переводную литературу. Его теория восходит к трудам представителей советской формальной школы – Юрия Тынянова, Романа Якобсона и Бориса Эйхенбаума (Even Zohar 1990).

³⁰ Показательный пример такого резкого изменения по сравнению с прошлым – создание журнала «Иностранная литература» в 1955 г. – Balliu 2005. P. 937–938.

во западных коллег, а иностранные фильмы и спектакли становятся более доступными широкой публике. С другой же стороны писатели и переводчики еще обязаны работать под жестким давлением цензуры (и самоцензуры) и чаще всего перевод становится стратегическим приемом для освещения запретных тем и сюжетов³¹.

В таком контексте, при внимательном прочтении переведенных стихов Родари, можно предположить, что Маршак – через перевод – говоря о другой стране, на самом деле, обращает внимание своих читателей на вопросы, которые еще табуированы в Советском Союзе. Одним словом, речь идет о «политике компромисса», где любой вид искусства аккуратно фильтруется и не может явно противоречить общему риторическому дискурсу. Поэтому Маршак «перестраховывается», переводя работы иностранного убежденного (по крайней мере, до 1960-х гг.) коммуниста, но при этом из репертуара Родари выделяет те элементы, которые ему нужны, чтобы позиционировать себя вне сугубо политического дискурса, провозглашая высокие идеалы всего человечества³².

В заключение, стоит сделать следующие выводы. Во-первых, «Страна советов» является для многих авторов скорее сбывшейся сказкой, чем мифом. Сам интерес к детским произведениям и «детскому мировоззрению» как в Италии, так и в СССР был высок. Однако, в то время как переводы на русский во многом способствовали успеху Джанни Родари в Советском Союзе и в мире, Маршак до сих пор остается почти неизвестным итальянской детской и взрослой публике.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вентури А. Итальянцы в «стране советов»: начало 20-х годов // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. С. 85–92. [Venturi A. Ital'yancy v «strane sovetov»: nachalo 20-h godov // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M., 2014. S. 85–92]
- Галанов Б.Е., Маршак И.С., Паперный З.С.: «Я думал, чувствовал, я жил...». Воспоминания о С.Я. Маршаке. М.: Советский писатель, 1971. 504 с. [Galanov B.E., Marshak I.S., Papernyj Z.S.: «YA dumal, chuvstvoval, ya zil...». Vospominaniya o S.YA. Marshake. M.: Sovetskij pisaetel', 1971. 504 s.]
- Гуревич О. А. Путешествия в СССР в 1950-х гг.: риторика и антириторика // Проблемы италянистики. Вып. 4, М.: РГГУ, 2011. С. 203–215. [Gurevich O. A. Puteshestviya v SSSR v 1950-h gg.: ritorika i antiritorika // Problemy ital'yanistiki. Vyp. 4, M.: RGGU, 2011. S. 203–215.]
- Де Флорно Дж. «И точно много лет он мне знаком». Максим Горький и Самуил Маршак на фоне эпохи // Детские чтения, № 2 (012), Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2017. С. 184–205. [De Florio Dzh. «I tochno mnogo let on mne znakom». Maksim Gor'kij i Samuil Marshak na fone epochi // Detskie chteniya, № 2 (012), Ekaterinburg: Kabinetnyj uchenyj, 2017. S. 184–205.]
- Деотто П. Новый подход к знакомым деталям. Виктор Некрасов и культура Италии в начале 1960-х годов // Италия в русской литературе. Сб. статей. Под ред. Н.Е. Мед-

³¹ См.: Эткинд 2001.

³² См.: Colombo 2013.

- нис. Новосибирск: НГПУ, 2007. С. 154–165. [Deotto P. Novyj podhod k znakomym detaljam. Viktor Nekrasov i kul'tura Italii v nachale 1960-h godov // Italiya v russkoj literature. Sb. statej. Pod red. N.E. Mednis. Novosibirsk: NGPU, 2007. S. 154–165]
- Коломиец В. Образ Италии в путевых впечатлениях советских voyazherov времен холодной войны // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. С. 186–191. [Kolomiec V. Obraz Italii v putevych vpechatleniyah sovetskikh voyazherov vremennoy kholodnoj vojny // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M.: Tip. VP-print, 2014. S. 186–191.]
- Константинова И.Г. (сост.): Итальянские писатели о Стране Советов, Л.: Лениздат, 1986. 317 с. [Konstantinova I.G. (sost.): Ital'yanskie pisateli o Strane Sovetov, L.: Lenizdat, 1986. 317 s.]
- Маршак С.Я. Из Джанни Родари // Полное собрание сочинений в 8 тт. Т. 4. М.: Художественная литература, 1969. С. 342–445. [Marshak S.YA. Iz Dzhanni Rodari // Polnoe sobranie sochinenij v 8 tt. T. 4. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1969. S. 342–445]
- Маршак С.Я. Почему я перевел стихи Джанни Родари // Полное собрание сочинений в 8 тт. Т. 6. М.: Художественная литература, 1971а. С. 332–333. [Marshak S.YA. Pochemu ya perevel stihy Dzhanni Rodari // Polnoe sobranie sochinenij v 8 tt. T. 6. M.: Hudozhestvennaya literatura. 1971a. S. 332–333]
- Маршак С.Я. Две беседы С.Я. Маршака с Л.К. Чуковской // Полное собрание сочинений в 8 тт. М.: Художественная литература, 1971б. С. 575–594. [Marshak S.YA. Dve besedy S.YA. Marshaka s L.K. Chukovskoj // Polnoe sobranie sochinenij v 8 tt. M.: Hudozhestvennaya literatura, 1971b. S. 575–594]
- Перси У. Три поиска одного образа: Россия / СССР в прозе Карло Леви, Альберто Моравиа, Джованнини Гуарески // Вестник Евразии. 1, М.: АНО ОИИЦ Вестник Евразии, 2008. С. 31–51. [Persi U. Tri poiska odnogo obraza: Rossiya / SSSR v proze Karlo Levi, Al'berto Moravia, Dzhovannino Guareski // Vestnik Evrazii. 1, M.: ANO OIIC Vestnik Evrazii, 2008. S. 31–51]
- Петраки Дж. Русская или советская? Двойственность идентичности России в письменных свидетельствах итальянских путешественников после Второй мировой войны // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. С. 173–185. [Petrački Dzh. Russkaya ili sovetskaya? Dvoystvennost' identichnosti Rossii v pis'mennykh svideteľ'stvah ital'yanskih puteshestvennikov posle Vtoroj mirovoj vojny // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M.: Tip. VP-print, 2014. S. 173–185]
- Страда В. Советский мираж // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. 192–198. [Strada V. Sovetskij mirazh // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M.: Tip. VP-print, 2014. 192–198]
- Тимофеев Н.И. СССР-Италия: культурные связи. М.: Мысль, 1980. 204 с. [Timofeev N.I. SSSR-Italiya: kul'turnye svyazi. M.: Mysl', 1980. 204 s.]
- Урина Н. Книги путешествий по России итальянских журналистов: проблематика и авторская позиция // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. С. 245–249. [Urina N. Knigi puteshestvij po Rossii ital'yanskih zhurnalistov: problematika i avtorskaya poziciya // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M.: Tip. VP-print, 2014. S. 245–249]
- Чиннелла Э. СССР глазами Джузеппе Боффы // Путешествие в Италию – путешествие в Россию... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Дадько, И. Заславская, Л. Харитонов. М.: Тип. ВП-принт, 2014. С. 229–240. [Chinnella E. SSSR glazami Dzhuzeppe Boffy // Puteshestvie v Italiyu – puteshestvie v Rossiyu... // Отв. ред. Е. Крупенина; пер. А. Dadyko, I. Zaslavskaya, L. Haritonov. M.: Tip. VP-print, 2014. S. 229–240.]
- Эткинд Э. Записки незаговорщика. Санкт Петербург: Академический проект, 2001. 496 с. [Etkind E. Zapiski nezagovorshchika. Sankt Peterburg: Akademicheskij proekt, 2001. 496 s.]

- Argilli M. Gianni Rodari. Una biografia. Torino: Einaudi, 1990. 161 p.
- Balliu C. Clefs pour une histoire de la traductologie soviétique // *Meta: journal des traducteurs / Meta: Translators' Journal*, 50, № 3, Montréal: Erudit, 2005. P. 934–948.
- Boero P. Una storia, tante storie. Guida all'opera di Gianni. Torino: Einaudi, 2010. 160 p.
- Boero P., De Luca C. La letteratura per l'infanzia. Roma-Bari: Laterza, 2009. 424 p.
- Calvino I. Taccuino di viaggio nell'Unione Sovietica // *Saggi (1945-1985) – Vol. 2 / M. Barenghi (ed.)*. Milano: Mondadori, 2001. P. 2407–2496.
- Cinnella E. Il “compromesso storiografico”. Il PCI e il giudizio storico sull'URSS” // *Nuova rivista storica*. 98:1 (Gennaio–Aprile), Roma: Società Editrice Dante Alighieri, 2014. P. 1–56.
- Colombo D. Gianni Rodari and Tamara Lisitsian: Western Communist Parties as vehicles of Cultural Encounter” // *Valahian Journal of Historical Studies*. 20, Târgoviște: Cetatea de Scaun, 2013. P. 187–195.
- De Florio G., Emblematic journeys: Gianni Rodari's translations in the USSR // *Cognition, communication, discourse*. 18, 2019. P. 24–33. DOI: 10.26565/2218-2926-2019-18-02.
- Even-Zohar I. The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem, // *Poetics Today*, 11:1, Durham NC: Duke University Press, 1990. P. 45–51.
- Hollander P. Political Pilgrims: Western Intellectuals in Search of the Good Society. New Brunswick; London: Transaction Publishers, 2017. 526 p.
- Inngs J.A. Censorship and Translated Children's Literature in the Soviet Union. The Example of the Wizards Oz and Goodwin // *Target*. 23:1, Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 77–91.
- Levi C. Il futuro ha un cuore antico. Viaggio nell'Unione Sovietica. Torino: Einaudi, 1956. 306 p.
- Massini G. La poetica di Rodari. Utopia del folklore e nonsense. Roma: Carocci, 2011. 160 p.
- Quarantotto Gambini P.A. Sotto il cielo di Russia. Torino: Einaudi, 1963. 409 p.
- Racine N. La COMES (1958–1969), une association d'écrivains dans la guerre froide // *Culture et guerre froide (Dir.) Jean-François Sirinelli, Georges-Henri Soutou*, Paris: PU Paris-Sorbonne, 2008. P. 283–298.
- Realtà sovietica Incontro sulla cultura [Interventi di Alatri, Bellonci, Ciukhraj, Levi, Moravia, Nekrasov, Panova, Pasolini, Piovene, Sklovskij, Surkov, Tvardovskij] // *Realtà sovietica*. 109, Novara: IGDA, 1962. P. 11–19.
- Reccia A. L'Italia nelle relazioni culturali sovietiche, tra pratiche d'apparato e politiche del disgelo // *eSamizdat*. IX, Ariccia: Aracne Editrice, 2012–2013. P. 23–42.
- Reccia A. Il lavoro dello slavista. Ripellino, Zveterevich e Strada tra progetti culturali e politiche editoriali // *L'ospite ingrato*, 12 aprile 2015. Rivista online del centro interdipartimentale di ricerca Franco Fortini. <http://www.ospiteingrato.unisi.it/wordpress/wp-content/uploads/2015/04/224.-RECCIA-II-lavoro-dello-slavista.pdf>
- Rodari G. Giochi nell'URSS. Torino: Einaudi, 1984. 187 p.
- Rodari G. Lettere a Don Julio Einaudi, Hidalgo editorial e ad altri queridos amigos (1952–1980), Torino: Einaudi, 2008. 126 p.
- Sabbatini M. Dicembre 1964: Anna Achmatova in Italia. Un caso di diplomazia culturale italo-sovietica // *eSamizdat*. IX, Ariccia: Aracne Editrice, 2012–2013. P. 63–76.
- Sabbatini M. Viktor Nekrasov e l'Italia. Uno scrittore sovietico nel dibattito culturale degli anni Cinquanta, Mantova: Universitas Studiorum, 2018.
- Safiullina N., Platonov R. Literary Translation and Soviet Cultural Politics in the 1930s: The Role of the Journal *Internacional'naja Literatura* // *Russian Literature*. LXXII, II, Amsterdam: Elsevier, 2012. P. 239–269.
- Solonovič E. Poesia italiana in URSS: Circostanze di scelta e alcuni problemi della traduzione // *La traduzione del testo poetico / F. Buffoni (ed.)*. Milano: Marcos y Marcos, 2004. P. 210–215.
- Zaslavskij V. Storia del sistema sovietico. L'ascesa, la stabilità, il crollo. Roma: Carocci, 1995. 292 p.

REFERENCES

Джулия Де Флоридо, PhD, исследователь на кафедре лингвистики и культурологии, Университет г. Модена и Реджо Эмилия (Италия); giulia.deflorio@unimore.it; ORCID: 0000-0002-1489-9059

Gianni Rodari and Samuil Marshak: a dialogue in time and space

In the historical context of the post-war years, the visits made by Italian delegations to the Soviet Union seemed as much a journey through time as through space, insofar as the USSR represented not just a different culture, but a new civilisation, the civilisation of the future. Among the individuals who made up the Italian delegations, Soviet journalism paid particular attention to the children's writer Gianni Rodari, whose success in the Soviet Union contributed greatly to his popularity back home in Italy. Soviet readers had first been introduced to the works of this Italian writer thanks to the translations of Samuil Marshak. However, the real-life meeting of these two titans of children's literature took place in a highly mythologised context, full of rhetoric and ideological clichés. In order to obtain a more authentic picture, one should therefore distinguish the fruitful creative relations of the two authors from the ostentatious narration of their acquaintance that was so characteristic of the articles and notices regularly published in contemporary Soviet journals and newspapers.

Keywords: Rodari, Marshak, children's literature, translation, representation of epy USSR

Giulia De Florio, PhD, Researcher of Russian Language and Literature, State University of Modena, Department of Linguistic and Cultural Studies; giulia.deflorio@unimore.it
ORCID: 0000-0002-1489-9059

М. В. БЕЛОВ

РУССКИЕ И СЕРБЫ ВО ВЗАИМНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ К ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМУ ПРОЕКТУ

Проект по изучению взаимных представлений русских и сербов, вдохновителями которого выступили А.Л. Шемякин (1960–2018) и М. Йованович (1962–2014), выявил широкую палитру возможностей в изучении темы. Методологические оттенки имагологии определяются познавательными приоритетами и, одновременно, информационным потенциалом свидетельств, с которыми имеет дело историк. Много-слойный и динамичный характер взаимных представлений требует адекватной теоретической модели, отдельным аспектам которой посвящена статья.

Ключевые слова: *взаимные представления, русско-сербские отношения, имагология, травелоги, А.Л. Шемякин, М. Йованович*

Приходится начинать с печальной констатации: 8 марта 2018 г. не стало Андрея Леонидовича Шемякина. Ему было 57 лет. Из них мы были знакомы около 15. Он был моим старшим товарищем, любимым собеседником и научным патроном. Когда пришла весть о смерти, на выходе находилась книга¹, одним из рецензентов которой был Шемякин. Я успел попросить редактора обвести его фамилию на контртитule в рамку и добавил несколько слов памяти в предисловие после выражения благодарностей. Шемякин сделал немало для обновления исторической славистики. А его исследовательский и литературный талант сочетался с необыкновенно притягательными человеческими качествами². В начале нулевых он задумал научный проект, связанный с изучением представлений русских о Сербии и сербах, кропотливо собирал свидетельства и опубликовал два тома, в один из которых включил ранее издававшиеся материалы, а во второй – только архивные³.

Уже в 1990-е история взаимных представлений (образов Другого) превратилась в широкое направление, а отношение россиян к сербам, особенно после косовского кризиса (на фоне собственного чеченского), обрело определенно солидаристский характер. В этой связи, казалось, была инсталлирована эмоциональная ситуация кануна Первой мировой.

Замысел Шемякина не был простым ответом на очевидный социальный запрос. Он исходил из убеждения, что свидетельства русских путешественников, дипломатов, ученых, побывавших в Сербии в последние десятилетия XIX – начале XX в., позволяют по-новому взглянуть на специфику процесса модернизации, отягощенной общественной

---

¹ Открытие «братьев-славян». 2018.

² Силкин 2018.

³ Русские о Сербии и сербах. Т. I–II.

архаикой, увидеть извне те обстоятельства, которые незаметны внутри традиции – самим сербам. Отличало русских наблюдателей от других иностранцев именно то, что они воспринимали сербов как «своих других», а не “чужих” – социально и цивилизационно, поэтому были способны к эмпатии и более глубокому погружению в наблюдаемую среду. «Острый глаз русских наблюдателей помог нам, заглянув за фасад европейских новаций – в виде конституций, парламентаризма, многопартийности, современных систем образования и воинской службы, – обнаружить там устойчивые структуры и стереотипы традиционного общества, определявшие поведение не только простого селяка, но и значительной части сербской элиты, что наглядно показывает деформированный и неорганичный характер модернизации “по-сербски”»⁴. То же самое касалось и такой ускользающей материи как политическая культура (ментальность), обсуждению которой посвящена в основном только что процитированная статья второго тома, и эта культура, по оценке Шемякина, была устойчиво патриархальной и традиционной.

Так или иначе, центр внимания в анализе записок русских путешественников сосредоточен на содержании их впечатлений, интеллигентных социально-критической версии сербской истории, если так можно определить направление работ Шемякина. Но и такая «внешняя» по отношению к России проблематика имела свою «внутреннюю» параллель, точнее, параллели. Во-первых, великой загадкой для самого российского общества эпохи посткоммунистического транзита являлась модернизация без модерности и традиционализм без традиции.

Другой параллелью к современной ситуации в исследованиях Шемякина было облеченное в исторический дискурс обсуждение идентичности постсоветского российского слависта. Какой может быть, как должна проявляться его любовь к тому, что он изучает? Как соотносится славяноведение и славянофильство? Оппозиция между ложной и истинной солидарностью выразилась в противопоставлении двух деятелей русского добровольческого движения эпохи Великого восточного кризиса 1875–1878 гг.: М.Г. Черняева и Н.Н. Раевского⁵. И в еще большей степени Шемякин идентифицировал себя с теми русскими славистами прошлого, хорошо знавшими Сербию и симпатизировавшими сербам, кто смотрел на предмет изучения с открытыми глазами, без оболыщения, а иногда и с горькой досадой (как и на свою родину). Таким, например, был для него профессор П.А. Кулаковский⁶.

---

⁴ Русские о Сербии и сербах. Т. II. С. 552. См. также заключительную статью в т. 1, а также: Шемякин 2011.

⁵ Шемякин 2006а, Шемякин 2006б, Шемякин 2012а.

⁶ А.А. Силкин, цитируя шемякинскую характеристику Кулаковского, подметил, что в ней узнается сам автор: Силкин 2018. С. 116.

С середины нулевых мы обсуждали с Шемякиным возможность расширения границ, начатого им исследовательского проекта, и именно он «благословил» меня на сбор свидетельств, относящихся к более раннему времени (к первой половине XIX в.), тех, что оставались вне поля его собственного внимания. Вскоре я приступил к реализации замысла, откорректировав его цели. Во-первых, в расчет принимались балканские славяне в целом, хотя, в силу особой плотности контактов в этот период, приоритет отдавался сербам и черногорцам. Во-вторых, ранние свидетельства с еще слабой рефлексией (профессиональная славистика делала тогда свои первые шаги) не могли взять на себя роль «зеркала заднего вида», вскрывающего то, что оставалось «за кадром» внутренней документации, хотя порой они и несут в себе поистине уникальную информацию. Приоритетной задачей для меня, кроме прочего, был анализ того, как оформлялась вера в эксклюзивное «славянское братство» внутри русского образованного общества. Отрицая «извечный» характер таких братских чувств, я пытался понять, каким образом их возникновение связано с практиками путешествий. Проект с самого начала (первая заявка была подана в 2006 г., но реальная работа началась уже в 2008 г.) имел название: «Открытие “братьев-славян”». Таков и заголовок книги, макет обложки которой успел увидеть Шемякин: на нем русский корабль под Андреевским флагом застыл у каменистого берега Которской бухты, тот же флаг развивается над стенами Котора (акварель начала XIX века). Русские моряки, прибывшие сюда в 1806 г., действительно, в чем-то были первооткрывателями...

С сербской стороны почин изучения взаимных представлений поддержал близкий товарищ Шемякина профессор Белградского университета Мирослав Йованович (1962–2014). Его ранний уход остро переживался Шемякиным – для него эта потеря была сродни утрате «второго я» и дурным предвестием собственной судьбы⁷. Во многом благодаря энергии Йовановича началась публикация большого свода документов «Москва – Сербия, Белград – Россия». Сам он выступил председателем редакции всей серии с сербской стороны и одним из авторов-составителей II тома⁸. Внушительным по объему, но все же предварительным результатом исследований Йовановича в области имагологии стала изданная в 2011 г. антология «Сербы о России и русских. От Елизаветы Петровны до Владимира Путина»⁹. По мысли составителя, данная антология – первая часть проекта, в которую вошли

---

⁷ Шемякин 2014.

⁸ Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. I–IV. А.Л. Шемякин был редактором-составителем третьего тома.

⁹ Срби о Русији и Русима. См. рецензию на этот фундаментальный корпус текстов: Шемякин 2012b. Сербская версия: Шемјакин 2013.

преимущественно «нарративы, определяемые исповедальным и эмоциональным восприятием Другого, как совокупный результат всей системы представлений в широком спектре – от публично высказанных упорядоченных повествований и репрезентаций в медиа до позиций и представлений отдельных наблюдателей». Вторую часть Йованович планировал посвятить политическому дискурсу о России «в перспективе стратегических расчетов, политических программ и идеологических позиций, в контексте государственного мышления и практики»¹⁰.

Еще одним результатом этих изысканий стала синтетическая монография «Сербы и русские. XII–XXI века (история взаимоотношений)»¹¹. Не слишком солидная по объему, эта книга, тем не менее, ставила весьма амбициозную цель – выявить важнейшие элементы и изменчивую конфигурацию русско-сербских (сербско-русских) взаимоотношений в перспективе «времени большой длительности». Динамика их развития определялась Йовановичем в системе равноуровневых связей (церковных, политических и культурных) и с учетом попутного осмысления их опыта. Монография опиралась как на авторский вклад в изучение отношений двух стран, так и на богато представленные в ней материалы других исследователей. Но, кроме того, в ней, как и в серии предыдущих статей¹² сформулированы важные методологические наблюдения, перспективные для дальнейших имагологических изысканий. Они порой высказаны в заостренной форме и как приглашение к дискуссии, игнорирование которого было бы оскорблением памяти об ушедшем товарище. К сожалению, мы с Шемякиным не успели отдать эту дань в статье, которую планировали написать совместно после ухода Йовановича. Теперь это – мой долг и перед ним.

Россия для «внутреннего сербского употребления»

Йованович, прежде всего, обратил внимание на то обстоятельство, что «...Россия в [современном] сербском публичном дискурсе, в пространстве медиа и, как следствие, в восприятии отдельных наблюдателей существует исключительно для нас (Сербии, а ранее – Югославии) и только для “нас”». Эти представления проникнуты либо радикальным отторжением и неприятием, либо идеализированной «любовью», они не адекватны реалиям России, но «...могут иллюстрировать наши представления о нас самих»¹³. Соглашаясь с часто высказываемыми в лите-

---

¹⁰ Срби о Русији и Русима. С. 40. Разумеется, в книге присутствуют тексты государственных и политических деятелей, имеющие выраженную идеологическую окраску.

¹¹ Јовановић 2012.

¹² Jovanović 2010; 2011. Антологии 2011 г. предпослана статья: О «две Русије» у српском друштву или Русија «за унутрашњу употребу»: слика Другог као идентитетско самодетерминација // Срби о Русији и Русима. С. 11–42. Русские версии этих публикаций: Йованович 2012; 2013.

¹³ Срби о Русији и Русима. С. 13.

ратуре соображениями о мифологизации «образов Другого» и воздействии на них самовосприятия, а также социально программируемых «ментальных карт»¹⁴, Йованович пытался разобраться в причинах и предыстории того радикального разрыва с реальностью, который он увидел в современном позиционировании России на сербской интеллектуальной сцене. Одновременно он реконструировал и те рамки взаимовосприятия, которые в актуальной полемике маргинализированы или же вовсе не принимаются в расчет, будучи вытеснены сиюминутной «политикой», а именно: долговременные культурные, научные, религиозные и церковные связи. Их значимость задается динамикой взаимных представлений: «С одной стороны, восприятие Другого в каждом обществе не является “вечным” и раз и навсегда данным, но представляет собой процесс постоянной прорисовки “картинки”, который параллелен и взаимозависим с процессом постоянного определения своего и “себя”. <...> С другой стороны, появляется известное число конкретных представлений, которые... сохраняются в форме стереотипных представлений в коллективном менталитете и ментальной карте индивидов»¹⁵.

Следовательно, «картина мира» постоянно меняется под действием целого комплекса исторических обстоятельств, и эти изменения детерминированы и сами детерминируются подвижными и взаимозависимыми представлениями о себе и «других». А поскольку границы смещаются, «свое» может стать «чужим» и наоборот. Так в XVIII в. границы идентичности прорисовывались, прежде всего, под влиянием конфессиональных императивов, поэтому чаще подчеркивались сходства, а не различия. «Это во многом повлияло на то, что граница в определении “нас” и русских и России в качестве Другого не была четкой и неоспоримой – как это было в течение XX в. или сейчас, – но размытой, неясной и довольно произвольно определяемой, до некоторой степени смешивались элементы того, что можно было бы определить как “наше” и “их”»¹⁶. По мнению Йовановича, на эту неопределенность (помимо низкой интенсивности контактов) повлиял классифицирующий взгляд со стороны, например, администраторов Габсбургской монархии, которые руководствовались тем же конфессиональным критерием, цивилизационными оппозициями или чем-то схожим¹⁷. Тем не менее, исследователь предполагал наличие сложной идентичности у сербов того времени и задавался вопросом о связи этого феномена с легкостью их ассимиляции после переселений в Россию.

¹⁴ Об этой метафорической категории см.: Шенк 2001.

¹⁵ Срби о Русији и Русима. С. 17–18. Автор здесь следует за: Радовић 2009.

¹⁶ Срби о Русији и Русима. С. 18.

¹⁷ Срби о Русији и Русима. С. 19. Йованович приводит пример С. Пишчевича, отправившегося на службу в Россию, в связи с чем габсбургский генерал предположил, что тот хочет стать «москвитом».

В эпоху Романтизма и национализма в представлениях о России все еще доминировали сходства, но это уже был «серебряный век» сербско-русской «любви», поскольку более тесные контакты и знакомство друг с другом в результате совместных боевых действий и дипломатических отношений «...привели к известной рационализации, частичному разочарованию и разложению отдельных стереотипных форм в восприятии России (и тем самым, к переопределению поврежденного предшествующего образа)»¹⁸. Кроме того, расширилась палитра интересов, и «великий православный царь» больше не был единственным центром внимания сербских авторов в России. В символическом пространстве сербской культуры появились другие, порой радикально альтернативные герои русской публичной и политической сцены – революционеры Бакунин, Герцен, Нечаев и т.д. И в любом случае оценка политики России стала более утилитарной.

Идеологически окрашенный XX век привел к появлению новых границ на ментальных картах, которые «пересекались, скрещивались, накладывались друг на друга», поэтому часто уже было невозможным определить, кто определяется как «мы», а кто как «другие». Именно эти идеологические коллизии привели к перелому 1948 года, который «...в сферу сербской общественной и культурной символики внес совершенно новый феномен – восприятие России как “врага”»¹⁹.

Хотя идеологическое соперничество между СССР и Югославией – двух стран коммунистического мира – имело смысл лишь в контексте «холодной войны» и исчерпало себя вместе с ней, в наследство от него остался фонд новых стереотипных представлений. «Тем самым процесс расщепления представлений о России как о Другом, начатый в последней четверти XIX века... привел к своему логическому эпилогу – артикуляции двух противоположных позиций в символическом поле сербского общества и культуры: русофильской и русофобской». В условиях крушения существовавшего прежде «цивилизационного концепта и идеологического проекта», переопределение Другого не могло двинуться в направлении «комплексного и рационального рассмотрения», но неизбежно вылилось в «черно-белую схему»²⁰.

В исследовании сербско-русских отношений и истории их восприятия М. Йованович исходил из предположения о существовании трех дискурсов (было бы точнее сказать – групп дискурсов): сербского, русского и внешнего: «Два из них формируют равноправные полюса. Один, условно говоря, “сербский дискурс” – восприятие и объяснение сербско-русских отношений в сербской среде, обществе, политике и науке, когда

---

¹⁸ Срби о Русији и Русима. С. 19.

¹⁹ Срби о Русији и Русима. С. 21–22.

²⁰ Срби о Русији и Русима. С. 22–23.

в фокус ставится сербская политика и интересы. На другом полюсе, противоположном сербскому, ясно выделяется “русский дискурс” – восприятие русско-сербских отношений, когда в фокус ставят политику и интересы России. Наконец, помимо них, или точнее говоря, в противостоянии вышеприведенным контекстам находится “дискурс третьей стороны”... когда в фокус интересов, как правило, ставят русское влияние на Балканах и отношение сербской политики к России... утилитарно “измеряя” их, оценивая и объясняя в соответствии с собственными целями и интересами (чаще всего ради профилирования собственной политики к русско-сербскому взаимодействию)²¹. Историк далее оговаривается, что эти дискурсы «не когерентны и не монолитны», указывая на полярности в них (сербские русофобы и русофилы) или на более тонкие различия. Однако совершенно ясно, что такое членение дискурсов более всего приспособлено для истолкования политически выраженных позиций. Не случайным представляется указание на то, что «“картина” России как Другого [в Сербии], всегда формировалась в определенном контексте, чьи рамки задавались импульсами, *приходившими из политики и, частично, культуры* (курсив мой. – М.Б.)»²².

Между тем в своей последней монографии Йованович оговаривался: «Двусторонние культурные и духовные связи, контакты и влияния, относящиеся к XVIII в., представляются основой, на которой с небольшими модификациями, практически на протяжении двух следующих столетий (XIX и XX) строились сербско-русские культурные и духовные обмены и сотрудничество. Континуитет духовного и культурного обмена и влияния, миграции, многозначные процессы языкового развития, неизбежно оставили глубокий след в коллективном менталитете и памяти и сформировали основы для современного взаимного понимания и восприятия»²³. Здесь культура реабилитируется, но сохраняет «независимость» от политики. Дополнительные разъяснения находятся в другой публикации историка: «Очарование высокой политики может только частично помочь понять и объяснить комплексные общественные явления и в действительности многослойные и взаимозависимые связи и отношения»²⁴. В периоде 1804–1878 гг. Йованович выделил три уровня отношений: текущие дипломатические, традиционные связи и представления, на основе которых выстраивались те или иные конкретные акции, наконец, появление новых феноменов в виде деятельности русских славянофилов или революционных демократов, а также попытки установления экономических связей (они свелись к закупкам оружия в России).

²¹ Йованович 2013. С. 20–21; 2011. С. 16–22; 2012. С. 27–34.

²² Йованович 2013. С. 18.

²³ Јовановић 2012. С. 120.

²⁴ Јовановић 2011. С. 30.

Йованович констатировал: «русский фактор» (даже в узко политической сфере) не сводится ни к одному из названных: «Всякое выделение и абсолютизация какого бы то ни было уровня... неминуемо обеднит и приведет к одностороннему (а потому и ошибочному) пониманию и истолкованию богатого, комплексного и явно взаимозависимого контекста, внутри которого различные, а иногда и весьма удаленные (нередко противостоящие и полярные) факты вместе составляют единство того, что в науке опознается как прошлое отношений сербов и русских»²⁵.

Совершенно справедливая констатация, разумеется, не может освободить нас от абстрагирующих членений этого потока и воображаемой изоляции отдельных явлений, т.е. от аналитических процедур, неизбежных в любом научном исследовании. Другое дело, что при этом не следует забывать о многочисленных контекстах, в которых эти явления находились непосредственно или же в которые могут быть помещены исследователем, помимо прямых указаний источника, поскольку предполагается и опосредованное воздействие.

С одной стороны, Йованович постоянно указывал на эмоциональный заряд тех или иных высказываний сербских наблюдателей и участников конкретных событий относительно России; эмоции в свою очередь отливаются в схематичные, повторяющиеся или стереотипные суждения. С другой стороны, он предостерегал от сведения политической стороны взаимоотношений с Россией к традиционным ожиданиям, поскольку отношения двух стран были частью более широкой (европейской, а затем и мировой) системы международных отношений. Складывается впечатление, что влияние «традиции» и текущих политических обстоятельств отслаивается друг от друга, поскольку мера их интеграции не может быть определена раз и навсегда. В этой связи обретает актуальность поиск промежуточных инстанций между культурной (исторической, а затем и идеологической) мифологией и политической прагматикой. Такими медиаторами, например, выступает массовая печать, призванная не только информировать или убеждать, но и развлекать, популяризаторское страноведение, травелоги. Однако до середины XX в. их возможности были ограничены узкими рамками грамотности.

Понятие «ментальных карт» представляется в этой связи подходящей аналитической категорией, которую, вместе с тем, не следует абсолютизировать. Являясь удачной метафорой, это понятие вовсе не означает, что все пространства на «картах» заполнены без изъятия, и напротив – что *заполненные* не содержат некоего «избытка» в виде разноречивой (вплоть до противоположности) информации. Границы на этих «картах» колеблются (не только в диахронном, но и синхронном изме-

---

²⁵ Йовановић 2011. С. 34. Ср. предостережения о сложности интерпретаций тех или иных высказываний: Йованович 2012. С. 65–66, 84.

рении), а известные территории переливаются разными цветами. Все дело в том, что социальные группы и институты генерируют отличающиеся друг от друга знания об окружающем мире, а коммуникативные потоки имеют и транснациональное направление. С углублением социальной стратификации, специализации и профессионализации наличествующий комплекс знаний усложняется, при этом отдельные его элементы сохраняют автономию или даже могут существовать «сами по себе», как только потенциально доступны для широкой аудитории. Иными словами, с наступлением современности (в модернизирующихся обществах) становится правилом включенность индивида более чем в одну социальную группу, они пересекаются между собой, и в условиях возрастающей мобильности их разноречивые знания обеспечивают новые возможности выбора и интерпретации.

Преодолению этого хаоса служат новые публичные пространства (периодическая печать, национальная литература, система образования), которые проводят отбор и обеспечивают распространение знаний, однако этот процесс сопровождается внутренней конкуренцией, а его результаты амбивалентны. Разумеется, вовлеченность общества в производство и сохранение знаний не одинакова, поскольку элитарные группы занимают в публичном пространстве привилегированное и доминирующее положение. Тем не менее, оно может быть подвергнуто ревизии со стороны «новых элит». Анализ тех или иных сообщений о Другом в этой связи следует рассматривать, помимо прочего, в контексте коммуникативной ситуации (в качестве полярных случаев приведем публичную манифестацию и частное сообщение, с неизбежностью ориентированное на определенного адресата). Поэтому один и тот же наблюдатель может быть автором чем-то отличающихся или совершенно разных «свидетельств» об одном и том же предмете.

Возвращаясь к предложенному Йовановичем различению трех дискурсов в описании отношений двух стран, можно предположить, что различия между ними определяются не только углом «национальных интересов», но и спецификой социальной и культурной динамики, поскольку и сами «национальные интересы» могут определяться различно, иногда – полярно. Более того, некоторые авторы могут исходить из интересов, вынесенных за пределы национального поля (общеконфессиональных, общеклассовых, общеславянских, общечеловеческих и т.д.).

Таким образом, какая-то часть сообщений, с которыми имеет дело исследователь, является на самом деле частью более общих, не только двусторонних отношений. В частности, и здесь я перехожу к собственному исследовательскому замыслу: ознакомление русских с сербами в первой половине XIX века было частью «открытия» балканских славян, формирования, а затем – в пореформенный период – и широкого распространения представлений о них как о «братских народах». Со-

гласно классификации Йовановича, в центре моего внимания находилась «русский дискурс» или же вектор восприятия, направленный из России. Но этот вектор охватывает более широкий регион и целую группу народов. В итоге, интерес к балканским славянам был увязан с выработкой русской национальной идентичности накануне реформы 1861 г.

Этот сложный процесс определялся множеством факторов внутреннего и внешнего порядка. В суженных цензурой рамках публичной дискуссии он обретал порой неадекватные формы, но, так или иначе, тяготел к обсуждению «особого пути», характерному для обществ, вступивших на путь модернизации²⁶. Разработка этой темы шла параллельно строительству культурной инфраструктуры, во главе которого стояло государство. Поэтому так часто смешивались роли и жанры.

***Между литературой и службой:
жанровые проекции знаний о балканских славянах***

Записки путешественников, как часто подчеркивается в аналитической литературе, представляют собой пестрый конгломерат текстов со столь же пестрым набором авторов. Так исследователь сентименталистской формации русских травелогов Андреас Шёнле замечает, что современники не делали особых различий между текстами писателей и поэтов, с одной стороны, и отчетами офицеров, с другой: «В журналах того времени сообщения военных рецензировались чаще, чем чисто литературные произведения, и оценивались их стилистические достоинства»²⁷. Шёнле справедливо связывает это обстоятельство с тем, что автономия литературы как культурного института в России запаздывала, а это способствовало «приданию литературе всевозможных установок – эстетических, сакральных, социальных, политических и философских...»²⁸. Но то же можно сказать и о других культурных институтах, находящихся в процессе становления, в частности, об университетской науке (например, в связи с появлением славяноведения в ее кафедральной структуре в середине 1830-х). В свою очередь, язык внутриведомственной переписки дипломатов, чья институция претерпела недавнюю трансформацию, постепенно русифицировался, ориентируясь на меняющуюся и дифференцирующуюся в жанровом измерении литературную норму. При всех оговорках о недифференцированной «словесности» того периода, Шёнле все же считал возможным «...выработать широкий, хотя и не вполне отчетливый, критерий разделения травелогов на литературные и нелитературные, основанный не столько на доле прагматической информации в тексте или на его предполагаемой “реальности», сколько на связи с литературной традицией. <...> Чем

---

²⁶ «Особый путь». 2018.

²⁷ Шёнле 2004. С. 10.

²⁸ Шёнле 2004. С. 17.

сильнее интертекстуальные связи, тем больше вымышленного, а, следовательно, литературного». И хотя с этим критерием можно, в целом, согласиться, труднее принять последующее обобщающее суждение, отделяющее путешествие как литературный жанр от «...отчетов военных, ученых и паломников, которые или не знали о существовании литературных прототипов, или не интересовались ими»²⁹.

Такое обобщение не находит подтверждения за пределами того узкого круга широко известных и признанных литературных источников, на которые опирался автор: Радищев и Карамзин, Батюшков и Бестужев-Марлинский, Пушкин и Сенковский... Рассмотрение более широкого корпуса текстов, как опубликованных вскоре после «фактического» путешествия, так и ставших известными позднее (в синхронной записи или переработанных), а также оставшихся в архивах, корректирует границы литературности. Здесь, по-видимому, следует в первую очередь иметь в виду уровень публичности, которую допускал сам автор в отношении создаваемых им текстов. Однако и этот диапазон, как будет показано ниже, мог иметь изменчивый, вариативный характер. Кроме того, поскольку интеллектуальные практики в России первой половины XIX в. были еще слабо дифференцированы, часто встречалась множественная специализация авторов, что определяло полифункциональность их текстов. Проиллюстрирую сказанное несколькими примерами.

Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский отправился в Сербию весной 1808 г. с официальной оказией – доставить миро для местной церкви. Просьба белградского митрополита Леонтия прошла через церковные инстанции к канцлеру Н.П. Румянцеву, а он попросил близкого ему по кругу антикваров управляющего московским архивом коллегии иностранных дел подыскать для этого подходящего человека – им стал его 20-летний сын³⁰. Поездка являлась полуофициальной, и отчасти будущего историка, еще не вполне утвердившегося в карьерном пути, привлекала экзотика и литературная мода. Вышедшая в 1810 г. под инициалами Д.Б.К. книга «Путешествие в Молдавию, Валахию и Сербию» была первым подобным региональным опытом. Важно, что результат поездки стал быстрым достоянием читающей публики, когда восстание сербов еще продолжалось, а Россия находилась недалеко от столкновения 1812 г. Книга сознательно ориентирована на литературные образцы (Стерна и Карамзина), поскольку составлена из стилизованных писем приятелю. Она содержит типичные сентиментальные сцены, элементы иронии и чувствительную интроспекцию, хотя уровень литературной игры здесь не слишком высок или даже откровенно эпигонский. Несмотря на невысокий уровень мастерства, «Путешествие...» находилось

²⁹ Шёнле 2004. С. 12.

³⁰ Грачев 1997. С. 166–167. Открытие «братьев-славян». 2018. С. 98.

в библиотеке Пушкина, а упоминаемые там сведения стали источником некоторых его текстов. В свою очередь характер этих сведений вызвал протест апологетов династии Карагеоргиевичей в Сербии середины XIX века, и затем это неприятно воспроизводилось в историографии.

Возьмем другой, по времени близкий первому и хорошо известный пример – путешествие А.С. Кайсарова и А.И. Тургенева по славянским землям в 1804 г.; их письма и дневники не предназначались для печати и были опубликованы спустя столетие В.М. Истриным в «Архиве братьев Тургеневых». Какие-то литературные записи Тургенева из этой поездки еще лежат как неописанный материал в Пушкинском доме. Кайсаров и Тургенев, такие же молодые люди на тот момент, как и Бантыш-Каменский, тем не менее, обладали гораздо большей литературной компетенцией. С 1801 г. они были участниками «Дружеского литературного общества» – круга амбициозных и столь же молодых реформаторов русской словесности, продолжателей и оппонентов Карамзина. Тургенев затем совмещал амплуа чиновника, литератора и историка-архивиста. А Кайсаров выбрал ученое поприще, что было еще не типично для дворянина. В 1812 г. он стал военным пропагандистом, а в следующем – погиб армейским партизаном³¹.

В случае Тургенева мы имеем два образца переписки: письма родителям и письма близкому другу, почти ровеснику, К.Я. Булгакову. И те, и другие несут в себе элемент литературности, но письма Булгакову содержат больший игровой элемент. В письмах родителям шуточный тон тоже, порой, присутствует, но более сдержан, чаще заменяется торжественными выражениями. В неоклассическом духе Тургенев называет восставших сербов «славяно-спартанцами» и скрывает от родителей посещение Белграда, о котором рассказывает Булгакову. Сербы именуются «черепочками»: это игровое слово, используемое в регистре дружеского письма, как особого литературного жанра пушкинской эпохи. Оно маркирует, скорее, автоиронию, нежели пренебрежение по отношению к балканским славянам. Литератору следовало подсмеиваться над своим интересом к «древностям» и над учеными занятиями. В письмах Тургенева можно найти (передаваемые как неавторизованные информационные сообщения) голоса двух конкурирующих духовных вождей: карловацкого митрополита С. Стратимировича и белградского митрополита Леонтия. Тургенев понимал противоречие между этими сообщениями, и ему, в конце одного письма, приходится себя поправлять.

Кайсаров на протяжении поездки вел путевой дневник, в основном выдержанный в деловом тоне: там присутствует интерес к местной агрикультуре, поземельным отношениям, специфике Военной границы, эпидемиям, монастырским обычаям, религиозной политике и т.д. Од-

³¹ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 7–25.

нако из ряда констатирующих записей с редкими оценочными замечаниями выделяется фрагмент о посещении Белграда, где царствует ирония, игровые намеки и романтические ужасы. Сгущенная литературность этого фрагмента маскирует смущение автора от турецкого берега, где высокий слог неоклассицизма оказался неуместным.

Мы располагаем и более поздней перепиской Кайсарова с митрополитом Стратимировичем и деятелями его национально-просветительского круга (в конце XIX в. ее опубликовал И.В. Ягич) и предисловием к «Сравнительному словарю славянских наречий». Кайсаров работал над ним после поездки и в тексте отразились воспоминания о ней³². Предисловие имеет вид публичного манифеста в духе «славянской взаимности», но стилистически это гибридный текст, где преобладает неоклассицизм. И в частной переписке со славянами, и в этом декларирующем предисловии автор пишет о «славянском братстве», опережая интеллектуальную моду почти на полстолетия. Его личная «славянская» идентичность, очевидно, имеет заимствованный (у Стратимировича и его круга) характер, но столь же очевидно, что ее принятию способствовали ранние поиски «народности» и гражданский романтизм преддекабристского типа, которые Ю.М. Лотман обнаружил в деятельности «Дружеского литературного общества».

Обратимся теперь к текстам офицеров и дипломатов. «Записки морского офицера», принадлежавшие перу В.Б. Броневского, создавались после бурных 1812–1815 гг. и под их впечатлением. При этом главное содержание повествования – Средиземноморская экспедиция под предводительством Д.Н. Сенявина в 1805–1807 гг. События и текст разделяет около 10 лет, следовательно, мы имеем дело со сравнительно ранними воспоминаниями, спровоцированными патриотическим подъемом и модой на военные и морские приключения³³. Броневский очевидным образом учитывал ожидания публики, а борьба за ее интерес привела к любопытному конфликту с обвинениями в плагиате между ним и другим мемуаристом со сложившейся и весьма скандальной литературной репутацией П.П. Свиныным³⁴. Во время Средиземноморской экспедиции он выступал в качестве дипломата, а в послевоенную эпоху стал предприимчивым издателем «Отечественных записок», где эксплуатировался патриотический спрос. При всей своей литературной неряшливости и неразборчивости Свинын, в сравнении с Броневским, все-таки был более опытным литератором и журналистом. Броневский более сентиментален, соблазняет читателя романтическими красотами

³² Рукопись А. Кайсарова... 1958.

³³ Белов 2018. С. 9–10.

³⁴ Куприянов 2004. № 1. С. 60–62. 2005. № 1. С. 68–71. Открытие «братьев-славян». 2018. С. 49–53, 65–73.

морской стихии (особенно в 1-й части «Записок»), а темп повествования, за счет длинных вставных статистических описаний, сбивается. Один из таких «внутренних» текстов о Черногории и Боке Которской вообще был передан Броневскому С.И. Мразовичем, на что в книге не указывалось, а это давало козырь Свиныну в спорах о нечистоплотности. Броневский элегантно избегает высказывания открытой симпатии к местным жителям, а некоторые из нравов черногорцев его явно шокировали. В его книге упоминается «славянское братство», но эта характеристика всегда исходит из чужих уст. В свою очередь Свинын умело пользовался романтической иронией, чтобы нейтрализовать рассказ о жестокостях и нелепых военных обычаях черногорцев.

Иной подход можно найти в «журнале» генерал-майора В.В. Вяземского, командовавшего в июне 1806 г. осадой Дубровника³⁵. Вроде бы Вяземский делал записи только для себя, они совсем не изысканны и даже архаичны по стилю. С другой стороны, автор очень старательно работал с «журналом», очевидно, перебелил записи, возможно, в расчете на потомков: он вообще был обижен на судьбу, считал свои таланты недооцененными, что провоцировало конфликты с начальством и, в частности, с Сенявиным. «Журнал» мог быть его оправданием перед историей. Черногорцы представлены здесь в самых черных красках. Но для большинства свидетельств эпохи характерна модель «благородного дикаря». На тексты дипломатов (особенно на донесения С.А. Санковского из Черногории³⁶) воздействовали ставшие штампом надежды на прекрасное будущее людей природы, какими рисовались черногорцы, если только они заимствуют достижения цивилизации и сумеют избежать ее болезней. Это прочитывается в депешах с Балкан и в середине века: у Я.Н. Озерецковского, Е.П. Ковалевского, Н.Д. Ступина.

Хотя для дипломатической переписки предписан, по ожиданию, деловой стиль, вышеперечисленные чиновники допускали в ней значительную долю литературности. Тому был ряд причин. Во-первых, известные им приемы литературного травелога смешивались с аморфной формой статистического описания и включались в официальные отчеты, поскольку высокие чиновники ведомства, постоянно требовали точных данных о народах, населяющих Балканский полуостров. Мир полудикарей виделся бесконечно удивительным из петербургских кабинетов, и жажда знаний о нем не иссякала вплоть до Крымской войны. Во-вторых, и сами чиновники имели литературные амбиции, и некоторые из них, например, Ковалевский стяжали славу писателя. Его книга «Четыре месяца в Черногории» (1841), написанная по материалам поездки, состоявшейся тремя годами ранее – автор впервые отправился туда в качестве

³⁵ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 54–64.

³⁶ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 26–48.

геолога-разведчика, – стала образцом для подражаний. Эта миссия одновременно дала старт дипломатической карьере Ковалевского (одно время при А.М. Горчакове он даже начальствовал над азиатским департаментом МИДа), и открыла талант блестящего литературного путешественника. Другой пример – И.П. Липранди, претендовавший на множество нечиновных ролей: разведчика и диверсанта, военного этнолога, ориенталиста-эрудита, журналиста, литератора. Хотя как писатель он был не слишком искушен, по наитию ему удалось создать неподражаемый гибридный жанр, где мешались эксклюзивная доверительность воспоминаний (из переработанного дневника) и квазинаучный подход³⁷.

Первое поколение университетских славистов, отправившихся в ученые путешествия в конце 1830-х – середине 1840-х гг. на казенный счет, по сути, являлись, командированными чиновниками и писали в Министерство народного просвещения бюрократически выхолощенные отчеты о своей заграничной деятельности, которые публиковались в его официальном органе. Но некоторые из них вели более личные дневники (О.М. Бодянский и В.И. Григорович), писали отмеченные литературным озорством письма приятелям и родным (П.И. Прейс и И.И. Срезневский) и публиковали параллельные корреспонденции в журналах или готовили литературные зарисовки про запас.

То же можно сказать и о неофициальных поездках «молодых славянофилов», чьи длинные корреспонденции (В.А. Панов, В.А. Елагин), очевидно, предназначались для чтения в кругу друзей и знакомых, т.е. имели в виду «малую публичность», которая могла рассматриваться как трамплин для широкой публикации. Дневник Ф.В. Чижова был для него и средством глубокой интроспекции, и полигоном отработки публицистических приемов³⁸. В пореформенный период дневник использовался автором для составления журнальных текстов. В подобных сочинениях, написанных «для себя» и «для своих», восторжествовал «братский» дискурс по отношению к балканским славянам, а прежние стереотипы (ориентальные или дикарско-варварские) были подавлены.

Сочетание жанровой интимности с публицистическими элементами в путевых заметках славянофилов явилось важной предпосылкой для широкой проекции «славянского братства» в раскрывшееся публичное пространство пореформенного периода, когда социальные перемены диктовали спрос на новые идентичности. «Братский» дискурс, быстро превращавшийся в политическую мифологию, оказывался и фундаментом, и фигурой преодоления в более изощренных суждениях русских экспертов конца XIX в., которые сочетали искреннюю симпатию к балканским славянам с критическим анализом увиденного и поэтому смог-

³⁷ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 581–588; Белов 2012.

³⁸ Открытие «братьев-славян». 2018. С. 588–604; Белов 2017.

ли стать надежной опорой для исследований А.Л. Шемякина. Разные фокусы публичности в сообщениях и присущие им жанры позволяют понять реальные противоречия и действительную эволюцию во взглядах путешественников, отраженную в дискурсивных выборах, сдвигах или совмещениях, и равным образом оценить информационный потенциал и предметную релевантность подобных свидетельств.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Белов М.В. «Служебное» славяноведение в России первой половины XIX века // Славяноведение. 2012. № 4. С. 53–68.
- Белов М.В. «Молодые славянофильы» на пути к «славянскому братству»: Балканские путешествия 1840-х гг. // Славяноведение. 2017. № 2. С. 96–112.
- Белов М.В. Риторика «морского братства» и образ Д. Н. Сенявина в мемуарах и дневниках участников Средиземноморской экспедиции начала XIX века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 6. С. 9–15.
- Грачев В.П. Православная церковь и первое сербское восстание 1804–1813 гг. // Церковь в истории славянских народов. М., 1997. С. 161–175.
- Јовановић М. Србија и Русија 1804–1878: политика, традиција, перцепција (оквири тумачења и контекстуализације) // Москва – Сербия, Белград – Россия. Т. II. Белград–М., 2011. С. 14–38.
- Јовановић М. Срби и Руси. 12–21. век (историја односа). Београд: Народна библиотека Србије, 2012. 254 с.
- Јованович М. Между одноплеменностью и враждой: Сербия и Россия в 1804–1878 гг. – политика, традиция и перцепция // Славянский альманах (2011). М., 2012. С. 64–85.
- Јованович М. Сербско-русские или русско-сербские связи и отношения: один, два (три) возможных дискурса и восприятия // Историки-слависты МГУ. Кн. 9. Исследования и материалы, посвященные 75-летию со дня рождения В.А. Тесемникова. М.: Изд-во Московского ун-та, 2013. С. 12–28.
- Куприянов П. Русское заграничное путешествие начала XIX века: парадоксы литературности // Историк и художник. 2004. № 1. С. 59–73. № 2. С. 74–86. 2005. № 1. С. 65–78. Москва – Сербия, Белград – Россия. Сборник документов и материалов. Т. I (XVI–XVIII вв.). Белград–М., 2009. 667 с. Т. II (1804–1878 гг.). Белград–М., 2011. 939 с. Т. III (1878–1917 гг.). М.–Белград, 2012. 702 с. Т. IV. (1917–1945 гг.). М.–Белград, 2017. 1006 с.
- «Особый путь»: От идеологии к методу. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 488 с.
- Открытие «братьев-славян»: русские путешественники на Балканах в первой половине XIX века / Составление, предисловие, биографические справки, комментарии и заключительная статья М.В. Белова. СПб.: Нестор-История, 2018. 672 с.
- Радовић С. Сликe Европе: Истраживање представа о Европе и Србији на почетку XXI века. Београд: САНУ, 2009. 173 с.
- Рукопись А. Кайсарова «Сравнительный словарь славянских наречий» / Вступ. ст. и публ. Ю.М. Лотмана // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1958. Вып. 65. С. 191–203.
- Русские о Сербии и сербах. Т. I. Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина. СПб.: Алетей, 2006. 684 с. Т. II (архивные свидетельства). М.: Индрик, 2014. 632 с.
- Силкин А.А. Памяти Андрея Леонидовича Шемякина // Славяноведение. 2018. № 5. С. 112–117.
- Срби о Русији и Русима. Од Елизавете Петровне до Владимира Путина (1750–2010): антологија / Приредио М. Јовановић. Београд: ПБФ ИТИ, 2011. 858 с.
- Шемякин А.Л. Генерал М.Г. Черняев и Сербская война // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. II. М., 2006а. С. 199–217.
- Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб.: 2006б. 160 с.
- Шемякин А.Л. Русские очевидцы о специфике политического процесса в независимой Сербии // Человек на Балканах глазами русских. СПб.: Алетей, 2011. С. 66–94.

- Шемякин А.Л. М.Г. Черняев и Сербия // Величие и язвы Российской империи: Международный научный сборник к 50-летию О.Р. Айрапетова / Сост. В.Б. Каширин. М.: Изд. дом «Регнум», 2012а. С. 187–200.
- Шемякин А.Л. Сербь о русских – «от России до России» // Славянский мир в третьем тысячелетии. Образ России в славянских странах. М. 2012б. С. 455–458.
- Шемјакин А. Срби о Русима – «од Русије до Русије» // Руски алманах. Бр. 18. Београд, 2013. С. 178–181.
- Шемякин А.Л. Русские темы Мирослава Йовановича (1962–2014) // Славяноведение. 2015. № 1. С. 82–86.
- Шенк Ф.Б. Ментальные карты: Конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней: Обзор литературы // Новое литературное обозрение. № 52. 2001. С. 42–61.
- Шёнле А. Подлинность и вымысел в авторском самосознании русской литературы путешествий. 1790-1840. СПб.: Академический проект, 2004. 272 с.
- Jovanović M. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XXI veka. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 11–17.

REFERENCES

- Belov M.V. «Sluzhebnoe» slavyanovedenie v Rossii pervoj poloviny XIX veka // Slavyanovedenie. 2012. № 4. S. 53–68.
- Belov M.V. «Molodye slavyanofily» na puti k «slavyanskomu bratstvu»: Balkanskie puteshhestviya 1840-h gg. // Slavyanovedenie. 2017. № 2. S. 96–112.
- Belov M.V. Ritorika «morskogo bratstva» i obraz D. N. Senyavina v memuarah i dnevnikh uchastnikov Sredizemnomorskoj ekspedicii nachala XIX veka // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. 2018. № 6. S. 9–15.
- Grachev V.P. Pravoslavnyaya cerkov' i pervoe serbskoe vosstanie 1804–1813 gg. // Cerkov' v istorii slavyanskih narodov. M., 1997. S. 161–175.
- Jovanovich M. Srbija i Rusija 1804–1878: politika, tradicija, percepcija (okviri tumachenja i kontekstualizacije) // Moskva – Serbiya, Belgrad – Rossiya. T. II. Belgrad–M., 2011. S. 14–38.
- Jovanovich M. Srbi i Rusi. 12–21. vek (istorija odnosa). Beograd: Narodna biblioteka Srbije, 2012. 254 s.
- Jovanovich M. Mezhdru odnoplemennost'yu i vrazhdoy: Serbiya i Rossiya v 1804–1878 gg. – politika, tradicija i percepcija // Slavyanskij al'manah (2011). M., 2012. S. 64–85.
- Jovanovich M. Serbsko-russkie ili russko-serbskie svyazi i otnosheniya: odin, dva (tri) vozmozhnyh diskursa i vospriyatija // Istoriki-slavisty MGU. Kn. 9. Issledovaniya i materialy, posvyashchennye 75-letiyu so dnya rozhdeniya V.A. Tesemni-kova. M.: Izd-vo Moskovskogo un-ta, 2013. S. 12–28.
- Kupriyanov P. Russkoe zagranichnoe puteshestvie nachala XIX veka: paradoksy litera-turnosti // Istorik i hudozhnik. 2004. № 1. S. 59–73. № 2. S. 74–86. 2005. № 1. S. 65–78.
- Moskva – Serbiya, Belgrad – Rossiya. Sbornik dokumentov i materialov. T. I (XVI–XVIII vv.). Belgrad–M., 2009. 667 s. T. II (1804–1878 gg.). Belgrad–M., 2011. 939 s. T. III (1878–1917 gg.). M.–Belgrad, 2012. 702 s. T. IV. (1917–1945 gg.). M.–Belgrad, 2017. 1006 s.
- «Osobyj put'»: Ot ideologii k metodu. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2018. 488 s.
- Otkrytie «brat'ev-slavyan»: russkie puteshhestvenniki na Balkanah v pervoj polovine XIX veka / Sostavlenie, predislovie, biograficheskie spravki, kommentarii i zaklyuchitel'naya stat'ya M.V. Belova. SPb.: Nestor-Istorija, 2018. 672 s.
- Radovich S. Slike Evrope: Istrazhivanye predstava o Evrope i Srbiji na pochetku XXI veka. Beograd: SANU, 2009. 173 s.
- Rukopis' A. Kajsarova «Sravnitel'nyj slovar' slavyanskih narechij» / Vstup. st. i publ. YU.M. Lotmana // Uchen. zap. Tart. gos. un-ta. 1958. Vyp. 65. S. 191–203.
- Russkie o Serbii i serbah. T. I. Pis'ma, stat'i, memuary / Sost., vstup. st., zakl. A.L. SHemyakina; komm. A.A. Silkina, A.L. SHemyakin. SPb.: Aletejya, 2006. 684 s. T. II (arhivnye svidetel'stva). M.: Indrik, 2014. 632 s.
- Silkin A.A. Pamyati Andreya Leonidovicha SHemyakina // Slavyanovedenie. 2018. № 5. S. 112–117.

- Srbi o Rusiji i Rusima. Od Elizavete Petrovne do Vladimira Putina (1750-2010): antologija / Priredio M. Jovanovich. Beograd: PBF ITI, 2011. 858 s.
- SHemyakin A.L. General M.G. CHernyaev i Serbskaya vojna // Russkij sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii. T. II. M., 2006a. S. 199–217.
- SHemyakin A.L. Smert' grafa Vronskogo. Izd. 2-e, ispr. i dop. SPb.: 2006b. 160 s.
- SHemyakin A.L. Russkie ochevidcy o specifikе politicheskogo processa v nezavisimoy Serbii // CHElovek na Balkanah glazami russkih. SPb.: Aletejya, 2011. S. 66–94.
- SHemyakin A.L. M.G. CHernyaev i Serbiya // Velichie i yazvy Rossijskoj imperii: Mezhdunarodnyj nauchnyj sbornik k 50-letiyu O.R. Ajrapetova / Sostavitel' V.B. Kashirin. M.: Izdatel'skij dom «Regnum», 2012a. S. 187–200.
- SHemyakin A.L. Serby o russkih – «ot Rossii do Rossii» // Slavyanskij mir v tret'em tysyacheletii. Obraz Rossii v slavyanskikh stranah. M. 2012b. S. 455–458.
- SHemjakin A. Srbi o Rusima – «od Rusije do Rusije» // Ruski almanah. Br. 18. Beograd, 2013. S. 178–181.
- SHemyakin A.L. Russkie temy Miroslava Jovanovicha (1962–2014) // Slavyanovedenie. 2015. № 1. S. 82–86.
- SHenk F.B. Mental'nye karty: Konstruirovanie geograficheskogo prostranstva v Evrope ot epohi Prosveshcheniya do nashih dnei: Obzor literatury // Novoe literaturnoe obozrenie. № 52. 2001. S. 42–61.
- SHyonle A. Podlinnost' i vymysel v avtorskom samosoznanii russkoj literatury puteshestvij. 1790-1840. SPb.: Akademicheskij proekt, 2004. 272 s.
- Jovanović M. Dve Rusije: o dva dominantna diskursa Rusije u srpskoj javnosti // Odnosi Srbije i Rusije na početku XXI veka. Zbornik radova. Beograd, 2010. S. 11–17.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой Новой и новейшей истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; belov_mihail@mail.ru

Russians and Serbs in mutual representations Methodological notes to research project

The survey of mutual representations of Russians and Serbs, which was inspired by A.L. Shemyakin (1960–2018) and M. Jovanovic (1962–2014) has revealed a wide range of possibilities in studying the topic. The methodological shades of imagology are determined by the cognitive priorities and, at the same time, also by the informational potential of the evidence with which the historian deals. These mutual representations are multi-layered and dynamic in nature so they require an adequate theoretical model, and the article is devoted to separate aspects of this model.

Keywords: mutual representations, Russian-Serbian relations, imagology, travelogues, A.L. Shemyakin, M. Jovanovic

Michael V. Belov, Ph.D., the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod; belov_mihail@mail.ru

О. С. НАГОРНАЯ, Т. В. РАЕВА

ИСКУССТВО “СОЧЕТАТЬ” К. А. ФЕДИНА: ЛИЧНЫЙ ОПЫТ СОВЕТСКОГО ПОСЛА КУЛЬТУРНОЙ ДИПЛОМАТИИ¹

На основе дневников К. Федина выявлена специфика символической коммуникации периода Холодной войны, приемы вовлечения деятелей культуры в систему внешнеполитических репрезентаций, пространства принуждения и свободы акторов. Портретный ряд послевоенных деятелей советской культурной дипломатии позволил выделить линии преемственности и разрыва с предыдущей эпохой, когда главными репрезентантами советской международной политики в области культуры оставались сталинские писатели. Их международный авторитет использовался для позиционирования СССР в роли миротворца, смягчения конфликтного образа внешнеполитического курса социалистического лагеря в глазах зарубежной общественности.

Ключевые слова: культурная дипломатия, внешнеполитические репрезентации СССР, советские писатели, Константин Федин, европейская культура XX века

В настоящее время Константин Александрович Федин не входит в ту когорту советских писателей, которая привлекает внимание широкой аудитории: его произведения не включены в школьную программу и редко переиздаются. Личность и творчество Федина интересуют в основном профессионалов: литературоведов, биографов, музееведов. Историки обращаются к этой фигуре при изучении личных и институциональных аспектов управления культурной политикой: долгие годы Федин являлся руководителем Московской писательской организации и почти два десятилетия первым секретарем (1959–1971) и председателем правления Союза писателей СССР (1971–1977)². В центре изучения оказываются прежде всего довоенный и военный периоды жизни Федина, когда формировался его литературный стиль, появились наиболее значимые произведения. Послевоенный этап, внешне благополучный, отмеченный почетными званиями и высокими должностями, причислением к ряду живых классиков советской литературы, но скудный в творческом отношении, конформный, рассматривается обычно из перспективы участия Федина в политических кампаниях против Б. Пастернака, А. Солженицына и др. Вклад писателя во внешнеполитические репрезентации СССР на международной арене в период Холодной войны изучен, напротив, слабо: упоминаются лишь его контакты в зарубежной писательской среде либо оценивается влияние европейской культурной традиции на его творчество³.

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФ (проект №16-18-10213).

² Колобов 2016.

³ Брайнина 1983.

Между тем, фигура Федина довольно заметна в советском культурно-дипломатическом ландшафте. В послевоенный период он оказался тесно вплетен в ткань международной коммуникации СССР, являясь членом Президиума Советского комитета защиты мира (СКЗМ), председателем Общества советско-германской дружбы (с 1957 г.), участником многочисленных встреч с иностранными литераторами и читателями. Этот опыт, от первого лица раскрывающий стратегии актора советской культурной дипломатии, его чувства, мысли, восприятие лозунгов, запечатлелся в дневниках писателя, которые хранятся в его личном фонде в Российском государственном архиве литературы и искусства. Федин вел записи в течение почти всей жизни, считая, что настоящая биография художника должна быть не описанием фактов его бытия, но объяснением того, как поняты им эти факты⁴. Некоторым зарубежным поездкам Федин посвящал отдельные дневниковые тетради, подробно описывая этапы их подготовки, свои отношения с советскими и иностранными органами, курирующими культурные связи, личные впечатления от путешествий. Аналитическая информативность источника данного типа возрастает вследствие продолжительности деятельности Федина в культурно-дипломатической сфере – на его век приходится смена трех ключевых периодов развития системы внешнеполитических репрезентаций СССР: ожидания перемен эпохи позднего сталинизма, хрущевского культурного наступления и последующего периода экстенсивного развития⁵. Помещение эго-документов в более широкие социокультурные контексты дает возможность проанализировать особенности символической коммуникации периода Холодной войны и выявить пространства свободы «полпредов без мандата». Такая исследовательская перспектива позволяет внести вклад в актуальные дискуссии о логике и эффективности культурной дипломатии СССР⁶, государственно-частном партнерстве в международных отношениях эпохи биполярного противостояния⁷, транснациональных сетях интеллектуального сообщества⁸.

*«Право же – никогда не соблазнялся дипломатической работой!»
Сталинские писатели в котлете послов советской культуры*

С началом Холодной войны Советский Союз приступил к поиску новых инструментов духовной мобилизации собственных граждан и зарубежной общественности, линия идеологического фронта пролегла сквозь творческое и научное сообщество. Опираясь на авторитет освободителя человечества от фашизма, доказавшего превосходство своей идеологической системы победой в войне и быстрым восстановлением

---

⁴ Федин 1959.

⁵ См.: Советская культурная дипломатия...

⁶ Gould-Davies 2003; David-Fox 2015.

⁷ Hollander 1981; Nagornaia, Nikonova 2018.

⁸ Metger 2016; Попов 2016.

хозяйства, советская система культурной дипломатии пыталась завоевать симпатии иностранной аудитории, расширить круг «симпатизантов СССР» с маргинальной группы левых интеллектуалов до широкой международной общности. В традициях межвоенного сталинизма медиаторами советских внешнеполитических репрезентаций в этот период оставались писатели, обладавшие значительным символическим капиталом – авторитетом, известностью, широкими контактами в зарубежной среде. Они могли обеспечить успешное исполнение «дипломатического спектакля» на внешней и внутренней сцене благодаря мастерству публичного выступления, политической компетентности, дисциплинированности, которую обеспечивала система отбора и постоянной духовной мобилизации вовлеченных. Культурные дипломаты первой послевоенной волны совмещали множество международных публичных позиций: так, И. Эренбург являлся одновременно членом президиума Всемирного совета мира, комитета Международных премий мира, председателем советско-французского общества дружбы и т.д.⁹; А. Корнейчук, А. Фадеев – членами президиума Всемирного совета мира.

Константин Федин был вовлечен в культурно-дипломатическую работу в 1949 г.. Для партийных кураторов выбор его в качестве участника международной коммуникации обуславливался, вероятно, рядом причин, которые сглаживали возможные риски, связанные с не вполне канонической для советского писателя биографией (в ней отсутствовали участие в революционной борьбе и «большевистский стаж»), а также подозрениями в идеологических уклонах и шпионаже в пользу Германии¹⁰. Решающее значение для этого выбора имела демонстрируемая Фединым лояльность как результирующая его личных качеств: веры в социалистическую идею, гибкости его характера¹¹, ощущения бессилия перед системой, а также трагического опыта столкновения с властными механизмами сталинизма в сфере литературы. Длительная работа в роли журналиста и редактора в довоенный период позволила ему овладеть официальной риторикой, четко усвоить пределы допустимого в публичном самовыражении и придерживаться их под воздействием не только внешнего принуждения, но и самоцензуры. Анализируя в дневнике дух «советского времени» и новое положение литературы, где возможность творчества существовала, если писатель безоговорочно подчинялся идеологии и «вождям» пролетарского искусства¹², Федин, внутренне отторгая такой порядок, приходил к его оправданию и примирению с действительностью. «Мы обязаны связать себя с нашим временем, ибо иначе мы обречены на бесплодие. Даже тогда, когда мы ви-

---

⁹ Нагорная 2015.

¹⁰ Власть и художественная интеллигенция. С. 494.

¹¹ Окланский. Уроки с репетитором...

¹² Цит. по: Кабанова 2015. С. 244-245.

дим заблуждения эпохи, мы – писатели – обязаны разделять эти заблуждения»¹³, – обосновывал он свою конформистскую позицию.

Тяжелые годы, пережитые Фединым в середине 1940-х, когда разгромной критике подверглось написанное с любовью к литературному учителю произведение «Горький среди нас» и нависла опасность политического процесса по обвинению в шпионаже, сделали его еще более податливым, осторожным и «удобным» для власти, в т.ч. в роли «посла» культурной дипломатии. Работа в качестве специального корреспондента газеты «Известия» на Нюрнбергском процессе (1945 – февраль 1946 г.) подтвердила перспективность его использования за границей. Присуждение в 1949 г. звания лауреата Сталинской премии первой степени за романы «Первые радости» (1945) и «Необыкновенное лето» (1947–1948), прославлявшие вождя, стало символическим знаком прощения и включения в когорту ведущих советских писателей.

Федин также обладал набором значимых качеств, необходимых для выполнения возложенных функций. Опыт длительного пребывания в Европе позволял ему чувствовать себя относительно спокойно и уверенно в новой роли: как свидетельствует сам писатель, он не испытывал удивления новичка перед «ихней» жизнью, а, возвращаясь домой, не поражался разницей¹⁴. Федин прекрасно владел немецким языком и мог поддержать привычный для западной творческой интеллигенции стиль общения, расположить к себе иностранную аудиторию. Такие навыки у (не)официальных послов советской культурной дипломатии встречались довольно редко: во время поездок за границу в конце 1940-х–1950-е гг. Федин зачастую был единственным представителем СССР, говорившим по-немецки¹⁵. Кроме того, он был известен за рубежом. Еще до войны, при содействии Горького, он познакомился с И. Бехером, Л. Фейхтвангером, Л. Франком, Л. Арагоном и другими представителями европейского литературного бомонда. Его произведения, в которых большое внимание уделялось теме западноевропейской современности, вызывали интерес определенного круга иностранных читателей. Возможно, некоторое значение для кураторов культурной дипломатии СССР имела способность Федина держать себя: его представительная внешность, интеллигентность, умение расположить собеседника, прекрасно модулирующий голос (наследие актерского прошлого) выгодно представляли культурного советского человека.

Совокупность личных и профессиональных качеств, приемлемых для партийно-государственных руководителей, обеспечила включение Федина в пул неофициальных послов. Его позиционировали как глубо-

---

¹³ Цит. по: Фрезинский 2003.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 25. Л. 49–50.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 108об., 112; Д. 18. Л. 9об.–10.

кого знатока европейской культуры, требуя участия чуть ли не в каждом советском мероприятии, связанном с Западной Европой¹⁶. Для многочисленных культурно-дипломатических институций: Всесоюзного общества культурных связей с заграницей (далее – ВОКС), СКЗМ, Иностранной комиссии Союза писателей и даже Комитета советских женщин – он стал одной из центральных презентационных фигур внутри страны и за рубежом. Конференции (конгрессы, съезды) международных организаций, встречи с зарубежными представителями, участие в праздничных мероприятиях (неделях, месячниках дружбы), выступления в зарубежных и советских СМИ по международным вопросам превратились Федина в общественно-политическую «нагрузку». Культурно-дипломатическая миссия пронизывала даже частные пространства – лечение за границей, домашнюю и дачную жизнь.

Согласие самого Федина на участие в этих мероприятиях зачастую не требовалось: его назначала Инстанция или соответствующая организация международной культурной связи, опирающаяся на авторитет Политбюро ЦК КПСС. Если речь шла о поездках заграницу, на решение могло влиять мнение советских послов и иностранных контрагентов, которые в своих обращениях указывали на подходящего советского представителя¹⁷. Одна из типичных записей в дневнике иллюстрирует подневольность писателя в категориях долженствования и неизбежности: «Сегодня был в ВОКСе, уклониться от поездки невозможно. Через три дня должен выехать, вместе со всей делегацией в Румынию. [...] Телеграмма от Тихонова: 6.11 в Москве должны собраться все советские делегаты на Всемирный конгресс сторонников мира»¹⁸. Обязательность исполнения такого дипломатического «поручения» в сталинский период не только не предполагала возражения или отказа, но и полностью вытесняла личную жизнь: когда в 1952 г. во время одной из поездок серьезно заболела жена Федина, глава делегации К. Симонов два дня не доводил до него эту информацию, чтобы не отвлекать его от встречи с канцлером ФРГ¹⁹.

«Моя подпись под письмом была согласована со мной по телефону»: пространство принуждения в советской системе культурной дипломатии

Анализируя опыт взаимодействия Федина с советскими институциями, можно обозначить специфику использования ведущих писателей в рамках культурно-дипломатической деятельности в послевоенный период. Несмотря на попытки согласования мероприятий между многочисленными структурами и даже конфликты за первенство в определе-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 136–137.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 145об., 157об.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 18. Л. 9об.–10.

нии и координации отдельных направлений сотрудничества, система не смогла обеспечить долгосрочное перспективное планирование с детальной проработкой отдельных мероприятий. Ориентиром становилось представление о наличии некоего спектра приемлемых (кажущихся эффективными, политически выгодными) возможностей, которые следовало оперативно использовать при наличии благоприятной внутренней и внешней конъюнктуры. Для работы культурно-дипломатических организаций были характерны частая отмена или изменение сроков проведения мероприятий, перетасовка персонального состава делегаций, позднее информирование участников, сказывавшееся на качестве их выступлений. Подобное «управление в ручном режиме» выливалось для низовых акторов в продолжительные туры по нескольким странам (городам) с посещением множества разноплановых мероприятий и выполнением бесконечного числа сопутствующих поручений. К примеру, отправляясь в 1952 г. в поездку на конференцию по защите детей, Федин дополнительно проводил встречи в обществе дружбы, в литературных редакциях, выпускающих его произведения за границей, делал доклады в университетах, а на обратном пути осуществлял сопровождение иностранных делегатов одной из миротворческих конференций, возвращавшихся на родину через Москву²⁰.

Подобное выстраивание схемы культурно-дипломатической деятельности усложняло положение «неофициальных послов» и снижало их эффективность. Реактивный режим работы держал их в состоянии постоянной мобилизации на всех этапах: от планирования поездки до отчета о ней. Несмотря на предварительную подготовку и обязательное инструктирование делегаций в соответствующем отделе ЦК или ВОКСе, окончательную ясность относительно программы пребывания они получали от советских дипломатических работников только по прибытии к месту назначения, поэтому внесение корректив в заготовленные выступления зачастую требовали дополнительных усилий или произносимые речи ограничивались общими фразами. Судя по дневниковым записям Федина о зарубежных поездках, насыщенность графика и темп мероприятий были изнурительны: «мучительная гонка», «20 дней непрерывных встреч, едва держась на ногах», «не распоряжался собой», «нет времени на сон». Однако и после окончания поездки культурно-дипломатические обязанности членов делегаций не прекращались: они выступали с отчетами на собраниях, публиковали статьи о путешествии, транслирующие идеологически выверенный рассказ о международном положении и культурных связях СССР для внутренней аудитории. Несогласованность работы вовлеченных в советскую культурную дипломатию институций приводила к частым срывам планов и к выработке

---

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16.

уклонистских стратегий, о которых речь пойдет ниже. В 1951 г. Федин записывает: «13.09 Вдруг приезжает представитель ВОКСа и уговаривает поехать не в Чехословакию, а в Австрию... 14.09 Звонок из ВОКСа: просят оставить в силе договоренность на счет Чехословакии, – Австрия же отпадает... 30.09 ...звонок из ВОКСа. Вновь перемена: я должен все-таки направляться в Австрию! При этом в самое ближайшее время: если удастся оттянуть отъезд до 12 октября, то это счастье»²¹.

Приняв на себя полномочия актора советской культурной дипломатии, Федин оказался вовлечен в непрекращающуюся серию имиджевых мероприятий. Формализованные выступления на празднованиях, посвященных дружбе и международному сотрудничеству, публикации юбилейных статей, сводившиеся к воспроизводству официального дискурса, в основном, тяготили его. Пример Федина, а также других сталинских писателей, позволяет в некоторой степени объяснить эффект формализации международного дискурса в СССР. По возвращении из Германии, где он принимал участие в Конгрессе немецких писателей 1950 г. и получил поручение сделать тематическую статью, Федин писал: «Странно то, что сложилось мучительное убеждение, будто моя личность, мое индивидуальное отношение к вещам не нужны. Моей рукой перестала водить моя воля. [...] Я занят... боязнью, что оно (слово) может отозваться чем-нибудь отлично от резонанса на общепринятые и общераспространённые мысли. [...] Эти москитно-маленькие, но непрестанные уроки не могут не возыметь огромного по результату действия: перестаешь верить, что ты способен выражать себя самостоятельно, без подсказок, поправок, подпорок и перевязок, и обречен на превращение в механизм, управляемый всяким любителем прописей»²². Позже формализация советской культурно-дипломатической деятельности еще больше пронизывала всю систему: даже за авторитетных писателей выступления сочинялись сотрудниками ведомств. После вечера, посвященного образованию Общества советско-германской дружбы, председателем которого Федин оставался до конца жизни, он записывает: «Впервые прочитал речь, подготовленную за меня сотрудниками ВОКС. Чувствовал себя граммофоном...»²³.

Тем не менее, заключив «делку совести» с системой, Федин видел свою главную задачу в демонстрации положительного образа СССР на международной арене. Такая установка полностью соответствовала его убеждениям. Не сомневаясь в фундаментальных идеологических основаниях советского государства, он рьяно убеждал иностранную аудиторию в правильности социалистических идей. Очевидные для него недо-

²¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 91, 99.

²² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 116об.–118.

²³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 27. Л. 9об.

статки повседневной жизни в Советском Союзе и наблюдаемые материальные достижения западных стран не приводили его к выводу о превосходстве капитализма, не разрушали ценности и идеалы советского строя. Устойчивость его убеждений, как представляется, обеспечивала признание и принятие порядка, в котором советская риторика расходилась с реалиями, рационализация советской отсталости через увязывание ее с огромным дореволюционным отставанием и разрушительными последствиями Великой Отечественной войны, а также укорененное представление об агрессивности капиталистического мира и миролюбии СССР, блокировавшее доверие, симпатию и расположение к странам Запада и обеспечивающее поддержку собственного правительства.

Работа с зарубежными аудиториями, настроенными скептически и даже враждебно к СССР, провоцировала у Федина всплески ораторского вдохновения: он реагировал отрицанием любых обвинений, часто даже переходя на агрессивный тон. Воспринимая западную критику как часть политической игры против Советского Союза, Федин считал своей задачей отразить ее и не дать новых поводов для антисоветской пропаганды, особенно во время пребывания в капиталистических странах. Самоконтроль и настороженное отношение к зарубежным собеседникам, многие из которых представлялись ему шпионами, облегчали для него решение этой задачи. Жалуясь на внешнее давление и самоцензуру на страницах дневника, на публике писатель резко отвергал предположение зарубежных визави о том, что советским литераторам дают руководящие указания и лишают их творческого начала: «На встрече с профессорами Йенского университета несмелый профессор задает вопрос: пишем ли мы в СССР о чем хотим, или нам дают Richtlinien? Я становлюсь агрессивным и очень молодою. Настолько, что под конец читаю Гете в оригинале и в переводах Жуковского и Лермонтова... Встреча была во всех отношениях необыкновенна...»²⁴.

Тема свободы и принуждения акторов культурной дипломатии оставалась актуальной и в хрущевский период культурного наступления. Особенно ярко это противоречие иллюстрируется на примере знаменитого письма, опубликованного в «Литературной газете» в ответ на протест французских писателей против вторжения советских войск в Венгрию. Федин записывает в дневнике: «Моя подпись под письмом была согласована со мной по телефону. Содержание письма нельзя разделить, оно говорит о трагических фактах, как они были и как оцениваются нами: выбор был ведь один – либо фашизм в Венгрии, либо давление его... нами. Поскольку оказались против него бессильны венгры (либо поскольку... были с ним!)». Не имея возможности уклониться от давления и принуждения со стороны системы, писатель под прикры-

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 147об. –148об.

тием размышлений о неудачной риторике письма тем не менее критикует эту акцию: «Но редакция письма не на особой высоте, и оно должно было быть короче, чтобы быть вполне сильным. Тема “выбора” должна быть контрастнее выражена. У нас есть места риторические, чего совсем нет в очень кратком выступлении французов (наших друзей и “попутчиков” – Сартра, Веркора и др.), и слишком много наших подписей – количеством тут не возьмешь. Словом, это должно было быть сделано лучше и прозвучать значительнее»²⁵.

Столь же ясно писатель осознал свое бессилие перед непрекращающимся надзором границей, осуществляемым переводчиками, руководителями делегаций, сотрудниками посольств. В попытке нормализовать для себя ситуацию недоверия со стороны системы, Федин возмущался не фактом слежки, а непрофессиональными методами работы спецслужб: «[...] Решил сходить в цирк, но т.к. билетов не было, попросил контролера достать место в какой-нибудь ложе, очень хотел попасть в цирк. Наверно моя настойчивость внушила подозрение, – меня взяли на прицел. [...] В цирке ко мне подсел человек, который под видом газетного репортера, желал записать мои впечатления от новой программы. Было смешно и преглупо из-за приключения со старым, тупым сыщиком... Я отбрил его грубейшим образом, высмеяв и почти прогнав от себя, и он ретировался... Но если в столь изящном деле работают идиоты, вроде моего “репортера”, не имеющего представления о газетчиках, то нет ничего проще настоящим разведчикам, вышколенным на Западе, выуживать на Востоке все, что им требуется»²⁶.

Будучи плотно интегрированным в систему внешнеполитических репрезентаций СССР, Федин часто размышлял о возможных путях повышения эффективности ее работы, призывая к отказу от формального произнесения ритуальных речей и к использованию иных инструментов пробуждения доверия зарубежной общественности: «Разъезжаю по гостиницам. Кланяюсь. Пожимаю руки, произношу тосты. Что проку?... Все делается для “связи” литератур, совершенно абстрактной, потому что когда наши гости возвращаются к себе домой, они забывают нас как людей, – в силу одинаковости нашего поведения, мы сливаемся в одно лицо, и это лицо ест, пьет, произносит все один и тот же тост, и гости помнят только, что они тоже ели, пили и произносили все тот же тост, только на своем языке. Как после такого ритуала, можно стать “друзьями”? А ведь в завоевании друзей и мог бы только быть смысл такого общения»²⁷. Конкретные меры вносились писателем и на совещаниях по подготовке масштабных мероприятий с участием советских представи-

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 26. Л. 43об.–44.

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 28. Л. 27–27об.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 17. Л. 10–11.

телей. Например, перед поездкой в Вену на конференцию в защиту детей Федин предлагал представителям инстанций взять с собой «ноты, книги, радиопленки с записями детских хоров, концертов, письма от школьников для детей других стран – вообще побольше вещественных свидетельств мирного быта и разумного воспитания в СССР, чтобы все это продемонстрировать. Раздать и подарить их на конференции. Каждый такой маленький знак внимания принимается обычно иностранцами как откровение и получает резонанс в далеких уголках земного шара. ...Встреча, посвященная детям, их счастью и будущему, казалось бы, должна протекать более оригинально». И здесь же фиксируются свидетельства инертности партийных деятелей, привыкших работать по стандартному сценарию: «Мои предложения были записаны, их обещали рассмотреть... но, разумеется, осталось мало времени и пр., и пр»²⁸.

Особенно жестко звучала критика Федина в адрес советских послевоенных институтов гостеприимства, в частности их стремления к приукрашиванию действительности и отсутствия вкуса: «[...] на всем пути нашего следования видно было, как постарались вокруг прибрать, почистить, устранить лишних людей. Поистине, ужасен наш “Интурист” с его базарным вкусом комендантов и распорядителей, с его рыночными красотами пейзажей в багетных рамах под бронзу, с бумажными салфетками в стаканах, с плюшевыми драпери и конфетными коробками на буфетах – со всем этим шиком заброшенной провинции, рассчитанным на то, чтобы казаться культурненькими и до чортиков богатыми во всем. Наивность здесь беспредельна, и она борется... с вреднейшей халтурой, компрометирующей наилучшие намерения и чувства нашего народа в глазах чужеземца. Нет, я никогда больше не хотел бы сопутствовать приезжающим к нам в гости интуристам!»²⁹.

«Оба гостя говорили о вещах, которые не предают гласности»: стратегия уклонения и неформальная коммуникация интеллектуального сообщества

Положение, в котором тяжесть общественных «нагрузок» и принуждение к выполнению почти лишали возможности заниматься профессиональной (любимой) деятельностью, не являлось уникальным опытом Федина: в той или иной степени его переживали все советские «медийные лица», задействованные в структурах культурной дипломатии. Как и от других, от Федина оно потребовало выработки адаптационных стратегий к роли посредника в международной коммуникации. Невозможность отказа от возложенных обязанностей, страх вызвать неудовольствие партийных кураторов и лишиться достигнутого статуса обусловили использование выжидательной тактики: писатель не прояв-

²⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16. Л. 42–43.

²⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 16. Л. 53об. –54.

лял инициативы и не вызывался выполнять «поручения», в ситуации навязывания и давления соглашался либо пытался уклониться от поручений под разными предлогами. Опыт коммуникации с вышестоящими инстанциями, постоянные контакты с представителями партийно-государственного аппарата позволяли Федину прогнозировать вероятность успеха той или иной тактики: ссылок на болезнь, бюрократических проволочек, позволяющих затягивать, делать невозможным участие, срывать сроки планируемых мероприятий: «Из КЗМ запрашивали согласен ли поехать в Англию на конгресс... квакеров. Согласился. Опыт показывал, что такие предложения редко реализуются... Сколько таких проектов отпадало, не успев возникнуть? На днях запрашивали о готовности ехать в Венгрию, но, когда Нина [дочь Федина] перезвонила уточнить детали, сказали, что надобность во мне миновала. Франция, Англия, Чехословакия – отпали, и внезапно опять Венгрия – съезд венгерских писателей. Уклониться невозможно: н а з н а ч е н и е»³⁰.

Любопытно, что всего через несколько месяцев после смерти Сталина, в фединском арсенале приемов сотрудничества с культурно-дипломатическими институтами появляется демонстративный отказ от выполнения общественных нагрузок: «ВОКС предпринимал разные меры, чтобы убедить меня поехать в Германию – телефонные звонки, телеграммы. Я послал официальный отказ Денисову. Но приехала целая делегация на дачу и предприняла серьезную атаку: оказывается “решение о моей поездке уже принято” и ВОКС “не может ничего изменить”, “решение основано на настоятельных требованиях из Германии”, чтобы я прибыл – просят немцы, предлагает наш посол и т.д. Я ответил: считайте меня умершим. И отказался...»³¹.

С другой стороны, спектр мотивов участия в международной коммуникации был достаточно широк. Интерес к путешествиям за границу, стремление к общению с выдающимися коллегами, желание учиться и пробовать себя в новой роли, ощущение личной ответственности за принятые обязательства, особенно в качестве председателя Общества советско-германской дружбы, примиряли Федина с тяжелым бременем «неофициального посла». Он признавался себе на страницах дневника, что занятие общественной деятельностью становилось для него не только уступкой внешнему давлению, но и внутренней потребностью, корыстной, выросшей из тщеславия, самооправдания и приспособления к действительности. То, что он «отзывался на просьбы и нес поручения» представлялось ему исполнением важного общественного долга «перед товарищами, или даже перед народом!»³².

³⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 14. Л. 187 об.–188.

³¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 19. Л. 148.

³² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 115–118.

Придание смысла этой принудительной работе в некоторой степени компенсировало отказ Федина от писательского призвания. Попытки найти ответ на вопрос: «сколько сил отдавать общественности, а сколько своей литературе?» – превращали каждое его решение об участии в культурно-дипломатической деятельности в напряженный поиск компромисса, нередко предполагавший уступки в пользу «общего блага».

Несмотря на то, что зарубежные поездки и встречи являлись регламентированными символическими акциями, пронизанными внутренней и внешней дисциплиной, в них было место для неформальной коммуникации, которая, по признанию Федина, оказывалась эмоционально богаче формализованных практик³³. Она необязательно означала выход из «образа» советского посла и возникала обычно в ходе знакомства и общения с лично интересными, вызывающими доверие людьми, преимущественно симпатизантами СССР: «Принесло радость общение с исландским писателем Халдором Лакснесом – большой разговор о литературе, языке, архитектонике романов и т.д. Из всех встреч с западными писателями он мне ближе кого бы то ни было, и я бесконечно рад этому... Мы расстались дружески не потому, что это было “положено”, а в силу живой искренности»³⁴.

В свою очередь, Федин стремился оказать поддержку своим партнерам по неформальной коммуникации: он использовал свое положение для поддержки зарубежных деятелей культуры в организации гастролей, выставок и т.д. в СССР, в обеспечении им выплаты гонораров советской стороной. Эти усилия служили писателю доказательством собственной полезности, оправданием того выбора, который заставил его пожертвовать литературой.

В силу географической направленности культурно-дипломатических усилий Федина частыми стали встречи с восточногерманской писательницей Анной Зегерс. В рамках полуофициальных встреч на даче писателя или в барвихинском санатории, где отдыхала Зегерс, велись беседы и о политических аспектах социалистической интеграции, нередко выливавшиеся в критику политики обеих стран: «Зегерс мне рассказывала о сплошной коллективизации сельских хозяйств в ГДР и о новой волне ухода людей в ФРГ. Она не понимает, зачем нужно это сейчас? И я не понимаю...»³⁵ В непубличных разговорах более остро звучали проблемы социалистической литературы, когда Зегерс делилась своими нелестными «наблюдениями за действительностью – немцы строят социализм из материала, служившего райху. Люди приспособляются, но в прошлом они служили Гитлеру и многие остаются преж-

³³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 27. Л. 85.

³⁴ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 31. Л. 6-7.

³⁵ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 31. Л. 8об.

ними. Есть ли место для оптимизма, если писатель будет верен такой действительности – главный вопрос для немецкой литературы»³⁶.

Неформальная коммуникация с зарубежными литераторами служила советским интеллектуалам не только вентилем в пронизанной принуждением системе культурно-дипломатической работы, но и пищей для размышлений о необходимой корректировке целевых установок за границей. Так, например, беседы с И. Бехером об истинных причинах высказываемого западными литераторами интереса к социалистическим странам натолкнули Федина на мысль о том, что «надо быть настороже к такой “тяге” на Восток. ...надо изучать великолепно-разветвленную пропаганду Запада среди интеллигенции востока Германии. Она обрабатывает почти каждую область интеллектуальной жизни в совершенно “индивидуальном” плане, зная чуть не всякую слабую струнку, чуть не каждого отдельного интеллигента»³⁷.

Степень своеволия акторов советской культурной дипломатии простиралась в сферу использования реноме миротворцев для достижения личных и профессиональных предпочтений. Подобные поведенческие стратегии мы можем наблюдать на примере не столько К. Федина, сколько И. Эренбурга, еще более активно вовлеченного в советское миротворческое движение. По свидетельству Федина, ссылавшегося на личные разговоры с Эренбургом, «чтобы обороняться от критики и нападков на «Оттепель», он решительно использует свое положение “борца за мир”, т.е. популярность среди иностранных литераторов и журналистов... В сущности, его оборона с позиций “сторонника” принесла ему не литературную, а “личную” победу: его никто не собирался ущемлять. Потому что он полезен на своем месте – в международном движении за мир». Дальнейшие беседы с другим актором культурно-дипломатической сцены – К. Симоновым – еще раз подтверждают действенность стратегии использования международного авторитета для давления на систему: «Симонов рассказал об истории Эренбурга. Почему его раскритикованную «Оттепель» выпустили “молнией”. Он хотел ее напечатать в журнале «Советская литература» на иностранном языке, когда ему отказали, решил опубликовать в журнале «В защиту мира». Это послужило поводом к выпуску “молнией”»³⁸.

Подобные тактики, невозможные для Федина в силу личных причин, вызывали у писателя чувство неприятия. Так, в ситуации конфликта с журналом «В защиту мира», одним из редакторов которого как раз являлся Эренбург, Федин отказался переделывать свою статью о конфликте в Корее и дополнить свое возмущение на страницах дневника

³⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 15. Л. 21–22.

³⁷ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 22. Л. 54об.–55.

³⁸ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 20. Л. 80–83.

выпадами против коллеги по писательскому цеху: «Когда горит и тлеет зажатая Корея, я не могу писать “братья возлюбим друг друга”. Лучше я промолчу. Лучше пусть напишет Эренбург. Он может написать на любой лад»³⁹.

* * *

Таким образом, портретный ряд послевоенных деятелей советской культурной дипломатии позволяет нам наметить линии преемственности и разрыва с предыдущей эпохой советского культурного показа, когда центральными репрезентантами советской международной политики в области культуры оставались сталинские писатели – И. Эренбург, А. Фадеев, А. Корнейчук, К. Симонов, К. Федин. В позднем сталинизме их международный авторитет использовался для позиционирования СССР в новой роли миротворца, расширения круга влияния с узкой группы «симпатизантов СССР» левого толка на широкую аудиторию производителей и потребителей европейской культуры, смягчение образа конфликтного внешнеполитического курса социалистического лагеря в глазах зарубежной аудитории. В период «культурного наступления», начавшегося с середины 1950-х гг., произошла стремительная демократизация практик международной коммуникации: вовлечение в эту сферу широких слоев советского населения и появление новых целевых групп в зарубежной аудитории, в том числе переориентация с европейского ареала на страны третьего мира, потребовало изменения культурно-дипломатических стратегий СССР. Важным фактором влияния выступали и внешнеполитические повороты, обусловленные глобальной политикой СССР: вторжение в Венгрию 1956 г., Карибский кризис 1962 г., подавление Пражской весны 1968 г. и т.п. От советских «полпредов без мандата» это потребовало большей гибкости и использования новых медиумов репрезентации, что стало для традиционной писательской элиты (особенно для Федина) непреодолимым вызовом, отягощенным скептической субъективной оценкой оттепельных перемен в стране и в мире⁴⁰. Уже пожилой К. Федин, облеченный всевозможными общественными постами, по должности продолжал поддерживать международные связи, встречать иностранные делегации, исполнять почетные обязанности председателя Общества советско-германской дружбы. Однако данная деятельность все больше подвергалась формализации. К тому же, в конце 1950 – начале 1960-х гг. наметился антиэлитарный культурный поворот и в агентном поле советской культурной дипломатии: сталинских писателей стремительно вытеснили деятели науки, спортсмены и космонавты, более адекватно, с точки зрения системы, репрезентирующие глобальную позицию СССР.

³⁹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 17. Л. 31–32.

⁴⁰ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 20; Д. 23. Л. 60об.–61, 113об.–114.

БИБЛИОГРАФИЯ

- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. University of Pittsburgh Press 2015. 296 p.
- Gould-Davies N. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol 27 (2). P. 194–214.
- Hollander P. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928-1979*. Oxford: University Press 1981. 526 p.
- Metger J. *Studio Moskau. Westdeutsche Korrespondenten im Kalten Krieg*. Paderborn: Schöningh, 2016. 288 s.
- Nagornaia O., Nikonova O. *Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit. Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 66 (2018). № 2. S. 274–298.
- Брайнина Б.Я. Федин и Запад. М., 1983. 352 с.
- Власть и художественная интеллигенция. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. 872 с.
- Кабанова И.Э. «Великий перелом» в эго-документах К.А. Фебина конца 1920 – начала 1930-х годов // Эпоха «Великого перелома» в истории культуры: сборник научных статей / под ред. И.Ю. Иванушиной, И.А. Тарасовой. Саратов, 2015. С. 244-245. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24785737_59762246.pdf
- Колобов Е.Ю. *Создание и деятельность Союза писателей РСФСР (1957–1965 гг.)*. Автореф. дис. к.и.н. М., 2016. 24 с.
- Нагорная О.С. «...когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949-1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.
- Оклянский Ю.М. Уроки с репетитором, или Министр собственной безопасности // Дружба народов. 2014. № 5 // URL: <http://magazines.russ.ru/druzhsba/2014/5/10o.html>
- Попов А. *Lost in translation: гиды-переводчики «Интуриста» и оправдание советской действительности // НЛЮ*. 2016. № 6. С. 54–65.
- Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1817. – Федин Константин Александрович (1892–1977) – писатель
- Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны: сборник документов / под ред. О.С. Нагорной и др. Челябинск: Каменный пояс, 2017. 340 с.
- Федин К.А. *Автобиография // Советские писатели. Автобиографии в 2-х тт.* М.: Гос. изд-во худ. литературы, 1959.
- Фрезинский Б.Я. *Судьбы Серапионов*. СПб.: Академический проект, 2003. 592 с. Опубликовано на сайте URL: <https://coollib.com/b/296128>

REFERENCES

- David-Fox M. *Crossing Borders: Modernity, Ideology, and Culture in Russia and the Soviet Union*. University of Pittsburgh Press 2015. 296 p.
- Gould-Davies N. *The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History*. 2003. Vol 27 (2). P. 194–214.
- Hollander P. *Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba 1928-1979*. Oxford: University Press 1981. 526 p.
- Metger J. *Studio Moskau. Westdeutsche Korrespondenten im Kalten Krieg*. Paderborn: Schöningh, 2016. 288 s.
- Nagornaia O., Nikonova O. *Sowjetische Kulturdiplomatie in Osteuropa in der Nachkriegszeit. Ein Überblick über die neuesten Veröffentlichungen // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. 66 (2018). № 2. S. 274–298.
- Braynina B.Ya. *Fedin i Zapad*. M., 1983. 352 с.
- Vlast i hudozhestvennaya intelligentsiya. M.: Mezhdunarodnyiy fond “Demokratiya“, 1999. 872 s.
- Kabanova I.E. «Velikiy perelom» v ego-dokumentah K.A. Fedina kontsa 1920 – nachala 1930-h godov // Epoha «Velikogo pereloma» v istorii kultury: sbornik nauchnyih statey / pod red. I.Yu. Ivanushinoy, I.A. Tarasovoy. Saratov, 2015. S. 244-245. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_24785737_59762246.pdf

- Kolobov E.Yu. Sozdanie i deyatelnost Soyuza pisateley RSFSR (1957–1965 gg.). Avtoref. dis. k.i.n. M., 2016. 24s.
- Nagornaya O.S. «... kogda SSSR izal silnyim i moguchim... mnogie narody nuzhdayutsya v nashey družbe»: aspekty izucheniya kulturnoy diplomatiya v sotsialisticheskom lagere (1949–1989) // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 53. S. 269–278.
- Oklyanskiy Yu.M. Uroki s repititorom, ili Ministr sobstvennoy bezopasnosti // Družba narodov. 2014. # 5. URL: <http://magazines.russ.ru/družba/2014/5/10o.html>
- Popov A. Lost in translation: gidy-perevodchiki «Inturista» i opravdanie sovetskoy deystvitelnosti // NLO. 2016. # 6. S. 54–65.
- Rossiyskiy gosudarstvenniy arhiv literatury i iskusstva. F. 1817. – Fedin Konstantin Aleksandrovich (1892-1977) – pisatel
- Sovetskaya kulturnaya diplomatiya v gody Holodnoy voyny: sbornik dokumentov /pod red. O.S. Nagornoy i dr. Chelyabinsk: Kamennyiy poyas, 2017. 340c.
- Fedin K.A. Avtobiografiya // Sovetskie pisateli. Avtobiografii v 2-h tt. M.: Gos.izd-vo hud. literatury, 1959.
- Frezinskiy B.Ya. Sudby Serapionov. SPb.: Akademicheskii proekt, 2003. 592s. Opublikovano na sayte URL: <https://coollib.com/b/296128>

***Оксана Сергеевна Нагорная**, доктор исторических наук, профессор кафедры методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, Ярославский государственный педагогический университет, nagornja.oxana@mail.ru*

***Раева Татьяна Витальевна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (НИУ); 7901634@gmail.com*

Konstantin Fedin’s art of “combining”: personal experience of a Soviet ambassador of cultural diplomacy

On the materials of Konstantin Fedin’s diaries the authors reconstruct the specific of the symbolic communication in Cold War, the methods of involving cultural figures in the system of Soviet cultural diplomacy, spaces for coercion and freedom in the private-state networks. The post-war portrait series of Soviet cultural diplomacy’s actors demonstrate the lines of continuity or break with the previous era of Soviet culture, when the Stalinist writers remained central representatives of the Soviet “soft power”. Their international authority was used to position the USSR in its new role of the peacekeeper, to spread influence on a broad audience of producers and consumers of European culture, to soften the conflict image of the Soviet policy in the socialist camp.

Keywords: intellectual history, Soviet cultural diplomacy, foreign representations of the USSR, Soviet writers, Konstantin Fedin’s diary, European culture in 20th century

***Oksana Nagornaia**, Yaroslavl State Pedagogical University, nagornja.oxana@mail.ru
Tatyana Raeva, South Ural State University, 7901634@gmail.com*

С.В. ГРИГОРЬЕВА

**ПРОСТРАНСТВА СОВЕТСКОГО ВЛИЯНИЯ
В ВОСПОМИНАНИЯХ ВЕТЕРАНОВ ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН
В АФРИКЕ (1960–1980-е гг.)**

В статье анализируются рассказы бывших военных специалистов СССР, проходивших службу на Африканском континенте и формировавших т.н. пространства советского влияния в Африке на протяжении 1960–1980-х гг. Автор характеризует общие закономерности восприятия этих пространств ветеранами локальных войн и специфические особенности их понимания отдельными советскими военнослужащими, выявляет основные географические ориентиры и зоны советского военного присутствия в странах континента в период холодной войны.

Ключевые слова: Африка, советское влияние, локальные войны, военные мемуары.

Советское участие в локальных конфликтах на Африканском континенте в последние годы стало предметом пристального внимания ученых¹. Источниковая база исследований по данной тематике значительно расширилась за счет многочисленных мемуаров, истекли сроки секретности, возникла необходимость в переосмыслении роли СССР в политике стран, некогда «вставших на путь социализма». Цель данной статьи – анализ пространств советского влияния в воспоминаниях ветеранов локальных конфликтов 1960–1980-х гг. Объектом сравнительного анализа стали опубликованные воспоминания советских военных советников и специалистов, проходивших службу в африканских странах, – Н.Г. Ковтуна², С.А. Коломнина³, В.И. Мураховского⁴, Б.Д. Шадрина⁵, А.Н. Юрасова⁶, М.В. Чмыхова⁷ и др.

¹ См.: Григорьева 2017; Коновалов 2012; Кривошеев 2010; Кузнецова-Тимонова 2017; Лавренов 2003; Мазов 2008; Шарый 2008; Шубин 2013; Яременко 2000 и др.

² Ковтун Николай Герасимович, 1942 г. р. – военный советник начальника политического отдела бригады в Анголе (1982–1984). Ковтун 2010.

³ Коломнин Сергей Анатольевич – военный переводчик в Анголе (1977–1978; 1980–1983). Коломнин 2005; Коломнин, Русский спецназ в Африке (б/д).

⁴ Мураховский Виктор Иванович, 1954 г.р. – командир взвода танковых войск, специалист при кубинской бригаде в Эфиопии (1977–1978). Мураховский 2016.

⁵ Шадрин Борис Дмитриевич, 1947 г.р. – по специальности военный инженер-штурман, работал на командных должностях в Особом отделе КГБ по Тихоокеанскому флоту. В 1983–1986 гг. находился за границей в составе спецгруппы 3-го Главного управления КГБ СССР. Шадрин 2011.

⁶ Юрасов Александр Николаевич – проходил службу в морской авиации, командировался в Эфиопию. Юрасов 2015.

⁷ Чмыхов Михаил Васильевич – летчик–инструктор, проходил службу на 5-ых Центральном курсах по подготовке и усовершенствованию авиационных кадров для третьих стран в г. Токмак в Киргизии, где обучал мозамбикских летчиков на самолетах МиГ-17, находился в спецкомандировке в Мозамбике. Чмыхов 2009.

Поскольку Африканский континент был ареной ожесточенного противостояния двух сверхдержав – СССР и США, советское руководство стремилось всеми силами и средствами распространить идеи социализма, убедить в его преимуществах представителей правящих элит в государствах Африки. С.А. Коломнин в предисловии к книге «Русский спецназ в Африке» писал, что главной задачей советского присутствия был «не просто захват объектов на чужой территории, а овладение... целыми государствами. Конечно, не в плане установления физического контроля над территорией. Речь шла о распространении и закреплении советского влияния среди военного и политического руководства стран Африки»⁸. Не став частью официального пропагандистского дискурса, сочетание «пространства советского влияния», тем не менее, прочно закрепилось в мемориальной традиции, а соответствующие воспоминания бывших «военспецов» позволяют судить о тех наиболее значимых практиках, которые задолго до начала «гибридных войн» обеспечивали формирование специфических механизмов распределения военных и политических рисков в странах третьего мира.

В 1960–1980-е гг. советские военные специалисты присутствовали в таких африканских странах, как Египет, Алжир, Мозамбик, Сомали, Эфиопия, Ангола, Зимбабве, Руанду, Чад, Конго, Гвинея-Бисау, Кабо-Верде, Гвинея и Мали. Свое влияние на Африканском континенте СССР пытался распространять, комбинируя политико-дипломатические усилия, экономической помощи и поставок оружия. В 1970-х Советский Союз установил дипломатические отношения с 11 государствами Африки и заключил договоры о дружбе и сотрудничестве с Анголой, Эфиопией и Сомали. КПСС активно выстраивала официальные межпартийные отношения с 4-мя правящими партиями в странах региона (Ангола, Бенин, Конго и Мозамбик) и тесно сотрудничала с эфиопским правительством по вопросу о создании в этой стране марксистской партии⁹. Сотрудничество между СССР и африканскими государствами изначально носило глубоко идеологический характер, имея главной целью радикальные социалистические преобразования в недавних колониях. Наиболее активно СССР действовал в этом направлении на территориях бывших португальских владений – в Анголе и Мозамбике, в Сомали и Эфиопии, которым была оказана самая существенная гражданская и военная помощь.

Африканские территории, на которых оказывались советские военнослужащие, находились в тысячах километрах от Родины и отличались непривычными климатическими условиями – жарой, низкой или, наоборот слишком высокой влажностью, обилием опасных для здоровья мик-

---

⁸ Коломнин 2005. С. 1–2.

⁹ Яременко 2000. С. 101.

робов, насекомых и животных. Но, помимо очевидных бытовых проблем советские служащие, безусловно, сталкивались и с трудностями морально-психологическими. Свою службу большинство из них осуществляло в условиях максимальной секретности, не имея возможности информировать родственников даже о характере реализуемых за рубежом миссий. При выполнении боевых заданий советские специалисты нередко должны были маскироваться, переодеваясь в чужую форму, выдавать себя за военнослужащих местных армий. Из соображений секретности запрещалось носить документы и знаки различия. «Нас переодели в форму ангольской армии, – вспоминает военный советник в Анголе Н.Г. Ковтун, – очень удобный и легкий пятнистый камуфляж, который хорошо смотрится, легко стирается и гладится и, в какой-то мере, защищает от жары. Погоны без знаков различия, все рядовые. Забрали все документы, оставив одно только имя. Так я стал «Асесоре советнику Николай» – без каких-либо документов, подтверждающих гражданство, статус, воинское звание и должность»¹⁰. Говоря о секретности советского пребывания во многих странах Африки, военный переводчик С.А. Коломнин приводит слова министра обороны СССР маршала А.А. Гречко на проводах советских летчиков в Египет в марте 1970 г.: «Имейте в виду, товарищи, если вас собьют за Суэцким каналом, и вы попадете в плен, мы вас не знаем, выкарабкивайтесь сами». Оказываясь в критических ситуациях, советские военнослужащие, не могли рассчитывать на Международные конвенции, дипломатическую помощь и поддержку государства. Нередко они предпочитали плену смерть, а если оказывались в плену у противника, «то на допросах, повторяли твердо заученную “легенду” о своей исключительно мирной профессии “гражданского летчика, ремонтника или моряка”»¹¹.

В одной из своих книг С.А. Коломнин рассказывает о судьбе прапорщика, специалиста при командире авторемонтного взвода 11-ой пехотной бригады ФАПЛА, оборонявшей город Онджива, Николая Федоровича Пестрецова, который был контужен в бою с юаровцами и раненым попал в плен. Пестрецова доставили в военную тюрьму Йоханнесбурга, где на всех допросах он, несмотря на «психологическую обработку», издевательства и устрашения, «четко придерживался заученной на занятиях в 10-ом Главном управлении Генштаба легенды»: он, якобы, авторемонтник с калининградского филиала завода ГАЗ, восстанавливал автотехнику, не успел покинуть рабочее место, ведь юаровцы официально войну не объявляли; стрельбу открыл, пытаясь отомстить за смерть жены¹². Суд Южно-Африканской республики пригово-

---

¹⁰ Ковтун 2010. С. 14.

¹¹ Коломнин. Русский спецназ в Африке (б/д).

¹² Коломнин 2005. С. 72–74.

рил его за убийство солдат к 100 годам каторги. На каторге, вероятно, Пестрецов и закончил бы свою жизнь, если бы не случай: о приговоре стало известно представителям Международного Красного Креста, факты попали в международную прессу. Только тогда советское правительство получило возможность официально обратиться в Красный Крест с просьбой о содействии. Спустя почти пятнадцать месяцев после пленения в ноябре 1982 г. Н.Ф. Пестрецова обменяли на сбитого силами ПВО Анголы южноафриканского летчика. По возвращении на Родину стали известны обстоятельства его пленения и нахождения в ЮАР¹³.

Лишь на страницах воспоминаний, опубликованных спустя десятилетия, пространства советского влияния в Африке, о которых на протяжении десятилетий знала небольшая группа посвященных, начинают рассекречиваться. Выясняется, что при отправке из СССР большинству советских военнослужащих не оформляли зарубежные паспорта, они не проходили пограничный контроль, направляясь в «горячие точки» приказами Министра обороны и главнокомандующих видами Вооружённых сил (Сухопутных войск, ВВС, ПВО, ВМФ) – прямо в составе подразделений и частей, поэтому в списки «воинов-интернационалистов» не входили. Например, таким образом появились в Эфиопии подразделения морской пехоты Тихоокеанского флота в ПМТО на о. Нокра (архипелаг Дахлак), танкисты и артиллеристы в Харэре и Хурсо, авиационные техники и специалисты ПВО в Дыре-Дауа и Дебре-Зейт¹⁴. «Вас там не было!», – говорят сегодня многим реально служившим в Африке и считающим себя ветеранами локальных войн и конфликтов¹⁵.

Повседневная служба в Африке оказывалась крайне разноплановой: военные советники обучали личный состав национальных армий грамотному владению современным советским оружием и организации боевых действий, саперы разминировали дороги и водные фарватеры, летчики перевозили военные и гражданские грузы, а военные моряки охраняли коммуникации и торговые суда. Если требовалось, советские военнослужащие принимали самое активное участие в военных действиях¹⁶. Во многих воспоминаниях акцентируется опасность или даже тотальная враждебность территорий присутствия для советских граждан: об этом свидетельствуют многочисленные описания боевых операций с непременно указанием военных потерь, проводимых подразделениями войск африканских армий под руководством советских военных советников. Добавим, что большинство советских военнослужащих имело весьма смутные представления об африканских реалиях – об осо-

---

¹³ Там же. С. 74–77.

¹⁴ Мураховский 2016. С. 29.

¹⁵ Шадрин 2011 (В далекой Эфиопии. Продолжение 3); Мураховский 2016. С. 30.

¹⁶ Коломнин 2005. С. 2; Шадрин 2011 (В далекой Эфиопии. Продолжение 2).

бенностях быта, традициях, обычаях, психологии народов, населяющих континент. Без этих знаний обеспечивать «постоянное и повсеместное взаимодействие с африканскими товарищами» было трудно, усилия советников пропадали даром, а иногда влекли за собой весьма неприятные для СССР последствия, нанося ущерб престижу страны за рубежом¹⁷.

Разумеется, при наличии свободного времени наши герои старались ближе познакомиться с жизнью регионов, в которых им приходилось нести службу. В рассматриваемых нами воспоминаниях содержится описание африканских столиц, крупных городов и портов — Луанды в Анголе, Берберы в Сомали, Асмэры, Масауа в Эфиопии, Бейры в Мозамбике. Их характерными чертами, помимо экзотичности и красоты, чаще всего выступают бедность и убогость. Так, описывая столицу Анголы, Н.Г. Ковтун замечает, что городское пространство, казавшееся красивым с форта, «вблизи выглядело не таким привлекательным: обветшалые стены зданий, слабоосвещенные или совершенно темные улицы», редкие автобусы, поврежденные, старые автомобили. Удручающее впечатление производит на советского советника так называемый «красный пояс» Луанды — «беспорядочное скопление хижин, кое-как сколоченных из картона, жести и досок»¹⁸. В целом, авторы воспоминаний солидарны, когда говорят о крайне низком уровне жизни местного населения, которое в большинстве своем жило в ужасающей бедности¹⁹.

У советских военных вызывало недоумение то, что сомалийцы и эритрейские сепаратисты воюют тем же советским оружием, что и правительственная армия. В.И. Мураховский по этому поводу привел воспоминания участника эфиопо-сомалийской войны Н.Ф. Олещенко: «Знаете, бывало очень обидно прыгать, как зайчик, под разрывами снарядов сомалийской артиллерии, и знать при этом: по нам стреляют из советских пушек, снарядами, сделанными на советских заводах советскими рабочими, люди, которых мы научили стрелять». Советских специалистов удивляли лень и дезертирство в различных частях местных армий, которые «воевали неустойчиво», «представляли собой рыхлый конгломерат из опустившихся солдат и безвольных офицеров», а подчас были готовы к членовредительству лишь бы не идти в бой²⁰. По словам Н.Г. Ковтуна, советские военные оказывались вынужденными «участниками не своей, а чужой войны, хотя и в дружественной стране». Для них эта война была очень трудной, потому что они не испыты-

---

¹⁷ Коломнин 2005. С. 98.

¹⁸ Ковтун 2010. С. 17.

¹⁹ См., напр.: Там же. С. 40. Ковтун пишет здесь о жителях поселка Лонга в Анголе, которые обитали в кимбах — убогих строениях из деревянных кольев и камыша, обмазанных глиной, без окон и дверей, без какой-либо мебели, вместо дверей — вход, прикрытый одеялом или куском брезента.

²⁰ Мураховский 2016. С. 20-21.

вали ненависти к противнику, защищали чужую землю. Сегодня многие участники локальных конфликтов в Африке не способны на глубокую рефлексию относительно характера и целей советского присутствия на континенте, они оперируют стереотипными суждениями пропагандистского толка: выполнение интернационального долга, защита ценностей социализма, помощь дружественным странам в строительстве национальных вооруженных сил и отражении агрессии извне. В ряде случаев они именуют себя «носителями мира и лучшего будущего», посланцами СССР в африканских странах²¹.

Каждый из авторов воспоминаний прошел собственной «африканской тропой». Так, зоной ответственности военного советника в Анголе Н.Г. Ковтуна был 6-й Военный округ ФАПЛА (в составе трех боевых бригад и частей боевого обеспечения), перед которым стояла задача обеспечить уничтожение банд УНИТА и защиту мирного строительства в провинции Куандо-Кубанго, безопасность колонн с продовольствием, боеприпасами, обмундированием и другим имуществом. Войска округа располагались в трех, самых крупных населенных пунктах: провинциальной столице Менонго, муниципальном центре городе Куито-Куанавале и центре коммуны – поселке Лонга. Между ними была проложена единственная в регионе дорога с асфальтовым и бетонным покрытием длиной в 185 км, что превратило провинцию в важнейший стратегический район. Большая часть ее территории, к слову, была подконтрольна отрядам УНИТА, ближе к границе с Замбией и Намибией, за городом Куито-Куанавале, находилась столица УНИТА г. Мавинга, и основная база УНИТА «Жамба»²². Во время службы Ковтуну вместе с подопечными приходилось преодолевать большие расстояния – марш-броски по пересеченной местности, принимать бой с намного превосходящими силами противника, прорываться через его гарнизоны. Непривычный для русского человека ландшафт, где «от всего живого и неживого можно было ожидать подвоха» был серьезным испытанием: «Часто вспоминаю эти тяжелые пути – дороги, саванну, лес и горы, водные преграды, наводку мостов, подрыв людей и техники на минах, погони за противником и жару. Дорог в саванне почти не было и нам приходилось прокладывать их самим – сначала шел БТР, ломая деревья, а затем проходила вся остальная техника»²³. По словам Ковтуна, выжить в таких условиях помогал командный дух и чувство плеча. Только сформировав команду, объединив разные характеры вокруг поставленных задач, можно было выжить и вернуться на Родину живыми и здоровыми²⁴.

²¹ Ковтун 2010. С. 165; Коломнин 2005. С. 9.

²² Ковтун 2010. С. 36–37, 48.

²³ Там же. С. 99.

²⁴ Там же. С. 47.

Опыт С. А. Коломнина, дважды побывавшего в Анголе в качестве военного переводчика, а потом посещавшего эту страну в должности сотрудника Специального управления Главного политуправления СА и ВМФ, выглядит несколько иначе: Коломнин не имел постоянной дислокации и сопровождал представителей высшего военного командования на переговорах с ангольскими и кубинскими руководителями, в поездках по стране и в командировках на территории воинских частей. В его мемуарах регулярно упоминается и столица Анголы Луанда, где располагались советские посольство и военная миссия; и фронтовой город Лубангу, вокруг которого был создан пояс ПВО (основу этого пояса составляли советские зенитно-ракетные комплексы «Печора» С–125) и различные местечки (Виреи, Кувелай, Шангонго, Шибемба, Каама, Онджива и др.), разбросанные по районам близ границы с Намибией и ставшие пунктами размещения дивизионов ПВО и радиолокационных рот)²⁵. Стоит отметить, что в начале военной карьеры (1977 г.) Коломнину – курсанту Военного института – пришлось послужить переводчиком в Пункте материально-технического обеспечения (ПМТО) Северного флота в Луанде, который был достаточно мощной и многофункциональной военной базой СССР²⁶. Владевший португальским языком Коломнин неоднократно сопровождал летные экипажи по маршруту Гавана–Луанда, дежурил на командно-диспетчерском пункте, обеспечивая прием советских гражданских и военных самолетов, доставлявших в Анголу многочисленные грузы и спецтехнику²⁷.

Не менее уникальным представляется участие военного советника Б.Д. Шадрина в событиях на территории Эфиопии, где тоже шла гражданская война. «Провинция Эритрея, – пишет Шадрин, – была похожа

---

²⁵ Коломнин 2005. С. 208.

²⁶ Там же. С. 43–44. Задачами этой базы были прием и обслуживание боевых и транспортно-десантных самолетов, в первую очередь самолетов-разведчиков Ту-95РЦ авиации Северного флота, боевых кораблей ВМФ и подводных лодок, несших боевую службу в Южной Атлантике. База обладала солидными возможностями: топливными и продовольственными складами, хранилищами с регенерационными комплектами для подводных лодок, ремонтной базой. Имелись возможности и для отдыха и реабилитации экипажей самолетов и кораблей.

²⁷ Там же. С. 52–53. Весьма интересно свидетельство Коломнина о том, что на всех трансконтинентальных перелетах, в соответствии с инструкцией, экипаж включал бортпереводчика, поскольку в Гаване и в Луанде самолеты сажали при помощи советского руководителя полетов, который через переводчика координировал действия с местными службами. Кроме того, бортпереводчики осуществляли разведывательные действия, прослушивая вражеский эфир. Коломнин в своих мемуарах восхищается героизмом и профессионализмом советских летчиков, которые совершали полеты в реальных боевых условиях: на пределе расчетной дальности, без достаточного количества запасных аэродромов, с запретом выхода в эфир, прослушивавшийся «вероятным противником», при практически полном отсутствии поисково-спасательной и аварийной служб.

на пороховую бочку. На востоке Эфиопии повстанцы «Фронта за освобождение Эритреи» боролись за свою независимость против центрального правительства полковника Менгисту Хайле Мариама. На севере страны шли бои с просудански настроенными сепаратистами, а на юге шла война с Сомали за принадлежность провинции Огаден»²⁸. Советские летчики должны были обеспечивать транзит через Асмэру – столицу провинции Эритрея – грузов из порта Массауа в Аддис-Абебу; доставку гуманитарной помощи в отдаленные районы провинции; эвакуацию раненых и местных жителей из прифронтовой полосы. Военные корабли «вели боевые действия с «москитным» флотом эритрейских сепаратистов, которые старались сорвать снабжение Эфиопии со стороны СССР и его союзников; обеспечивали безопасность судоходства в водах Персидского залива.

Воспоминания советских специалистов в Африке, впрочем, объединяет топика преодоления тяжелейших испытаний, акцент на физической опасности и постоянных лишениях. Так, С.А. Коломнин пишет о том, что жилища территории ПМТО располагались в пригороде Луанды в комплексе, который при португальцах принадлежал католической английской школе: «[Она] располагалась ... на горе, под палящим африканским солнцем. Местечко, на первый взгляд райское: в ста метрах от океана эвкалиптовая роща, заросли цветущих акаций, гранатовые деревья, но... чрезвычайно опасное. И не только потому, что находилось на отшибе, вдали от расположенных ангольских и кубинских подразделений... Дело в том, что территория городка поначалу просто кишела скорпионами и змеями. И не простыми, а самыми настоящими африканскими кобрами... Кроме того, ангольцы нас предупредили, что на территории могут быть неприятные сюрпризы в виде гранат и мин, так как в период недавних событий, предшествовавших приходу к власти МПЛА, помещения школы служили пристанищем солдатам ФНЛА... Прежде чем бывшая католическая школа превратилась в военный городок, пришлось основательно потрудиться»²⁹.

Описание столь же тяжелых условий жизни советских военных на военно-морской базе острова Нокра (Красное море) находим в тексте Б.Д. Шадрина. Он также вспоминает, что на островах архипелага Дахлак, в состав которого входил о. Нокра, водилось множество ядовитых змей. Эфы и мамбы были серьезной опасностью для советских военных: «В первые годы во время строевых занятий матросы давили по одной эфе через каждые 50 метров»³⁰. От укуса эфы человека можно было спасти, советские врачи располагали сывороткой, а вот от яда

---

²⁸ Шадрин 2011 (В далекой Эфиопии. Продолжение 2).

²⁹ Коломнин 2005. С. 60–61.

³⁰ Шадрин 2011 (В далекой Эфиопии).

мамбы противоядия не существовало, и при укусе человек умирал через 30 минут. К числу тяжелых испытаний относились и жара, доходившая до +40°C или выше в сочетании со стопроцентной влажностью, а также желудочно-кишечные заболевания, косившие советских военнослужащих. «...Восемь месяцев работ в непривычных климатических условиях дались непросто, – вспоминает Шадрин. – Почти все мои коллеги резко потеряли в весе. Многие ощущали недомогание, жаловались на повышенную температуру. Особенно тяжело стало к лету, когда столбик термометра застыл на отметке +45°C. Кое-кто запросил таблетки, а другие стали налегать на джин. Работа каждого советского специалиста, находящегося за границей, происходила в условиях близких к экстремальным. Это касалось не только военных, которым это полагалось по статусу, но и наших врачей, геологов и других специалистов»³¹.

Характерно, что территории, грозившие советским специалистам смертью, в итоге довольно быстро оказывались обустроенными и приспособленными для более-менее сносной жизни. «...Все советские советники, – замечает Н.Г. Ковтун, – во всех местах своей дислокации всегда и в любых условиях очень быстро решали вопросы обустройства и быта. Это наша положительная черта и в этом мы были примером для ангольцев. В местных африканских условиях мы жили почти идеально»³². В целях безопасности советские военные оперативно обносили территории баз, ПМТО и пр. колючей проволокой, выставляли караулы, переоборудовали помещения под жилье, казармы, столовые, учебные классы, а если требовалось, возводили целые предприятия, строили дороги, взлетно-посадочные полосы и пр. Так, в воспоминаниях советского летчика-инструктора М. В. Чмыхова, который проходил службу в Народной Республике Мозамбик, содержатся интересные сведения об авиационных базах Накала и Бейра, где выполнялись сборка и облёт советских истребителей МиГ-17, поставлявшихся ВВС Мозамбика. Эти объекты были быстро и полностью переоборудованы, получив всю необходимую инфраструктуру советского авиационного военного гарнизона: административно-штабной корпус, многочисленные казармы, столовую, госпиталь, огромный ангар для обслуживания самолётов, школу младших авиационных специалистов, учебные классы³³. В порте Бербе-

³¹ Там же.

³² Ковтун 2016. С. 44. Чуть ниже Н. Г. Ковтун сообщает о том, что советские военные, желая разнообразить питание, завели подсобное хозяйство, где выращивали овощи и разводили птицу (Там же. С. 55, 65).

³³ Чмыхов 2009. «На сборку одного самолёта, — пишет Чмыхов, — отводилось пять дней, далее заправка горюче-смазочными материалами, топливом, пробные запуски двигателя, проверка всех систем и регулировка параметров, газовки – и можно поднимать в воздух. В воздухе своя программа облёта для проверки параметров работы двигателя, управляемости самолёта на малых, средних и больших высотах, вывод

ра, где с 1969 по 1977 гг. располагалась советская военно-морская база, советской стороной была построена самая длинная в Африке (4140 м) взлетно-посадочная полоса для военно-морской авиации³⁴. Советская смекалка позволяла не только переоборудовать заброшенные ранее объекты, но и существенно менять местный ландшафт, преобразовывая изначальное «качество» территории. Так, некогда кишачий змеями архипелаг Дахлак, по словам мемуариста, быстро превратился в место отдыха экипажей советских боевых кораблей, судов обеспечения, атомных и дизельных подводных лодок. Здесь можно было передохнуть после дальних морских переходов, искупаться, снять психологическое напряжение, ощутить под ногами твердую землю, запастись нехитрыми сувенирами — кораллами и ракушками³⁵.

Подобные быстрые преобразования «чужого пространства», позволявшие не только эффективно выполнять профессиональные задачи, но и улучшать жилищно-бытовые условия «на зависть местным жителям», неизменно представляются проявлением превосходства советского человека, в какой-то мере компенсируя неопределенность ответа на вопросы о смысле той или иной военной миссии, о готовности местного населения к адекватному восприятию «достижений социализма». В текстах ветеранов локальных конфликтов на территории Африки физическая трансформация «локуса» служит своего рода альтернативной точкой сборки воспоминаний, отчасти, видимо, помогая вернуть мемориальным материалам специфический фрейм советской героики.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Григорьева С.В. Мемуары советских военных советников и специалистов в Африке в 1960–1980-х гг.: специфика и практика изучения исторической памяти // Вестник Марийского государственного университета. Серия «Исторические науки. Юридические науки». 2017. Т. 3. № 4 (12). С. 21–28.
- Ковтун Н.Г. Ангола в сердце моем (Путевые заметки – воспоминания советского военного советника). Из серии: Советские военные советники и специалисты в необъявленных войнах СССР. Киев, 2010. 225 с.
- Коломнин С.А. Русский спецназ в Африке / С. А. Коломнин. М.: Яуза, 2005.
- Коломнин С.А. Русский спецназ в Африке. Авторские фрагменты. // Сайт ветеранов Анголы. Наши мемуары. URL: <http://www.veteranangola.ru/main/vospominaniya/kolovnin2>
- Коновалов И.П. Африканские войны современности. Пушкино: Центр стратегической конъюнктуры, 2012. 21 с.
- Кривошеев Г.Ф. Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андронников, П. Д. Буриков и др. М.: Вече, 2010. 624 с.
- Кузнецова-Тимонова А.В. Воины-интернационалисты из Беларуси в гражданской войне в Анголе 1975–1992. В 2-х частях. Минск: «Белорусская наука», 2017.
- Лавренов С.Я., Попов И.М. Советский Союз в локальных войнах и конфликтах / М.: АСТ, 2003. 778 с.

самолёта на предельные режимы, проверка функционирования систем жизнеобеспечения, уборки и выпуска шасси, закрылков, тормозных щитков и т.п.».

³⁴ Мураховский 2016. С. 5.

³⁵ См.: Шадрин 2011 (В далекой Эфиопии); ср.: Юрасов 2015.

- Мазов С.В. Политика СССР в Западной Африке 1956–1964. Неизвестные страницы истории холодной войны. М.: изд-во «Наука», 2008. 337 с.
- Мураховский В.И. Война между Эфиопией и Сомали / Под ред. Г.В. Шубина. М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2016. 88 с.
- Россия (СССР) в войнах второй половины XX века [участие российских (советских) военнослужащих в боевых действиях за пределами Российской Федерации (СССР) после Второй мировой (1946–2002)]. М.: Триада-фарм, 2002. 494 с.
- Чмыхов М.В. Наши в Африке. Становление авиации Мозамбика. Воспоминания участника событий 1979–1982 гг. Киев, 2009. Музей миротворчества он-лайн. Советские советники и специалисты в Мозамбике. URL: <http://peacekeeping-centre.in.ua/Museum/Mozambique/Articles/1.htm>
- Шадрин Б.Д. В далекой Эфиопии. URL: <http://www.proza.ru/2011/11/13/607>
- Шадрин Б.Д. В далекой Эфиопии. Записки военного советника. URL: <https://www.proza.ru/2011/11/12/1058>; Продолжение 1-3. URL: <https://www.proza.ru/2011/11/12/1336>; <https://www.proza.ru/2011/11/13/165>; <https://www.proza.ru/2011/11/13/607>; Окончание. <https://www.proza.ru/2011/11/15/203>
- Шарый В.И. Военно-политическое сотрудничество Советского Союза с португалоговорящими странами Африки в 60–80 гг. XX столетия (опыт, уроки, последствия). М.: Московский пограничный институт ФСБ РФ, 2008. 470 с.
- Шубин В.Г. Горячая «холодная» война: Юг Африки (1960–1990 гг.). М.: Языки славянской культуры, 2013. 368 с.
- Юрасов А. Н. Советское Красное море у берегов Эфиопии. Воронеж, 2015. URL: <http://www.proza.ru/2015/10/14/300>
- Яременко В.А., Почтарев А.Н., Усиков А.В. Россия (СССР) в локальных войнах и вооруженных конфликтах второй половины XX в. М.: Кучково поле; Полиграфресурсы, 2000. 576 с.

Григорьева Светлана Валерьевна, кандидат исторических наук, доцент, Нижнегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского; svetl-grigor@yandex.ru

Spaces of Soviet influence in the memories of local wars veterans in Africa during 1960–1980

The article analyzes the space of soviet influence in Africa in the 1960s-1980s, relevant for former soviet military specialists, discussed and reflected by them on the pages of their memories. The author characterizes the general patterns of perception of these spaces by veterans of local wars and the specific features of their understanding by individual soviet soldiers, identifies the main geographical landmarks and areas of the soviet military presence in the continent during the Cold war.

Keywords: Africa, USSR, XX century, local wars, military memoirs, Soviet influence

Svetlana Grigorieva, Ph.D. (History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; svetl-grigor@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ СЕГОДНЯ

А. В. ДЬЯКОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МУДРЕЦА: ИСТОРИЯ ИДЕЙ И ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ¹

В статье предлагается авторский взгляд на эпистемологическую трансформацию истории философии, приобретающей в наши дни статус не философской, но исторической науки. Превращение истории философии в историю мысли автор предлагает рассматривать с точки зрения трансформации центральной фигуры этой дисциплины, которое в терминах, предложенных Ж. Делезом, можно описать как имплицитное возвращение фигуры Мудреца, некогда вытесненное из пространства гуманитарных наук фигурой Философа. Автор показывает, почему история философии смогла обрести статус самостоятельной философской науки, сконцентрировавшись вокруг фигуры Философа, устремленного к знанию, но не обладающего им монополично. Тем самым она смогла избавиться от порочащей репутации доксографии и выйти на уровень теоретического знания. Философ не тождествен Мудрецу как носителю знания, транслируемого по традиции и легитимизируемого принадлежностью к ней. Историко-философский дискурс имеет тенденцию сближать фигуру Философа с фигурой Ученого, приписывая первому познавательную активность. При этом конституируется бинарная оппозиция знание/познание, в которой второй элемент имеет приоритет над первым. Во второй половине XX века происходит дискурсивный перевод истории философии в регистр исторической науки посредством ее преобразования в историю мысли. Фигура философа заменяется фигурой Ученого, которая в силу своей непосредственной вовлеченности в традицию и центрированности на преобразовании собственной личности обладает чертами, характерными для фигуры Мудреца.

Ключевые слова: философия, история философии, Философ, Мудрец, эпистемология, историзм, история

В своей знаменитой и, быть может, слишком часто цитируемой книге «Что такое философия?» Ж. Делез (Гваттари, кажется, не принимал непосредственного участия в ее написании) замечает: «Как утверждают, именно греки окончательно зафиксировали смерть Мудреца и заменили его философами, друзьями мудрости, которые ищут ее, но формально ею не обладают. Однако между философом и мудрецом различие не просто в степени, словно по некоторой шкале, скорее дело в том, что древний восточный мудрец мыслил Фигурами, философ же изобрел Концепты и начал мыслить ими. Вся мудрость сильно изменилась². Эта формулировка («философия есть изобретение концептов») часто воспринимается буквально и порождает школярскую самоуверенность, позволяя безапелляционно судить о том, кто философ, а кто нет.

---

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01440 «Антропологическое измерение истории философии»).

² Делез, Гваттари 1998. С. 11.

Но даже если не совершать такую *reductio ad absurdum*, перед нами оказывается своего рода сухой остаток философии, а не ее живой организм.

С одной стороны, Делез ничего иного не делает, как своеобразно повторяет мысль своего излюбленного врага Канта в его лекциях по логике: «философия есть система философских знаний, или рациональных знаний из понятий. Таково *школьное* понятие этой науки. По *понятию о мире* она есть наука о последних целях человеческого разума»³. Кант добавляет, что в первом значении философия есть учение об умении, а во втором – учение о мудрости. С другой стороны, Делез склонен элиминировать второй момент из тех, что называет Кант; мудрость есть знание, тогда как философия знанием не обладает, но всегда устремлена к нему. И наконец, ницшеанец Делез не смешивает философию с наукой, которая есть дело познания: философия есть претензия именно на знание, а не работа познания. Так что, противопоставляя Философа Мудрецу и находя даже себе могущественного союзника в лице самого Платона, Делез не может изгнать Мудреца окончательно.

Мудрец за последние сто лет в каком-то смысле взял реванш: на протяжении трех веков от него старались избавиться, объявляя философию наукой. В науке же, как известно, нет места авторитету мудрости, а есть только аргументация и верификация. Рационализм со своим стремлением опираться исключительно на разум и эмпиризм, требующий признавать только опытные данные, равно исключали фигуру Мудреца, обладающего знанием, либо транслируемым прошлыми поколениями, либо полученным в результате откровения. Хотя Делез сближает Мудреца еще с одной восточной фигурой – Жрецом, - с этим последним у Мудреца больше различий, чем сходств. Жрец – фигура патерналистская и, как правило, осуществляющая интеллектуальное насилие, тогда как Мудрец, по крайней мере в идеале, сохраняет нейтралитет и не стремится навязать свою истину. Так вот, Жреца наука изгоняла и подавно; научная революция Нового времени и Просвещение прошли под знаком секуляризации. При этом секуляризация была непременным условием создания новой науки, во главе которой должна была стать философия. Философия как раз и могла занять это главенствующее положение, потому что была интеллектуальной практикой, занимающей место богословия в секуляризованном обществе и легитимирующей право разума познавать мир, тогда как клерикальная мысль оттесняла его на второе место. Первый университет, как известно, возник из потребности обойтись без папы в вопросе о власти императора.

Мудрец и впрямь слишком напоминал Жреца в том отношении, что его знание было статичным и связывалось с более или менее давней традицией. Новое время производило расчистку пространства для но-

³ Кант 1994. С. 279.

вого строительства, так что нужно было отказаться от традиции, произведя обнуление интеллектуальной истории. Картезианская философия как нельзя лучше передает это стремление всякий раз созидать заново: любой мыслящий индивид должен начинать с «*cogito ergo sum*», а не с «*credo*», за которым стояла бы готовая система (или мешанина) истин. При этом стоит помнить о том, что фигура Мудреца представляет собой переменную, место которой может занимать тот или иной конкретный персонаж интеллектуальной истории. В Средние века Аристотель, которого, как мы помним, именовали попросту Философом, стал именно Мудрецом и в этом качестве был отринут создателями новой науки.

Просвещение отказалось от систематической философии классического рационализма, но Мудреца со Жрецом отвергало едва ли не с большей решимостью. Во всяком случае, теоретически: Просвещение требовало от человека начать пользоваться собственным разумом вместо того, чтобы опираться на авторитетные суждения тех, на кого он готов переложить эту задачу, но сами философы Просвещения, как правило, не изобретали концептов и вообще не стремились к систематическому мышлению в понятиях (худшим обвинением Дидро в адрес Гельвеция было то, что тот пытается мыслить систематически⁴). *Stricto sensu* они были не философами, а скорее мудрецами: вели «философский» образ жизни, рассуждали по любому поводу и смертельно боялись показаться скучными, сосредоточившись на каком-то одном предмете. Эту салонную мудрость можно было назвать философией не в кантовском и не в делезианском смысле, а в том лишь отношении, что она делала человека мудрым и таким образом позволяла ему избрать верный путь в жизни.

Позитивизм XIX столетия был самой решительной попыткой изгнания Мудреца из сферы философии, которая отныне должна была стать строгой наукой или, во всяком случае, строиться по образцу строгой науки. Однако закончилось все скорее изгнанием из философского пространства всего, что напоминало строгую науку, ибо та сухой и безжизненная конструкция, к которой в конце концов устремился позитивизм, уже нимало не напоминала о живом философском организме. Позитивистский идеал, конечно, никуда не исчез и по сию пору имеет множество приверженцев, однако их цели и задачи лежат в области поисков универсального языка и общенаучной методологии. В философии вообще трудно разглядеть магистральное направление, и всякая попытка эту магистраль утвердить (а позитивизм как раз и является такой попыткой) обречена на провал уже из-за нежелания большинства тех, кто имеет отношение к философии, этому вектору следовать.

XX век знал самые разные тенденции и устремления, так что обновленный позитивизм соседствовал с самым резким антисциентизмом.

---

⁴ Дидро 1991.

Но в общем можно сказать, что там, где философия не уходила в область чистой методологии (неопозитивизм, феноменология), она концентрировалась на потребности человека в такой мысли, которая могла бы его изменить, возвращаясь таким образом к идеалам позднеантичной традиции и Просвещения. Философ в том облики, которое придала ему модернистская традиция, был человеком-сухарем, а самое главное, его сухая истина никого не могла сделать счастливым, с ней нельзя было ни жить, ни умереть. Мысль Ницше о том, что следует отринуть мертвящую истину хотя бы ради иллюзии, но такой, что позволяла бы жить и совершенствоваться, становилась все популярнее, так что релятивизм стал наконец повальной модой⁵. Мудрец смело вышел на свет, не считая больше нужным скрываться, и стал теснить Философа.

П. Слотердайк справедливо назвал это состояние умов «циническим разумом»⁶: после трех столетий ниспровержения и высмеивания не критической и догматической мысли на оказалась не только жива, но и весьма востребована. Вдруг вернулась метафизика, и даже сам этот термин опять вошел в моду, а критика и аргументация стали считаться дурным тоном. Стали поговаривать, что после столетия анализа снова пора приступать к синтезу, а о том, что для подобного оптимизма никаких оснований нет, решили просто забыть. Новая модификация реализма как раз и является примером «цинического разума» и даже не слишком старается маскироваться.

Но нас интересует совсем другое: какую роль в этом процессе играет история философии и что с ней происходит сегодня. С одной стороны, история философии родилась из историзма, который принято представлять продуктом трансформации истории в строгую науку. С другой, сам этот историзм был явлением идеологического и гуманитарного (а то и вовсе религиозного) порядка, и философия приложила руку к его легитимации в том самом своем регистре, который мы теперь знаем как историю философии. Если история философии хочет стать более или менее строгой наукой, ей нужно сделаться исторической дисциплиной, частью той самой истории, которая усматривает в историческом процессе интеллигибельные законы и *voles nolens* определенное направление. Телеологизм в истории философии присутствует как вечный соблазн, жертвой которого случалось пасть самым значительным ее представителям. Ступив на этот путь, история философии совершает своего рода измену, переметнувшись на сторону истории; проще говоря, она перестает быть философской дисциплиной и работает теперь во имя чужих и чуждых ей интересов. Ей приходится легитимировать исторический дискурс, отказавшись от его критики.

---

⁵ Хабермас 2008.

⁶ Слотердайк 2009.

Здесь нет места ни Философу, ни Мудрецу. Сохранить верность философии она может лишь сама будучи философией, т.е. не превращаясь в доксографию и не став историей идей.

Истории философии Средневековья и раннего Нового времени – насколько вообще уместно здесь употреблять этот строгий термин – писались по образцу бессмертного сочинения Диогена Лаэртского, которое использовали для составления многочисленных компиляций, с прибавлением тех или иных персонажей, стоящих в хронологическом отношении ближе к автору⁷. Сам Диоген, конечно, не помышлял о том, чтобы четко отделить Философа от Мудреца и даже был склонен возводить всю греческую философию к «мудрости варваров». Что бы мы ни думали об этом сегодня и как бы хорошо ни вписывались подобные рассуждения в делезианскую схему, сами греки, рефлексировав по поводу статуса и истории философии, не отличали фигуру Философа от родственных ей фигур, а напротив, готовы были признать философами и Гомера, и Перикла. Христианская мысль совершила своего рода переворот: различая языческую философию и богооткровенную мудрость, достаточно либерально настроенный Климент Александрийский провозгласил христианского мыслителя подлинным философом. В сущности, Философом он называл как раз того, кого Делез называет Мудрецом и кто очень скоро станет Жрецом. Зрелое Средневековье стало тем философам, чьи доктрины коррелировали с христианской догматикой, придавать облик и статус Мудреца.

Впрочем, ни античность, ни Средневековье не знали истории философии в собственном смысле; доксография как простое перечисление философских доктрин не дает исторической картины развития философской мысли. Когда канцлер Бэкон выдвинул требование: «Должны быть названы основные авторы, наиболее значительные книги, школы, традиции, университеты, общества, колледжи, организации»⁸, его мало кто услышал, однако в пространстве философского знания появился идеал, на который ориентируется история философии Новейшего времени. XVII и XVIII вв. были временем медленного вытеснения доксографии историческим дискурсом, происходившего на фоне вытеснения механицизма гуманитарным знанием нового типа⁹.

Если механицизм и рационализм классической эпохи строго требовали от Философа соответствия идеалу Ученого, понимать ли под этим кабинетного мыслителя или натуралиста-испытателя, то век Просвещения ценил совсем другие достоинства, требуя от философа скорее знания жизни, нежели погружения в естествознание. Впрочем, что касается

---

⁷ Ribard 2003.

⁸ Бэкон 1977. С. 159.

⁹ Píaiá, Santinello (eds.) 2011.

французской философии, погруженной в изящную словесность и из нее произрастающей, даже самые сциентистски настроенные времена прощали скорее поверхностность, чем скуку ученого сухаря. Вспомним хотя бы историю «перевоспитания» Паскаля кавалером де Мере¹⁰. Философ во Франции обязан быть прежде всего светским человеком и писать так, чтобы его сочинения могли читать дамы. Задним числом историки философии, конечно, склонны заниматься ревизионизмом и заявлять, к примеру, что Гельвеций вовсе не был самым значительным мыслителем своей эпохи, а лишь повторял расхожие суждения и умел шаркать по паркетам, чему и обязан своей популярностью при жизни и вскоре после смерти. Однако это нисколько не умаляет исторического значения таких философов, ибо задним числом невозможно вымарать то реальное влияние, которое они оказали на современников и на потомков.

Пример Гельвеция показателен и в другом отношении: обвиняя его в попытке мыслить систематически, Дидро выразил отношение своего столетия, которое, впрочем, было присуще не только XVIII веку, но сохраняется даже в самые «критические» времена. Авторитет философа зависит не от силы его аргументов или стройности его доктрины; философа принимают целиком благодаря созвучию его мысли умонастроению эпохи или отвергают, тоже целиком, если мысль его оказывается «несвоевременной». Впоследствии отношение к нему может меняться на прямо противоположное, но характер притяжения или отталкивания сохраняется. Другими словами, в глазах образованной публики (и даже в глазах его коллег по цеху), философ предстает скорее неким харизматиком, способным (или, напротив, неспособным) увлечь за собой других людей. Легитимируется эта харизма образом Мудреца. История философии редко соответствует идеалу, заданному Ф. Бэкону, и куда чаще выглядит как своего рода агиография.

Б. Латур предложил иное объяснение способности философов привлекать к себе внимание широкой публики: как и все остальные, философы заключают альянсы с теми или иными акторами и целыми группами акторов, которыми могут оказаться печатное издание, литературный салон, факультет или монаршая особа. С этой точки зрения история философии предстает процессом составления альянсов и борьбы этих альянсов между собой. Действительно, кто же не знает, что Гегель умел понравиться университетскому начальству, тогда как Шопенгауэр угождать не умел и в итоге потерпел поражение? И в исторической ретроспективе покойные философы продолжают действовать как акторы, привлекая на свою сторону историков философии и читающих интеллектуалов и тем самым обретая большую или меньшую силу. Доверие к ним,

---

¹⁰ Дьяков 2014.

опять-таки, определяется не их способностью убеждать, не их современностью (они-то как раз и должны сказать публике, что современно, а что нет), а той силой, что стоит за ними и что составляет как сумма единиц, входящих в альянс. Луи Пастер обрел огромную силу, позволившую ему «пастеризовать» Францию, оседлав волну гигиенического движения и выступая посредником между человечеством и несметными полчищами не видимых глазу микробов. Независимо от того, сколь успешны были его опыты (а успех сопутствовал ему далеко не всегда), в глазах самой широкой публики он предстал великим человеком, способным «договориться» с теми, кого и увидеть-то нельзя.

В таком же примерно положении оказывается и философ. Вступая в альянсы, присоединяясь к уже существующим группировкам сил или создавая новые, он обретает значимость в глазах более или менее широкой публики. Особо удачливые могут становиться иконами в глазах людей, для которых философия – не более чем «мелкий шрифт, длинные слова и плохие продажи». В этом случае он совершенно неотличим от Мудреца, чей дискурс обладает значимостью благодаря тому альянсу, который он представляет. В истории философии, как на войне, ситуация меняется едва ли не каждый час. Альянсы распадаются, прежние друзья оборачиваются врагами, да и сам историк философии тоже постоянно ищет себе союзников. Возможно, творчество Делеза эмблематично в этом отношении: этот известнейший философ очень долго занимался поисками друзей и врагов, а обретя тех и других, смог приступить к конструированию собственного философского пространства. Эмблематичным мы называем этот подход, потому что здесь остается совершенно прозрачным то, что в творчестве других философов присутствует, быть может, в той же мере, но оказывается тщательно замаскировано – тот факт, что всякая философия конституируется силовыми линиями, пронизывающими дискурс того или иного философа. Любопытно, что найти своих противников едва ли не важнее, чем обрести друзей, ибо именно противостояние с враждебной силой создает нужный градиент напряжения, необходимый для живой философии. История философии оказывается дискурсивным пространством, в котором происходит эта перекомбинация сил, через которое проходят линии напряжения и которое, таким образом, легитимирует всю эту «философскую практику» в глазах сообщества.

Конечно, взгляд, предлагаемый Б. Латуром, сформировался в пространстве лабораторной науки, и его перенос на область философии может показаться не вполне корректным. Однако трудно не согласиться с идеей Латура относительно «перевода», который происходит едва ли не во всех сферах современной науки, поскольку она становится предметом внимания хотя бы самого небольшого сообщества. В нашем случае «перевод» заключается в том, что история философии совер-

шенно открыто мутирует в историю мысли, т.е. из философской науки превращается в науку историческую. Взглянув на творчество М. Фуко, по стопам которого идет Латур, мы увидим, какие следствия влечет за собой подобный «перевод». С одной стороны, это то, чем (по)читатели Фуко обычно восхищаются: радикальный разрыв с метафизикой, отказ от телеологической истории ради «трансверсальных» исследований, ницшеанская «генеалогия», представляющая собой историческую критику всякого явления. Ж.-П. Сартр недаром обвинял Фуко в намерении «убить историю»¹¹, и тот подтверждал наличие такого намерения в отношении «той истории, в которую верит Сартр» - истории телеологической, интеллигибельной, длящейся и ограниченной горизонтом коммунизма¹². Вместо нее он предлагал амальгаму из статичных картинок («волшебный фонарь вместо кино», по выражению того же Сартра), постигаемых через анализ дискурсивных событий, однажды случившихся и не подлежащих вымарыванию или замене событиями, лучше вписывающимися в общую картину. Ни «конца истории», ни транс-исторических универсалий, ни длительностей, на протяжении которых действуют интеллигибельные законы.

Оборотной стороной этих достижений фуколдианского сворачивания истории оказываются перевод истории философии в пространство исторического дискурса, попытка заменить критику эстетикой и возрождение той самой метафизики, с которой Фуко рассчитывал покончить, под видом метафизики желания. Суммировать эти три момента можно следующим образом: в творчестве Фуко фигура Философа оказалась вытеснена фигурой Мудреца. «Эстетики существования», «забота о себе», дендизм и интеллектуальный номадизм – вот главные черты этого обновленного образа Мудреца. Все это можно было бы оставить без внимания как утехи стареющего интеллектуала, с радостным дилетантизмом обернувшегося к грекам. Однако в действительности речь идет о вещах куда более важных, и творчество Фуко – симптом очень важного и потенциально радикального процесса, происходящего в пространстве философии.

Вся эта теоретическая жестикующая Фуко фиксирует произошедший в регистре истории философии эпистемологический разрыв: на месте истории философии оказывается история мысли, причем эта последняя мимикрирует под первую, но по своим целям и методологии ею не является. Переход в другой регистр достигается благодаря вышеупомянутым жестам, характерным не только для творчества Фуко, но и для значительной части современной философии. Радикальная критика философской традиции на деле ведет не к обновлению философии, а к от-

---

¹¹ Sartre 1966.

¹² Foucault 1994-2001. P. 666-667.

ходу от философской проблематики и, главное, философского типа проблематизации и переносу ценностного акцента в область истории мысли. Следствиями такого переноса являются, во-первых, исчезновение из регистра философских наук истории философии как самостоятельной философской дисциплины, а во-вторых, теоретическое упразднение оснований для этой последней. В этическом же пространстве место Философа занимает Мудрец, поскольку философская практика теперь мыслится как деятельность, направленная на моделирование личности философствующего индивида, а не на познание.

Подведем итоги. История философии смогла обрести статус самостоятельной философской науки, сконцентрировавшись вокруг фигуры Философа, устремленного к знанию, но не обладающего им монополично. Это позволило ей избавиться от порочащей ее репутации доксографии и выйти на уровень теоретического знания. Философ не тождествен Мудрецу как носителю знания, транслируемого по традиции и легитимизируемого принадлежностью к этой традиции. Историко-философский дискурс имеет тенденцию сближать фигуру Философа с фигурой Ученого, приписывая первому в качестве атрибута познавательную активность. При этом конституируется бинарная оппозиция знание/познание, в которой второй элемент имеет приоритет над первым. Сам историко-философский дискурс артикулируется в дискурсивной формации, утверждающей историзм в качестве своего идеологического фундамента, что уже потенциально переводит историю философии в регистр исторических наук, выводя ее из пространства философии. Ее принадлежность к области философии оказывается возможна лишь в той мере, в какой сама философия принимает историзм как свое доктринальное основание (позитивистская история философия в принципе уже не может быть философской дисциплиной). В XX веке происходит дискурсивный перевод истории философии в регистр исторической науки посредством ее преобразования в историю мысли. Фигура философа заменяется фигурой Ученого, которая в силу своей непосредственной вовлеченности в традицию и центрированности на преобразовании собственной личности обладает чертами, характерными для фигуры Мудреца.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук / Сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1977. [Bacon F. O dostoinstve i priumnozhenii nauk / Sochinenija. V 2-h t. T. 1. M.: Mysl' Publ., 1977.]
- Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? Пер. С.Н. Зенкина. СПб.: Алетейя, 1998. [Deleuze G., Guattari F. Chto takoe filosofija? Per. S.N. Zenkina. SPb.: Aletejja, 1998.]
- Дидро Д. Последовательное опровержение книги Гельвеция «О человеке» / Сочинения. В 2-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1991. [Diderot D. Posledovatel'noe oproverzhenie knigi Gel'vecija «O cheloveke» / Sochinenija. V 2-h t. T. 2. M.: Mysl' Publ., 1991.]
- Дьяков А.В. Светская философия, или Сослагательное наклонение в истории мысли: Паскаль и де Мере // Вестник СПбГУ. Серия 17: Философия. Конфликтология. Куль-

- турология. Религиоведение. 2014. Вып. 4. С. 60-66. [Dyakov A.V. Svetskaja filosofija, ili Soslagatel'noe naklonenie v istorii mysli: Paskal' i de Mere // Vestnik SPbGU. Serija 17: Filosofija. Konfliktologija. Kul'turologija. Religiovedenie. 2014. Vyp. 4. S. 60-66.]
- Кант И. Логика. Пер. И.К. Маркова и В.А. Жучкова / Сочинения. В 8 т. Т. 8 М.: Чоро, 1994. [Kant I. Logika. Per. I.K. Markova i V.A. Zhuchkova / Sochinenija. V 8 t. T. 8 М.: Choro, 1994]
- Слотердайк П. Критика цинического разума. Пер. А.В. Перцева. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ, 2009. 800 с. [Sloterdijk P. Kritika cinicheskogo razuma. Per. A.V. Perceva. Ekaterinburg: U-Faktoriya; M.: AST, 2009. 800 s.]
- Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2008. [Habermas Ju. Filosofskij diskurs o moderne. M.: Ves' mir, 2008.]
- Jean-Paul Sartre répond (entretien) // L'Arc. 1966. № 30.
- Foucault M. Dit et écrits. IV vols. P., 1994-2001. Vol. 1. P. 666-667.
- Models of the History of Philosophy (International Archives of the History of Ideas / Archives internationales d'histoire des idées). Eds. G. Piaia, G. Santinello. N.Y.: Springer, 2011.
- Ribard D. Raconter, vivre, penser. Histoires de philosophes, 1650–1766. P.: Vrin, 2003.

Дьяков Александр Владимирович, доктор философских наук, заведующий кафедрой онтологии и теории познания Института философии Санкт-Петербургского государственного университета, a.diaikov@spbu.ru

The Return of the Sage: The History of Ideas and the History of Philosophy

The article offers the author's view on the epistemological transformation of the history of philosophy, which nowadays acquires the status of not philosophical but historical science. The author proposes to consider the transformation of the history of philosophy into the history of thought from the point of view of the transformation of the Central figure of this discipline, which in the terms proposed by J. Deleuze can be described as an implicit return of the figure of the Sage, once displaced from the space of Humanities by the figure of the Philosopher. The author shows why the history of philosophy was able to acquire the status of an independent philosophical science, concentrating around the figure of the Philosopher, aspiring to knowledge, but not possessing it monopolistically. Thus, she was able to get rid of discrediting her reputation doxography and reach the level of theoretical knowledge. The philosopher is not identical to the Sage as the bearer of knowledge, translated by tradition and legitimized by belonging to this tradition. Historical and philosophical discourse, the author argues, tends to bring the figure of the Philosopher closer to the figure of the Scientist, attributing to the first as an attribute of cognitive activity. In this case, the binary opposition knowledge/cognition is formed, in which the second element takes precedence over the first one. The historical and philosophical discourse itself is articulated in a discursive formation that affirms historicism as its ideological Foundation, which potentially translates the history of philosophy into the register of historical Sciences, bringing it out of the space of philosophy. Its belonging to the field of philosophy is possible only to the extent that philosophy itself accepts historicism as its doctrinal basis. In the second half of the XX century there is a discursive translation of the history of philosophy into the register of historical science through its transformation into the history of thought. The figure of the philosopher is replaced by the figure of the Scientist, who by virtue of his direct involvement in tradition and focus on the transformation of his own personality has features characteristic of the figure of the Sage.

Keywords: philosophy, history of philosophy, Philosopher, Sage, epistemology, historicism, history

Alexandr Dyakov, D. Sc. (Philosophy), Saint-Petersburg State University, Institute of Philosophy; a.diaikov@spbu.ru

Т. С. ПАНИОТОВА, М. А. РОМАНЕНКО

КРИВЫЕ ЗЕРКАЛА АВАНГАРДА УТОПИЧЕСКИЕ ПРОЕКЦИИ СОВЕТСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ¹

Авторы рассматривают искусство русского авангарда 1920-х гг. как своеобразный депозит «мест» и «пространств» памяти становящейся советской цивилизации. Такой ракурс исследования стал возможен на стыке двух парадигм: утопической и парадигмы памяти. Первая позволила проанализировать дискурс, сформированный утопическими идеями авангардистов о «новом мире»; вторая – рассмотреть культурные тексты авангардистов в качестве «мест» (П. Нора) и «пространств» (А. Асманн) памяти о рождении советской цивилизации как «нового мира». В статье представлены образы-модели нового мироустройства: общинно-патриархального, при этом технократического и находящегося в удивительном первозданном единении с природой сверхгосударства (В. Хлебников), совершенного беспредметного мира, созданного на основе нивелирования индивидуальных черт (К. Малевич), а также конструктивистские концепции гармонично организованной среды обитания и нового типа жилища как важнейшего условия становления нового общества и формирования «нового человека». Искусство авангарда, став «пространством памяти» о Еще-Не-Бытии, но реально-возможном (Э. Блох), в символической и функциональной формах отражало процесс становления советской цивилизации.

Ключевые слова: русский авангард, утопия, советская цивилизация, «места памяти», «пространства памяти»

Так мотивы мест памяти кружатся вокруг самих себя,
множась в кривых зеркалах, являющихся их истиной.

Пьер Нора

В наши дни на уровне массового и теоретического сознания заметен растущий интерес к реалиям советской эпохи. Позитивно наполненный слоган «сделано в СССР» настойчиво пробивает себе дорогу в сфере массового потребления и массовой культуры. Сегодня рецепция реального социализма как своеобразного «потерянного рая» начинает теснить постперестроечную трактовку социализма как тоталитарной антиутопии. Хотя с известной долей условности можно утверждать, что вся советская эпоха была временем реализации самой грандиозной утопии XX столетия, обладавшей чертами как евтопии («совершенное», «благое» место), так и утопии («казарменного коммунизма»).

Однако много ли знает нынешнее молодое поколение о советской эпохе? Что говорят молодым людям пока еще сохранившиеся старые названия многих улиц и площадей, отсылающие к революционным событиям и действующим лицам той, относительно недалекой поры? Имеют ли они представление, о какой, собственно, революции идет речь, когда само событие уже не является «красным днем календаря»?

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-311-90062.

Учебники истории многократно переписаны в соответствии с политическим заказом, а информационное пространство заполнено продукцией контрафактической истории и совершенно фантастическими «фактами». Впрочем, как заметил Пьер Нора, история всегда есть делегитимизация пережитого прошлого: «Движение истории, амбиции историков не являются воскрешением того, что действительно произошло, но полным его уничтожением». Что же в таком случае позволяет пусть неполно, но реконструировать историю, понимать логику ее развития? Это укорененная «в пространстве, жесте, образе и объекте» память, точнее, «места памяти», «то, что скрывает, облачает, устанавливает, создает, декретирует, поддерживает с помощью искусства и воли сообщество, глубоко вовлеченное в процесс трансформации и обновления, сообщество, которое по природе своей ценит новое выше старого, молодое выше дряхлого, будущее выше прошлого»². Россия после 1917 г. была обществом, глубоко вовлеченным в процесс социальных трансформаций, полем рождения новой, советской цивилизации, которую «облачало», «декретировало» и представляло в художественных образах искусство. Поэтому культурные тексты (картины, плакаты, скульптурные композиции и т.п.), воспроизводящие рождение советской цивилизации, могут служить теми «местами» и «пространствами» памяти, которые позволяют реконструировать и сохранять историю.

Наша цель – обратившись к искусству, точнее к авангарду 20-х гг., рассмотреть его как своеобразный депозит «мест» и «пространств» памяти становящейся советской цивилизации, при этом акцентируя внимание на его утопическом измерении. Высокая идеальность искусства всегда позволяла усматривать в нем аналог утопии, а иногда – ставить между ними знак равенства. Подобно искусству, утопия тяготеет к предельности идеальной цели, а утопический максимализм содержит допущение чуда, что также сближает его с искусством. К тому же утопическая мысль постигает мир в образах-концепциях; ее образность близка эстетическому видению, а объект утопического творчества зачастую имеет художественную структуру. «В авангардной культуре и, шире, в культуре модернизма этот утопический импульс, скрытый в художественном творчестве, приобретает программный характер»³.

Исследование основано на стыке нескольких эпистемологий. Так, обращение к утопической природе авангарда даст возможность проанализировать утопический дискурс, продуцируемый представителями авангардистских течений 1900–1920-х гг. Утопия как дискурс создает ряд высказываний, мыслительных категорий и эмпирический опыт на основе образа нового социального бытия, которое возводится в абсолют

² Нора 1999. С. 21, 25.

³ Бобринская 2010. С. 35.

и является целью, и по ее достижении ход времени прекращается. Для понимания природы утопии мы обратимся к теории Эрнста Блоха, расширившего представление об утопии до универсального феномена бытия. Это наиболее полно отражает утопическую суть авангарда, где утопия касалась не только практической сферы и предвидения будущего, но создавала мировоззренческие ориентиры, выступая и онтологическим, и гносеологическим принципом. Поскольку мировая материя, по Блоху, находится в постоянном становлении и открыта изменениям, то утопия – В-Возможности-Сущее – предстает в виде материи, направленной вперед, в будущее. Одной из форм, в которой может проявляться Еще-Не-Бытие, но реально-возможное, является искусство, «... лаборатория и одновременно праздник осуществленных возможностей вместе с содержащимися в них понятиями альтернативами, причем и осуществление, и результат существуют как фундированная видимость, а именно — как мирское совершенство предвидения»⁴.

Что касается авангарда, то под ним, вслед за Ю.Н. Гириным, мы понимаем не разрозненные художественные течения, а некий эстетико-социальный комплекс, разноуровневые проявления которого «в совокупности образуют культурный текст эпохи, единую картину мира, имеющую общую онтологическую основность»⁵. Именно это обстоятельство позволяет рассматривать авангард в контексте парадигмы памяти. В качестве исходной позиции в рамках парадигмы памяти мы обратимся к теории П. Нора о «местах памяти», в которых «память кристаллизуется и находит свое убежище»⁶. Функционирование мест памяти как таковых возможно благодаря трем аспектам: материальному, символическому и функциональному, которые, органично соединяясь, наделяют какой-либо объект статусом места памяти. Мы будем использовать и понятие «пространство памяти», введенное Алейдой Ассманн. Различая понятия «пространство» и «место», она отмечает, что первое представляет собой сферу «человеческого планирования, созидания и покорения», а второе – сферу ставшего и свершенного, а потому имеет место дело с воспоминаниями и эмоциями по поводу свершившегося. «Понятие пространства содержит в себе потенциал планирования, нацеленный в будущее; понятие места несет в себе знание, относящееся к прошлому»⁷.

Считать авангард «пространством» или «местом» — зависит от временной перспективы рассмотрения. Рассмотренный «изнутри» эпохи, с позиции своих идейных представителей авангард, олицетворяющий и реализующий мечту о новом мире, является «пространством»

---

⁴ Блох 1991. С. 71.

⁵ Гирин 2013. С. 7.

⁶ Нора 1999. С. 17.

⁷ Ассман 2014. С. 136-137.

памяти о Еще-Не-Бытии, но реально-возможном, предвосхищающим благо. Для нас в силу временной дистанции авангард является уже «местом», несущим в себе память об экспериментах по созданию «нового мира» — советской цивилизации. Исследуя «пространства» памяти следует вычлениить и проанализировать три аспекта — символичность, функциональность и материальность. Поскольку последний аспект не является содержательно важным, мы опустим его в дальнейших рассуждениях с оговоркой, что это условие соблюдено во всех рассматриваемых нами концепциях — формой воплощения утопических идей стали тексты культуры (в широком смысле слова).

В 1922 г. Эль Лисицкий заявил, что «Октябрьская революция в искусстве произошла задолго до 1917 года». Под революцией в искусстве он подразумевал первые манифестации авангарда начала XX века, происходившие на фоне других, не менее значимых (и знаковых) событий. Первое из них — революция в естествознании. Открытия, сделанные в физике, привели к признанию несостоятельности ньютоновских представлений о вещественной природе материи, об абсолютности пространства и времени, о прочности материальных форм бытия. Пространство и время навсегда перестали быть тем, чем были прежде, квант и атом обрели реальность, масса стала одной из форм энергии. Каскад научных открытий изменил и картину мира в целом. В науке утверждается неклассический тип мышления, в философии — неклассические формы рефлексии, в искусстве — новый тип творчества. Лозунг «Искусство как наука» в общем контексте культуры становится необычайно популярным. Найденный наукой выход из кризиса послужил для представителей авангарда примером. Наука замкнулась в лабораториях — и модернисты закрывались в собственных творческих мастерских. Наука исследовала невидимые сущности — и искусство стало превращаться в беспредметное. Отказ модернистов от образности сопровождался поворотом к выражению внутренних субъективных переживаний художников. Смысл этого поворота в судьбах искусства XX в., Х. Ортега-и-Гассет определил так: «От изображения предметов перешли к изображению идей: художник ослеп для внешнего мира и повернул свой зрачок вовнутрь, в сторону субъективного ландшафта»⁸. Однако на этом авангард не остановился: следующим шагом стал переход от выражения субъективных переживаний — к изображению идей в виде «зашифрованных» культурных текстов, ключ к которым знает только сам автор.

В целом поиски авангардистов могут быть поняты как рецепты открытой наукой новой структуры реальности, в которой «сосуществуют хаотическое смешение всего и вся и строгая геометрия, банальность и элитарность, грубый материализм и экзальтированный спиритуа-

⁸ Ортега-и-Гассет 1991. С. 252.

лизм»⁹. Таким образом, революция в естествознании имела прямые последствия для культуры. «Если время остановимо и обратимо, – пишет Н.Р. Суродина, – то отменяется грех, отменяется единственность и абсолютная вечность истины, отменяются непроницаемые границы между культурно-историческими эпохами. Почва под ногами человечества закачалась. Релятивизация мышления затронула многие сферы деятельности человека XX столетия: исчезли разделения на жанры и стили в искусстве, добродетели превратились в результат договора, в научный дискурс внедрилась магия, в религии самыми актуальными стали экуменические идеи»¹⁰. Объявленная Ницше «смерть Бога» существенно расширила пространство утопического дискурса. Утопизмом в той или иной степени были пропитаны все направления искусства того времени, начиная с исходившего из принципа двоемирия романтизма. И родившийся на рубеже столетий авангард, «постоянно балансирующий между поиском божественного присутствия и чувством богооставленности, был... обречен на утопизм»¹¹. Утопические настроения явно или латентно присутствуют в кубизме и экспрессионизме, футуризме и абстракционизме. При этом русский авангард находился в общеевропейском культурном пространстве творческих поисков¹². Авангардистские школы возникали и распадались, на их основе рождались новые направления, как связанные с европейскими школами, так и собственные, русские.

Российское общественное сознание начала XX в. представляло собой духовно-интеллектуальный сплав идей разной степени радикализма: символистской «третьей духовной революции», «нового религиозного сознания» Мережковского, богостроительства Луначарского и Горького, философии «общего дела» Н. Федорова, теософии Е. Блаватской, христианского социализма С. Булгакова, экуменизма В. Соловьева, космогонических фантазий Циолковского, христианского анархизма Толстого и др. Авангардизм впитывает в себя идеи, которыми жила культура того времени, в том числе веру в особую миссию и предназначение России, которая была в равной степени свойственна как представителям культуры Серебряного века, так и леворадикальным политикам во главе с В. Лениным. Большевики и деятели русского авангарда разными путями шли к одной цели: к кардинальному разрушению старого (общества, искусства) и на его руинах – строительству нового мира.

Революционный импульс питался и подкреплялся судьбоносными социально-политическими событиями начала века: за 15 лет Россия пе-

---

⁹ Бобринская 2006. С. 13.

¹⁰ Суродина 2002. С. 6.

¹¹ Бобринская 2010. С. 36.

¹² Французский исследователь авангарда Андрей Након подчеркивает «наднациональную общность культуры [авангарда], которую провозглашает большинство выдающихся художников во всех концах Европы...». – Након 1997. С. 13.

режила две буржуазно-демократические и одну социалистическую революции, последовавшую за ними Гражданскую войну. Страна была втянута в глобальную социокультурную катастрофу – Первую мировую войну, которая привела к огромным материальным и людским потерям, а в духовном плане – к переоценке всех ценностей. Однако, несмотря на это, многими авангардистами война рассматривалась как «гигиена мира», а революция – как «сложный и трудный процесс, сознательное и искреннее содействие которому может и должно придать нашей жизни окончательные и высший смысл и величайшую красоту»¹³.

Таким образом, фоном и контекстом для рождения и становления авангардистских течений в Российской империи, и позже в СССР, для поиска и развития новых художественных идей «стала сама жизнь, вернее, катастрофическое крушение ее размеренного хода. Трагизм реальности, замешанный на утопии, позволил предположить возможность моделирования будущего мироустройства в соответствии с индивидуальным художественно-стилистическим видением»¹⁴.

Великая Октябрьская социалистическая революция 1917 года способствовала формированию широкого пространства для утопического творчества, в котором совпали цели социальных экспериментаторов и деятелей искусства. Большевики, в руках которых находилась государственная власть, желали до основания разрушить старый мир насилия и неравенства и на его основе построить новый. Для этого предполагалось использовать все возможные средства и формы: от диктатуры пролетариата до монументальной пропаганды средствами искусства. Представители авангарда мечтали о новом искусстве и об изменении мира с его помощью, поэтому не случайно большинство авангардистов с восторгом восприняли революцию и искренне желали служить ей. Так, например, М. Гинзбург, один из основоположников русского конструктивизма говорил о современной ему архитектуре как об оружии, которое может быть использовано на фронтах борьбы за коммунизм.

Период 1917–1932 гг. был поистине «золотым веком» для искусства. Футуристы, кубисты, супрематисты, конструктивисты и др., колеблясь между абстракцией и строгим геометризмом, реализмом и примитивизмом, включались в пропаганду идей нового социалистического порядка. Советское искусство пользовалось свободой и демонстрировало всему миру передовые культурные достижения первого в мире государства рабочих и крестьян. Не имея возможности охватить в рамках статьи все направления, остановимся на трех: кубофутуристическая утопия Велимира Хлебникова; утопические идеи супрематизма Казимира Малевича; архитектурные проекты русских конструктивистов.

¹³ Рожков 1923. С. 52.

¹⁴ Жирякова, Назаров 2015. С. 40.

Велимир Хлебников, один из основоположников русского футуризма, великий экспериментатор в области языка. Его утопия предполагала создание мирового социокультурного пространства, объединенного общим языком, культурой, вобравшей в себя все мысли людей земли. Он пишет о едином человеческом роде, слиянии всех наций и государств в одну общину земного шара, которая живет в гармонии с миром природы. В общине отсутствуют какие-либо социальные, культурные или геополитические конфликты. Если же случаются войны, то в качестве оружия используют только сонные пули, а в перспективе все «агрессоры», желающие воевать, будут отправлены на особый пустынный остров, где смогут это делать друг с другом столько, сколько захотят или на сколько хватит сил. Социально-экономические проблемы решаются введением «противоденег». Они будут необходимы для того, чтобы, во-первых, измерять количество труда не временем, а числом ударов сердца, и, во-вторых, чтобы измерить ценность вещи количеством ударов сердца, затраченным на ее производство. Таким образом, удар сердца превращается в денежную единицу будущего общества.

Хлебников также предвещает изобретение химического способа изготовления хлеба и мяса из глины. Другой способ борьбы с голодом – это внушение по радио вкусовых ощущений, которые позволят принимать воду за вино, а простой обед – за роскошный пир. Человек будущего виделся Хлебникову мыслителем, живущим в гармонии с природой, не покоряющим, а деликатно пользующимся ее дарами. Утопия Хлебникова предполагала постепенное восхождение человека к социальной гармонии и к совершенно новой духовной среде.

В «местах памяти», оставленных в творчестве Хлебникова, можно обнаружить и парафраз лозунга о соединении пролетариев всех стран, и отмену денег («военный коммунизм»), и рецепцию наступающего голода; в них просматривается усталость от войн и надежда на технический прогресс как способ решения социальных проблем.

Иные места и пространства памяти наблюдаем в творчестве основоположника супрематизма К. Малевича. Значение выставленного на последней футуристической выставке «0,10» (1915), ставшего программным произведением «Черный квадрат на белом фоне» сам автор объяснял так: «Мы острой гранью делим время и ставим на первой странице плоскость в виде квадрата, черного, как тайна, плоскость глядит на нас темным, как бы скрывая в себе новые страницы будущего. Она будет печатью нашего времени, куда и где бы ни повесили ее, она не затеряет лица своего»¹⁵. Отмечая важность определения как «печати нашего времени», заметим, что эта интерпретация была далеко не единственной. Позднее появятся авторские трактовки «Квадрата» как «зародыща всех

¹⁵ Малевич Т. 1. С. 112.

возможностей», как универсального воплощения принципа экономии и даже как образа Бога, «совершенного существа в новом пути сегодняшнего начала»¹⁶. Характеризуя это произведение, вызвавшее множество различных толкований, современный искусствовед Н. Стангос говорил: «Квадрат, который невозможно найти в природе, стал базовым супрематическим элементом, прародителем всех супрематических форм. Квадрат стал отрицанием мира видимостей и всего искусства прошлого»¹⁷.

После революции Малевич наполняет «Черный квадрат» и последовавшие за ним многочисленные цветные квадраты новыми смыслами. Цвет превращается в символ или знак: черный квадрат – знак экономии; красный – сигнал революции¹⁸; белый – «чистое действие», знак чистоты человеческого творчества¹⁹. В начале 1920-х гг. творчество Малевича политизируется, рождается супрематическая утопия «мира как беспредметности». Беспредметный мир – это бесконечное совершенство абсолюта. Чтобы прийти к абсолюту, нужно преодолеть предметность, под которой Малевич понимает не только частные свойства предметов, но и индивидуальные особенности людей, классовые и национальные различия и декларирует необходимость уничтожения каких-либо частных признаков или индивидуальных черт: «Как нации должны потерять все свои особенности, язык, религию, обычаи, род, расу, так и весь мир должен потерять свою особенность... ибо только тогда произойдет уничтожение воли отдельного “я” за счет единства общего»²⁰. Стирание национальных особенностей и уничтожение частной собственности тождественны процессу устранения предметности в искусстве. В книге «Мир как беспредметность» он пишет: «Под этим нужно разуметь, что если народ станет между народами, то он уже не народен, не предметен. Потерявший свою нацию, свою народность, как и предмет, ставший между-предметным, – будет беспредметным. Уничтожение собственности уже гарантирует дорогу к беспредметности»²¹. Коллектив всемирного един-

---

¹⁶ Малевич Т. 3. С. 339.

¹⁷ Stangos 1989. P. 117.

¹⁸ Ошибочно было бы полагать, что Малевич здесь исходит из образности и общепринятого мнения о том, что революционным должен быть непременно красный – цвет пролитой крови: «Но мне кажется, что, если бы кровь рабочих была синяя, все же революция была <бы> под знаменами красными» (Малевич. Т. 4. С.269).

¹⁹ См.: Малевич. Т. 1. С. 188–189. Малевич уделяет большое внимание цвету, перемещая его из эстетической в политическую сферу и наделяя смыслом достижения определенной цели – равенства: «Каждое сознание политической группировки имеет свой цвет. Политическое сознание не только выкрашено, но и имеет свою форму, которую> называют Интернационалами. Интернационал – это уже новая палитра цветов, которые должны составить единое бесцветное тело, выйдя из всех различий к единству и равенству» (Малевич. Т. 4. С. 270).

²⁰ Цит. по: Горячева 2010. С. 104.

²¹ Малевич Т. 5. С. 232–233.

ства должен преодолеть все ограниченности индивидуальности²². Только устранение частных, унификация индивидуальностей, торжество коллектива смогут превратить мир в стройную организованную систему и привести к социальной гармонии. Распространение идеала беспредметности на социальную сферу закономерно дополняло «Черный квадрат» новыми смыслами: теперь это не только наиболее чистое воплощение идеи беспредметности в искусстве, но и идеала безличностного мира, где множество индивидуумов сливается в совершенном единстве коллектива. «Таким образом, – заключает он, – устремления к коллективу – поступь великой систематизации личности с ее сокровенным “я” [в] порядок единоличия мирочеловеков, наступит “ВСЕ-Я” коллектив всего индивидуализма. Это будет наивысшей точкой сути мира»²³.

Нетрудно видеть совпадение, хотя и неполное, идей Малевича с ориентацией большевиков на создание бесклассового общества во всемирном масштабе. На это обращал внимание Эль Лисицкий, говоря, что «если сегодня коммунизм, поставивший владыкой труд, и супрематизм, выдвинувший квадрат творчества, идут вместе, то в дальнейшем движении коммунизм должен будет отстать, ибо супрематизм, охватив всю жизнь, выведет всех из владычества труда... освободит всех в творчестве и выведет мир к совершенству чистого действия»²⁴.

Теория Малевича не конкретизировала детали практической стороны жизнеустройства. И уже в первые годы после революции проявился парадокс утопии и оказалось, что, как верно подметил М. Геллер, «строительству идеального общества, движению в “золотой век” мешает будущий обитатель “великолепного здания социализма”»²⁵.

Одним из ответов на проявившийся парадокс стали идеи модернизации быта, в том числе средствами искусства. Так концепция бесклассового общества и нового человека-коллективиста, который желал жить в гармонии с миром и другими людьми, требовала дополнения в виде гармонично организованной среды обитания и нового типа жилища. На решение этой задачи откликнулся конструктивизм – течение авангарда, зародившееся в 1914 г. и ставшее особенно популярным и влиятельным в 1920-е гг. Представители конструктивизма страстно верили, что с помощью архитектуры можно изменить не только привычки человека, но и саму его сущность, что здания могут служить ячейками нового обще-

---

²² В концепции Малевича можно довольно ясно проследить влияние учения всеединства В. Соловьева. Но Малевич не останавливается на том, что коллектив станет окончательной формой общественного бытия, в которой, несмотря на ликвидацию частных, все же сохраняются отдельные «я». Цель – «уничтожение себя» как окончательный переход к беспредметности. (Горячева 2010. С. 108–109).

²³ Цит. по: Горячева 2010. С. 102.

²⁴ Лисицкий 1991. С. 43.

²⁵ Heller 1984. С. 108.

ства, ускорителями социальных преобразований, подлинными «электростанциями коммунизма». По сути, конструктивистские здания служили материализацией идеологии нового государства, «местами памяти» рождающейся советской цивилизации, а потому наглядней и убедительней лозунгов и плакатов демонстрировали установки социализма. В изложении Б. Арватова, одного из основателей ЛЕФа, принципы, которые должен был воплотить конструктивизм, выглядели следующим образом: «...не изображать красивое тело, а воспитывать настоящего живого гармоничного человека; не рисовать лес, а выращивать парки и сады; не украшать стены картинами, а окрашивать эти стены...»²⁶.

Создавая первые проекты жилищ нового типа, архитекторы вникали идеям социалистов-утопистов, внимательно изучали произведения классиков марксизма-ленинизма. Поэтому наряду с решением технической задачи рациональной организации пространства их внимание привлекало решение трех социальных проблем: обеспечение социальной однородности, ратифицированной диктатурой пролетариата; обобществление быта, внедрение в него коллективных начал; освобождение женщины от домашнего хозяйства. Итогом поисков советских архитекторов стали проекты и постройки новых типов жилых зданий, таких как жилые комбинаты и дома-коммуны. Находилось место и для будущих поселков и городов, построенных по идеальному геометрическому плану, что вызывает прямые ассоциации с утопическим творчеством²⁷.

В СССР было построено несколько домов-коммун с разной степенью обобществления быта. Наиболее ярким примером экспериментально-утопического направления в советской архитектуре, воплотившем в жизнь наряду с принципом «жилище – машина для жилья» идею полного обобществления быта, служит студенческий дом-коммуна текстильного института в Москве (архитектор – И. Николаев, 1929 г.). Общежитие было предназначено для проживания 2000 студентов в соответствии со строгим расписанием. Студенты проживали по двое в комнатах-

---

²⁶ Арватов 1922. С. 73–74.

²⁷ Начиная с античности в утопиях геометрический план выражал социальную гомогенность, ратифицированную законом и властью правителя. Концепция человека, живущего в идеальном обществе, логически требовала дополнения в виде гармонически организованного пространства. При этом утописты следовали определенной символике. Так, в европейской культурной традиции круг, квадрат были олицетворением совершенной формы и являлись важнейшим конструктивным началом художественных образов утопий. Не случайно практически все архитектурные и живописные утопии эпохи Возрождения основываются на геометрических формах круга или квадрата. По сути, здесь мы впервые встречаем объективацию духа и замысла законодателя не только в виде абстрактных общих норм и законов, но и в виде упорядоченного пейзажа и плана градостроительства. Иначе говоря, утопическая направленность мышления состоит и в создании *качественно иного* гармоничного пространства. (См.: Паниотова 2004. С.143–144).

купе размером 6 м² (всего 1008 комнат), в которых из всей мебели были только две кровати и табуреты. Все просыпались утром по сигналу и направлялись в санитарный корпус. В этом здании были залы для занятий спортом, душевые, а также гардеробные, где и хранилась одежда всех студентов. После зарядки и водных процедур студенты направлялись в столовую. После завтрака шли на занятия в институт, либо, если не было занятий, в другой корпус, где находилась библиотека, залы для детей до 3-х лет. Строгое регулирование жизни членов коммуны напоминала конвейерное производство.

В 1929 г. архитектор Д. Фридман выдвинул идею, что дальнейшее развитие процесса обобществления быта может успешно продвигаться на почве строительства не «домов-коммун», а «кварталов-коммун». Фридман разработал проект квартала-коммуны социалистического города с обобществленным бытом. Этот проект квартала-коммуны представлял собой жилой комплекс, состоящий из домов с одно- и двухкомнатными квартирами, яслей и детских садов, находящихся у каждого дома. Три или четыре таких квартала-коммуны выходили на площадь, которая была своеобразным центром. На ней находились стадион для проведения спортивных состязаний и массовых празднеств. Вблизи площади расположены школы, кинотеатры и т.д. Кроме того, такие кварталы примыкают к магистрали в виде широкого проспекта, на оси которого расположены здания различных учреждений, универмагов, гостиниц, гаражей и т.п. По другую сторону проспекта находились фабричные корпуса с безвредным и бесшумным производством.

Идея Фридмана нашла воплощение в строительстве так называемых «комбинатов для жилья», квартальных застройках во многих городах СССР, в том числе и в Ростове-на-Дону²⁸. Точно найденные пропорции формы и пространства позволяли новым «фаланстерам» быть одновременно жилым, культурным и бытовым пространством. Оно проектировалось с развитой системой коммуникаций, водяным отоплением, лифтами и мусоропроводами в каждой квартире. Пространство двора служило местом отдыха, просвещения (показ кино, чтение лекций), выполняя фактически функции клуба или парка культуры и отдыха, но только в локальных пространственных границах. В отдельном корпусе размещался спортивный зал, помещения для собраний, ясли, прачечная, баня и т.д. Дворовое пространство, наполняясь общественной функцией, обретало важнейшее социальное и символическое значение: это не просто территория для отдыха и общения жителей, а свое-

---

²⁸ Рецепция локального опыта авангардного градостроительства представлена в исследованиях А.Г. Токарева на примере Ростова-на-Дону и других регионов Юга России (Токарев 2015; Токарев 2016).

образная модель нового общества. Таким образом, архитекторы самой планировочной структурой создавали пространство, стимулирующее возникновение и социальных контактов жителей дома, и формирование коллективного быта. Эта идея оказалась жизнеспособной и продуктивной в той мере, в какой не принимала радикальных форм и сохраняла определенную степень свободы для индивида.

Ортодоксально-социалистическая максимально функциональная эгалитарная модель господствовала в архитектуре недолго. Уже в начале 1930-х гг. эпохе коммун приходит конец. Партия большевиков дает новую установку, соответствующую образу всемогущего государства: народ совершал революцию не для того, чтобы жить «в скучных коробках для обуви», как охарактеризовала конструктивистские проекты Н.К. Крупская. Начинается второй этап утопического творчества: теперь утопия должна была воплощать идеал всемогущего государства. На призыв партии художники ответили многочисленными проектами новых «дворцов» и «храмов»: Дворец Труда, Дворец Культуры, Дворец Спорта, Храм Науки. Знаковым событием стал конкурс проектов Дворца Советов, ставший символической границей между двух утопий.

***

Изложенные концепции наиболее ярких представителей авангардных течений позволяют нам сделать вывод о том, что их новаторские идеи воплощались в конкретные утопии, формируя «пространство памяти» о совершенном Еще-Не-Бытии, но реально-Возможном мире.

Структура этого пространства будет выглядеть следующим образом. В его символическом поле образы-модели нового мироустройства: общинно-патриархального сверхгосударства без социальных, национальных и политических противоречий, при этом технократического и находящегося в удивительном первозданном единении с природой (В. Хлебников) и совершенного мира, созданного на основе категории беспредметности, требующей нивелирования каких-либо индивидуальных черт (К. Малевич). В практическом плане функцию по формированию «нового человека» выполняли конструктивистские концепции градостроительства, создавая тем самым его новое социальное бытие. Эти образы-модели демонстрировали бескрайние горизонты человеческих возможностей на пути совершенствования мира, провозглашая это единственно верной целью. В соответствии с новым видением мира искусство стало главным методом освоения и изменения реальности, поэтому в функциональном аспекте эти концепции составляют некую «семантическую основу мессианского языка, который в своих установках никогда не спускается с вершин абсолюта»²⁹.

---

²⁹ Наков 1997. С. 17.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Арватов Б. На путях к пролетарскому искусству // Печать и революция. Книга первая. М., 1922. С.73–74 [Arvatov B. Na putyakh k proletarskomu iskusstvu // Pechat' i revolyuciya. Kniga pervaya. M., 1922. S.73–74]
- Ассманн А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. М.: НЛО, 2014. 328 с. [Assmann A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika / per. s nem. Borisa Nlebnikova. M.: NLO, 2014. 328 s.]
- Блох Э. Принцип надежды // Утопия и утопическое мышление: антология зарубежн. лит.: / Сост., общ. ред. и предисл. В.А. Чаликовой. М.: Прогресс, 1991. С. 49–78 [Bloch E. Princyp nadezhdy // Utopiya i utopicheskoe myshlenie: antologiya zarubezhn. lit.: Per. s razn. yaz. / Sost., obshch. red. i predisl. V.A. Chalikovoy. M.: Progress, 1991. S. 49–78]
- Бобринская Е. Русский авангард: границы искусства. М.: НЛО, 2006. 304 с. [Bobrinskaya E. Russkij avangard: granicy iskusstva. M.: NLO, 2006. 304 s.]
- Бобринская Е.А. Русский авангард как историко-культурный феномен / Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика: в 2 кн. / [под ред. Ю.Н. Гирина]. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 5–65 [Bobrinskaya E.A. Russkij avangard kak istoriko-kul'turnyj fenomen / Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika: v 2 kn. / [pod red. Yu.N. Girina]. Kn. 2. M.: IMLI RAN, 2010. S. 5–65]
- Гирин Ю.Н. Картина мира эпохи авангарда. Авангард как системная целостность. М.: ИМЛИ РАН, 2013. 400 с. [Girin Yu.N. Kartina mira epohi avangarda. Avangard kak sistemnaya celostnost'. M.: IMLI RAN, 2013. 400 s.]
- Горячева Т.В. Утопии в искусстве русского авангарда: футуризм и супрематизм / Авангард в культуре XX века (1900–1930 гг.): Теория. История. Поэтика. Кн. 2. М.: ИМЛИ РАН, 2010. С. 66–138 [Goryacheva T.V. Utopii v iskusstve russkogo avangarda: futurizm i suprematizm / Avangard v kul'ture XX veka (1900–1930 gg.): Teoriya. Istoriya. Poetika: v 2 kn. / [pod red. Yu.N. Girina]. Kn. 2. M.: IMLI RAN, 2010. S. 66–138]
- Жирякова А.Д., Назаров Ю.В. Мироздание и жизнеустройство в концепциях формообразования К.С. Малевича и В.Е. Татлина // Вестник Оренбургского государственн. ун-та. 2015. №1 (176). С. 40–46 [Zhiryakova A.D., Nazarov Yu.V. Mirozdanie i zhizneustrojstvo v koncepciyah formoobrazovaniya K.S. Malevicha i V.E. Tatlina // Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta. 2015. №1 (176). S. 40–46]
- Лисицкий Л. Супрематизм миростроительства // Эль Лисицкий. 1890–1941. Государственная Третьяковская галерея. М.: ГТГ, 1991. 213 с. [Lisickij L. Suprematizm mirostroitel'stva // El' Lisickij. 1890–1941. Gosudarstvennaya Tret'yakovskaya galereya. M.: GTG, 1991. 213 s.]
- Малевич К. Из книги о беспредметности // Малевич К. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 5. М.: Гилея, 2004. С. 206–241 [Malevich K. Iz knigi o bespredmetnosti // Malevich K. Sobr. soch.: v 5 tt. T. 5. M.: «Gileya», 2004. S. 206–241]
- Малевич К. Родоначало супрематизма // Малевич К. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 1. М.: Гилея, 1995. С. 110–112 [Malevich K. Rodonachalo suprematizma // Malevich K. Sobr. soch.: v 5 tt. T. 1. M.: Gileya, 1995. S. 110–112]
- Малевич К. Свет и цвет // Собр. соч.: в 5 тт. Т. 4. М.: Гилея, 2003. С. 239–272 [Malevich K. Svet i cvet // Malevich K. Sobr. soch.: v 5 tt. T. 4. M.: Gileya, 2003. S. 239–272]
- Малевич К. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 3. Приложение: Письма К.С. Малевича к М.О. Гершензону (1918–1924). М.: Гилея, 2000. С. 327–353 [Prilozhenie: Pis'ma K.S. Malevicha k M.O. Gershenzonu (1918–1924) // Sobr. soch.: v 5 tt. T. 3. M.: Gileya, 2000. S. 327–353]
- Малевич К. Супрематизм. 34 рисунка // Малевич К. Собр. соч.: в 5 тт. Т. 1. М.: Гилея, 1995. С. 185–207 [Malevich K. Suprematizm. 34 risunka // Malevich K. Sobr. soch.: v 5 t. T. 1. M.: Gileya, 1995. S. 185–207]
- Наков А. Беспредметный мир: абстрактное и конкретное искусство: Россия и Польша / Пер. с фр. М.: Искусство, 1997. 416 с. [Nakov A. Bespredmetnyj mir: abstraktnoe i konkretное iskusstvo: Rossiya i Pol'sha / Per. s fr. E.M. Titarenko. M.: Iskusstvo, 1997. 416 s.]
- Нора П. Между историей и памятью. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пуимезж, М. Винок. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50 [Nora P. Mezhd u istoriej i pamjat'ju. Problematika mest pamjati // Franciya-pamjat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok; Per. s fr. D. Napaevoj; Nauch. kons. per. N. Kopusov. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. S. 17–50]

- Ортега-и-Гассет Х. Дегуманизация искусства // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М.: Политиздат, 1991. С. 230–267 [Ortega y Gasset J. Degumanizaciya iskusstva // Samosoznanie evropejskoj kul'tury XX veka: Mysliteli i pisateli Zapada o meste kul'tury v sovremennom obshchestve. M.: Politizdat, 1991. S. 230–267]
- Паниотова Т.С. Утопия в пространстве диалога культур / Пер. предисл. с исп. Ростов-н/Д. Изд-во Рост.ун-та, 2004. 304 с. [Paniotova T.S. Utopiya v prostranstve dialoga kultur / Per. predisl. s isp. T.S.Paniotovoy, E.Rodriges. Rostov-na-Donu. Izd-vo Rost-un-ta, 2004. 304 s.]
- Рожков Н.А. Смысл и красота жизни: этюд из практической философии. Пг.: Книга, 1923. 52 с. [Rozhkov N.A. Smysl i krasota zhizni: etyud iz prakticheskoj filosofii. Pg.; M., 1923]
- Суродина Н.Р. Культурная интроспекция XX столетия и современности. Волгоград, 2002 [Surodina N.R. Kul'turnaya introspekciya XX stoletiya i sovremennosti. Volgograd, 2002]
- Токарев А.Г. Архитектура Ростова-на-Дону первых пятилеток (1920–1930-е гг.). 2-е изд., перераб. и доп. Академия архитектуры и искусств ЮФУ. Ростов-н/Д., 2015. 408 с. [Tokarev A.G. Arhitektura Rostova-na-Donu pervyh pyatiletok (1920–1930-ee gg.): monografiya. 2-e izd. Akademiya arhitektury i iskusstv YuFU. Rostov-n/D., 2015. 408 s.]
- Токарев А.Г. Архитектура Юга России эпохи авангарда. Ростов-н/Д.: Академия архитектуры и искусств ЮФУ, 2016. 416 с. [Tokarev A.G. Arhitektura Yuga Rossii ehpoi avangarda: monografiya. Rostov-n/D.: Akademiya arhitektury i iskusstv YuFU, 2016. 416 s.]
- Heller M. Утопия в советской идеологии // Revue des études slaves. 1984. V.56. №1. P. 105–113.
- Stangos N. Conceptos del arte moderno. Madrid: Alianza editorial, 1989.

Паниотова Таисия Сергеевна, доктор философских наук, профессор, Институт философии и социально-политических наук ЮФУ; tspaniotova@mail.ru

Романенко Максим Андреевич, аспирант, младший научный сотрудник, Институт философии и социально-политических наук ЮФУ; maks291193@gmail.com

Distorting mirrors of the avant-garde: utopian projections of Soviet civilization³⁰

The article considers the Russian avant-garde of the 1920s as a special deposit of “sites” and “spaces” of the memory of the emerging Soviet civilization. This view of the study is possible at the junction of two paradigms: the utopian one and the paradigm of memory. The first one allowed to analyze the discourse formed by the utopian ideas of the avant-garde about the “new world”; the second one – to consider the cultural texts of the avant-garde as “sites” (P. Nora) and “spaces” (A. Assmann) of memory of the birth of Soviet civilization as the “new world”. The article deals with the images-models of the new world order: communal, patriarchal and technocratic and superstate achieving the pristine union with nature (V. Khlebnikov); ideal non-objective world created on the basis of leveling any individual traits (K. Malevich); constructivist concepts of harmoniously organized habitat and a new type of housing as the most important conditions for the formation of a new society and a “new man”. The authors suggest that the art of the avant-garde, having become a “space of memory” about Not-Yet-Being but the Really-Possible world (E. Bloch), reflected the process of formation of the Soviet civilization in symbolic and functional forms.

Keywords: the Russian Avant-Garde, utopia, the Soviet civilization, “sites of memory”, “spaces of memory”

Taisia S. Paniotova, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chair of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences, Southern Federal University; tspaniotova@mail.ru

Maxim A. Romanenko, MA in Cultural Studies, Postgraduate student, Chair of Theory of Culture, Ethics, and Aesthetics, Institute of Philosophy and Social and Political Sciences Southern Federal University; maks291193@gmail.com

³⁰ The reported study was funded by RFBR, project number 19-311-90062.

И. А. ЛАДЫНИН

КОНЦЕПЦИЯ ФЕОДАЛИЗМА НА ДРЕВНЕМ ВОСТОКЕ И РАБОТЫ В.В. СТРУВЕ 1910-х – НАЧАЛА 1930-х гг.*

В статье рассмотрены истоки концепции феодализма на древнем Востоке в трудах Г. Масперо и Э. Мейера, а также проведен анализ работ В.В. Струве – одного из приверженцев этой концепции в 1920-е – начале 1930-х гг. В них ученый не стремился ее обосновать, считая бесспорной, а скорее пользовался ее готовыми понятиями в своих построениях, актуальных в идеологической ситуации того времени.

Ключевые слова: древний Восток, общество, государство, экономика, феодализм, Г. Масперо, Э. Мейер, В.В. Струве

Общественный строй древнего Востока был одним из немногих сюжетов, в дискуссиях о которых советским историкам удавалось сказать в формальных рамках марксистской парадигмы нечто отличное от официального дискурса. Уже тогда эти дискуссии привлекли внимание исследователей¹, но распределилось оно неравномерно, адресуясь прежде всего альтернативным позициям – концепции рабовладения на древнем Востоке и гипотезе о т.н. «азиатском способе производства», привлекательной своими истоками в единичных высказываниях К. Маркса. Гораздо меньший интерес вызывала концепция феодализма на древнем Востоке, преобладавшая в советской науке 1920-х – начала 1930-х гг. В советских исследованиях речь о ней шла в плане констатации², а в постсоветское время к ней практически не обращались. И это понятно: оставаясь в марксистской парадигме, советские исследователи воспринимали конструкт социально-экономической формации не как познавательную модель, не исчерпывающую все аспекты исторической реальности, а как способ ее адекватного описания³. Они не ставили вопроса, какие объективные (и тем более неудобные для обсуждения субъективные) обстоятельства определяли позиции участников дискуссий 1920–1930-х или 1960-х гг.⁴, а прежде всего выясняли, кто из них был «на самом деле прав». Сторонники «феодальной концепции» 1920–1930-х гг. были «неправы», так как она расходилась с интенцией марксистского

---

* Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.».

¹ Качановский 1971; Никифоров 1977; Неронова 1992. С. 18-34, 50-69, 101-185, 249-265.

² Постовская 1961. С. 13-14, 44, 58, 66-68; Никифоров 1977. С. 177, 182; Неронова 1992. С. 18-21.

³ См. об этой слабости советской историографии: Гуревич 2005. С. 10-26 (особ. 10, 13), 366-387, 431-432; ср., кстати: Никифоров 1977. С. 14-15.

⁴ Теперь в рамках такого исследовательского подхода (см.: Крих 2013. С. 10-12, 27-32) появилась статья о «феодальной концепции» у Н.М. Никольского: Крих 2018.

эволюционизма, не допускавшего существования одной и той же формации в течение пяти тысячелетий⁵, да и выглядела эта концепция по своим дореволюционным немарксистским истокам антикварно⁶. Наоборот, концепции рабовладения на древнем Востоке и «азиатского способа производства» были порождениями советского времени – официозом и его альтернативой, едва ли не диссидентством⁷, - и вызывали интерес в постсоветских, неиндоктринированных работах по истории науки⁸.

Что касается «феодальной концепции» в раннесоветской науке, то, по мнению С.Б. Криха, тогда невыработанность марксистского понятийного аппарата побуждала историков древности заимствовать в «готовом» виде понятия и целые концепции из «буржуазной» науки⁹. Речь идет об историках-марксистах, вошедших в науку уже после 1917 г.; но это тем более верно о дореволюционных ученых, для которых восприятие марксизма было вторично по отношению к их исследовательскому опыту. Среди них был и Василий Васильевич Струве (1889–1965) – зачинатель советской науки о древнем Востоке, определявший его строй как феодализм, а с 1930-х гг. как рабовладение и дважды – в начале 1930-х и в самом конце жизни, в 1965 г., - поддерживавший гипотезу «азиатского способа производства»¹⁰. Его роль в науке и сложная эволюция его взглядов побуждают уделить внимание ее наименее изученному этапу - следованию «феодальной концепции».

Истоком идеи о феодализме на древнем Востоке в науке конца XIX – начала XX в. часто «по умолчанию» (см. прим. 62) считают концепцию циклизма Эдуарда Мейера (1855–1930), согласно которой человечество дважды – сначала в древности, затем в средневековье и новое время – проходило фазы «средневековья» (с натуральным хозяйством и трудом крепостных) и товарной экономики (с использованием рабства или наемного труда)¹¹. Значение этой концепции и ее восприятия в России велико, но связывать определение древневосточных обществ как феодальных только с ней неверно. Как минимум еще одним его источником был масштабный труд французского египтолога Гастона Масперо (1846–1916) «Древняя история народов классического Востока»¹², где понятия «феодальный» и «феодализм» (*féodalité*) отнесены к древним

⁵ Качановский 1971. С. 207-210; Никифоров 1977. С. 182; ср. далее прим. 65.

⁶ Так, В.Н. Никифоров рассмотрел «возрождение» «феодальной концепции» в 1960-е гг. на сугубо советской почве много подробнее, чем ее бытование в 1920-1930-е гг.: Никифоров 1977. С. 46-60.

⁷ Восленский 1991. С. 573-580.

⁸ Ким 2001; Крих 2013. С. 83-116.

⁹ Крих 2013. С. 74-83.

¹⁰ Большаков 2000; Ким 2001. С. 106-107; Крих 2013. С. 89-116.

¹¹ Meyer 1910. S. 79-168.

¹² Maspero 1895-1899.

обществам Ближнего и Среднего Востока и наиболее подробно раскрыты на материале Египта. Согласно Масперо, еще на заре цивилизации предводители общин, связанных родством (*râit* - др.-егип. *p^t*)¹³, превращаются в «наследственных сеньоров» (*gorâitou hâ* – др.-егип. *iry-p^t hzty-^c*) и затем в правителей первых государств - номов¹⁴. После объединения Египта появились также вельможи, создавшие себе поместья скупкой земли¹⁵. Теоретически «вся земля» Египта принадлежала царю, но реально он управлял «доменом» в северной его части, включая Дельту. Земли южнее, кроме отдельных царских «анклавов», делились на «феоды» (*fiefs*)¹⁶: они могли конфисковываться царем или возвращаться к нему после смерти владельцев, так что владение ими считалось «узуфруктом» (*usufruit*) в рамках верховной собственности царя на землю¹⁷. Владение землей Масперо воспринимал в политическом аспекте: доходом от нее была подать, часть которой передавали царю держатели «феодов», осуществляя в них все функции управления (в том числе возглавляя культы)¹⁸. За крахом «мемфисской империи» (Древнего царства) последовало «преобладание крупных баронов» (*suprematie des grands barons*), а его последствия ощущались в эпоху «первой фиванской империи» (Среднее царство), когда пример «феодализма» давали памятники правителей Бени-Хасана¹⁹. Менее подробно Масперо говорил о «феодальной организации» в Месопотамии («Халдее»; так, Гудеа владел Лагашем как «феодом» от царей Ура)²⁰, у хеттов²¹, в ассирийской державе Тиглатпаласара III, в Лидии при Крезе, в Ахеменидской державе (за исключением пунктов под прямым управлением царя)²²; большое значение он придавал «феодальному» принципу в организации пантеонов Египта и Месопотамии²³. Как видно, «феодализм» для Масперо – прежде всего политическое понятие, предполагающее распределение власти над землей и доходов с нее между царем и «сеньорами».

¹³ См. о термине *p^t*, с отсылками к литературе: Ладынин 2014. С. 40, прим. 2.

¹⁴ Maspero 1895-1899. Т. 1. Р. 70-71.

¹⁵ См., напр., автобиографию Мечена конца III династии - XXVII в. до н.э.; Urk. I. 1-7). Op. cit. P. 290-296; см. анализ этого источника в: Maspero 1890. P. 270-401. Датировки здесь и далее приведены согласно современным научным данным.

¹⁶ Говоря об этом, Масперо обращает внимание на «практически полное отсутствие феодальных титулов на древнейших памятниках Дельты»: Maspero 1895-1899. Т. 1. P. 283, п. 2; ср. с мнением современных египтологов о царском домене в северной части Египта: Демидчик 2007.

¹⁷ Op. cit. Т. 1. P. 296 (рассуждение об «узуфрукте» - чистое умозрение).

¹⁸ Op. cit. Т. 1. P. 283-305.

¹⁹ Op. cit. Т. 1. P. 443, 447-462, 521-534.

²⁰ Op. cit. Т. 1. P. 618.

²¹ Op. cit. Т. 2. P. 356.

²² Op. cit. Т. 3. P. 208, 617, 711.

²³ Op. cit. Т. 1. P. 98 ff., 648 ff.

В концепции Э. Мейера тезис о трансформации в древности общества «средневековья» в общество товарной экономики сформулирован на античном, а именно древнегреческом материале; социальная эволюция древнего Ближнего Востока была для него скорее фоном. Мейер дал ее схему уже в своем известном докладе 1895 г.²⁴ Так, Египет с начала его государственности и до «времени строителей пирамид» был бюрократическим государством (ein fest geordneter Beamtenstaat), эволюционировавшим с середины III тыс. до н.э. в «феодалное государство» (Feudalstaat), где большая часть обрабатываемой зависимыми людьми (Hörige) земли находилась в руках «больших баронов» (der größten Baronen, der Gaufürsten), передающих подати царю. Натуральный характер экономики Египта не менялся до Нового царства, когда завоевания и контакты с Азией принесли «счет на благородные металлы» (Edelmetallrechnung), активизацию внешней торговли, и, возможно, пропорционально наибольшее число рабов не только в древней, но и в средневековой истории Египта. В I тыс. до н.э. Египет (особенно при XXVI саисской династии) и весь Ближний Восток переживает рост торговли (так, Ахемениды чеканят монету и ищут новые торговые пути); однако древневосточное общество не прошло самостоятельно ту же трансформацию, что общество Греции. Подробную характеристику общества Египта III тыс. до н.э. Мейер дал во втором издании «Истории древности»: как и Масперо, он учел сведения надписи Мечена о приобретении земли, а источником крупного землевладения считал раздачи из царского домена, исходно охватывавшего всю землю в стране²⁵. Усиление из-за этого местных правителей привело ко времени VI династии (ок. XXIV в. до н.э.) к наследованию их должностей, становлению «феодалного государства» и скорой утрате им единства²⁶. Термины «феодализм» и (применительно к ранней Греции) «средневековье» у Мейера описывают прежде всего состояние экономики, за изменениями в которой следуют политические процессы.

Концепции Масперо и Мейера были сформулированы примерно одновременно и отсутствуют в более ранних изданиях их общих работ: о феодализме на древнем Ближнем Востоке нет речи ни в одноименной «Древней истории народов Востока» Масперо²⁷, ни в I-м томе 1-го издания «Истории древности» Мейера²⁸. Как известно, «циклизм» Мейера был ответом на выдвинутую в начале 1890-х гг. концепцию К. Бюхера, согласно которой древность относилась к эпохе «замкнутого домашнего хозяйства» и лишь в раннее Новое время в экономике стал играть серьезную роль торговый обмен. Идея Масперо о феодализме в Египте вос-

²⁴ Meyer 1910, S. 92-98.

²⁵ Meyer 1909, S. 174-184 (§§ 241-245).

²⁶ Op. cit. S. 206-212 (§§ 261-264).

²⁷ Maspero 1875.

²⁸ Meyer 1884.

ходит к гораздо более ранним его наблюдениям над памятниками Бени-Хасана: еще в 1870 г. он анонсировал намерение написать работу «О феодализме в Египте» (*Sur la féodalité en Égypte*)²⁹, но оно не осуществилось. Черты его концепции видны в статьях 1888³⁰ и 1890 гг.³¹, но окончательно она оформилась, по-видимому, в первой половине 1890-х гг.³² Увидеть в ней отклик на построения Мейера нельзя чисто хронологически; она далека от социально-экономического подхода и едва ли не демонстративно задеиствует понятия европейского средневековья (Мейер употребляет их много реже). Возможно, Масперо считал естественной моделью для концептуального осмысления истории «классического Востока» постулаты французской медиевистики XIX в.: его понимание термина «феодализм» близко позициям Ф. Гизо и Н.Д. Фюстель де Куланжа, обозначавших с его помощью сочетание условного характера земельной собственности с политической властью и иерархической организацией держателей феодалов. Напротив, «экономизм» Мейера может восходить (не обязательно напрямую) к классической вотчинной теории германской медиевистики конца XIX в., воспринятой, кстати, К. Бюхером³³.

На дальнейшее конструирование концепции феодализма на древнем Востоке особенно повлияла именно трактовка Масперо³⁴: политические процессы вообще «заметнее», чем социально-экономическая природа того или иного общества. Одним из пунктов взаимодействия позиций Масперо и Мейера стала интерпретация т.н. «иммунитетных грамот» египетских царей V и VI династии, освобождавших храмы от общегосударственных податей (Urk. I. 170-172, 207-215, 279-295) и считавшихся признаком их экономического обособления и политической децентрализации Египта в конце Древнего царства (по аналогии с началом раздробленности в раннефеодальных государствах Европы)³⁵. В русской науке

²⁹ Maspero 1870. P. 181.

³⁰ Maspero 1888. P. 264-268 (о титуле «наследственных сеньоров» *gorâit*, в отличие от титула царя-«сюзерена» *souten* - др.-егип. *lsw*; см. выше).

³¹ Maspero 1890 (в надписи Мечена египтолог старался выделить титулы, обозначающие «феодальные» и «сеньориальные» владения и статус их владельцев, а также говорил об их возникновении благодаря скупке земли или предоставлению царем в управление «замков» - *chateau*, др.-егип. *ḥwt*).

³² В статье 1890 г. Масперо связал отсутствие определенных титулов на севере Египта в древнейшие времена с «различием в практике, подобным тому, благодаря которому некоторые титулы Южной Франции не существовали или были редки в феодальной Франции Севера» (Op. cit. P. 401), а в 1-м томе «Древней истории народов классического Востока» он на той же основе делал вывод об отсутствии феодальных владений в зоне царского домена (см. выше прим. 16). Концептуальная составляющая в его построениях явно нарастала в начале 1890-х гг.

³³ См.: Гутнова 1985. С. 20, 132-142, 183-186.

³⁴ Ср., напр., «медиевистическую» терминологию в описании I Переходного периода и Среднего царства Дж.Г. Брэстедом: Breasted 1905. P. 131-132, 157-158, etc.

³⁵ Мейер учел их материал в 3-м изд. «Истории древности»: Meyer 1913. S. 228 (§ 264).

«феодалная концепция» была воспринята не столь однозначно: горячим сторонником циклизма Э. Мейера был М.И. Ростовцев³⁶; но он был антиковедом, причем таких же концептуалистов среди его коллег почти не было³⁷. А зачинатель русской египтологии Б.А. Тураев, хотя и описывал в «Истории древнего Востока» общество Египта III-II тыс. до н.э. в терминах «феодалной концепции» Масперо (правда, не называя имунитетные грамоты признаком феодализации, и отмечая, что в Египте не было феодальной иерархии)³⁸, однако интересы его и большинства его учеников лежали в культурно-исторической сфере. Принятие Тураевым «феодалной концепции», осуждаемое в советское время, было не столько его позицией, сколько изложением авторитетного для него (причем не безоговорочно) мнения крупнейших ученых³⁹.

Интерес В.В. Струве к общественному строю древности определился еще до революции, независимо от идеологической конъюнктуры. Ученик Тураева, он занимался и в семинаре Ростовцева, взяв от него многое⁴⁰, а во время стажировки в Берлине в 1914 г. общался с Мейером, которого считал «величайшим историком современности»⁴¹. Окончив Санкт-Петербургский университет Струве собирался писать диссертацию об администрации Египта Нового царства⁴², но оставил эту тему, возможно, потому, что, прервав свою стажировку из-за войны, не собрал по ней материал. В 1910-е гг. он публикует три статьи по «ростовцевской» проблематике общества птолемеевского Египта⁴³. В первой из них Струве не касается вопросов теории; во второй – корректирует на основе демотических документов идею Ростовцева о разнице в праве на владение полями и усадебными землями при Птолемеях, принимая сов-

³⁶ См.: Фролов 1999. С. 347, 349-379.

³⁷ Напротив, работы видных последователей зачинателя эпиграфической школы Ф.Ф. Соколова фактографичны, что было реакцией на несовершенство обобщений, выдвинутых русской наукой ранее: Там же. С. 175-176, 186, 190-191, 266. М.М. Хвостов следовал за концепцией Мейера (Алмазова 2017), но не внес собственного серьезного вклада в ее разработку. Характерно, что не были антиковедами по «основной специальности» И.М. Гревс, исследовавший экономику Рима с позиций, близких К. Родбертусу и К. Бюхеру, и Р.Ю. Виппер, сформулировавший оригинальное видение древности как эпохи зарождения и гибели «государств-общин».

³⁸ Тураев 1935. Т. 1. С. 198-199, 203, 218.

³⁹ Там же. Т. 1. С. IX (критика «феодалной концепции» в изложении Тураева), 33-37 (оценка Тураевым общих трудов Г. Масперо и Э. Мейера, с замечанием, что недостаток первого - «слишком догматический тон»: Там же. С. 33).

⁴⁰ Берлев, Дандамаев, Фихман 1989. С. 245, 248.

⁴¹ Выдающийся русский востоковед... 1987. С. 244 (письмо В.В. Струве В.С. Голенищеву от 16 июля 1914 г.); Пиотровский 1995. С. 43 (слова Струве о Мейере в связи с приездом последнего в 1925 г. в Ленинград на 200-летие АН СССР).

⁴² Выдающийся русский востоковед... 1987. С. 247-248, 251 (письмо В.С. Голенищева А. Гардинеру б.д.).

⁴³ Струве 1913; 1915; 1917.

местимый с построениями Масперо тезис Ростовцева о царской собственности на всю землю Египта и об отсутствии на нее частной собственности. Интереснее всего анализ в третьей статье эволюции отношений государства и храмов при Птолемах - от максимального контроля над хозяйством храмов в III в. до н.э. к росту их «иммунитетов» и привилегий во II-I вв. до н.э. В постановке Струве этой проблемы очевидно его знакомство (благодаря переводу Дахшурского декрета Пепи I: Utk. I. 209–213)⁴⁴ с иммунитетными грамотами Древнего царства. По его мнению, в III-I вв. до н.э. Египет прошел обычный для него путь от централизации к децентрализации: к концу этого периода «уже близок был момент полного торжества феодализма, столь характерного для всех эпох египетской истории», но римское завоевание вновь объединило страну. Однако местные религиозные центры завершили «процесс феодального разложения Египта» в VII в., когда союзниками арабов против Византии выступили коптские монастыри⁴⁵. Новизну своего подхода к этим сюжетам Струве явно видит в использовании египетского (демотического) документального материала и в оценке птолемеевского времени как одного из закономерных циклов истории Египта (он следует за Тураевым, считавшим «греко-римскую эпоху» продолжением эпохи фараонов, правда, прежде всего в культурном отношении⁴⁶). В этих статьях «феодализм» – это экономическая автономия крупных хозяйств, ведущая к политической дезинтеграции: как и у Мейера, политика у Струве идет за экономикой, а работники храмовых хозяйств – «крепостные»⁴⁷. Эти дефиниции ученый не обосновывает, явно считая, что это уже сделано: его версия «феодальной концепции» как цепи циклов «централизации и децентрализации» Египта оригинальна, но ее базовые термины он воспринял из чужих работ «в готовом виде».

Точно так же обстоит дело в трудах Струве 1920-х гг., когда он стал не просто самостоятельной, но и заметной фигурой ленинградской науки. В статьях о «Пророчестве Неферти» (в транскрипции Струве «Ноферреху») и религиозных текстах он называет эксплуатируемых земледельцев «крепостными»⁴⁸, однако в первую очередь подкрепляет свою гипотезу о «социальной революции» в древнем Египте⁴⁹. В статье о демотическом «Эпосе о Петубасте» Струве оспаривает предположение крупнейшего демотиста В. Шпигельберга о влиянии на него поэм Гомера

⁴⁴ Льготная Дашурская грамота... 1915; ср. Выдающийся русский востоковед... 1987. С. 243-244 (сообщение Струве Голенищеву об уточнениях к переводу этого текста Л. Борхардтом).

⁴⁵ Струве 1917. С. 254-255.

⁴⁶ Тураев 1935. Т. 2. С. 211-240.

⁴⁷ Струве 1917. С. 229.

⁴⁸ Струве 1925. С. 222; 1926 (2). С. 17.

⁴⁹ Ильин-Гомич 2016.

ра: продекларировав с позиций «последователя яфетической теории», что общий для Гомера и демотического эпоса мотив поединка «вызван одними и теми же общественными формами, господствующими и в Греции и в Египте в эпоху возникновения двух разбираемых памятников», он констатирует, что они создавались «в эпоху сильнейшего развития феодализма»⁵⁰. Этот тезис опять же дан без обоснования и лишь подкрепляет главное положение статьи – отрицание, в духе Н.Я. Марра⁵¹, роли контактов между народами в возникновении у них схожих явлений культуры. Наконец, показательны замечания Струве и Н.Д. Флиттнер в переиздании в 1924 г. первой части главного труда Б.А. Тураева. Короткое предисловие содержит лишь общую высокую оценку его деятельности; принятие им «феодальной концепции», как и его научные взгляды в целом, вообще не обсуждается⁵²; а в дополнениях о прогрессе науки после смерти Тураева из достижений советского времени выделены не новации в определении социального строя древнего Востока, а «успехи» «яфетической теории». Развитие Струве «феодальной концепции» в 1920-е гг. обнаруживается лишь в статье «Диалог господина и раба “о смысле жизни”»⁵³. Видя в этом месопотамском тексте отображение разговора реальных собеседников и их «социальных ролей»⁵⁴ и понимая позицию «господина» как «стремление... к освобождению от неудовлетворяющего его уклада современного общества», Струве заключает, что в ней, «очевидно, отражается идеология... сословия, игравшего когда-то крупную роль, а в данный момент потерявшего свое значение»: «господин» - это «крупный феодал, недовольный своим настоящим положением»⁵⁵, что было возможно при I Вавилонской династии, когда «царская власть была в зените своего могущества и силы феодализма в Вавилонии были основательно сломлены»⁵⁶. В связи с этим Струве намечает целую схему эволюции в Месопотамии взаимоотношений царской власти и «феодализма»: его ослабление началось в ходе реформ Урукагины (начало XXIV в. до н.э.), продолжилось при Аккадской династии (конец XXIV—XXIII вв. до н.э.) и III династии Ура (XXI в. до н.э.) и привело к «победе над феодализмом» при Хаммурапи (XVIII в. до н.э.)⁵⁷. Ученый проводит сравнения, с одной стороны, с Египтом XXI в. до н.э., где, согласно «Поучению царю Мерикара», царь тоже стремился

⁵⁰ Струве 1929. С. 113, 122.

⁵¹ См. о них: Алпатов 2011; о «марристских» работах В.В. Струве см.: Крих 2016.

⁵² Тураев 1924. С. 7-11.

⁵³ Струве 1926 (1).

⁵⁴ Ср. с трактовкой этого текста как внутреннего диалога: Емельянов 2003. С. 179-194, 301-308 (перевод текста).

⁵⁵ Струве 1926 (1). С. 46-47, 49.

⁵⁶ Струве 1926 (1). С. 51

⁵⁷ Там же. С. 54

ослабить знать, опираясь на людей незнатных, а с другой – с Хеттским царством, где, напротив, «мы находим полное, непоколебленное господство феодальных устоев»⁵⁸. Победа царей над феодализмом не была абсолютной: за I Вавилонской династией следует «эпоха Касситов», для которой характерны «пышный расцвет феодализма и безнадежное ослабление царской власти». Струве объясняет это союзом вавилонской знати с хеттами, сокрушившими государство Хаммурапи: их «аристократическому строю» вавилонские «феодалы» должны были сочувствовать⁵⁹.

Как видно, тезис о феодализме как общем для древнего Востока явлении В.В. Струве пробует конкретизировать, намечая типологию его местных форм: если в Месопотамии и Египте феодальной знати противостоит сильная царская власть (видимо, ввиду ее роли в ирригации, хотя этого Струве «не договаривает»), то у хеттов этого нет. Кроме того, ученый подчеркивает роль отношений между классами в функционировании «феодального» общества: он не только трактует вавилонский текст как «манифест» социальной группы его главного героя, но и с завидной фантазией рассуждает о «классовой солидарности» вавилонских и хеттских «феодалов». Признаком «любого феодального строя» Струве называет «местные привилегии», т.е., примечательным образом, политический, а не экономический фактор: в «господине» «Диалога...» он видит «одного из царьков города Сумира, который был лишен вавилонским царем политической самостоятельности» и не мог, как желал бы, «ни построить дом-крепость, ни предпринять разбойничий набег, ни поднять восстание»⁶⁰. Такая трактовка феодализма ближе к концепции Г. Масперо, нежели Э. Мейера, хотя Струве вряд ли задумывался об этом специально, а скорее бессознательно совмещал в единой картине разные известные ему признаки этого явления⁶¹. Однако и эта статья, в которой Струве дальше всего за 1920-е гг. заходит в интерпретации «феодальной концепции», не обосновывает ее как таковую: как и в 1910-е гг., она кажется ученому бесспорной, и он лишь использует ее понятийный аппарат в злободневных штудиях о классовой борьбе на древнем Востоке или о его культуре в свете «яфетической теории».

Впервые обоснованное определение общественного строя древнего Востока Струве дал в феврале 1931 г. в дискуссии об «азиатском способе производства»⁶², номинально отступив от «феодальной концепции».

---

⁵⁸ Там же. С. 52-54.

⁵⁹ Там же. С. 50, 58-59.

⁶⁰ Там же. С. 61.

⁶¹ В.В. Емельянов не только излишне уверенно возводит именно к концепции Мейера позицию Струве в этой статье, но и употребляет для характеристики его взглядов на эпоху касситов странно соединяющий противоположные в этой концепции понятия термин «феодально-капиталистическая древность»: Емельянов 2016. С. 140.

⁶² Никифоров 1977. С. 176-182; Ким 2001. С. 71-90; Крих 2013. С. 83-89.

Ученый поддержал гипотезу «азиатского способа производства» прежде всего аргументами из социальной жизни древнего Египта, однако с оговорками, позволявшими ему развернуть свою позицию в иные стороны. По его мнению, «Крестьяне Египта и до-Птоломеевской эпохи, и Птоломеевской были крепостными», будучи прикреплены к земле, но отличались от «феодального крестьянина», так как эксплуатировались в крупных хозяйствах государства, которое предоставляло им воду и скот и вмешивалось в их труд («непосредственный производитель в Египте начинал терять характер самостоятельного хозяина») ⁶³. Эти замечания вполне справедливы по существу, и, кроме того, Струве явно уловил аллерию советской науки на циклизм, без которого «феодальная концепция» означала, что на Востоке с древности и до XX в. существовал один и тот же общественный строй ⁶⁴. Струве отметил, что особенностям общества Азии, «которые дает Маркс в “Письмах об Индии”» ⁶⁵, в Египте соответствовала роль государства в экономике и сохранение общины вплоть до эллинизма ⁶⁶. Однако при децентрализации («в эпоху разложения древнего царства, в эпоху разложения Птоломеевского Египта» - ср. статьи Струве 1910-х гг.) государство «дает иммунитеты» крупным землевладельцам, и те «становятся по отношению к своим крепостным тем, что мы могли бы назвать феодалами» ⁶⁷. Ожидаемо для марксистской дискуссии Струве вновь использует экономические понятия, отрицая при этом феодализм в древнем Египте на основании лишь несходства производственного положения эксплуатируемых с «полной самостоятельностью» типичного (т.е. европейского или русского) феодального крестьянина, а не различия в способе их эксплуатации. При переакцентировке (например, указании, что фактическое положение эксплуатируемых одним и тем же способом в разных условиях может быть разным) было легко развернуть эту характеристику общества Египта «обратно», в сторону признания его феодальным. Однако Струве делает еще одну, поистине «знаковую» оговорку: в эллинистическом Египте «крестьяне, которые привлекаются для общественных работ, называются прямо словом “раб”», а рабы на Востоке были «в особом положении», ибо могли, например, «выступить на судебном процессе в качестве свидетеля против своего господина». «Различие между рабом и крепостным было очень текучее», - заключает он, видя в этом «объяснение слов Энгельса, что в азиатской и классической древности преобладающей формой клас-

⁶³ Дискуссия... 2009. С. 97-98.

⁶⁴ «Если говорить, что все является феодализмом, то мы получаем феодальную кашу в буквальном смысле от Вавилона до Наполеона» (Там же. С. 94).

⁶⁵ Очевидно, имеется в виду письмо Ф. Энгельсу от 14 июня 1853 г.: МЭ. Т. 28. С. 228; см. Ким 2001. С. 32, прим. 77.

⁶⁶ Дискуссия... 2009. С. 95-96.

⁶⁷ Там же. С. 99.

сового угнетения было рабство»⁶⁸. Этим Струве хотел показать, что «слова Энгельса» не опровергают идею «азиатского способа производства» на древнем Востоке; однако их также было бы легко «развернуть» на сторону обоснования рабовладельческого характера его обществ. Неясно, в какой мере Струве представлял себе такую возможность в начале 1931 г., но этот пассаж его выступления перебрасывал к ней мост.

Тем не менее первая дискуссия об «азиатском способе производства» завершилась принятием как альтернативы этой гипотезе идеи о феодализме на Востоке с древности и до новейшего времени. В 1932 г. вышел 24 том «Большой советской энциклопедии» со статьей Струве о древнем Египте, в которой «феодальная концепция» выразилась особенно ярко⁶⁹. Позже, в прениях по его докладу о рабовладении на древнем Востоке 4 июня 1933 г., Струве утверждал, что писал эту статью в начале 1930 г.⁷⁰; возможно, это и так, однако, согласно информации в самом томе БСЭ (с. 3-4), он был сдан в производство 16 мая 1931 г. и редактировался до 13 июня 1932 г. Если при редактировании Струве не изменил свой текст (к чему, безусловно, была возможность), то, скорее всего, он соответствует позиции, заявленной им в 1931 – начале 1932 г. «Жанр» энциклопедической статьи позволял Струве не обосновывать свои формулировки: часто их основания неясны, а сами они поражают неумеренным, по сравнению со статьями 1920-х гг., социологизмом. Как и Масперо, Струве говорит о происхождении «феодальных землевладельцев» из вождей родоплеменных структур, от которых «большинство племени было во внеэкономической зависимости»⁷¹; потребность в централизованной обработке земли вызвала «в феодальной знати номов тяготение к политическому объединению страны», и к Древнему царству цари подчинили себе знать. Вся земля Египта юридически стала царской собственностью, и ее обрабатывали крепостные. Однако раздачи вельможам земли, им и храмам – иммунитетов привели к распаду Египта на «неск[олько] десятков самостоятельных номов-княжеств», с еще одним уровнем феодальной иерархии из «вассалов» их правителей⁷². Раздробленность преодолели цари начала Среднего царства в опоре «на средних феодалов и зажиточные слои городов»; опора на них же приписана и царям Нового царства, вплоть до того, что реформа Эхнатона «по своей социальной сущности» сочтена борьбой «нижнего слоя классов феодалов с верхними его слоями»⁷³. Не забыл Струве и о

⁶⁸ Там же. С. 98. Имеется в виду фраза из «Рабочего движения в Америке» (1887; мы благодарны С.Б. Криху за указание первоисточника этой цитаты): МЭ. Т. 21. С. 348.

⁶⁹ Струве 1932.

⁷⁰ Струве 1934. С. 173.

⁷¹ Струве 1932. С. 358.

⁷² Там же. С. 359-360.

⁷³ Там же. С. 361, 364.

«социальном перевороте» в конце Среднего царства»: «эксплоатация ремесленников... создала кадры революционных элементов», бывших «естественными союзниками крепостных крестьян»; а «средние феодалы», стремившиеся «к уничтожению крупного землевладения», содействовали восстанию низов, отменившему собственность на землю⁷⁴.

В этих построениях Струве заметно влияние Масперо и Мейера, а некоторые процессы он явно моделировал по совсем далеким аналогиям (как восстановление единства Египта в конце I Переходного периода – по «модели» союза монархов средневековой Европы с дворянством и буржуазией), с неизменным акцентом на факторе классовой борьбы. Помимо этого, Струве менее ожидаемо стал выпячивать еще один фактор – торговлю. В его схеме внешняя и внутренняя торговля значимы в жизни Египта еще накануне Древнего царства: их развитие «приводит к усилению власти царей за счет крупной землевладельческой знати», а затем «торговля стала царской монополией» и осталась ею во II тыс. до н.э.⁷⁵ Развитие торговли и «зарождение торгово-ремесленных городов» ведет к восстановлению единства страны после I Переходного периода; рост торговли приводит к сверхэксплуатации ремесленников накануне «социального переворота»⁷⁶. В I тыс. до н.э. на древнем Востоке «вырастает крупный торговый капитал», благодаря чему «стало легко возможным объединение всех древневосточных государств в одно целое»: эту цель якобы преследовали уже войны Шешонка I в X в. до н.э., а царь XXVI династии фиванский Амасис назван «представителем зажиточных городских кругов». Эти круги приветствуют завоевание Александра, в лице которого «появилась, наконец, та сила, к[ото]рая объединила рынки Греции и Е[гипта] в один рынок мирового значения»⁷⁷.

В этих суждениях фактор торговли крайне переоценен даже для I тыс. до н.э.: трезвость не изменила Струве разве в том, что он не связал с ним экспансию Египта в эпоху Нового царства. При этом если тезис о мировом рынке при Александре согласуется с оценкой эллинизма в «циклической» схеме (как Мейером, так и Ростовцевым), то мысль о связи с торговлей египетских царей III–II тыс. до н.э. к этому «первоисточнику» несводима. Однако в советской историографии 1920-х – начала 1930-х гг. выделялась концепция русской истории М.Н. Покровского, с тезисом о союзе феодального монарха («главного купца») с «торговым капиталом»⁷⁸. Кажется, она могла послужить Струве «моделью» для его оценки фактора торговли в древнем Египте – разумеется, чтобы «актуализировать» картину его феодального общества. Такая манипуляция

⁷⁴ Там же. С. 362-363.

⁷⁵ Там же. С. 359-361, 363.

⁷⁶ Там же. С. 361-362.

⁷⁷ Там же. С. 366-367.

⁷⁸ Володьков 2011.

далека от научной корректности; однако Струве вообще мало стеснялся, наращивая злободневность своей статьи в БСЭ.

Последний «рефлекс» «феодальной концепции» виден в статье «Плебеи и илоты», написанной Струве уже с позиций признания рабовладения единой для всех древних обществ формацией⁷⁹. Доказывая при помощи лингвистических интерпретаций Марра (статья написана для сборника в его честь), что социальное различие между римским *populus* и плебеями, как и между спартиатами и илотами, основано на различии этническом⁸⁰, Струве выделяет особую форму крепостничества, возникающую при завоевании одной общности другой. Она предшествует рабовладению, однако Струве отмечает подозрения в циклизме, говоря о ее большей примитивности и формировании на еще доклассовой основе: «истинный» средневековый феодализм прогрессивен по отношению как к рабовладению, так и к примитивному крепостничеству⁸¹. Позднее Струве не возвращался к этому построению; зато в его концепцию рабовладельческого строя на древнем Востоке вошел тезис о том, что он вырастает непосредственно из первобытности и наследует ряд ее черт⁸².

Как видно, высказывания Струве о феодализме на древнем Востоке относятся к трем разным периодам его творчества. В 1910-е гг. он остается в парадигме дореволюционной науки и прибегает к понятиям «феодальной концепции», дополняя данными египтологии уже имеющуюся картину общества птолемеевского Египта. В 1920-е он использует эти же понятия в откликах на «повестку дня» послереволюционного времени, выявляя роль классовой борьбы на древнем Востоке или затрагивая проблематику «яфетической теории». «Феодальная концепция» лишь предоставляет для этого свои категории, а Струве убежден в ее истинности. Кроме того, «злободневная» тематика не заняла в его работах 1920-х гг. главного места: приоритетом явно была разработка классических египтологических проблем⁸³. Новой для Струве оказалась ситуация социологических дискуссий начала 1930-х, когда ему пришлось высказаться по вопросам теории подробно: позднее он говорил, что лишь тогда под влиянием своих учеников познакомился с марксизмом⁸⁴.

---

⁷⁹ Струве 1933.

⁸⁰ Там же. С. 366, 373.

⁸¹ Там же. С. 364-365, со ссылкой на письмо Энгельса Марксу от 22 декабря 1882 г.: МЭ. Т. 35. С. 112.

⁸² Струве 1934. С. 36-37; Крих 2013. С. 95.

⁸³ Прежде всего, это история и источниковедение Египта Позднего времени, а также издание Московского математического папируса: Ладынин 2016. С. 74, 80-92. Свою главную социологическую гипотезу 1920-х гг. – о «социальной революции», или «социальном перевороте», в Египте XVIII в. до н.э. – Струве облек в форму книги (причем небольшой) лишь в середине 1930-х гг.: Речение Ипувера 1935.

⁸⁴ Струве 1934. С. 173; Горфункель 2017. С. 22 («...Академик В.В. Струве на все той же антикосмополитической конференции объяснял, что он учился марксистско-

В своем выступлении в дискуссии об «азиатском способе производства» Струве, безотносительно к цитированию классиков марксизма и итоговой формулировке, показал отличия социального строя Египта от феодализма в Европе или России. Видимо, «для самого себя» он довольно четко развел задачи собственно описания древних обществ и его «категоризации». В первом он во многом следовал трудам, известным ему, по его словам, «чуть ли не с гимназической скамьи», в т.ч. Масперо и Мейера⁸⁵, добавляя и новые данные (прежде всего, материал хозяйственных документов III династии Ура, ключевой для его «рабовладельческой концепции»). А в «категоризации» материала Струве проявил немалую искусность, следуя за колебаниями официальной позиции, но, похоже, и стараясь обезопасить себя на самую неопределенную перспективу: вряд ли случайна отмеченная нами вариативность выводов, которые можно было бы сделать на основе его выступления 1931 года⁸⁶. В статье в БСЭ Струве, по сути, следовал своему принципу 1920-х гг. – не обосновывать «феодальную концепцию», а использовать ее понятия при наращивании в тексте идеологически значимых мотивов. Финальный отказ от термина «феодализм» явно не был для него жертвой; однако реальное содержание трудов использовавших его историков древнего Востока Струве постарался удержать, сначала вложив без особых потерь в понятие «азиатского способа производства», а затем интегрируя в выдвинутую им «рабовладельческую концепцию».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алмазова Н.С. На рубеже эпох: лекционные курсы М.М.Хвостова по древней истории в преподавании 1900–1920-х гг. // SA. 2017. Т. VI. С. 313-326 [Almazova N.S. Na rubezhe epoch: leksionnye kursy M.M.Khvostova po drevney istorii v prepodavanii 1900–1920-kh gg. // SA. 2017. T. VI. S. 313-326].
- Алпатов В.М. История одного мифа: Марр и марризм. Изд. 3-е. М.: УРСС, 2011. 284 с. [Alpatov V.M. Istoriya odnogo mifa: Marr i marrizm. Izd. 3-e. M.: URSS, 2011. 284 s.].
- Берлев О.Д., Дандамаев М.А., Фихман И.Ф. К 100-летию со дня рождения академика Василия Васильевича Струве // ВДИ. 1989. № 1. С. 244-250 [Berlev O.D., Dandamaev M.A., Fikhman I.F. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Vasiliya Vasil'evicha Struve // VDI. 1989. № 1. S. 244-250].
- Большаков А.О. В.В. Струве // Портреты историков: Время и судьбы. Т. 2: Всеобщая история / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов и др. М.; Иерусалим, 2000. С. 41-52 [Bol'shakov A.O. V.V. Struve // Portrety istorikov: Vremya i sud'by. T. 2: Vseobshchaya istoriya / Отв. red. G.N. Sevost'yanov i dr. M.; Ierusalim: Universitetskaya kniga; Gesharim, 2000. S. 41-52].
- Володьков О.П. Концепция торгового капитализма М.Н. Покровского в советской исторической науке (1918–1932 гг.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2011. 567 с [Volod'kov O.P.

ленинской методологии у своих учеников и закончил этот пассаж знаменитым изречением: “Вот так, хочешь-не хочешь, а становишься марксистом-ленинистом”...»).

⁸⁵ Струве 1934. С. 173. Струве и в рамках теории рабовладения признавал значимость иммунитетных грамот в децентрализации Египта конца III тыс. до н.э.: Там же. С. 65.

⁸⁶ См. о виртуозности аргументации Струве в статье, ключевой для обоснования «рабовладельческой концепции»: Крих 2013. С. 111–112, прим. 183; об умении шахматиста-Струве просчитывать ситуацию далеко вперед: Дьяконов 1995. С. 419.

- Kontseptsiya torgovogo kapitalizma M.N. Pokrovskogo v sovetskoj istoricheskoj nauke (1918–1932 gg.). Omsk: Izd-vo OmGU, 2011. 567 s.].
- Восленский М.С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М.: Советская Россия; Октябрь, 1991. 624 с. [Voslenskiy M.S. Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuza. M.: Sovetskaya Rossiya; Oktyabr', 1991. 624 s.].
- Выдающийся русский востоковед В.С. Голенищев и история приобретения его коллекции в Музей изящных искусств (1909–1912). М.: Советский художник, 1987. 344 с. [Vydayushchiysya russkiy vostokoved V.S. Golenishchev i istoriya priobreteniya ego kolekcii v Muzei izyashchnykh iskusstv (1909–1912). M.: Sovetskiy khudozhnik, 1987 344 s.].
- Горфункель А.Х. Моя школа, мои университеты... СПб.: Санкт-Петербург, 2017. 410 с. [Gorfunkel' A.Kh. Moya shkola, moi universitety... SPb.: Sankt-Peterburg, 2017. 410 s.].
- Гуревич А.Я. История – нескончаемый спор. М.: РГГУ, 2005. 889 с. [Gurevich A.Ya. Istoriya – neskonchaemyy spor. M.: RGGU, 2005. 889 s.].
- Гутнова Е.В. Историография истории средних веков. М.: Высшая школа, 1985. 479 с. [Gutnova E.V. Istoriografiya istorii srednikh vekov. M.: Vysshaya shkola, 1985. 479 s.].
- Демидчик А.Е. Доменные владения древнеегипетской гераклеопольской монархии // ВДИ. 2007. № 2. С. 3–18 [Demidchik A.E. Domennyye vladeniya drevneegipetskoj gerakleopol'skoy monarkhii // VDI. 2007. № 2. S. 3–18].
- Дискуссия об азиатском способе производства. По докладу М.С. Годеса. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2009. 184 с. [Diskussiya ob aziatskom sposobe proizvodstva. Po dokladu M.S. Godesa. Izd. 2-e. M.: URSS, 2009. 184 s.].
- Дьяконов И.М. Книга воспоминаний. СПб.: Европейский дом, 1995. 766 с. [D'yakonov I.M. Kniga vospominaniy. SPb.: Yevropeyskiy dom, 1995. 766 s.].
- Емельянов В.В. Ритуал в древней Месопотамии. СПб.: Азбука-классика; Петербургское востоковедение, 2003. 320 с. [Emel'yanov V.V. Ritual v drevney Mesopotamii. SPb.: Azbuka-klassika; Peterburgskoe vostokovedenie, 2003. 320 s.].
- Емельянов В.В. В.В. Струве как историк месопотамской религии. Часть 1 // Религиоведение. 2016. № 3. С. 136–151 [Emel'yanov V.V. V.V. Struve kak istorik mesopotamskoj religii. Chast' 1 // Religiovedenie. 2016. № 3. S. 136–151].
- Ильин-Томич А.А. Социальный переворот в Египте в трудах В.В. Струве // ВУДП. 2016. № 2(4). С. 35–46 [Il'in-Tomich A.A. Sotsial'nyy perevorot v Egipte v trudakh V.V. Struve // VUDP. 2016. № 2(4). S. 35–46].
- Качановский Ю.В. Рабовладение, феодализм или азиатский способ производства? М.: Наука, 1971. 288 с. [Kachanovskiy Yu.V. Rabovladenie, feodalizm ili aziatskiy sposob proizvodstva? M.: Nauka, 1971. 288 s.].
- Ким О.В. Проблема азиатского способа производства в советской историографии (20-е гг. – начало 90-х гг.). Дисс. к.и.н. Кемерово, 2001. 234 с. [Kim O.V. Problema aziatskogo sposob proizvodstva v sovetskoj istoriografii (20-e gg. – nachalo 90-kh gg.). Diss. k.i.n. Kemerovo, 2001. 234 s.].
- Крих С.Б. Образ древности в советской историографии. М.: КРАСАНД, 2013 (Размышляя о марксизме). 320 с. [Krikh S.B. Obraz drevnosti v sovetskoj istoriografii. M.: KRASAND, 2013 (Razmyshlyaya o marksizme). 320 s.].
- Крих С.Б. В.В. Струве и марризм // ВУДП. 2016. № 2(4). С. 47–72 [Krikh S.B. V.V. Struve i marrizm // VUDP. 2016. № 2(4). S. 47–72].
- Крих С.Б. История поражения: Н.М. Никольский в борьбе за понимание общественного строя древневосточных обществ // Восток (Oriens). 2018. № 1. С. 13–22 [Krikh S.B. Istoriya porazheniya: N.M. Nikol'skiy v bor'be za ponimanie obshchestvennogo stroya drevnevostochnykh obshchestv // Vostok (Oriens). 2018. № 1. S. 13–22].
- Ладынин И.А. Замечания к интерпретации архаических социальных терминов древнего Египта // *Lanterna nostra*. К юбилею профессора И.Л. Маяк. СПб.: Алетейя, 2014. С. 3–49 [Ladynin I.A. Zamechaniya k interpretatsii arkhaischikh sotsial'nykh terminov drevnego Egipta // *Lanterna nostra*. K yubileyu prof. I.L. Mayak. SPb.: Aleteya, 2014. S. 3–49].
- Ладынин И.А. Труд Манефона Севернитского и история Египта I тыс. до н.э. в исследованиях В.В. Струве // ВУДП. 2016. № 2(4). С. 73–104 [Ladynin I.A. Trud Maneфона Sevennitskogo i istoriya Egipta I tys. do n.e. v issledovaniyakh V.V. Struve // VUDP. 2016. № 2(4). S. 73–104].

- Льготная Дашурская грамота царя Пиопи I-го VI династии. Перевод // Древний мир в памятниках его письменности. Ч. 1: Восток / Под ред. Б.А. Тураева и И.Н. Бороздина. М.: б. и., 1915. С. 15-16 [L'gotnaya Dashurskaya gramota tsarya Piopi I-go VI dinastii. Perevod // Drevniy mir v pamyatnikakh ego pis'mennosti. CH. 1: Vostok / Pod red. B. A. Turavaeva i I.N. Borozdina. M.: б. и., 1915. S. 15-16].
- Неронова В.Д. Формы эксплуатации в древнем мире в зеркале отечественной историографии. М.: Изд-во Перм. ун-та, 1992. 312 с. [Neronova V.D. Formy ekspluatatsii v drevnem mire v zerkale otechestvennoy istoriografii. M.: Izd-vo Perm. un-ta, 1992. 312 s.].
- Никифоров В.Н. Восток и всемирная история. Изд. 2-е. М.: Наука, 1977. 360 с [Nikiforov V.N. Vostok i vseirnaya istoriya. Izd. 2-e. M.: Nauka, 1977. 360 s.].
- Пиотровский Б.Б. Страницы моей жизни. СПб.: Наука, 1995. 287 с. [Piotrovskiy B.B. Stranitsy moey zhizni. SPb.: Nauka, 1995. 287 s.].
- Постовская Н.М. Изучение древней истории Ближнего Востока в Советском Союзе (1917–1959 гг.). М.: Изд. АН СССР, 1961. 438 с. [Postovskaya N.M. Izuchenie drevney istorii Blizhnego Vostoka v Sovetskom Soyuze (1917–1959 gg.). M., 1961. 438 s.].
- Речение Ипувера. Лейденский папирус № 344: социальный переворот в Египте в конце Среднего царства (около 1750 г. до н. э.) / Ввод. статья и пер. В.В. Струве. М.; Л.: Соцгиз, 1935. 56 с. [Rechenie Ipuvera. Leydenskiy papirus № 344: sotsial'nyy perevorot v Egipte v kontse Srednego tsarstva (okolo 1750 g. do n. e.) / Vvod. stat'ya i per. V.V. Struve. Moskva, Leningrad: Sotsekiz, 1935. 56 s.].
- Струве В.В. К истории *ἀπόμοιρα* // ЖМНП. 1913. Нов. сер. Ч. 48. С. 499-511 [Struve V.V. K istorii *ἀπόμοιρα* // ZhMNP. 1913. Nov. ser. Ch. 48. S. 499-511].
- Струве В.В. Право владения землями пахотной и виноградной в птолемеевском Египте // ЖМНП. 1915. Нов. сер. Ч. 55. С. 1-64 [Struve V.V. Pravo vladeniya zemlyami pakhotnoy i vinogradnoy v ptolemeevskom Egipte // ZhMNP. 1915. Nov. ser. Ch. 55. S. 1-64].
- Струве В.В. Развитие хромового иммунитета в птолемеевском Египте // ЖМНП. 1917. Нов. сер. Ч. 70. С. 223-255 [Struve V.V. Razvitie khramovogo immuniteta v ptolemeevskom Egipte // ZhMNP. 1917. Nov. ser. Ch. 70. S. 223-255].
- Струве В.В. Папирус 1116В recto и пророческая литература древнего Египта // ЗКВ. 1925. Т. I. С. 209-227 [Struve V.V. Papirus 1116B recto i prorocheskaya literatura drevnego Egipta // ZKV. 1925. T. I. S. 209-227].
- Струве В.В. Диалог господина и раба «о смысле жизни» // Религия и общество. Сборник статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира. Л.: Сеятель, 1926. С. 41-59 (1) [Struve V.V. Dialog gospodina i raba «o smysle zhizni» // Religiya i obshchestvo. Sbornik statey po izucheniyu sotsial'nykh osnov religioznykh yavleniy drevnego mira. L.: Seyatel', 1926. S. 41-59 (1)].
- Струве В.В. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта // Религия и общество. Сб. статей по изучению социальных основ религиозных явлений древнего мира. Л.: Сеятель, 1926. С. 5-28 (2) [Struve V.V. Sotsial'naya problema v zaupokoynom kul'te drevnego Egipta // Religiya i obshchestvo. Sb. statey po izucheniyu sotsial'nykh osnov religioznykh yavleniy drevnego mira. L.: Seyatel', 1926. S. 5-28 (2)].
- Струве В.В. Эпос Гомера и круг сказаний о царе Петубастисе // Язык и литература. Вып. 4. М., 1929. С. 111-122 [Struve V.V. Epos Gomera i krug skazaniy o tsare Petubastise // Yazyk i literatura. Vyp. 4. M., 1929. S. 111-122].
- Струве В.В. Египет. Древняя история (до арабского завоевания) // БСЭ. Изд. 1-е. Т. 24. М., 1932. С. 356-371 [Struve V.V. Egipet. Drevnyaya istoriya (do arabskogo zavoevaniya) // Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya. Izd. 1-e. T. 24. M., 1932. S. 356-371].
- Струве В.В. Плебеи и илоты // Из истории докапиталистических формаций. Сборник статей к 45-летию научной деятельности Н. Я. Марра. М.; Л.: Соцгиз, 1933. С. 363-373 [Struve V.V. Plebei i iloty // Iz istorii dokapitalisticheskikh formatsiy. Sbornik statey k 45-letiyu nauchnoy deyatelnosti N. Ya. Marra. M.; L.: Sotsekiz, 1933. S. 363-373].
- Струве В.В. Проблема зарождения, развития и упадка рабовладельческих обществ Древнего Востока. М.: Соцгиз, 1934. 181 с. (Известия Государственной академии истории материальной культуры; 77) [Struve V.V. Problema zarozhdeniya, razvitiya i upadka rabovladel'skikh obshchestv Drevnego Vostoka. M.: Sotsekiz, 1934. 181 s. (Izvestiya Gosudarstvennoy akademii istorii material'noy kul'tury; 77)].

- Тураев Б.А. Классический Восток. Ч. I. Введение. Вавилон / Посмертный труд под ред., с предисл. и прим. В.В. Струве и Н.Д. Флиттнер. Л.: Брокгауз и Ефрон, 1924. 292, [1] с. [Turav B.A. Klassicheskiy Vostok. Ch. I. Vvedenie. Vavilon / Posmertnyy trud pod red., s predisl. i prim. V.V. Struve i N.D. Flittner. L.: Brokgauz i Efron, 1924. 292, [1] s.]
- Тураев Б.А. История древнего Востока. Л.: ОГИЗ; Соцэкгиз, 1935. Т. 1-2 [Turav B.A. Istoriya drevnego Vostoka. L.: OGIZ; Sotsekgiz, 1935. T. 1-2].
- Фролов Э.Д. Русская наука об античности. Историографические очерки. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1999. 544 с. [Frolov E.D. Russkaya nauka ob antichnosti. Istoriograficheskie ocherki. SPb.: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 1999. 544 s.]
- Breasted J.H. A History of Egypt, From the Earliest Times to the Persian Conquest, New York: Scribner, 1905. XV, 634 p., ill., map.
- Maspero G. La grande inscription de Béni-Hassan // Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes. 1870. T. 1. P. 160–181.
- Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient. P.: Hachette, 1875. VII, 608 S.
- Maspero G. Un manuel de hiérarchie égyptienne // Journal asiatique. 1888. T. 11. P. 250-280, 309-343.
- Maspero G. La carrière administrative de deux hauts fonctionnaires égyptiens vers la fin de la IIIe dynastie, environ 4500 ans avant Jésus-Christ // Journal asiatique. 1890. T. 15. P. 269-428.
- Maspero G. Histoire ancienne des peuples de l'Orient classique. P.: Hachette, 1895–1899. T. 1-3.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums. Bd. 1: Geschichte des Orients bis zur Begründung des Perserreichs. Stuttgart: J.G. Cotta, 1884. XX, 647 S.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 2. Aufl. Bd. 1. 2. H.: Die ältesten geschichtlichen Völker und Kulturen bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart; B.: J.G. Cotta, 1909. XXVIII, 894 S.
- Meyer Ed. Geschichte des Altertums. 3. Aufl. Bd. 1. 2. H.: Die ältesten geschichtlichen Völker und Kulturen bis zum sechzehnten Jahrhundert. Stuttgart; B.: J.G. Cotta, 1913. XXVI, 990 S.
- Meyer Ed. Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und politischen Geschichte des Altertums. Halle: Niemeyer, 1910. VI, 556 S.
- ВДИ - Вестник древней истории. М.
- ВУДП - Вестник Университета Дмитрия Пожарского. М.
- ЗКВ - Записки коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР. Л.
- МЭ - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1955–1980. Т. 1–50.
- ЖМНП - Журнал Министерства народного просвещения. СПб.
- SA - Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. М.: Собрание.
- Urk. I. - Sethe K. Urkunden des Alten Reichs. Leipzig: Hinrichs, 1903. 152 S. (Urkunden des ägyptischen Altertums; 1).

Ладынин Иван Андреевич, доктор исторических наук, доцент, рабочая группа проекта РНФ 18-18-00367 «Всеобщая история в системе советской науки, культуры и образования в 1917–1947 гг.» Института всеобщей истории РАН; кафедра истории древнего мира МГУ имени М.В. Ломоносова, ladynin@mail.ru

The Concept of feudalism at Ancient Orient and the works by V.V. Struve of 1910 – early 1930s

The article discusses the bases for the concept of feudalism at Ancient Orient in the works by G. Maspero and Ed. Meyer. The analysis of works by V.V. Struve, a devotee of this concept till the early 1930s, shows that he did not try to substantiate it in any way as he considered it doubtless. He rather used its notions in his own schemes, which were topical in the ideological situation of the period.

Keywords: Ancient Orient, society, feudalism, G. Maspero, Ed. Meyer, V.V. Struve

Ivan Ladynin, Dr. Hab. (History), Associate Professor, working group of the Russian Science Foundation project “The World History in Soviet Science, Culture and Education in 1917-1947”, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Department of Ancient History, Lomonosov Moscow State University; ladynin@mail.ru

ИСТОРИЯ КАК СТРОГАЯ НАУКА: ОПЫТ СЦИЕНТИЗАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В ТРУДАХ Б.Ф. ПОРШНЕВА¹

В статье рассматривается опыт сциентизации исторического знания на примере разработанной Б.Ф. Поршневым концепции международных отношений в период Тридцатилетней войны. Прослеживается связь этой концепции со структурализмом, а также переклички между фундирующей ее историософией и теориями Т. Гоббса (проблема возникновения социальности), К. Шмитта (концепция "друг/враг") и Р. Арона (социология международных отношений). В ходе анализа аргументативной структуры естественнонаучных импликаций концепции Поршнева (понятия "синхронии" и "диахронии" исторического процесса, концепция "исторического эксперимента"), которая характеризуется как аксиоматическая, делается вывод о том, что настойчивое стремление автора к научной строгости и ригидности понятийно-категориального аппарата приводит к противоположному эффекту – метафоризации языка.

Ключевые слова: Б.Ф. Поршнев, сциентизация, структурализм, исторический эксперимент, Тридцатилетняя война

Проблема сциентизации исторического знания как часть более глобального сюжета, связанного с возможностями и ограничениями междисциплинарного синтеза, представляет особый интерес. С одной стороны, историки находятся в ситуации постоянной саморефлексии относительно границ и возможностей собственного познания и своего положения в системе научного знания, даже если это явно не тематизируют. С другой стороны, прошлое периодически становится ресурсом для разных наук, пытающихся апроприировать исторический аргумент в различных контекстах – с разной степенью убедительности. От комплекса неполноценности, стимулирующего сближение исторического знания с моделью научности, характерной для естествознания, до антисциентистского нарративизма в духе Х. Уайта, теоретизирующие историки на протяжении XX века нередко бросались из крайности в крайность. Polemika вокруг проблемы отношения истории и теории, а также рефлексия о природе исторического знания и статусе исторического объяснения была связана с тремя задачами: 1) (само)легитимацией, 2) определением метода, 3) демаркацией границ². Стратегия сциентизации, т.е. приведения исторического знания в соответствие со стандартами естественных и/или точных наук, оказалась одним из вариантов борьбы по трем

---

¹ Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации "5-100".

² Lorenz 2011. P. 15.

указанным фронтам в баталиях за теорию в исторической дисциплине и за то, какой именно эта теория должна быть. *Casus belli* этих теоретико-методологических дебатов – понятие «объективности», ставшее еще с середины XIX в. камнем преткновения во всех теоретических дискуссиях вокруг природы исторического знания³.

Если в рамках позитивистского проекта речь шла о роли истории как собирательницы эмпирических данных для обобщающей дисциплины – социологии, – то в XX в. активно предпринимаются попытки «поднять» историю до уровня теоретической дисциплины, способной к самостоятельной формулировке закономерностей, к производству теоретических обобщений. Пик интереса к сциентизации приходится на конец 1950-х – 1960-е гг., и сходит на нет уже к 1970-м. Однако первые исторические работы, претендующие на открытие с закономерностью исторического процесса, начинают появляться еще раньше – с 1920-х гг. Если в зарубежной историографии это было связано с популярностью неопозитивизма, в рамках которого К. Гемпелем был предложен известное философское обоснование для сциентизации исторического знания⁴, то в СССР немаловажную роль сыграл политический контекст – тут и господство формационной теории, которая подразумевает признание определенной картины исторического процесса и его закономерностей, и особый статус естественнонаучного знания, который оно приобрело в контексте технологического оптимизма и марксистской веры в прогресс.

Большую часть разговоров на тему повышения градуса научности исторического знания можно, в общем, свести к трем категориям. Подобного рода дискуссии: 1) либо оставались просто риторикой или дискурсивной уловкой: риторика научности могла и не затрагивать по существу ни методологического аппарата, ни исследовательской оптики историка⁵; 2) либо велись философами, претендующими на роль методологов истории, которые, в свою очередь, никогда не занимались собственно историческими исследованиями⁶, и историками, теоретическая рефлексия которых на эту тему не находила отражения в их конкретных исследованиях⁷; 3) либо же – и этот сценарий оказался самым жизнеспособным – «онаучиванию» отводилась сугубо вспомогательная роль⁸. Исследователи, обращающие внимание на феномен «онаучивания» в со-

³ Novick 1988; Rethinking Objectivity...; Дастон 2007. С. 37-71; Дастон, Галисон 2018.

⁴ Гемпель 1998. С. 16-31; Hempel 1965.

⁵ Примером может служить советское источниковедение 1930-х гг., в котором эта риторика принимала форму «скрытой битвы за профессионализм историков». – Медушевская 1996. С. 63.

⁶ Грушин 1961; Федосеев, Францев 1964.

⁷ История и социология...

⁸ Имеется в виду клиометрика в том виде, в каком она была разработана в СССР И.Д. Ковальченко. См.: Количественные методы в исторических исследованиях...

ветской историографии 1950–1960-х гг., обычно не идут дальше констатации указанных трех вариантов «дискурса». Между тем, сциентизация была не просто данью моде на фоне увлечения структурализмом или только очередной, инициированной «сверху», политико-идеологической кампанией. Были авторы, разрабатывавшие эту проблематику последовательно и всерьез. Один из них – Борис Федорович Поршнева.

Интерес к фигуре Поршнева, причем всё возрастающий, – феномен, любопытный сам по себе. Мы не разделяем оптимизма ряда исследователей (А. Магун, В. Рыжковский)⁹ по поводу актуальности научно-философских взглядов Поршнева. Случай его интересен скорее в качестве негативного примера, что связано с двумя контекстами: во-первых, анализ провала большого поршневого проекта – амбициозно озаглавленного автором *Критикой человеческой истории* – являет собой предостережение против популярных попыток написать *Big History*¹⁰; с другой стороны, наследие Поршнева – артефакт тех далеких времен, когда то, что сегодня называется *historical natural science*¹¹, мыслилось не просто как раздел естественнонаучного знания, имеющий отношение к геологии, биологии, астрономии, палеонтологии, археологии, но в контексте идеи синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания. Фокусируясь на начальном этапе истории термина *historical science*, полезно обратиться к наследию Поршнева в форме размышления об особенностях стратегий сциентизации исторического знания в советском интеллектуальном ландшафте¹². Такая точка зрения позволяет поставить вопрос об эффективности различных стратегий «онаучивания» истории.

Подход Б.Ф. Поршнева можно условно назвать *аксиоматическим*. Для него характерен заранее заданный набор апорий, следовательно – приоритет теории, можно даже сказать – её диктат. Этот подход принципиально отличается от сциентизации в стиле математизации истории, в частности – от подхода М.А. Барга, который, также разделяя энтузиазм в отношении структурного метода, предпринимал попытки идти в практике «онаучивания» историописания обратным путём: от конкретно-исторического материала к теоретическим обобщениям¹³.

Пик творчества Поршнева приходится на 1940–1960-е гг., время увлечения структурализмом и поиска путей сближения исторического знания с естественнонаучным методом, но как исследователь он сформировался в далеких (с точки зрения интеллектуальной истории совет-

⁹ Magun 2017. С. 218–246; Рыжковский 2017.

¹⁰ Spier 1996; Christian 2004.

¹¹ Cleland 2001, 2002; Currie, Turner 2016. P. 43–46; Turner 2014. P. 494–505.

¹² В таком ракурсе на наследие Поршнева ранее никто не смотрел: Гордон 2005; Кондратьев, Кондратьева 2003. С. 125–162; Рыжковский 2009; Тихонов 2010. P. 330–332.

¹³ Барг 1964. В 1964–1968 гг. Барг и Поршнева – коллеги по Сектору методологии истории в Институте истории АН СССР.

ской России – уже тогда) 1920-х гг., когда структурализм только зарождался в трудах Ф. де Соссюра, а переосмысление статуса исторического знания было еще тесно связано с авторитетом логического позитивизма. Изучая историю общественной мысли России XIX в.¹⁴ в качестве аспиранта секции Новой русской истории РАНИОН под руководством В.И. Невского и параллельно занимаясь работой «на заказ» в виде написания самых разных текстов (от агитационно-публицистических и морально-дидактических брошюр¹⁵ до разгромных рецензий на исторические и литературоведческие работы¹⁶), Поршнев уже тогда начал задумывать большой проект синтеза гуманитарного и естественнонаучного знания, ключевая роль в котором отводилась именно истории. Еще до того, как волею судеб, в результате увлечения одним частным сюжетом в ходе хаотичной работы «на заказ»¹⁷, Поршнев стал профессиональным франковедом, он умудрился написать внушительный (74 стр.), но так и оставшийся неопубликованным текст «О социальной природе шаманства у якутов»¹⁸, в котором, достаточно вольно обращаясь с этнографическим материалом, впервые формулирует каркас своей теории, которая разовьется впоследствии в большой историософский проект «Критики человеческой истории». Первые наброски этого проекта будут сделаны в 1938 г., в рукописях монографии «История и философия», работа над которой будет продолжаться до 1954 г., но ей тоже не суждено будет увидеть свет. Хотя проект останется незавершенным, все, что Поршнев публикует с этого времени, представляет собой небольшие шаги на пути его реализации. До конца жизни Поршнев вел начатый еще в 1946 г. «научный дневник»¹⁹, в котором он зафиксировал самые смелые свои идеи и размышления, заставляющие взглянуть на опубликованное наследие в новом свете и под иным углом.

Говоря о Поршневе, необходимо иметь в виду, что он представлял собой интеллектуала формации 1920-х гг., что в годы его творческой активности уже выглядело старомодно. Для исторической науки этот

---

¹⁴ В частности, с «Истории Бакунина и бакунизма». Эта работа, поданная в качестве вступительной, хоть и получила максимальную оценку, опубликована впоследствии не была; ее рукопись также не сохранилась. См.: Кондратьева 2016. С. 161.

¹⁵ Поршнев 1926.

¹⁶ Рецензии на литературоведческие работы Б.Ф. Поршнев писал под псевдонимом «В. Пушин». См.: Пушин 1934; Пушин 1935; Поршнев 1935б.

¹⁷ В 1932 г. издательство «Academia» предложило Поршневу написать комментарии и предисловие к переводу на русский язык мемуаров кардинала Реца, освещающих события эпохи Фронды. Эту работу Поршнев так и не закончил (перевод выйдет позже – и с предисловием Ю.Б. Виппера), но именно с этого времени начинается его серьезное увлечение историей Франции.

¹⁸ Архив РАН. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 218-292.

¹⁹ В архиве Поршнева сохранилось три тома рукописей его «научного дневника». – НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 15, 16, 17.

период характерен интенсификацией интеллектуальной деятельности по переосмыслению ее фундаментальных категорий и оснований. С одной стороны, это время возникновения школы «Анналов», с другой – последний пик увлечения большими историософиями в духе О. Шпенглера или А. Тойнби, с третьей – пора переосмысления методологических оснований историописания в ходе рецепции деятельности «Венского кружка». Все эти направления мысли объединяет одно – критика традиционного позитивистского историописания в смысле стремления к переопределению статуса исторического знания в системе «наук о духе», вплоть до выведения исторической дисциплины из этой системы путем отрицания неокантианского разделения наук на номотетические и идеографические. В СССР же сциентистский утопизм был вызван постреволюционной эйфорией и оказался тесно связан со стремлением новой власти легитимировать себя и свою деятельность апелляцией к «научности», придавая науке необычайно высокий статус²⁰. В сочетании с технологическим оптимизмом и верой в прогресс эпоха 1920-х гг. породила таких уникальных исследователей, как, скажем, А.А. Богданов²¹, для которых идея, определяющей их научную деятельность, вполне могло стать представление о единстве рода человеческого, требующее научного доказательства и способное стать операциональным инструментом в деле строительства нового общества. Такое представление, имеющее статус аксиомы, а именно – глубоко гегельянская идея «единства человеческой истории», развивающейся как непрерывное превращение противоположностей – определяет и творчество Б.Ф. Поршнева, так никогда и не пожелавшего отказаться от этой философской спекуляции в угоду политическому климату и меняющимся научным «парадигмам».

Попытаться обосновать эту идею Поршневу поможет структурная лингвистика Ф. де Соссюра: советский историк позаимствует из «Курса общей лингвистики»²² понятия *синхронии* и *диахронии*, чтобы приложить их к истории международных отношений и классовой борьбы в Европе XVII в. Соссюр использовал эти понятия для различения исторической и дескриптивной лингвистики: по его мнению, «диахроническое» исследование языка должно базироваться на синхронических его описаниях (синхронических срезах) в определенные моменты его эволюции. Найдя это размышление привлекательным для обоснования своего рода синтеза истории и социологии, Поршневу механически переносит эти понятия в сферу, им принципиально чуждую. *Диахроническое* отныне приравнивается к собственно *историческому*, тогда как вера в возможность осуществления больших *синхронических срезов* связана с

---

²⁰ Gerovitch 2002. P. 29.

²¹ Гельвих 2017. С. 92-101.

²² Соссюр 1999.

представлением об интеллигибельности «общественной структуры» как некой целостности со своими законами. Именно для решения проблемы перехода от описания статичной структуры к ее историческому рассмотрению Поршнев и обращается к антиномии Соссюра.

Историческая «социология международных отношений»

В законченном виде этот «трансфер» категориального аппарата лингвистики оформился в работах Поршнева в начале 1960-х, на волне попыток внедрения в советской науке «структурного метода» для анализа нелингвистических явлений. Поршнев предлагает в качестве структуры для подобного анализа рассматривать, в частности, «систему» международных отношений европейских государств XVII в. Здесь применительно несколько моментов. Следуя по стопам Р. Арона, Поршнев строит *социологию международных отношений*, но только в исторической перспективе. Именно Р. Арон еще в 1954 г. одним из первых поставил вопрос о возможности генерализаций в исследованиях межгосударственной политики²³: он попытался, в частности, придать строгость самому термину *система международных отношений*, вводя различие *биполярных* и *мультиполярных*, *гомогенных* и *гетерогенных* систем. Стремясь *историзировать* концепцию Арона, Поршнев прилагает ее к материалу XVII в., рассчитывая таким образом обосновать свои историко-софские идеи о «единстве человеческой истории», о социальной и политической борьбе как основном факторе развития этого единого организма, как о двигателе исторического процесса. «Вся человеческая история, – пишет он, – росла как средство отодвинуть войну. В ходе истории развивались и возможности, и следствия уравнивания сил»²⁴. «Survivre, s'est vaincre»²⁵ – тезис Арона²⁶, отсылающий к гоббсовской метафоре положения правителей государств как «гладиаторов, направляющих оружие один против другого и зорко следящих друг за другом»²⁷. Вероятно, именно под влиянием Арона доведенная у Поршнева до абсурда идея о классовой борьбе как основном сюжете человеческой истории²⁸ превращается в едва ли не гоббсовскую *bellum omnia contra omnes*²⁹, а рассуждение советского историка о происхождении социальной все более напоминает, в свою очередь, стремление историзировать аисторичную теорию Т. Гоббса. Так, в монографии «О начале человеческой истории» Поршнев упрекает Гоббса за то, что *его* «начала»

²³ Aron 1954. P. 237-251; 1964.

²⁴ Поршнев 1970. С. 11.

²⁵ «Выживать – значит побеждать». В английском переводе для «vaincre» был использован глагол «conquer».

²⁶ И название главы в его книге «Мир и война между нациями». Aron 1964. Ch. XXII.

²⁷ Гоббс 2016. С. 183.

²⁸ О дискуссиях вокруг этой идеи см.: Рыжковский 2009.

²⁹ Подробнее о влиянии Т. Гоббса на творчество Р. Арона см.: Badie 2005. P. 3–15.

человеческой истории вовсе не было «в действительном прошлом»³⁰. Для Гоббса естественное состояние не является исторической данностью, но понимается как потенциальная возможность, сохраняющаяся в наличном общественном состоянии и несущая скрытую угрозу последнему³¹; Поршневу же не склонен рассматривать теорию английского философа в качестве подобного мыслительного эксперимента: напротив, в своем стремлении рассуждать *исторически* он пытается найти конкретную точку на временной оси. Свою концепцию он позиционирует как «альтернативу тенденции ликвидировать историзм в науках о человеке», выступая против «ахронического», или «агенетического» мышления³². Именно историцистский поиск оснований социальности приводит Поршневу к естественнонаучному аргументу, к разысканию *differentia specifica* человека в эволюции его физиологического строения.

Идея о том, что «всякое классово-антагонистическое по внутреннему строению “политическое единство” является в своей внешней политике потенциальным экспансионистом», становится у Поршнева аксиомой, не нуждающейся в доказательстве: «достаточно тезиса, что эта связь имеет всеобщий характер, т.е. не допускает мысли о каких-либо исключениях»³³. Подобного рода заявления способны вызвать у современного читателя ощущение замешательства, тем более, что за тезисом кроется отнюдь не риторическое ухищрение, призванное подвзывать исследование к избитым марксистским постулатам. Отстаивая тезис о том, что история одной отдельно взятой страны невозможна (возможна только «синхронная история разных стран»)³⁴, Поршневу помещает европейские государства в наукообразную понятийно-категориальную сетку. По его мнению, историю Тридцатилетней войны необходимо рассматривать не иначе, как в контексте существования *системы государств*, образующей некое *магнитное поле*, как складывание особых *исторических констелляций*, или результат действия *разнонаправленных сил* между двумя *полюсами* – «реакционной» католической империи Габсбургов и «прогрессивной» протестантской Швецией. Функционирование этой «системы», по мнению Поршневу, во многом зависело от состояния всех ее «элементов», и в качестве главного сюжета для своего исследования он – достаточно неожиданно для человека с репутацией «ортодоксального марксиста» (которым он, впрочем, никогда не был) – избирает роль и влияние Московского государства на ход Тридцатилетней войны. Неожиданно это выглядит потому, что пафос «недооцененной роли» государства Российского в этой войне совершенно перекрывает марксист-

---

³⁰ Поршневу 2017. С. 47.

³¹ Филиппов 2009. С. 111.

³² Поршневу 2017. С. 25–26.

³³ Он же. 1970. С. 11.

³⁴ Он же. 1969. С. 301–306.

скую риторику, обнаруживая родство Поршнева с мыслителями скорее «правого» толка – не только Арона, но и Карла Шмитта. Дело в том, что здесь Поршневу развивает еще одну аксиому (она присутствует в самых ранних его дневниках) – о том, что дихотомия «мы–они» является основным фактором развития человеческой истории³⁵, в приложении к международным отношениям сильно смахивающую на концепцию «друг–враг» немецкого юриста и политического философа (что, впрочем, вовсе не говорит о том, что Поршневу его читал). Более того, Поршневу здесь даже более радикален, чем Шмитт: если последний понимает политическую противоположность «друг/враг» как пусть и «самую интенсивную, самую крайнюю», но все же экзистенциальную, кроме того, не имеющую отношения к снятию противоположностей «доброе/злое», «прекрасное/безобразное»³⁶, то Поршневу пытается доказать, что противопоставление «мы–они», являющееся (в духе Гоббса и Шмитта) основным фактором возникновения социальности, имеет, ни много ни мало, физиологическую укорененность, и даже ощущения прекрасного и безобразного всегда связаны с различием «своего» и «чужого». Так, опираясь на представления о «принуждении» и «подражании» как глубинных социальных аспектах человеческой психики, заимствованных им из уже тогда основательно устаревших концепций Э. Дюркгейма³⁷ и Г. Тарда³⁸ соответственно, слегка модифицировав их идей об аналогии бинарных структур детского мышления и мышления «первобытных» народов, принадлежащей французскому психологу А. Валлону³⁹, Поршневу приходит к выводу о том, что «критерий красивого, как и критерий морального, всегда содержит порицание и отрицание безвкусного, некрасивого, аморального. Второе не является негативным понятием, оно сплошь и рядом даже более определено, чем первое: грязь, уродство, пролитие крови. Это то, что отождествляется с “чужими”, с “они”». Такая психофизиологическая укорененность бинарности «мы–они» становится основополагающим фактором «человеческой истории», которая, «начиная с первобытности, была всемирной преимущественно в этом, негативном смысле: культура и быт любого племени развивались путем противопоставления своего чужому»⁴⁰. В дальнейшем, согласно концепции Поршнева, наблюдается неумолимый прогресс по пути утверждения «всемирности» исторического процесса – и вот, в XVII в. мы уже видим, как страны, которые могут ровным счетом ничего не знать о су-

³⁵ НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 17. Л. 27.

³⁶ «Врага в политическом смысле не обязательно лично ненавидеть, и лишь в сфере “приватного” имеет смысл любить “врага” своего, т.е. противника». Шмитт 2016. С. 304.

³⁷ Дюркгейм 1991. С. 421.

³⁸ Тард 2011.

³⁹ Wallon 1945. P. 104–105.

⁴⁰ Поршневу 1979. С. 210; 1970. С. 12.

существовании друг друга, включаются в некую общую «игру», оказывая влияние на общую расстановку сил. Так, для Московского государства *естественным* противником – «врагом» в подлинно шмиттианском смысле – внезапно оказываются Габсбурги, состоящие в союзе с Польско-Литовским государством, с которым у Москвы очень кстати имеется территориальный спор; поскольку основным противником этого католического блока на определенном этапе оказывается шведский король, для московского православного государя, рассуждает Поршневу, становится *совершенно естественным* искать союза с протестантской Швецией; более того, отныне все, что происходит на «восточном барьере», *должно* непосредственно влиять на ход Тридцатилетней войны в Европе. Именно потому, что аксиоматическая структура рассуждения Поршнева приводит его к выводам относительно *закономерной необходимости*, он вынужден *искать* подтверждения своим теориям. Поразительным образом статус закона оказывается в этой системе координат практически неприкосновенным. Поршневу всячески пытается обосновать это рассуждение при помощи исторических источников. Можно сказать, что таким образом он доводит до крайности тезис А.-И. Марру о том, что логический приоритет в историческом исследовании принадлежит не документу, а *вопросу*, поставленному историком⁴¹.

Таким образом, аксиомы становятся для Поршнева критерием отбора материала и руководством к его интерпретации. В этом заключается особенность его стратегии сциентизации исторического знания. Она здесь – удобный инструмент, который позволяет создавать такой исторический нарратив, который недоступен «обыкновенному» историку.

Исторический «эксперимент»

Этот вывод подтверждается и при обращении к концепции «исторического эксперимента», разработанной Поршневым. Заимствуя у Арона понятие *перспективы* и придавая ему статус инструмента «строго научного характера», он пытается ввести в историописание практику *мыслительного эксперимента*, не отличающегося по своему значению и статусу от эксперимента в физике. Примечательно экстравагантное выступление Поршнева на конференции 1964 г., посвященной переосмыслению теоретических оснований исторической науки в сторону повышения градуса ее «научности», в котором он заявил о необходимости отбросить представления, «сближающие историческое познание с эстетическим и тем самым противопоставляющие его естественнонаучному», а для этого – признать, что понятие эксперимента, подразумевающее произвольное изменение условий протекания наблюдаемого процесса, можно и нужно использовать в историческом исследовании, так как «нет принципиального отличия, если историк, поскольку менять

⁴¹ Марру 1975. Р. 64–91. Первое издание этой работы вышло в 1954 г.

прошлое невозможно, выбирает нужный для его цели пример, т.е. рассматривает процесс то при одних, то при других условиях»⁴². Поршнев легитимирует сослагательное наклонение в истории. Парадоксальным образом то, что для любого историка является серьезным отклонением от научной⁴³ строгости, становится у Поршнева ее образцом: именно здесь понятие «научности» наполняется строго сциентистским содержанием. Фактически, Поршнев говорит о т.н. *квази-эксперименте*, принятом на вооружение в то время, в частности, в политической науке⁴⁴.

Поршнев попытался реализовать эту программу следующим образом. Обозначив ряд возможных «перспектив» развития Тридцатилетней войны, т.е. фактически введя пресловутое «если бы» в ткань своего исследования, он скрупулезно просчитывает логику возможных сценариев с целью установить, какой из них был наиболее закономерен, т.е. наиболее отвечал естественному ходу развития «человеческой истории». Поскольку последняя понималась – снова аксиоматически – в гегелевском духе, как борьба противоположностей, переход от рабства природного состояния к свободе «конца истории», проходя поэтапно через смену общественно-экономических формаций в процессе классовой борьбы (что также оказывается связано с концепцией «мы–они» и что автор снова пытается обосновать при помощи естественнонаучного аргумента как физиологически укорененную необходимость), Поршнев считает таким «естественным» сценарием *несостоявшуюся* победу *несостоявшегося* блока «прогрессивной» антигабсбургской коалиции со Швецией, Францией и Россией. Само наличие Российского государства на востоке, по мнению Поршнева, оказывало влияние на политику центрально-европейских правителей, определяя ход Тридцатилетней войны, которая интересует его потому, что была «первой всеевропейской войной»⁴⁵, что делает ее наиболее репрезентативной для обоснования его идеи исторической синхронии. Перед нами – исследование перспективы, не реализовавшейся по случайному стечению обстоятельств, из-за вмешательства модифицировавшей закономерный ход исторического процесса акциденции; перспективы, потенциально возможной в «магнитном поле» *системы* европейских государств XVII в. Эта война сопровождалась, по мнению Поршнева, значительным подъемом народных движений едва ли не во всех европейских странах. «Прогрессивный блок», по его мнению, мог бы победить только в том случае, если бы сумел канализировать недовольство народных масс. Апофеозом доказательной аргументации для Поршнева в этом сюжете становится анализ встречи Гоббса, Декарта и Гассенди в Париже накануне Фронды, *о содержании которой*

⁴² История и социология... С. 154.

⁴³ В том значении, которым это слово обладает в русском языке.

⁴⁴ Singer 1977. P. 1-22; Campbell, Stanley 1966. P. 3.

⁴⁵ Поршнев 1976. С. 8.

не осталось никаких свидетельств⁴⁶, он размышляет над перспективой, которая могла бы реализоваться, если бы этому «материалистическому Олимпу» удалось предложить Фронде идеологию и программу действий⁴⁷. «Соединение имен, – пишет Поршнев, – если бы (курсив мой. – А.А.) оно стало стойким, было бы манифестом самой передовой и сильной научно-материалистической идеологии. Это не было абсолютно невозможным»⁴⁸. В этом свете мимоходом брошенные Поршневым слова о том, что «нам надо заставить (курсив мой. – А.А.) заговорить сами источники»⁴⁹, кажутся уже не столь безобидными, отсылая к диктату теории, лежащему в основе его исследовательской программы.

***

Почему становятся возможными этот диктат, эти аксиомы и «исторические эксперименты» с перспективами? Более того – как они становятся возможными в условиях стремления к научной строгости? Мы видим, что структуралистская идея синхронии, призванная теоретизировать и «онаучить» практику историописания, оказывается лишь механизмом, легитимирующим самые неожиданные мыслительные ходы. Она позволяет, и более того, требует обнаружения связей там, где они не являются очевидными и не верифицируются документально. Она становится органичной частью аксиоматической структуры аргумента. Симптоматично, что Поршнев иллюстрирует свое видение структурной истории международных отношений, используя метафору диспозиции шахматных фигур на доске, выдавая эту метафору за «модель подвижной структуры»: убирая одну из фигур, мы изменяем «значимость всех остальных фигур на доске». Тех, кого не устраивает такое сравнение, он пытается убедить аналогией с естественнонаучным методом, предлагая взглянуть на систему небесных тел: «зная орбиты, скорость и массы всех тел, кроме одного, можно описать неизвестное нам тело, хотя его никто не наблюдал»⁵⁰. Таким образом, перед нами механизм производства убедительности посредством апелляции к естественнонаучному аргументу, парадоксальным образом работающий в обратном направлении – в сторону размывания аргументативной структуры понятий и метафоризации терминологического аппарата. Заимствованные у Соссюра понятия «синхронии» и «диахронии» механически трансплантируются

---

⁴⁶ Сам факт этой встречи Поршнев никак не удосуживается подтвердить: в этом месте просто отсутствует какая-либо сноска. Впрочем, для аксиоматической логики его рассуждения это действительно не имеет значения.

⁴⁷ Доказательство масштабности народных восстаний накануне и во время Фронды – основная тема ключевой монографии Поршнева, удостоенной Сталинской премии. См.: Поршнев 1948.

⁴⁸ Поршнев 1970. С. 54.

⁴⁹ Там же. С. 61.

⁵⁰ Там же. С. 25.

в чужеродную им среду и не выдерживают акклиматизации – они попросту не функционируют. Можно сказать и по-другому – они в историческом нарративе функционируют исключительно как *метафоры*.

К середине 1950-х гг. «world/universal history» становится очередным модным трендом: под эгидой ЮНЕСКО начинает работать «Международная комиссия по истории научного и культурного развития человечества», организовавшая выпуск периодического издания «*Cahiers d'Histoire Mondiale*»; историки все чаще стали говорить о научной важности изучения «единой человеческой истории», о культурном развитии человечества как результате усилия всех людей и народов⁵¹. Поворот Поршнева в этом направлении приходится на то же время. Если в тексте, написанном в 1954 г. и вошедшем в качестве главы в коллективную монографию, посвященную Английской революции⁵², он только нащупывает пути для применения идеи «синхронии», пытаясь обнаружить сходства между событиями в Британии и Фрондой во Франции, доказывая родство политической программы левеллеров и ормистов, продолжая развивать идею о стихийной силе, грозившей существованию европейских монархий, бывшую лейтмотивом его монографии о «Народных движениях во Франции», то в последующих статьях 1960-х гг., сложившихся в итоге в цитированные здесь работы по истории международных отношений XVII в., Поршневу уже прибегает к самым смелым и оригинальным теоретическим обобщениям. Впрочем, его построения не вызвали большого энтузиазма у коллег, а явная претензия на роль главного методолога советской исторической науки⁵³ осталась лишь претензией. Более того – энтузиазм в отношении сциентизации миновал довольно быстро. Показателен в этом смысле сборник «Философские вопросы исторической науки», среди авторов которого отсутствует какой-либо консенсус относительно проблемы «онаучивания» исторического знания, которой этот сборник и был посвящен: Поршневу оказывается единственным, кто выступает за сциентизацию исторического знания по естественнонаучному образцу; ряд авторов отстаивают позицию «не-

⁵¹ Barraclough 1955; Omodeo 1955; Febvre 1953. P. V;

⁵² Поршневу 1954. С. 71–89.

⁵³ О том, что такие претензии у Поршнева были, свидетельствуют заметки в «научном дневнике»: так, в 1951 г. он пишет: «Наука – это не только познание объективного мира, но всегда социальная, т.е. межчеловеческая борьба. Познание объективного мира и есть могущественнейшее средство межчеловеческой борьбы. Всякая новая установленная научная истина есть удар, нанесенный по чьему-либо авторитету – по авторитету того, кто думал и учил, то есть заставлял думать иначе. [...] Сила «учителя» в его авторитете, а авторитет подрывается даже одной ошибкой, т.е. авторитет совсем не пропорционален качеству истины, высказанной человеком; авторитет неделим. [...] Наука в этом смысле всегда есть социальная война, [...] война против социально-сильных авторитетов». НИОР РГБ. Ф. 684. Оп. 27. Д. 17. Л. 10.

естественнонаучной научности», что фактически означает отказ от курса на сциентизацию. Наиболее ярко эту позицию выражает П.П. Гайдено, заявляя о том, что «рассматривать мир, учитывая также и человека как реальность» означает «перестать ориентироваться в исторических и – шире – гуманитарных науках на естественнонаучные модели»⁵⁴. «Законы истории» *противопоставляют* законам природы А.В. Гулыга, А.Я. Гуревич, А.И. Ракитов⁵⁵ и др. Достаточно сравнить эти заявления с оптимистической риторикой докладов на конференции 1964 года, посвященной «методологическим вопросам исторической науки», опубликованных в сборнике «История и социология»⁵⁶, чтобы понять: сциентизация как феномен «научной моды» теряет свою актуальность; отныне попытки реконфигурации исторического знания по модели естественных и точных наук (как и в предшествующий, «дооттепельный» период) снова становятся уделом энтузиастов вроде Б.Ф. Поршнева. Однако равноценного по амбициозности проекта сциентизации, подобного идее создания новой «естественной науки о человеке» в рамках «Критики человеческой истории», в советской историографии больше не появилось. Плодотворнее всего оказалась стратегия «умеренной сциентизации» истории в лице клиометрики, претендующей на роль не более чем очередной исторической субдисциплины.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив Российской Академии Наук. Ф. 359. Оп. 3. Д. 62. Л. 218-292.
 Научно-исследовательский отдел рукописей Российской Государственной Библиотеки. Ф. 684. Оп. 27. Д. 15, 16, 17.
- Барг М.А. Структурный анализ в историческом исследовании // Вопросы философии. 1964. №10. С. 83-92 [Barg M.A. Strukturnyj analiz v istoricheskom issledovanii // Voprosy filosofii. 1964. №10. S. 83-92]
- Гайдено П.П. Категория времени в буржуазной европейской философии истории XX века // Философские вопросы исторической науки / Отв. ред. А.В. Гулыга, Ю.В. Левада. М.: Наука, 1969. [Gajdenko P.P. Kategoriya vremeni v burzhuaznoj evropejskoj filosofii istorii XX veka // Filosofskie voprosy istoricheskoj nauki / Отв. red. A.V. Gulyga, Yu.V. Levada. M.: Nauka, 1969]
- Гельвих А.В. «Пролетарская наука» А.А. Богданова: коммуникативная утопия на службе утопии социальной // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 4. С. 92–101 [Gel'vih A.V. «Proletarskaya nauka» A.A. Bogdanova: kommunikativnaya utopiya na sluzhbe utopii social'noj // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoticheskie nauki. 2017. № 4. S. 92–101]
- Гемпель К. Функция общих законов в истории // Он же. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги, 1998. С. 16-31 [Hempel K. Funkcija obshchih zakonov v istorii // Logika ob'yasneniya. M.: Dom intellektual'noj knigi, 1998. S. 16-31]
- Гоббс Т. Левиафан, или материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Рипол-классик, 2016 [Hobbes T. Leviathan, ili materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo. M.: Ripol-klassik, 2016]

⁵⁴ Гайдено 1969. С. 262.

⁵⁵ Гулыга 1969. С. 7–50; Гуревич 1969. С. 51–79; Ракитов 1969. С. 161–185.

⁵⁶ История и социология...

- Гордон А.В. Поршнев: впечатления и размышления // Французский ежегодник 2005. – М.: КомКнига, 2005. С. 43-62 [Gordon A.V. Porshnev: vpechatleniya i razmyshleniya // Francuzskij ezhegodnik 2005. M.: KomKniga, 2005. S. 43-62.]
- Грушин Б.А. Очерки логики исторического исследования. Процесс развития и проблемы его научного воспроизведения. М.: Высшая школа, 1961 [Grushin B.A. Ocherki logiki istoricheskogo issledovaniya. Process razvitiya i problemy ego nauchnogo vosproizvedeniya. M.: Vysshaya shkola, 1961]
- Гулыга А.В. История как наука // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 7–50 [Gulyga A.V. Istoriya kak nauka // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 7–50]
- Гуревич А.Я. Об исторической закономерности // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 51–79. [Gurevich A.Ya. Ob istoricheskoy zakonomernosti // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 51–79]
- Дастон Л., Галисон П. Объективность. М.: НЛЮ, 2018 [Daston L., Galison P. Ob'ektivnost'. M.: NLO, 2018]
- Дастон Л. Научная объективность со словами и без слов. Наука и научность в исторической перспективе. СПб: ЕуСПб, Алетейя, 2007. С. 37-71 [Daston L. Nauchnaya ob'ektivnost' so slovami i bez slov. Nauka i nauchnost' v istoricheskoy perspektive. SPb: EuSPb, Aleteya, 2007. S. 37-71]
- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1991 [Durkheim E. O razdelenii obshchestvennogo truda. Metod sociologii. M.: Nauka, 1991]
- История и социология / Под ред. В.В. Альтмана, В.А. Куманева. М.: Наука, 1964 [Istoriya i sociologiya / Pod red. V.V. Altmana, V.A. Kumaneva. M.: Nauka, 1964.]
- Количественные методы в исторических исследованиях: учеб. пособие / под ред. И.Д. Ковальченко. М.: Высшая школа, 1984 [Kolichestvennyye metody v istoricheskikh issledovaniyakh: ucheb. posobie / pod red. I.D. Koval'chenko. M.: Vysshaya shkola, 1984]
- Кондратьев С.В., Кондратьева Т.Н. Наука убеждать, или Споры советских историков о французском абсолютизме. М.: Мандр и К, 2003. С. 125-162 [Kondrat'ev S.V., Kondrat'eva T.N. Nauka ubezhdat', ili Spory sovetskikh istorikov o francuzskom absol'yutizme. M.: Mandr i K, 2003. S. 125-162]
- Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: начало большого пути // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия "История. Филология". 2016. No. 1 [Kondrat'eva T.N. Boris Fedorovich Porshnev: nachalo bol'shogo puti // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Istoriya. Filologiya". 2016. No. 1]
- Кондратьева Т.Н. Борис Федорович Поршнев: учеба в Институте истории РАН ИОН // Европа: Международный альманах. Вып. X. Тюмень: Изд. ТюмГУ, 2011. С. 152–153 [Kondrat'eva T.N. Boris Fedorovich Porshnev: ucheba v Institute istorii RANION // Evropa: Mezhdunarodnyj al'manah. Вып. X. Tyumen': TyumGU, 2011. S. 152–153]
- Медушевская О.М. Источниковедение в России XX в.: Научная мысль и социальная реальность // Советская историография / под ред. Ю. Афанасьева. М., 1996 [Medushevskaya O.M. Istochnikovedenie v Rossii XX v.: Nauchnaya mysl' i social'naya real'nost' // Sovetskaya istoriografiya / pod red. Yu. Afanas'eva. M., 1996]
- Поршнев Б.Ф. Английская революция и современная ей Франция // Английская буржуазная революция XVII века. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 71-89 [Porshnev B.F. Anglijskaya revolyuciya i sovremennaya ej Franciya // Anglijskaya burzhuznaya revolyuciya XVII veka. T. 2. M.: Izd-vo AN SSSR, 1954. S. 71-89]
- Поршнев Б.Ф. Горсоветы и работница. М., Л.: Гос. изд-во, 1926 [Porshnev B.F. Gorsovety i rabotnica. M., L.: Gos. izd-vo, 1926]
- Поршнев Б.Ф. Мыслима ли история одной страны? // Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969. С. 301–306 [Porshnev B.F. Myslim li istoriya odnoj strany? // Istoricheskaya nauka i nekotorye problemy sovremenosti. Stat'i i obsuzhdeniya. M., 1969. S. 301–306]
- Поршнев Б.Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.: Изд-во АН СССР. 1948 [Porshnev B.F. Narodnye vosstaniya vo Francii pered Fronдой (1623–1648). M.: Izd-vo AN SSSR. 1948]
- Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. М.: Академический проект, 2017 [Porshnev B.F. O nachale chelovecheskoj istorii. M.: Akademicheskij proekt, 2017]

- Поршнеv Б.Ф. Рецидив абстрактного социологизирования // Книга и пролетарская революция. 1935. No. 3. С. 26–29 [Porshnev B.F. Recidiv abstraktnogo sociologizirovaniya // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1935. No. 3. S. 26–29]
- Поршнеv Б.Ф. Социальная психология и история. 2-е изд. М.: Наука, 1979 [Porshnev B.F. Social'naya psihologiya i istoriya. 2-e izd. M.: Nauka, 1979]
- Поршнеv Б.Ф. Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М.: Наука, 1976 [Porshnev B.F. Tridcatiletnyaya vojna i vstuplenie v nee Shvecii i Moskovskogo gosudarstva. M.: Nauka, 1976]
- Поршнеv Б.Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М.: Наука, 1970 [Porshnev B.F. Franciya, Anglijskaya revolyuciya i evropejskaya politika v seredine XVII v. M.: Nauka, 1970]
- Пушин В. Изысканно-опошленный Данте // Книга и пролетарская революция. 1935. No. 3. С. 87–90 [Pushchin V. Izykanno-oposhlennyi Dante // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1935. No. 3. S. 87–90]
- Пушин В. Рецензия: Научкообразный труд // Книга и пролетарская революция. 1934. No 6. С. 81–85 [Pushchin V. Recenziya: Naukoobraznyj trud // Kniga i proletarskaya revolyuciya. 1934. No 6. S. 81–85]
- Ракитов А.И. К вопросу о структуре исторического исследования // Философские вопросы исторической науки... 1969. С. 161–185 [Rakitov A.I. K voprosu o strukture istoricheskogo issledovaniya // Filosofskie voprosy istoricheskoy nauki... 1969. S. 161–185]
- Рыжковский В. Был ли у русской революции свой Гегель? Борис Поршнеv и его «Критика человеческой истории» // Гефтер. 2017 [Ryzhkovskiy V. Byl li u russkoj revolyucii svoj Hegel? Boris Porshnev i ego «Kritika chelovecheskoj istorii» // Gefter. 2017. URL: <http://gefter.ru/archive/22681>]
- Рыжковский В. Советская медиевистика and Beyond (к истории одной дискуссии) // НЛО, 2009. №87 [Ryzhkovskiy V. Sovetskaya medievistika and Beyond (k istorii odnoj diskussii) // NLO, 2009. №87. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/97/ry4.html>]
- Соссюр Ф. де Курсе общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун.-та, 1999 [Saussure F. Kurs obshchej lingvistiki. Ekaterinburg: Izd-vo Ural'skogo un.-ta, 1999]
- Тард Ж.Г. Законы подражания. М.: Академический проект, 2011 [Tarde G. Zakony podrazhaniya. M.: Akademicheskij proekt, 2011]
- Федосеев П.Н., Францев Ю.П. О разработке методологических вопросов истории // История и социология / Под ред. В.В. Алтмана, В.А. Куманева. М.: Наука, 1964 [Fedoseev P.N., Francev Yu.P. O razrabotke metodologicheskikh voprosov istorii // Istoriya i sociologiya / Pod red. V.V. Altmana, V.A. Kumaneva. M.: Nauka, 1964]
- Филиппов А.Ф. Актуальность философии Гоббса // Социологическое обозрение. Т. 8. № 3. 2009 [Filippov A.F. Aktual'nost' filosofii Gobbsa // Sociologicheskoe obozrenie. T.8. №3. 2009]
- Шмитт К. Понятие политического. СПб.: Наука, 2016 [Schmitt C. Ponyatie politicheskogo. SPb.: Nauka, 2016]
- Aron R. De l'analyse des constellations diplomatique // Revue française de science politique. 1954. Vol. 4. No. 2. P. 237-251.
- Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris: Calmann-Lévy, 1964.
- Badie B. Raymond Aron, penseur des relations internationales. Un penseur «à la française»? // Études du CEFRES. 2005. No. 5. P. 3–15.
- Barraclough G. History in a Changing World. Oxford: Basil Blackwel, 1955.
- Campbell D., Stanley J. Experimental and Quasi-Experimental Designs for Research. Boston: Houghton Mifflin Co., 1966.
- Christian D. Maps of Time: an Introduction to Big History. Berkeley: University of California Press, 2004.
- Hempel G.G. Aspects of Scientific Explanation. N.Y.: Free Press, 1965.
- Cleland C. Historical science, experimental science, and the scientific method // Geology. 2001. Vol. 29. No. 11. P. 987–990.
- Cleland C. Methodological and Epistemic Differences between Historical Science and Experimental Science // Philosophy of Science. 2002. Vol. 69, No. 3 P. 447-451.
- Currie A., Turner D. Introduction: Scientific knowledge of the deep past // Studies in History and Philosophy of Science. Part A. 2016. Vol. 55. P. 43–46.

- Gerovitch S. From Newspeak to Cyperspeak. A History of Soviet Cybernetics. Cambridge (MA): The MIT Press, 2002.
- Febvre L. Combats pour l'histoire. Paris, 1953.
- Kozlov D. Athens and Apocalypse: Writing History in Soviet Russia // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / Ed. by A. Schneider, D. Woolf. Oxford: Oxford UP, 2011. P. 378.
- Lorenz C. History and Theory // The Oxford History of Historical Writing. Vol. 5: Historical Writing Since 1945 / Ed. by A. Schneider, D. Woolf. Oxford: Oxford UP, 2011.
- Magun A. Boris Porshnev's Dialectic of History // Stasis, 2017, №2 (5). С. 218-246.
- Marrou H.-I. De la connaissance historique. 6 éd. Paris. Seuil, 1975. Ch. 3. P. 64–91.
- Novick P. That Noble Dream. The «Objectivity Question» and the American Historical Profession. Cambridge: Cambridge UP, 1988.
- Omodeo A. Il senso della storia. Einaudi, 1955.
- Rethinking Objectivity / Ed. by A. Megill. Durham: Duke UP, 1994.
- Singer D. The Historical Experiment as a Research Strategy in the Study of World Politics // Social Science History. 1977. Vol. 2. No. 1. P. 1-22.
- Spier F. The Structure of Big History: from the Big Bang until Today. Amsterdam: AUP, 1996.
- Tihanov G. Continuities in the Soviet Period // A History of Russian Thought / Ed. by W. Leath-erbarrow, D. Offord. Cambridge: CUP, 2010. P. 311-339.
- Turner D. Philosophical Issues in Recent Paleontology // Philosophy Compass. 2014. Vol. 9. No. 7. P. 494–505.
- Wallon H. Les origines de la pensée chez l'enfant. T. 1. Les moyennes intellectuels. P.: PUF, 1945.

Афанасьев Антон Николаевич, стажер-исследователь, Институт гуманитарных историко-теоретических исследований им. А.В. Поляева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; anafanasiev@hse.ru

History as a strict science: an experience of scientization of historical knowledge in the works by B.F. Porshnev

This article examines the process of history scientization experience in the USSR based on Porshnev's concept of international affairs in the period of the Thirty Years' War. The author traces the connection between this concept and structuralism, as well as the roll-call between its historiography and T. Hobbes' (the problem of the emergence of sociality), C. Schmitt's (the idea of "friend-enemy") and R. Aron's (sociology of international relationships) theories. In the course of the analysis of the argumentative structure of natural-science implication, B.F. Porshnev's theory (concepts of "synchrony" and "diachrony" of the historical process, the concept of "historical experiment"), which is characterized as axiomatic, the author concludes that Porshnev's persistent desire for scientific rigor and rigidity of the conceptual-categorical apparatus leads to the opposite effect – the metaphORIZATION of language.

Keywords: B. Porshnev, scientization, structuralism, historical experiment, Thirty Years' War
Anton Afanasiev, researcher, Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; anafanasiev@hse.ru

ИЗ ИСТОРИИ МЕДИЦИНЫ

Е. А. ВИШЛЕНКОВА, С. Н. ЗАТРАВКИН

ВРАЧЕБНЫЙ ТЕКСТ В СВЕТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ: КОВНО, 1827 ГОД¹

Авторы анализируют медицинские представления и отношения врачей и пациентов первой трети XIX века. Стимулом к тому послужил задокументированный конфликт, который разбирала виленская врачебная управа в 1827 году. Благодаря этому в государственный архив попали жалоба пациента на частнопрактикующего семейного врача, не сумевшего спасти двух его детей от скарлатины, а также оправдание доктора, и экспертиза его действий со стороны медицинских чиновников. Уникальные свидетельства позволили реконструировать медицинские знания ученых врачей и медицинские представления пациентов, уровень доверия к научной медицине, условия частной медицинской практики в Виленской губернии.

Ключевые слова: *история медицины, интеллектуальная история, польские провинции, Российская империя.*

Историки российской медицины много сделали для изучения врачебных школ, медицинской профессии, политики в области здравоохранения, но, кажется, избегали писать о том, что собственно составляет суть медицины – о лечении пациентов; о манипуляциях, которые конкретные врачи осуществляли в данном месте в данное время для избавления от недугов конкретных людей. Поиск соответствующих источников вывел нас на догадку, почему историки избегают этой темы: главной целью имперских архивов было сохранять бюрократические справки и свидетельства деятельности государственных структур. Соответственно, на хранение туда поступали указы, статистические данные о больных и больницах, отчеты о деятельности учебных и лечебных заведений, предписания о мерах по борьбе с эпидемиями, результаты освидетельствования трупов, рекрутов и умалишенных, протоколы заседаний медицинских чиновников². Такое собрание документов побуждает исследователей следовать направлению властного взгляда и логике государственного самоописания. А поскольку примерно до 1840-х гг. взаимодействия частных врачей с пациентами были за пределами государственного контроля и не документировались, то рассказы об отношениях врача с больным фиксировались в эго-документах (многие из них относятся к текстам памяти), в «историях болезней» и «скорбных ли-

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ Высшая школа экономики с использованием средств субсидии в рамках государственной поддержки ведущих университетов РФ «5-100».

² Гагина 2017; Иванова 2018.

стах». Эти тексты хранились в больницах (пока больной лежал в госпитале, клинике или больнице) или в домашних архивах врачей. В государственные архивы единицы из них попали либо случайно (например, использовались в качестве оправдания трагического исхода лечения), либо при передаче личного архива потомками выдающегося врача. Соответственно, реконструкция медицинских взаимодействий подразумевает выявление вкраплений в жанрово инородных текстах (например, в отчетах, рекомендациях, рецензиях, протоколах заседаний).

В этом отношении российская ситуация радикально отличается от германской или британской, где сохранились архивы корпораций врачей и врачебных обществ³. С их помощью исследователи стремятся воссоздать «медицину снизу», исследовать взгляд пациентов на врачей, их поведение во время болезни, отношение (включая негативное) к медицинской помощи, их культурные иерархии болезней.

Мы идем по такому же пути, описывая встречу пациента с вольнопрактикующим врачом, имевшую место в 1827 г. в Ковно (ныне Каунас). Она оказалась задокументирована, и свидетельства сохранены в государственном архиве из-за разбирательства, спровоцированного жалобой влиятельного чиновника, обвинившего семейного врача в смерти своих детей. Обвинения, поданные земским исправником во врачебную управу, заставили частного медика представить подробное описание его взаимодействия с больными детьми и их родными. Судя по стилистике и тональности текста, врач пытался получить защиту коллег, состоящих на государственной службе. Этот уникальный кейс высвечивает сложные отношения врачей с пациентами, зоны напряжения и недоверия. Оправдательный текст ковенского врача позволяет выявить лечебно-диагностические технологии, поведение пациентов и их родственников во время лечения, а также их реакции на последствия лечения.

Квалификация врача

2 апреля 1828 г. во врачебную управу города Вильно поступило письмо с жалобой от ковенского земского исправника Ивана Осиповича Блажевича: «Я по долгу моему сим относясь в Литовскую Виленскую врачебную управу, покорнейше имею честь просить дабы соизволила оная врачебная управа с вышеупомянутого вольнопрактикующего доктора Костульского снять экзамен как в том, не позабыл ли он врачебных наук, и может ли он быть допущен к лечению больных людей или нет»⁴.

³ Это дает возможность исследовать не только вопросы управления медициной, но и функционирование медицинского рынка. Digby 1994; Loudon 1985, 1986; Stag 1977; Портер 2008; Стогова 2010; Шлюмбом 2008. Но и в таких условиях обнаружение врачебного текста с описанием лечения больного – большая редкость. – Lane 2001.

⁴ LVIA F.564 Ap. 1. B. 21. L. 125-125 ap., 184 (в этом деле нет сплошной пагинации листов. Рукописи в данной папке сшиты тетрадями. Соответственно, начало письма и его продолжение находятся в разных концах тетради).

Судя по тексту, Блажевич не владел русским языком в совершенстве. Однако даже сквозь неправильные лексические обороты видны смятение и боль отца, в одночасье потерявшего от скарлатины двух детей.

Иван Станиславович Коштульский (Блажевич назвал его Костульским) (1790–1868) прожил длинную жизнь, долгое время служил лекарем, и его биография попала в энциклопедические справочники врачей Польши и России⁵. Он родился в Витебской губернии, в 1813 г. завершил курс обучения на нравственно-политическом отделении Виленского университета, после чего поступил на медицинский факультет того же университета и в 1818 г. получил степень магистра медицины, представив сочинение «De Castratione». Обретя в марте 1820 г. степень доктора медицины (что по Правилам присуждения ученых степеней для медицинских чиновников 1819 г. требовало прохождения сложных экзаменов и защиты диссертации), он занялся частной практикой в Ковно.

Частнопрактикующих врачей XVIII–XIX вв. историк медицины Р. Портер называл «самозанятые» и сравнивал их статус с владельцами продуктовых лавок. Как правило, они зарабатывали на жизнь в своих кабинетах («магазинах»), выписывая пациентам разноцветные лекарства. В лучшем своем виде, это была система, в которой врач был доверенным другом семьи наравне со священником – он знал о ее членах всё, встречал появление детей и провожал в последний путь старших. Забота, доверие и сострадание были в их отношениях самым важным, поскольку доктор мог мало чем помочь при дизентерии, скарлатине, послеродовой горячке или пневмонии⁶.

К 1827 г., моменту трагических событий, 37-летний врач уже семь лет лечил обращавшихся к нему жителей Ковно и Ковенского уезда, приобрел славу искусного врачевателя женских болезней. Впрочем, обучение медицине в то время не было специализированным. Более того, в России, в отличие от многих европейских стран, на врачебных факультетах было соединено обучение терапии и хирургии. И это было достижением в медицинском образовании. Ранее хирургия считалась более низким, чем терапия, уровнем медицинской практики, скорее искусством, чем научным знанием. Специализацию по хирургии, акушерству или офтальмологии врач мог себе позволить только в условиях большого города, службы в столичном госпитале, в рамках академической карьеры в университете или медико-хирургической академии. Обычно выпускники медицинских факультетов были готовы лечить все болезни, по крайней мере, так их учили в университетах. Естественно, молодые врачи не обладали достаточным опытом практической лечебной работы и далеко не всегда чувствовали себя уверенно у постелей больных. Об их

⁵ Kościński 1883. S. 248.

⁶ Porter 1997. P. 348, 358.

сомнениях, переживаниях и раскаяниях современники узнали после того, как с почина Н.И. Пирогова в России утвердился литературный жанр, повествующий о врачебных ошибках, переосмыслении врачами полученного образования и социальной ответственности перед пациентом⁷.

Скарлатина

Как явствует из оправдательного письма Коштульского, в тот год в Ковно свирепствовала эпидемия скарлатины. Как одна из разновидностей кожной сыпи с лихорадкой и ангиной, скарлатина была известна античным и арабским медикам. В 1553 г. ее первое описание представил европейцам итальянский профессор Ингрессис (John Philip Ingrassias). В XVI–XVII вв. о скарлатине писали Де Байло (Guillaume de Baillou), Пойтиерс (Jean Cottyar Poitiers), Сеннерт (Daniel Sennert), Шлютц (Simon Schiultz). Для обозначения заболевания они использовали разные названия. Термин «скарлатина» был впервые предложен английским врачом Сидегамом (Thomas Sydenham) в 1675 г. и вскоре был принят медицинским сообществом. На протяжении XVIII в. перечень публикаций, включавших описание скарлатины, пополнился трудами многих известных врачей⁸. К началу XIX в. скарлатина считалась всесторонне изученным заболеванием. Российские медики ее клинику определяли по руководству виленского профессора-клинициста Иосифа Франка, которое вышло сначала на латыни, а в 1825 г. было переведено и опубликовано на русском языке под названием «Всеобщая практическая медицина»⁹. Франк выделил три клинические формы болезни – простую, воспалительную и тифозную¹⁰. По его мнению, «простая скарлатина не заслуживает почти и имени болезни...» и каких-либо специальных врачебных назначений, кроме щадящей диеты и постельного режима для профилактики осложнений. Воспалительную и тифозную формы скарлатины он считал смертельно опасными и рекомендовал коллегам проводить активную терапию с кровопусканиями. В те времена кровопускания (уколы, насечки, вскрытие вены, пиявки, «кровососные банки») служили основным средством противовоспалительной и противолихорадочной терапии. Вера в них покоилась на представлениях, согласно которым причиной высокой температуры тела является перегрев организма,

⁷ Об этом писали Н. Пирогов в «Анналах Дерптской хирургической клиники», А. Вересаев в «Записках врача», М. Булгаков в повести «Записки юного врача».

⁸ Rolleston 1928.

⁹ Франк определял скарлатину как «первоначальную заразительную сыпь, которая обнаруживается при предшествовавшей большею частью лихорадке и поражением зева, цвет кожи переменяет в красный, и оканчивается отделением кожи в виде чешуек, оставляя в больных опасность подвергнуться водной болезни». Вслед за своими предшественниками причиной возникновения скарлатины виленский профессор считал «особенную заразу». – [Франк И.] 1826. С. 216, 229.

¹⁰ [Франк И.] 1826. С. 249-250. Простая форма соответствует современной легкой форме, воспалительная – тяжелой септической, а тифозная – тяжелой токсической.

вызванный переизбытком крови. И хотя в течение Нового времени представления о причинах и сущности болезней сильно изменились¹¹, кровопускания остались и в XIX в. ведущим методом лечения воспалений¹². Клиницисты видели, что в большинстве случаев такой способ лечения не давал положительного эффекта. Однако убежденность в необходимости любой ценой «отвлечь» кровь заставляла их связывать неудачи с недостаточным количеством «пущенной крови» и назначать дополнительные процедуры¹³.

Наряду с кровопусканиями ведущая роль в лечении тяжелых форм скарлатины отводилась слабительным и рвотным средствам для удаления «испорченных влаг». Франк рекомендовал облегчать мучительное состояние больных: для «отнятия жара» предлагал делать холодное обмывание или обливание, для облегчения «жабы» (удушья) – припарки и давать теплые отвары; для ухода за зевом и полостью рта – прописывать наливку из шалфейных листьев с каплями соляной кислоты и меда и ряд других наливок, настоев и отваров, в случае некроза зева – насыщенный отвар из «хинной корки» с кислотой. При тифозной скарлатине Франк рекомендовал делать кровопускания в сочетании с возбуждающими и потогонными средствами – уксусно-кислый аммиак, янтарно-кислый аммиак, углекислый аммиак, камфорный состав, вино. Особое внимание он уделял профилактике заражения: требовалась изоляция больных, использование чихательных средств и полосканий рта водным раствором «аммония» или минеральных кислот. Для обеззараживания помещений виленский профессор рекомендовал использовать окуривания, «производимые или с помощью простой, либо окисленной соляной кислоты, или посредством кислоты селитряной». Ссылаясь на авторитет основателя гомеопатии С. Ганнемана, Франк советовал употреблять «сгущенный сок травы красавицы» (белладонны). Кроме того, он рекомендовал делать здоровым детям прививки от скарлатины¹⁴.

Лечение

В отличие от английских коллег, принимавших больных в домашнем кабинете, ковенский доктор приходил по вызову к постелям пациентов. С чем он столкнулся в доме Блажевича? Насколько ситуация была предreshенной? Мог ли другой врач спасти детей? Сейчас эти вопросы лежат уже не в плоскости медицины, а в области истории науки.

Блажевич усомнился в правильности лечения скарлатины, которое выбрал Коштульский: он поставил 11-летнему мальчику 76 пиявок на

¹¹ Степин, Сточик, Затравкин 2017.

¹² Только в 1800 г. в парижских госпиталях было выпущено около 85 тыс. литров крови, а в 1824 г. во Францию импортировали 33 миллиона пиявок. – Вульф 2005.

¹³ Упорство, с которым врачи «пускали кровь», демонстрирует история лечения холеры в 1830–1850-х гг. См.: Сточик, Затравкин 1995; Говард-Джонс 1976.

¹⁴ [Франк И.] 1826. С. 255, 257.

горло, а его 5-летней сестренке – 14¹⁵. Если рассматривать действия доктора исходя из современных ему воззрений и рекомендаций, то его нельзя обвинить в смерти сына Блажевича. Из описаний, представленных в управу, следует, что у мальчика возникла тяжелая септическая форма заболевания. Имея в виду арсенал доступных врачу первой половины XIX в. лечебных средств, у Коштульского не было возможности победить стафилококк и спасти пациента. Другое дело, что в его тексте ни слова не говорится о действиях по уходу за зевом и полостью рта. Эти меры не спасли бы мальчика, но могли облегчить его страдания. Из всего спектра средств и медицинских манипуляций, рекомендованных Франком, Коштульский ограничился использованием пиявок, слабительных и сложносоставных лекарственных смесей.

В медицине начала XIX в. широко применялась лекарственная терапия. Судя по фармакопеям того времени, в арсенале врачей были сотни «простых» и тысячи «сложных» медикаментов, но их способность влиять на течение болезни была невелика. Довольно часто их применение приносило больным больше вреда, чем пользы¹⁶. По оценкам современных фармакологов львиная доля применявшихся в XVIII – первой половине XIX в. лекарств не содержала активно действующих начал и в лучшем случае имела психотерапевтическое действие. По меткому выражению известного врача и писателя О. Гольмса, «почти все лекарства, бывшие в то время в употреблении, можно выбросить в море: это было бы лучше для человечества, но хуже для рыб»¹⁷. Лекарственных средств, действительно содержавших биоактивные компоненты, насчитывалось несколько десятков (хина, наперстянка, опий и др.) Эти препараты в большинстве случаев применялись либо не по назначению, либо в неверной дозировке. «Тысячи больных, в числе которых были молодые люди, подававшие большие надежды, – с грустью констатировал в начале XIX в. врач Х. Гуфеланд, – сделались жертвой яростных приверженцев опия»¹⁸. Еще хуже обстояло дело с использованием растений и минералов с выраженным токсическим действием (белена, спорынья, чемерица; соединения ртути, свинца, меди, мышьяка, фосфора, серы, сурьмы; лекарств на основе серной или соляной кислоты). После их введения в организм наблюдались выраженные симптомы отравления – слюнотечение, слезотечение, рвота, понос, различные поражения центральной нервной системы. Наблюдавшие эти реакции пациентов врачи трактовали их, как признаки выздоровления¹⁹. Вспоминая состояние медицины того времени, немецкий врач писал: «Румян ли больной

¹⁵ LVIA. F. 564. Ap. 1. B. 21. L. 125-125 ap., 184.

¹⁶ Сточик, Затравкин 2012.

¹⁷ Цит. по: Лапин 2000. С. 8.

¹⁸ Амеке 1889.

¹⁹ Теден 1835.

или бледен, толст или худ, чахоточен или одержим водяной, страдает ли он отсутствием аппетита или волчьим голодом, поносом или запором, это все равно: ...он должен потеть, и его должно слабеть, он должен сморкаться и рвать, терять кровь и слюноточить...»²⁰. Для этого врачи назначали токсические вещества в больших дозах и с их помощью нередко убивали пациентов раньше, чем это делало основное заболевание. Врачи редко назначали простые лекарства, состоящие из одного ингредиента, обычно прописывали сложные составы из 8-10 и более компонентов. Считалось, что тело само выберет из них те, что нужны для борьбы с болезнью. Благодаря такой практике больные получали отравление сурьмой или ртутью²¹. При острых «скоротечных» болезнях рецепты меняли каждый день, при хронических – каждые два-три дня.

Подобным образом лечил ковенских детей и Коштульский. В тексте оправдания он педантично перечислил все лекарства и прикрепил составленные им прописи. Из этой описи явствует, что он заказал аптекарю шесть сложносоставных лекарств и две микстуры с растительными компонентами. По его рекомендации мать больных детей приобрела 90 пиявок и еще сколько-то самостоятельно. Детей поили растворами белладонны, бузины, давали ревеня, прикладывали горчицу и камфару.

Доверие

Изучая развитие медицины в Англии, Дж. Лейн пришел к выводу, что в XVIII – начале XIX в. городские обыватели обращались к врачу лишь в крайних случаях, когда их самолечение не приводило к выздоровлению²². Судя по действиям супруги Блажевича, даже обеспеченные женщины Ковно звали врача, только когда домашние средства не помогли, а угроза для жизни стала очевидной. Пришедший в дом врач ставил диагноз, вводил лечебный режим, выписывал лекарства и требовал послушания. Пациенты обычно имели смутные представления о том, какие медицинские услуги они приобретают, и потому были вынуждены верить знаниям или искусству врача²³. Но, вероятно, так было не всегда. Весь текст Коштульского свидетельствует о наличии у матери заболевших детей определенных медицинских познаний и ее растущем недоверии к знаниям врача. Видимо, супруга земского исправника была женщиной волевой и решительной, или же стать такой ее заставили обстоятельства смертельной опасности и страха.

Когда Коштульский в первый раз пришел в дом Блажевичей, то узнал, что мать больного мальчика уже начала лечение. Предполагая у

---

²⁰ Амеке 1889.

²¹ В XVIII – первой половине XIX в. наиболее популярным средством «очистительной» лекарственной терапии служила пропись, включавшая: Александрийский лист, винный спирт, львиный зуб, ревеня, нашатырь, пырей, ртуть и сурьму.

²² Lane 2001. P. 11.

²³ Digby 1994. P. 3.

сына пищевое отравление кислой капустой, она дала ему от болей в животе настойку ревеня. Доктор счел это ошибкой. Видимо, он упрекал Блажевич за самовольство, устрашал ее и объяснил, почему в данном случае мальчику следовало дать рвотное, а не слабительное. После этого несколько дней женщина была верной исполнительницей лечебного режима и воли семейного врача, выполняла все его предписания, безотказно платила за дорогие лекарства, прятала ненужные, заказывала новые, ограничивала детей в еде, заставляла их глотать горькие напитки и жуткие на вкус лекарственные смеси, наблюдала извивающихся пиявок, поставленных на горло девочки и мальчика. Однако по мере ухудшения состояния детей, их криков и стонов росло ее отчаяние и сомнения в правильности врачебных манипуляций. Вряд ли она читала «Практические медицинские советы» Франка, изданные в Ковне на латыни и в Москве на русском языке, но вероятно, обсуждала случаи детской скарлатины с жительницами Ковно. Кажется, больше, чем врачу, она доверяла своей интуиции и реакциям детей на принятые меры, уговаривала доктора повторить те, что вызвали хоть какое-то облегчение²⁴.

Врачу приходилось преодолевать сопротивление матери и с трудом добиваться ее послушания. Через несколько дней после первого вызова ситуация в доме Блажевичей вышла из-под медицинского контроля. В отличие от уходящего и приходящего врача, мать мечущихся в бреду детей постоянно находилась около них и страдала от собственной беспомощности. Она перестала ждать помощи извне и пробовала всё, в том числе ставила пиявки. Из опыта наблюдений за предыдущими лечениями, анализа реакции детей на лекарства и даже опыта выздоровления домочадцев, она делала собственные выводы и все более решительно вмешивалась в лечение: ««Прописываю на мешочки /: pro sacculis :/ травы под № 1070. находящиеся, – жаловался Коштульский, – Но чуть приложены были оные на опухоль; как вдруг мальчик горячку сильную и головную боль терпеть начал. После чего мать сего больного знав, что сии явления происходили от употребленной камфоры на мешочки, прочь все отбросила вдруг, и больной немного успокоился»²⁵.

В конце концов, женщина решила на крайнюю меру – лечить детей сама «хорошими» лекарствами, которые когда-то помогли выздороветь ее матери²⁶. Мы не знаем, кто был врачом бабушки и каким было ее заболевание, от которого в доме остались лекарства. Видимо, дорогие медикаменты не выбрасывались после их использования и излечения, хранились в доме на всякий случай. Таким образом, у постелей смертельно больных детей развернулась борьба медицинских знаний.

---

²⁴ LVIA. F.564. Ap. 1. B. 21. L. 174.

²⁵ Там же. L. 135.

²⁶ Там же. L. 177 ap.

После ухода детей из жизни земский исправник обвинил семейного доктора в отсутствии необходимых для лечения скарлатины познаний. Человек казенной службы, он верил в государство и его способность вбирать в себя лучших людей. Для него частнопрактикующий врач – это человек, не получивший или лишенный казенной должности. Скорее всего, такой медик не смог обрести «место» в силу отсутствия талантов и усердия. В его представлении, уездные и военные врачи были более знающими, чем частный доктор²⁷. Видимо, будь его воля, он бы воспользовался услугами уездного лекаря Ковальского. Однако жена до этого несчастья свято верила в своего исцелителя. Коштульский свидетельствовал, что пять лет лечил всех членов семьи Блажевич. «Правда неоспорима есть и то, – писал он в своем оправдании, – что я перед сим приключением был ангел хранитель дома Г.Г. Блажевич и благодетель, когда я только быв в состоянии избавить Г-жу Блажевичеву от болезни никем не излечимой»²⁸. Забыв в горе прежние заслуги своего доктора, земский исправник обвинял его в обмане доверия²⁹.

Оправдываясь, ученый врач обвинял родителей. Письмо он начал с описания семейной драмы, предшествовавшей болезни мальчика. Ссылаясь на свидетельство матери, Коштульский показал, что вред ребенку нанесло решение рассерженного отца отправить его в училище в период эпидемии и жесткая воспитательная беседа с ним по поводу успехов в обучении³⁰. Только сильная слабость ребенка побудила мать нарушить волю мужа – оставить сына дома. Коштульский рассказывал коллегам, как мать детей противодействовала лечению и использовала шарлатанские познания для собственных манипуляций. «Без знаний я пользовал сих больных? – оставляю сие истолкованию ученых, – писал он. Только что не будет оспоримо и не ясно, что великого незнания та мать доказала своей должности для детей». Отец винил врача в неумеренном применении пиявок к ослабевшим детям, а врач обвинял родителей в недоверии, в нарушении его предписаний, самовольных назначений: «таковой поступок несправедлив и очень часто опасен; и без сравнения опаснейший, нежели мой совет в приставлении пиявок»³¹.

Профессиональная солидарность

Прочитав хронику лечения и умирания детей Блажевича, опытные медики Виленской врачебной управы не могли не заметить ошибку Коштульского: семейный врач не потребовал от родителей изоляции заболевшего мальчика от членов семьи, хотя в руководстве Франка об этом говорилось совершенно определенно. В оправдательном послании

²⁷ Там же. Л. 125-125 ар., 184.

²⁸ Там же. Л. 177.

²⁹ Там же. Л. 125-125 ар., 184.

³⁰ Там же. Л. 131.

³¹ Там же. Л. 177 ар.

врача нет упоминаний о домашнем карантине, но высказано недовольство, что мать держала больного мальчика и его сестренку в комнате со сквозняками. Это привело, по его мнению, к осложнению простудой.

Члены врачебной управы оправдали Коштульского, признав его лечение правильным. Поскольку детская смертность от скарлатины была очень высокой (до 60% от заболевших), то несчастье Блажевичей легко было объяснить неспособностью медицины бороться с этой болезнью. «По рассмотрении присланного вами описания болезни детей Ковенского исправника Блажевича, – писали медицинские чиновники Коштульскому, – врачебная управа замечает относительно старшего сына упомянутого Блажевича, что в начале болезни гораздо полезнее было бы упущение с руки крови, ибо ребенок, как описывается, был крепкого сложения и полнокровен, а равно видя, что имел засорение желудка, следовало дать *Essorptia*, а уже по упущении крови надлежало приставить пиявиц ибо при ставлении их в малом количестве, а часто повторяя более раздражает, а потому для осторожности врачебная управа делает Вам...–замечание»³². О необходимости оградить здорового ребенка от заболевшего в экспертном заключении не было сказано ни слова. Почему? Мы можем сделать только предположения. Блажевич обращался в управу как государственный человек к государственному учреждению, в надежде на солидарность против частного лекаря. Время благоприятствовало его ожиданиям. С первых лет николаевского правления правительство демонстрировало приоритет казенной службы и ведомственной сплоченности перед всеми другими занятиями. Однако общности с медицинскими чиновниками земский исправник не обрел. Очевидно, основная причина лояльности членов управы к оценке действий частного врача состояла в профессиональной солидарности. Коштульский довольно часто выручал ее членов, заваленных грудой казенных поручений. Судя по архивным свидетельствам, инспектор управы часто привлекал к выполнению казенных поручений вольнопрактикующих врачей, которые делать это не были обязаны и ничего за свои услуги не получали. В отличие от иных коллег, Коштульский был безотказным помощником уездному лекарю и исполнителем поручений управы. Он безропотно отправлялся вместо Ковальского в «заразные» села. К тому же, в минуту большой опасности для жизни детей он провел консилиум с уездным врачом³³. После этого летальный исход лечения представлял коллективной ответственностью ковенских медиков. Выявить ошибку лечащего врача значило подорвать доверие жителей, включая местных чиновников, к ученой медицине и к ее представителям, допустить контроль пациентов над врачами.

---

³² Там же. Л. 130-130 ар.

³³ Там же. Л. 175 ар.

Коштульский был оправдан коллегами, но, либо сам мучился, либо просто знал, что в силу влиятельности Блажевичей и их обвинений ему больше нет места в Ковно и Ковенском уезде. По уверению Блажевича, жители Ковно сочувствовали горю известного семейства и винили в смерти детей не эпидемию scarlatины, а врача: «во многих местах происходит на него, Костульского, роптание»³⁴. Частный лекарь подал прошение на имя императора с просьбой позволить вступить на государственную службу. Просьба была удовлетворена, и 14 сентября 1828 г. он уехал городским акушером в Варшаву.

Итак, что позволяет увидеть этот уникальный документ?

Видимо, в первой трети XIX в. в Виленской губернии сохранялась унаследованная от Речи Посполитой система частной медицины, практика защиты здоровья домашними или нанятыми помещиками врачами. В правление Николая I российское государство стремилось вытеснить частные формы занятости и создать такие условия, чтобы выпускник медицинского факультета принудительно или добровольно поступал на государственную службу. Однако до 1830-х гг. казенные и вольные врачи западных окраин империи еще не были противопоставлены друг другу и иерархизированы. Они имели разные сферы применения – одни участвовали в государственном управлении, другие лечили жителей. Описанный кейс зафиксировал пространство пересечения их интересов: и члены врачебной управы, и частный врач столкнулись с обвинениями пациентов, разуверившихся в магии научных знаний. В ситуации выбора и экспертизы медицинские чиновники предпочли профессиональную солидарность с врачом в ущерб чиновному братству с его обвинителем. И это был признак предстоящего обособления интересов врачей из общегосударственных и бюрократических.

Ковенский кейс заставляет также предположить, что в 1820-е годы медицинские знания вышли из узкопрофессиональной сферы и усваивались/присваивались образованными пациентами, позволяя им устанавливать контроль над врачебной деятельностью. Этому способствовали публикации медицинских изданий на национальных языках и многолетнее общение семейных врачей с пациентами. Рост медицинской культуры пациентов создал новые условия на рынке медицинских услуг.

Вероятно, польские пациенты разделяли свойственный британцам дружеский стиль общения с врачом³⁵, но смертельная опасность ставила пределы этой близости. Возможность заплатить за медицинские услуги не гарантировала защиты от смертельной болезни. В ситуации беспомощности перед лицом подступающей смерти мать больных детей потеряла веру в способность семейного врача оградить их от беды. В этом

³⁴ Там же. L.125-125 ap., 184.

³⁵ Стогова 2010. С. 40.

отношении кредиты доверия к действиям семейного врача и священника были разными. От врача ждали особых знаний исцеления, а от священника сочувствия и утешения. Разуверившись в знаниях врача, Блажевич использовала собственные медицинские познания. Они не были альтернативными научной медицине. Женщина не бросилась в церковь или к народным целителям, а пыталась спасти детей с помощью фрагментарных знаний, ранее полученных от семейного доктора или из иных каналов (рассказов соседей, медицинских книг). Блажевич-отец в своих обвинениях семейного доктора в незнании тоже апеллировал к ученым экспертам – членам врачебной управы. В этом отношении жители Виленской губернии являют контраст с обывателями внутренних регионов Российской империи. Врачи-составители медико-топографических описаний 1830-х гг. сообщали о повсеместном нежелании россиян обращаться к ученым врачам и уж тем более – платить за их услуги³⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA). F. 564. Vilniaus gubernijos gydymo valdyba.
Lietuvos valstybes istorijos archyvas (LVIA). F. 720. Vilniaus medicinos-chirurgijos akademija.
[Манифест о разрешении привоза разных иностранных товаров]. [СПб., 1816]. 182 с.
Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание первое: с 1649 по 12 декабря 1825 года. СПб.: Тип. II Отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1830. 48 т. Т. 30: 1808–1809; Т. 32: 1812–1815.
- Теден И.К.А. Краткие наставления во врачебной науке, или Краткий систематический курс медицины: Карм. кн., пер. с соч. г. ген.-хирурга Тедена с нем. яз. и пополн. из новейших соч. К.Ц., содержащая анатомию, физиологию, патологию, фармакологию, терапию и хирургию. М.: Унив. тип., 1835. XV, 363 с.
- [Франк И.] Всеобщая практическая медицина, изданная Иосифом Франком, Статским Советником, ордена Св. Анны 2-й степени и Св. Владимира 4-й степени Кавалером, Профессором частной Терапии и Клиники при Имп. Виленском Университете, Санкт-Петербургского медицинского Совета, обществ Санкт-Петербургского Филантропического, Физико-Медицинского Московского, Гальванического и Медицинского Парижского и многих других членом и пр. / пер. с лат. М. Матвеевским. Ч. 1. Кн. 2. М.: тип. Августа Семена, при Имп. Медико-хирург. академии, 1826. XXX, 743 с.
- Амеке В. Возникновение гомеопатии и борьба против ее распространения / пер. с нем. М.П. Куманиной. СПб.: Изд. Ф.К. Флемминга, 1889. 505 с. [Amecke W. Voznikovanie gomeopatii i borba protiv ee rasprostraneniya. SPb.: Izd. F.K. Flemminga, 1889. 505 s.]
- Бизюлявичюс С.К., Галвонайте А.Л. Развитие медицины в Вильнюсском университете (К 200-летию высшего медицинского образования в Литве) // Советское здравоохранение. 1982. № 4. С. 55–56 [Bizjulavichjus S.K., Galvonajte A.L. Razvitie mediciny v Vil'njusskom universitete (K 200 letiju vysshego medicinskogo obrazovaniya v Litve) // Sovetskoe zdoravoohranenie. 1982. № 4. S. 55–56].
- Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память / под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2011. Вып. 4. С. 37–66 [Vishlenkova E.A. Mediko-biologicheskie objasneniya social'nyh problem Rossii (vtoraja tret' XIX veka) // Istorija i istoricheskaja pamjat' / pod red. A.V. Gladysheva. Saratov, 2011. Vyp. 4. S. 37–66].
- Вульф Х.Р. История развития клинического мышления // Международный журнал медицинской практики. 2005. № 1. С. 12–20 [Wulff H.R. Istorija razvitija klinicheskogo myshlenija // Mezhdunarodnyj zhurnal medicinskoj praktiki. 2005. № 1. S. 12–20].

³⁶ Вишленкова 2011.

- Гатина З.С. Где искать диссертационные дела русских врачей, или Особенности архивирования делопроизводства медицинских факультетов // Биографии университетских архивов / под ред. Е.А. Вишленковой, В.С. Парсамова, К.А. Ильиной. М.: ВШЭ, 2017. С. 102–113 [Gatina Z.S. Gde iskat' dissertacionnye dela russkikh vrachej, ili Osobennosti arhivirovanija deloproizvodstva medicinskih fakul'tetov // Biografii universitetskikh arhivov / pod red. E.A. Vishlenkovoju, V.S. Parsamova, K.A. Il'inoj. M.: ID VShJe, 2017. S. 102–113].
- Говард-Джонс Н. Международные санитарные конференции, 1851–1938. Научные и исторические аспекты. [Москва]: [б. и.], 1976. 123 с. [Howard-Jones N. Mezhdunarodnye sanitarnye konferencii, 1851–1938. Nauchnye i istoricheskie aspekty, 1976. 123 s.]
- Иванова Р.Г. Протоколы заседаний медицинского факультета Казанского университета (1814–1917) как исторический источник: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.09. Казань, 2018 [Ivanova R.G. Protokoly zasedanij medicinskogo fakul'teta Kazanskogo universiteta (1814–1917) kak istoricheskiy istochnik: dis. ... kand. ist. nauk : 07.00.09. Kazan', 2018].
- Коротеева Н.Н. Становление и развитие аптечной службы в России в XVI – начале XX в.: Дис. ... док. ист. наук: 07.00.02. Курск, 2011 [Koroteeva N.N. Stanovlenie i razvitie aptechnoj sluzhby v Rossii v XVI – nachale XX v.: Dis. ... dok. ist. nauk. Kursk, 2011].
- Лапин И.П. Плацебо и терапия. СПб: Лань, 2000. 223 с. [Lapin I.P. Placebo i terapija. SPb: Lan', 2000. 223 s.]
- Портер Р. Взгляд пациента. История медицины «снизу» // Болезнь и здоровье: новые подходы к истории медицины / под ред. Ю. Шлёмбома, М. Хагнера, И. Сироткиной. СПб, 2008. С. 41–72 [Porter R. Vzglyad pacienta. Istorija mediciny «snizu» // Bolezn' i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny / pod red. Ju. Shljumboma, M. Hagnera, I. Sirotkinoj. SPb, 2008. S. 41–72].
- Степин В.С., Сточик А.М., Затравкин С.Н. История и философия медицины: научные революции XVII–XIX веков. М.: Академический проект, 2017. 236 с. [Stepin V.S., Stochik A.M., Zatravkin S.N. Istorija i filosofija mediciny: nauchnye revoljucii XVII–XIX vekov. M.: Akademicheskij projekt, 2017. 236 s.]
- Стогова А.В. Дружеские отношения в медицинском дискурсе в конце XVI – XVII веке // Диалог со временем. 2010. № 33. С. 34–58 [Stogova A.V. Druzheskie otnoshenija v medicinskom diskurse v konce XVI–XVII v. // Dialog so vremenem. 2010. № 33. S. 34–58].
- Сточик А.М., Затравкин С.Н. К истории изучения патогенеза и поиска средств лечения холеры (по материалам первых трех пандемий 1817–1862 гг.) // Терапевтический архив. 1995. Т. 67. № 7. С. 75–79 [Stochik A.M., Zatravkin S.N. K istorii izuchenija patogeneza i poiska sredstv lechenija hology (po materialam pervyh treh pandemij 1817–1862 gg.) // Terapevticheskij arhiv. 1995. T. 67. № 7. S. 75–79].
- Сточик А.М., Затравкин С.Н., Сточик А.А. Становление государственной медицины (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) Сообщение 1. Возникновение концепции медицинской полиции, органов управления медицинско-санитарным делом, врачебно-санитарного законодательства // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2013. № 1. С. 44–49 [Stochik A.M., Zatravkin S.N., Stochik A.A. Stanovlenie gosudarstvennoj mediciny (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX v.) Soobshhenie 1. Voznikновение koncepcii medicinskoj policii, organov upravlenija medicinsko-sanitarnym delom, vrachebno-sanitarnogo zakonodatel'stva // Problemy social'noj gigieny, zdoravoohranenija i istorii mediciny. 2013. № 1. S. 44–49].
- Сточик А.М., Затравкин С.Н. От классификационной медицины к медицине клинической (конец XVIII века – 70-е годы XIX века). Сообщение 5. Реформирование лечебного дела в 40-х – 60-х годах XIX века // Терапевтический архив. 2012. № 1. С. 69–73 [Stochik A.M., Zatravkin S.N. Ot klassifikacionnoj mediciny k medicine klinicheskoy (konec XVIII veka – 70-e gody XIX veka). Soobshhenie 5. Reformirovanie lechebnogo dela v 40-h – 60-h godah 19 veka // Terapevticheskij arhiv. 2012. № 1. S. 69–73].
- Шерстнева Е.В., Егорышева И.В. Лекарственное обеспечение гражданского населения России в XVII – начале XX века. М.: «Шико», 2017. 167 с. [Sherstneva E.V., Egorysheva I.V. Lekarstvennoe obespechenie grazhdanskogo naselenija Rossii v XVII – nachale XX veka. M.: «Shiko», 2017. 167 s.]
- Шлёмбом Ю. «Беременные находятся здесь для нужд учебного заведения». Больница Геттингенского университета в середине XVIII — XIX веках // Болезнь и здоровье:

- новые подходы к истории медицины / под ред. Ю. Шлюмбома, М. Хагнера, И. Сиrotкиной. СПб, 2008. С. 73–103 [Schlumbohm J. «Beremennye nahodjatsja zdes' dlja nuzhd uchebnogo zavedenija». Bol'nica Gettingensкого университета v seredine XVIII — XIX v. // *Bolezni i zdorov'e: novye podhody k istorii mediciny* / pod red. Ju. Shljumboma, M. Hagnera, I. Sirotkinoy. SPb, 2008. S. 73–103].
- Bynum W.F. *Science and the Practice of Medicine in the Nineteenth Century*. New York: Cambridge University Press, 1994. 283 p.
- Digby A. *Making a Medical Living: Doctors and Patients in the English Market for Medicine, 1720–1911*. Cambridge, 1994. XIX. 348 p.
- Lane J. *A Social History of Medicine. Health, Healing and Disease in England, 1750–1950*. London, New York: Routledge, 2001. IX, 233 p.
- Loudon I.S.L. *Medical Care and General Practitioner, 1750–1850*. Oxford: Clarendon Press, 1986. XV, 354 p.
- Loudon I.S.L. *The Nature of Provincial Medical Practice in Eighteenth Century England // Medical History*. 1985. No. 20. P. 1–32.
- Porter R. *A Greatest Benefit to Mankind. A Medical History of Humanity from Antiquity to the Present*. London: Fontana Press, 1997. 831 p.
- Rolleston J.D. *The History of Scarlet Fever // British Medical Journal*. 1928. No. 24, 2 (3542). P. 926–929.
- Sambuk D. *Wächter der Gesundheit. Staat und lokale Gesellschaften beim Aufbau des Medizinwesens im Russischen Reich 1762–1831*. Köln: Böhlau, 2015. 442 S. (Beiträge zur Geschichte Osteuropas; 48)
- Kośmiński S. *Słownik lekarzów polskich obejmujący oprócz krótkich życiorysów lekarzy polaków oraz cudzoziemców w Polsce osiadłych, dokładną bibliografią lekarską polską od czasów najdawniejszych aż do chwili obecnej*. Warszawa, 1883. XVII, 665 s.
- Starr P. *Medicine, Economy and Society in Nineteenth Century America // Journal of Social History*. 1977. No. 10. P. 588–607.
- Вишленкова Елена Анатольевна**, доктор исторических наук, ординарный профессор Школы исторических наук главный научный сотрудник Института гуманитарных историко-теоретических наук (ИГИТИ) им. А.В. Поletaева, НИУ «Высшая школа экономики»; evishlenkova@mail.ru
- Затравкин Сергей Наркизович**, доктор медицинских наук, профессор, руководитель Отдела истории медицины, Институт общественного здоровья им. Н.А. Семашко; главный научный сотрудник ИГИТИ им. А.В. Поletaева, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); zatravkine@mail.ru

Doctor's narrative under the light of intellectual history: Kovno, 1827

The authors analyze the medical knowledge and interactions of physicians and patients during the first third of the XIX century. The challenge was the documented conflict that the medical council in Vilno city dealt with in 1827. Thanks to this, the patient's complaint about a private family doctor who could not save two his kids from scarlet fever, as well as the doctor's justification, and his actions by medical officials ended up in the state archive. Unique testimonies made it possible to reconstruct the research knowledge of medical scientists and patients' medical representations, the level of confidence in scientific medicine, and the conditions of private medical practice in Vilno province.

Keywords: history of medicine, Polish province, Russian empire, intellectual history

Elena Vishlenkova, Doctor in History, Professor of the History Department, Head Researcher of the A. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; evishlenkova@mail.ru

Sergei Zatravkin, Doctor in Medicine, Professor, Head of the Department of the History of Medicine; Semashko Institute of Public Health (Moscow, Russia); Head Researcher of the A. Poletaev Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities, National Research University Higher School of Economics; zatravkine@mail.ru

А. Э. АФАНАСЬЕВА

«ИНСТРУМЕНТ ИМПЕРИЙ»? МЕДИЦИНА В ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛОНИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ¹

В статье рассматривается становление исследовательского поля истории имперской медицины. Анализируются изменения в представлениях историков о целях, содержании и последствиях европейских медицинских инициатив в колониях.

Ключевые слова: *история империй, история колониальной медицины*

На всём протяжении европейской колониальной истории медицина была неотъемлемой частью имперского проекта. С самого начала колониальной экспансии Запада успехи любых начинаний европейцев определялись возможностями медицины: именно болезни становились наиболее серьёзной угрозой для белых поселенцев². Практические нужды освоения колоний обусловили появление корпуса медицинских текстов с описаниями особенностей местных природных условий и их влияния на организм человека. Выстраивая оппозиции между здоровым и патологическим в окружающей среде и человеческом теле, врачи формировали способы видения колониальных территорий и их населения, создавали язык их описания, инструментально важный не только для установления и поддержания имперского порядка, но и для определения границ идентичности самих европейцев. Выводы медиков ложились в основу действий имперской администрации на местах – от осушения болот до сегрегации туземных гарнизонов, а медицинские инициативы европейцев – открытие больниц, вакцинация населения, санитарные меры – рассматривались как основополагающий элемент цивилизаторской миссии в колониях. Медицина была призвана служить не только практическим, но и символическим целям имперского строительства.

Критическое осмысление роли западной медицины в имперской истории – основная задача исследовательского направления, сложившегося в 1980-е гг., – истории имперской, или колониальной, медицины. Обращение историков к изучению колониальной медицины отразило переориентацию исследовательского фокуса в истории империй: от традиционных политических и экономических сюжетов учёные пе-

---

¹ Статья подготовлена в ходе проведения исследования (№16-01-0125) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”» в 2016–2017 гг. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов РФ в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров.

² Даже в конце XVIII в. в отдельных тропических регионах до 70% европейцев умирали от болезней в течение первого же года пребывания. См.: Curtin 1961. P. 95.

решили к исследованию природы имперской власти и механизмов её функционирования. Рассматривая империю как социокультурный и интеллектуальный феномен, историки концентрируются на особенностях имперского сознания европейцев, их культурных практиках и способах формирования представлений о населяющих империи народах³. История колониальной медицины стала важной частью «новой имперской истории», сумела преодолеть узкоспециальные рамки традиционной медицинской истории и включиться в анализ социокультурного взаимодействия различных участников имперского проекта.

В центре внимания настоящей статьи находятся основные этапы складывания истории имперской медицины. Изменения в представлениях учёных о целях, содержании и последствиях европейских медицинских инициатив в колониях позволяют обнаружить перемены в исследовательской повестке истории империй, происходившие на протяжении XX–XXI вв., и определить векторы её дальнейшего развития.

История колониальной медицины долгое время оставалась на периферии внимания исследователей империй: как и историей медицины в целом, ею преимущественно занимались профессиональные врачи. Работавшие в колониях медики, бесспорно, обладали значительным опытом и знанием местных условий. Вместе с тем, их труды, как правило, представляли историю колониальной медицины в триумфалистском духе – как череду побед над тропическими болезнями⁴. Во многом такой оптимизм основывался на серии революционных прорывов второй половины XIX в. в понимании причин ряда инфекционных болезней. Открытие патогенов малярии, жёлтой лихорадки, холеры, бубонной чумы наглядно демонстрировало преимущества западной медицины в тропиках. Прославление её достижений продолжалось вплоть до 1970-х гг.: на фоне распада колониальных империй, сопровождавшегося критикой действий имперских властей, медицинские инициативы европейцев многим казались единственным бесспорным благом.

С оформлением социальной истории медицины в 1970-е гг. к проблематике медицинского прошлого колоний обратились историки, которые подвергли сложившиеся взгляды основательной ревизии. Прежде всего, было отмечено, что именно европейцы принесли в тропики ряд совершенно новых болезней (таких, как корь или коклюш), к которым не был приспособлен организм туземцев. Колонизация привела в движение массы местного населения, нарушив изоляцию отдельных регионов и изменив традиционные паттерны миграции. Солдаты, носильщики, рабочие переносили патогены болезней, прежде ограниченных пределами природных очагов, на огромные расстояния и с невоз-

³ См., например: Howe 2010.

⁴ Gelfand 1953; McKelvey 1973.

можной ранее скоростью. Железные дороги и новые морские пути, связывая разные части империй, теперь способствовали и беспрепятственному движению инфекционных болезней⁵. Кроме того, появление эпидемических вспышек в колониях нередко становилось прямым результатом действий европейцев, изменявших экологическую среду – например, через строительство ирригационных сооружений⁶.

Учёные указывали на несостоятельность колониальной медицины, которая большую часть своей истории была сосредоточена на обеспечении медицинских нужд европейцев и крайне редко выходила за пределы колониальных анклавов⁷. Отдельные инициативы имперских властей по расширению доступа туземцев к медицинской помощи были обусловлены не столько заботой об охране их здоровья, сколько прагматическими соображениями эпидемической безопасности белых поселенцев, вынужденно контактировавших с местным населением в повседневной жизни⁸. По мнению учёных, подавляющее большинство туземных жителей имперских территорий сталкивались с западной медициной лишь в кризисные периоды эпидемий. Масштабные кампании против холеры, сонной болезни, чумы, малярии периода 1890–1918 гг., включавшие принудительные эвакуации масс людей, поголовные осмотры, сожжение жилищ, уничтожение урожая и имущества, становились символом могущества имперских властей и колониальной медицины, действовавших в тесном союзе и утверждавших беспрецедентное право на распоряжение здоровьем и телами имперских подданных⁹.

Рост интереса историков медицины к колониальной тематике стал предметом коллективной рефлексии в 1986 г., когда на конференции британского Общества социальной истории медицины были впервые поставлены вопросы о специфике медицинского прошлого империй¹⁰. Это событие стало своеобразным маркером, сигнализовавшим о начале складывания нового направления. Его сторонников объединяла выраженная приверженность социально-конструктивистским теориям, позволившим обнаружить историческую и социальную обусловленность медицины и увидеть в ней поле борьбы за власть. Если работы предшествовавшего периода были в большей степени сосредоточены на материальных последствиях европейского вмешательства в жизнь туземных сообществ, в 1980-е гг. – преимущественно под влиянием работ М. Фуко и Э. Саида – историки медицины обратились к проблемам природы имперской власти и знания.

---

⁵ Turshen 1977; Manderson 1987.

⁶ Klein 1972; Ford 1971.

⁷ Ramasubban 1982.

⁸ Arnold 1993.

⁹ Arnold 1988. P. 18.

¹⁰ Ernst 2007. P. 506–507.

По мнению ряда исследователей, «санитарный порядок», устанавливаемый на колониальных территориях с помощью врачей – неотъемлемая часть политического порядка империи. Как писал известный африканский мыслитель Ф. Фанон, в колониях визит к врачу, чиновнику или констеблю был действием одного плана¹¹. Массовые вакцинации представляли собой яркий пример работы дисциплинарных медицинских процедур. В закрытое помещение, разделённое на секции, по очереди заходили местные жители. Внутри их раздевали, осматривали, надписывали диагноз мелом на спине, регистрировали; в следующей комнате в соответствии с «рецептом» вводилась вакцина, после чего пациент направлялся к выходу через комнату, где он мог одеться. Колониальные субъекты, таким образом, сгонялись в помещение, в котором представители власти пересчитывали их, подвергали обезличиванию и унификации и производили медицинские манипуляции с их телами¹². Само тело колонизируемого, по выражению Д. Арнольда, становилось «местом конструирования государственной власти, легитимности и контроля», а медицинские мероприятия колониальной администрации открывали возможность для регулирования широкого круга социальных практик (например, местных религий и обычаев): так, инициативы британских властей по ограничению паломничества к индуистским святыням в периоды холерных эпидемий были не только способом борьбы с заболеванием, но и атакой на индуизм¹³.

Д. Арнольд, одним из первых историков медицины, поставил вопрос о месте медицинского знания в имперском проекте и показал, что производимое врачами знание играло важнейшую роль в артикуляции различий между европейцами и туземным населением. В рамках создаваемых врачами схем болезни представляли как неотъемлемая часть туземного ландшафта, как неразрывно связанные с местными культурными практиками. Местное население патологизировалось как естественный и постоянный носитель опасных инфекций и, следовательно, подлежало сегрегации. Колониальный медицинский дискурс занимал центральное место в процессе представления туземного населения как сущности «иног», наделения его специфическими характеристиками, которые жилились в основу определения расовых типов¹⁴.

Критическая заострённость истории колониальной медицины, сохраняющаяся на протяжении 1970–1980-х гг., в трудах историков 1990-х достигает своего пика. В их работах колониальная медицина приобретает вид исключительно репрессивной силы, «инструмента империи»¹⁵,

---

¹¹ MacLeod and Lewis 1988. P. 3.

¹² Vaughan 1991. P. 55.

¹³ Arnold 1993. P. 8, 159–199.

¹⁴ Arnold 1993. См. также: Nicolson 1988. P. 66–104; Vaughan 1991; Ernst 1999.

¹⁵ Это выражение впервые появилось в работе Д. Хедрика: Headrick 1981.

мощного средства социального контроля, превращавшего представителей местного населения в объект изучения и манипуляций.

Вместе с тем, само осмысление западной медицины как «подавляющей силы» предполагало необходимость анализа реакций на осуществляемое ею давление. Изучение этих реакций началось уже в 1980-е гг. под воздействием программы школы «исследования угнетённых» (*subaltern studies*), поместившей в центр внимания группы населения, чьи голоса традиционно игнорируются в исторических нарративах¹⁶. В исследованиях этой школы низшие социальные слои, ранее представляемые в научных текстах пассивной молчаливой массой, выступают в роли активных агентов социальных, культурных и политических перемен¹⁷. В историографии колониальной медицины влияние *subaltern studies* и – шире – постколониальных исследований означало переориентацию фокуса изучения от инициатив колониальных властей к реакциям местного населения, к политикам сопротивления.

Несмотря на изначальный энтузиазм исследователей в отношении новой перспективы, открывшейся в изучении истории империй, довольно скоро стало очевидно, что этот подход, с его чувствительностью к оттенкам доминирования/подчинения, выраженным в языке, нередко нивелируется чрезмерной концентрацией его приверженцев на единственном измерении колониализма – колониальной гегемонии – и сопротивлении ей. Исходное ограничение процессов интерпретаций узкими рамками теории определяло некоторую «заданность» построений учёных и сводило всю сложную картину исторической реальности к отношению доминирования и подчинения¹⁸.

Уже в середине 1990-х историки подвергли сомнению представление о безоговорочном могуществе колониального аппарата, который подавлял и агрессивно навязывал местному населению свою волю. Как показал ряд исследований, недостаток медицинской помощи и эффективности санитарно-гигиенических мероприятий во многом был результатом нежелания туземцев принимать чуждые медицинские практики. Государство, как правило, не обладало ни достаточными ресурсами для искоренения традиционной медицины и внедрения западных медицинских стандартов, ни политической волей, которая позволяла бы ему пренебрегать опасностью потенциальных беспорядков¹⁹. Как показали исследования ряда индийских историков, медицинские кам-

---

¹⁶ В свою очередь, *subaltern studies* развивались на фоне поворота к изучению истории «снизу», продолжавшегося с 1960-х гг., и складывания в 1970-е гг. знаменитой «кембриджской» школы, сосредоточенной на исследовании роли местного населения в установлении и поддержании британской власти в Индии.

¹⁷ См., напр.: Guha 1983.

¹⁸ Ernst 2007.

¹⁹ Harrison 1994.

пании, инициируемые местными правителями (например, по прививанию оспы своим подданным), сопровождались значительно большим размахом насилия, чем любые мероприятия колониальных властей²⁰.

Проблематизируя вопрос о гегемонии государства, исследователи обратились к категории «колонизуемых», которая при ближайшем рассмотрении оказалась чрезвычайно неоднородной. Образованные элиты нередко не только поддерживали медицинские мероприятия колониальных властей, но лоббировали появление новых, видя в них возможность увеличивать долю своего участия в администрировании²¹. Разные социальные группы использовали медицинские инициативы европейцев в качестве социального лифта, становясь частью колониального аппарата или внедряя элементы западной медицины в традиционную практику целительства.²² Указывая на проблематичность категории «угнетённых», подразумевающей единство всех, кто мог к ней относиться, и общий для всех набор фиксированных качеств, исследователи предлагают обращать внимание на внутренние различия, существовавшие между социальными группами, составлявшими эту категорию, и их зачастую весьма противоречивые интересы.

Характерной особенностью новейших работ по истории медицины в колониях является внимание к фигурам разнообразных посредников из числа местного населения: средних и низших чинов медицинской службы, а также переводчиков, писарей и т.п. Именно они фактически составляли основу имперской системы медицинской помощи и могли не только влиять на практики общественного здравоохранения, но и определять политику в этой сфере. Их действия в конечном счёте и формировали опыт взаимоотношений местного населения с европейцами²³. Такая перспектива является частью более общей тенденции последних лет рассматривать имперское управление не только как результат деятельности высших чинов европейской администрации, но также как процесс взаимодействия европейских администраторов разных уровней с представителями различных местных социальных, этнических, профессиональных групп.²⁴

В поле зрения учёных оказалась и категория «колонизаторов»; изучение взглядов и программ действий различных представителей медицинской администрации обнаружило существенные расхождения между ними. Они могли носить характер противостояния центра и периферии: медицинские чиновники в колониях нередко считали возможным действовать согласно обстановке, вразрез официальной политике,

---

²⁰ Pati 1998.

²¹ Ramanna 2005.

²² Bala 2016.

²³ Pati and Harrison 2009.

²⁴ Bayly. 1999; Johnson and Khalid. 2012. P. 3.

чем существенно усложняли свои взаимоотношения с центральными органами здравоохранения. На местах противоречия могли разделять врачей и чиновников колониальной администрации, ответственных за санитарные мероприятия. Наконец, внутри лагеря врачей существовали разногласия, связанные, например, со взглядами на происхождение эпидемий и стратегии борьбы с ними, что становилось источником конфликтов в профессиональной среде²⁵. Хотя одной из главных задач истории медицины в колониях признаётся детальное изучение локальных ситуаций, многие историки указывают на необходимость помещать вопросы имперской медицины и здравоохранения в более широкий глобальный и транснациональный контекст²⁶. Такой подход подчёркивает значимость межимперских связей и взаимовлияний, а также призывает принимать во внимание факторы, находившиеся за пределами контроля колониальных властей. Так, исключительный размах санитарных мер английской администрации в Индии во время эпидемии чумы 1896–1898 гг., включавших принудительную госпитализацию и строжайший контроль за передвижением населения, был обусловлен давлением целого ряда стран, особенно торговых партнёров Англии, озабоченных эпидемической безопасностью собственных границ²⁷.

Кроме того, само медицинское сообщество к концу XIX в. становилось всё более интернациональным: учёные из разных стран вместе работали в международных лабораториях по всему миру. В этих лабораториях вырабатывались стандарты обследования и лечения больных и стратегии эффективной борьбы с эпидемическими заболеваниями, которые отныне должны были учитываться колониальными властями²⁸. Подобное понимание процессов медицинского администрирования колоний перемещает локус влияния из кабинетов имперских элит не только на места, но и за границы империй, демонстрируя несводимость медицинских мероприятий колониальных властей к простым схемам.

Наконец, пересмотру подверглись представления о характере влияния научных теорий Запада на медицину в колониях. Если традиционно считалось, что медицинское знание имело однонаправленный вектор, перемещающийся исключительно из метрополии в колонии, и никогда наоборот, то современные исторические работы, напротив, показывают решающее значение колониальных условий, местной среды для развития западной медицины, которая использовала их для наблюдений и экспериментов, невозможных в метрополии²⁹. Кроме того, локальное медицинское знание нередко привлекалось западными медиками для

²⁵ Bhattacharya, Harrison and Worboys 2005; Strachan 2006.

²⁶ Digby, Ernst and Mukharji 2010. P. IX–XXII.

²⁷ Echenberg 2010. P. 47–77.

²⁸ Neill 2012.

²⁹ Harrison 2010; Tilley 2013.

разработки стратегии лечения и предупреждения плохо известных им местных заболеваний. В свою очередь, местные медицинские традиции изменялись под влиянием западной медицины³⁰. Таким образом, медицинские теории и практики, циркулировавшие на территориях империй, формировались не в результате диффузного распространения западных медицинских идей из имперского центра, но становились следствием сложного взаимодействия между разными медицинскими традициями.

Рассмотренные тенденции историографии колониальной медицины демонстрируют существенные изменения, произошедшие в ней в последние годы, которые отражают основные направления развития историографии имперской истории. Всё большее число исследователей подвергает сомнению монолитность устоявшихся категорий и аналитическую эффективность простых бинарных оппозиций «колонизаторы/ колонируемые», «подавление/ сопротивление», обращая внимание на подвижность границ этих категорий в конкретных колониальных ситуациях. От изучения медицинских мероприятий колониальных властей с акцентом на доминирующей роли государства историки переходят к исследованию динамического взаимодействия между представителями различных ветвей имперской администрации, врачами, учёными, младшим медицинским персоналом и разнообразными социальными группами местного населения, а также группами международных акторов. Такая перемена исследовательских ориентиров позволяет концептуализировать имперский опыт как сложный процесс взаимодействия институтов и индивидов и увидеть многомерную картину функционирования обществ, втянутых в орбиту имперской экспансии.

БИБЛИОГРАФИЯ/ REFERENCES

- Arnold D. *Colonizing the Body: State Medicine and Epidemic Disease in Nineteenth-Century India*. Berkeley: University of California Press, 1993.
- Arnold D., ed. *Imperial Medicine and Indigenous Societies*. Manchester: M.U.P., 1988.
- Bala P., ed. *Medicine and Colonialism: Historical Perspectives in India and South Africa*. London: Routledge, 2016.
- Bayly C.A. *Empire and Information: Intelligence Gathering and Social Communication in India, 1780-1870*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Bhattacharya S., M. Harrison and M. Worboys. *Fractured States: Smallpox, Public Health and Vaccination Policy in British India, 1800-1947*. New Delhi: Orient Longman, 2005.
- Curtin Ph. The "White Man's Grave": Image and Reality, 1780-1850. *Journal of British Studies*. 1 (1961), no.1: 94-110.
- Digby A., W. Ernst and P.B. Mukharji, eds. *Crossing Colonial Historiographies: Histories of Colonial and Indigenous Medicines in Transnational Perspective*. Newcastle: Cambridge Scholars, 2010.
- Echenberg M. *Plague Ports: The Global Urban Impact of Bubonic Plague, 1894-1901*. New York: New York University Press, 2010.
- Ernst W. Beyond East and West. From the History of Colonial Medicine to a Social History of Medicine(s) in South Asia. *Social History of Medicine*. Vol. 20 (2007), no. 3: 505-524.
- Ernst W. and B. Harris, eds. *Race, Science and Medicine, 1700 - 1960*. L.: Routledge, 1999.

---

³⁰ Bala 2016.

- Guha R. *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Delhi: Oxford, 1983.
- Ford J. *The Role of the Trypanosomiasis in African Ecology: A Study of the Tsetse Fly Problem*. Oxford: Clarendon, 1971.
- Gelfand M. *Tropical Victory. An Account of the Influence of Medicine on the History of Southern Rhodesia, 1890-1923*. Juta & Co: Cape Town & Johannesburg, 1953.
- Harrison M. *Public Health in British India: Anglo-Indian Preventive Medicine, 1859-1914*. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- Harrison M. *Medicine in an Age of Commerce and Empire: Britain and Its Tropical Colonies, 1660-1830*. Oxford: Oxford University Press, 2010.
- Headrick D. *The Tools of Empire: Technology and European Imperialism in the Nineteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1981.
- Howe S. *The New Imperial Histories Reader*. London: Routledge, 2010.
- Johnson R. and A. Khalid, eds. *Public Health in the British Empire*. London: Routledge, 2012.
- Klein I. *Malaria and Mortality in Bengal, 1840-1921*. *Indian Economic and Social History Review*. 9 (1972), no. 2: 132-160.
- MacLeod R. and M. Lewis, eds. *Disease, Medicine and Empire: Perspectives on Western Medicine and the Experience of European Expansion*. London: Routledge, 1988.
- Manderson L. *Health Services and the Legitimation of the Colonial State: British Malaya 1786 – 1941*. *International Journal of Health Services*. Vol.17 (1987), no. 1: 91–112.
- McKelvey, John J. *Man against Tse-Tse*. Ithaca: Cornell University Press, 1973.
- Neill D. *Networks in Tropical Medicine: Internationalism, Colonialism, and the Rise of a Medical Specialty, 1890-1930*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 2012.
- Nicolson M. *Medicine and racial politics: changing images of the New Zealand Maori in the nineteenth century*. In: *Imperial medicine and indigenous societies*. Ed. by D. Arnold. Manchester: Manchester University Press, 1988. P. 66 – 104.
- Pati B. *Siting the Body: Perspectives on Health and Medicine in Colonial Orissa*. *Social Scientist*. 26 (1998), no. 11-12: 3-26.
- Pati B. and M. Harrison, eds. *The Social History of Health and Medicine in Colonial India*. London: Routledge, 2009.
- Ramanna M. *Ranchodlal Chotalal: Pioneer of Public Health in Ahmedabad*. In: Palit, Chittabrata, and Achintya Kumar Dutta, eds. *History of Medicine in India: The Medical Encounter*. Delhi: Kalpaz Publications, 2005. P. 311 – 325.
- Ramasubban R. *Public Health and Medical Research in India: Their Origins Under the Impact of British Colonial Policy*. Stockholm: Swedish Agency for Research Cooperation with Developing Countries, 1982.
- Strachan J. *The Pasteurization of Algeria? French History*. Vol. 20.3 (2006): 260 - 275.
- Tilley H. *Africa as a Living Laboratory: Empire, Development, and the Problem of Scientific Knowledge, 1870-1950*. Chicago: University of Chicago Press, 2013.
- Turshen M. *The Impact of Colonialism on Health and Health Services in Tanzania*. *International Journal of Health Services*. Vol. 7 (1977), no. 1: 7–35.
- Vaughan M. *Curing Their Ills: Colonial Power and African Illness*. Stanford, California: Stanford University Press, 1991.

Афанасьева Анна Эдгардовна, кандидат исторических наук, доцент Школы культурологии, НИУ «Высшая школа экономики» (Москва); старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; aafanasieva@hse.ru

“A Tool of Empire”? Medicine in European colonial history

The article is focused on the history of imperial medicine. It looks at its main concerns and major developments, tracing historians' changing ideas regarding the aims, content and consequences of European medical initiatives in the colonies.

Keywords: history of empires, history of colonial medicine, historiography

Anna Afanasyeva, PhD, Associate Professor at the School of Cultural Studies, National Research University Higher School of Economics; Senior Research Fellow, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; aafanasieva@hse.ru

ПЕРЕКРЕСТКИ ИНТЕРДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

Е. А. РОСТОВЦЕВ, Д. А. СОСНИЦКИЙ

ВЛАДИМИР СВЯТОЙ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ГЕРОЙ ВОСКРЕШЕНИЕ ОБРАЗА¹

В статье прослежена эволюция образа Владимира Святого в XX – начале XXI в., показано его место в пантеоне российских и украинских национальных героев, высказаны аргументированные предположения о перспективах востребованности образа св. Владимира в исторической памяти. В фокусе статьи – широкий комплекс источников формирования массовых исторических представлений о Владимире Святославовиче – учебная литература, беллетристика, монументальная пропаганда, церковные коммеморации, аудиовизуальные источники.

Ключевые слова: *Владимир Красно Солнышко, Владимир Святославич, Владимир Святой, Крещение Руси, историческая память, историческая политика*

Настоящая статья является продолжением ранее начатого исследования, посвященного эволюции образа Владимира Святого в национальной исторической памяти². Как отмечалось, традиция почитания князя–крестителя формируется, начиная с XI в. Владимир долгое время являлся ключевой фигурой культурной памяти и только с XVI в. его постепенно вытесняют «новые герои» Московской Руси. Со второй половины XVIII в. угасает внимание к Владимиру Святому в информационном пространстве, религиозные коммеморации, поддерживающие память о князе, утрачивают прежнее значение для политики памяти. В фокусе статьи – образ Владимира в советскую и постсоветскую эпохи.

Неактуальный герой: 1917-1991

В раннюю советскую эпоху интерпретация личности Владимира проходила в рамках установок школы М.Н. Покровского и была, разумеется, негативной: князь принес на русскую землю «опиум для народа». Эта позиция нашла отражение в статье БСЭ (1930 г.), где Владимир Святославович – «типичный князь-варяг, полукупец-полуразбойник, начальник наемной дружины, правительственная деятельность которого ограничивалась сбором дани с подвластных племен... Для купечески-дружиннической верхушки киевского общества, которая и до В.С. ради торговых интересов охотно расставалась со старыми религиозными обрядами, реформа В.С. не была новостью, а христианская церковная ор-

---

¹ Статья подготовлена при поддержке РНФ, проект № 16-18-10080 «“Мобилизованное средневековье”»: обращение к средневековым образам в дискурсах национального и государственного строительства в России и странах Центрально-Восточной Европы и Балкан в новое и новейшее время».

² Ростовцев, Сосницкий 2018.

ганизация с проповедью подчинения княжеской власти давала новое орудие для хищнической эксплуатации подвластных племен»³.

В эмигрантском учебнике Р.Ю. Виппера тоже подчеркивается роль «крещения Руси» в укреплении княжеской власти, но тональность оценок совсем иная. Владимир рассматривается как государственный деятель, возвысивший Русь до уровня Византии. Автор не без патриотического пафоса указывает: «Василий II (976–1025) и Владимир (980–1015) были двумя крупнейшими властителями своего времени, Византия и Киевская Русь двумя самыми сильными государствами мира»⁴.

После разгрома школы Покровского происходит своеобразная реабилитация князя Владимира. Иллюстрацией эволюции образа может служить пассаж из более позднего издания той же официальной советской энциклопедии: «Успешная борьба с печенегами привела к идеализации личности и княжения Владимира Святославича. В народном эпосе он получил имя Владимира Красное Солнышко. Владимир Святославич был коварен, в борьбе с Ярополком и при взятии Херсонеса использовал предателей. <...> Время княжения Владимира Святославича является периодом подъема Киевского государства: усиления феодальной власти внутри, успешных завоевательных походов, развития культуры, земледелия и ремесел...»⁵. Вторит БСЭ и СИЭ, согласно которой «Киевское государство нуждалось в религии, освящавшей новые феодальные порядки. Такой религией было христианство <...> Княжение В.С. оставило глубокий след в народной памяти, как время могущества единой Киевской Руси, сумевшей дать мощный отпор печенегам. В былинах, прославляющих и сильно идеализирующих деятельность В.С., он выступает как “Владимир Красное Солнышко”, создатель “Застав богатырских”, окруженный богатырями, обороняющими русскую землю»⁶. Эти отрывки демонстрируют новую позицию власти по отношению к князю Владимиру: он не идеализируется, как было в дореволюционной России, но его деятельность получает положительную оценку. В то же время, хотя феномен «крещения Руси» оценивается в советском официальном историографическом дискурсе в целом положительно (сделало Русь частью христианской Европы, обогатило русскую культуру⁷), христианство на протяжении всего советского периода рассматривается как идеологический инструмент в руках эксплуататорских классов и даже в поздней советской учебной литературе подчеркивается насильственный характер крещения – «огнем и мечом»⁸. Для исторической политики в

³ Владимир Святославович // БСЭ. 1930. Т.11. Стб. 577.

⁴ Виппер 1925. С. 148.

⁵ Снесаревский 1971.

⁶ Будовниц 1963.

⁷ См., напр.: Щапов 1965.

⁸ См., напр.: Вагин, Сперанская 1967. С. 28.

советское время из домоногольских персонажей, пожалуй, более интересен и ценен был сын Владимира Ярослав Мудрый, с именем которого прочно связывался «золотой век Древней Руси», а главное – ее международное влияние⁹. Действительно, в отличие от дореволюционного периода Владимир Святой занимал периферийные позиции в формировании как общерусского, так и украинского национального дискурса в рамках советского нациестроительства на Украине, где, в частности, готовясь к очередному юбилею «воссоединения с Россией» в эпоху позднего сталинизма, бюрократические инстанции не только с трудом нашли деньги на реставрацию памятника 1853 г., но и перепутали самого персонажа, посчитав его первоначально Владимиром Мономахом¹⁰.

Показательно, что в советские годы не появилось крупных произведений искусства, посвященных князю Владимиру. В советский период выпускалось также очень немного исторических фильмов, посвященных русскому средневековью. В тех немногочисленных, которые вышли на экраны, – «Ярослав Мудрый» (реж. Г. Кохан, 1981), «Легенда о княгине Ольге» (реж. Ю. Ильенко, 1983), Владимир был персонажем второго плана. В памятниках монументальной скульптуры в советскую эпоху Владимир также не увековечен. Из крупных исторических полотен можно отметить только «Сто веков» И. Глазунова, созданную на излете советского времени. На ней Владимир изображен среди десятков других выдающихся деятелей отечественной истории.

Общую картину популярности Владимира Святого в различных информационных источниках, отражает *Таблица 1*, демонстрирующая падение интереса к Владимиру Святославовичу в советское время.

Комментируя *Таблицу 1* нельзя не отметить, что в ряду источников памяти сравнительно частым обращением к образу князя выделяется художественная литература. Приведем несколько примеров текстов популярных в советскую эпоху. В 1931 г. появилась книга Г.В. Добржинского «Владимир Равноапостольный». В годы войны были изданы «Князь Владимир» О.Д. Форш и «Богатырский сказ» В.Я. Апушкина. Многократно переиздавался роман «Володимир» украинского писателя С.Д. Скляренко. В повествования советских писателей чаще чем прежде включаются сцены неповиновения князю. Например, на страницах «Владимира Равноапостольного» можно встретить такой диалог: «Супротив великого князя лезете! Государь он вам или нет? Правду над вами творит и землю вашу оружив бережет, – наступал на Дулеба витязь. – Небось, сами без князя лучше урядимся. И землю нашу нечего беречь, – окромя вас, других ворогов нету, – взвизгивал Дулеб»¹¹.

⁹ Ростовцев, Сосницкий 2016.

¹⁰ См.: Екельчик 2004. С. 109–110.

¹¹ Добржинский 1931. С. 26.

ТАБЛИЦА 1¹

Место	Художественная литература	Публицистическая литература	Периодическая печать	Киноисточники	Монументальная скульптура ²
1.	Степан Разин	Иван Грозный	[1-3] Игорь Новгород-Северский	[1-3] Иван Грозный	Александр Невский (1) [1]
2.	Иван Грозный	[2-4] Александр Невский	[1-3] Степан Разин	[1-3] Василий Буслаев	Андрей Рублев (2) [5-6]
3.	Илья Муромец	[2-4] Смутное время	[1-3] Иван Грозный	[1-3] Опричнина	Степан Разин (3-7) [7-10]
4.	[4-7] Лжедмитрий I	[2-4] Степан Разин	[4-6] Иван Сусанин	[4-10] Игорь Новгород-Северский	Олег Вещий (3-7) [7-10]
5.	[4-7] Никон	[5-10] Лжедмитрий I	[4-6] Борис Годунов	[4-10] Александр Невский	(3-7) [7-10] Князь Игорь Старый
6.	[4-7] Владимир Святой	[5-10] Алексей Михайлович	[4-6] Федор Иоаннович	[4-10] Татаро-монгольское нашествие	Юрий Долгорукий (3-7) [7-10]
7.	[4-7] Церковный раскол	[5-10] Минин и Пожарский	[7-9] Владимир Мономах	[4-10] Ледовое побоище	Дмитрий Донской (3-7) [2-4]
8.	[8-10] Алексей Михайлович	[5-10] Крещение Руси	[7-9] Александр Невский	[4-10] Малюта Скуратов	Ермак [2-4]
9.	[8-10] Игорь Новгород-Северский	[5-10] Татаро-монгольское иго	[7-9] Иван III	[4-10] Опричнина	Владимир Святой [2-4]
10.	[8-10] Ярослав Мудрый	[5-10] Опричнина	Крещение Руси	[4-10] Андрей Курбский	[5-6] Минин и Пожарский

¹Сравнительная таблица популярности локальных объектов исторической памяти о допетровской Руси в проанализированных источниках (1918–1991 гг.)

²Цифра в круглых скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в период с 1918 по 1991 гг. Цифра в квадратных скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в более ранний период.

В то же время аналогичный конфликт Владимира с Ярославом трактовался на страницах беллетристики зачастую иначе, с сочувствием скорее к последнему. Например, в одном из наиболее популярных текстов писателя В.Д. Иванова приводится такая интерпретация «государственной» логики его действий: «Владимир Святославич сам землю собрал, и слово его могло явиться законом. Ярославу мнилась печальная участь оказаться под рукой младшего брата, человека юного, неопытного, мягкого. Добрые его черты, за которые отец дал Борису Ростов, обернутся на киевском столе злыми. Коль мягок, – значит, будут советчики. Что скажет последний, то на душу и ляжет, а дальние всегда окажутся виноваты. Поразмыслив, Ярослав решил сам первым шагнуть и послал сказать отцу, что Новгород больше не будет платить Киеву дани, а будет от дани навсегда свободен»¹². Впрочем, как показывает *Таблица 2*, несмотря на сравнительную популярность в жанре художественной беллетристики, в советское время книжных изданий, посвященных князю, выходит почти на порядок меньше, чем в предшествующий период.

Таблица 2¹³

Объекты исторической памяти	1918-1991
Иван Грозный	289
Степан Разин	190
Борис Годунов	169
Александр Невский	159
Дмитрий Донской	118
Владимир Святой	43
Опричнина	23
Смутное время	22
Алексей Михайлович	17
Владимир Мономах	9
Княгиня Ольга	8
Ярослав Мудрый	3
Князь Игорь Святославович	2

В советских учебниках внимание Владимиру уделено прежде всего в контексте крещения Руси. Л.П. Бушик, автор учебника по истории СССР (1957), называет следующие причины принятия христианства:

¹² Иванов 1981. С. 11.

¹³ Количество книжных изданий, посвященных наиболее востребованным объектам исторической памяти допетровского периода отечественной истории (1918-1991 гг.). Сост. по Электронному каталогу РНБ.

«Основной причиной введения христианства на Руси было то, что класс феодалов нуждался в религии, которая укрепляла бы его господство над народными массами». Но в этом же учебнике до учеников доносится мысль, что христианство на данном историческом этапе являлось благом для Русского государства: «Оно способствовало укреплению государственного единства, развитию политических и культурных связей с христианскими странами Европы, росту международного значения Руси»¹⁴. Эти клише можно назвать типичными для советской учебной литературы послевоенного времени.

На закате советской эпохи на государственном уровне отмечалась важная коммеморация, непосредственно связанная с именем Владимира, – 1000-летие крещения Руси. Парадоксально, однако, что основные дивиденды от события получил не Владимир, а другой допетровский герой и один из конкурентов Владимира на «карте памяти» – Дмитрий Донской, канонизация которого была приурочена к этой дате¹⁵.

Основатель «Русского» или «Украинского» мира?»

В послании президента России В.В. Путина Федеральному Собранию 4 ноября 2014 года в контексте слов о присоединении к России Крыма прозвучало имя князя Владимира Святого: «Ведь именно здесь, в Крыму, в древнем Херсонесе, или, как называли его русские летописцы, Корсуни, принял крещение князь Владимир, а затем и крестил всю Русь»¹⁶. 11 ноября 2014 г. по результатам заседания XVIII Всемирного русского народного собора была принята «Декларация русской идентичности», содержащая, в т.ч., следующее утверждение: «Каждый русский чувствует глубинную эмоциональную связь с главными событиями своей истории: Крещением Руси, Куликовской битвой и одолением Смуты, победами над Наполеоном и Гитлером»¹⁷. Логичным следствием стало обсуждение Московской городской Думой 25 февраля 2015 г. постановления «О внесении изменений в постановление Московской городской Думы от 27 июня 2001 г. № 97 “О Перечне предложений о возведении произведений монументально-декоративного искусства городского значения”, в связи с конкурсом Министерства культуры на лучший проект памятника князю Владимиру Святому»¹⁸. На открытии памятника 4 ноября 2016 г. присутствовали президент, глава правительства, патриарх, мэр столицы, министр культуры и другие почетные гости. В речи на открытии памятника В.В. Путин так охарактеризовал личность крестителя Руси: «Князь Владимир навсегда вошёл в историю

¹⁴ Бущик 1957. С. 42-43.

¹⁵ См.: Ростовцев, Сосницкий 2017. С. 1155.

¹⁶ Послание Президента Федеральному Собранию...

¹⁷ Декларация русской идентичности...

¹⁸ Вниманию журналистов // Московская городская Дума...

как собиратель и защитник русских земель, как дальновидный политик, созидавший основы сильного, единого, централизованного государства, объединившего в результате в одну огромную семью равные между собой народы, языки, культуры и религии»¹⁹.

Такая характеристика довольно полно отражает конструируемый в постсоветской России образ князя Владимира. Постсоветская учебная литература этот образ поддерживает²⁰. В постсоветской «патриотической» историографии попадаются даже забавные пассажи, противопоставляющие «высокодуховного» и «национального» Владимира сомнительному, и космополитичному Ярославу, ориентированному на Европу²¹. Трудно найти современное российское произведение искусства, где Владимир был бы показан не как место консенсуса национальной памяти, причем исключительно позитивного консенсуса. Ярким отображением государственного заказа в конструировании образа Владимира Святого в национальном историческом сознании россиян, помимо упомянутого памятника, является фильм «Викинг» (реж. А.Ю. Кравчук), вышедший на экраны в конце 2016 г. На осуществление этого масштабного проекта, с бюджетом в 1 млрд 250 млн руб., ушло, по словам создателей, более семи лет. Действие фильма, согласно устоявшейся еще с дореволюционных времен традиции, демонстрирует процесс преобразования кровожадного князя в высокодуховную личность, открывшую для Руси христианство. В фильме также показаны воинская доблесть князя, его героизм в деле защиты своего народа от внешних врагов, однако его достижения как политика продемонстрированы не так явно. В частности, отсутствует традиционная для жизнеописаний Владимира сцена встречи с представителями разных религий.

После 1991 г. на территории России было установлено 11 памятников Владимиру Святому (включая два, установленные на территории республики Крым до 2014 г.). На одном из памятников Владимир изображен вместе со своей бабушкой княгиней Ольгой. География расположения этих памятников обширна – от Пскова до Астрахани. Были также изданы и переизданы многочисленные художественные произведения, посвященные личности князя²². Сравнительную картину по изданиям, связанным с героями русского средневековья отражает *Таблица 3*.

Памятники и художественные тексты, однако, не стали единственным каналом популяризации образа Владимира. Помимо фильма «Викинг», было снято уже, по меньшей мере, три фильма и один мультфильм, главным героем которых является князь Владимир. Наиболее

¹⁹ В День народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру...

²⁰ См., напр: Борисов 2009. С. 31.

²¹ Асонов 2015.

²² Красницкий 1994; Лавров 1995; Крутогоров 2000; Никитин 2000; Брусенцев 2006; Мазин 2008; Васильев 2010; Колыванов 2014.

масштабным из них, не считая «Викинга», является, вероятно, мультфильм «Князь Владимир» (2006). Режиссер Юрий Кулаков, снял 79-минутную ленту бюджетом в 5 млн долларов, подключив к озвучиванию таких признанных звезд отечественного кино, как Сергей Безруков, Лев Дуров, Владимир Гостюхин и мн. др.

Таблица 3²³

Объекты исторической памяти	1992-2017
Иван Грозный	420
Александр Невский	294
Владимир Святой	291
Дмитрий Донской	284
Смутное время	268
Борис Годунов	219
Княгиня Ольга	127
Алексей Михайлович	75
Владимир Мономах	61
Ярослав Мудрый	47
Рюрик	46
Степан Разин	45
Опричина	32
Князь Игорь Святославович	6

Сцены из жизни князя Владимира запечатлены на полотнах современных российских художников, специализирующихся в жанре исторической живописи. В частности, ему посвящена серия картин художника Сергея Ефошкина. Его кисти принадлежат картины «Князь Владимир. Крещение», «Князь Владимир и князь Ярополк», «Князь Владимир. Встреча византийской принцессы Анны» и др. Можно с высокой долей вероятности утверждать, что Владимир Святой является одним из наиболее востребованных (наряду с Иваном Грозным) в исторической живописи героев русской средневековой истории. Даже, Александр Невский, судя по всему, уступает ему в этом, несмотря на то, что образ этого князя запечатлен на картинах кисти В.М. Васнецова, Н.К. Рериха, К.В. Лебедева, В.А. Серова, П.Д. Корина.

Рост роли РПЦ в общественной жизни и государстве постсоветского времени усиливает значение церковных коммемораций, связанных с образом Владимира. В частности, нельзя обойти тему иконописи. Из-за сложности с идентификацией конкретных иконописцев, иконы иногда тяжело атрибутировать, однако можно с уверенностью утвер-

²³ Количество книжных изданий, посвященных наиболее востребованным объектам исторической памяти допетровского периода отечественной истории (1992-2017 гг.). Сост. по электронному каталогу РНБ.

ждать, что в современной России созданы десятки новых икон с изображением Святого равноапостольного князя Владимира. Зачастую при продаже икон дополнительно указывается, что святой князь является небесным покровителем внутренних войск МВД России. Помимо икон, имя крестителя Руси прославляется в названиях храмов. Точно указать количество храмов имени Владимира Святого в России затруднительно, но можно утверждать, что только в Санкт-Петербургской епархии насчитывается 8 храмов святого равноапостольного великого князя²⁴. Всего же, согласно данным «Карты Русской Православной Церкви»²⁵, размещенной на официальном сайте Московского Патриархата, в РПЦ 117 храмов и часовен под покровительством святого равноапостольного князя Владимира. По данным этого же ресурса, имя одного из самых «популярных» в современной России святых – Александра Невского – носит 281 храм Русской Православной Церкви. (см. *Таблицу 4*).

Таблица 4²⁶

№	Святой покровитель	Количество храмов РПЦ
1.	Александр Невский	281
2.	Владимир Святой	117
3.	Княгиня Ольга	46
4.	Дмитрий Донской	38
5.	Андрей Боголюбский	1
6.	Ярослав Мудрый	1

Имя князя Владимира в современной России все чаще появляется в городской топонимике: в одном из подмосковных поселков есть улица князя Владимира, в Санкт-Петербурге Князь-Владимирский сквер, во Владимире – Князь-Владимирское кладбище. Очевидно, эта тенденция будет набирать обороты. Так, в соперничающей с Россией за память о князе Владимире Украине, по меньшей мере в 37 населенных пунктах есть улицы имени князя Владимира. Во многих случаях смена названия произошла там недавно: так улица князя Владимира в Днепре (Днепропетровске) раньше была улицей Плеханова; улица Владимира Великого в Херсоне не так давно носила имя Ворошилова; в Броварах Киевской области в улицу князя Владимира переименовали бывшую Энгельса. Интересно, что в Украине образ Владимира Великого активно тиражируется посредством денежных купюр. Его портреты украшают монеты в 5 и 10 гривен и банкноту достоинством в 1 гривну. В России на данный момент ограниченным тиражом выпущены серебряные монеты в 3 и 25 руб. На первой изображен храм Святого равноапостольного князя

²⁴ Храмы // Санкт-Петербургская митрополия...

²⁵ Карта Русской Православной Церкви, beta-версия...

²⁶ Количество храмов, носящих имя того или иного героя средневековой истории, в епархиях РПЦ. Сост. по: Карта Русской Православной Церкви, beta-версия...

Владимира в Херсонесе, на второй – фрагмент памятника Тысячелетия России в Великом Новгороде, изображающий Владимира-Крестителя.

Имя Владимира Святого носят подчас неожиданные объекты. На Украине с 1992 г. налажен выпуск шампанского «Великий князь Владимир»²⁷ В России в 1997 г. была запущена в производство модель автомобиля Москвич 2142R5 «Князь Владимир». Любопытно, что помимо «Князя Владимира» с конвейера сошли «Юрий Долгорукий» и «Иван Калита». Самый бюджетным был «Юрий Долгорукий», «Иван Калита» условно относился к премиальному сегменту, а «Князь Владимир» занимал среднюю ценовую категорию. Имя Владимира Святого носят также ряд общеобразовательных (в ряде случаев негосударственных) школ и Детская городская клиническая больница в Москве. Кроме того, на Черном море совершает круизные плавания теплоход «Князь Владимир», а в 2017 г. спущена на воду подводная лодка четвертого поколения «Князь Владимир». Во Владимире функционирует отель «Князь Владимир». Множество сувениров эксплуатирует имя князя Владимира святого: кружки, тарелки, магниты и даже подсвечники. Используется имя князя Владимира и в коммеморациях: проводится фестиваль творческих проектов «У святого князя Владимира», а с 2015 г. в Крыму проводится кинофестиваль «Святой Владимир».

В условиях такой политики памяти популярность Владимира должна только нарастать. В отличие от более ранних периодов в постсоветское время мы располагаем «социологическими» замерами популярности деятелей прошлого, которые наглядно отражают результативность такой политики. В телевизионном проекте «Великие Украинцы», транслированном на одном из центральных украинских телеканалов в 2007-2008 гг. победителем стал Ярослав Мудрый, а Владимир занял только 16 место²⁸. Интересно, что в России он не попал в общий рейтинг аналогичной компании («Имя России»), поскольку оказался за рамками той группы исторических персонажей, о которых знает хотя бы половина россиян (о Владимире Святом в 2008 г. знали только 34 % респондентов)²⁹. Эта ситуация не должна вызывать удивления, так роль Владимира в современном культурном пространстве была долгое время незначительна. На основе проведенных подсчетов по выборке из более тысячи самых популярных источников (текстов) художественной и социально-политической литературы, воздействовавших на сознание россиян, по 10-ти тематически-хронологическим выборкам, охватывающим период с 1965 по 2007 г. (при этом основным предметом исследования стал круг источников за 1986–2006 гг.), князь Владимир занимал позицию с 91 по

²⁷ Юрченко 2001. С. 11.

²⁸ Великие Украинцы...

²⁹ Приложение 4 // База данных ФОМ...

118 (из 754)³⁰. Однако нельзя сказать, что политика памяти проводившаяся в последнее десятилетие в Украине и России, не имеет эффекта. Организованный в сентябре-октябре 2016 г. украинским каналом «112» опрос «Выдающийся государственный деятель Украины» назвал таким уже именно Владимира³¹. Улучшились показатели равноапостольного князя и в России. Так, согласно социологическим опросам, проводившимся в 2013 г., журналом «Дилетант», Владимир занимал в сознании россиян довольно высокую позицию среди политических деятелей – «наиболее важных персонажей в истории России» – 12–13-е места³².

Анализируя данные социологических опросов, следует понимать, что средневековые события и герои ожидаемо проигрывают в популярности своим хронологически более поздним «конкурентам». Например, согласно опросу 2011 г. (среди российских студентов, 18-19 лет) среди персонажей допетровской Руси в рейтинге наиболее значимых деятелей отечественной истории присутствуют только Иван IV (4 место), Александр Невский (12 место), Владимир Святой (15 место), Рюрик (18 место). Однако ситуация меняется в случае выявления национальных героев, сыгравших наиболее выдающуюся положительную роль в судьбе страны. Здесь безусловным лидером является Петр I (14,2% всех упоминаний), а на второй позиции оказался князь Александр Невский с 4,64% упоминаний респондентами. Также в числе лидеров представлены Владимир Святой (10 место), Иван IV (12 место), Минин и Пожарский (19 место), Рюрик (20 место), что подтверждает гипотезу о консенсусном восприятии наиболее отдаленных событий³³. В русскоязычной Википедии (отражающей обращения не только россиян, но и всей мировой русскоязычной аудитории) страница Владимира занимает 3 место среди средневековых героев по количеству просмотров в 2015–2017 гг. (после страниц Ивана IV и Ивана III)³⁴. В этом контексте на первый взгляд Владимир имеет неплохие перспективы дальнейшего «роста», однако этот подход не учитывает, что пропагандистские усилия могут только сформировать общественное мнение о личности, но для его закрепления нужно изменение всей структуры источников, воздействующих на историческую память. Между тем, общая картина, отражающая место Владимира на основе источников формирования культурной памяти постсоветского периода (по разным типам репрезентативных выборок за 1992–2010 гг.), представленная в *Таблице 5*, для героя не очень благоприятна. Она наглядно показывает дальнейшее снижение его потенциа-

³⁰ Цыпкин и др. 2009. VII. Отчетный архив проекта.

³¹ Владимир Великий – выдающийся государственный деятель Украины... (Второе место в этом рейтинге занял Степан Бандера, третье – Богдан Хмельницкий).

³² Сосницкий 2014. С. 102.

³³ Сосницкий 2015. С. 181–182.

³⁴ Подсчитано по: Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

ла как национального героя, что неизбежно скажется на его месте в массовом историческом сознании в случае прекращения целенаправленной политики государственных коммемораций, связанных с его фигурой.

Таблица 5³⁵

Место	Художественная литература	Публицистическая Литература	Монументальная скульптура ³⁶
1.	Иван Грозный	Татаро-монгольское иго	(1) [1] Александр Невский
2.	Опричнина	[2–3] Александр Невский	(2) [2] Владимир Святой
3.	[3–10] Куликовская битва	[2–3] Сергей Радонежский	(3) [3] Княгиня Ольга
4.	[3–10] Смутное время	[4–10] Игорь Новгород- Северский	[4] Дмитрий Донской
5.	[3–10] Рюрик	[4–10] Евпатий Коловрат	[5] Юрий Долгорукий
6.	[3–10] Иван III	[4–10] Епифаний Пре- мудрый	(4–8) [6–10] Кирилл и Мефодий
7.	[3–10] Игорь Новго- род-Северский	[4–10] Иосиф Волоцкий	(4–8) [6–10] Святослав
8.	[3–10] Александр Невский	[4–10] Иван Грозный	(4–8) [6–10] Ярослав Мудрый
9.	[3–10] Борис Годунов	[4–10] Смутное время	(4–8) [6–10] Даниил Московский
10.	[3–10] Лжедмитрий	[4–10] Алексей Михайлович	(4–8) [6–10] Дмитрий Донской

Условный характер поддержки Владимира Святославовича демонстрирует интерактивный сетевой контент, включая наиболее популярные справочные ресурсы, где оценки деяний Владимира различны³⁷. Голоса «неоязычников» остаются маргинальными, но не вызывают заметной общественной аллергии, вероятно, потому, что фигура князя для массового сознания не слишком важна. Таким образом, Владимир, несмотря на очевидные успехи политики, направленной на его популяризацию, пока остается второстепенным героем национальной памяти, что обусловлено недостаточным влиянием источников, транслирующих представления о нем. Если на Украине Владимир Святой (наряду с Ярославом Мудрым)³⁸ является одним из лидеров национального пантеона, то в России он скорее герой второго плана. На наш взгляд, причина этого (как и с Ярославом) заключается не в спорности героя для российского сознания, а в различиях в самом героическом пантеоне России и

³⁵ Сравнительная таблица популярности локальных объектов исторической памяти о допетровской Руси в проанализированных источниках (1992–2010 гг.)

³⁶ Цифра в круглых скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных с 1991 по 2017 гг. Цифра в квадратных скобках означает место в рейтинге с учетом памятников, установленных в более ранний период.

³⁷ Сосницкий 2014. С. 103.

³⁸ Ростовцев, Сосницкий 2016.

Украины, у которой просто нет после Владимира и Ярослава столь впечатляющего ряда правителей.

Образ Владимира Святого начал формироваться в рамках церковно-религиозной традиции домонгольской Руси, в эпоху, предшествующую образованию понятий нации и государства Нового времени. Основные черты мифа о Владимире Святом остаются неизменными уже много веков. Традиция церковного восхваления князя-крестителя берет начало в XI в. и продолжается до сих пор. Сакральный характер фигуры равноапостольного князя сделал ее чрезвычайно востребованной в эпоху начального конструирования наций в XV–XVII вв., образ Владимира стал центральным для формирования как великорусской идентичности, так и общерусского мифа. Однако секуляризация сознания и исторической культуры, создание концепта «новой» и «старой» России в XVIII–XIX вв. значительно изменили ситуацию, постепенно превратив Владимира в «рядового героя», даже вопреки установкам государственной политики памяти. В советский период эти тенденции значительно усилились, хотя Владимир в целом и оставался местом позитивного консенсуса. В этом контексте потенциал Владимира Святого как национального героя остается довольно ограниченным, несмотря на «возрождение православия» и активные мемориальные усилия государства по поддержке и пропаганде образа князя-крестителя. В то же время, «война памяти», развернувшаяся на постсоветском пространстве, политически актуализирует фигуры древнерусских правителей, в том числе Владимира Святого, обеспечивая ему прочные перспективы присутствия в пантеонах национальных героев восточнославянских государств.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- В День народного единства в Москве открыт памятник князю Владимиру // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53211#sel=11:1:7yf,11:36:iac>.
- Владимир Великий – выдающийся государственный деятель Украины // URL: <https://112.ua/statji/vladimir-velikiy-vydayushhysya-gosudarstvenny-deyatel-ukrainy-345076.html>
- Вниманию журналистов // Московская городская Дума. URL: <https://duma.mos.ru/ru/35/announcement/vnimaniju-jurnalistov-2371>
- Декларация русской идентичности // Русская Православная Церковь. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/508347.html>
- Карта Русской Православной Церкви, beta-версия // Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://map.patriarhia.ru>
- Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173#sel=8:41:yaZ,8:65:CUc>.
- Приложение 4 [к Отчету исследования на тему «Исторические деятели России, оказавшие наибольшее влияние на судьбу страны» фонда «Общественное мнение», 25.06.2008]. Доля знающих того или иного персонажа по результатам первого этапа исследования // База данных ФОМ. URL: <http://bd.fom.ru/pdf/pril4.pdf>
- Храмы // Санкт-Петербургская митрополия Русской Православной Церкви. URL: <http://mitropolia.spb.ru/about/places/>
- Юрченко А. Имя чуду – шампанское «Одесса» // Еженедельник 2000. 2001. № 31 (83). С. 11
- Электронный каталог РНБ. URL: http://primo.nl.ru/primo_library/libweb/action/search.do
- Асонов Н.В. Владимир Святой и Ярослав Мудрый. Выбор полюса цивилизационного притяжения // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование.

2015. Вып. 2. С. 119–126 [Asonov N.V. Vladimir Svyatoy i YArosлав Mudryj. Vybor polyusa civilizacionnogo prityazheniya // Problemnij analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie. 2015. Vol. 2. P. 119–126]
- Борисов Н.С. История России с древнейших времен до конца XVII века. 10 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений: базовый уровень. М.: Просвещение, 2009. 255 с. [Borisov N.S. Istorija Rossii s drevnejshih времен do konca XVII veka. 10 klass: ucheb. dlya obshcheobrazovat. uchrezhdenij: bazovyj uroven'. M.: Prosveshchenie, 2009. 255 p.]
- Брусенцев И.Е. Князь Владимир: [приключенческая историческая повесть]. М.: CASCADE Publishing, 2006. 170 с. [Brusencev I.E. Knyaz' Vladimir: (prikladyuchencheskaya istoricheskaya povest'). M.: CASCADE Publishing, 2006. 170 p.]
- Будовниц И.У. Владимир Святославович // СИЭ. М., 1963. Т. 3. Стб. 526. [Budovnic I.U. Vladimir Svyatoslavovich // SIEH. M., 1963. T. 3. Stb. 526.]
- Бушчик Л.П. История СССР. Учебник для 8 класса. Часть первая / Под ред. А.М. Панкратовой. М.: Учпедгиз, 1957. 199 с. [Bushchik L.P. Istorija SSSR. Uchebnik dlya 8 klassa. CHast' pervaya / Pod red. A.M. Pankratovoj. M.: Uchpedgiz, 1957. 199 p.]
- Вагин А.А., Сперанская Н.В. История СССР. Учебное пособие для 7 класса. М.: Просвещение, 1967. 240 с. [Vagin A.A., Speranskaya N.V. Istorija SSSR. Uchebnoe posobie dlya 7 klassa. M.: Prosveshchenie, 1967. 240 p.]
- Васильев Б.Л. Владимир Красное Солнышко. М.: ПРОЗАиК, 2010. 286 с. [Vasil'ev B.L. Vladimir Krasnoe Solnyshko. M.: PROZAIK, 2010. 286 p.]
- Виппер Р.Ю. Учебник истории. Средние века. Рига: А.О.Вальтерс и Рапа, 1925. 230 с. [Vipper R.YU. Uchebnik istorii. Srednie veka. Riga: A.O.Val'ters i Rapa, 1925. 230 p.]
- Владимир Святославович // БСЭ. М., 1930. Т. 11. Стб. 577 [Vladimir Svyatoslavovich [Vladimir Svyatoslavovich] // BSEH. M., 1930. T. 11. Stb. 577]
- Добржинский Г.В. Владимир Равноапостольный. М.; Л.: Огиз, 1931. 347 с. [Dobrzhinskij G.V. Vladimir Ravnoapostol'nyj. M.; L.: Ogiz, 1931. 347 p.]
- Екельчик С. Украинская историческая память и советский канон: как определялось национальное наследие Украины в сталинскую эпоху // Ab Imperio 2004. № 2. С. 77–124 [Ekel'chik. S. Ukrainskaya istoricheskaya pamyat' i sovetskij kanon: kak opredelyalos' nacional'noe nasledie Ukrainy v stalinskuuyu ehpoху // Ab Imperio 2004. № 2. P. 77–124]
- Иванов В.Д. Русь Великая: Роман-хроника. М.: Советская Россия, 1981. 592 с. [Ivanov V.D. Rus' Velikaya: Roman-hronika. M.: Sovetskaya Rossiya, 1981. 592 p.]
- Кольванов В.В. Владимир Красное Солнышко. М.: Олма Медиа Групп, 2014. 64 с. [Kolyvanov V.V. Vladimir Krasnoe Solnyshko. M.: Olma Media Grupp, 2014. 64 p.]
- Красницкий А.И. Красное Солнышко: Повесть из дохристиан. эпохи на Руси: [О князе Владимире Святославиче]. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд-во, 1994. 414 с. [Krasnickij A.I. Krasnoe Solnyshko: Povest' iz dohristian. ehpohi na Rusi: (O knyaze Vladimire Svyatoslaviche). YArosлавl': Verh.-Volzh. kn. izd-vo, 1994. 414 p.]
- Крутогоров Ю.А. Крещение Руси. Владимир Красное солнышко. М.: Белый город, 2000. 46 с. [Krutogorov YU.A. Kreshchenie Rusi. Vladimir Krasnoe solnyshko. M.: Belyj gorod, 2000. 46 p.]
- Лавров А.И. Рюриковичи. М.: Армада, 1995. 748 с. [Lavrov A.I. Rurikovichi. M.: Armada, 1995. 748 p.]
- Мазин А.В. Язычник: [исторический роман о великом князе киевском Владимире Святославовиче]. М.; СПб.: АСТ Астрель-СПб, 2008. 505 с. [Mazin A.V. Yazychnik]. M.; SPb.: AST Astrel'-SPb, 2008. 505 p.]
- Никитин Ю. А. Князь Владимир. М.: Центрполиграф, 2000. 681 с. [Nikitin YU. A. Knyaz' Vladimir. M.: Centrpoligraf, 2000. 681 p.]
- Ростовцев ЕА., Сосницкий Д.А. Владимир Святой как национальный герой: создание образа // Диалог со временем. 2018. Вып. 65. С. 150-164 [Rostovcev EA., Sosnickij D.A. Vladimir Svyatoy kak nacional'nyj geroj: sozdanie obraza // Dialog so vremenem. 2018 Vyp. 65. S. 150-164]
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. «Куликовский плен»: Дмитрий Донской в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XX в. // Quaestio Rossica. 2017. Т. 5. № 4. С. 1149–1163 [Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. «Kulikovskij plen»:

- Dmitrij Donskoj v istoricheskoj pamyati rossijskogo obshchestva vtoroj poloviny XIX – nachala XX v. // *Quaestio Rossica*. 2017. Т. 5. № 4. Р. 1149–1163]
- Ростовцев Е.А., Сосницкий Д.А. Забытый золотой век: Ярослав Мудрый и Русь Ярослава – переосмысления XIX– начала XXI в. // *Русин*. 2016. №. 4 (46). С. 26–43 [Rostovcev E.A., Sosnickij D.A. Zabytyj zolotoj vek: YAroslav Mudryj i Rus' YAroslava – pereosmysleniya XIX– nachala XXI v. // *Rusin*. 2016. №. 4 (46). Р. 26–43]
- Снесаревский П.В. Владимир Святославич // *Большая советская энциклопедия*. М., 1971. Т. 5. Вешин-Газли. С. 416 [Snesarevskij P.V. Vladimir Svyatoslavich // *Bol'shaya sovetskaya ehnciklopediya*. М., 1971. Т. 5. Veshin-Gazli. P. 416]
- Сосницкий Д.А. Владимир Святой в исторической памяти российского общества второй половины XIX – начала XXI века (по материалам нарративных источников) // *Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки*. 2014. № 3 (203). С. 100–106 [Sosnickij D.A. Vladimir Svyatoy v istoricheskoj pamyati rossijskogo obshchestva vtoroj poloviny XIX – nachala XXI veka (po materialam narrativnyh istochnikov) // *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*. 2014. № 3 (203). Р. 100–106]
- Сосницкий Д. А. Историческая память о допетровской Руси в России второй половины XIX – начала XXI вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 344 с. [Sosnickij D. A. Istoričeskaja pamjat' o dopetrovskoj Rusi v Rossii vtoroj poloviny XIX – nachala XXI vv.: dis. ... kand. ist. nauk. SPb., 2015. 344 p.]
- Цыпкин Д.О., Шибаев М.А., Карбаинов Н.И., Балаченкова А.П., Ростовцев Е.А., Соловьев Д.В., Хохлова А.М., Шилов Д.Н., Кинчарова А.В., Павлов С.В., Петрова Е.В., Ржешевская А.Ю., Росугубу И.А., Сидорчук И.В., Сосницкий Д.А. Структурные конфликты в историческом сознании россиян как потенциальная угроза национальной безопасности. СПб., 2009 [Cypkin D.O., SHibaev M.A., Karbainov N.I., Balachenkova A.P., Rostovcev E.A., Solov'ev D.V., Hohlova A.M., SHilov D.N, Kincharova A.V., Pavlov S.V., Petrova E.V., Rzhesheskaya A.YU., Rosugubu I.A., Sidorchuk I.V., Sosnickij D.A. Strukturnye konflikty v istoričeskom soznanii rossiyan kak potencial'naya ugroza nacional'noj bezopasnosti. SPb., 2009]
- Щапов Я.Н. Крещение Руси // *СИЭ*. М., 1965. Т.8. Стб.147–148 [Shchapov YA.N. Kreshchenie Rusi // *SIEN*. М., 1965. Т.8. Stb.147–148]

Ростовцев Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, доцент, Институт Истории, Санкт-Петербургский Государственный Университет; e.rostovtsev@spbu.ru

Сосницкий Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, инженер-программист, Музейный комплекс, Санкт-Петербургский Государственный Университет; d.sosnitskij@spbu.ru

Saint Vladimir as a national hero: the revival of the image

The evolution of the image of Saint Vladimir in the XXth and the beginning of the XXIth c. are traced in the article. Also its place in the pantheon of Russian and Ukrainian national heroes is shown and the well-founded assumptions about the prospects for the demand for the image of St. Vladimir in historical memory are given in the paper. There is a wide range of sources of forming of mass views about Vladimir Svyatoslavovich (educational literature, fiction, monumental propaganda, church commemoration, audiovisual sources) in the focus of the article. The problem of the politics of memory, related to the image of the character in question takes an important place in the article.

Keywords: Saint Vladimir of Kiev, Vladimir the Great, Vladimir Svyatoslavovich, Christianization of Kievan Rus', historical memory, Politics of memory

Evgeniy Rostovtsev, Dr.Sc. (History), Associate Professor, Institute of History, Saint-Petersburg State University; e.rostovtsev@spbu.ru

Dmitry Sosnitsky, PhD (History), software engineer, Museum complex, Saint-Petersburg State University; d.sosnitskij@spbu.ru

Р. С. ЧЕРЕПАНОВА

«АНТИСОВЕТЧИЦА» ЭМИЛИЯ ИЛЬИНА В ТРАДИЦИИ РУССКОГО ИНТЕЛЛИГЕНТСКОГО РАДИКАЛИЗМА

Статья посвящена личности Эмилии Павловны Ильиной – инженера, эмигрантки, писательницы и публицистки. Вводятся в оборот новые архивные источники. Автор опирается на концепцию габитуса П. Бурдьё, на теорию «большого контракта» между интеллектуалами и советской властью, а также на идею И. Джонатана о противостоянии двух традиций в среде интеллектуалов: одна берет свое начало от Высокого Просвещения, вторая – от его радикальной ветви. В мировоззрении Ильиной прослеживаются характеристики радикального этоса и габитуса.

Ключевые слова: эмиграция, интеллектуалы, радикализм, утопия, национализм

В ноябре 2016 г. в Мюнхене в полной безвестности ушла из жизни 90-летняя женщина, чей отъезд из Советского Союза в 1976 г. бурно приветствовали западные и отечественные правозащитные круги. Когда-то рассказы и очерки этой женщины принимали солидные эмигрантские издания, ее приглашали участвовать в работе «Международной Амнистии» и выступать с речами перед самыми представительными аудиториями¹. Звали эту женщину Эмилия Павловна Ильина. Дочь красногвардейца, инженер, первые 50 лет своей жизни индифферентная к политике, она в одночасье была вынесена в центр протестного движения, а оказавшись за границей, писала о Стране Советов с такой яростью, что да-же представитель «Нового русского слова» мягко напомнил ей, в тот момент уже давно безработной и балансирующей на грани нищеты, о том, что «капитализм, как вы возможно заметили, имеет не меньше недостатков»². Эмигрировав с любимой собакой и двумя дочерьми (одна не успела даже получить диплом, а у второй на руках был младенец), отправляясь в никуда и без денег, Ильина, судя по ее речам, письмам и очеркам, искренне перечеркнула и обесценила все свое советское прошлое. Советский строй она категорически именовала «фашизмом» и призывала Европарламент наказать имперскую «советскую Россию» суровыми санкциями и международным трибуналом³.

¹ Сегодня от всего этого шума осталось лишь несколько документов в архиве МХГ. – Документы Московской Хельсинской группы 2006 (особ.: с. 113-118).

² Письмо Мирона Константиновского Эмилии Ильиной от 12 мая 1986 г. Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Университете г. Бремена, Германия. Ф. 43 (Эмилия Ильина). Все упоминаемые далее письма и рассказы, за исключением большого автобиографического письма Э.П. Ильиной (БП), цитируются по оригиналам, находящимся в этом же фонде.

³ См. письмо Эмилии Ильиной Дуне-Злате Вассерштурм от 6 июня 1986 г. с просьбой найти адвоката для составления иска к Европарламенту и в международный суд.

Начиная собирать материал об Эмилии Ильиной, я хотела понять, что привело эту женщину к бунту и почему он принял такие исключительные масштабы и формы? Мой интерес к Ильиной возник в 2012 г., когда, работая в Архиве Исследовательского центра по изучению Восточной Европы при Бременском университете, я обнаружила фонд с ее документами. Их Ильина в свое время передала бременскому архивариусу Габриэлю Суперфину. Благодаря любезной помощи Г. Суперфина мне удалось связаться с Эмилией Павловной в телефонном разговоре, после чего мы обменялись с ней несколькими письмами. Я просила ее рассказать об отдельных аспектах ее жизни: детстве, профессиональной биографии, семье, советском быте, национальном вопросе в СССР, и т.п. Она ответила длинным письмом, а также прислала несколько своих рассказов и очерков, вместе с просьбой об их публикации. Низкие художественные достоинства ее сочинений (отмеченные многими редакторами) делали, однако, такую публикацию возможной только в качестве иллюстрации к статье о судьбе их автора. Вместе с тем, мне уже тогда стало очевидно, что я не смогу написать такой текст об Ильиной, который пришелся бы ей по вкусу. Наше общение зашло в тупик. Только теперь, после ее смерти, я чувствую себя в состоянии свободно говорить о ней. Любые личные отношения с объектом научного интереса ставят перед исследователем непростую моральную дилемму. Поэтому я все же прошу прощения перед Ильиной и ее родными и за свое право, несмотря на личное доверие, оказанное мне Эмилией Павловной, не верить ей на слово, и за мою собственную неизбежную субъективность.

Материалами для анализа мне послужили документы, собранные в фонде № 43 Бременского Архива (переписка, черновики рассказов и повестей), большое письмо Ильиной (далее – БП) от 12 сентября 2012 г., адресованное лично мне, с авторским разрешением использовать этот материал в научном исследовании, а также ряд ее рассказов и очерков (некоторые из них публиковались в эмигрантской прессе, в частности, в «Русской мысли» и «Новом русском слове»).

От автобиографических сочинений эмигранта можно ожидать жанровой принадлежности к Роману (повествованию о пути героя к самому себе, в определении Х. Уайта) или Трагедии (в центре которой – вечная борьба светлых начал с темными). В первом случае мы обнаружили бы преобладание негативных нот в описании жизненного периода, проведенного на родине, и преобладание позитивных красок во второй части рассказа; Трагедии соответствовало бы более или менее равномерное распределение негатива и позитива в обеих частях. Однако у Ильиной, что бы она не описывала, светлых красок не было вообще. Алчные, тупые, подлые существа и эпопея несчастий преследуют героя (чаще – героиню) и в ее художественной прозе, и в мемуарах, и в письмах, в каких бы временах и уголках мира не разворачивалось действие.

Отвечая на вопросы читателей об этой странности, Ильина оправдывалась: наша жизнь такова, что помнишь преимущественно «удары», и даже «только их и помнишь» (очерк «Эмигрантские хроники»). Но именно так, по Х. Уайту, выглядит жанр Сатиры, которая разочарованно «рисует серым по серому». Описание уродств мира Ильина, возможно, считала собственным вариантом критического реализма, а задачу литературы видела в возвращении нравственности в падший мир. Этот императивный морализм искусства⁴, выступающий маркером догматического, утопического, манихейского сознания, вкупе с беспощадной агрессией Ильиной в адрес всех, кто с ней не согласен⁵, очень напоминает историософские сочинения К.С. Аксакова или Н.В. Гоголя⁶, а также тяжеловесные морализаторские романы Всеволода Кочетова. Утописты «справа», в общем, мало чем отличаются от утопистов «слева» в своем желании «выпрямить» мир и сделать его идеальным в соответствии со своими представлениями. Произведения Ильиной выглядят «антисоветскими», но на самом деле они антагонистичны любому реальному – неидеальному – социальному порядку. Диссиденты и западные либералы приняли экзистенциальный протест Ильиной за политический, и сама она, пожалуй, воспринимала свое неприятие реального мира, отказывающегося воплощать ее утопические иллюзии, как неприятие именно социалистического мира. Неприкаянная ее эмигрантской жизни и мрачность прозы позволяют посмотреть на ее позицию под иным углом.

В то же время, будучи уверена в том, что она ненавидит советский строй, тяжело, в безработице и одиночестве, переживающая эмиграцию Ильина не могла открыто критиковать строй западный, буржуазный. Поэтому ее сарказм обращается с критики политического устройства на критику личных качеств людей: в несовершенствах советского строя виновато государство, в несовершенствах буржуазного строя – конкретные люди⁷. Если советское государство представало у Ильиной жестоким и тупым (рассказы «Белобандиты», «Ажина», «Черная сотня» и др.),

---

⁴ Ильина постоянно клеймит безнравственность современной литературы. В ее понимании, искусство должно обличать зло и быть тотально и безусловно моральным, поэтому, пишет она: «...я вижу, что мои рассказы все же ближе к литературе, чем поделки советских модернистов, которых главные герои только бутылка, секс и мат» // Письмо приятельнице Асе Львовне от 25 июня 1986 г.

⁵ «Все-таки правы наши русские женщины, которые таким, как Вы, феминисткам, вырывают волосы и выжигают глаза» // Черновик письма Юлии Вознесенской от 22 августа 1981 г.

⁶ Подробнее см. Черепанова 2007.

⁷ В этой логике она оправдывает даже ненавидимый ею «секс», открыто присутствующий в западной культуре: «...ночью... я включала телевизор и лазила по всем девяти шести каналам <...> а там в перерывах фильма или концерта реклама, голые женщины, эротика, порно. Они тоже имеют право и даже обязаны себя рекламировать, иначе не будет спроса, как на любой товар» (рассказ «Эмиличка»).

то западное государство она рисует в целом правильным и хорошим, но сильно подпорченным несовершенствами людского контингента: баронессами-эксплуататоршами, наркоманами, и, конечно, коллегами, которые бесовски воруют чужие идеи, распускают гнусные сплетни про честных людей и пишут на них доносы⁸.

Но пока эмигранты-злопыхатели отторгали Ильину, настоящие европейцы, по ее мнению, к ней тянулись, потому что, известно: в обмен на материальные блага, русский человек может научить западного высокой нравственности и отучить от «голых женщин, эротики и порно». В очерке «Эмигрантские хроники» Ильина описала свой случайный опыт преподавания на русских курсах в Италии, когда «простой народ» (поварихи) и неиспорченные душой студенты обожали ее, пели с ней «Катюшу и «Подмосковные вечера», а коллеги-эмигранты, уже впитавшие пороки Запада, ее травили. В рассказе «Эмиличка» юная героиня, эмигрантка из СССР, своей красотой, высокой моральной требовательностью и русской культурой спасла немецкого парня от наркомании: научила его любимым песням своего деда-красноармейца (sic!) и твердо запретила ему употреблять наркотики: «Он покраснел, стал пунцовый, сразу побледнел. И знаете, что он мне сказал: я никогда больше, пока живу, не приму никакого наркотика»; потрясенный этим преображением немецкий «папа-профессор» (воплощение преуспевающего Запада), признал, что девочка-эмигрантка вернула ему сына. Так своеобразно Ильина преломляет старую русскую интеллигентскую идею о том, как русская духовность спасет правильный и хороший, но несколько утративший истинные ценности Запад. Каким же видит Ильина социальный идеал, к которому западный мир оказывается ближе, чем советский?

Удивительным образом оказывается, что антисоветчица Ильина глубоко усвоила от социализма идею социальной справедливости и понимает ее с радикализмом левеллеров. Советский строй был недостаточно справедлив, потому что люди в нем жили бедно, западный строй хорош потому, что люди тут живут богаче. Богатые и государство должны делиться с бедными. На Западе это делается в большем объеме, значит, западный строй лучше. Если советское государство не разрешает своим гражданам уехать туда, где лучше (богаче), значит, оно деспотическое. Запад представляется Ильиной почти воплощенным идеалом коммунизма как халявы: «всем дают пособие, дают одежду, проездные. Мама и тетя учат язык. И все бесплатно» (рассказ «Эмиличка»). Одна из героинь рассказа, вдова героя Отечественной войны Сонечка в эмигра-

---

⁸ Письмо приятелям Надежде Федоровне и Самуилу Моисеевичу от 12 июня 1987 г.: «Я перестала общаться с русской эмигрантской средой в Мюнхене, как-то попадались все больше люди озлобленные, завистливые, духовно недалекие», «при постоянной безработице и нужде я трижды находила работу и трижды теряла, не поверите – соотечественники писали на меня доносы».

ции получила за всю свою расстрелянную в годы войны еврейскую семью «пять тысяч марок с немцев контрибуции» и осталась вполне довольна сделкой: «Здесь... эмигранты после советской нищеты благоденствуют». Обеспеченная жизнь выступает главным атрибутом цивилизации. Такие простые жизненные установки позволяют понять, почему Украина, в которую Ильина вначале попала по распределению, а потом сознательно стремилась там остаться, в советское время жившая чуть более сытно, чем многие регионы РСФСР (в частности, Урал, откуда родом Эмилия Павловна), кажется ей более близкой к «Западу». В рассказе «Ажина» русская бедность противопоставляется немецкой сытости, доброте и аккуратности. При этом украинцы хоть и по-русски бедные, но хозяйственные, тянутся к немецкой «передовитости», а немецкий сад выступает для них манящим, как райский сад: «И на всем лежащая печать немецкого порядка и довольства, покоя и счастья».

Иные, выходящие за рамки этого сытого комфорта, западные ценности были Ильиной, видимо, не слишком близки. Она готова принять и много раз принимала «подавание» от богатых, как должное, без чувства унижения⁹, но не готова была воспринимать физический труд как достойный, а свободу – как полную ответственность за собственную жизнь.

«Тут к нам, в Вену приехала филантропка из Мюнхена, хозяйка фирмы <...> А оказалось что? Она приехала в Вену за дешевой «Рабилой». Такую рабилу она получала систематически из потока еврейской эмиграции <...> Работал в саду фирмы сын... прославленного, очень уважаемого диссидента генерала Григоренко, работал дворником... и чистил бассейн. Это казалось нам, работягам, унижением, как для молодого человека, так и для его отца <...> Я со своей семьей работали год в этой фирме, и почти бесплатно, а остались еще должны» («Записки филантропа»). При этом, уходя, Ильина осталась крайне возмущена мешанством «мадам баронессь», поставившей в счет за проживание такие мелочи, которые богатый человек вполне может (а значит, должен) простить бедному: разбитый сервиз, испорченное постельное белье, потерянные ключи и развороченный пол.

Если бы не отдельные люди, не имеющие совести, на Западе все было бы прекрасно, так как порядки придуманы идеально: «Как здесь просто работать, как просты взаимоотношения. Если ты не сачкуешь и знаешь дело, ты ценный работник, никаких дармоедов», «не знаю, как выражается здесь эксплуатация» (письмо друзьям Тане и Диме от 8 января 1982 г.). Возможно, после того, как пожилой и болезненной Ильиной установили в одном месте рабочий день в 8,5 час. (плюс 3 часа на дорогу), а в другом месте – в 12 час., она начала догадываться о том, как выглядит капиталистическая эксплуатация, во всяком случае, ни на одном месте работы Ильина не задержалась больше месяца, в итоге смирившись с положением безработной. Когда ей откажут в немецком гражданстве, она с удивлением заметит, что в Германии тоже есть бюрократия и безразличие чиновников. Но никогда никакой критики в адрес за-

⁹ См., напр, очерк Ильиной «Записки филантропа».

падной системы от нее не последует. Все ее разочарование и негатив будут обращаться на людей, реальных или условных. И если она постоянно теряет работу, то вследствие козней завистников и конкурентов: «видишь воочую, что и здесь как в СССР, многие бьются лбом о стенку, а кто умеет устраиваться – процветает» (письмо некоему Ивану Антоновичу от 6 апреля 1984 г.); «Сказать, как я живу трудно. Нищета отчаянная. Все “большие надежды” разбиты в прах. 12 лет безработицы, а рядом работающие купаются сыр в масле. Бездарности издают, редактируют газеты и журналы... Я со своей грамотностью и “талантами” сижу на социальной помощи. Это бы еще ничего. А сколько подлости <...> Духовные запросы не удовлетворены, одиночество, оборванные корни – это страшно» (Письмо в Ленинград Дмитрию Аксельроду, конец 1988 – начало 1989 г.); «Здесь мне все время плохо, хуже, чем в СССР, не материально, конечно, нет. Полное одиночество, изоляция, как для прокаженной...» (Письмо Юлии Вознесенской от 22 августа 1981 г.).

Разумеется, задним числом Ильина уверяет нас, что в определенные моменты – детство, материнство, моменты востребованности на свободном Западе – она была или есть счастлива, но ни разу в описании этих «счастливых» периодов она не меняет ни ритм, ни стиль, ни модальность, ни эмоциональный тон повествования, неизменно сохраняя сдержанно-скептическую, разочарованно-серую манеру. Насколько Ильина не представляет себе, что такое тональность счастья и любви, ясно по финалу ее рассказа «Цветок Циона», где главная героиня из бедной еврейской семьи, красавица и умница, после долгих перипетий судьбы выходит замуж за красноармейца Яшу (проекцию отца Ильиной):

Счастливые годы прошли быстро. Яша меня никогда не огорчал <...> У него была одна страсть – книги. <...> Мой Яша инвалид войны, весь изранен, прострелено легкое, раненая нога короче здоровой, работать не мог, пенсия маленькая, золото и драгоценности теток я боялась продавать – узнают, ограбят, еще и убьют. Двое детей, а он с утра по книжным магазинам, ищет, где что «выкинули»... <...> Все стены нашей крошки-квартиры были защиты книжными полками. Газеты и журналы годами хранились, все это собирало пыль и создавало дополнительную тесноту. А моя мамочка меня приучила каждый день вытирать пыль. <...> Долго не было детей. <...> Усыновили. Больной, золотушный ребенок, всю ночь пищит, невозможно спать. Яша всю ночь носит на руках. <...> Когда Лёне, приемному сыну, исполнилось пять лет, я родила нашу Нюсеньку. С Лёней было много чего, с ним мне досталось выпить и закусить. Злобный, непослушный ребенок. Наказывать я его не могла, боялась Яши. Учиться не хотел, ленивый. <...> Наша Нюсенька росла ласковая, хорошенькая, херувимчик. А этот капризный, требовательный, нелюдимый. Муж с ним возился, его только и слушался. <...> Купили пианино, четыре года возил к учительнице, не хотел учиться, так и бросили, инструмент продали. <...> Промелькнули счастливые пятьдесят лет, как одно мгновение. И некому было сказать: “Остановись!”

Даже это развернутое описание «хэппи-энда» пропитано такими «ложками дегтя», которые выдают глубокие обиды и разочарования рассказчика, плохо совместимые с декларируемым счастьем. Муж не за-

рабатывает достаточно и не помогает по дому; слишком маленькая квартира; непослушный мальчик (видимо, списанный с внука Ильиной – в бременском архиве сохранилось много ее писем к дочерям, в которых она жалуется на его капризы и избалованность), фортепианной игре учились и бросили ее, не оправдав материнских надежд, дочери Ильиной. И вот она хочет описать в рассказе картину счастливой жизни – и не может этого сделать, обиды перебивают и захлестывают ее.

Откуда же выросла в ней эта обостренная обидчивость? Да, она, родившаяся в 1926 г., росла в бедной семье, она тяжело (правда, недолго) работала в годы войны, она поздно получила высшее образование и не по тому профилю, о котором мечтала, она сталкивалась с проявлениями социальной несправедливости – но кто из советских людей довоенного поколения жил иначе? Зато у инженера Ильиной достаточно быстро и удачно, по советским меркам, решился «квартирный вопрос», родились две замечательные дочери, она четыре раза съездила в турпоездки за границу, что было, между прочим, совсем не дешево; в БП она несколько раз мимолетно, не комментируя, упоминает случаи чудесной и бескорыстной помощи, которую ей приходилось получать от разных людей (случайных попутчиков, директора военного завода, первого секретаря горкома партии). Но, случайно проговариваясь об этих эпизодах, сама Ильина их словно «не видит» или подает как слишком малое благо по сравнению с тем, чего она заслуживает. Отсюда рождается зависть и озлобленность к тем, кто, по ее мнению, достоин меньшего, а получил от жизни больше. От природы незлой человек, она там, где, по ее мнению, нарушена справедливость, становится беспощадной. Одного признания, что она не может слушать музыку Прокофьева («Я даже музыку его презираю, брезгую слушать» – БП), узнав, что тот оставил жену и детей, достаточно для того, чтобы почувствовать, как яростно она умела ненавидеть того, кто ее обидел. В данном случае, Прокофьеву досталась только малая часть той ненависти, которую Ильина испытывала к собственному мужу после развода. В письме ко мне (БП) она возложила на мужа вину за распад семьи («Дальше наш папа создал себе другую семью»); однако в черновике письма к бывшему мужу (в 1980-е гг.) встречается ее признание о том, что инициатором разрыва была именно она: «даже в то время, когда ты нас наказал, оставив без помощи за мой “необдуманый поступок” – уход от тебя». Причем Ильина тут же упоминает, что алименты муж платил исправно, т.е. без помощи все-таки не оставил, просто снизил ее объем до формального минимума¹⁰.

Из-за чего распался брак, сложно сказать. В рассказе «Зойша» героиня исключительно из гордыни, расстаётся с любимым, измучив его, сломав ему жизнь, после чего выходит замуж за вечно пьяное ничтоже-

---

¹⁰ Черновик письма Э.П. Ильиной к мужу без даты.

ство. Духовность как страдание, а любовь как «соревнование, кто кому больше сделает боли» – такое понимание Ильина также могла вынести из великой русской литературы. Не очень умея любить конкретного человека (гораздо лучше у нее получалось любить далеких голодающих детей в детских домах, незнакомых людей, оставшихся в Союзе, которыми она отправляла посылки с гуманитарной помощью, с реальными же людьми она постоянно ссорилась и реальных детей описывала довольно язвительно), Ильина очень страдала от дефицита любви вокруг себя: «Мне нужна, жизненно необходима любовь», «Такие вот претензии к человечеству – все должно меня любить» («Эмигрантские хроники»).

Искание идеала, максимализм и догматизм, черно-белое видение мира, с полным сознанием этого своего манихейства (Ильина с гордостью пишет, что унаследовала его от своих предков-старообрядцев¹¹), глубокая внутренняя несчастливость и неумение быть счастливым, любовь к дальнему и холодность к ближнему, гордыня и неготовность признавать свои ошибки, воинственная асексуальность (сразу несколько героинь ее рассказов заявляют, что не созданы для семьи и брака, не любят детей и не желают их иметь) – все эти характеристики связывают Ильину как с архетипическим образом Девы-воительницы, так и с этим радикальной русской интеллигенции. Используя известное самоопределение другого, современного, русского интеллигента, Ильина никогда не прогибалась под изменчивый мир: «Умру, но не сдамся, пусть будет по-моему» (Рассказ «Зойша» в рукописном сборнике «Мясоед»).

Деля мир на черное и белое, доверяясь людям на слово, без «бюрократических формальностей», идеалистка Ильина несколько раз становилась жертвой мошенников, а посылаемые ею вещи и продукты нередко разворачивались (причем как в Союзе, так и на месте, в Германии). Все эти некрасивые истории отбрасывали тень и на ее имя. Но, много раз обманутая и горько уязвленная, она так и не изменила своего отношения к миру и не отказалась от своей системы ценностей.

Не удивительно, что, вырвавшись на многоцветно-толерантный Запад, Эмилия Павловна плохо там прижилась. Правда, первоначально это казалось ей даже хорошим знаком («Отрезана от света, ни писем, ни газет, никто ко мне не приходит, не звонит, связь односторонняя. Но не скучаю, работаю, давно жаждала такой жизни»). То, что дала ей «богатая» заграница и не могла дать «нищая» родина – это возможность, живя на скромное пособие, сосредоточиться на литературном труде. В советской действительности Ильину угнетали не только материальные проблемы, тяжелый труд, низкие зарплаты, лицемерие бюрократии, социальная несправедливость в виде недостаточной государственной заботы

¹¹ «Я русская, даже больше – староверка...» (Письмо Ильиной в Библиотеку Конгресса США от 23 мая 1989 г.).

и сохранения фактического неравенства¹², но и невозможность печататься. Печатное же слово было для нее не только выражением ее амбиций сказать миру слово правды, но и путем из нищеты наверх, из рядовой интеллигенции в интеллектуальную элиту. Начав писать, когда ей было уже далеко за сорок, Ильина полагала, что в СССР ее произведения никогда не будут напечатаны исключительно по соображениям цензуры, в то время как сама она своей писательский дар ценила высоко¹³ и ставила себя почти в один ряд с Буниным и Солженицыным¹⁴, чью известность эмиграция только преумножила. Не исключено, что Эмилия Павловна окончательно переезжать на Запад и не хотела, а собиралась, так сказать, съездить туда за славой. В БП она проговаривается, что отстаивала право «уехать и вернуться». Надежду на этот вариант могли ей подать участвовавшие в это время заграничные вояжи советской элиты.

Разумеется, говоря о причинах отъезда из СССР, Ильина акцентировала не свои литературные амбиции, а ужасы советского строя и тяжелую болезнь дочери. Эту историю в БП Ильина рассказывает так: обе ее дочери поступили учиться в ленинградские вузы, поэтому благоустроенную двухкомнатную квартиру в Чернигове, она обменяла на комнату в ленинградской коммуналке (довольно большую), чтобы быть ближе к дочерям, и тут старшая дочь заболела туберкулезом. Соседи по коммуналке стали требовать отселения больной девушки. Ильина отпраивалась в горком просить для своей семьи отдельную квартиру, получила отказ и решила уехать из столь бесчеловечной страны туда, где у людей есть достойные условия для существования. В рукописи «Как я уехала из СССР» представлена еще более благородная версия событий:

Решение покинуть родину у меня возникло давно, как только исчезли иллюзии по отношению справедливости советского строя <...> 2 июля 1976 года я послала письмо Генеральному Секретарю ООН, в котором изложила мотивы, вынуждающие меня добиваться визы на отъезд из СССР (низкий жизненный уровень, нищенское существование на зарплату инженера, невыносимые условия жизни

---

¹² «В СССР никогда не было никакой социальной помощи» («Записки филантропа»).

¹³ «Я начала с того, что все свои книги кустарно изданные, посылала в Библиотеку Конгресса США – для потомства, м.б. когда-нибудь через 200 лет найдут и оценят», «Я тут случайно ознакомилась с таким гениальным современным писателем – Вл. Войновичем, и попросила его прочитать несколько моих рассказов, и знаете, что он мне ответил? Это НИЖЕ СРЕДНЕГО. Я не обиделась, а долго смеялась, смеюсь и сейчас» (Письмо приятельнице Асе Львовне от 25 июня 1986 г.).

¹⁴ «Эмигрантский «Новый журнал» напечатал всего половину одного моего рассказа, но редактор в юбилейной статье по случаю 40-летия журнала упомянул мое имя рядом с великим именем И.А. Бунина» (Письмо Э.П. Ильиной в ИРЛИ от 5 ноября 1989 г.); Ильина сетует: «...ведь даже Солженицыну, гениальному Солженицыну редактировали его произведения. С его редактором Ефимом Гр. Эткиндром я знакома, и мне он отредактировал... 1 страницу в моей «Баррикаде»». Ильина уверена: если бы Эткинд редактировал все сочинения Ильиной, то и ее печатали бы, как Солженицына (Письмо без даты подруге Тане).

в коммунальной квартире <...>. Разумеется, я не имела права указать истинную и главную причину моего отъезда – несогласие с внутренней и внешней политикой государства <...> Копию письма Генеральному секретарю ООН я послала Брежневу. Через несколько дней меня, беспартийную, вызывают в Ленинградский горком КПСС, где оскорбляли, называя предателем, изменником родины, предлагали различные советские «блага», как-то: лечение в больнице, путевку на курорт, когда же я от всего этого отказалась, мне пригрозили принудительным лечением в психбольнице <...> 7 ноября я начала голодовку протеста. 16 ноября я послала телеграмму Подгорному и Юрию Федоровичу Орлову, возглавлявшему тогда Инициативную группу защиты прав человека и проверки выполнения решений Хельсинкского совещания. В тот же день меня вызвали в ОБИР и сказали, что я могу ехать, куда хочу. Я выбрала Канаду.

Поскольку для оформления выездной визы нужно было получить вызов из-за рубежа, Ильиной даже «организовали» подложный вызов от некоего израильского литературного объединения (с просьбой предоставить выездную визу «знаменитой русской писательнице Э.П. Ильиной»), чтобы иметь формальные основания ее выпустить. Это вызвало у нее волну возмущения нечестностью и грязными методами работы КГБ:

Я сразу же заявила, что это ложь, и я не писательница, никогда нигде не печаталась. Несколько моих рассказов было конфисковано работниками КГБ на квартире у ленинградской поэтессы Юлии Вознесенской, которая одновременно со мной была вызвана в ОБИР и ей тоже было предъявлено подложное приглашение израильского литературного объединения и предложено немедленно уехать из СССР. Юлия Вознесенская от такого предложения отказалась, на другой день она была арестована, через неделю ее судили и приговорили к 5 годам ссылки, вся ее вина в том, что она писала стихи «не советской тематики». Я же вынуждена была согласиться. <...> Оформление шло ускоренными темпами, в ОБИРЕ к моим документам совершенно не придирались. <...> На втором этапе оформления нужно платить по 270 рублей госпошлины за визу и по 500 рублей за отказ от гражданства, всего 770 рублей с человека. Таких денег ни у меня, ни у моих близких никогда не было. С большим трудом мне удалось одолжить 800 рублей, которые я и заплатила за визу. Платить за отказ от гражданства я отказалась... На это заявление мне сообщили, что меня от этой платы освобождают»¹⁵.

На что же могла рассчитывать 50-летняя женщина, выезжая на Запад без знания языков, без гроша в кармане, зато, по собственному при-

---

¹⁵ Рассказывая эту драматическую историю, Ильина упускает несколько важных деталей: 1) От туберкулеза умер отец Ильиной. Для девушки с наследственной предрасположенностью к туберкулезу ленинградский климат был заведомо нежелателен. Дочь Ильиной заболела именно в Ленинграде и выздоровела, когда семья уехала из города. Никто не мешал, не покидая СССР, обменять ленинградскую комнату на квартиру в другом, более сухом и теплом регионе. 2) Инициатором переезда в Ленинград была сама Ильина и не потому, что к моменту ее переезда там учились ее дочери. Ленинград привлекал Ильину своим культурным статусом, перебраться туда, даже с заведомым ухудшением жилищных условий, она мечтала много лет¹⁵. И идея уехать обратно в провинцию ради здоровья дочери, видимо, ею не рассматривалась. 3) Когда Ильина подняла такой шум вокруг своего права на выезд, дойдя до Генерального секретаря ООН, ленинградские власти, в обход всех очередей, предложили ей однокомнатную квартиру, но Ильина посчитала, что для семьи из четырех человек (она сама, две дочери и грудной внук) эти условия недостаточны.

знанию, с «сундуком» зашифрованных (на всякий случай, от КГБ) сюжетов? Только на мировую славу. Но можно предположить, что литературная слава также была лишь средством на пути к иной цели. Как она сама объясняла причины своего отъезда в письме к одной из деятельниц литературного зарубежья, связанной с НТС¹⁶: «Единственно, что я хотела выдать – это быть среди Вас своей и равной» (письмо от 10 апреля 1978 г.). Чтобы понять, почему инженеру Ильиной так хотелось стать своей в рядах интеллектуальной элиты, нужно представить ее, начитанную и неглупую, воспитанную на Диккенсе, тянущуюся к музыке и литературе, болезненно ненавидящую вульгарность, хамство и пьянство, в том кругу материальной и духовной нищеты, из которого она вышла, и представление о котором дают письма к ней ее родных.

Первое письмо без даты от двоюродной сестры Дуси: «Здравствуйте дорогая моя сестреночка Миля <...> с горячим приветом к вам Дуся и Коля Дорогая сестреночка я получила посылку детску мой внучки были очень довольные <...> У нас дом нехто не спрашивает а жить тут одной с Колькой очень скучно приходиться он позно с работы я одно сижу и очень скучно когда была тетя Ира и мама мы все играли в карты до 2 часов ночи и было весело. Последнее время тетя Ира все ждала что с вами встретится <...> Витя работает то получки а получают и опять пот». Упомянутый «Витя» – младший, слабослышавший брат Ильиной, а «тетя Ира» – ее престарелая мать. Уезжая из страны, Эмилия Павловна обещала забрать мать к себе, как только устроится, но, едва перебиваясь на пособие и долго не имея крыши над головой (несколько первых месяцев эмиграции Ильиной приходилось ночевать у едва знакомых людей или просто на вокзалах), вызвать к себе больную мать и взять ее на свое содержание она так и не смогла.

Второе письмо без даты от Дуси: «Здравствуйте дорогая и милая сестреночка Миля и племянницы <...> получила я ваше письмо и перевод и две посылки в одной посылке было двой голготки 3 детские кофточки и головной платок желтый за это я заплатила 25 руб а вторая посылка была на тету Иру но мне отдали два платка головные жепер и кофточка и мужской свитер за ето я заплатила 135 р. Витя работал в колхозе я ездила в город ходила я в церку одала молится и отпели тету Иру и я со всем рассчиталася провела я сороковой день был у нас дядя Зоня и Валя и Вася ее муж Миля а где живет Таня Красникова мы ее незнаем. <...> Дорогая сестреночка спасибо тебе веть ты мне помогла расчитася с долгами».

Третье письмо без даты, от брата Виталия: «Здравствуйте сестра Эмилия и твои дети Лена и Юля с горячим приветом к вам Витя и Зина. Миля я еще в мае послал письмо твоей знакомой в Ленинград чтобы она переслала тебе, но почемуто ответа нет. Ты обещалас маму забрать сибе, мама все ждала но сама поехать она не могла совсем плохо видела. <...> Мама часто плакала все тебя ругала вот говорит выкормила дочь выучила и она меня не хочет. <...> Мама очень переживала волновалась поетому очень часто курила у меня жила дак просила Витя дай закурить я ей говорил бери в чемодане пачку и кури и она часто брала. А у Дуси так Дуся покупала один раз мама была одна у Дуси и закурила дак пришел Колька увидел что мама курит как ударит маму по лицу что мама чуть не упала, мама пожаловалась Дусе так Дуся только посмеялась вместе с Тоней <...> Я живу не

¹⁶ Возможно, к Ширинкиной: Ариадна Евгеньевна Ширинкина (1917–1990) – активный участник НТС, редактор журнала «Встречи».

бедно не богато сошелся с Зиной есть свой маленький домик есть огород есть коза. Ну живем по маленьку. Я болею ногой я ее обморозил и поломал сейчас часто хожу на больничном. Так что богато не на что. А Дуся бессовестная получает от тебя деньги хоть бы поделилась со мною. Да ладно пусть хапает когда небусть подавится. Ее мать хапала хапала всетаки подавилась и эта тоже подавится.

Четвертое письмо без даты, снова от Дуси: «Дорогая милая сестреночка вы Вите посылали денег и посылку они эти деньги пропили и даже на работу не ходили».

Вот от такого люмпенизированного «дна» убегала Ильина. Именно такие картинки связывались для нее с «советской системой».

«Потомственным» интеллигентам она завидовала и страстно хотела войти в их среду, и никогда не принималась этой средой на равных, чувствовала это отторжение и ненавидела их со всей страстью, на которую была способна¹⁷. Эта гамма чувств напоминала мне мироощущение русских западников-разночинцев, глубоко переживавших свое маргинальное положение по сравнению с не знавшими статусных унижений дворянскими славянофильствующими интеллектуалами¹⁸.

Категорическое размежевание с исходной средой выступало для разночинцев необходимым условием победы в борьбе за право на равных войти в круг духовной элиты. Аналогично, литературные сочинения Ильиной при беспристрастном прочтении оказываются не столько антисоветскими, сколько антилюмпенскими, клеймящими пошлость, хамство, порок и мещанство. Не случайно в одном из писем к друзьям она сравнивает себя с Зошенко. Но те явления, которые в довоенном СССР еще можно было объяснить «буржуазными пережитками», Ильина относила и к брежневскому развитому социализму, причем подавала их как имманентное свойство большевизма. Именно в этом и заключалась для советской власти «крамольность» ее сочинений.

Первое время рассказы Ильиной на Западе, действительно, активно печатали. Но отнюдь не за литературные достоинства, как полагала сама писательница, а скорее из филантропии и политических соображений – выехав на Запад едва ли не в нарушение законов СССР, Ильина практически победила советское государство: «такой я выскочила из СССР героиней» (БП). А затем ее перестали печатать. В письме некоему Кириллу Александровичу приблизительно от 1982 г. Ильина жалуется:

---

¹⁷ Рассказ «В интеллигентной семье» (сборник «Мясоед») начинается с соотнесения автора (Ильиной) с аристократкой по духу и по крови Татьяной Толстой. «А я, хоть и, допустим, не интеллигентная, откуда взяться интеллигентности – мать крестьянка, отец рабочий», но не стала бы употреблять те словечки, которые употребляет Толстая. Много раз в рассказах Ильиной подчеркивается правильный русский язык положительных героев, даже вышедших из низов; и в реальной жизни, еще работая инженером, Ильина начинала в своем коллективе борьбу за «чистоту русского языка». Правильный литературный язык выступал для нее понятным и демократичным пропуском для продвижения вверх по социальной лестнице.

¹⁸ См. Черепанова 2007.

«Там (в СССР) нам говорили: “не та тематика”. Здесь тоже никуда не достучишься», «Недавно был у меня один русский господин моих лет, не работает, получает пособие или помощь от Союза журналистов ФРГ и от Литературного фонда, но литературой не занимается, печатается кое-когда в Посеве. Я на шестом десятке зарабатывала (до последнего времени) на жизнь мытьем полов, где уж занимается литературным трудом, но занималась...», и это при том, что Ильина считает возможным сказать о себе: «Я непризнанный (пока что) русский классик. Классиком меня называют читатели и редактор “Нового Русского Слова”, конечно, называют в шутку. Но разве в каждой шутке нет доли правды?» (Письмо в Лозанну от 22 мая 1986 г.).

Разочаровавшись в западной публике, Ильина пришла к выводу, что только русский читатель способен ее понять, и с начала 1980-х гг. бомбардировала письмами советские журналы, посылала свои сочинения режиссерам (Э. Рязанову), известным общественным деятелям (Ш. Амонашвили), придумывала, только бы быть напечатанной, наивные аферы:

«Дорогая госпожа Николаева! Я прочитала о Вас в журнале “Огонек”. С самого начала перестройки я пыталась найти именно такое Благотворительное Общество Помощи Детским Домам в СССР. Я писала многим советским писателям и общественным деятелям, последнему писала Б.Н. Ельцину и говорила с ним об этом в Мюнхене, когда он приезжал сюда и была его пресс-конференция. Я автор семи книг рассказов и трех книг переводов с украинского отличных текстов украинских писателей и публицистов. Я отдаю все гонорары от моих рассказов на содержание детских домов в СССР. Конечно, книги сначала должны быть напечатаны <...> Я предлагала (например, “Огоньку” и Ельцину) такой план: напечатать в “Огоньке” несколько моих рассказов. Затем объявить о подписке на собрание сочинений и указать, что все средства пойдут на содержание детских домов». Из сердобольности хотя бы, выражала надежду Ильина, подписчиков будет много. «Еще стоит сказать, что я лично для себя тут ничего не выгадываю <...> и я пожилой человек, так что слава меня не прельщает, я до нее не доживу. А средства от изданий я все ЗАВЕЩАЛА детским домам в СССР <...> Ради всего святого, ответьте мне. Мое предложение вполне осуществимо. Мы получим средства и начнем реформу преобразования детских домов в СССР» (Письмо профессору Стокгольмского университета Николаевой от 6 сентября 1990 г.).

Ни один журнал или фонд не дал Ильиной положительного ответа. Потерявшаяся между мирами (в одном из писем она называет себя ауслендером – человеком без земли – как тут не вспомнить Георгия Федотова с его размышлениями о беспочвенности русской интеллигенции), Ильина, как многие до и после нее, трансформировала свою маргинальность в утопический радикализм, враждебный всему несовершенному реальному миру. Это обстоятельство дает основания посмотреть на феномен Ильиной как на частный случай тянущегося с XIX в., конфликта между двумя разными типами интеллигенции. В ходе этого противостояния интеллигенция, не способная обеспечить себе интеллектуальным трудом достаточный/желаемый уровень жизни, в отсутствие комфортабельной социальной ниши неизбежно маргинальная, усвоившая дух радикального просвещения, сталкивается с профессионально востребованными (в т.ч. государством), успешными и признанными интеллектуала-

ми экспертного уровня. Маргиналы желают занять место экспертов или, по крайней мере, войти в их среду на равных. Вначале они используют стратегию мимикрии, подражая экспертам, но если это не приносит успеха, переходят к стратегии бунта против экспертов, их ценностей и всей государственной системы, в которую те инкорпорированы. При этом сложные процессы социально-профессиональной конкуренции с трудом поддаются рефлексии и чаще всего вполне искренно констатируются их участниками с помощью политических мотивов и лозунгов.

Маргинальных интеллигентов можно представлять либералами или социалистами, а интеллектуалов экспертного уровня – противостоящими им консерваторами или либералами; на самом деле убежденными идеологами в обоих лагерях всегда выступают единицы, тогда как для абсолютного большинства политическая идея предстает прикрытием борьбы за корпоративные интересы. Не случайно так сложно бывает найти «чистых» либералов в либеральном кругу, чистых «консерваторов» – в консервативном, «чистых» славянофилов в славянофильском, чистых «западников» – в западническом¹⁹. При этом оппозиционность интеллектуальной элиты, действительно, усиливается по мере того, как ее перестают устраивать условия «контракта» с властью.

Легализация внутрикорпоративной интеллигентской борьбы при помощи политических лозунгов не только служит цели «возвышения» и «облагораживания» конфликта, но и позволяет привлечь на свою сторону широкие массы в качестве социального тарана, в свете чего не выглядит невероятным предположение о том, что в большинстве общественных потрясений последних трех столетий противостояние между двумя отрядами интеллигенции играло одну из важнейших ролей²⁰.

В советском обществе конфликт между двумя типами интеллигенции остро обозначился, по наблюдению А. Кустарева, именно в период вызревания «антисоветского бунта» Ильиной, в 1960–1970-е гг.²¹ Различия между «низовым» и «элитарным» отрядами советской интеллигенции заключались в разном доступе к культурным и социальным благам (помимо системы «окладов», «гонораров», «снабжения», дополнительным благом выступала возможность легко бывать, а лучше проживать, в культурных столицах), в разном графике и характере труда (с преобладанием творческой или шаблонной деятельности), в разном градусе свободы (к бравирующему фрондерству «элиты», если только оно не принимало опасные формы, советское государство относилось снисходительно), в различном корпоративном этосе и понимании статуса «интеллигента». Обе группы были недовольны условиями, в которых находи-

¹⁹ См. об этом, напр. Нарский 2012; Черепанова 2007.

²⁰ См. Jonathan 2006. P. 525.

²¹ Кустарёв 2006. С. 93-94.

лись. Элита стремилась к расширению свободы и творческих возможностей, предметом вождения простых учителей, инженеров и врачей выступал недостаток, но понимаемый не по-мещански прямолинейно, а в том числе как воплощение духовных ценностей (высшей справедливости, например) и возможности иметь досуг для духовных занятий.

Эмилия Ильина полностью разделяла чаяния массовой интеллигенции низшего звена, «разночинной» по происхождению и двусмысленной по социальному положению. Как многие люди этого круга, она мечтала вести образ жизни высокооплачиваемых интеллектуалов: жить в прекрасном, престижном и обеспеченном городе, ходить в театры и музеи, периодически выезжать за границу. Она начала заниматься писательством и перебралась в Ленинград. Ощущая в себе недостаток литературного дара, она могла привлечь интерес к своей прозе только ошарашивая читателя смелостью в касании запретных тем. Затем в определенный момент государство, вооруженное жилищными нормативами, встало у Эмилии Павловны на пути к ее мечте. Тогда она нашла замечательный выход: с опорой на советскую конституцию заявила о праве каждого человека на достойную жизнь, выбор места жительства и свободу передвижения.

Этот шаг вынес «инженера Ильину» и ее жизненную ситуацию на щит диссидентского и правозащитного движения. Она стала зримым воплощением их высоких целей (борьба за права «простых людей»). Ей помогли эмигрировать, ее сочинения пошли «нарасхват». Вожденные элитарные круги наконец открыли перед ней свои двери. Но всего через несколько лет захлопнули их самым категорическим образом. Причиной такого отторжения стал не только недостаток у Эмилии Ильиной литературного таланта, но и ее максимализм, неумение держать дистанцию в общении и признавать заслуги конкурентов, тотальное стремление поучать и оценивать, тогда как признанными характеристиками этоса экспертов всегда считалось уважение к оппоненту, представление о многовариантности истины, об условности искусства, а также терпимость к иному (в самом широком смысле). Ильина же до конца жизни разделяла ценности тех слоев, от которых бежала.

Менталитет ее оставался совершенно большевистским, если понимать большевизм как квинтэссенцию радикальных традиций в интеллектуальной среде. Радикалы когда-то создали советский проект, и они же его заклеямили, демонизировали, в конечном итоге демонтировали. А поскольку Советский Союз довольно рано превратился в империю, технологии его разрушения во многом воспроизводили технологии дезорганизации царской России. В частности, большая ставка делалась на национальные движения «угнетенных народов». Ильина щедро отдала дань этой идее, став страстным глашатаем украинского национализма.

Как дореволюционная радикальная русская интеллигенция поддерживала национальные движения в Польше или на Кавказе, так и советская радикальная интеллигенция готова была поддержать все, что помогло бы ей сломить чудовище обло, озорно, огромно, стозевно и лай – Левиафана советской государственности. Сама Ильина уверяла, что ненавидит только советскую систему, а Россию и русскую культуру глубоко любит и почитает. Однако все ее историко-политические памфлеты, письма и литературные сочинения показывают, что она не проводила никакой разницы между Россией и СССР – для нее это была единая машина насилия и угнетения. Она «не замечала» перемен в советском строе от Сталина к Брежневу, ни бытовых, ни материальных, ни духовных (БП). Активно посещающая Украину и Россию в начале 1990-х гг., она ни разу ни за что не похвалила свое бывшее отечество: ни за отказ от социализма, ни за демократизацию: этих перемен она тоже не заметила. Россия для нее как будто всегда одинакова: царская, советская, постсоветская – жестокая, нищая, агрессивная, подавляющая.

Это даже не образ России, это миф о России, созданный русской радикальной западнической интеллигенцией, начиная с Радищева, с его «чудищем». «Великой русской культурой» Ильина называет именно радикальную ветвь русской культуры, например, толстовство, с его утопическим бунтом и против православия, и против государственности, и против реальных законов человеческого общежития. Пушкин, критикующий власть, относится к «великой русской культуре», а Пушкин, защищающий власть и осуждающий поляков за восстание, к этой культуре уже не относится. Гоголь относился к «великой русской культуре», пока не начал проповедовать имперскую теократию. Такую селекцию «русской культуры» проводили и большевики, так что Эмилия Ильина – плоть от плоти тех, против кого, как она думает, она борется.

В лице Ильиной русский радикализм приходит, так сказать, к типу самоуничтожения. Хотя сталинский и брежневский режимы много сделали для перерастания абсолютной утопии в жизнеспособный, хотя и несколько неповоротливый реалистический проект, Ильина весьма остроумно показывает момент уязвимости советской системы – ее кровное родство с антигосударственным радикализмом: «В СССР большевики приучили людей к национальной солидарности, нас все время заставляют сочувствовать освободительному движению то в Мексике, то в Африке, то в Ирландии. И мы автоматически переносили это сочувствие на Украину, Кавказ, Прибалтику. Нас в 13 лет заставляют зубрить, как таблицу умножения, Конституцию, и мы всю жизнь помним, что каждая республика имеет право на самоопределение» (письмо В.Д. Поремскому без даты). Украине среди угнетенных народов была отведена особая роль – предстать «настоящей», «правильной» Россией, освободившись от имперской диктатуры «москалей/московитов».

Идеи, которые отстаивала Ильина (о скором и необходимом распаде СССР как наследника Российской империи, о великой Руси-Украине и об укравшей у нее имя злой и отсталой Московии, и т.п.), конечно, не были ее изобретением. Она вычитала их у М. Грушевского, М. Брайчевского, Ю. Бадзё и др. Мышление радикалов склонно к теориям заговора. Ильина посчитала сочинения украинских националистов коварно утаенной и извращенной московскими государственниками ПРАВДОЙ, и, со всей своей непримиримостью, с пафосом интеллигентского правдоискательства, задалась целью открыть глаза соотечественникам на истинную картину прошлого. Больше года она переводила работы украинских националистов на русский язык, писала статьи и письма Дмитрию Лихачеву, Сергею Залыгину, Франсуа Миттерану, спорила с руководством НТС: «И бандеровцы не «ЗАТО» герои, а действительно национальные герои украинского народа. Они защищали свою родину от захватчиков. Гарибальди и Иван Сусанин – герои, а бандеровцы нет. Почему? <...> Бандеровец Шухевич был посажен в концлагерь 14 лет, и сидит до сих пор. Так кто он, разве не герой? <...> Русские узники мордовских и пермских лагерей, Владимирской тюрьмы дают прекрасный образец гражданской мысли, русской мысли. Их обращение к Верховному Совету СССР с требованием свободы Украине члены НТС не разделяют?» (письмо В.Д. Поремскому без даты). Однако эмигрантская общественность и даже большинство украинцев, которым Ильина отправляла свои статьи и переводы, весьма сдержанно отнеслись к ее откровениям. С искренним удивлением она вынуждена была констатировать: «На Западе доступны все исторические документы, и здесь никто не требует никакой идеологической линии – пиши правду. Но почему-то и на Западе люди: профессора, писатели, журналисты, священники – пишут ложь» (письмо к А.Э. Красноу-Левитину от 19 июля 1988 г.).

Это мышление в категориях «правда» и «ложь» очень плохо соотносится с декларируемыми Ильиной идеями свободы, равенства и ценности всех народов. В «Эмигрантских хрониках» или «Эмиличке» суждения в адрес монголоидной или негроидной расы звучат откровенно уничижительно, и особо торжествующее злорадство адресуется русским за присутствие в них монголоидной крови. Вообще, в том, с какой яростью Ильина говорит на темы русскости, чувствуется личная боль. Как мы знаем, то, что ее глубоко ранило, она навсегда перечеркивала для себя, и склонна была переходить от любви к ненависти, минуя полутона.

Сама Ильина всегда называла себя русской. Имена ее родственников – христианские. Она родилась в Ижевске, росла на Урале. Ее мать из крестьянской семьи, а отец из рабочей. Но если открыть ее литературные произведения (она предпочитала публиковать их под псевдонимом, образованным из имени ее деда – «Э. Абросим»), окажется, что еврейство и антисемитизм – постоянная их тема. В мемуарных очерках Ильи-

на также признается в том, насколько ее ранит и бесит бытовое «черносотенство», «великодержавничество». В «Эмигрантских хрониках» антисемитизмом оказывается пропитано и интеллигентное эмигрантское сообщество. В личном письме к Ильиной я напрямую задала вопрос: приходилось ли ей сталкиваться с антисемитизмом в СССР и в каких формах – Эмилия Павловна фактически ушла от ответа, прикрывшись цитатами из Гете и Оруэлла. Однако в рассказе «Цветок Циона» автор от первого лица героини Дины открывает то, что в их семье «хранилось как священная тайна, было заклятие, что разглашение поведет к гибели всей семьи», и тайна эта заключается в том, что еврейский прадед Дины отказался от иудаизма и, будучи воспитан старообрядцами, принял христианство, за что и был проклят весь его род. Родственники Ильиной, действительно, выходцы из старообрядцев; видимо, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что эта история с прадедом так же автобиографична, как и большинство сюжетов ее прозы.

Но особенный трагизм заключался в том, что Ильина действительно не была еврейкой – она застряла между идентичностями. Ее родной язык – русский, ее бытовые привычки – русские, религия, к которой она пришла в середине жизни – христианство. Ее внешность и тайная история ее семьи – вот и все, что связывает ее с евреями, но и этого оказывается достаточно, чтобы страдать от «черносотенцев»: «При существующем в СССР государственном антисемитизме человек еврейской национальности и даже еврейской внешности (пусть даже по национальности и не еврей) такой человек поставлен вне закона...» (Письмо Дунезлате Вассерштрум от 6 июня 1986 г.). Ощущая себя отчужденной от еврейской культуры, Ильина испытывала огромное чувство вины по этому поводу. Возможно, она также видела в этом отчуждении и культурном предательстве главную причину семейных проблем (нищета, болезни и несчастливость близких, распадающиеся браки).

В свете этих переживаний, «борьба за Украину» выступала для Ильиной суррогатом борьбы за свое еврейство. Провозглашая себя «украинской националисткой», Ильина обретала хоть какую-то, пусть даже иллюзорную, идентичность. Иллюзорную потому, что с перестройкой Ильина принялась просить о разрешении вернуться, и не в Украину, как можно было бы предположить, исходя из ее убеждений, а в Россию. При этом большую часть своей жизни она провела на Украине, возможно, ей удалось бы восстановить там трудовой стаж и получать пенсию, шансы на получение украинского гражданства для Ильиной, после ее украинофильских статей, также были весьма велики. Но нет, она стремилась вернуться в Россию, пусть даже при этом ей пришлось бы жить в приюте для детей, бесплатно ухаживая за ними. Она подавала просьбы о возвращении несколько раз, и при Горбачеве, и при Ельцине, и неизменно получала отказ.

Как-то, побывав в Израиле, Ильина почти увидела там воплощение своего идеала: «Израиль – это целая планета, это земля на земле <...> полный Интернационал. И нет в паспортах граждан Израиля никаких граф дискриминации, все равны и равноправны, как перед Богом, так и пред Законом» (очерк «Три недели в Израиле»), а самое главное, добавила она в БП, «все вокруг говорят по-русски».

Возможно, в последние годы Израиль заменил для Ильиной Украину в роли «правильной настоящей России», которую человеку передовых европейских взглядов было не стыдно любить.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Архив Исследовательского центра Восточной Европы при Университете г. Бремена, Германия. Ф. 43 (Эмилия Ильина)
- Документы Московской Хельсинской группы / Сост. Д.И. Зубарев, Г.В. Кузовкин. М., 2006. С.113-118 [Dokumenty Moskovskoi Helsingskoi grupy / Ed. By D.I. Zubarev, G.V. Kuzovkin. M., 2006. Pp. 113-118].
- Кустарёв А. Нервные люди: Очерки об интеллигенции. М., 2006 [Kustarev A. Nervnye ljudi: Ocherki ob intelligentsia. M., 2006].
- Нарский И.В. Российские интеллектуалы в роли миссионеров: инструментализация концепта «культура» либеральной оппозицией в России XIX – начала XX в. // Вестник Пермского ун-та. Сер.: История. 2012. № 2 (19). С. 98-114 [Narskii I.V. Rossiiskie intellektualy v roli missionerov: instrumentalizacia koncepta "kul'tura" liberal'noi oppozicii v Rossii XIX – nachala XX v. // Vestnik Permskogo un-ta. Ser. Istoria. 2012. No 2. Pp. 98-114].
- Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002 [White H. Metaistoria: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka. Ekaterinburg, 2002].
- Черепанова Р.С. «Русский путь» и его пророки: Идея «особого пути» и мессианские настроения в русской общественной мысли во второй четверти XIX века. Челябинск, 2007 [Cherepanova R.S. "Russkii put'" i ego proroki: Idea "osobogo puti" i messianskie nastroyeniia v russkoi obschestvennoi mysli vo vtoroi chetverti XIX veka. Chelyabinsk, 2007].
- Jonathan I. Enlightenment! Which Enlightenment? // Journal of the History of Ideas. 2006. July. Vol. 67, No 3.

Черепанова Розалия Семёновна, кандидат исторических наук, доцент Южно-Уральского государственного университета, Челябинск; rozache@mail.ru

“Anti-Soviet Person” Emilia Ilyina in Long Tradition of Russian Radical Intelligentsia

The article is devoted to the personality of Emilia Pavlovna Ilyina - an emigrant, a writer and a publicist. New sources are being put into circulation, in particular, documents kept in the Archive of the Research Center for the Study of Eastern Europe at the University of Bremen, as well as materials sent by E.P. Ilyina to the author of the article. Theoretically, the article is based on the concept of the habitus of Pierre Bourdieu, on the theory of a "big contract" between intellectuals and the Soviet authorities, and on the idea of I. Jonathan about the confrontation unfolding in the New and Modern times, two traditions among intellectuals: one originates from the High Enlightenment, the second from its radical branch. The author of the presented article traces in the world outlook of Ilyina the characteristics of radical ethos and habitus.

Keywords: emigration, intellectuals, radicalism, utopia, nationalism

Rozaliya Cherepanova, PhD (History), assistant professor of Russian History Department, South Ural State University, Chelyabinsk; rozache@mail.ru

ЗНАЧЕНИЕ РАБОТ Ш. НОГМОВА И ХАН-ГИРЕЯ В ИЗУЧЕНИИ ЛОКАЛЬНОЙ ИСТОРИИ АДЫГОВ

В статье рассматриваются работы адыгских просветителей первой половины XIX в. Ш. Ногмов в «Истории адыгейского народа» опирался на фольклорные источники – кабардинские сказания и предания, и освещал вопросы этногенеза адыгов, религиозной идентичности, социальной структуры кабардинского общества. Хан-Гирей в «Записках о Черкесии» исследовал происхождение адыгских племен, их этнонимы, особенности общественного строя, хозяйственной и духовной культуры. Авторы провели сравнительный анализ работ просветителей между собой и с текстами ученых, путешественников и представителей российской администрации на Кавказе.

Ключевые слова: адыгская историография, Ш. Ногмов, Хан-Гирей, локальная история адыгов, фольклорные источники, историографические источники

Актуальность проблематики исторических работ связана как с внутренним развитием науки, в т.ч. за счет интеграционных процессов, так и с общественными потребностями. В историографическом исследовании важно определить, почему данные вопросы вошли в круг научных интересов автора, опытом кого из предшественников он воспользовался, какова ценность его трудов для современности.

Адыгская историография первой половины XIX в. представлена работами просветителей Ш.Б. Ногмова «История адыгейского народа»¹ и Хан-Гирея «Записки о Черкесии»². Молодая адыгская историография, не имея корней и даже национальной письменности, опиралась на достижения российской науки, поэтому целесообразно рассмотреть значение их работ в рамках российского кавказоведения. Творчество Ш. Ногмова и Хан-Гирея носит синкретический характер и соединяет в себе черты историко-этнографических и литературных произведений. Первые публикации о жизни и творчестве выдающихся адыгов появились еще во второй половине XIX в.³, но только с 1940–1960-х гг. такие исследования приобрели систематический характер. Отправной точкой активного изучения научной деятельности Ш. Ногмова послужила юбилейная сессия в Нальчике, приуроченная к столетию со дня его смерти⁴. Фактически заново открыл для науки Хан-Гирея М.О. Косвен, а настоящий прорыв произошел, когда В.А. Дьяков обнаружил рукопись «Записок о Черкесии» (без последней главы). В 1980-х гг. удалось обнаружить недостающую главу второй части «Записок о Черкесии», а в конце

¹ Ногмов 1994.

² Хан-Гирей 1978.

³ Берже 1861; Каламбий 1862; Бурнашев 1871 и др.

⁴ Турчанинов 1944; Тресков 1956; Кокиев 1944; Гарданов 1946; и др.

1990-х гг. – черновые страницы биографического очерка «Сераскир Мугаммед-гирей», о существовании которого даже не было известно⁵.

С 1960-х гг. ученые, занимавшиеся исследованием жизни и творчества Ш. Ногмова в русле адыгского просветительства, начали параллельно изучать и работы Хан-Гирея. Был проведен литературоведческий анализ трудов просветителей, рассмотрены исторические взгляды, общественно-политическая деятельность просветителей, а также изучены отдельные направления их творчества⁶.

В ранней адыгской историографии, представленной трудами Ш. Ногмова и Хан-Гирея, прослеживаются две основные проблемы. Первая из них – особенности локальной истории адыгов: вопросы этногенеза и расселения адыгов, специфики их материальной и духовной культуры. Вторая – проблема «вписанности» в мировую историю, которая в той или иной степени затрагивает вопросы военных конфликтов, политических, торговых и культурных связей адыгов с другими народами. Мы остановимся на проблеме этноидентичности и особенностей развития адыгского общества в трудах Ногмова и Хан-Гирея.

В «Записках о Черкесии» Хан-Гирей, ссылаясь на народные предания и данные современной ему историографии, отмечал, что некоторые черкесские колена являются более древними обитателями Северо-Западного Кавказа и происходят от алан с приращением от венгров и хазар. Хазарскому влиянию были подвержены адыги, жившие на северных равнинах Кавказа; «горные черкесы не подвергались тягостному игу иноплеменников...», но и они в свой состав принимали «пришельцев»⁷.

Ш. Ногмов первостепенную роль в изучении этногенеза и расселения адыгов отводил анализу лингвистических заимствований. Перечисляя народы, оказавшие влияние на «состав и образование туземного языка», он называл среди них авар, греков, римлян, хазар, сармат, арабов. Акцепция лингвистического материала из других языков, в т.ч. неродственных, была не только следствием тесных бытовых контактов с соседними народами, но и результатом частых переселений, завоеваний, колонизаций и частных присоединений, что и отразилось на процессе сложения этнической общности. Ногмов предложил гипотезу об антском происхождении адыгов: «настоящее родовое название нашего народа есть то, которое уцелело в поэзии и в преданиях, т.е. ант»⁸. Он приводил примеры из фольклора, в котором «народ всегда называется

⁵ Косвен 1958; Дьяков 1958; Нагоев 1986; Губжоков 1998.

⁶ Кумыков 1958; Мамбетов, Гарданов 1978; Хакушев 1978; Хашхожева 1977; Туганов 1998; Лавров 1969; Кумахов 1976; Алиева 1976; Шортанов 1976; Налоев 1978; Боук 1997; Кошокова 2015, 2016; Мещанинов 1982; Шакова 1995; Хаткова 1996; Вершигора 1998; Жемухов 2002; Губжоков 2015; и др.

⁷ Хан-Гирей 1978. С. 93.

⁸ Ногмов 1994. С. 58.

Ант, например: антынокопеш – антский княжеский сын, антигишао – антский юноша, антигиуорк – антский дворянин, антигишу – антский всадник»⁹. Уже в 1860-х гг. гипотеза об антском происхождении была подвергнута критике, прежде всего его соотечественником А-Г. Кешевым¹⁰ и в дальнейшем, за редким исключением, упоминалась критически. В укор Ш. Ногмову ставились: недостаточная аргументация лингвистического анализа архаизмов родного языка, несоответствие примеров его гипотезе, отсутствие фиксации другими учеными подобного варианта произношения этнонима *адыге*. Несмотря на то, что научная состоятельность гипотезы Ш. Ногмова не подтверждена до сих пор, она не была подвергнута забвению, и практически все современные исследователи считают своим долгом ее упомянуть. Признавая влияние других народов на адыгов, Хан-Гирей и Ногмов рассматривали последних как автохтонное население Северо-Западного Кавказа. В дореволюционной историографии превалировала миграционная версия, в советской – автохтонная, в современной историографии делаются попытки создать автохтонно-миграционную теорию¹¹. По-прежнему эта проблема остается одной из самых сложных в адыговедении, и окончательные выводы по ней, видимо, будут сделаны не скоро.

Адыги, как и большинство народов, обладали эндоэтнонимом (самоназванием), и экзоэтнонимом, используемым по отношению к ним внешними сообществами. Хан-Гирей отразил основные версии этимологии этнонима «адыги», бытовавшие в XIX в.; среди них – два варианта эндоэтнонима, приведенные в труде С. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе» (1823). Первый вариант, к которому склонялся сам автор, сводился к следующему: «От сего положения земель, заключенных между устьями Кубани, и которые издревле были главным местопребыванием черкесов, жители оных прозваны адиге, или адале, то есть островитяне»¹². Согласно второй версии, адыги получили свой этноним от крепости Ада, находившейся близ Термюка¹³. Большинство кавказоведов XIX в. отрицали синонимию этнонимов «адиге» и «адале», считая, что адыге – это самоназвание черкесов, а адали – обозначение объединения, состоявшего из татар и черкесов, которое переселилось из Тамани на левый берег Кубани и смешалось с местным населением после захвата Анапы в 1791 г.¹⁴ Немецкий языковед Г.-Ю. Клапрот этноним «адали» трактовал как «жители острова», военный историк П. Зубов считал, что этноним «адехе» означает

⁹ Ногмов 1994. С. 67.

¹⁰ Каламбий 1987

¹¹ Бетров 1991

¹² Броневский 1999. С. 30.

¹³ Броневский 1999. С. 121.

¹⁴ Клапрот 1974. С. 244, 257.

«ущелье, находящееся у моря, ибо аде значит ущелье, а хе – море»¹⁵. Хан-Гирей критиковал смешение общего этнонима «адыги» с частным «адали», произведенным от «первоначального жительство этого народа на острове Тамане»¹⁶, но свою версию происхождения этнонима не изложил, ограничившись цитатой из Н.М. Карамзина и рассуждениями о неизведанности исторических путей. Ш. Ногмов не рассматривал этимологию этнонима «адыхе», указав, что он произошел от слова «ант», в котором «по свойству языка буква т изменилась в ди, прибавлением слога хе, служащего в именах наращением множественного числа»¹⁷. Развитие исторической науки и введение в оборот новых источников не привели к разрешению спора вокруг этимологии этнонима «адыги»¹⁸.

Не менее дискуссионным оказался вопрос о происхождении и этимологии экзоэтнонима «черкесы». Одна из версий историографии XIX в. объясняла значение слова «черкес» как «головорез», производя от ногайских слов «черк» – резать и «кес» – голова¹⁹, другая производила экзоэтноним от татарских слов «чер» – дорога и «кефсmek» – отрезать, третья за основу брала персидское «чехар» – четыре и татарского «кес» – человек, опираясь на идею о происхождении этнической группы от четырех братьев²⁰. Хан-Гирей, как и в случае с эндоэтнонимом, не углублялся в этот вопрос. Ногмов, указывая на то, что знаком с разными трактовками термина, склонялся к версии Броневского, согласно которой этноним «черкес» происходил от древних «керкет»²¹. И сегодня в науке нет единства в спорах вокруг этимологии этнонима «черкес».

Особенно интересовал просветителей вопрос о происхождении отдельных адыгских племен и их этнонимов. Наиболее он был разработан в отношении многочисленного и влиятельного племени кабардинцев. Хан-Гирей изложил две гипотезы происхождения кабардинцев: одна была почерпнута из историографии, другая – из фольклора. Хан-Гирей отдавал предпочтение версии С. Богуш-Сестренцевич и С. Броневского: о том, что кабардинцы являются потомками кабар – тюркоязычных хазарских племен²². Но и ее он принимал лишь «до новых разысканий и открытий». Фольклор представлял арабийскую версию происхождения кабардинцев, которая заинтересовала и Хан-Гирея, и Ногмова. По Ног-

---

¹⁵ Зубов 2001. С. 13.

¹⁶ Хан-Гирей 1978. С. 197.

¹⁷ Ногмов 1994. С. 58.

¹⁸ Исследователи предлагают разные версии: производство «адыге» от абхазского «адзы» – вода, адыги – поморяне (Лопатинский 1891. С. 1); «адэх» – море, «а-дыгъэ» / «тыгхэ» – дети солнца, от абхазского «ады» – поле, поляна (Коков 1983. С. 274).

¹⁹ Зубов 2001. С. 13.

²⁰ Клапрот 1974. С. 257-259.

²¹ Броневский 1999. С. 121; Ногмов 1994. С. 60.

²² Богуш-Сестренцевич 1806. С. 111; Броневский 1999. С. 146.

мову, аравийского происхождения был только княжеский кабардинский род, а от него произошли некоторые другие. Ногмов утверждал, что на побережье Западного Кавказа переселенцы встретились с адыхейцами и постепенно с ними слились²³. Ссылаясь на восточные источники, он подчеркивал, что именно в этой главе его «Истории» «начинаются сведения, имеющие историческую достоверность». Хан-Гирей излагал аравийскую версию происхождения всего кабардинского племени, хотя используемые фольклорные источники вызывали у него недоверие.

Поиск истоков этногенеза кабардинцев тесно переплетался с генеалогией кабардинских князей. Немецкий ученый на русской службе П.-С. Паллас, совершивший в 1793–1794 гг. путешествие в южные губернии России, отразил в своих «Заметках» родословную схему из 35 кабардинских князей, начиная с Инала²⁴. Клапрот, опираясь на сведения Палласа и Я. Потоцкого, а также на информацию, собранную во время путешествия на Кавказ в 1807–1808 гг., поставил у истоков генеалогической линии выходца из Аравии Арап-Хана – деда Инала²⁵. Броневский в своей генеалогической схеме кабардинских князей связал их зарождение с Иналом²⁶. Эти родословные, частично совпадая, разнились как в написании имен, так и в перечислении потомков того или иного князя. Общим недостатком было незнание других источников, помимо полевого материала, при этом нигде не указывались конкретные обстоятельства появления арабов на Северо-Западном Кавказе.

Опираясь на черкесские предания и труды ближневосточных историков, Ногмов писал, что родословная князя Инала брала начало от Араб-хана – князя из Вавилонии, правившего в Египте. Потомки Араб-хана оказались в Северо-Восточном Причерноморье, где стали правителями черкесов. По сведениям Ногмова и Хан-Гирея²⁷, после Араб-хана (Арап-хана) правили его потомки – Абдан-хан – Кес – Адо (Адед-хан) – Хурофаглае (Хурфелай) – Инал. В деталях версия адыгских ученых отличалась от вариантов, существовавших в то время в историографии.

Хан-Гирей предлагал две версии происхождения этнонима кабардинцев. Первая, основанная на народных преданиях, производила название Кабарда от р. Кабарта на юго-западе Крыма²⁸, эта версия уже имелась в историографии, с той лишь разницей, что река называлась не Кабарта, а Кабар, только присоединение слова «да» (деревня) дало название Кабарда²⁹. Хан-Гирей, рассматривая вариант этимологии от гидро-

²³ Ногмов 1994. С. 92–94.

²⁴ Паллас 1974. С. 216–217.

²⁵ Клапрот 1974. С. 259.

²⁶ Броневский 1999. С. 146, 149.

²⁷ Ногмов 1994. С. 92–94; Хан-Гирей 1978. С. 146–147.

²⁸ Хан-Гирей 1978. С. 151.

²⁹ Клапрот 1974. С. 258.

нима, допускал обратный порядок, когда уже существующий этноним «кабардинцы» был зафиксирован в названии реки. Вторая версия, основанная на сообщениях византийского императора Константина Порфирородного, исходила из гипотезы о хазарском происхождении кабардинцев и трактовала их этноним как *горские кабары* или *живущие вблизи гор*³⁰. Ногмов в «Истории адыгейского народа» не рассматривал проблему этимологии этнонима «кабардинцы», несмотря на то, что сочинение было составлено на основе кабардинских песен и преданий. В современной научной литературе не существует общепринятой версии происхождения кабардинцев, а также топонима и топографического этнонима «Кабарда». Гипотезы, предложенные авторами первой половины XIX в. продолжают сохранять свою значимость.

Хан-Гирей осветил происхождение этнонимов практически всех адыгских племен, некоторые его трактовки были новаторскими. Название «шапсуги» он производил от гидронима «Шайпсхго», несмотря на то, что, согласно бытовавшей в то время версии, шапсуги получили свой этноним от предка с тем же именем³¹. Из всех имеющихся гипотеза Хан-Гирея считается сегодня наиболее достоверной³². Касательно происхождения шапсугов и натухайцев Хан-Гирей склонялся к аравийской версии. По его мнению, несколько семей аравитян, покинув Аравию, поселились в Тавриде возле реки Кабарте, а затем вместе с предками кабардинцев переселились на Кавказ. Двигаясь на восток, они достигли берегов реки Шххакоаше, где после отделения от кабардинцев разделились на две части: первые три рода под началом кабардинца Абата осели возле реки Шайпсхго, рядом с ними расположились остальные два рода³³. Зафиксированное в «Записках о Черкесии» народное предание, не вызвало доверия у Хан-Гирея: версия кубанских шапсугов не была им включена в биографический очерк «Бесльный Аббат».

Гипотеза об участии в формировании абадзехов имела авторитет среди кавказоведов XIX в.³⁴ Хан-Гирей склонялся к ней: «абедзехское колено составилось из пришельцев, отделившихся от абхазских и черкесских колен, и как последних было несравненно более, то все они сделались черкесами, и ныне абедзехское племя есть настоящее черкесское колено». Отмечая значительное влияние «чужеземного» элемента в абадзехской общности, ее этноним Хан-Гирей выводил от наименования абхазов: «первоначальные абадзехи были абхазцы, почему абхазцев называли прочие черкесы абадзех, т.е. абхазцы...»³⁵. Подобное про-

³⁰ Хан-Гирей 1978. С. 151–152.

³¹ Зубов 2001. С. 13.

³² Коков 1983. С. 295.

³³ Хан-Гирей 1978. С. 202–203.

³⁴ Броневский 1999. С. 146.

³⁵ Хан-Гирей 1978. С. 199–200.

исхождение абадзехов подтверждается и рядом других исследователей XIX–XX вв. Ногмов, говоря об этимологии локальных этнонимов ограничивался указанием, что они произошли «по месту жительства или по имени князя, вначале властвовавшего над ними»³⁶.

Социальная структура адыгского общества вызывала большой интерес у исследователей XVIII – первой половины XIX в.³⁷ Одни выделяли три класса: князья, дворяне и крепостные³⁸; другие – четыре: беи, сипаги, уздени, кулы³⁹; третьи – пять: князья, дворяне, вольноотпущенники князей и узденей, вольноотпущенники вольноотпущенников и сервы⁴⁰. Описания взаимоотношений между классами нередко были противоположными. Французский дипломат К. Пейсонель, описывая черноморскую торговлю в XVIII в., отмечал социальных отношений западнокавказских горцев: «Все черкесы от рождения сервы – крепостные – и рабы своих дворян, которые могут завладеть их имуществом, умертвить их, продать или подарить их кому вздумается»⁴¹. Немецкий ученый Я. Рейнегтс, совершивший в 1781–1784 гг. пять экспедиций на Кавказ, утверждал иное: «Каждый дворянин зависит от своего наследственного князя, однако князь не может ничего делать с его рабами, крепостными или имуществом. Также мало осмеливается дворянин прикасаться к собственности своих крепостных, к его рабам, стадам, рогатому скоту или лошадям, или же присвоить себе на них хоть малейшее право»⁴².

Первую развернутую характеристику общественного строя горских народов дал Броневский⁴³. Сравним его описание социальных отношений и образа правления кабардинцев с данными Хан-Гирея и Ногмова. Броневский и Хан-Гирей выделяли в адыгском обществе пять классов: у первого – это князья, духовенство, дворяне, крестьяне и невольники (ясыри), у второго – князья, дворяне, духовенство, вольные земледельцы и крестьяне. Ногмов выделял князей, дворян и крестьян. Все три автора дворянство делили на три степени, причем Ногмов уточнял, из каких категорий формировалась каждая степень дворянства⁴⁴. Броневский применял термин *крестьянин* в традиционном смысле, т.е. человек, привязанный к земле. Он также выделял *бегаулов*, к которым относил отпущенников, пришельцев, ближних и дворовых людей. Хан-Гирей к «бегаулам» относил и крестьян, а прикрепленных к земле обо-

³⁶ Ногмов Ш. 1994. С. 112. Такое общее объяснение уже имелось: Зубов. 2001. С. 13.

³⁷ Косвен 1961. С. 209.

³⁸ Рейнегтс 1974. С. 210.

³⁹ Пейсонель 1974. С. 200.

⁴⁰ Клапрот 1974. С. 260.

⁴¹ Пейсонель К. 1974. С. 200.

⁴² Рейнегтс 1974. С. 210.

⁴³ Броневский С. 2004. С. 40.

⁴⁴ Ногмов Ш. 1994. С. 125–126.

значал как «вольных земледельцев». Таким образом, Хан-Гирей и Броневский делили адыгское общество на свободных и зависимых, а у Ногмова такое деление отсутствует, поскольку земледельцев и дворовых людей он обозначал общим термином «крестьяне». Число категорий крестьян у Хан-Гирея и Ногмова совпадает: по четыре. Хан-Гирей в качестве общего для сословия крестьян использовал термин «пшътлы», а Ногмов под ним подразумевал только один из разрядов крестьянства. Хан-Гирей выделял в отдельный класс «льфокотлей» или «вольных земледельцев». Ногмов, используя написание «дльхокотль», включал их в классификацию крестьянства лишь как одну из категорий. Взгляды адыгских просветителей и Броневского разошлись в вопросе о невольниках, которых русский исследователь обозначал как отдельную группу адыгского общества. Ногмов таковых вообще не упоминал, а Хан-Гирей пояснял, что любой невольник, оставленный в доме для работ, получал от своих хозяев права собственности и безопасности, что автоматически переводило его в сословие крестьян. В своих исследованиях просветители не ограничились типологизацией сословий адыгского общества. Ногмов делал лингвистический анализ адыгских названий каждой категории, Хан-Гирей давал детальную характеристику прав и обязанностей каждого класса, указывая особенности и нюансы, которые в историографии того периода впервые стали предметом научного интереса.

Заслугой Хан-Гирея стало подробное описание механизма управления в адыгских племенах. Его предшественники писали о разделении племен на монархические, аристократические и демократические. Хан-Гирей указал на три основные причины ослабления княжеской и дворянской власти: феодальная раздробленность, усиление гнета крестьян и появления в шапсугском, абадзехском и натаухайском племенах «обычного устава соприсяжного собратства». В это братство принимались все желающие, что привело к его численному превосходству. О вооруженной борьбе дворян и вольных крестьян Хан-Гирей подробно написал в биографическом очерке «Бесльный Абат»: он проанализировал причины, подготовку и ход Бзюкской битвы, решения Печетникского съезда⁴⁵. Особый интерес представляет его характеристика адыгских съездов, основных обсуждаемых вопросов, способов их решения и претворения в жизнь. Он также рассматривал судопроизводство и основные законы, соотношение шариата с древними обычаями. Хан-Гирей считал распространение шариата одной из причин ослабления власти привилегированных сословий в адыгском обществе⁴⁶. В отличие от Хан-Гирея, Ногмов не уделял особого внимания вопросам управления. Его краткое

---

⁴⁵ Хан-Гирей 1986. С. 107–165.

⁴⁶ Более подробно вопрос влияния ислама на древний уклад жизни черкесов рассматривался в его очерке «Князь Пшьской Аходягоко». Хан-Гирей 1986. С. 189–190.

описание было заимствовано, предположительно из сочинения генерал-майора И. Дебу «О Кавказской линии» (1829). Вызывает удивление, что Ногмов повторил ошибочное утверждение Дебу об отсутствии у князей собственности. Возможно, он делал ретроспективное описание состояния земельной собственности. Косвенно это подтверждается тем, что указанный отрывок был написан в прошедшем времени, в то время как у Дебу говорится о современном ему порядке владения землей в адыгском обществе и написано об этом в настоящем времени⁴⁷.

Создать целостную картину общественных структур у адыгов по работе Ш. Ногмова проблематично, поскольку по всему тексту разбросаны лишь отдельные высказывания об устройстве адыгского общества. Кроме того, достоверность некоторых приведенных им фактов остается под вопросом. Так, Ногмов писал о реформах, проведенных Бесланом Джанхотовым в Кабарде, в результате которых были учреждены «третейский суд» (хеэзжа) и «главный суд» (хе). В «главном суде» под председательством князя разбирались уголовные и общенародные дела, а также жалобы на судей. В «третейском суде», состоявшем из узденей и депутатов со стороны народа, рассматривались все остальные дела. Однако существование в Кабарде суда хе документальными данными XVI–XVIII вв. до сих пор не подтверждено⁴⁸.

В отечественном кавказоведении тема религиозной принадлежности адыгов была и остается дискуссионной. В XVIII–XIX вв. часть исследователей относила адыгов к мусульманам⁴⁹, другая – к православным христианам⁵⁰, третья – к язычникам⁵¹. Все сведения о датировке принятия адыгами христианства, а затем и ислама были противоречивыми. Ногмов и Хан-Гирей заложили хорошую фактологическую базу для изучения распространения религиозных верований на территории Северо-Западного Кавказа, но их взгляды по этому вопросу разнятся.

Хан-Гирей считал, что в адыгском обществе магометанская религия пришла на смену язычеству⁵². Ряд авторов XVIII–XIX вв. уже описывали адыгских языческих божеств⁵³, но наиболее полная их характеристика была дана именно Хан-Гиреем. Новатором он стал и в том, что впервые исследовал суеверия адыгов, описав гадание на бараньей лопатке и представления о ведьмах, но о единственном сохранившемся до наших дней гадании на бобах автор упоминал поверхностно, что не дает возможности сравнить его с бытующим в наши дни обрядом.

---

⁴⁷ Дебу 2001.

⁴⁸ Туганов 1998. С. 284.

⁴⁹ Лукка 1974. С. 70; Стрейс 1974. С. 70.

⁵⁰ Д'Асколи 1974. С. 67; Интериано 1974. С. 47; Лукка 1974. С. 70–72.

⁵¹ Тавернье 1974. С. 76–79.

⁵² Хан-Гирей 1978. С. 96.

⁵³ Главани 1974. С. 161; Пейсонель 1974. С. 201; Зубов 2001. С. 21.

Хан-Гирей признавал, что в определенный период христианство, привнесенное греками, распространилось среди «некоторых колен» адыгов, но со временем оно смешалось с язычеством, образовав «особенную секту». В современной науке выводы Хан-Гирея о синкретизме религии адыгов, в которой смешались языческие пережитки, культы христианского происхождения и исламские вероучения, не утратили своей актуальности и научной значимости⁵⁴. Ногмов подробно рассматривал процесс распространения христианства среди адыгов до принятия ислама, при этом даже не упомянув о существовании язычества. Вероятно, это связано с мировоззренческими взглядами автора. Ногмов был мусульманином (или христианином, как считают некоторые исследователи), т.е. последователем монотеистической религии, не допускающей любых проявлений многобожия. В связи с этим, языческие религиозные пережитки он трактовал как бытовые, а не как религиозные.

Кавказоведы длительное время ведут споры о начале христианского периода в истории адыгов. Большинство, в т.ч. Ш. Ногмов, связывают христианизацию адыгов с масштабной православной миссией византийского императора Юстиниана Великого в VI в.⁵⁵ В XX в. появились работы, которые отодвинули хронологические рамки проникновения христианства к I в., когда из причерноморских греческих колоний оно проникло в среду заселявших Северный Кавказ адыгов (Геден). Отказ черкесского общества от христианства Ногмов датирует 1717 г., когда по приказу турецкого султана Ахмеда III крымские ханы Девлет-Гирей и Хаз-Гирей распространяли магометанскую веру⁵⁶. Предшественники Ногмова, писавшие о столкновениях адыгов с крымскими татарами в первой половине XVIII в., этих ханов не упоминали⁵⁷. Вероятно, сведения о них Ногмов черпал из сочинения крымского историка Сейид Мухаммед-Ризы «Семь планет в известиях о царях татарских». Удивляет точная датировка принятия ислама, процесс которого по своему свойству должен быть растянут не на одно десятилетие, а в разных источниках говорилось об исламизации адыгов и в XVI, и в XVII, и в XVIII вв.

Вопросы национального образа жизни не получили у Ногмова такого глубокого освещения, как у Хан-Гирея. Кроме этого, Ногмов писал в первую очередь о кабардинцах, на основе кабардинского фольклора, поэтому другие адыгские племена представлены в его работе незначительно. В свою очередь, охват историко-этнографических тем, затронутых Хан-Гиреем, и уровень их освещения выгодно отличались от всего, что было написано до него. Наиболее разработанными в пер-

---

⁵⁴ Ляушева 2002. С. 45.

⁵⁵ Броневский 1999. С. 124-125; Зубов 2001. С. 33; Ногмов 1994. С. 77.

⁵⁶ Ногмов 1994. С. 78.

⁵⁷ Броневский 1999; Зубов 2001.

вой половине XIX в. были такие вопросы, как гостеприимство, куначество, атальчество, кровная месть, но даже эти темы он значительно дополнил деталями. Хан-Гирею принадлежит заслуга первого упоминания в литературе героев нартского эпоса и первая характеристика адыгского фольклора. Он предложил классификацию адыгских песен, которая до сих пор не потеряла своей научной ценности. Хан-Гирей разделил произведения адыгского песнетворчества на девять категорий, отдельно указывая на плясовые песни («утч-оред»). Ш. Ногмов в адыгском фольклоре выделил только изустные предания старцев и песни, подтверждающие эти предания и воспевающие героев, но зато он акцентировал внимание на хронологии преданий и обозначил три периода, которые одновременно являлись и периодизацией истории адыгов. Находясь у истоков адыгской фольклористики, Хан-Гирей дифференцировал песни по функциям и содержанию, а Ногмов – по хронологии.

Хан-Гирею принадлежит честь введения в научный оборот ряда тем, вообще не затрагивавшихся до него в литературе: врачебное искусство, исчисление времени, меры и способы определять количество вещей, понятие об астрономии и метеорологии, выбор имени для новорожденного, содержание раненого, общепринятые условные знаки вежливости и приличия, суеверия. Подобные темы были редкими в XIX в. не только для кавказоведения, но и для российской этнографии в целом. Выводы Хан-Гирея нашли свое отражение в советских и современных фундаментальных историко-этнографических исследованиях⁵⁸.

Труды первых адыгских историков Ш. Ногмова и Хан-Гирея представляют собой симбиоз впервые поднятых и уже рассмотренных в научной литературе сведений об адыгах. Их источниковая база была представлена широким кругом устных и историографических источников. Хан-Гирей обращался к современным ему исследованиям (прежде всего, к трудам С. Броневского) и свидетельствам очевидцев. Для Ногмова первостепенную роль играл фольклор, а также источники периода Античности и Средневековья (греческих и грузинских авторов, восточные произведения на арабском и турецком языках).

Историческое сочинение Ш. Ногмова («История адыгейского народа»), в первую очередь, освещает вопросы этнического формирования и расселения адыгов, общественного устройства и социальной структуры кабардинского общества, их религиозных представлений, начиная с древних времен до XVIII в. «Записки о Черкесии» Хан-Гирея – историко-этнографическое исследование, в котором помимо проблем происхождения адыгских племен, их этнонимов, особенностей общественно-политического строя и социальных различий, значительное внимание уделяется специфике материальной и духовной культуры адыгов. В ра-

⁵⁸ Меретуков 1987; Ашхамафов 1991; Бгажноков 1991; Тхагапсова 1996 и др.

ботах первых адыгских историков имеются некоторые противоречия и ошибочные суждения, что соответствует начальному этапу становления исторической науки. Однако высказанные ими идеи закрепились в историографии и получили дальнейшее развитие в кавказоведении.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ашхамафов К.И. Национальные традиции физического воспитания у адыгов // Культура и быт адыгов (Этнографические исследования). Вып. VIII. Майкоп, 1991. С. 128–145 [Ashkhamafov K.I. Natsional'nye traditsii fizicheskogo vospitaniya u adygov // Kul'tura i byt adygov (Etnograficheskie issledovaniya). Вып. VIII. Майкоп, 1991. С. 128–145.]
- Бгажноков Б.Х. Черкесское игрище. Сюжет, семантика, мантика. Нальчик, 1991. 188 с. [Bgazhnokov B.Kh. Cherkesskoe igrishche. Syuzhet, semantika, mantika. Nal'chik, 1991]
- Бетров Р.Ж. Происхождение и этнокультурные связи адыгов. Нальчик, 1991. 168 с. [Betrov R.Zh. Proiskhozhdenie i etnokul'turnye svyazi adygov. Nal'chik, 1991. 168 s.]
- Богуш-Сестрентевич С. О Таврии. СПб., 1806 [Bogush-Sestrentsevich S. O Tavrii. Spb., 1806]
- Бронеvский С.М. Новейшие известия о Кавказе, собранные и пополненные Семенов Бронеvским: В 2 т. СПб., 2004. 464 с. [Bronevskii S.M. Noveishie izvestiya o Kavkaze, sobrannye i popolnennye Semenom Bronevskim: V 2 tomakh: t.1., t. 2. Spb., 2004. 464 s.]
- Бронеvский С. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. Нальчик, 1999. 223 с. [Bronevskii S. Noveishie geograficheskie i istoricheskie izvestiya o Kavkaze. Nal'chik, 1999. 223 s.]
- Геден. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. URL: <http://www.agnuz.info/book.php?id=466&url=/content.htm> [Gedeon. Istoriya khristianstva na Severnom Kavkaze do i posle prisoedineniya ego k Rossii (Elektron. resurs). URL: <http://www.agnuz.info/book.php?id=466&url=/content.htm>]
- Глаvин К. Описание Черкесии // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. / Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам В.К. Гарданова. Нальчик, 1974. С. 158–173 [Glavini K. Opisanie Cherkesii // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. / Sostavlenie, redaktsiya perevodov, vvedenie i vstupitel'ny'e stat'i k tekstam V.K. Gardanova. Nal'chik, 1974. S. 158–173]
- Д'Асколи Э.Д. Описание Черного моря и Таврии, составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Таврии и проч. // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 61–68 [D'Askoli E.D. Opisanie Chernogo morya i Tavrii, sostavil dominikanets Emiddio Dortelli d'Askoli, prefekt Kaffy, Tavrii i proch. // Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 61–68]
- Дебу И. О кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или общие замечания о поселенных полках, ограждающих кавказскую линию, и о соседственных народах (извлечение) // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 1. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик: Эль-фа, 2001. С. 51–89 [Debu I. O kavkazskoi linii i prisoedinnennom k nei Chernomorskom voiske, ili obshchie zamechaniya o poselennykh polkakh, ograzhdayushchikh kavkazskuyu liniyu, i o sosedstvennykh narodakh (izvlechenie) // Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. T. 1. / Sost. X.M. Dumanov Nal'chik: El'-fa, 2001. S. 51–89]
- Зубов П. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных ему земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т. 2. / Сост. Х.М. Думанов. Нальчик, 2001. С. 9–59 [Zubov P. Kartina Kavkazskogo kraya, prinadlezhashchego Rossii, i sopredel'nykh onomu zemel' v istoricheskom, statisticheskom, etnograficheskom, finansovom i torgovom otnosheniyyakh // Russkie avtory XIX veka o narodakh Tsentral'nogo i Severo-Zapadnogo Kavkaza. T. 2. / Sost. X.M. Dumanov. Nal'chik, 2001. S. 9–59]
- Интериано Дж. Быт и страна зихов, именуемых черкесами. Достопримечательное повествование // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–

- XIX вв. Нальчик, 1974. С. 43–53 [Interiano Dzh. Byt i strana zikhov, imenuemykh cherkesami. Dostoprimechatel'noe povestvovanie // Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 43–53]
- Каламбий (Кешев А-Г.). Записки черкеса. Нальчик, 1987. 272 с. [Kalambii (Keshev A-G.). Zapiski cherkesa. Nal'chik, 1987. 272 s.]
- Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807–1808 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 235–280 [Klaprot G.-Yu. Puteshestvie po Kavkazu i Gruzii, predprinoyatoe v 1807–1808 gg. // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 235–280]
- Коков Дж.Н. Из адыгской (черкесской) ономастики. Нальчик, 1983 [Kokov Dzh.N. Iz adygskoj (cherkesskoj) onomatiki. Nal'chik, 1983]
- Косвен М.О. Этнография и история Кавказа. М., 1961. 260 с. [Kosven M.O. Etnografiya i istoriya Kavkaza. M., 1961. 260 s.]
- Лопатинский Л.Г. Заметки о народе адыги вообще и кабардинцах в частности // Сб. материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XII. Тифлис, 1891. С. 1–10 [Lopatinskiĭ L.G. Zаметki o narode adygi voobshche i kabardintsakh v chastnosti // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Вып. XII. Tiflis, 1891. S. 1–10]
- Лукка Дж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, менгрелов и грузин Жана де Люка, монаха Доминиканского ордена // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 68–73 [Lukka Dzh. Opisanie perekopskikh i nogaiskikh tatar, cherkesov, mengrelov i gruzin Zhana de Lyuka, monakha Dominikanskogo ordena // Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 68–73]
- Ляушева С.А. Эволюция религиозных верований адыгов: история и современность (философско-культурологический анализ). Ростов-н/Д, 2002. 184 с. [Lyausheva S.A. Evolyutsiya religioznykh verovaniĭ adygov: istoriya i sovremennost'. Rostov-na-Donu, 2002. 184 s.]
- Меретуков М.А. Семья и брак в адыгских народах. Майкоп, 1987. 368 с. [Meretukov M.A. Sem'ya i brak v adygskikh narodov. Maikop, 1987. 368 s.]
- Ногмов Ш. История адыгейского народа. Нальчик, 1994. 232 с. [Nogmov Sh. Istoriya adykeiskogo naroda. Nal'chik, 1994. 232 s.]
- Паллас П. Заметки о путешествиях в южные наместничества Российского государства в 1793 и 1794 гг. // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 215–224 [Pallas P. Zаметki o puteshestviyakh v yuzhnye namestnichestva Rossiiskogo gosudarstva v 1793 i 1794gg. // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 215–224]
- Пейсонель К. Трактат о торговле на Черном море // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 179–202 [Peisonel' K. Traktat o torgovle na Chernom more // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 179–202]
- Рейнеггс Я. Всеобщее историко-топографическое описание Кавказа // Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 209–213 [Reineggs Ya. Vseobshchee istoriko-topograficheskoe opisanie Kavkaza // Adygi, balkartsy i karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 209–213]
- Стрейс Я. Три путешествия // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 99–103 [Streis Ya. Tri puteshestviya // Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 99–103]
- Тавернье Ж.Б. Шесть путешествий в Турцию, Персию и Индию в течение сорока лет // Адыги, балкарцы, карачаевцы в известиях европейских авторов в XIII–XIX вв. Нальчик, 1974. С. 73–82 [Tavern'e Zh.B. Shesh' puteshestvii v Turtsiyu, Persiyu i Indiyu v techenie soroka let // Adygi, balkartsy, karachaevtsy v izvestiyakh evropeiskikh avtorov v XIII–XIX vv. Nal'chik, 1974. S. 73–82]
- Туганов Р.У. История общественной мысли кабардинского народа в первой половине XIX века. Нальчик, 1998. 383 с. [Tuganov R.U. Istoriya obschestvennoi mysli kabardinskogo naroda v pervoi polovine XIX veka. Nal'chik, 1998. 383 s.]

- Тхагапсова Г. Г. Народная медицина адыгов (историко-этнографический аспект). Майкоп, 1996. 156 с. [Tkhaǵapsova G.G. Narodnaya meditsina adygov (istoriko-etnograficheskie aspekt). Maikop, 1996. 156 s.]
- Хан-Гирей. Бесный Абат // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 107–165 [Khan-Girei. Bes'nii Abat // Shagi k rassvetu. Adygskie pisateli-prosvetiteli KhIKh veka: Izbrannye proizvedeniya. Krasnodar, 1986. S. 107–165]
- Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик, 1978. 333 с. [Khan-Girei. Zapiski o Cherkessii. Nal'chik, 1978. 333 s.]
- Хан-Гирей. Князь Пшьской Аходягоко // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 165–198 [Khan-Girei. Knyaz' Psh'skoi Akhodyagoکو // Shagi k rassvetu. Adygskie pisateli-prosvetiteli XIX veka: Izbrannye proizvedeniya. Krasnodar, 1986. S. 165–198]
- Хан-Гирей. Черкесские предания // Шаги к рассвету. Адыгские писатели-просветители XIX века: Избранные произведения. Краснодар, 1986. С. 22–90 [Khan-Girei. Cherkesskie predaniya // Shagi k rassvetu. Adygskie pisateli-prosvetiteli XIX veka: Izbrannye proizvedeniya. Krasnodar, 1986. S. 22–90]

Харитонов Евгений Михайлович, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; *istor-polit@kubsau.ru*

Коишкова Саньят Январбиевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; *sumerki7@yandex.ru*

Салчинкина Ангелина Ростиславовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина; *eclipsis@yandex.ru*

Historiographical importance of the works of Shora Nogmov and Khan-Giray exploring main issues of local history of Adyghe people

The authors consider works by Sh.B. Nogmov and Khan-Giray – the Adyghe educators of the first half of the 19th c. – “The History of Adyghe People” and “Sketches on Cherkessia”, respectively, in terms of their historiographical significance for the development of Russian Caucasology. The article shows that Nogmov relied on the folklore sources, Kabardian tales and legends in particular, and covered issues of the ethnogenesis of Adyghe people, religious affiliation, social structure and organization of Kabardian society. Khan-Giray has tried to use different types of sources: spoken, folklore, toponymic, linguistic but above all historiographical ones. He not only researched the origin of Adyghe tribes and their ethnonyms, the features of socio-political system and social differences, but also the specific nature of economic, spiritual and moral culture of the Adyghe people. The article also demonstrates the comparative analysis of the texts of the Adyghe educators among themselves as well as with the studies of scientists, travelers and representatives of the Russian administration in the Caucasus that existed at the time.

Keywords: Adyghe historiography, Shora Nogmov, Khan-Giray, Adyghe local history, folklore sources, historiographical sources, Russian Caucasology

E.M. Kharitonov, doctor of sociology, professor, head of the Department of history and political science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; *istor-polit@kubsau.ru*

S.Y. Koshokova, PhD (History), Associate Professor of history and political science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; *sumerki7@yandex.ru*

A.R. Salchinkina, PhD (History), Associate Professor of history and political science, Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin; *eclipsis@yandex.ru*

А. Б. СОКОЛОВ

ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНОСТИ КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

В статье рассмотрено становление и современное состояние истории сексуальности как историографического направления. Научное изучение истории сексуальности началось примерно с 1970–1980-гг., а в 1990-х гг. сложились два методологических подхода, использованные для классификации в данной статье. Первый, *эссенциалистский*, рассматривает секс как природное биологическое явление, отношение к которому различается в разных культурах и претерпевает известную трансформацию в процессе общественного развития. Второй, *конструктивистский* подход, опирается на идеи М. Фуко о дискурсивности и рассматривает контроль над сексуальностью как одну из главных дисциплинарных технологий современного общества. Теоретические проблемы истории сексуальности были озвучены уже в 1990-х гг., но консенсус в их решении так и не был найден. На нынешнем этапе многочисленные труды в данной области носят, в основном, эмпирический характер, хотя и дополняют палитру представлений об этой важной части жизни человека.

Ключевые слова: история сексуальности, З. Фрейд, норма и девиация, Фуко, дискурс, власть, Т. Лакёр, тело, де Сад, революция, Л. Хант

Сексуальность – это вечная и провоцирующая тема. Как заметила В. Харрис, «написание истории сексуальности ставит автора в ситуацию преднамеренного проступка, делает его маргиналом, хотя, возможно, краткосрочно»¹. А. Корбен писал: «Представления о сексе, удовольствии, запретном и, разумеется, непристойном не ускользают от истории. Они меняются в зависимости от повышения или понижения уровня толерантности в обществе и от нравственного отношения как к тем, кто «потребляет» неприличное, так и к тем, кто его порицает»².

Начало истории сексуальности было положено в последней четверти XIX в., одновременно с сексологией. По меньшей мере, до середины XX в. исторические сочинения на эти темы, вроде «Иллюстрированной истории нравов» Э. Фукса, представляли, в основном, не критические описания манер и традиций, существовавших в разные времена в разных обществах. Источники рассматривались преимущественно как прямые свидетельства о существовавших сексуальных практиках, без учета их морально-дидактических целей. Учение Фрейда знаменовало «поворот» к изучению сексуальности, но не ее истории. Только после сексуальной революции 1960-х гг. появилась «новая история сексуальности». Можно выделить два главных подхода, сложившихся в историографии сексуальности к концу XX в., *эссенциалистский (биологический)*

---

¹ Harris 2010. P.1094.

² История тела. Т. II. 2014. С. 137.

и *конструктивистский*, хотя границы между ними не всегда легко провести. Как отметила К. Крауфорд, «среди историков главные дебаты проходят между теми, кто предпочел сфокусироваться на дискурсе, и теми, кто придерживается эмпирических подходов»³. *Эссенциализм* рассматривает сексуальность как явление природное, а сексуальную культуру как набор исторически сложившихся практик, претерпевших эволюцию в ходе модернизации, изменения социальных условий, религиозных, национальных и иных факторов. Некоторое влияние на изучение сексуальности оказала демографическая история и «новая социальная история», что способствовало изучению истории сексуальности по группам: аристократия, средний класс, проститутки, сексуальные меньшинства и т.д. *Конструктивизм*, основанный на идеях Фуко, рассматривает сексуальную культуру как набор «выдуманных» правил, порождаемых господствующим дискурсом и отражающих переход к обществу, основанному на дисциплинарных технологиях.

Возьмем за основу данную классификацию. К *эссенциалистской* методологии принадлежат взгляды одного из пионеров «новой истории сексуальности» Л. Стоуна. В труде «Семья, секс и брак в Англии 1500–1800» он использовал не только методологию социальной истории, но и культурно-исторические подходы, особенно в разделах, посвященных сексуальности. Считая ошибочным мнение Фрейда, будто либидо неизменно во все времена, а значит секс является неменяющейся «инфраструктурой», Стоун полагал, что секс находится под столь значительным влиянием культурных норм, что претерпевает бесконечные исторические изменения. По его мнению, главная тенденция заключалась во включении в сферу сексуальных отношений более сильного чувственного элемента. Если Фуко утверждал, что Возрождение и эпоха, предшествовавшая Французской революции, характеризовались большей сексуальной свободой, чем современность, Стоун доказывал: тогда уровень сексуальной активности в браке и во внебрачных отношениях был ниже, чем в конце XX в., что объяснялось слабым развитием гигиены; широким распространением венерических и гинекологических заболеваний, понижавших привлекательность партнеров и затруднявших коитус; доминировавшими медицинскими и теологическими идеями, в свете которых секс виделся почти исключительно как способ воспроизводства; отсутствием надежных противозачаточных средств и боязнью беременности и родов. Страсть осуждалась в браке и вне его, рекомендовались умеренность, воздержание в воскресенье, религиозные праздники и «критические дни», использование лишь стандартной «миссионерской» позиции как отражающей «правильные» гендерные роли и неживотный характер секса. В отношениях между полами присутствовал

---

³ Crawford 2006. P.413.

двойной стандарт: внебрачные связи для женщин отвергались, но для мужчин считались приемлемыми, по меньшей мере, до брака. Такой идеал был далек от реальности, например, большинство любовниц Пепписа (английский дайерист XVII в., чей откровенный дневник остается важным источником по истории сексуальности) были замужем и без зазрения совести использовали связь с ним для продвижения карьеры своих мужей. Однако внебрачные связи несли опасность конфликтов, дуэлей, поскольку преобладающим было отношение к обманутым мужьям как к рогоносцам. Годы Реставрации Стоун считал переломными для эмансипации сексуальности в Англии, продолжившейся в XVIII в. В основе этого процесса он видел, в первую очередь, секуляризацию общества. После Реставрации внебрачные связи широко распространились не только при дворе, но и в среде джентри. Стоун отмечал увеличение числа гомосексуальных связей и широкое распространение порнографической литературы. Он выделял стадии в истории сексуальности: умеренной толерантности (примерно до 1570 г.); репрессивную стадию (до 1670 г.); фазу разрешения и даже поощрения (примерно до 1810 г.); этап новой репрессивности, достигший апогея примерно к 1870 г. Затем наступила эмансипация, пик которой пришелся на сексуальную революцию и 1970-е гг.⁴ Английский историк Т. Хичкок остроумно назвал эту концепцию «вигской моделью растущего сексуального удовольствия и эмоциональной интимности», подразумевая пресловутую приверженность либерально-вигской историографии идее прогресса.

Специалист по елизаветинской эпохе А. Хайнс отмечал ограниченность источников по сравнению с более поздним временем, в этой связи особо информативны поэзия и пьесы. В сонетах Шекспира, Марло и других поэтов лирический герой (франт, называет его историк) «холодно воспринимает необходимость брака как опору дома и семьи. Сексуальное желание направлено вне брака и имеет разрушительный характер, поскольку преследует единственную цель – личное удовольствие». Идеалом таких устремлений является не Прекрасная Дама, франт легко переходит от одной модели сексуального поведения к другой: днем он развлекает свою леди, а вечером обедает с катамитом. Наличие древнегреческих образцов такого рода смущало многих елизаветинцев, поэтому маскировалось пасторальными мотивами: невинные пастушки, чья чувственность как бы защищена чистотой и дикостью мест, где они проживают. Хайнс полагал, что елизаветинская сексуальная культура была, в целом, ближе к новому времени, чем к средним векам, ибо «находилась в осаде молящихся моралистов, нового законодательства, ужасной угрозы неизлечимых болезней»⁵. Во времена Тюдоров Лондон

---

⁴ Stone 1990. P. 339.

⁵ Haynes 1997. P. 100-101, 157.

воспринимался многими как город греха и борделей, а попытки властей (впервые за много столетий) бороться с этим злом оставались малоэффективными. Занятие проституцией было доходным, хотя считалось преступлением и наказывалось, как правило, поркой и заключением в исправительный дом. Кроме профессиональных проституток, в садах и аллеях предлагали свои услуги женщины из низших классов. Наказание за адюльтер было не слишком жестоким и часто ограничивалось тем, что виновные приговаривались к покаянию: в течение трех воскресных служб подряд стоять возле церкви в белой одежде с розгой в руке.

К методологии *эссенциализма* можно отнести работы, акцентирующие внимание на типы сексуальности, в частности, европейской. Критерием деления служит, в основном, религия. Северо-западная Европа развивалась под влиянием протестантизма, что предполагало резко негативное отношение к внебрачному сексу, но высокую степень индивидуализма. Осуждались, на моральных и медицинских основаниях, любые внебрачные формы сексуальности, в т.ч. мастурбация. С проституцией, если клиентом был мужчина, в известной степени мирились, как со средством избежать худших сексуальных отклонений. Узы мужской дружбы, включавшие элементы гомоэротизма, высоко ценились в некоторых профессиональных группах при условии, если они не вели к сексуальным отношениям. Вторая группа – католические страны южной Европы, характеризующиеся господством строгой морали и большой толерантностью на практике. Крепкие семейные связи, в то же время возможность отпущения греха давала основание мужчинам, как гетеросексуалам, так и гомосексуалистам считать эти страны регионом сексуальных свобод. В Восточной Европе, где господствует православная церковь, нормы сексуальности близки тем, которые отмечались в католических странах. В странах с сильным влиянием ислама сексуальность определяется законами шариата. Мужчинам прощается нарушение правил, если нет гомосексуальных контактов, и случившееся не приобрело публичного резонанса⁶. Данная типология весьма условна и отражает скорее традиционные представления, чем реальность, которая формировалась под влиянием трех главных факторов: Просвещения XVIII в., сексологии как науки о регулировании сексуального поведения, возникшей на рубеже XIX и XX вв., и сексуальной революции 1960-х гг.

Великая Французская революция началась с либеральной политики, в т.ч. в требованиях предоставления прав женщинам, отмены цензуры, что прямо повлияло на рынок порнографии, также произошла декриминализация однополых отношений. Однако этот вектор не был стабильным, и историки склонны подчеркивать двойственное влияние революции на сферу сексуальности: «С одной стороны, обещание сво-

⁶ Sexual Cultures in Europe, v. 1. 1999. P. 7-8.

бод, с другой, усиление социального контроля над многими формами сексуального поведения. Профилактика предполагаемых социальных и сексуальных зол вместо репрессий – вот главная угроза, которую несло Просвещение». Так, «будучи грехом и преступлением, гомосексуализм стал болезнью. Психотерапия, кастрация, операции на мозге, уголовное преследование, увольнение с военной службы, высокий уровень самоубийств, изгнание из общества – все это было прямо связано с данным медицинским заключением»⁷. В некоторых случаях в художественных произведениях эпохи «Серебряного века» звучал мотив эмансипации однополых отношений. Эпоха толерантности продолжалась до 1930-х гг. В 1920-х гг. в Советской России начались преследования проституток, в 1934 г. была восстановлена уголовная ответственность за гомосексуализм, а в 1936 г. были запрещены аборт. До прихода нацистов к власти в Германии Берлин называли «раем для гомосексуалистов», при Гитлере гомосексуалисты подверглись беспрецедентным репрессиям. Попытка либерализации законодательства в республиканской Испании была остановлена при Франко. Вывод о том, что преследования по сексуальным мотивам были общей частью репрессивной политики тоталитарных режимов XX в. разделяют практически все специалисты.

Влияние фрейдизма на представителей *эссенциалистского* подхода можно проследить на примере сочинения «Буржуазный опыт» американского историка Питера Гея, определявшего викторианскую эпоху как время возникновения современной сексуальности: ее главным признаком он считал разделение половой страсти и любви, что связывалось со становлением среднего класса. Гей, рассматривавшего эволюцию сексуальности в контексте прогресса, можно отнести к либеральному направлению, в то же время он оставался скептиком в плане признания некой общей методологии, поскольку сексуальный опыт сугубо индивидуализирован. Он связывал особенности сексуальности среднего класса с разрушением старого патерналистского порядка: «В возрастающей степени неясной и вызывающей беспокойство ситуации единственной рациональной реакцией буржуазии мог быть почти отчаянный уход в приватность. Мой центральный пункт в том, что величайшая ошибка думать, будто буржуазия в XIX в. не знала, не практиковала и не наслаждалась тем, о чем было не принято говорить»⁸. Учение Фрейда – о среднем классе и для среднего класса: «Большинство буржуазных обозревателей придерживалось мнения, что у бедняков не бывает высоких чувств, а нищета и убожество порождают преступные половые связи, правда, отдельные бедные женщины могут демонстрировать образцы чистоты. Сельское население считалось более дисциплинированным в порывах

---

⁷ Ibid. P. 12-14.

⁸ Gay, v. 2. 1986. P. 3-4.

плоти, чем жители грязных перенаселенных трущоб⁹. Впрочем, вывод о «чистоте» деревенской жизни по сравнению с городской не раз опровергался в разных исследованиях¹⁰.

Сексуальной культуре среднего класса была свойственна амбивалентность. Утвердив свое господство в обществе, средние классы долго «не могли решить, является ли замалчивание эффективным способом культурной защиты. К концу века эксперты по сексуальному поведению стали оправдывать навязчивое подглядывание в частную жизнь тем, что отсутствие информации всегда опасно и ведет к пассивности перед проблемами, кажущимися неразрешимыми. До 1880-х и даже позднее многие буржуа предпочитали душевное спокойствие, игнорируя рискованное знание»¹¹. Сдвиг проявился, в первую очередь, в отношении к гомосексуалистам, которые в середине века могли чувствовать себя в большей безопасности, чем в конце. Во Франции добровольная связь между взрослыми одного пола не считалась преступлением с 1791 г., ее примеру в 1886 г. последовали Нидерланды, в 1889 г. Италия. В Баварии и Ганновере отношение к ним также было толерантным, однако после объединения Германии в этом вопросе как модель выступила Пруссия, и такие связи карались тюремным заключением. В последней четверти XIX в. медики и моралисты бесконечными рассуждениями о пороках и упадке породили в буржуазном обществе стойкие комплексы, выразившиеся в феномене нервозности и в озабоченности проституцией. В то же время бордель был важной частью сексуальной культуры викторианской эпохи, являясь, с одной стороны, местом реализации подавленной сексуальности, а с другой, поводом для раскаяния и самоуничужения.

Историки обращались к сексуальности в истории Британской империи. Р. Хайм подчеркивал: дело не в том, что европейцы искали способ удовлетворения либидо на колониальной периферии (в известной степени он признавал возможность использования фрейдистского понятия «сублимация»). Однако механизм создания и эволюцию империи невозможно понять без учета сексуальности. Вплоть до середины XVIII в. сохранялось представление об общности человеческой расы, в общественном сознании присутствовал образ «благородного дикаря». Позднее усилилась идея расовых различий, скептицизм в отношении афроазиатских народов, их способности к созидательной деятельности. Идеологему «улучшения этих народов для приобщения к цивилизации» сменило жесткое администрирование. Этот процесс коррелировал с изменениями в сексуальных контактах. К началу XIX в. за исключением отдельных частей империи межрасовые браки оказались под запретом, но

---

⁹ Ibid. P. 391-393.

¹⁰ См.: История тела, т. 2. 2014. С. 151-155.

¹¹ Gay, v. 2. 1986. P. 202.

такого рода внебрачные связи до 1860-х гг. оставались широко распространенными. С 1880-х межрасовые связи подвергались резкому осуждению или прямо запрещались, могли стоить карьеры колониальным чиновникам, эта тенденция сохранилась и в XX в. Хайм писал: «Расизм порожден не только сексуальными предпочтениями, есть другие факторы, такие как страх перед неизвестным, страх, порожденный памятью о прошлых конфликтах, страх раствориться демографически, быть воспринятым чужим и низким, страх болезней, конкуренции за ограниченные ресурсы, но особая эмоциональная враждебность к черным носит гендерный характер и требует объяснений с точки зрения сексуальности»¹². Страхами сексуального характера часто манипулировали с политическими целями, для сохранения господства белых, британцы стремились привнести (и в известной степени в этом преуспели) нормы сексуальной морали в такие колониальные общества, которые до прихода европейцев обладали более высокой сексуальной культурой.

Во всех приведенных примерах сдвиги в сфере сексуальности представлялись отражением объективных процессов – модернизации и индивидуализации у Стоуна, эволюции среднего класса у Гея, закономерностей развития империи у Хайма. В постмодернистском *конструктивистском* варианте сексуальность и отношение к ее формам и проявлениям – целиком результат дискурсов. Отправной точкой концепции Фуко была викторианская эпоха. Викторианская репрессивная мораль считала непристойным обсуждение темы сексуальности, которая оказалась «запертой в родительской спальне». «В условиях медиализации общества сексуальная “неправильность” была приравнена к душевному заболеванию; нормы сексуального развития были стандартизированы от детства до старости, всевозможные девиации были тщательно описаны, педагогический контроль и медицинское лечение организованы. Моралисты и особенно врачи выставляли малейшие фантазии напоказ как омерзительные»¹³. Фуко признавал, что набор практик в рамках гетеросексуальных моногамных отношений сохранялся как норма, и о них стали говорить меньше, по крайней мере, с растущей умеренностью. Однако «под пристальным наблюдением оказалась детская сексуальность, умалишенные и преступники, чувственность тех, кто не любит противоположный пол, склонность к уединению или одержимости, мелкие синдромы и большой раж. Пришло время тем фигурам, которых в прошлом почти не замечали, выступить вперед и заговорить, признаваясь в том, кто они есть»¹⁴. Власть использовала разные формы контроля и наказания: «Медицинский осмотр, проверка у психиатра, педа-

---

¹² Hyam 1990. P. 202-203.

¹³ Foucault, v.1. 1998. P. 36.

¹⁴ Ibid. P. 39.

гогический доклад или семейный контроль были направлены на то, чтобы сказать “Нет” всем неуправляемым видам сексуальности, не имевшим целью реализацию репродуктивных функций»¹⁵.

Фуко рассматривал контроль над сексуальностью как наиболее полную из дисциплинарных технологий, рассмотренных им в книге «Надзирать и наказывать». Он считал власть более широким понятием, чем просто совокупность государственных институтов или лиц, понимаемая ее «как множество силовых отношений, присутствующих той сфере, в которой они действуют и имеют собственную организацию; как процесс, который посредством бесконечной конфронтации и борьбы трансформирует, усиливает или меняет их»¹⁶. Власть пронизывает социальные отношения целиком; каждый находится под властью другого, статус каждой персоны постоянно претерпевает изменения, тот, кто в одной структуре господин, в другой зависим и управляем. Посредством, в первую очередь, медицины в современном обществе установлен дисциплинарный контроль над телом и сексуальностью. Фуко сформулировал понятие *биовласти*, наиболее полной формы власти, контролирующей и регулирующей святая святых – сексуальность и репродуктивную функцию. Вторая идея Фуко – опровержение традиционного взгляда, что викторианская мораль не позволяла говорить о сексе. Напротив, произошла гигантская экспансия говорения о сексе, но формы изменились:

«Прежде главной была церковная исповедь, теперь исповедь стала частью правосудия, медицины, образования, семьи, любовных отношений. Каждый исповедуется в своих преступлениях, грехах, мыслях и желаниях, болезнях и бедах. Исповедуются публично и по секрету, родителям, учителям, доктору, любимым, самому себе, об удовольствиях и боли; о чем нельзя рассказать, пишут в книгах. Человек признается, или его заставляют признаваться. Самые мягкие и самые кровавые режимы одинаково требуют исповеди. Западный человек превратился в «исповедующееся животное». Со времен христианского раскаяния до наших дней главной темой исповеди остается секс»¹⁷.

Как писал Фуко, если на Востоке формой говорения о сексе была *ars erotica*, то на Западе это *scientia sexualis*. Запад стал единственной цивилизацией, сделавшей говорение о сексе приводным ремнем власти¹⁸.

К *конструктивистской* методологии относятся труды американского историка Т. Лакёра. Он, с одной стороны, вслед за Фуко признал: сложившееся в эпоху Просвещения представление о двух полах имеет

¹⁵ Ibid. P. 45.

¹⁶ Ibid. P. 92.

¹⁷ Foucault, v. 1. 1998. P. 59, 61.

¹⁸ Как в 1950-х гг. книга Фуко «Безумие и цивилизация» стала манифестом антипсихиатрического движения, так «История сексуальности» в практическом отношении способствовала борьбе за права сексуальных меньшинств. Правда, Фуко упрекали в игнорировании некоторых аспектов, имеющих прямое отношение к теме сексуальности, например, брака. – Crawford 2006. P. 413-414.

не только биологическое основание: «Серьезный разговор о сексуальности – неизбежно разговор о социальном порядке, который она выражает и легитимирует»¹⁹, но с другой – отвергал Фуко, который, по его мнению, видел в сексуальности не «прирожденное свойство плоти», а биологический стимул,двигающий цивилизацию в том или ином направлении. По Лакёру, в основе дискурса о сексуальности лежало представление о переходе от однополовой к двуполовой модели тела. Однополовая модель, исходившая из подобия мужских и женских половых органов, шла от Аристотеля и Галена. Изучив медицинские тексты и анатомические рисунки, Лакёр пришел к выводу, что «история репрезентаций анатомических различий между мужчинами и женщинами удивительным образом независима от их действительного строения, как и от того, что известно о них. Идеология, а не точность наблюдения определяла, как их видели и каким различиям придавали значение»²⁰. Эта модель продолжала господствовать в эпоху Возрождения²¹. Рассуждая о переходе к новой модели сексуальности, Лакёр ставил как ключевой вопрос о женском оргазме. Однополовая модель предполагала, что женщины, как и мужчины, испытывают оргазм. Отдельные изменения в эту схему вносились в XVI в., прежде всего, открытие клитора в 1559 г. анатомом Ринальдо Колумбом²². Переход к экспериментальной науке внес свои коррективы. Уильям Гарвей (1578–1657), известный открытием двух кругов кровообращения, немало занимался процессами зачатия, отвергал мысль Аристотеля об активности самца и пассивности самки, и для доказательства своей правоты ставил эксперимент в присутствии Карла I в Ричмондском парке. В XVIII в. взгляды Аристотеля и Галена, считавших женские органы перевернутой копией мужских, были отброшены как ошибочные, двуполовая модель быстро вытеснила однополовую. Прежде женский оргазм считался естественной частью коитуса и едва ли не необходимым условием для зачатия, теперь он занял центральное место в медицинских и научных дискуссиях. Возникли две позиции: одна состояла в отрицании оргазма, что вело, например, к обсуждению в медицине и криминалистике вопроса, может ли женщина забеременеть в результате изнасилования; вторая приписывала женщине гипертрофированную животную сексуальность²³. Оба подхода способствовали утверждению в медицине XIX в. взгляда, что «чрезмерная» женская сексуальность – патология, требующая лечения. Так возникла репрессивная

---

¹⁹ Laqueur 1990. P. 11.

²⁰ Laqueur 1990. P. 88.

²¹ Любопытно, что Лакёр знаменитую фразу королевы Елизаветы I: «У меня тело слабой женщины, но сердце и желудок короля»²¹, объяснял именно с позиций однополовой модели, а не в духе концепции Э. Канторовича о «двух телах короля».

²² Ibid. P. 64.

²³ Ibid. P. 149-150.

гинекология²⁴. Новый взгляд на половые различия не вытекал из каких-то принципиальных открытий в анатомии. По Лакёру, он сформировался прежде всего как результат расширения публичной сферы и появления новых форм борьбы за власть. У представителей договорной теории подчинение женщины мужчине – следствие физических различий между полами. У Гоббса сам факт, что женщина нянчит ребенка, ставит ее в зависимую позицию, превращая в объект легкого завоевания. Руссо, выступая против концепции Гоббса о «войне всех против всех», сам прибегал к биологическим аргументам, апеллируя к репродуктивной физиологии: в природе и в примитивном обществе борьба самцов за самку может способствовать естественному отбору, но у женщины способность зачать сохраняется в течение всего года и ограничена только менструальным циклом, что способствует сглаживанию страстей. Французская революция породила не только ранний феминизм, но и антифеминизм, новые политические границы гендерного характера. «Те, кто противился расширению гражданских и личных прав для женщин... представляли доказательства неприспособленности женщин, физической и интеллектуальной, для таких требований: их тела непригодны для хи-мер, неосторожно открытых революцией»²⁵. Мнение, что Французская революция, в конечном счете, воссоздала патриархальную политическую культуру и оттеснила женщин на «периферию», стало своего рода триумфом в современной историографии²⁶.

В XIX в. главным рупором гендерного неравенства стала медицина, устами крупнейших врачей (Шарко, Вирхоф, Бишоф) утверждавшая: «Требование равенства полов основывается на полном игнорировании непреложных физических и умственных различий между ними; именно это, а не прихоть законодателей создает социальное разделение в труде и правах. Большинство врачей считало: научными методами доказано, что женщина не способна делать то, что делают мужчины (включая занятия медициной) и наоборот»²⁷. Идея анатомической и биологической противоположности полов лежала, по мнению Лакёра, в основе двух главных дискурсов, имевших прямое отношение к теме сексуальности: мастурбации и проституции. Викторианская эпоха была буквально за-циклена на проституции, для нее это была «важнейшая арена борьбы против асоциальных форм сексуальности». Проституция в течение столетий, если не тысяч лет рассматривалась как социальное зло, но была одним из зол – наравне с пьянством, богохульством, другими пороками. В XIX в. ей придали особый смысл как самому угрожающему пороку,

---

²⁴ См., напр.: Scully 1994.

²⁵ Laqueur 1990. P. 194.

²⁶ Hunt 1992; Outram 1989.

²⁷ Laqueur 1990. P. 207.

подтачивающему устою общества. Проститутки считали бесплодными – это был стереотип, имевший давнее происхождение. Утверждалось: они не способны к зачатию, ибо в их организмах перемешено семя разных мужчин, их яичник всегда в патологическом состоянии из-за постоянных коитусов, по той же причине фаллопиевы трубы закрыты и т.д. Некоторые комментаторы безапелляционно писали, что проститутка может забеременеть только от мужчины, к которому испытывает чувство любви. Лишь немногие осмеливались сомневаться в таких суждениях и видеть в проституции социальные, а не биологические корни, называя это явление «патологией городского торгового общества». Отмечая социальные и культурные предпосылки эволюции сексуальности и изменения критериев «нормальности», Лакёр, в отличие от Фуко, придавал значение развитию капитализма: «Глубокая культурная озабоченность деньгами и рыночной экономикой сформулирована в метафорах репродуктивной биологии. Секс за деньги, не дающий плодов, резко контрастировал, особенно в немецком примере, с домашней экономикой секса, социальной и продуктивной». Троп бесплодной проститутки имеет давнюю историю, но «границы между домом и экономикой, частным и общественным, личностью и обществом» выглядели более проблематично в городском классовом индустриальном обществе»²⁸.

Концепция Лакёра вызвала острую и продолжительную дискуссию. Среди тех, кто ее принял, Р. Перри, дополнившая аргументы Лакёра анализом художественной литературы. Она выявила тенденцию «десексуализации женщин». Если в пьесах эпохи Реставрации, в произведениях Афры Бен, романах Д. Дефо создавался образ страстной женщины, искательницы любовных приключений, то к середине XVIII в. ситуация изменилась. Неверные жены, как у Г. Филдинга, возмутительницы спокойствия остаются наказанными. Ссылаясь на Лакёра, Перри заключала: «Исторически женщины воспринимались как сладострастные и похотливые создания, падшие дочери Евы, порочные и развращающие. К середине XVIII в. они стали иными: любящими, но без сексуальных потребностей, чистыми с моральной точки зрения, бескорыстными, доброжелательными, жертвенными»²⁹. Прозвучала и критика в адрес Лакёра. К. Харвей показала, что «репрезентации сексуальных различий невозможно разместить в хронологических моделях»³⁰. Одной биологии недостаточно, чтобы понять согласованность гендерной и социальной иерархии³¹. Л. Ропер утверждал, что Лакёр описал всего лишь дискурс в медицинской теории. Совершенно не очевидно, что в реальности люди

---

²⁸ Laqueur 1990. P. 230-232.

²⁹ Perry 1992. P. 115-116.

³⁰ Harvey 2002. P. 216.

³¹ Crawford 2006. P. 415.

того времени воспринимали половые различия подобным образом. Сам Лютер видел в гендерных различиях телесную основу: «У мужчин широкие плечи и узкие бедра, следовательно, они обладают умом. Женщинам надлежит оставаться дома, то, какими они созданы, с широкими бедрами и большим тазом, означает, что они должны сидеть дома, хранить его, вынашивать и растить детей»³². Таким образом, большинство историков соглашались, что половые отличия, которые Лакёр относил к новой модели тела, существовали раньше XVIII в.

С точки зрения Т. Хичкока, фрейдистская биологическая модель гендерных различий глубоко анахронична и мало полезна для понимания исторических процессов³³. В контексте *конструктивизма*, возобладовавшего в историографии сексуальности в 1990-х гг., он отмечал: в результате утверждения в конце XVIII в. идеи «естественности» половых различий, «нормальные» мужчина и женщина должны находить друг друга «естественным образом» привлекательными. Адюльтер казался грехом, но не «природным извращением». Наоборот, содомия, гомосексуализм и мастурбация, представлявшиеся в раннее новое время едва ли большим грехом, чем чревоугодие, превратились не только в преступление, по меньшей мере, моральное, требовавшее наказания, но и в болезнь³⁴. Хичкок указал на дискурсивный характер восприятия проституции в XVIII в.: «В течение века литературные и социологические описания проституток изменились, трансформировались взгляды на то, почему женщины становились проститутками, как и весь спектр суждений в обществе, относящихся к феномену проституции»³⁵. Он показал значимость возникшего в XVIII в. концепта «соблазн», одна из функций которого состояла в доказательстве, что дочери, в т.ч. из высшего и среднего классов, должны держаться у домашнего очага, чтобы не подвергнуться насилию. Этот концепт поменял самовосприятие полов: «Женщины не должны больше считать себя страстными и обладающими едва контролируемым желанием, а сексуально немymi. В начале века от мужчин ожидали, что они могут рационально контролировать свои страсти, их учили быть сексуально ответственными, а в конце века им говорили, что их сексуальные желания вряд ли контролируемы»³⁶. Таким образом, опровергался взгляд на XVIII в. как на «сексуальный рай».

Американский историк Р. Дарнтон утверждал: во Франции главным потребителем порнографической литературы была образованная элита, и такого рода сочинения могут рассматриваться как часть Просвещения. Другой известный историк Л. Хант видела специфику порно-

³² Roper 1994. P. 16, 18-19

³³ Hitchcock 1989. P. 350, 355.

³⁴ Hitchcock 1997. P. 5-6.

³⁵ Ibid. P. 98.

³⁶ Ibid. P.100.

графических изображений кануна Французской революции в том, что их основным назначением было не изображение соответствующих действий как таковых, а нанесение удара по господствующему сословному порядку, аристократии и королевской семье. Хичкок полагал, что в английском контексте эта концепция не работает. Сведения о либертинаже иностранных аристократов и католического духовенства лишь усиливали консерватизм английской публики. Интерес к такой литературе разделяла незначительная группа в верхушке общества. На этом рынке преобладали переводы с итальянского и французского, зато издавалось много дешевых брошюр с непристойными шутками. Их читателями были, в основном, представители среднего и даже низшего класса. Для изображения половых органов или сексуальных действий в этих брошюрах часто использовались метафоры. По наблюдению Хичкока «домашний» характер английского дискурса о сексуальности иллюстрируют описания острова Таити. Руководитель французского кругосветного путешествия в 1778 г. граф Буганвиле в своих записках создавал образ Таити в духе сексуальной утопии. Для него, а вслед за ним для Дидро, таитяне – благородные дикари, живущие согласно духом природы, которым секс дарит радость, не накладывая на них чувства вины. Напротив, посетивший этот остров почти в то же время капитан Джеймс Кук пришел к иному заключению: они придерживаются моногамии, ценят собственность и свой дом – лишь отсутствие у них христианской веры мешает считать их аналогом английского народа в Южных морях³⁷.

Л. Хант, видный представитель новой культурной истории, охотно использует фрейдизм, но ее интерпретация дискурсивная и конструктивистская. Для нее Французская революция – не рациональные политические действия, а проявление коллективного бессознательного. Хант отмечала, что «французы убили короля таким способом, который больше всего в современной истории напоминает ритуальное жертвоприношение». По ее мнению, дискурс о сексуальности сыграл важную, если не главную, роль в сокрушении монархии, лишив ее авторитета. Образ короля как «политического отца» нации окончательно рухнул после Вареннского кризиса. Мария Антуанетта олицетворяла образ «плохой матери», использовавшей собственное тело, чтобы нанести вред своим политическим детям. Хант насчитала 126 порнографических памфлетов, «героиней» которых была королева. Ей приписывался секс с многочисленными представителями знати, от Людовика XV, Карла д'Артуа до революционных деятелей, а также связи лесбийского характера. Памфлеты содержали репродукции гравюр фривольного свойства. Не случайно на судебном процессе в ее адрес звучали чудовищные обвинения в разврате и инцесте. Это раскрывает гендерный порядок, который уста-

---

³⁷ Hitchcock 1997. P. 23.

новила Французская революция: отделить женщину от любой общественной деятельности, ограничив семейными обязанностями. Теоретическим основанием обвинений в адрес Марии Антуанетты было отраженное в работах Руссо представление об опасности женской сексуальности, феминизирующей мужчин в публичной сфере.

Прямое отношение к истории сексуальности имеет глава книги, посвященная маркизу де Саду, в трудах которого Хант видел трансформацию порнографии от антиклерикализма и интеллектуального эротизма к современным формам порнографии, ориентированным на массовую аудиторию. Дискурсивный анализ позволил ей увидеть в этом произведении «уникальную современную перспективу опыта Французской революции. Это не значит, что Сад выразил «правду» о революции; республиканцы отвергали его взгляды. Тем не менее, он раскрыл спорные аспекты республиканской идеологии: отношения между мужчинами и женщинами, родителями и детьми, противоречия между личными эгоистичными стремлениями и потребностью в социальном взаимодействии... Сад довел анализ устремлений самовлюбленного эго до крайней точки – смерти»³⁸. Сад жил во времена дезинтеграции и реформ, когда социальные отношения обнажились в своей хрупкости и условности, а тема смерти приобрела особый смысл. Де Сад ставил те же проблемы, что Руссо или Э. Берк, но доводил их до абсурда и предлагал решения, которые ставили в замешательство. Доведение до абсурда – стратегия Сада-писателя. Временами он просто пародирует республиканские принципы. Если мужчины рождаются свободными и равными в правах, значит, никакой мужчина не может быть исключен из права обладать женщиной. Женщина обладает правом на любые удовольствия, которых жаждет, до тех пор, пока готова отдаться любому мужчине. Вместо того, чтобы доказывать, что женщина должна оставаться дома и тем легитимировать отцовство, Сад утверждает, что она должна стать проституткой и быть доступной. Это пародия на идею республиканцев о вовлеченности женщин в общественную сферу. Если у детей не будет отцов, то они будут принадлежать республике, и у них не будет другой матери, кроме своей страны. Но ведь это именно то, что говорили в Конвенте Дантон и Робеспьер, когда касались вопросов образования. То же самое утверждала в другие времена Александра Коллонтай: «Ребенок принадлежит обществу, в котором родился, а не своим родителям».³⁹ Если великой доблестью провозглашено братство, то и содомия не является преступлением. История Греции и Рима доказывает, что эта практика чаще встречалась во времена республик, она укрепляет узы между мужчинами и полезна в борьбе с тиранами. Более того, де Сад

---

³⁸ Hunt 1992. 128.

³⁹ Бедненко 2017. С. 48.

использовал идею Монтескье и Руссо, что деспотизм порождается женщинами. Если республика провозгласила братство, что лучше легитимизирует его, чем гомосексуальные отношения мужчин? Убийство ужасно, но в республиканском обществе оно часто перестает быть преступлением, становясь в сущности тем, что можно терпеть. Почему же не счастье убийство терпимым, если оно служит источником наслаждения? Омерзительнейшая сцена «Философии будуара» имеет прямое отношение к атакам на Марию-Антуанетту, «плохую мать», преступление которой заключается в ее статусе матери, которую казнит собственное дитя. Де Сад использовал в этой сцене слова, обращенные во время судебного процесса к бывшей королеве: волчица и шлюха. Хант специально оговаривала, что не защищает взгляд, будто вера в братство и нового человека неизбежно ведет к инцесту, содомии и убийству, с чем республиканцы никогда не согласились бы. Более того, Хант полагала: нельзя быть уверенным, осознавал ли сам де Сад на рациональном уровне такую связь.

1990-е гг. были не просто временем, когда история сексуальности оформилась как раздел академической истории, но и временем ее расцвета. В 2000-х число работ по этой теме продолжало расти, но острота полемики притупилась. Характеристику некоторых трудов последних лет можно найти в обзоре А. Кларк⁴⁰. В сборнике «Современная история сексуальности» звучит мысль о недостаточности изучения сексуального поведения, о необходимости обращаться к этой теме в контексте более широких социальных и культурных вопросов⁴¹. По мнению В. Харрис, трудно определить границы и дефиниции истории сексуальности, потому что сами историки ограничены в понимании сексуальности своим временем и своей культурой. Поэтому история сексуальности воспринимается, в основном, как история девиации, что идет от Фуко, мало затронувшего «нормальные» гетеросексуальные отношения. По мнению Харрис, главный раздел в современной историографии сексуальности проходит не в спорах с конструктивистами, а в разном понимании траектории развития сексуальной культуры: характеризуется ли она нарастанием репрессивности или постепенной эмансипацией. Какими путями общество и власть может ослаблять и усиливать контроль?⁴²

В «Оксфордской истории историописания» отсутствует специальный раздел по истории сексуальности, но эта тема затронута в двух главах. В главе 10 «История и социальные науки на Западе» упомянута «История сексуальности» Фуко и отмечено, что он «увел историков, заинтересованных в теории, в сторону от социологии»⁴³. В главе 7 «Жен-

---

⁴⁰ Clark 2011.

⁴¹ The Modern History of Sexuality. 2005..

⁴² Harris 2010. P. 1097.

⁴³ Oxford History of Historical Writing. V. 5. 2011. P. 213.

ская и гендерная история» отмечен «отход от восприятия пола как сугубо биологического феномена, появление концепций “сконструированного пола” (маскулинности и фемининности) и изучение изменений, которые эти концепции претерпели». Подчеркнуто, что большая часть трудов по истории сексуальности следовала разъяснениям Фуко о власти и ее распространению посредством сексуального подавления⁴⁴.

Итак, формированию истории сексуальности как направления в историографии способствовал ряд общественных и теоретических факторов, в том числе, вступление западного общества в стадию «потребления» после условного (и реального) 1968 г., когда сексуальность стала признанной частью проекта «индивидуализации». Изучение сексуальной истории было и остается связанным с общественными движениями, такими, как борьба за гражданские права, женское движение и сексуальная революция. В историографическом плане стимулом стал «культурный поворот», в рамках которого произошло обращение к практикам повседневного, а в трудах историков третьего поколения «школы Анналов» и представителей «новой культурной истории» начались исследования ментальности. В методологическом плане свою роль сыграл постмодернизм, посредством теории дискурса выведший историю сексуальности из маргинального положения, сделавший ее признанной в академическом мире научной дисциплиной. Как междисциплинарная область история сексуальности ломает рамки традиционной истории, широко использует теории и методы антропологии, лингвистики, психологии, медицины и других наук. В то же время в истории сексуальности нет сегодня общепринятой теории. Кто-то посчитает, что это мешает ее верификации как особого направления в историографии, однако такая ситуация не уникальна, достаточно вспомнить о публичной истории.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бедненко Г. Александра Коллонтай // Знание – сила. 2017. № 12 [Bednenko G. Aleksandra Kollontay // Znaniya – sila. 2017. N 12]
- История тела / Под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. I. От Ренессанса до эпохи Просвещения. М.: НЛО, 2012; Т. II. От Великой Французской революции до первой мировой войны. М.: НЛО, 2014 [Istoriya tela / pod red. A. Korben, J. Vigatello. T. I. Ot Rennessansa do epoch Prosvesheniya. M.: NLO. 2012; T. II. Ot velikoy fFranzuzskoy revolyuzii do pervoy mirovoy voyni. M.: NLO, 2014]
- Clark A. The History of Sexuality // History Today. 2011. September. Vol. 61. N 9.
- Crawford K. Privilege, Possibility and Perversion: Rethinking the Study of Early Modern Sexuality // Journal of Modern History. 2006. June. Vol. 78. N 2.
- Foucault M. The History of Sexuality. V.1: The Will to Knowledge. L.: Penguin Books, 1998.
- Gay P. The Bourgeois Experience. Victoria to Freud. V.1. Education of Senses. Oxford: University Press, 1984; V.2. The Tender Passions. Oxford: University Press, 1986.
- Harris V. Sex on the Margins: New Directions in Historiography of Sexuality and Gender // Historical Journal. 2010. Vol. 54. N 4.

⁴⁴ Ibid. P. 152-153.

- Harvey K. The Substance of Sexual Difference: Change and Persistence in Representations of the Body in Eighteenth-Century England // *Gender and History*. 2002. August. Vol. 14. N 2.
- Haynes A. *Sex in Elizabethan England*. Sutton Publishing, 1997.
- Hitchcock T. Sex and Historians: Some Recent Literature on the Construction and Policing of Sexuality // *Social History of Medicine*. 1989. December. Vol. 2. N 3.
- Hitchcock T. *English Sexualities*. L.: St Martin's Press, 1997.
- Hyam R. *Empire and Sexuality. The British Experience*. Manchester: University Press, 1990.
- Hunt L. *The Family Romance of the French Revolution*. L.: Routledge, 1992.
- Laqueur T. *Making Sex. Body and Gender from Greeks to Freud*. Harvard: U.P., 1990.
- Laqueur T.W. *Solitary Sex. A Cultural History of Masturbation*. N.Y.: Zone Books, 2004.
- The Modern History of Sexuality* / Ed. by M. Haulbrook and H.Cocks. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2005.
- Outram D. *The Body and the French Revolution. Sex, Class and Political Culture*. New Haven, 1989.
- Oxford History of Historical Writing*. V. 5. *Historical Writing Since 1945*. Oxford: U.P., 2011.
- Perry R. *Colonizing the Breast: Sexuality and Maternity in Eighteenth Century England // Forbidden History: the State, Society and the Regulation of Sexuality in Modern Europe* / Ed. by John C. Fout. Chicago: University of Chicago Press, 1992.
- Roper L. *Oedipus and the Devil. Witchcraft, Sexuality and Religion in Early Modern Europe*. L.-N.Y.: Routledge, 1994.
- Scully D. *Men Who Control Women's Health. The Miseducation of Obstetrician-Gynecologists*. N.Y.: Columbia University, 1994 (1st ed. 1980).
- Sexual Cultures in Europe*. V. 1-2 / Ed. by F. Eder, L.A. Hall, G. Hekta. Manchester: U.P., 1999.
- Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England 1500-1800*. L.: Penguin Books, 1990 [1977].
- Соколов Андрей Борисович**, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского: sokolov_1457@mail.ru

History of Sexuality as Direction in Historiography

The emergence and contemporary situation of the history of sexuality as a direction in historiography is regarded in this article. The factors that stimulated the increase of interest to this kind of studies are revealed, among them the works of the French postmodernist philosopher M. Foucault. The author suggests that academic research of the history of sexuality began approximately in 1970-80s, and in 1990s two main methodological approaches, used for classification in this article, we formed. The first *essentialist* approach regards sex as natural biological phenomenon the attitude to which differs in different cultures and undergoes certain transformation in the process of social development. The second *constructivist* approach is based on Foucault's ideas about discursiveness, and regards control over sexuality as one of the main disciplinary technologies of the modern society. Theoretical problems of the history of sexuality were articulated already in 1990s but consensus was not found. Today most of the numerous works in historiography of sexuality are of empirical character, though they enrich the palette of representations about this important part of human life.

Keywords: history of sexuality, Z. Freud, norm and deviation, M. Foucault, discourse, power, T. Laqueur, de Sad, revolution, L. Hunt

Andrei Sokolov, Dr. Sc., Professor, Dean of the Faculty of History, Yaroslavl Ushinskiy State Pedagogical University: sokolov_1457@mail.ru

С. Г. ДЮКИН, И. В. САМОЙЛОВА

РОК-КУЛЬТУРА В КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ

Статья связана с научной проблемой, которая заключается в преобразовании культурного явления в процессе его воспоминания. В данном случае речь идет о рок-культуре и рок-музыке, сыгравших значительную роль в преобразованиях 1980-х – начала 1990-х гг. в СССР и постсоветской России. В основе гипотезы лежит идея того, что изменение функциональной роли рок-музыки в последние два десятилетия нашло отражение в ретроспективном восприятии этого явления людьми, связанными с рок-культурой. Основными позициями, выраженных в воспоминаниях, предстают конфликт между роком и советской культурой, взаимосвязь рок-музыки и политических коллизий эпохи перестройки, молодежные субкультуры конца 80-х гг. и степень изоляции рок-среды от социального большинства.

Ключевые слова: рок-культура, рок-музыка, коллективная память, идентичность, субкультура, ретроспективная рефлексия

Строгость научного жанра позволяет избежать банального, но очень напрашивающегося эпитафия о смерти рок-н-ролла из песни Б.Гребенщикова. Ведь именно омертвелость, а точнее говоря, частичная или полная актуальная дисфункциональность объекта позволяет погрузиться ему в коллективную память социума. Нечто подобное произошло с рок-культурой в России XXI века. То, что постепенно заменило рок как актуальный музыкальный жанр и совокупность практик, характерных для активных приверженцев этого направления¹, можно охарактеризовать в отношении сегодняшнего дня в качестве объекта ностальгии, исторического феномена, способа историко-культурной инсценировки, символического ядра ретроградных субкультур. Данный факт, безусловно, вводит рок в сферу бытования коллективной культурной памяти, делая его объектом ретроспективной рефлексии и инструментом коммеморации внутри отдельных социокультурных групп.

Вводя в дискурс рок-музыки понятия коллективной и индивидуальной памяти, мы основываемся на концептуальных позициях М.Хальбвакса, Я.Ассмана, А.Ассман² и ряда других авторов, тесно связывающих эти два понятия и настаивающих на их взаимозависимости. Данную позицию можно выразить словами М.Хальбвакса, который первым заявил о социальной обусловленности индивидуальных воспоминаний, о влиянии на них со стороны актуальных общественных запро-

---

¹ В данном контексте обращение к дискуссиям по поводу сущности рока, соотношения музыкальной и вербальной составляющей, субкультурного значения жанра, является несостоятельным и нецелесообразным.

² Ассман 2014; Ассман 2004; Хальбвакс 2005.

сов. Он писал: «Воспоминание в весьма значительной мере является реконструкцией прошлого при помощи данных, полученных в настоящем, и к тому же подготовленной предшествующими реконструкциями, которые уже сильно видоизменили прежнюю картину»³. Наши рассуждения о роке как об объекте памяти предполагают акцентирование внимания на зависимости, главным образом, индивидуальных воспоминаний от общих тенденций, от заинтересованности памяти коллективной в определенной реконструкции прошлого («по своему образу и подобию»).

Исследовательская проблема, которая легла в основу данной статьи, заключается в выявлении функциональных характеристик, приписываемых рок-музыке носителями культурной коллективной памяти. Важно выяснить, чем отличается рок-н-ролл, существовавший в 80-е гг. от себя же самого, но помещенного в воспоминания свидетелей. Целью исследования является выявление и обозначение образа рок-культуры как объекта коллективной памяти современных россиян. Таким образом, рок *artistic* получает ретроспективный статус, превращаясь в историческое явление. Подобная позиция имеет условное значение, будучи удобной в исследовательском аспекте. При этом необходимо помнить, что рок-музыка и сопровождающая ее рок-культура продолжают свое существование, не являясь, однако, при этом фактором общественно-политических перемен, не являясь эпицентром актуальных молодежных субкультур и контркультур.

Будучи явлением заметным и социально значимым, рок-музыка и рок-культура стали устойчивым объектом научной рефлексии. В 1990-2010-е гг. проблемам рока, в том числе осмыслению той роли, которую он сыграл в прошлом, были посвящены десятки диссертаций, статей и книг (Е. Касьянова, Г.Кнабе, Е. Мякотин, И.Набок, Т. Невская, В.Сыров, С. Шаповалов, и др.)⁴. Значительный вклад в обогащение рок-дискурса внесли авторы публицистических текстов (А.Житинский, А.Козлов, М.Козырев, А.Кушнир, А.Троицкий⁵). Многие исследования логически подводят нас к изучению рока в аспекте коллективной памяти, как мемориальной категории, осмысливаемой почти исключительно ретроспективно, несмотря на продолжение существования рок-музыки в качестве жанра, и даже его развитие и продолжающееся обогащение.

В основе исследовательской методики лежит включенное нарративное интервьюирование людей, причастных к рок-культуре, с последующим структурным анализом интервью. В качестве информантов выступили люди, представляющие низовой периферийный сегмент рок-

---

³ Хальбвакс 2005. С. 18-19

⁴ Касьянова 2003; Кнабе 2006; Мякотин 2006; Набок 1993; Невская 2009; Сыров 1997; Шаповалов 2010.

⁵ Житинский 2006, 2007; Козлов 2001; Козырев 2007; Кушнир 2003; Троицкий 1991.

культуры. Это самодеятельные рок-музыканты, к которым мы относим тех, кто занимается музыкой помимо основной профессиональной деятельности, и для которых музыка не является средством основного заработка. Также интервью проводились с людьми, близкими к музыкантам. Это коллекционеры музыкальных записей, постоянные посетители рок-концертов, «тусовщики». Информанты проживают в Москве, Санкт-Петербурге, Перми и Улан-Удэ, представляя, таким образом, различные варианты столичного и периферийного рок-н-роллного сообщества. В качестве источниковой базы, объективирующей реалии, на которых строится воспоминания, выступает публицистический дискурс периода перестройки, связанный с рок-музыкой, история отечественного рока, зафиксированная в текстах А.Троицкого, А.Житинского, материалы самиздатских журналов 80-х гг. «Рокси» и «РИО»⁶.

Вхождение субъекта в рок-н-ролл

Системообразующим мотивом ретроспективной рефлексии по поводу рок-культуры является степень интенсивности ее воздействия на настоящее информантов. Как рок повлиял на жизнь человека, изменил ли он сегодняшних взрослых, могут ли оставаться люди прежними после испытания воздействия рок-музыки – эти вопросы лежат в основе выявления образа рока в коллективной памяти сегодняшних россиян. Ответы на них зашифрованы в оценке событий, фактов, приведших людей к увлечению рок-музыкой. Интервал оценок колеблется от игнорирования увлечения роком как важного события в жизни до абсолютной гиперболизации влияния со стороны музыки. Первая позиция обозначается через умаление места рока в собственной жизни, приписывание профанного характера момента знакомства с этой музыкой. Информанты указывают на случайность фактов, моделируют ситуацию отчуждения между собой и музыкой. Типичны следующие высказывания: «Я помню ощущение единения с друзьями во дворе, но какого-то фанатского погружения в музыку точно не было... Слово «рок» отсутствовало. Уже тогда (в конце 80-х) предполагалось, что рок себя изжил»⁷, «собирались с ребятами в детском клубе, они давали слушать разную музыку, я не понимала, что она как-то принципиально отличается от другой, той, что, например, по телевизору, в «Утренней почте» какой-нибудь»⁸. Найти разницу между реалиями конца 80-х гг. и сегодняшней социокультурной конъюнктурой, влияющей на редуцирование влияния со стороны рок-культуры, практически невозможно. Методика, позволяющая сделать это, отсутствует, и ее появление не представляется реальным. Однако в данном случае налицо проявление сегодняшнего ди-

⁶ Житинский 2006, 2007; РИО 1988; Рокси 1988; Троицкий 1991.

⁷ Интервью 2: Мужч. 1974 г.р. Записано на диктофон 17.07.2017.

⁸ Интервью 20: Женщ. 1972 г.р. Записано на диктофон 30.04.2019.

станцирования молодежной поп-культуры от реалий рок-культуры с ее экзистенциальным напряжением и протестным потенциалом, актуальными в эпоху позднего социализма и в период перестройки, но не востребованными масскультом второго десятилетия XXI века. Редуцирование рока как социокультурного феномена может быть сопряжено также с той ответственностью и самостоятельностью, которые возлагаются на субъекта рок-культурой. Особое положение человека в рамках данной культурной формы отмечается множеством авторов, однако в наиболее последовательной форме выражено, по нашему мнению, И. Гололобовым⁹ и Е. Мякотиным, который пишет об особой точке зрения в рок-культуре на мир, где «ничего окончательного еще не произошло, последнее слово мира и о мире еще не сказано, мир открыт и свободен, еще все впереди и всегда будет впереди»¹⁰. Помимо этого, в данном поле может быть актуализирован тезис об иррациональном характере рок-культуры¹¹. Иррационализм же может быть в полной мере востребован в кризисные моменты истории, в эпоху перемен, бытийной неопределенности. Именно с этим можно связать ретроспективный отказ от рока.

Противоположная позиция основана на приписывании эмоциональных переживаний своему знакомству с рок-музыкой, а также на обозначении отчуждения между роком и советской культурой. «Я помню, как увидел «Beatles» в какой-то передаче, они произвели на меня неизгладимое впечатление, настолько сильно это отличалось от того, что я видел и слышал вокруг»¹². В законченной форме данная установка выражается в словах: «Если бы мы не слушали тогда «Beatles», мы были бы теперь хуже, чем есть»¹³, или «После того, как я услышал «ELP» я уже не мог оставаться прежним человеком»¹⁴, а также «В 70-х в эфир стали попадать ВИА из стран социалистического содружества-это был огромный контраст по сравнению с песнями Людмилы Зыкиной и Кобзона...»¹⁵. Знакомству с роком предается значением водораздела, своеобразного «осевого времени» в личной биографии. Музыкальное явление становится инструментом выхода из сложившихся социокультурных условий (в нашем случае это советская культура). Таким образом, обе мемориальные установки, обозначенные выше, так или иначе, вращаются вокруг одного предмета, - степени исключенности *советского* из нормальной культуры. Советская идентичность *artioi* моделируется

---

⁹ Гололобов, Стейнхольм, Пилкингтон 2016

¹⁰ Мякотин 2006.

¹¹ Доронин 2011

¹² Интервью 1: Мужч. 1959 г.р. Записано на диктофон 11.07.2017.

¹³ Интервью 10: Мужч. 1954 г.р. Записано на диктофон 12.07.2018.

¹⁴ Интервью 8: Мужч. 1973 г.р. Записано на диктофон 10.06.2018.

¹⁵ Интервью 18: Мужч. 1960 г.р. Записано на диктофон 11.04.2019.

субъектами воспоминаний в качестве исключенного Другого, нуждающегося либо в принятии, либо в радикальном отчуждении.

Возможно, объединение в одной вспоминаемой ситуации сразу двух описанных начал, как, например, в истории из начала 80-х гг. Рок-музыка приходит к информанту, ныне одному из самых авторитетных и заслуженных пермских рок-музыкантов, совершенно случайно в качестве «некачественной блатной песни». «Как-то одноклассник мне говорит: «Я тут каких-то неправильных блатных купил», и дает мне катушку»¹⁶. «Неправильными блатными» оказалась группа «Аквариум». И эти записи наш собеседник, по его признанию, слушал сутки напролет. Именно знакомство с творчеством Б.Гребенщикова побудило будущего музыканта научиться играть на гитаре, а в последующем сочинять песни и создать собственную группу. По сути, и здесь мы имеем дело с ситуацией, которая выстраивается вокруг взаимодействия индивида с советской культурой. Такая ее производная, как тюремная песня, подменяется своей противоположностью, культурой музыкального андеграунда, находящейся за пределами *советского*, и служащей одной из возможностей ее отрицания.

Фактор противостояния

Дихотомия *рок - советская культура*, зафиксированная в рефлексии представителей рок-культуры, влечет за собой еще один важный компонент воспоминаний. Это вовлеченность рок-н-ролла в дискурс перестроечных реформ, степень его политизации, протестный характер рок-субкультуры. Данный спектр вопросов почти не порождает разночтений. Практически все, кто говорит об этом, указывают на полную отстраненность рок-культуры от всяких политических реалий. Различие между воспоминаниями предполагает лишь различную степень отчужденности. Незначительная вариативность даже при максимальном совпадении направлений рефлексии неизбежна в силу контекстуальности подобного рода воспоминаний. При остроте и неоднозначности объекта воспоминаний, особенно в условиях достаточно политизированного социума, каковым является Россия второго десятилетия XXI века, схожесть суждений невозможна. «Влияние социального контекста проявляется, прежде всего, в существовании множества точек зрения на один и тот же предмет воспоминаний¹⁷», - пишет по этому поводу Т. Емельянова. Согласно одним вариантам ретро-рефлексии, хотя музыканты сами никогда не занимались политической деятельностью, они все же осознавали наличие противостояния в самом факте объекта своей увлеченности. Московский музыкант Петр, приобщившийся к рок-культуре в кон-

¹⁶ Интервью 7: Мужч. 1966 г.р. Записано на диктофон 06.06.2018.

¹⁷ Емельянова 2012.

це 80-х гг., редуцирует политическую составляющую рок-н-рольного протеста через абсолютизацию противостояния – рок дает возможность создать позицию отчуждения в отношении всей совокупности отрицаемых субъектом социальных фактов. В сконцентрированной форме данная позиция звучит так: «Протест своеобразный был, но скорей не против системы, а против окружающего быдла»¹⁸. Более конкретизированный вариант воспоминаний о протестности рок-музыки предполагает следующую позицию: «Бунтарство ощущалось уже в самой музыке, в спекуляции пластинками. Но это (бунтарство) ощутилось, на самом деле, только тогда, когда это стало можно»¹⁹. До видимого начала перемен (1986 год) ни о каком отрицании советской системы вообще говорить не приходится. Данный факт подтверждается всеми, без исключения, информантами. Позиция, находящаяся на противоположном конце обозначенного спектра воспоминаний, касающегося взаимодействия рок-культуры и политики, заключается в абсолютной аполитичности рок-н-ролла поздней советской эпохи. «Были такие, кто от всего этого (от обсуждения реформ в эпоху перестройки) ташился. Но они воспринимали это как спектакль. Они воспринимали все это как концептуальное парадийное действо. Они могли всем эти подолгу серьезно заниматься, но наряду с этим могли читать Кастанеду, всякие дыхательные упражнения делать. Для них это все были упражнения одного плана. А чтобы кто-то серьезно этим увлекался, ожидая, что от этого изменится судьба в лучшую или худшую сторону, - что-то я такого не помню. Во всяком случае, у меня на горизонте такого не было»²⁰.

Подобная установка, связанная с самоизоляцией рок-субкультуры, предельно тесно коррелирует с концептом венаходимости, который предложил А.Юрчак в своей теоретической схеме, обрисовывая особенности поздней советской культуры (Юрчак). При этом необходимо понимать, что, получая схожие данные об отрицании всеми, причастными к советской рок-культуре, какой-либо ее политизированности, американский антрополог не предусматривает возможности коррекции воспоминаний под воздействием социальных рамок памяти. Здесь необходимо уточнить, что в действительности реформаторским пафосом насыщен, по сути, весь публицистический рок-н-рольный дискурс времен перестройки. Мощным императивом политического сопротивления наполнено творчество многих популярных российских рок-крупн второй половины 80-х («Телевизор», «Алиса», «Ноль», «Наутилус-Помпилиус», «Алиби», «Присутствие», «Гражданская оборона»). Идея о реформаторской роли отечественного рока в крайне последователь-

¹⁸ Интервью 19: Мужч. 1973 г.р. Записано на диктофон 29.04.2019.

¹⁹ Интервью 1: Мужч. 1959 г.р. Записано на диктофон 11.07.2017.

²⁰ Интервью 6: Мужч. 1967 г.р. Записано на диктофон 10.11.2017.

ной форме выражена А.Житинским, по сути, ведущим «летописцем» истории советской рок-музыки (Житинский, 2006, 2007). Мощный след противодействия системе со стороны рок-сообщества остался в рок-н-рольном самиздате времен перестройки (Рокси). По нашему мнению, отчуждение политики и всякого противостояния системе (в значительной степени даже внутреннего сопротивления) является результатом последующей функциональной эволюции рок-музыки. Начиная с первых лет постперестроечной эпохи, рок-музыка в СССР и в постсоветской России лишается функции противодействия истеблишменту, превращаясь в один из стилей молодежной популярной музыки с ее потребительским конформизмом и социальной пассивностью. Таким образом, утверждение идеи аполитичности советского рока становится способом конструирования внутренней идентичности бывших носителей рок-культуры с социальным большинством при сохранении внешнего отличия. Помимо этого, через присваивание ушедшей рок-культуре признаков сегодняшней молодежной культуры, характеризующейся предельным конформизмом, обеспечивается определенный континуитет, отправной точкой которого является настоящее. Прошлое же ассимилируется в настоящем, воспринимаемом в качестве социокультурной нормы. Также немаловажным фактором сегодняшнего отказа от бунтарства рок-культуры в ретроспективе является, в конечном счете, пассивный характер рока в проходивших реформах, несмотря на внешне кажущуюся его значительную роль в трансформационных процессах. По мнению авторов статьи, рок-музыка «являлась своеобразным индикатором жизнеспособности советской системы, не будучи при этом индикатором изменений»²¹.

Рок-сообщество: проблемы идентичности

Третьим направлением ретроспективных представлений о рок-культуре становится степень ее единства. Исходной точкой рассуждений на сей счет является факт расслоения рок-н-рольной среды на множество субкультур и стилевых явлений. Если подобное расслоение и не было максимальным в конце 80-х гг., оно в любом случае имело более выраженный и социально значимый характер. Наличие молодежных неформальных группировок разного толка служило одной из излюбленных тем для обсуждения в СМИ. Большинство этих группировок были порождением того или иного ответвления рок-музыки (хиппи, панки, металлисты, и т.д.). Многие из них противостояли друг другу. СМИ, в том числе самиздат, отражают отсутствие единства в роктусовке того времени, наличие достаточно жестких конфликтов между разными молодежными группировками, которые так или иначе были

---

²¹ Дюкин, Самойлова 2018. С. 167-168.

связаны с рок-культурой (РИО). Трендом сегодняшнего дня стало утрирование единства рок-среды 80-х гг., отрицание внутренних различий. Многие музыканты, и люди, находившиеся рядом с ними, отрицают существование важных принципиальных различий между представителями различных субкультур и отказываются от наличия в прошлом собственной субкультурной идентичности. Как правило, подобная позиция выражается в декларации собственной открытости в отношении всех основных субкультурных групп. Звучит такая позиция следующим образом: «В какой-то момент мне казалось, что во мне нечто панковское есть, а потом, что я ближе к хиппи. Ну, а если задуматься, что есть панки, и что есть хиппи, то и те, и другие – это такие веселые, или озлобленно-веселые разгильдяи, которые балду пинают и получают от этого кайф. Так и было»²². Возможна более парадоксальная форма множественной субкультурной самоидентификации: «Я ходил весь обвешанный феньками, хиппанствовал. Хотя, по большому счету, я был скорее панком. Меня любили хиппаны, а я себя считал панком, и был, по сути, и тем, и другим»²³.

Подобный, пусть и ограниченный, субкультурный релятивизм можно связать с несколькими фактами. Во-первых, функционально советские хиппи, панки, байкеры, металлисты и прочие (при сохранении стилистических различий и конфликтности) были предельно близки друг к другу, выступая объединенным антиподом в отношении официальной советской культуры. Помимо этого, они в равной степени были оторваны от своего оригинального западного субстрата, будучи исключенными из социокультурного контекста, в котором данные субкультуры изначально формировались. Во-вторых, причастность к рок-культуре как таковой подчас служит достаточным основанием для игнорирования внутренних культурных границ внутри нее. Стремление к индивидуальному самовыражению может быть гораздо более значимым, нежели воспроизведение субкультурных образцов. По мнению Е. Борисовой, стремление к стилевому разнообразию, поддержка установленных образцов является признаком поп-культуры в противоположность рок-культуре²⁴. В-третьих, сегодняшнее бытие этих субкультур скрыто от глаз внешнего наблюдателя, в том числе и от большинства тех, кто в той или иной степени связан с рок-н-роллом. При этом отдельные стилистические проявления субкультур хиппи, модов, панков, байкеров ассимилированы современной культурой (не только молодежной). Поэтому субъекту ретро-рефлексии, чувствующему свою

---

²² Интервью 8: Мужч. 1973 г.р. Записано на диктофон 10.06.2018.

²³ Интервью 7: Мужч. 1966 г.р. Записано на диктофон 06.06.2018.

²⁴ Борисова 2005.

причастность к этим группам, трудно, а подчас невозможно отделить их друг от друга, в том числе в аспекте собственной идентичности.

Наконец, важным мотивом воспоминаний становится идентификационный фактор рок-культуры, создававшей ощущение особого характера той среды, в которой пребывали сегодняшние информанты. «Было ощущение, что мы сами по себе»²⁵. В ряде случаев информанты сознаются в оценочной роли факта принадлежности к рок-н-рольной среде, в определенном снобизме, который этим фактом задавался. Это звучит следующим образом: «В начале 90-х я тоже был частью изолированной среды, как и все мои одноклассники из специализированной гуманитарной школы. Музыка была тем, что отличало нас от взрослых и от тех, кто учился в обычной школе, где мы пребывали до этого»²⁶. Наконец, возможен вариант крайнего эскапизма. В прошлом формируются абсолютно закрытые для внешнего наблюдателя, функционально не связанные с обществом социокультурные группы. Один из видных представителей пермской музыкально-поэтической богемы конца 80-90-х гг. признается: «Для многих тогда было очевидно, а для меня и сейчас понятно, что все, чем мы занимаемся, это нужно только узкому кругу людей. Не было такого ощущения, что нас гнобят, не дают народу нужного ему искусства. Было понятно, что мы занимаемся какой-то фигней, которая интересна нам. А выносить это все на широкую публику не было не стимула, ни настроения»²⁷. Важным моментом является противопоставление единства, существовавшего в прошлом, сегодняшней ситуации, которая оценивается негативно. «Было ощущение, что это единая общность. В те времена, во всяком случае. А вот на днях был у нас концерт. Ну, там уже не интересно. Мне, конечно, интересно, что они, чем они живут, но это уже какая-то другая волна»²⁸.

Обозначаемый информантами факт субкультурной самоизоляции можно связать с попыткой обретения идентичности теми, кто не слишком удачно вписался в сегодняшнюю систему. Большинство тех, кто на рубеже 80-90-х гг. мог быть причислен к рок-культуре, сегодня представляют различные социальные группы, и как, правило, те из них, которые сложно отнести к престижным, или референтным социальным слоям. Круг наших информантов представлен продавцами книжного и музыкального магазинов, журналистами, преподавателями, сотрудниками рекламных агентств, владельцами малого бизнеса, фрилансерами, безработными. Среди бывших пермских рок-музыкантов нет чиновников высшего ранга, представителей большого бизнеса, руководителей

²⁵ Интервью 2: Мужч. 1974 г.р. Записано на диктофон 17.07.2017.

²⁶ Интервью 3: Мужч. 1975 г.р. Записано на диктофон 23.07.2017.

²⁷ Интервью 6: Мужч. 1967 г.р. Записано на диктофон 10.11.2017.

²⁸ Интервью 7: Мужч. 1966 г.р. Записано на диктофон 16.06.2018.

крупных структур. Они ведут различный образ жизни, в разной степени склонны к девиантным практикам, имеют различный уровень доходов, но большинство из них связывает между собой отчужденность от истеблишмента, от высших позиций в обществе. Обретая единство в воспоминаниях, они формируют собственную референтную группу *рок-н-рольщицков*, в мягкой форме противостоящих социокультурному единообразию, государственным практикам, массовой культуре. Все вышперечисленные институты представляют собой то самое «зеркало», которое необходимо для формирования идентичности²⁹.

***

Воспоминания, актуализированные нами, не обладают высоким коэффициентом напряженности. Прошлое отечественного рок-н-ролла даже если и удастаивается высоких оценок со стороны информантов, не представляет собой объекта притяжения, то есть не является временем, в которое им хотелось бы вернуться. При этом представители рок-культуры, большей частью, проводят строгий водораздел, отмечая завершение эпохи рок-н-ролла, получающей отдельные характеристики «золотого века». Хронологически эта граница проходит по 1993-1996 гг., знаменовавшим окончание эпохи радикальных перемен. Основными концептами, с помощью которых характеризуется состояние рок-культуры до этого периода являются *коллективность, изолированность, творчество, молодость*. Важным становится концепт *начала*, обеспечивающий позицию перманентного становления в противоположность законченности и сформированности, характеризующими настоящее.

Обозначение вспоминающим субъектом хронологической границы между эпохами «до и после» сопрягается с ментальным вытеснением прежней функциональности рока. Респонденты отрицают значимость рок-н-ролла в своей жизни, редуцируют субкультурные различия, преуменьшают степень протестности в отношении политической системы и доминирующей культуры в противовес стереотипам, бытовавшим в советской и ранней российской публицистике, а также осевшим в обыденном сознании под влиянием их трансляции современными масс-медиа. Рок-культура, помещенная в контекст воспоминаний, приобретает облик современной рок-музыки, функциональное предназначение которой находится на пересечении рекреации и изолирующей идентификации для совокупности индивидов, обладающих лидерскими амбициями, но не вписывающихся в элитные общественные группы. В результате прошлое лишается всякой конфликтности, его социум гомогенизируется. Из прошлого уходит концепт противостояния, заменяемый релятивизмом и эскапизмом.

---

²⁹ Ассман 2004. С. 144.

Интервью из личного архива С. Дюкина:

- Интервью № 1. Мужчина 1959 г.р. Записано на диктофон 11.07.2017
 Интервью № 2. Мужчина 1974 г.р. Записано на диктофон 17.07.2017
 Интервью № 3. Мужчина 1975 г.р. Записано на диктофон 23.07.2017
 Интервью № 6. Мужчина 1967 г.р. Записано на диктофон 10.11.2017
 Интервью № 7. Мужчина 1966 г.р. Записано на диктофон 06.06.2018
 Интервью № 8. Мужчина 1973 г.р. Записано на диктофон 10.06.2018
 Интервью № 10. Мужчина 1954 г.р. Записано на диктофон 12.07.2018
 Интервью № 18. Мужчина 1960 г.р. Записано на диктофон 11.04.2019
 Интервью № 19. Мужчина 1973 г.р. Записано на диктофон 29.04.2019
 Интервью № 20. Мужчина 1972 г.р. Записано на диктофон 30.04.2019
 РИО. 1988. № 7 (23).
 Рокси. 1988. № 14.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014. 328 с. [Assman A. Dlinnaya ten' proshlogo: Memorial'naya kul'tura i istoricheskaya politika. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 328 s.]
- Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с. [Assman YA. Kul'turnaya pamyat'. Pis'mo, pamyat' o proshlom i politicheskaya identichnost' v vysokih kul'turah drevnosti. Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury, 2004. 368 s.]
- Борисова Е.Б. Музыка как фактор формирования молодежных субкультур: социологический анализ. Дисс... канд. соц. наук. СПб., 2005 [Borisova E.B. Muzyka kak faktor formirovaniya molodezhnyh subkul'tur: sociologicheskij analiz. Diss. St Petersburg., 2005]
- Гололобов И., Стейнхольм И., Пилкингтон Х. Панк в России: краткая история эволюции // Логос. 2016 [Gololobov I., Stejnkhol'm I., Pilkington H. Pank v Rossii: kratkaya istoriya ehvoljucii // Logos. 2016]
- Доронин В.В. Рок-культура как современное воплощение традиции героев. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Тюмень, 2011 [Doronin V.V. Rok-kul'tura kak sovremennoe voploschenie traditsii geroev. Avtoreferat dissertaciyi na soiskanie uchenoj stepeni kandidata filosofskih nauk. Tyumen', 2011 // <http://cheloveknauka.com/rok-kultura-kak-sovremennoe-voploschenie-traditsii-geroev>]
- Дюкин С.Г., Самойлова И.В. Место и роль рок-музыки в позднесоветском и постсоветском кинематографе // Диалог со временем. 2018. № 63. С. 167-185 [Dyukin S.G., Samojlova I.V. Mesto i rol' rok-muzyki v pozdnesovetskom i postsovetskom kinematografe // Dialog so vremenem. 2018. № 63. S. 167-185]
- Емельянова Т.П. Коллективная память в контексте обыденного политического сознания // «Знание. Понимание. Умение». 2012 № 4 [Emel'yanova T.P. Kollektivnaya pamyat' v kontekste obydenного politicheskogo soznaniya // «Znanie. Ponimanie. Umenie». 2012 № 4 // http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2012/4/Emelianova_Collective-Memory]
- Житинский А. Альманах рок-дилетанта. Санкт-Петербург: Амфора, 2007. 497 с. [Zhitinskij A. Al'manah rok-diletanta. St.Petersburg: Amfora, 2007. 497 s.]
- Житинский А. Путешествие рок-дилетанта. Санкт-Петербург: Амфора, 2006. 488 с. [Zhitinskij A. Puteshestvie rok-diletanta. St.Petersburg: Amfora, 2006. 488 s.]
- Касьянова Е.В. Рок-культура в контексте современной культуры. Дисс. канд. культурологии. СПб., 2003 [Kas'yanova E.V. Rok-kul'tura v kontekste sovremennoj kul'tury. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata kul'turologii. St.Petersburg, 2003]
- Кнабе Г.С. Рок-музыка и рок-среда как формы контркультуры // Кнабе Г.С. Избранные труды. Теория и история культуры. Москва: РОССПЭН; СПб.: Летний сад, 2006. С. 20-50 [Knabe G.S. Rok-muzyka i rok-sreda kak formy kontrkul'tury // Knabe G.S. Izbrannye trudy. Teoriya i istoriya kul'tury. Moskva, St.Petersburg, 2006. S. 20-50]
- Козлов А. С. Рок: истоки и развитие. М.: Синкопа, 2001. 192 с. [Kozlov A. S. Rok: istoki i razvitie. Moscow: Sinkopa, 2001. 192 s.]
- Козырев М. Мой Rock-n-Roll. Трилогия. В 3 т. М.: Гаятри/Livebook, 2007 [Kozyrev M. Moj Rock-n-Roll. Trilogiya. V 3 t. Moscow: Gayatri/Livebook, 2007]

- Кушнер А. Сто магнитоальбомов русского рока. М.: Аграф, Крафт, 2003. 400 с. [Kushner A. Sto magnitoalbumov russkogo roka. Moscow: Agraf, Kraft, 2003. 400 s.]
- Мякотин Е.В. Рок-музыка. Опыт структурно-антропологического подхода. Автореферат дисс. канд. искус. Саратов, 2006 [Myakotin E.V. Rok-muzyka. Opyt strukturno-antropologicheskogo podhoda. Avtoreferat diss. kand. iskus. Saratov, 2006 // <http://cheloveknauka.com/rok-muzyka-opyt-strukturno-antropologicheskogo-podhoda>]
- Набок И.Л. Рок-культура как эстетический феномен. Дисс. д. философ. наук. М., 1993 [Nabok I.L. Rok-kul'tura kak ehsteticheskij fenomen. Diss. dokt. filosof. nauk. M., 1993]
- Невская Т.Н. Эволюция рок-музыки в России. Дисс. канд. Культурол. СПб., 2009 [Nevskaya T.N. Evolyuciya rok-muzyki v Rossii. diss. kand. kul'turologii. St.Petersburg, 2009]
- Сыров В.Н. Стилевые метаморфозы рока или путь к «третьей» музыке. Нижний Новгород: Изд. Нижегородского ун-та, 1997. 209 с. [Syrov V.N. Stilevye metamorfozy roka ili put' k «tretej» muzyke. Nizhnij Novgorod: Izd. Nizhegorodskogo un-ta, 1997. 209 s.]
- Троицкий А. Рок в союзе: 60-е, 70-е, 80-е... Москва: Искусство, 1991. 207 с. [Troickij A. Rok v soyuze: 60-e, 70-e, 80-e... Moskva: Iskusstvo, 1991. 207 s.]
- Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 8-27 [Hal'bvaks M. Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat' // Neprikosnovennyj zas. 2005. № 2-3. S.8-27]
- Шаповалов С.В. Динамика социокультурных ценностей рок-музыки. Дисс. канд. философ. наук. Ростов на Дону, 2010 [Shapovalov S.V. Dinamika sociokul'turnyh cennostej rok-muzyki. Diss. kand. filosof. nauk. Rostov na Donu, 2010].
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Москва: НЛО, 2014. 664 с. [Yurchak A. Ehto bylo navsegda, пока ne konchilos'. Moskva: NLO, 2014. 664 s.]

Дюкин Сергей Габдульсаматович, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры культурологии и философии Пермского государственного института культуры, dudas75@mail.ru

Самойлова Ирина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и стилистики Пермского государственного национального исследовательского университета, samoilova.i@mail.ru

Rock-culture in the collective memory of its agents

The article is connected with scientific problem that lies in the transformation of cultural phenomena in the process of remembering it. In this case we talk about rock-culture and rock-music. It had importance in transformation of the Soviet society in 80s and in the first years of Post-Soviet society. Our hypothesis is idea that changing of functions of rock-music in last time is reflected in retrospective perception of this phenomenon by men who are connected with rock-culture. The main positions of remembering are conflict between the Rock and the Soviet culture, connection of rock-music and political facts of Perestrojka, the youthful sub-cultures of the end of the 1980s, the degree of isolation of the rock environment from the social majority.

Keywords: rock-culture, rock-music, collective memory, identity, retrospective reflection

Sergey Dyukin, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Cultural Studies and Philosophy, Perm State Institute of Culture; dudas75@mail.ru

Irina Samoylova, PhD in Philology, Associate Professor, Perm State National Research University, samoilova.i@mail.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

С. Л. ЧЕРНОВ

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС В РОССИИ (1766–1861)

Пересматривая типичные историографические оценки дореформенной сословной политики самодержавия, автор исследует два взаимосвязанных комплекса тем: 1) происхождение, содержание, характер, технологии решения и место крестьянского вопроса в структуре социально-экономических и политических процессов; 2) предпосылки, причины, задачи и последствия реформы 1861 г., разработка ее философской и технологической сторон. Автор полагает необходимым отделить реформу от предыдущих попыток решения крестьянского вопроса, формулирует концепцию «двух реформ» и приглашает к дискуссии по проблемам социальной политики самодержавия XVIII – первой половины XIX века и генезиса капитализма.

Ключевые слова: *крестьянский вопрос, реформа 1861 года, сословная политика, крепостное право*

Рубеж XV–XVI вв. на Руси стал временем смены исторической парадигмы: эпоха борьбы с Ордой и собирания земель отходила в прошлое, в России начался этап централизации и унификации¹.

Главной задачей российских правителей стало обустройство страны: создание на всем пространстве подвластных земель эффективной системы управления, включавшей верховную власть, центральную и местную администрацию, фискальную систему, единое законодательство и т.д. Одновременно принципиально изменился характер военной опасности: на смену удельной усобице, татарским набегам, дружинам и ополчениям приходила полномасштабная война нового времени, что заставляло формировать новую армию. Россия не могла пойти по европейскому пути наемных армий: страна не обладала для этого экономическими ресурсами. Комплекс внутренних и внешних факторов толкал московских государей на поиск кадров, как для управленческой системы, так и для войска нового образца. На роль управленцев активно претендовало боярство. В результате феодальной войны оно оказалось структурировано в форму Государева Двора², что свидетельствовало об отказе от притязаний на корону, но не означало готовность отречься от прав на участие в управлении. Вотчинное землевладение позволяло ему оставаться сравнительно экономически и политически независимым от верховной власти, а административная система – кормления – использовалась для личных нужд. Это существенно сужало политические возможности верховной власти. При этом знать ни численно, ни организа-

---

¹ Зимин 1972.

² Зимин 1991. С. 203–204.

ционно не могла обеспечить новые военные потребности. Приходилось искать способ трансформации дружины в поместную конницу. Пути было два: обложить вотчину государевым тяглом в виде обязательной службы и создать поместье – пожизненное владение, обремененное служебными обязанностями держателя. В результате начало складываться дворянство – массовая социальная группа, способная при полном экономическом и политическом контроле со стороны верховной власти решать как внешние, так и внутренние задачи.

Первым шагом на пути создания дворянства стало учреждение поместий. Вторым – превращение вотчины в служилое землевладение³. Третьим – отмена местничества и иммунных прав. Четвертым – слияние вотчины и поместья в единую по правовому режиму форму поземельной собственности⁴ и обложение землевладельцев податями: личной – обязательное обучение и пожизненная служба; и имущественной – денежные повинности с каждого записанного за поместьем двора и поставки за свой счет рекрутов. Эффективными инструментами принуждения шляхетства к службе стали майоратное право и Табель о рангах. Эта политика (от Ивана III до Петра I) породила три следствия: 1) землевладение оказалось обременено службой, при этом князь не нуждался в средствах на содержание войска, служба стала натуральной повинностью; 2) были заложены основы социальной иерархии, базирующейся на значимости исполняемой функции; 3) сложились условия для возникновения целенаправленной государственной политики стратификации общества – сословного строя. В основу сословного строя была положена сложившаяся ко второй четверти XVIII в. социальная стратификация. При Петре население России в социальном плане оказалось дифференцированным по двум взаимосвязанным критериям: по типу повинности, определявшему функцию, исполняемую социальной группой (крестьяне, ремесленники, купцы и т.п.); и по форме собственности, обеспечивавшей отправление повинности, – недвижимой и движимой.

Процесс формирования сословного строя занял в общей совокупности не менее 150 лет и прошел в своем развитии несколько этапов.

1-й этап (1730–1768): в этот период верховная власть даровала дворянству комплекс имущественных и личных прав. Начало положила Анна Иоанновна, отменившая майоратные ограничения⁵, продолжила Елизавета, санкционировавшая разработку программы социально-экономических привилегий дворянства⁶, а завершили Петр III указом о вольности дворянства⁷ и Екатерина II, давшая дворянам исключитель-

³ ПСРЛ 2000. С. 269.

⁴ Российское законодательство 1986. С. 296.

⁵ ПСЗ-1 № 5653.

⁶ Латкин 1887. С. 80-184; Рубинштейн 1951. С. 208-251.

⁷ ПСЗ-1. № 11444; Фаизова 1999.

ное право распоряжаться землей и крепостными⁸. В результате к концу 1760-х гг. дворянство превратилось в привилегированный слой, обладавший рядом прав, главным из которых было освобождение от обязательной службы и податей. Так родилась социальная политика.

Причины кардинальной смены курса в отношении дворянства коренятся в дестабилизации политической системы после реализации указов 1714 и 1722 гг.⁹ Основная масса дворянства довольствовалась имущественными и личными льготами, но верхушка домогалась социальных и даже политических прав. В XVIII в. она активно претендовала не только на участие наряду с монархом в управлении государством (как пример – Сенат с широчайшими полномочиями, выступавший соправителем Петра), коллективным регентом в его отсутствие, но и на частичное присвоение собственно верховной власти, о чем свидетельствует деятельность Верховного Тайного Совета, пытавшегося присвоить себе часть суверенитета монарха и даже (1730) право его избрания. После 1735 г., когда подписи трех кабинет-министров были приравнены к подписи императрицы, а издаваемые Кабинетом министров указы – к именным, можно говорить об узурпации верхушкой дворянства полномочий монарха. В 1762 г. Н.И. Панин предложил создать «коллективного государя» – императорский Совет¹⁰. Наконец, политические претензии аристократии проявились в той роли, какую гвардия играла в династических кризисах XVIII в., возводя и низвергая правителей¹¹. Выход дворянства за пределы патерналистской модели взаимоотношений монарха с подданными вынуждал самодержавие расширять свою социальную базу.

2-й этап (1767–1785) характеризуется поиском самодержавием альтернативной дворянству социальной опоры. Механизмом формирования сословного строя стала кодификация типов повинностей и собственности, т.е. прав сословий. Встраивание дворянства в единую сословную систему позволяло возродить значение самодержавия как единственного верховного института власти. В «Наказе» Екатерина указала на необходимость формирования трех сословий: дворянства, «служащих людей» (ст. 360–375), мещан в городах, «упражняющихся в ремеслах, в торговле, в художествах и науках» (ст. 359, 377–383) и крестьянства, пребывающего в селах и деревнях и обрабатывающего «землю, из которой произрастающие плоды питают всякого состояния людей» (ст. 358)¹². Началом частичной реализации этой программы стало издание Жалованных грамот дворянству и городам. Они систематизировали и существенно расширили разрозненное законодательство о сословиях, даровав дворян-

⁸ Белявский 1965. С. 266–280.

⁹ ПСЗ -1 № 2789; ПСЗ-1. № 3893.

¹⁰ Каменский 1999. С. 381.

¹¹ Корсаков 1880; Курукин 2003.

¹² Императрица Екатерина Вторая 2008. С. 81, 83.

ству и горожанам не только имущественные и личные, но и общественные права (сословное самоуправление). Единая правовая форма поместья (поместное владение) и единый тип хозяйства (господская усадьба) стали объективными предпосылками для появления только одного сословия – дворянства¹³. Напротив, объективные причины для консолидации городского сословия отсутствовали. В России статус города определялся административными, а не экономическими критериями¹⁴, что обусловило разнородность хозяйственно-бытовых укладов и социальных устремлений городского населения. В то же время наличие у городского населения недвижимой собственности и капиталов позволило искусственно сконструировать совокупность «городских сословий» в Жалованной грамоте городам. Появление в 1785 г. шести категорий городского населения с приписанными им признаками сословий является результатом целенаправленной политики государства – искусственным и аморфным политико-юридическим конструктом¹⁵.

Критерий обладания собственностью для отправления повинности, заложенный в основу сословной стратификации¹⁶, исключал крестьянство из числа сословий, что противоречило представлениям верховной власти о желаемой социальной структуре общества. Замысел создать крестьянское сословие представлял собой основанный на отвлеченных рассуждениях и оторванный от действительности проект. В экономической плоскости ему препятствовало отчуждение крестьянина от недвижимой собственности при свойственном барщинному хозяйству наделении его землей. В правовом отношении – факт существования крепостного права, разделившего крестьянство на различные категории, права и обязанности которых в XVIII в. описаны не были. Их закрепление в 1830–1850-е гг. (IX т. Свода законов) привело к законодательной фиксации двух крупных крестьянских групп: крепостных (помещичьих) крестьян и свободных сельских обывателей (однодворцы, государственные, посессионные, удельные, экономические крестьяне, свободные хлебопашцы и т. д.). Различия в правовом положении категорий явно препятствовали формированию единого сословного статуса¹⁷.

Различия осознавались правительством уже в середине XVIII в., когда консолидация дворянского сословия привела к ужесточению крепостного права и превращению крестьянина в «крещеную собственность». Эмансипация дворянства способствовала дальнейшей дискри-

---

¹³ Экономическая и социальная консолидация дворянства позволяла государству даровать ему единый комплекс прав, что воплотилось в Жалованной грамоте и законодательстве 1830-х гг. – Иванова, Желтова 2009. С. 89-149; Миронов 2014. С. 860.

¹⁴ Кошман 2008. С. 42-51; Миронов 2014. С. 792-801.

¹⁵ Иванова, Желтова 2009. С. 333-402.

¹⁶ Чернов К.С. 2007.

¹⁷ Иванова, Желтова 2009. С. 556-557.

минации крестьянства¹⁸. Однако главной преградой было отсутствие у крестьян собственности. В представлении верховной власти крестьянское сословие могло возникнуть только в результате отмены крепостного права с предоставлением крестьянству земли; т.е. путем образования альтернативного дворянству собственника. Монополия дворянства на населенные земли и крайние формы дворянского патернализма в отношении крестьян препятствовали как наделению помещичьего крестьянина собственностью, так и предоставлению ему прав. Напротив, положение государственных крестьян, хотя и не владевших землями, но обладавших значительной самостоятельностью, приводило к постоянным попыткам интегрировать их в социально-административную практику самодержавия, что наглядно доказывается изменением правового статуса крестьянского схода в системе уездной администрации.

Все это делало невозможным появление крестьянского сословия, свидетельство чему – судьба Жалованной грамоты крестьянству¹⁹. Однако оформив два из трех сословий, власть стремилась встроить в этот процесс крестьянство, завершив сословное строительство. Эта мысль стала *idée fixe* царизма, не осознававшего, что оснований для объединения разных категорий пашенного населения в единое сословие в действительности не существовало. Как направление внутренней политики крестьянский вопрос был сформулирован Екатериной II, выступавшей за личное освобождение крестьян с наделением их недвижимым и движимым имуществом. В статьях «Наказа»²⁰, на конкурсе ВЭО, в Уложенной комиссии и на страницах журналов²¹ этот вопрос был представлен как тема крестьянской эмансипации, но сводился к предоставлению крестьянину собственности для отправления повинности. Дворянство категорически отвергло идею отмены крепостного права, ограничившись в лучшем случае моральным осуждением помещичьего произвола. Столкнувшись с активным сопротивлением, Екатерина уступила.

Появление крестьянского вопроса не было обусловлено социально-экономически, он стал порождением стремлений монархов ослабить верхушку дворянства, умерить ее давление на власть, а в перспективе и вовсе лишить доступа к власти: только так можно было укрепить монархию и преодолеть кризис, созданный Петром. Истинное содержание крестьянского вопроса заключалось не в стремлении царизма решать назревшие социальные конфликты²², а сводилось к намерению утвер-

---

¹⁸ Белявский 1965. С. 38-54.

¹⁹ Сб. РИО 1877. С. 447-498.

²⁰ Императрица Екатерина Вторая 2008. Ст. 295-296. С. 71.

²¹ Белявский 1965. С. 176-347.

²² История подавления пугачевского бунта – последнего крупного крестьянского выступления до 1905 г. – наглядно демонстрирует реальные механизмы, к которым прибегали для решения социальных конфликтов.

дить действенные социальные механизмы управления обществом в целом и дворянством в частности. Отмена крепостного права была не самостоятельной целью, а инструментом правительственной политики.

Крестьянский вопрос стал объектом ожесточенной полемики. Общество и власть вкладывали совершенно разные смыслы в понимание крестьянского вопроса, и потому он существовал в двух ипостасях: официальной – политико-прикладной, и общественной – отвлеченно-морализаторской. Правительство и по времени постановки вопроса, и по глубине его разработки значительно опередило общество. Верховная власть обдумывала не только саму идею, но и технологии ее реализации, тогда как общество ограничилось обсуждением преимущественно морально-этического аспекта проблемы.

3-й этап (1797–1855) характеризуется переходом крестьянского вопроса из теории в практику. Правительство приступило к поиску ответов на вопросы: 1) как добиться согласия помещиков на реформу, 2) какие технологии избрать для ее проведения, 3) чем заменить крепостное право. Первой попыткой получить согласие помещиков на проведение реформы стал указ 1797 г.²³, отразивший стремление царизма к государственному регулированию отношений помещиков и крепостных.

Павел, Александр и Николай ответа на этот вопрос не нашли. Причина в том, что основанное на крепостном труде феодально-барщинное хозяйство, определявшее в качестве монопольной формы аграрного производства характер и структуру экономики империи, не исчерпало своих потенциальных возможностей. Вплоть до 1861 г. оно оставалось рентабельным, пребывая в начальной фазе товаризации²⁴, без значимых признаков кризиса или разложения. Лучшее подтверждение этому – отсутствие заинтересованности помещиков в реорганизации своих хозяйств²⁵. В этих условиях апелляция к благоразумию дворянства оказалась безрезультатной: в крестьянском вопросе верховная власть и помещики выступали не как союзники, а как противостоящие силы. Причина тому очевидна – отмена крепостного права, на базе создания самостоятельно крестьянского хозяйства, означала экспроприацию помещика.

Сохранить рентабельность помещичьего хозяйства, наделив крестьянина землей и отменив принудительный труд, в парадигме аграрного общества с малым совокупным прибавочным продуктом было невозможно. Это обстоятельство, в частности, похоронило проект А.А. Арак-

²³ ПСЗ-1. № 17969.

²⁴ Ковальченко, Милов 1974. С. 380.

²⁵ В 1860 (!) г. А.В. Головин писал из рязанского имения в.кн. Константину Николаевичу: «Во всей губернии нет имения, где бы помещик употребил капитал на введение рациональной системы сельского хозяйства. <...> Умственной деятельности нет никакой, и весьма немного выписывается сюда газет и журналов, а дельных, серьезных книг – никогда». Цит. по Шевырев 1990. С. 34.

чеева, предлагавшего выкуп государством помещичьей земли с крестьянами. Ограниченность административно-финансовых возможностей вынудила поставить вопрос: за чей счет должна быть проведена эмансипация крестьянства? Правительство было готово вкладываться в социальную судьбу государственного крестьянина, о чем свидетельствует реформа П.Д. Киселева, а помещик раскошелиться на крепостных не желал. Решение этого вопроса предполагало в качестве обязательной и необходимой меры принуждение дворянства. О своем отрицательном отношении к отмене крепостного права и наделению крестьянина землей дворянство неизменно информировало верховную власть. При Екатерине дворяне провалили объявленный ею конкурс²⁶ и отклонили в Уложенной комиссии все проекты, предусматривавшие даже незначительные меры по улучшению положения крестьян²⁷. При Александре I П.Д. Киселев²⁸ и Н.С. Мордвинов²⁹ прямо указывали на политические и социальные потрясения в случае нарушения прав дворянства при отмене крепостного права. При Николае усилия Секретных комитетов 1830-х гг. вылились, в конечном счете, в неполноценный указ об обязанных крестьянах³⁰. Указ 1803 г., разрешивший помещикам отпускать крепостных на волю с обязательным наделением землей (ПСЗ-1. № 20620), появился в результате инициативы небольшой части самого дворянства, и был юридически оформлен в виде необязательной рекомендации³¹.

Дворянство продемонстрировало свою полную независимость от верховной власти. Объяснение этому только одно – монархия была не готова к применению насилия. Убийство Павла явилось красноречивым предостережением от монаршего деспотизма. Александр, поручив Аракчееву составить проект отмены крепостного права, потребовал, чтобы он «не заключал в себе никаких мер стеснительных для помещиков, и особенно, чтобы меры сии не представляли ничего насильственного со стороны правительства»³². «Я, конечно, самодержавный и самовластный, но на такую меру никогда не решусь, как не решусь и на то, чтобы приказать помещикам заключать договоры; это должно быть делом доброй их воли»³³, – заявил Николай Д.В. Голицыну при обсуждении проекта указа об обязанных крестьянах. Власть исчерпала лимит на насилие, расправившись с декабристами. Единственным предложением, сформулированным от лица Николая комитетом 6 декабря 1826 г., стала идея

---

²⁶ Белявский 1965. С. 281-304.

²⁷ Там же. С. 72-99, 176-201.

²⁸ Семевский 1888. Т.1. С. 433-435.

²⁹ Там же. Т.1. С. 440-443.

³⁰ Там же. Т.2. С. 29-108; Ружицкая 2008.

³¹ Семевский 1888. Т.1. С. 252-281; Предтеченский 1957. С. 169-175.

³² Семевский 1888. Т.1. С. 437.

³³ Там же. Т. 2. С. 62.

двуетиной реформы, полностью провалившаяся не позднее 1842 г. Все это сделало невозможными продолжение поисков решения крестьянского вопроса. Уступив дворянству, верховная власть (от Екатерины II до Николая I) продемонстрировала свое бессилие и слабость. Вымученный в XVIII в. аморфный социально-административный конструкт «городские сословия» показал в условиях низкой товарности экономики свою несостоятельность: город не стал союзником царизма в деле экспроприации дворянства и освобождения крестьянства. Это стало решающей причиной сохранения крепостного права в первой половине XIX века.

Более результативными оказались поиски технологий реформы. Рассматривались два метода: выкуп и инвентари. Инвентарная реформа, т.е. программа трехэтапного реформирования деревни, была разработана комитетом 1835 г. На первом этапе согласно указу 1797 г. работа крестьян на помещиков ограничивалась тремя днями в неделю, на втором – точно определялись крестьянские повинности, на третьем – крестьяне получали личную свободу³⁴. Однако комитет 1839–1842 гг. от этого метода отказался. Поскольку инвентари были отвергнуты, единственным механизмом оставался выкуп. Его предложил в 1801 г. П.А. Зубов³⁵. Идея была воплощена в рекомендательном указе 1803 года. Дальнейшее обсуждение последовало в 1816–1824 гг. в серии записок. Различия между подходами А.А. Аракчеева, Н.С. Мордвинова, Е.Ф. Канкрин и П.Д. Киселева фактически сводились к процедурным вопросам³⁶. Неудивительно, что именно на выкупе остановились в 1861 г.

Однако, определившись с технологией, разработчики реформы вновь столкнулись с проблемой финансирования. Ни крестьянство, ни государство, ни помещики такими финансовыми возможностями не обладали. Это стало одной из причин ограниченного применения указа 1803 г. и провала проектов выкупа крестьян за счет казны.

Ответ на вопрос, чем заменить крепостное право, прямо зависел от того, планировалось ли освобождение крестьян с землей или без земли. Если с землей, то предусматривалось превращение крестьянина в мелкого собственника, если без земли, то крепостное право замещалось договорными отношениями. Первый вариант был использован лишь в указе 1803 г. и проекте Аракчеева, предусматривавшем наделение выкупленных казной крестьян двумя десятинами на ревизскую душу. Предпочтение отдавалось второму пути. На практике он был реализован в ходе реформы 1804–1819 гг. в прибалтийских губерниях³⁷ и в указе 1842 г.³⁸ Эту позицию разделяли большинство авторов проектов 1816–1824 гг.:

---

³⁴ Дружинин 1946. С. 280–298.

³⁵ Сафонов 1988. С. 142–144.

³⁶ Семевский 1888 Т. 1. С. 435–448.

³⁷ Кахк 1962; Кахк 1988.

³⁸ ПСЗ-2. № 15462.

А.Ф. Малиновский³⁹, Н.С. Мордвинов, П.Д. Киселев. Категорическим противником освобождения с землей был Николай, что определило содержание предложений, разработанных секретными комитетами. В ходе обсуждения выяснилось, что в то время и при том типе аграрной экономики заменить крепостное право – единственный эффективный инструмент присвоения труда крестьянина – было нечем. Этим объяснялась и негативная реакция помещиков на правительственные инициативы.

В рамках третьего этапа ни для одного из трех вопросов решения найдено не было. Единственным реальным достижением стала интеграция крестьянской общины казенной деревни в систему бюрократического управления империи в ходе реформы П.Д. Киселева, что означало кодификацию общественных прав государственных крестьян⁴⁰.

Следует признать, что такие вопросы как запрещение продавать крестьян без земли, положение дворовых людей, мерные работы имеют, хотя и важное, но второстепенное значение. Этот пласт проблем представляет собой периферию крестьянского вопроса. Их появление объяснялось провальными попытками найти решение главной задачи. Обсуждение их никак не влияло на судьбу самого института крепостного права, а касалось в лучшем случае смягчения условий крепостной зависимости, ограничения помещичьего произвола и степени эксплуатации.

Итак, наблюдается ярко выраженная закономерность. Крестьянский вопрос был сформулирован царизмом в 1760-х гг. как вопрос об освобождении крестьян с землей, для создания второго после помещика типа земельного собственника. Ввиду отказа дворянской корпорации даже обсуждать эту проблему, дальнейшее ее рассмотрение ограничилось узким кругом высшей бюрократии и получило принципиально иное содержание: идея наделения крестьян недвижимой собственностью была подменена идеей безземельного освобождения. Такой итог был закономерен. Институт крепостного права выполнял важнейшие общественно значимые функции⁴¹. Крепостничество нейтрализовало общину – основу крестьянского сопротивления и тормоз становления как частновладельческой, так и казенной земельной собственности и феодально-барщинного хозяйства. На практике оказалось невозможным реализовать принцип частной собственности на землю, не преодолев сопротивления общины. Крепостное право было единственным способом изъятия прибавочного продукта. Оно обеспечивало экономическое развитие империи, и цементировало существовавшие в стране социальные отношения и политический строй. Крепостная зависимость была важнейшим компенсационным механизмом выживания и поступательного развития об-

³⁹ Семевский 1888. Т. 1. С. 439-440.

⁴⁰ Дружинин 1946. С. 526-572.

⁴¹ Милов 1985. С. 178-201; 1992. С. 37-56; 1998. С. 456.

щества, определявшего его характер и структуру⁴². Ликвидация «альфы и омеги российской истории»⁴³, «базового института русской жизни»⁴⁴ привела к системному кризису самой российской государственности.

4-й этап (1857–1861) характеризуется вмешательством внешнеполитических факторов в разработку реформы. Локальное поражение в Крыму, воспринятое властью и обществом как военная катастрофа, со всей очевидностью выявило неадекватность военно-экономического потенциала России той политической роли, которую она заняла в мире после 1815 г.⁴⁵ Потребность в проведении военных реформ созрела в конце правления Николая I, т.е. хронологически до «крымской катастрофы» и до выступления Александра II 30 марта 1856 года. «Морское ведомство первым показало готовность правительства к реформам <...> и стало первым государственным учреждением, которое заявило о необходимости преобразований и приступило к их осуществлению»⁴⁶. Проект А.В. Головкина оказался «гораздо масштабнее программы возрождения флота»: военные «шли далее ведомственных проблем и затрагивали общегосударственные институты: административное управление, официальную печать, образование, суд, телесные наказания, крепостной труд, финансы, казенное хозяйство»⁴⁷. Военные первыми осознали невозможность проведения военных реформ без всеобъемлющей перестройки под военные нужды административно-социальной машины империи и, в первую очередь, без отмены крепостного права. Показательно, что главный проводник военных реформ в правительственных кругах в.кн. Константин Николаевич с 15 июля 1857 года состоял членом Особого комитета для рассмотрения постановлений и предположений о крепостном состоянии, преобразованном 16 февраля 1858 года в Главный комитет по крестьянскому делу, а в декабре 1860 года именно он был назначен председателем этого комитета⁴⁸. Иными словами, реформа 1861 года проводилась для сохранения за Россией статуса великой державы. Без отмены крепостного права невозможно было приступить ни к кардинальной перестройке вооруженных сил, в первую очередь, к переходу на всеобщую воинскую повинность, ни к созданию индустрии,

---

⁴² Милов 1998. С. 418.

⁴³ Миронов 2015. С. 11.

⁴⁴ Филд 1992. С. 87.

⁴⁵ Восточный кризис 1820-х и Лондонские конвенции 1840-х гг. стали первыми признаками утраты Россией статуса ведущей европейской державы, который был невозможен без современной армии и военной индустрии. Крымская кампания положила начало, а Берлинский трактат завершил вытеснение империи на периферию международной политики.

⁴⁶ Шевырев 1990. С. 3-4.

⁴⁷ Там же. С. 33-37.

⁴⁸ Шилов 2001. С. 308-318.

способной преодолеть технологическое отставание страны и обеспечить военную конкурентоспособность империи.

Сложившийся в середине 1850-х внутривластный кризис, выразившийся в сочетании двух факторов: а) единства общества и правительства в оценке Парижского трактата как катастрофы и б) оформления в России абсолютизма⁴⁹, позволил, наконец, найти способ преодолеть сопротивление дворянства. Только совокупность этих факторов дала возможность администрации Александра II, первого русского абсолютного монарха, навязать дворянству проведение реформы, осуществить то самое насилие, на которое не решились его предшественники, но без которого проведение реформы было невозможно. Первый фактор заставил власть осознать неизбежность принуждения дворян к реформе, второй позволил продиктовать им свою волю. И это несмотря на то, что, по признанию Александра II в январе 1858 г., «большая часть дворянства высказывает свое сопротивление»⁵⁰. Никакого нового механизма по сравнению с секретными комитетами Николая I правительство не предложило: Редакционные комиссии стали ширмой для жесткого и последовательного проведения правительственной программы реформ⁵¹. Эти же причины позволили при подготовке реформы 1861 г. найти решение вопроса об источнике финансирования крестьянской эмансипации: самодержавие, помещики (включая и либеральную прослойку) единодушно предоставили право оплатить свою свободу самим крестьянам. Впервые этот подход был опробован в 1849 и 1856 гг. в Лифляндии и Эстляндии, где крестьяне получили право выкупать земли в собственность. Такое решение, а также «выкупная операция» преследовали дополнительную цель – получить средства для проведения казенной индустриализации, без которой модернизировать армию было невозможно.

Все это свидетельствует о проведении в 1861 г. не социально-политической реформы, которую готовили императоры второй половины XVIII – первой половины XIX в., а военной, т.е. реформы, вызванной не внутренними социально-политическими, а внешними военными причинами. Таким образом, первоначальная внутривластная цель реформы, состоявшая в конструировании сословного строя, была вытеснена насущными внешнеполитическими задачами. Внешняя политика определила курс политики внутренней и предопределила социальный, экономический и политический кризис второй половины XIX века.

В силу всего вышесказанного, следует говорить не об одной, а о двух крестьянских реформах. Принципиальное различие между ними кроется в породивших их обстоятельствах и целях, перед ними постав-

⁴⁹ Чернов С.Л. 2000. С. 32-50; 2012. С. 478-507; Чернов К.С. 2014. С. 128-136.

⁵⁰ Захарова 2008. С. 379.

⁵¹ Зайончковский 1968. С.111.

ленных. Принципиальное внешнее сходство – в технологиях реализации. Первая была направлена на формирование абсолютизма путем создания сбалансированной сословной системы, способной стать крепкой опорой самодержавной власти и противовесом дворянству, вышедшему к середине XVIII века из-под контроля самодержавия. Ее разрабатывали императоры от Екатерины II до Николая I включительно. По характеру она была социально-политической, а по форме – сословной. Причиной ее неудач стали: 1) несоответствие между политическим стремлением самодержавия удержать абсолютную власть любой ценой и возможностями аграрной экономики, 2) слабость городского сословия, не позволившая царизму опереться на него в противостоянии с дворянством. Российский абсолютизм середины XVIII – первой половины XIX века не был похож на европейский абсолютизм XVIII века: он не являлся политической системой межсословного баланса, а императорская власть не превратилась в третейского судью⁵². Вторая, порожденная внешними обстоятельствами, имела целью решение прикладных внешнеполитических и военных задач. По характеру она была военной, а по форме, как и первая, сословной. Вследствие этого реформа 1861 г. одновременно создавала необходимые условия для достижения приоритетной на тот момент цели – проведения военной реформы и в качестве побочного эффекта юридически оформляла не только крестьянское сословие, но и в своем завершенном виде сословный строй⁵³. Другое дело, что в рамках данной реформы оформление сословного строя отошло на второй план. Реформа технически завершила процесс становления сословного строя, добавив к ранее кодифицированным общественным правам крестьянина права имущественные и личные: в результате крестьянство превратилось в третье сословие Российской империи. Задача, сформулированная еще Екатериной, получила законченное воплощение. Поскольку в модели русского сословного строя гражданские права были следствием имущественных прав, постольку – помимо прочих причин⁵⁴ – реформа 1861 года наделила крестьян землей. Именно это внешнее сходство двух реформ породило представление историков о том, что истоки реформы 1861 года следует искать в первой половине XIX века⁵⁵.

Несомненно, между этими реформами прослеживается определенное сходство. Обе были направлены на сохранение и укрепление сложившейся в России государственности. Жертвуя крепостным пра-

---

⁵² Чернов К.С. 2014. С. 128-136.

⁵³ Иванова и Желтова считают, что складывание крестьянского сословия завершилось только к концу XIX в. – Иванова, Желтова 2009. С. 653.

⁵⁴ Крестьянское хозяйство обеспечивало бесперебойное снабжение государства товарным хлебом и внутреннюю политическую стабильность. – Захарова 2011. С. 237.

⁵⁵ Так, Л.Г. Захарова усматривала связь программы 1850-х гг. с «предшествовавшим законодательством». – Там же. С. 41, 325.

вом, власть сохраняла в неприкосновенности все прочие экономические и социально-политические особенности внутреннего устройства империи – общину, помещичье хозяйство, сословия, самодержавие.

Особая близость двух реформ наблюдается в технологиях, которые в условиях дефицита времени администрация Александра II заимствовала у предшественников. Именно оттуда пришли:

- идея освобождения крестьян сверху (впрочем, следует признать, что тогда не существовало другой, кроме государства, силы, способной подготовить и провести реформу в жизнь);
- идея о необходимости и неизбежности принуждения дворянства к реформе;
- принцип освобождения крестьян с землей за выкуп, т.е. создание на основе крестьянства широкого слоя мелких собственников – надежной опоры самодержавия;
- определение размеров выкупа феодальных повинностей на основе методики, восходившей к инвентарям.

Из этого следует, что использованные в реформе технологии восходили преимущественно к опыту екатерининской и александровской администрации. Но хотя технологии влияют на результаты реформ, их суть определяется мотивацией и задачами. Поэтому 1766–1861 гг. нельзя рассматривать как эпоху генезиса крестьянской реформы образца 1861 года. Крестьянский вопрос до Крымской войны и после нее, хотя и сводился к отмене крепостного права, это две разные проблемы. Ни Екатерина, ни Павел, ни Александр, ни Николай реформу в том виде, в каком ее разработали и провели в 1861 г., не готовили. Она явилась результатом деятельности «либеральной бюрократии» середины XIX в., творчески воспринявшей и отчасти приспособившей к потребностям текущего момента технологическое наследие предшественников.

Не следует искать идейной близости между этими реформами. Если связь между ними и существовала, то не идейная, а технологическая: одни администраторы переняли некоторые методы из недавнего опыта других. Та же Л.Г. Захарова верно подмечает, что «либеральные бюрократы» под прямым воздействием неудач в Прибалтийских губерниях отказались от безземельного освобождения крестьян, что организация волости и компетенция волостных судов во многом взята из реформы П.Д. Киселева⁵⁶, и т.д. Но делать из факта простого заимствования опыта и технологий вывод об однородности содержания крестьянского вопроса и политики в этом вопросе самодержцев от Екатерины II до Александра II включительно представляется, по меньшей мере, спорным.

Кроме того, *locus communis* историографии является мысль о том, что реформа 1861 года. 1) была вызвана первой революционной ситуацией и кризисом феодальных отношений⁵⁷; 2) что ее конечная цель со-

⁵⁶ Там же. С. 230, 234, 325 и др.

⁵⁷ Там же. С. 66-67, 241, 256, 238 и др.

стояла в отмене крепостного права⁵⁸; 3) что реформа носила буржуазный характер⁵⁹. Все эти тезисы, по нашему мнению, являются более чем неоднозначными. До 1861 года страна находилась не в периоде генезиса капитализма, а в начальной фазе товаризации хозяйства помещика и крестьянина: в недрах феодально-барщинного хозяйства наблюдалось становление не капиталистического, а простого товарного производства. Свидетельства этому: низкий уровень развития второго общественного разделения труда, узкий спектр неземледельческих занятий населения, слабое развитие городов, различных форм промыслов и промышленности, не сложившийся внутренний рынок, неразвитость путей сообщения и транспорта, страхового дела, коммерческих банков и кредита, ипотеки, первоначального накопления капиталов и т.д. Иными словами, феодальный способ производства не исчерпал своих потенциальных возможностей развития и не пребывал в стадии дезорганизации. Следовательно, причины появления крестьянского вопроса и отмены крепостного права надо искать в иных сферах и связывать с иными процессами.

Поиски идейной близости реформы 1861 года с экспериментами предыдущих царствований напрямую связаны с тем, что возникновение крестьянского вопроса и отмену крепостного права выводят из одного корня - кризиса феодализма. В действительности же они порождены совершенно разными потребностями: в одном случае необходимостью утвердить сословный строй и укрепить верховную власть, в другом – провести военную реформу и построить военную индустрию. То и другое ни к классовой борьбе, ни к разложению феодализма не имело ни малейшего отношения. Конечная цель реформы 1861 года состояла не в отмене крепостного права, а в сохранении за Россией статуса великой державы. Ликвидация крепостничества (как и все прочие «великие реформы») выступает не целью, а технологией военных реформ 1860-х гг., способом достижения задач, вызванных потребностью создания новой армии и новой промышленности, требовавших всеобщей воинской повинности и рынка свободной рабочей силы. Отсюда проистекает концепция реформы – выкуп полевых наделов и превращение крестьянина в мелкого собственника при условии сохранения дворянского землевладения. Примечательно, что единственным технологическим новшеством реформы 1861 года стала придуманная «либеральной бюрократией», т.е. сторонниками индустриального вектора развития России, «выкупная операция», ограбившая большинство населения страны в угоду построению индустрии, ориентированной преимущественно на удовлетворение милитаристских амбиций самодержавия. Этим же объясняются и все отмеченные историографией «недостатки» реформы, которые тако-

⁵⁸ Там же. С. 195, 206, 220, 222, 256, 324 и др.

⁵⁹ Там же. С. 325, 326, 329 и др.

выми не являлись, так как с их помощью авторы Положения 19 февраля намеревались сохранить сословное неполноправие крестьянства, т.е. иную (по сравнению с крепостным правом) форму все той же личной зависимости. Это были вполне запрограммированные «недостатки».

Побочным эффектом стало появление главного условия конструирования крестьянского сословия – новой формы поземельной собственности. В центре внимания Секретного и Главного комитетов, Редакционных комиссий находились исключительно процедурные вопросы. С этой точки зрения реформа имела утилитарное значение, что роднит ее с крестьянскими проектами XVIII – первой половины XIX в.

В задачи реформы 1861 г. не входило насаждение капитализма, а потому она не является буржуазной по своему характеру. Буржуазным по форме является только выкуп, да и то лишь отчасти, ибо крестьянин выкупал не землю, а личную свободу. Прочие мотивы, заставившие власть провести реформу, но осуществить ее с максимальным учетом интересов помещиков, не несут даже оттенков буржуазности. В силу этого реформа не преследовала цель перехода к капитализму, а была вся «оплетена, пронизана феодально-крепостническими отношениями» – указными наделами, прирезками, отрезками, временно-обязанным положением, исчислением выкупа от дореформенных повинностей крестьян⁶⁰. Связывать буржуазный характер реформы следует не с задачами, а с отдаленными и не предусмотренными авторами последствиями.

Реформа 1861 года представляет собой трагическую неизбежность русской истории. Преждевременный отказ от крепостного права, определявшего «характер и структуру общества в целом»⁶¹, повлек за собой системный кризис российской государственности, в конечном итоге – революции, крушение абсолютизма, распад империи и потерю статуса великой державы. Планируя реформу во имя сохранения империи и ее международного положения, власть получила прямо противоположный итог. Проведя реформу, Александр II, с одной стороны, погубил существовавший в России *ancien régime*, с другой, хотя и непреднамеренно, – положил начало формированию другой России.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белявский М.Т. Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е.И. Пугачева М. 1965. [Belyavskij M.T. Krest'yanskij vopros v Rossii nakanune vosstaniya E.I. Pugacheva (formirovanie antikrepostnicheskoj mysli). M. 1965].
- Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Т. 1. М-Л. 1946. [Druzhinin N.M. Gosudarstvennye krest'yane i reforma P.D. Kiseleva. T. 1. M-L. 1946].
- Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М. 1968. [Zajonchkovskij P.A. Otmena krestpostnogo prava v Rossii. M. 1968].

⁶⁰ Там же. С. 257.

⁶¹ Милов 1998. С. 418.

- Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка. М. 2008. [Zaharova L.G. Aleksandr II i mesto Rossii v mire // Petr Andreevich Zajonchkovskij. Sbornik statej i vospominanij k stoletiju istorika. M. 2008].
- Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права в России. М. 2011. [Zaharova L.G. Imperator Aleksandr II i otmena krepostnogo prava v Rossii. M. 2011].
- Зимин А.А. Витязь на распутье. Феодалная война в России в XVв. М. 1991. [Zimin A.A. Vityaz' na raspут'e. Feodal'naja vojna v Rossii XVv. M. 1991].
- Зимин А.А. Россия на пороге нового времени. Очерки политической истории России первой трети XVIв. М. 1972. [Zimin A.A. Rossiya na poroge novogo vremeni. Oчерki političeskoj istorii Rossii pervoj treti XVI v. M. 1972].
- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословное общество Российской империи (XVIII-начало XX века). М. 2009. [Ivanova N.A., Zheltova V.P. Soslovnoe obščhestvo Rossijskoj imperii (XVIII-nachalo XX veka). M. 2009].
- Императрица Екатерина II. Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового Уложения. М. 2008. [Imperatrica Ekaterina II. Nakaz, dannyj Komissii o sočinenii proekta novogo Uložheniya. M. 2008].
- Каменский А.Б. От Петра I до Павла I. М. 1999 [Kamenskij A.B. Ot Petra I do Pavla I. M. 1999].
- Кахк Ю.Ю. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму. Таллин. 1988. [Kahk Y.Y. «Ostzejskij put'» perekhoda ot feodalizma k kapitalizmu. Tallin. 1988].
- Кахк Ю.Ю. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в Эстонии в конце 18 и в первой четверти 19 века. Таллин. 1962. [Kahk Y.Y. Krest'yanskoe dvizhenie i krest'yanskij vopros v Estonii v konce 18 i v pervoj chetverti 19 veka. Tallin. 1962].
- Ковальченко И.Д., Милов Л.В. Всероссийский аграрный рынок. XVIII – начало XX в. Опыт количественного анализа. М. 1974. [Koval'chenko I.D., Milov L.V. Vserossijskij agrarnyj ryнок. XVIII – nachalo XX v. Opyt kolichestvenno analiza. M. 1974].
- Корсаков Д.А. Воцарение императрицы Анны Иоанновны. Казань. 1880. [Korsakov D.A. Vosarenie imperatricy Anny Ioannovny. Kazan'. 1880].
- Кошман Л.В. Город и городская жизнь России XIX столетия. М. 2008. [Koshman L.V. Gorod i gorodskaya zhizn' Rossii XIX stoletiya. M. 2008].
- Курукин И.В. Эпоха «дворских бурь»: очерки политической истории послепетровской России. 1725-1762. М. 2003. [Kurukin I.V. Epoha «dvorskikh bur'»: oчерki političeskoj istorii poslepetrovskoj Rossii. 1725-1762. M. 2003].
- Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. 1. СПб. 1887. [Latkin V.N. Zakonodatel'nye komissii v Rossii v XVIII stoletii. T. 1. Spb. 1887].
- Милов Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. 1998. [Milov L.V. Velikorusskij pahar' i osobennosti rossijskogo istoričeskogo procesa. M. 1998].
- Милов Л.В. О причинах происхождения крепостного права в России // История СССР. 1985. № 3. С. 178-201. [Milov L.V. O prichinah proiškhozheniya krepostnogo prava v Rossii // Istorija SSSR. 1985. № 3. S. 178-201].
- Милов Л.В. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С. 37-56. [Milov L.V. Prirodno-klimaticheskij faktor i osobennosti rossijskogo istoričeskogo procesa // Voprosy istorii. 1992. № 4-5. S. 37-56].
- Мионов В.Н. Российская империя: от традиции к модерну. Т. 1-2. СПб. 2014–2015. [Mironov V.N. Rossijskaja imperiya: ot tradicii k modernu. T. 1-2. Spb. 2014–2015].
- Предтеченский А.В. Очерки общественно-политической истории в первой четверти XIX века. М.-Л. 1957. [Predtečenskij A.V. Oчерki obščhestvenno-političeskoj istorii Rossii v pervoj chetverti XIX veka. M.-L. 1957].
- Российское законодательство X–XX веков. Т. 4. М. 1986. [Rossijskoe zakonodatel'stvo X-XX vekov. T 4. M. 1986].
- Рубинштейн Н.Л. Уложенная комиссия 1754-1766гг. и ее проект нового Уложения («О состоянии подданных вообще» // Исторические записки. Т. 38. М. 1951. [Rubinshtejn N.L. Uložhennaja komissiya 1754-1766gg. i ee proekt novogo Uložheniya «O sostoyanii poddannyh voobščhe» // Istoricheskie zapiski. T. 38. M. 1951].

- Ружижская И.В. Крестьянский вопрос при императоре Николае I: к вопросу о последствиях указа 1842 г. об обязанных крестьянах // Отечественная история. 2008. № 4. С. 24-37. [Ruzhickaya I.V. Krest'yanskij vopros pri imperatore Nikolae I: k voprosu o posledstviyah ukaza 1842g. ob obyazyannyh krest'yanaх // Otechestvennaya istoriya. 2008. № 4. S. 24-37].
- Сафонов М.М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII-XIX вв. Л. 1988. [Safonov M.M. Problema reform v pravitel'svennoj politike Rossii na rubezhe XVIII-XIX vv. L. 1988].
- Семевский В.И. Крестьянский вопрос в России в XVIII и в первой половине XIX века. Т. 1-2. СПб. 1888. [Semevskij V.I. Krest'yanskij vopros v Rossii v XVIII i v pervoj polovine XIX veka. T. 1-2. SPb. 1888].
- Фаизова И.В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М. 1999 [Faizova I.V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvoryanstva v XVIII stoletii. M. 1999].
- Филд Д. 1861: «год юбилея» // Великие реформы в России. 1856-1874. М. 1992. [Fild D. 1861: «god yubileya» // Velikie reformy v Rossii. 1856-1874. M. 1992].
- Чернов К.С. Абсолютизм в России // Вопросы истории. 2014. № 1. С. 128-136. [Chernov K.S. Absolyutizm v Rossii // Voprosy istorii. 2014. № 1. S. 128-136].
- Чернов К.С. Забытая конституция. Государственная Уставная Грамота Российской Империи. М. 2007. [Chernov K.S. Zabytaya konstituciya. Gosudarstvennaya Ustavnaya Gramota Rossijskoj Imperii. M. 2007].
- Чернов С.Л. К вопросу о времени возникновения абсолютизма в России // Россия в XVIII-XX веках. Страницы истории. М. 2000. С. 33-50. [Chernov S.L. K voprosu o vremeni voznikoveniya absolyutizma v Rossii // Rossiya v XVIII-XX vekah. Stranicy istorii. M. 2000. S. 32-50].
- Чернов С.Л. Эволюция монархической формы государства в России // От античности до современности. М. 2012. С. 478-507. [Chernov S.L. Evolyuciya monarhicheskoj formy gosudarstva v Rossii // Ot antichnosti do sovremenosti. M. 2012. S. 478-507].
- Шевырев А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. М. 1990. [Shevurev A.P. Russkij flot posle Krymskoj vojny: liberal'naya byurokratiya i morskije reformy. M. 1990].
- Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. 1802-1917. СПб. 2001. [Shilov D.N. Gosudarstvennyye deyateli Rossijskoj imperii. 1802-1917. SPb. 2001].
- Чернов Сергей Леонидович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века, МГУ им. М.В. Ломоносова; chernovsl@mail.ru

Peasant issue in Russia (1767-1861)

The article deals with a peasant's issue as one of the key aspects of the Russian class system genesis (1766–1861). The authors' analysis envisages two linked topics in complex: 1) origin, contents, character, decision-making technologies and place of the peasant issue in overall structure of socio-economic and political processes back then; 2) background, reasons, targets and consequences of the peasant reform in 1861, in particular, development of its philosophical and technological components. Authors reconsider pre-reform class autocratic policy typical of historiography, including but not limited to reform characteristic in 1861. Namely, supreme power has initiated the peasant issue led by purely political goals, therefore being artificial. Authors believe it necessary to distinguish 1861 reform from previous attempts to resolve this issue by defining the concept of “two reforms”. Authors' opinions invite discussions on problematics of social policy and capitalistic genesis in the XVIIIth and the first half of the XIX centuries.

Keywords: peasant issue, 1861 reform, class policy, serfdom

Sergey Chernov, PhD (History), assistant professor, Department of History of Russia XIX – the beginning XX c., Moscow State University; chernovsl@mail.ru

ЧИТАЯ КНИГИ...

В. А. Болдин, А. А. Ширинянц

ОПЫТ ПРОФЕССОРА ДЮЛЫ СВАКА¹ (к выходу в свет книги: Дюла СВАК. Опыт микроисториографии)²

В статье, посвященной творчеству всемирно известного историка-русиста, основателя и руководителя Центра русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвеша, почетного доктора Российской академии наук, профессора Дюлы Свака, очередная книга которого «Опыт микроисториографии» вышла в 2019 г. в московском издательстве «Аквилон», предпринята попытка охарактеризовать «опыт» профессора Дюлы Свака как ученого-интеллекта, осознающего важность своей роли в обществе и потому проявляющего исследовательскую смелость при выборе тем и постановке научных вопросов, строящего своеобразные «культурные мосты» не только между различными историческими школами, но и нашими странами.

Ключевые слова: Дюла Свак, «Опыт микроисториографии», русская историография, ученый-интеллигент

В мае 2019 г. в Будапештском университете состоялась очередная, двенадцатая по счету, международная конференция, организованная Центром русистики во главе с профессором Дюлой Сваком. Тема ее – «Россия и Венгрия в мировой культуре: источник и его интерпретация», она объединила исследователей из Венгрии, России и США. По сути, эти конференции являются научным форумом, который позволяет ученым выявить магистральные темы исследований, новые подходы и методы. Одному из авторов посчастливилось принять участие в конференции, познакомиться с профессором Дюлой Сваком, выслушать его советы и рекомендации, а также получить в подарок книгу, о которой и будет идти речь ниже.

Изменилась ли профессия историка в наши дни? Какие задачи стоят сейчас перед служителями Клио? Трансформировались ли они с течением времени или всегда оставались неизменны? Да и кто такой историк? Он – скрупулёзный, но молчаливый хранитель фактов, призванный собирать их, ведя летопись в тиши университетских кабинетов, или же он и есть «создатель истории», формирующий взгляд современников на события прошлого, вследствие чего несущий двойную ответственность за свои идеи и дела? Именно над этими и подобными

---

¹ Дюла СВАК. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019. 288 с. (Гуманитарные науки в исследованиях и переводах, т. IX) / Отв. ред. серии — М.С. Петрова.

² Статья подготовлена при поддержке РФФИ и Экспертного института социальных исследований, проект № 19-011-31066 «Символическая политика в современной России: глобальные риски, гражданская идентичность и векторы исторической памяти».

им вопросами заставила задуматься недавно вышедшая в свет в серии «Гуманитарные науки в исследованиях и переводах» издательства «Аквилон» книга всемирно известного венгерского историка-русиста, основателя и руководителя Центра русистики Будапештского университета имени Лоранда Этвеша, почетного доктора Российской академии наук, профессора Дюлы Свака. Его новая книга «Опыт микроисториографии», несмотря на название, на наш взгляд, все же не только и не столько об историографии, даже с приставкой «микро-», сколько о месте и роли ученого-интеллектуала в обществе.

В наши дни, когда оценки исторического прошлого проводят линии фронта между государствами и народами, приводя к «войнам памяти», а история вновь становится служанкой политики, задача профессионального историка, как считает Дюла Свак, «стараться четко различать историческую науку, историописание и историоделание»³. В этой связи напрашивается аналогия с позицией известного венгерского философа Георга Лукача, утверждавшего об особой «ответственности интеллектуалов» за события, происходящие в мире и обществе⁴. Можно с полной уверенностью сказать, что профессор Дюла Свак, чье профессиональное и жизненное кредо заключается в том, что «национальный историк должен служить своей Родине, но не власти, а истине, обязан называть вещи своими именами, отделять добро от зла, причиненные тем или иным историческим явлением, ценить правду, служить науке и не наносить ей вред соглашательством с сиюминутными постулатами»⁵, относится к числу таких «ответственных» интеллектуалов.

***

Дюла Свак большую часть своей жизни тесно связан с Россией. Любовь к русской культуре, в сочетании с трезвым взглядом стороннего наблюдателя, позволила ему сформировать уникальный подход к изучению русской истории. Благодарный ученик выдающихся историков Р.Г. Скрынникова и Й. Перени смог в своем творчестве совместить все лучшее в российской и венгерской исторических школах. Не случайно его многочисленные научные труды заслужили высокие оценки коллег – Д.С. Лихачева, А.Н. Медушевского, М. Перри и др.⁶

Главным предметом собственных научных изысканий Дюла Свак считает русскую историографию⁷. А эволюцию своего метода пред-

³ Свак 2019. С. 20.

⁴ Lukacs 1956. ss. 238-245.

⁵ Такая позиция была сформулирована профессором Сваком в личном разговоре, происходившем в Екатеринбурге между председателем Уральского отделения РАН академиком В.Н. Чарушиным, ректором Будапештского Университета профессором Ф. Худецом и академиком РАН В.В. Алексеевым (См.: Алексеев 2018. С. 24).

⁶ Лихачев 2014; Медушевский 2011; Perrie 2011; и др.

⁷ Свак 2019. С. 5.

ставляет как движение от «*историографической микрофилологии*», где в ранних работах основное внимание было сосредоточено на «историях исторической науки», до «*микроисториографии или историографической антропологии*». Последнее название было предложено Л.П. Репиной, именно так охарактеризовавшей научное направление, создателем которого стал Дюла Свак⁸. Одно оставалось неизменным: Дюла Свак работал в области «микроистории» и «микроисториографии», стараясь каждой изучаемой теме придать «человеческое измерение», подчеркивая приверженность гуманистическому этосу профессии историка⁹. Это проявилось и в его новой книге, где собраны восемь работ, написанные в 1978–2017 гг. на русском и английском языках. В основном, это работы, посвященные различным сюжетам русской истории и историкам, их изучавшим. Исключение представляет завершающая статья, в которой предпринята попытка анализа формирования новой государственной исторической политики в России. Книга состоит из Предисловия автора, двух больших частей и раздела «Вместо заключения».

Первая часть «Историографические очерки», включает четыре статьи, посвященные деятельности публициста Ивана Пересветова; советской историографии реформ в России середины XVI в.; вопросу исторического значения опричнины в советской исторической науке; сравнению образов Ивана Грозного и Петра Великого в русской исторической мысли; концепции «русского феодализма» в российской историографии. Последние две работы опубликованы на английском языке. Вторая часть книги посвящена интеллектуальным портретам учителей профессора Свака – Йозефа Перени (1915–1981) и Руслана Григорьевича Скрынникова (1931–2009), творчество которых рассмотрено сквозь призму событий эпохи. Эта часть озаглавлена «Личность в историографии» и выдержана в концепции современных исследований по интеллектуальной биографии и интеллектуальной истории. Особую ценность имеет статья, посвященная компаративному исследованию в формате «параллельных биографий» российского и венгерского историков. В данном случае, нельзя не согласиться с мнением Л.П. Репиной о том, что «компаративы историко-историографические – исключительная редкость, но у них большой эвристический потенциал»¹⁰.

Указанные работы полностью или частично уже выходили в свет на русском языке¹¹ и заслужили признание и теплые отзывы коллег¹², поэтому мы не будем их детально рассматривать. Отметим лишь неко-

---

⁸ Репина 2018. С. 31.

⁹ Свак 2019. С. 11.

¹⁰ Репина 2018. С. 32.

¹¹ Свак 1978; 1985; 1987(а); 1987(б); 2011; 2012; 2014(а); 2010; 2014 (б); 2017; и др.

¹² См., напр.: Ефременко 2011; Алексеев 2016; Тараторкин, Юрганов 2011.

торые моменты, которые, на наш взгляд, заслуживают особого внимания. Эти моменты связаны, по крайней мере, с тремя очень важными моментами, о которых заставляет задуматься книга Дюлы Свака.

Во-первых, это по-настоящему исследовательская смелость автора при выборе тем и постановке научных вопросов, которая достойна подражания. Действительно, всем известно, что ни в российском обществе в целом, ни в профессиональной корпорации историков нет согласия в оценке событий опричнины, политики и личности Ивана Грозного, или же модернизации, проведенной Петром Великим. Это действительно болезненные вопросы, но не перестающие требовать ответа на них. Все мы помним, какой информационный шум вызвала установка памятника Ивану Грозному в Орле в 2016 г., или же присвоение Международному аэропорту «Воронеж» имени Петра I в 2019 г.

Профессор Свак дает свои ответы на «наши», российские вопросы. С этими ответами можно соглашаться или нет, принимать или спорить. Но точно не игнорировать. Выполненные на основе богатого материала, взвешенные исследования Дюлы Свака, лишенные какой-либо ангажированности, помогают нам посмотреть на нашу историю как бы извне, выйдя из информационной среды, в которой мы находимся, и которая часто не позволяет объективно взглянуть на вещи.

Во-вторых, через всю книгу лейтмотивом проходит мысль о европейском векторе российской истории. Россия, по мысли Свака, это – безусловно, Европа, а русская наука, культура, литература и история неразрывно вписаны в общий европейский контекст¹³. И попытки русофобов вырвать ее из этого европейского контекста, преподнести Россию как страну отсталую, дикую, азиатскую, не только лишены смысла, но и противоречат логике исторического развития. Таким образом, становится ясно, что профессор Свак одной из своих задач видит борьбу с пресловутой русофобией, считая, что именно историки должны взять на себя роль передового отряда в этой борьбе. Такая позиция не может не импонировать как авторам рецензии-статьи, не раз обращавшимся к теме русофобии¹⁴, так и всем здравомыслящим людям.

В-третьих, необходимо сказать и о той глобальной сверхзадаче, на решение которой направлены научные исследования и вся творческая деятельность профессора Свака. Речь идет о том, что его работы по русской истории, обогащающие нас новыми знаниями, – это своеобразные «культурные мосты» не только между различными историческими школами, но и нашими странами.

---

¹³ Свак 2019. С. 7.

¹⁴ См., напр.: Ширинянец, Мирикова 2010; Ширинянец 2014; Сорокопудова, Ширинянец 2014; Россия в западном зеркале... 2015; Мырикова, Ширинянец 2015; Маргушева, Ширинянец 2018; и др.

Дюла Свак часто вспоминает ситуацию, сложившуюся в русистике в годы холодной войны, когда и советские, и американские исследования были крайне политизированы, хотя даже тогда настоящая наука не прекращала своего существования. Позже, с падением Берлинской стены 9 ноября 1989 г., ставшим символом окончания холодной войны, и произошедшей после распада СССР «архивной революции» в России 1990-х гг., ситуация в русистике значительно улучшилась, но и в наши дни в ряде исследований слышны отголоски прошлого – холодная война, как подчеркивает Дюла Свак, приучила нас мыслить «биполярно», дихотомически. Такое промежуточное состояние не может удовлетворить настоящего историка. В этой ситуации, по словам профессора Свака, повысилась важность русистики в малых, «промежуточных» странах¹⁵. И здесь венгерские историки могут сыграть роль некоего «моста». Дюла Свак совершенно справедливо предупреждает об опасности одностороннего подхода к исторической науке, когда в погоне за конъюнктурой, «неофиты от истории» стремятся перечеркнуть советский опыт, утверждая, что в СССР науки как таковой не существовало, понятно, что такие выводы не способны привести ни к чему хорошему¹⁶.

Но, все же, особую тревогу у профессора Свака вызывает феномен «переписывания истории», которое все чаще и чаще используется политиками разных стран. Попытка выстроить «новое летоисчисление», снять с себя ответственность за события прошлого, ограничить свободу историков в оценке тех или иных событий – вот что стоит на вооружении в «войнах памяти». Подобные тенденции, попытки подчинения истории сиюминутным властным целям, мы видим не только в странах Восточной Европы, но и в самой Венгрии, а также в ряде постсоветских государств, «где прошлое переосмысливается вплоть до открытого подстрекательства фашизму», причем склонность к такому переосмыслению имеется, по убеждению профессора Свака, и в США¹⁷.

Последний раздел книги посвящен опыту создания новой государственной концепции истории в России. Дюла Свак подробнейшим образом анализирует процесс подготовки концепции единого учебника по российской истории и ряд телевизионных конкурсов, прошедших в России с целью формирования «патриотизма и национальной идентичности». Что касается единого учебника, то позиция автора книги проста и понятна. Как считает Дюла Свак, несмотря на то, что российское сообщество историков показало удивительный плюрализм и умение дискутировать при подготовке стандарта, а новая концепция учебников истории, попавшая на стол Президенту РФ, явилась результатом достигнуто-

---

¹⁵ Свак 2019. С. 13.

¹⁶ Свак 2019. С. 12; Свак 2014(б). С. 46.

¹⁷ Свак 2019. С. 20.

го консенсуса и компромисса, эта концепция не лишена определённой непоследовательности и включает старые стереотипы, хотя в целом и основана на «западническом» понимании истории, при котором мерилом являются европейские ценности, а российская история рассматривается в контексте европейской. Тем не менее, попытка выстраивания монолитного единого понимания истории, с «правильными» и «неправильными» оценками тех или иных событий, явно настаивает венгерского ученого¹⁸. Анализ же телевизионных конкурсов «Имя России» (2008), «Символы России» (2013) и т.д., сравнение их с аналогичными конкурсами в других странах, позволили профессору Сваку обосновать вывод о том, что в России и Восточной Европе явно фиксируется некий новый «тренд». Суть этой складывающейся тенденции сводится к тому, что ни одна из фигур XX века не может быть «компромиссной» и способной объединить население, став его символом. Для поиска таковых символов приходится все дальше и дальше углубляться в историю, буквально до Средних веков. Не случайно конкурс «Имя России» «выиграл» князь Александр Невский. Все это наводит на размышления. Почему победителями подобных конкурсов становятся деятели, жившие в Средние века?¹⁹ Является ли «уход» в далекое прошлое результатом целенаправленной государственной политики в сфере исторической памяти и способом легитимизации государства?²⁰

По справедливому мнению автора книги, такие конкурсы, несмотря на заявленную цель формирования общероссийского патриотизма, скорее обнажили проблемы общества. Например, в финал общенационального проекта-конкурса 2013 г. «Россия 10», призванного путём всеобщего голосования отобрать 10 визуальных символов России, не попал Московский Кремль, но при этом среди лидеров оказались и мечеть «Сердце Чечни» в Грозном и Коломенский кремль XVI века, в конце концов, и одержавшие скандальную победу²¹. Такие телешоу, как считает профессор Дюла Свак, «хорошо демонстрируют ту национальную и социальную среду с ее настроениями, которую нужно сплотить в «общероссийский социум» с помощью нового подхода к истории»²².

Книгу завершают следующие замечательные слова профессора Свака, содержащие quintэссенцию его «опыта» ученого и человека, слова, которые должны стать ориентиром для современных историков: «в качестве современника я с любопытством жду новых туров «битвы

---

¹⁸ Там же. С. 270-271.

¹⁹ Венгров, например, очень удивило, что в числе финалистов конкурса не было имен маршала-освободителя Жукова или великого писателя Льва Толстого, но был премьер-министр Петр Столыпин. – Там же. С. 273.

²⁰ Там же. С. 275.

²¹ Мечеть «Сердце Чечни»... <https://ria.ru/20130909/961917505.html>

²² Свак 2019. С. 280.

за идентичность», но, будучи историком, должен скептически оценить возможность достижения быстрого успеха. И, конечно, я должен выразить глубокое убеждение, что лишь плюралистический подход к истории, основанный на свободе исследований, лишь свободный показ альтернатив может помочь в формировании реального образа нации»²³.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Алексеев В.В. Урало-венгерский диалог // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште. М.: Аквилон, 2018. С. 20-25.
- Алексеев А.И. Россия и россиеведение. Размышление венгерского историка о времени и о себе // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. Вып. 4. С. 271-277.
- Ефременко Д.В. Свак Д. Русская парадигма: русофобские заметки русофила // Труды по россиеведению. 2011. № 3. С. 447-453.
- Лихачев Д.С. Письмо о Петровских реформах // Д.С. Лихачев. Заметки о русском. М.: КоЛибри, Азбука Аттикус, 2014. С. 383-385.
- Маргушева А.З., Ширинянц А.А. Русофобия и контрпропаганда: исторический опыт российской империи // Век информации. 2018. Т. 1. № 2. С. 44-45.
- Медушевский А.Н. «Русская парадигма» и ее переосмысление в историографии стран Центральной и Восточной Европы: к 15-летию Центра русистики Будапештского университета им. Лоранда Этвеша // Российская история. 2011. № 3. С. 168-174.
- Мечеть «Сердце Чечни» и Коломенский кремль стали символами России // РИА Новости 9 сентября 2013. URL: <https://ria.ru/20130909/961917505.html>.
- Мыркова А.В., Ширинянц А.А. «Внутренняя» русофобия и «польский вопрос» в России XIX века // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 1 (39). С. 15-27.
- Репина Л.П. Стимулирующая «микроисториография» профессора Свака // Идеи и дела. К 65-летию профессора Дюлы Свака и 30-летию изучения исторической русистики в Будапеште. М.: Аквилон, 2018. С. 27-33.
- Россия в западном зеркале: отражения и искажения. Русский вопрос в истории политики и мысли: антология / А.Ю. Шутов и др.; под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца // Тетради по консерватизму. Альманах Фонда ИСЭПИ. 2015. № 2. С. 175-207.
- Свак Д. От историографической «микрофилологии» к микроисториографии и дальше // Дюла Свак. Опыт микроисториографии. М.: Аквилон, 2019. 288 с.
- Свак Д. К вопросу об оценке деятельности Ивана Пересветова // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1978. No. 1-2. pp. 55-80.
- Свак Д. Советская историография реформ середины XVI в. Часть I // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis re Rolando Eötvös Nominatae Sectio Historica*. 1985. Tom XXIV. pp. 217-236.
- Свак Д. Советская историография реформ середины XVI в. Часть II // *Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis re Rolando Eötvös Nominatae Sectio Historica*. 1987(a). Tom XXV. pp. 227-251.
- Свак Д. Вопрос исторического значения опричнины в советской исторической науке // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1987(б). No.1-4. pp. 327-360.
- Свак Д. Р.Г. Скрынников: историк и мир – мир историка. (Опыт реконструкции) // Русистика Руслана Скрынникова: сб. ст. памяти профессора Р.Г. Скрынникова, в честь его 80-летия / под ред. Д. Свака, И. О. Тюменцева. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. (Книги по русистике XXX). С. 9-21.
- Свак Д. Параллельные биографии – судьба историка в Советском Союзе и Венгрии. Штрихи к портрету Руслана Скрынникова и Йозефа Перени // Историк и мир – мир историка в России и Центрально-Восточной Европе / гл. ред. Д. Свак. Будапешт, 2012. (Книги по русистике XXXVI). С. 15-26.

²³ Там же. С. 281.

- Свак Д. Из Венгрии – с пониманием: несколько слов о «работе с прошлым» в России // Труды по россиеведению. 2014(а). Вып. 5. С.210-214.
- Свак Д. Русская парадигма. Русофобские заметки русофила. СПб.: Алерея, 2010. 176 с.
- Свак Д. На службе у Клио и у власти предрержащих. Этюды по россиеведению. Budapest: Russica Pannonicana, 2014(б). 196 с.
- Свак Д. Опыт создания новой государственной концепции истории России // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2017. Т. 62. Вып. 4. С. 897-909.
- Сорокопудова О.Е., Ширинянц А.А. «Русский вопрос»: французская русофобия в XIX веке // Вестник МГОУ (электронный журнал). 2014. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru>
- Тараторкин Ф.Г., Юрганов А.Л. Русская парадигма венгерского профессора // Россия XXI. 2011. № 5. С. 142-151.
- Ширинянц А.А. «Внутренняя» русофобия и «остзейский вопрос» в России XIX века // Вестник Российской нации. 2014. № 2. С. 35-47.
- Ширинянц А., Мирикова А. Русофобский мит на «панславизма» // Политически исследования. Българска асоциация за политически науки. София. Брой 1-2. 2010. С. 85-110.
- Lukacs G. Von der Verantwortung der Intellektuellen // Schicksalswende. Beitrage zu einer neuen deutschen Ideologie. Aufbau Verlag, Berlin, 1956. ss. 238-245.
- Perrie, Maureen. Russian History between East and West: Perspectives from Hungary // The Russian Review. 2011. Vol. 70. No.2. pp. 319-321

REFERENCES

- Alekseyev V.V. Uralo-vengerskiy dialog // Idei i dela. K 65-letiyu professora Dyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte. M.: Akvilon, 2018. S. 20-25.
- Alekseyev A.I. Rossiya i rossiyevdeniye. Razmyshleniye vengerskogo istorika o vremeni i o sebe // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2016. Vyp. 4. S. 271-277.
- Yefremenko D.V. Svak D. Russkaya paradigma: rusofobskie zametki rusofila // Trudy po rossiyevdeniyu. 2011. № 3. S. 447-453.
- Likhachev D.S. Pis'mo o Petrovskikh reformakh // D.S. Likhachev. Zametki o ruskom. M.: KoLibri, Azbuka Attikus, 2014. S. 383-385.
- Margusheva A.Z., Shirinyants A.A. Rusofobiya i kontrpropaganda: istoricheskii opyt rossiyskoy imperii // Vek informatsii. 2018. T. 1. № 2. S. 44-45.
- Medushevskiy A.N. «Russkaya paradigma» i yeye pereosmysleniye v istoriografii stran Tsentral'noy i Vostochnoy Yevropy: k 15-letiyu Tsentra rusistiki Budapeshtskogo universiteta im. Loranda Etvesha // Rossiyskaya istoriya. 2011. № 3. S. 168-174.
- Mechet' «Serdtshe Chechni» i Kolomenskiy kreml' stali simbolami Rossii // RIA Novosti 9 sentyabrya 2013. URL: <https://ria.ru/20130909/961917505.html>
- Myrikova A.V., Shirinyants A.A. «Vnutrennyaya» rusofobiya i «pol'skiy vopros» v Rossii XIX veka // Problemnyy analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoye proyektirovaniye. 2015. T. 8. № 1 (39). S. 15-27.
- Repina L.P. Stimuliruyushchaya «mikroistoriografiya» professora Svaka // Idei i dela. K 65-letiyu professora Dyuly Svaka i 30-letiyu izucheniya istoricheskoy rusistiki v Budapeshte. M.: Akvilon, 2018. S. 27-33.
- Rossiya v zapadnom zerkale: otrazheniya i iskazheniya. Russkiy vopros v istorii politiki i mysli: antologiya / A.YU. Shutov i dr.; pod red. A.YU. Shutova, A.A. Shirinyantsa // Tetrad' po konservatizmu. Al'manakh Fonda ISEPI. 2015. № 2. S.175-207.
- Szvák G. Ot istoriograficheskoy «mikrofilologii» k mikroistoriografii i dal'she // Szvák G. Opyt mikroistoriografii. M.: Akvilon, 2019. 288 s.
- Szvák G. K voprosu ob otsenke deyatel'nosti Ivana Peresvetova // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1978. No. 1-2. pp. 55-80.
- Szvák G. Sovetskaya istoriografiya reform serediny XVI v. Chast' I // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis re Rolando Eötvös Nominatae Sectio Historica. 1985. Tom XXIV. pp. 217-236.
- Szvák G. Sovetskaya istoriografiya reform serediny XVI v. Chast' II // Annales Universitatis Scientiarum Budapestinensis... 1987(a). Tom XXV. pp. 227-252.
- Szvák G. Vopros istoricheskogo znacheniya oprichniny v sovetskoy istoricheskoy nauke // Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae. 1987(b). No.1-4. pp. 327-360.

- Szvák G. R.G. Skrynnikov: istorik i mir – mir istorika. (Opyt rekonstruktsii) // Rusistika Ruslana Skrynnikova: sb. st. pamyati professora R.G. Skrynnikova, v chest' yego 80-letiya / pod red. D. Svaka, I. O. Tyumentseva. Budapest: Russica Pannonicana, 2011. (Knigi po rusistike XXX). С. 9-21.
- Szvák G. Parallelnyye biografii – sud'ba istorika v Sovetskom Soyuze i Vengrii. Shtrikhi k portretu Ruslana Skrynnikova i Yozhefa Pereni // Istorik i mir – mir istorika v Rossii i Tsentral'no-Vostochnoy Yevrope / gl. red. D. Svak. Budapesht, 2012. (Knigi po rusistike XXXVI). S. 15-26.
- Szvák G. Iz Vengrii – s ponimaniyem: neskol'ko slov o «rabote s proshlym» v Rossii // Trudy po rossiyevedeniyu. 2014(a). Vyp. 5. S. 210-214.
- Szvák G. Russkaya paradigma. Rusofobskiyе zametki rusofila. SPb.: Aleteyya, 2010. 176 s.
- Szvák G. Na sluzhbe u Klio i u vlast' prederzhashchikh. Etyudy po rossiyevedeniyu. Budapest: Russica Pannonicana, 2014(b). 196 s.
- Szvák G. Opyt sozdaniya novoy gosudarstvennoy kontseptsii istorii Rossii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya. 2017. T. 62. Vyp. 4. S. 897-909.
- Sorokopudova O.Ye., Shirinyants A.A. «Russkiy vopros»: frantsuzskaya rusofobiya v XIX veke // Vestnik MGOU (elektronnyy zhurnal). 2014. № 2. URL: <http://vestnik-mgou.ru>
- Taratorkin F.G., Yurganov A.L. Russkaya paradigma vengerskogo professora // Rossiya XXI. 2011. №5. S. 142-151.
- Shirinyants A.A. «Vnutrennyaya» rusofobiya i «ostzeyskiy vopros» v Rossii XIX veka // Vestnik Rossiyskoy natsii. 2014. № 2. S. 35-47.
- Shirinyants A., Mirikova A. Rusofobskiyat mit na «panslavizma» // Politicheski izsledovaniya. Bülgarska assotsiatsiya za politicheski nauki. Sofiya. Broi 1-2. 2010. S. 85-110.
- Lukacs G. Von der Verantwortung der Intellektuellen // Schicksalswende. Beiträge zu einer neuen deutschen Ideologie. Aufbau Verlag. Berlin, 1956. ss. 238-245.
- Perrie, Maureen. Russian History between East and West: Perspectives from Hungary // The Russian Review. 2011. Vol. 70. No.2. pp. 319-321.

Болдин Владимир Алексеевич, кандидат политических наук, ассистент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова. boldin.v.a@gmail.com

Ширинянц Александр Андреевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии. МГУ им. М.В. Ломоносова. jants@yandex.ru

Experience of Gyula Szvák

The article devoted to the work of an outstanding Hungarian scientist, world-famous specialist in Russia's history, founder and director of the Center for Russian Studies at the Eötvös Loránd University (ELTE), honorary doctor of the Russian Academy of Sciences, Professor Gyula Szvák (born in 1953), whose new book «Experience of Microhistoriography» was published by Aquilo Publishing House (Moscow, 2019). In the article authors make an attempt to characterize the «experience» of Professor Gyula Szvák as an intellectual scientist who is aware of the importance of his role in society and therefore shows a researcher courage in choosing topics and posing scientific questions. Szvák occupies a balanced Anti-Russophobic position and builds unique «cultural bridges» not only between different historical approaches, but also between our countries.

Keywords: Gyula Szváк, «Experience of Microhistoriography», Russian historiography

Vladimir Boldin, PhD in Political science, Assistant of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; boldin.v.a@gmail.com

Aleksandr Shirinyants, Doctor of Political Sciences, Professor. Head of Department of History of Social and Political Doctrines, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University. jants@yandex.ru

**«ИСТОРИЮ МОЖНО ВОССОЗДАТЬ ЛИШЬ... ПЕРЕЖИВ ЕЕ В СЕБЕ»
Размышления над книгой А. В. Гордона «Историки железного века»**

Речь идет о новой книге известного историка А.В. Гордона «Историки железного века». Книга состоит из девяти очерков, посвященных Г.С. Фридлянду, Я.В. Старосельскому, Я.М. Захеру, Б.Ф. Поршневу, Е.В. Тарле, А.З. Манфреду, В.М. Далину, В.С. Алексееву-Попову, С.Л. Сытину, А.В. Адо. Через призму научных биографий создается общая картина советского историознания Французской революции. В рецензии отмечается: 1) новаторство автора в создании особого историографического жанра, предметом его исследования является не только научная деятельность, но и жизненный мир его героев, укорененность их деятельности в повседневном бытии, жесткой социальной реальности; 2) особое внимание к революционной традиции, обеспечивающей внутреннее единство историографического процесса; 3) проблематизация фигуры самого автора-исследователя и биографа.

Ключевые слова: советская историография, Французская революция, революционная традиция, автопортрет автора, научная повседневность

Новая книга известного историка Великой французской революции и историографа Александра Владимировича Гордона была подарена мне автором, с которым историографическая судьба свела меня двадцать лет назад в Саратове на российско-французском коллоквиуме, с тех пор я заинтересованный читатель его работ, так как не только читаю курс отечественной историографии в университете, но и занимаюсь советской историографией как исследователь. Уже в предшествующей книге¹ о «динамике советского знания Французской революции» (С. 7) обозначился своеобразный подход Гордона к историографической методике, сосредоточенность на культурном и антропологическом аспектах, вырисовывался замысел осмысления феномена советской историографии с применением концепта «культура партийности».

В рецензируемой работе, которую автор считает необходимым дополнением, историография Французской революции предстает суммой экзистенций, личностных мирозерцаний, исследовательских и житейских практик целой когорты советских историков. Для Гордона, следуя известной метафоре «каждый человек-король», каждый участник историографического процесса важен и самоценен. Автор относится ко всем своим персонажам, независимо от масштабов дарования и вклада в науку, с искренним сочувствием, вживаясь в их судьбы и ситуацию.

Хотя историографические портреты ученых в единстве их жизненного пути, творчества и среды, которые предлагаются в книге, уже

---

¹ Гордон 2009.

вошли в исследовательскую практику, Гордон по существу конструирует новый жанр, раздвигая границы традиционной интеллектуальной биографии – образы историков воссоздаются не только через их труды и «большой» социокультурный контекст. Привлекается коллективная память – прежде всего коллег, к числу которых в большинстве случаев относится и сам автор, впечатления родственников, мнения современников, оценки представителей властных и репрессивных инстанций, художественная литература. Сущностно важным представляется использование самооценок персонажей книги.

Книга читается как художественное произведение, и развертывающаяся на ее страницах драма людей и идей не может не волновать читателя. Критическую рефлексию дополняет эмоциональная составляющая, так что складывающийся жанр хочется назвать «сентиментальной историографией» с ярко выраженным исследовательским и личностным «Я» автора, озабоченного приданием историографии «человеческого лица».

Книга состоит из девяти очерков, посвященных Г.С. Фридлянду, Я.В. Старосельскому, Я.М. Захеру, Б.Ф. Поршневу, Е.В. Тарле, А.З. Манфреду, В.М. Далину, В.С. Алексееву-Попову, С.Л. Сытину, А.В. Адо. Некоторые главы представляют переработанные опубликованные ранее очерки, другие написаны вновь. Очерковое построение книги имеет как свои достоинства, так и недостатки. Из последних, пожалуй, наиболее бросаются в глаза неизбежные повторы – герои книги вспоминаются / воскрешаются порой через одни и те же жизненные и познавательные ситуации. Вместе с тем каждый из участников историографического процесса предстает в посвященной ему главе человеческой и творческой индивидуальностью, и, хотя их судьбы тесно переплетены, каждый, являясь человеком своей эпохи, обладает «лица не общим выраженьем».

Личностная доминанта исследования проявилась и в том, что автору пришлось изменить первоначальный замысел книги, начать которую он предполагал с конца 1950-х гг., но, как пишет, «случай или судьба свели меня с родственниками и друзьями Г.С. Фридлянда и Я.В. Старосельского... приблизили ко мне облик двух ярких представителей раннего советского историознания» (С. 7-8). Впрочем, и логика самого исследования подводила автора к мысли о невозможности понять советскую историографию, исключив ее ранний период, рассматривая его лишь как отклонение от «норм нормальности» исторической науки. И дело не только в неоднозначности самих этих норм. Становление и развитие отечественного историознания о Французской революции, неоднократно подчеркивает Гордон, единый процесс, и изучаем он должен быть во всей полноте своей крайне причудливой траектории, выходящей за пределы советского периода (в отношении континуитета с дореволюционной научной традицией особенно важна глава «Из школы Кареева в советскую историографию» об учителе автора Я.М. Захере).

Более того. Совершенно справедливо Гордон полагает, что историознание Французской революции является частью национально-культурной традиции, воссоздание которой «в ее глубокой целостности» понимается им «как истинно духовная задача», не решаемая лишь на уровне традиционного историографического анализа (с. 10).

Биографическая литературность и собственно историографическая аналитика (последняя, разумеется, важнее) соседствуют в рамках одного текста, содержательно совмещаясь, взаимодополняя друг друга. Автор работает в пространстве историографического фронта, предметом его исследования является не только научная деятельность, но и жизненный мир его героев, укорененность их деятельности в повседневном бытии, жесткой (часто жестокой) социальной реальности.

Основные характеристики научного и жизненного опыта персонажей книги предзаданы автором во введении: он как бы формулирует контекстуальные рамки, в которых протекала деятельность его героев: репрессии сталинского времени (им подверглись большинство персонажей книги), мощное, хотя и размывающееся с течением времени, идеологическое давление, «равнение в строю» в рамках корпоративной солидарности, стратегии самосохранения на крутых поворотах «генеральной линии» партии и попросту конкуренция за место и должность, когда классовый подход, по едкому замечанию одного из персонажей подменялся «кассовым». Но в то же время это и стимулирующая контекстуальность – революционная традиция. Этот воздух, которым дышали персонажи книги, пылкое желание сказать «свое марксистское слово» подвигали к научному прорыву в интенсивном исследовании социальных проблем, народных движений, типологии якобинской диктатуры.

Конечно, советское историознание может быть рассмотрено в разных ракурсах, содержание книги многослойно, но из смыслового контекста и следующих через весь текст фрагментарных рассуждений автора «по ходу» явствует, что в советское время в основе изучения Французской революции пребывала «многообразная и динамичная» революционная традиция, на которой держалось внутреннее единство историографического процесса, и последний может быть представлен как различные уровни/варианты ее бытования/пульсирования. В этом проявляются историографическое новаторство и научная смелость автора.

Ценностные ориентации, интеллектуальный опыт, определяемый этой традицией, выступают как связующее начало локальных познавательных ситуаций, «развертывания спиралей микроситуаций»². Эти ситуации и являют нам единство социального контекста, жизненного пути и – чему уделяется наибольшее внимание – динамики становления со-

---

² В терминологии Р. Коллинза. – см.: Коллинз 2002. С. 67.

ветской историографии Французской революции, формирования корпуса проблематики, дискурсивных рамок исследования.

Внимание, которое автор уделяет историкам 1920-х гг., объясняется не только понятным стремлением «стереть белое пятно», закрыть историографическую лакуну, воздать должное подвижникам и мученикам науки. Трудоголики, восполнявшие упорным трудом недостаток систематического образования, знавшие по несколько иностранных языков, наделенные яростной энергетикой ниспровергателей/создателей традиций – автор не жалеет эпитетов при характеристике исследователей 1920-х гг. Но не это главное для историографа. Систематизация человеческого «материала» и вживание в особо интересующую автора эпоху позволяют объяснить, если даже в первом приближении, феномен когнитивной дерзости исследователей первого марксистского призыва, равно как и их трагический финал. Концептуализация истории Французской революции происходила уже на этом этапе – привилегированным предметом обсуждения становятся историческое значение и причины поражения якобинской диктатуры – «тест на подлинность якобинского демократизма», левые и правые, Термидор, теория и практика революционного действия, террор. И, разумеется, генетическая связь Французской и Российской революций.

Автор отмечает, как «дух ранней поры революционного марксизма» и дискуссии той эпохи оживают к 1960–1970-м гг., применительно к которым Гордон отчетливо фиксирует два концептуальных направления: господствовавшее якобиноцентристское, представленное лидерами отечественных франковедов Манфредом и Далиным, и другое, отстаивавшее роль социальных низов, городской бедноты и крестьянства (Захер, Сытин, Алексеев-Попов, затем Адо и сам автор). Приведя личную переписку, автор вспоминает, как Сытин, размышляя о судьбах социализма в России в последний период своей жизни, возвращался к традиции 1920-х. Подмечает, как дух той эпохи выразился в дерзком системосозидательстве Б.Ф. Поршнева.

Проблема революционной традиции как соотношение теории и политики вплетается автором в конкретные познавательные ситуации: «Для Захера – и это еще раз очевидно – марксизм оставался скорее идейно–политической, чем методологической позицией» (С. 135). И идейно–политической основой своеобразного «левого блока» между советскими историками и историками–марксистами на Западе при всех научно–теоретических коллизиях оставалась «верность революционной традиции, пиетет к французской и русской революциям» (С. 135–136).

Очень интересны приводимые автором архивные свидетельства неписываемости революционной традиции в прокрустово ложе официального марксизма, более того, стремления обходиться без привычной методологической поддержки: «Я теперь, – пишет В.С. Алексеев-Попов

Я.М. Захеру 26 октября 1962 г., – исхожу не из мысли Маркса, а из фактов истории самой революции» (С. 331). Уровнем бытования революционной традиции становится и неортодоксальная философия истории Б.Ф. Поршнева, представлявшего неповиновение принуждению, классовую борьбу универсальным носителем энергии исторического процесса.

В рамках советского историографического дискурса революционная традиция представлена автором в различных конкурирующих версиях – наиболее ярким проявлением этого, проникшим и в массовое сознание, являются два классических варианта освещения фигуры Наполеона Бонапарта в работах Е.В. Тарле и А.З. Манфреда (С. 227–280).

Революционная традиция, как показывает автор, подвергалась глубокой трансформации (и известной деформации), ее динамика, заодно с профессионализацией самой науки, постепенно освобождает революционную проблематику от тяжелой нагруженности политическими аналогиями (вспомним хотя бы знаменитую проблему Термидора). В такой ситуации, по замечанию американского историка науки Лорена Грехема, становится возможным руководствоваться внутринаучной мотивацией исследовательских процедур, не приводящей к автоматическому конфликту с системой³. Хотя подобные конфликты, конечно, были.

В рецензируемой книге прослеживается еще один значимый план – автопортрет автора. Большая часть его творческого пути прошла в пространстве того «железного века», в котором жили и творили его герои, и почти 20 лет приходится уже на другой век, отнюдь не «серебряный». Активный участник историографического процесса, Гордон, воссоздавая его, описывает учебу в Ленинградском университете, где наставником профессионализма стал профессор классической петербургско-университетской формации С.Н. Валк. Запоминаются перипетии вхождения в московскую академическую среду: поступление в аспирантуру Института истории, знакомство с мэтрами–франковедами, впечатления о защите диссертации, суждения и сомнения по поводу концептуальных расхождений. Таким образом, проблематизируется фигура самого автора/биографа. И, пожалуй, можно бы было поразмышлять о преодолении субъект-объектной дихотомии в современном историографическом письме, о «новой биографической истории»⁴ (монография Гордона безусловно отражает эти процессы), но мне представляется важным всмотреться в «автопортрет» историка, обнаружив в нем то, что явно не вербализуется – инстинкт профессии.

Гордон упоминает свои записи/впечатления (в т.ч. дневниковые) о встречах и беседах с историками, бережно хранит обширную переписку с коллегами, подаренные ему книги с автографами, встречается с род-

³ Цит. по: Наука и кризисы... С. 777.

⁴ Репина 2011. С. 286-324.

ственниками и знакомыми своих героев, записывает их воспоминания, выявляет ценные документы из семейных архивов, формируя таким образом свой профессиональный фонд. Скрупулезные и обширные примечания к главам содержат, конечно, и ссылки на архивохранилища (естественный атрибут профессионализма историка), но более поражают информацией о родственных связях героев и судьбе их близких, подобные фамильные «места памяти» ученых также попадают в поле зрения автора. Так выражает себя не только ремесло историка, но и глубокий интерес к человеку в истории, к способам сохранения памяти.

Многосторонне характеризуют автора вопросы, которыми он озадачивает и себя, и читателя – о соотношении научного капитала и репутации историка в советском варианте, о слагаемых корпоративной этики. Интересны в этом плане размышления о том, что значил успех в науке по-советски? Так, Гордон задумывается о различии научных и житейских траекторий однокашников из «школы Кареева» Я.М. Захера и В.В. Бирюковича. Более масштабна параллель между личностными стратегиями Б.Ф. Поршнева и его оппонента С.Д. Сказкина. Сказкин – академик, Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета, окружен свитой учеников, но «на всю жизнь остался запуганным, капитулировав перед идеологическим каноном в виде воинствующего атеизма» (С. 212), и в конечном итоге не оставил монографии по любимой религиозной истории Средних веков. А дерзкий Б.В. Поршневу, «умирая, подавленный уничтожением в издательстве своего главного труда⁵ и провалом на академических выборах... мог... противопоставить жизненному успеху академика» убежденность в том, что «выполнил главное дело своей жизни» (С. 212).

Еще один сюжет книги – научная повседневность советского историка, приватная и публичная ее ипостаси, позволяющие прояснить ряд проблем, которые только начинают осмысливаться в современной историографии. Гордон приводит примечательные факты о формах патронажа в советской науке, как на уровне высокой власти, так и в отношении отдельных ученых и администраторов от науки (С. 119–120, 229–230, 390), об иерархических взаимоотношениях столичной и провинциальной науки, о контроле столицы «за научной карьерой кадров из провинции» (С. 316–317), о монополии центра в научно-организационной и издательской деятельности, о сложных коммуникациях между московскими и ленинградскими историками, о юбилеях и похоронах, о преемственности и забвении, о коллективных проектах, защитах диссертаций. Даже о литературных, художественных и житейских пристрастиях!

---

⁵ Поршневу 2007. Первое издание с изъятием важнейших глав было осуществлено спустя два года после смерти автора, в 1974 г.

Запоминается отразившийся в научном творчестве контрапункт литературных вкусов двух биографов Наполеона: увлеченность Е.В. Тарле Достоевским – любовь А.З. Манфреда к Тургеневу. Или характеристика Я.В. Старосельского, резко контрастирующая с образом революционного марксиста и подпольщика: «Завзятый театрал, фанатичный любитель оперы... приехав в Ленинград после первой “отсидки” не упускал случая для похода в оперу. Посетил он ленинградскую оперу и после второй “отсидки”, игнорируя возможность засветиться» (С. 67).

Есть упоминания о материальном положении персонажей книги. Оно было, несомненно, весьма различно и даже контрастно – от апартаментов Е.В. Тарле на Дворцовой до съемной комнаты в деревенской избе, а затем скромной квартиры Я.М. Захера в Петергофе, откуда тому, уже очень больному, приходилось в переполненных автобусе, электричке, троллейбусе добираться до Университета и БАНа на Васильевском острове. В переменчивое время случались превратности в жизни ученых даже с относительно благополучной в целом судьбой. Жизнь А.В. Адо, профессора ведущего университета страны, ученого с мировым именем, вырастившего за десятилетия научно-педагогической деятельности целую плеяду высококвалифицированных специалистов, в последние годы «буквально заедал», по колоритному выражению Гордона, катастрофически осложнявшийся быт. И все же, еще раз подчеркну, интерес к контексту не главное, это проясняющий фон к концептуальным опытам историков, отразившихся в текстах, и переплетением/отражением этого опыта в их драматических судьбах.

Представляя новую книгу читателю, замечу, что А.В. Гордону удалось преодолеть сопротивление и «смены вех», и «тропы отдаления и забвения». О последнем есть замечательные строки Бориса Пастернака: «Повесть наших отцов, / Точно повесть из века Стюартов, / Отдаленней, чем Пушкин, / И видится точно во сне»... В своей попытке «воссоздания полноты отечественного историознания Французской революции» Гордон преодолевает временные, смысловые, поведенческие барьеры, отделяющие его от предшественников, не только благодаря высокому профессионализму, но и благодаря роднящему его с героями повествования ощущению причастности к питавшей их традиции. Понимая всю масштабность и сложность задачи, сожалеешь что об историках Великой Российской революции подобная книга до сих пор не написана.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Гордон А.В. Историки железного века. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 448 с. («Humanitas») [Gordon A.V. "Historians of the Iron Age", 2018. 448 p.]
- Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с. [Gordon A.V. Velikaya frantsuzskaya revolyutsiya v sovetskoj istoriografii. M.: Nauka, 2009. 380 s.]

- Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального измерения. Новосибирск, 2002. 1281 с. [Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy. Globalnaya teoriya intellektualnogo izmereniya. Novosibirsk, 2002. 1281 s.]
- Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории: Проблемы палеопсихологии /науч. ред. О.Т.Вите. СПб., 2007. 720 с. [Porshneva B.F. O nachale chelovecheskoy istorii: Problemy paleopsihologii /nauch. red. O.T.Vite. SPb., 2007. 720 s.]
- Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг, 2011. 560 с. [Repina L.P. Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsialnyie teorii i istoriograficheskaya praktika. M.: Krug, 2011. 560 s.]
- Наука и кризисы. Историко-сравнительные очерки. СПб., 2003. 1040 с. [Nauka i krizisyi. Istoriko-sravnitelnyie ocherki. SPb., 2003. 1040 s.]

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, кафедра современной отечественной истории и историографии, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского; korzunv@mail.ru

**«History can be restored only... by experienced it in itself»
Reflection on the book: Gordon A.V. “Historians of the Iron Age”**

This article is devoted to reflection on a new book by the famous historian of the Great French Revolution A.V. Gordon "Historians of the Iron Age". The book consists of nine essays dedicated G.S. Friedland, I.V. Staroselskomu, Ya.M. Zaheru, B.F. Porshnevu, E.V. Tarle, A.Z. Manfred, V.M. Dalin, V.S. Alekseev-Popov, S.L. Sytin, A.V. Ado. Gordon created a picture general picture of the Soviet historical studies of the French bourgeois revolution analyzed scientific biographies of this historians. The review notes, firstly, the author's innovation in creating a special historiographic genre. A.V. Gordon works in the space of the historiographic frontier, the subject of his research is not only scientific activities, but also the life world of his characters, rootedness of their activities in everyday life, harsh social reality. Secondly, the author of present paper marks of special attention to the revolutionary tradition that ensures the internal unity of the historiographic process. And finally, the problematization of the figure of the author-researcher and biographer himself is another feature of this book mentioned in the review.

Keywords: French Revolution, Soviet historiography, revolutionary tradition, revolutionary Marxism, self-portrait of the author, scientific everyday life

Valentina Korzun, Dr. Sc. (History), Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoyevsky, korzunv@mail.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ: СОБЫТИЯ И ПРОЕКТЫ

Л. П. РЕПИНА, В. В. ВЫСОКОВА

В ПОИСКАХ КОМПАРАТИВНОГО ПОДХОДА: ОПЫТ СОПОСТАВЛЕНИЯ РУССКОЙ И БРИТАНСКОЙ КУЛЬТУР XVII–XVIII вв.*

Статья посвящена анализу докладов, представленных на международном научном семинаре ««Интеллектуалы и власть в Великобритании и России в эпоху перемен (XVII–XVIII вв.)», который состоялся 5–6 сентября 2019 г. на базе Уральского федерального университета (г. Екатеринбург) в рамках работы над исследовательским проектом, поддержанном грантом РФФ.

Ключевые слова: Россия, Британия, интеллектуалы, власть, идентичность.

В центре внимания авторов статьи – основная проблематика исследовательского проекта, цель которого – выявление общего и особенного в практиках и механизмах влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве в XVII–XVIII вв. Различные аспекты этой темы были раскрыты в представленных докладах в направлении, заданном программным докладом руководителя проекта – чл.-корр. РАН, руководителя Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН Л.П. Репиной, а именно – с ориентацией на определение контуров и критериев сравнительно-исторического анализа путей формирования культурной/национальной/имперской идентичности в Британии и России в эпоху системного кризиса XVII–XVIII вв., понимаемого в данном контексте как эпоха перехода от «культуры духа» к «культуре разума». В соответствии с этим была поставлена задача изучения процессов изменения традиционных социальных практик и рождения новых, их конкурентного функционирования в соответствующих социокультурных пространствах (с наличием специфического культурного кода и спектром культурных моделей, признаваемых легитимными), наряду с устойчивыми формами концептуализации и способами интерпретации реальности, принятых в данных сообществах. Поскольку в символично-смысловой, идеально-ценностной и морально-нравственной сфере контроль осуществляется не столько властными ресурсами, сколько способностью продуцировать и легитимировать идеи, значения, смыс-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 ««Культура Духа» vs «Культура Разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен»).

лы и знания, одной из важных исследовательских стратегий является изучение трансформационных процессов Раннего Нового времени сквозь призму персоналий интеллектуалов, выступавших как мыслители – носители интеллектуальных традиций и как деятели – проводники инновационных интерпретационных моделей, что и было продемонстрировано на конкретном материале в представленных докладах.

Обсуждение докладов проходило в рамках пяти панельных заседаний: 1. Общественно-политические дискуссии XVII–XVIII вв.: интеллектуалы, которые изменили ход истории; 2. Правда и закон: власть и общество в эпоху Перемен; 3. Историк и власть: прошлое-настоящее-будущее в эпоху Перемен; 4. «Перекресток» культур: представления британцев о России и русских о Британии в XVII–XVIII вв.; 5. «Праведное слово в неправедном мире»: проповедь и наставления в британской и русской культуре XVII–XVIII вв.¹

Первое панельное заседание открылось двумя контр-докладами А.Б. Соколова и И.Н. Никулина. В докладе «Политическая карикатура середины XVIII – начала XIX века как фактор формирования гражданского сознания в английском обществе» д.и.н., профессора, декана исторического факультета ЯГПУ им. К.Д. Ушинского А.Б. Соколова была рассмотрена английская карикатура Георгианской эпохи как особый культурный и политический феномен. Докладчик отметил, что графическая сатира в Англии пользовалась в этот период огромным спросом и являлась инструментом формирования политического сознания, выполняла функцию развития критического мышления, укрепления представлений об английских свободах, причем довольно часто предметом осмеяния становились король и наследник престола, однако в данном случае мы имеем дело не с критикой монархии как таковой, а лишь – специфических черт или поведения коронованных особ. В докладе к.и.н., доцента кафедры теологии Миссионерского института И.А. Никулина «Взгляды сибирских митрополитов Павла и Игнатия (последняя четверть XVII в.) на церковно-государственные отношения», было показано, что отношения Церкви и Царства стали важным пунктом церковно-общественной повестки дня во второй половине XVII в., что идеологические установки этого времени сформировали мировоззрение целого поколения русских архиереев, таких как сибирские митрополиты Павел и Игнатий Римский-Корсаков. Было отмечено, что понимание архиереями места Церкви в жизни Московского царства во многом повлияло на церковную политику Петра I, которому Игнатий после свержения Софии Алексеевны преподнес в 1690 г. «Слово избранно от Божественных писаний и от повестей отеческих о Российском царствии».

---

¹ Каждое панельное заседание открывалось двумя заглавными докладами, представлявшими соответственно британскую и русскую проблематику.

В дискуссии выступил к.филол.н., н.с. отдела редких книг и рукописей ГПНТБ Сибирского отделения РАН В.В. Подопригра с сообщением о деятельности окружения патриарха Московского и всея Руси Иоакима (1674–1690), группы книжников-интеллектуалов, объединенных личностью патриарха. Текстологический анализ рукописи «Возглашение увещательного всему российскому народу» (в собрании акад. М.Н. Тихомирова ГПНТБ СО РАН) доказал ее связь с изданием «Увета духовного» 1682 г. и предполагаемым его автором Афанасием Холмогорским. Ст. преп. кафедры зарубежного регионоведения УрФУ, к.и.н. К.А. Созинова («Периодическая печать в формировании вкуса к чтению англичан XVIII в.») констатировала рост грамотности и расширение читательской аудитории в Англии XVIII в., что в свою очередь было связано с небывалым издательским бумом, изменениями в системе образования и ролью периодической печати в формировании читательской аудитории. Во втором «британском» сообщении («Любить все человечество, кроме американцев: место С. Джонсона в дискуссии о статусе североамериканских колоний Британии в 70–80-е гг. XVIII в.») к.и.н., ассистент кафедры востоковедения УрФУ Т.А. Косых показала логику аргументации интеллектуала в вопросе о правах и свободах жителей североамериканских колоний в годы Войны за независимость.

Во втором панельном заседании д.и.н., доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина И.М. Эрлихсон в докладе «Г. Филдинг и специфика историко-правового сознания в контексте преобразований английской уголовно-исполнительной системы XVIII в.» показала, что прогрессирующий рост преступности в Британии XVIII в. был предметом общественного дискурса, в русле которого зародилась идея превенции преступления. Эта идея стала центральным тезисом трактата Генри Филдинга «Исследование причин участвовавших преступлений...» (1751), который считал рост преступности структурным следствием коммерциализации общества, увеличившей благосостояние низших сословий. И.М. Эрлихсон пришла к выводу, что в данном тексте «в точку» сошлись три самостоятельных дискурса – классический, христианский и научный. Согласно неоримской республиканской традиции распространение роскоши и пороков угрожало дестабилизацией конституции, которая являлась гарантом гражданской свободы. Эти неоклассические аргументы пересекались с концепцией грехопадения. Доводы Филдинга были также частично основаны на рассуждениях Локка о разуме как о чистом листе и преобразовании характера через созидательную или разрушительную силу привычек и примеров.

К.и.н., с.н.с. Института истории и археологии УрО РАН М.А. Киселев в докладе «Русский перевод Второго трактата о правлении Дж. Локка и становление антиабсолютистского языка в России XVIII в.» за-

метил, что для политической культуры Московского государства XVI–XVII вв. представление о неограниченной власти царя было общим местом и какого-либо значимого аналога антиабсолютистского дискурса не было, но ситуация начинает существенно меняться в начале XVIII в., когда в процессе адаптации европейских идейных инноваций отечественные авторы знакомятся с критикой абсолютизма. Примером служит перевод антиабсолютистского Второго трактата о правлении Локка, осуществленный А.Ф. Хрущовым, видным государственным деятелем, одно время управлявшим вместе с В.Н. Татищевым заводами на Урале. Автор показал, что Хрущов, оперируя русским – абсолютистским – политическим языком, смог передать для русского читателя ключевые антиабсолютистские положения трактата Локка.

Выступившая в дискуссии к.и.н., м.н.с. Лаборатории эдиционной археографии УрФУ А.С. Лыцова («Протестантская этика в политической деятельности графа А.И. Остермана») обратила внимание на то, что Остерман имел свой собственный взгляд на природу закона, природу человека, использовал концепт «анкураживания», идею сдерживания страстей, которые А.С. Лыцова связала с протестантской этикой Остермана Т. С. Сидоркина, аспирантка кафедры новой и новейшей истории УрФУ («Филипп Фрэнсис и свобода слова в Британии на рубеже 60–70-х гг. XVIII в.: на пути к Юниусу») провела анализ исторического контекста становления взглядов автора «Писем Юниуса», а также мотиваций его решительного выпада против власть предержащих. К.филол.н., доцент филологического факультета МГУ им. Ломоносова Е.И. Кислова («Проповедь XVIII века: между личной оценкой и государственным надзором») показала как был устроен процесс оценки и цензурирования проповедей в России в контексте появления проповеди как факта церковной и светской культуры XVIII в.

Третье панельное заседание открыли доклады В.В. Высоковой и С.И. Маловичко. Д.и.н., профессор кафедры новой и новейшей истории УрФУ В.В. Высокова («“Fanfare for the Common Man”: история между антикварным дискурсом и “высоким” нарративом эпохи Просвещения (на примере “исторических” сочинений Д. Дефо)») показала, что рубеж XVII–XVIII вв. стал в истории исторического письма в Британии моментом решающего разрыва с антикварным дискурсом, для которого были характерны представления о божественности мироздания и о монархе как гаранте его воплощения на земле. В то же время подражание Тациту еще не вошло в стандарт исторического письма, высокий гражданский нарратив станет господствующим только в середине XVIII в. в сочинениях Д. Юма и его последователей. В качестве примера «перехода» докладчик использовала таких сочинения из интеллектуального наследия Дефо, как «История Великой чумы» (1722), «Всеобщая история пиратов» (1724); «История дьявола» (1726).

Профессор Государственного гуманитарно-технологического университета, д.и.н. С.И. Маловичко («Конфликт интерпретаций национального прошлого в русской общественной мысли второй половины XVIII в.: М.М. Щербатов, И.П. Елагин и др.») показал, что в центре общественных дискуссий в России второй половины XVIII в. оказался вопрос об интерпретации национального прошлого. Остановившись на различии историографических практик М.М. Щербатова, И.П. Елагина, а также императрицы Екатерины II и И.Н. Болтина, С.И. Маловичко пришел к выводу, что в 1760-х – начале 1790-х гг. в общественной мысли России наметился конфликт между разными типами историописания – нарративом, ориентированным на научное верифицируемое знание о прошлом, и нарративом, выполняющим практические национальные задачи, нацеленным на создание «славного прошлого» страны.

В дискуссиях третьего панельного заседания магистрант кафедры новой и новейшей истории УрФУ С.А. Раденцев («Т. Гоббс как историк: постоянство человеческих мотивов в эпоху Перемен») привлек внимание к историческому сочинению выдающегося философа «Бежемот: история причин гражданских войн в Англии, а также дискуссий и измышлений, с помощью которых они продолжались с 1640 по 1662 г.», написанному уже в изгнании и опубликованному посмертно. Было отмечено влияние на интеллектуальное становление Гоббса семейства Кавендишей, с которым его связывали длительные патрон-клиентские отношения. К.и.н., зав. кафедрой истории России УрФУ С.В. Соколов («В.Н. Татищев и идеи его “Истории” в книге английского коммерсанта и путешественника Дж. Ханвея») отметил, что заметки Дж. Ханвея дают представление о личности Татищева, его качествах как администратора и деловых связях, а также содержат важные сведения о процессе создания «Истории Российской», представлениях Татищева о задачах историописания и причинах неуспеха этого труда при его жизни. К.и.н., доцент кафедры древнего мира и средних веков УрФУ А.С. Козлов («Падение Римской империи: историографическая рефлексия от Ф. Бэкона до Э. Гиббона») выделил три сменяющие друг друга модели объяснения падения Римской империи в национальном историописании Британии: у Бэкона оно содержало элементы «классической декадентской модели», характерной для гуманистов; А. Фергюсон связывает падение Рима с материальными факторами, в частности с истощением почв, решающим же моментом регресса шотландский историк считает переход от республики к монархии; и только с публикацией эпохального труда Гиббона происходит отход от умозрительного анализа упадка империи и эта тема актуализируется соотношением с современной социальной и политической обстановкой в самой Британии.

На четвертом панельном заседании анализ «Краткой истории Московии» Дж. Мильтона (1682) в докладе Мэттью Бинни (Восточный

университет штата Вашингтон) показал, что это сочинение является не столько географическим или антропологическим описанием России (Мильтон опирался на коллекции Хаклюйта и Перчеса), сколько политическим памфлетом на события революции середины XVII в., причем Мильтон подбирал свидетельства о России таким образом, чтобы представить Россию в качестве антипода представлению о классическом республиканизме (о котором он мечтал для Англии), но также и для критики законов и обычаев Английского королевства, не отвечающих, по мнению Мильтона, запросам времени в годы «Великой смуты».

К.и.н., н.с. Института всеобщей истории РАН Г.В. Шпак («Записки английских путешественников о России конца XVI – начала XVII в. в контексте британской травелографии») поднял вопрос о специфике жанра и авторской рецепции, что способствует пониманию особенностей фиксации образов российской действительности в британских травелогах конца XVI – нач. XVII в. Было выделено три жанра: во-первых, во второй половине XVI в., когда совершаются первые торговые и дипломатические визиты, публикуются отчеты и записки путешественников; во-вторых, помимо деловых отчетов появляются фикшн-травелоги, в которых также выстраивается образ России; в-третьих, карты, дополняющие образ Московского царства визуальным рядом – изображениями флоры и фауны. Именно в это время формируются устойчивые описательные модели, анализ которых позволяет понять техники взаимодействия Англии и России на протяжении последующих веков.

Н.А. Болдырева, н.с. Музеев Московского Кремля, соискатель кафедры средних веков МГУ («Русский перевод “Британии” У. Кемдена и интеллектуальный круг патриарха Никона») показала, что труд Кемдена попал в Россию в составе двух популярных географических атласов мира: первая, сокращенная версия в составе атласа Меркатора-Хондия была переведена в Посольском приказе Б. Лыковым и И. Дорном (1637); полный текст «Британии» (как 4-й том «Нового атласа» Блау) был переведен старцем Исайей из круга Епифания Славинецкого по заказу Никона в 1650-е – 1661 гг. Была дана высокая оценка точности полного перевода и показаны наиболее сложные темы для малороссийского книжника: древнеримская эпиграфика и интерпретация терминологии, связанной с западноевропейским феодализмом и английской судебной системой. К.и.н., доцент кафедры истории России УрФУ В.И. Байдин («И.Л. Поборский: реконструкция страниц неизвестной биографии») привлек внимание к фигуре одного из участников Велико-го посольства, посетившего Англию с Петром I в 1698 г. Докладчик реконструировал интеллектуальный облик И.Л. Поборского, который, по его предположению, учился у Симеона Полоцкого. Ученость Поборского предопределила его близкие отношения с автором первой зарубежной «Русской грамматики» Г.В. Лудолфом, вышедшей в Оксфор-

де в 1696 г. Профессор кафедры русской и зарубежной литературы, д.филол.наук УрФУ Е.Е. Приказчикова («Я берег покидал туманный Альбиона»: русские травелоги XVIII в. в поисках мирообраза Британии») на примере трех текстов («Россиянин в Англии» анонимного автора, «Письма русского путешественника» Н. Карамзина, «Письма из Лондона» П. Макарова) доказала, что в эпоху Просвещения происходит отказ от аксиологических установок средневековых хождений, выстраивается новая концепция мирообраза Британии и менталитета англичан, создаются устойчивые национальные стереотипы восприятия «чужого».

На пятом панельном заседании д.филол.н., г.н.с. Института филологии РАН М.С. Киселева в докладе «Книжная проповедь последней четверти XVII – начале XVIII в.: от Московского Царства к Российской Империи» сосредоточилась на контексте появления книжной проповеди на примере сборников проповедей Симеона Полоцкого «Обед душевный» и «Вечера душевная», обратив внимание на изменение социокультурного контекста в начале XVIII в. и его влияния на содержание искусства проповеди «второй волны» киево-могилянских проповедников, таких как Стефан Яворский и Димитрий Ростовский.

В докладе «Фигура моралиста в английской культуре XVII в.» к.и.н., с.н.с. Института всеобщей истории РАН, доцент кафедры Истории и теории культуры РГГУ А.В. Стогова показала, как после расцвета полемической литературы в эпоху Реформации в европейской культуре XVII в. изменяются представления о морали. В английской культуре большое влияние на этот процесс оказали гражданские войны и осмысление поведения через призму политических вопросов подчинения и взаимодействия, что способствовало изменению статуса моралиста как публичной персоны. Докладчик показала, что моралистические сочинения как тип публичного высказывания приобрели большую популярность и значимость, что было связано с разрушением абсолютного авторитета в вопросах этики в культуре раннего Нового времени.

В дискуссионной части д.филол.н., профессор, зав. кафедрой источниковедения литературы и древних языков Новосибирского государственного университета Е.И. Дергачева-Скоп и к.филол.н., м.н.с. отдела редких книг и рукописей ГПНТБ СО РАН И.А. Шилова («Аскетическое сочинение "Сибирский Лествичник": рукописная традиция и творческая история текста») привлекли внимание к новооткрытым спискам «Лествицы Сибирской», книги толкований Лествицы Иоанна Синайского, созданным в последней четверти XVII в.² Они показали, что в данном сборнике происходит усиление темы аскетического поведения, читателю внушается расширенная аргументация христианского образа жизни в контексте православной политики российского государ-

² См. об этом, в частности: Дергачева-Скоп, Соболева 2019.

ства. В сообщении «Конфликтология в проповеди конца XVII в.: греховность и праведность в понимании времени» д.филол.н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы УрФУ Л.С. Соболева поделилась результатами исследования анонимного рукописного сборника проповедей конца XVII в. «Статир». Был показан круг поднимаемых его автором вопросов: и морально-этических (греха, благодати, христианского долга и т. п.), и соотношения богатства и «нищеты», предпринимательства («талант») и пассивности, власти светской и власти кликальной, и проявление нового отношения к женщине, браку и воспитанию. Тема была подхвачена магистранткой кафедры русской и зарубежной литературы УрФУ А.В. Нестеровой («Символическая основа проповеди конца XVII века (рукописный сборник “Статир”»)), которая рассмотрела особенности системы символов, фигурирующих в поучительных Словах сборника «Статир» и показала, как образ горы в проповеди являет собой рефлексии всего мироздания в сознании автора текста и позволяет приблизиться к пониманию ценностей человека эпохи. К британской проблематике пятого панельного заседания обратилась В.В. Высокова в коротком сообщении «Бангорианская контроверза 1719 г.: Высокая церковь Англии, неприсягнувшие священники и королевская власть», показав 1719 год как «точку» окончательного разрыва светской и духовной власти в Британии в эпоху нового времени.

Завершал научный семинар дискуссионный круглый стол. Профессор Саймон Диксон (Школа славистики и восточно-европейских исследований Университетского колледжа Лондона) отметил разнообразие и высокий уровень представленных докладов, отметив необходимость разработки компаративного подхода к изучению практик и механизмов влияния интеллектуалов на власть и общество в Британии и России в ситуации распада универсальной картины мира и формирования новых представлений о человеке, обществе и государстве в XVII–XVIII вв., подчеркнув, что разноплановый контекст исследования, в котором сопряжены культурная/национальная/имперская идентичности в Британии и России в эпоху системного кризиса, требует «кристальной ясности» сопоставительного анализа. Л.С. Соболева очертила круг русских интеллектуалов второй половины XVII – начала XVIII в., получивших освещение в докладах, как книжников и настоятелей русского священства – Епифания Славинецкого, сибирских митрополитов Павла и Игнатия Римского-Корсакова, И.Л. Поборского и др. В выступлении С.И. Маловичко прозвучала мысль о том, что интенсивное развитие историописания как в Британии на рубеже XVII–XVIII вв., так и в России во второй половине XVIII в. свидетельствует о формировании национальной идентичности и стремлении к созданию большого национального нарратива. В.В. Высокова отметила, что общественно-политические дискуссии в Британии бурного XVII в. оста-

лись практически не освещенными в ходе семинара, а именно там и находится эпицентр духовных поисков английского общества в эпоху перехода от «культуры духа» к «культуре разума».

Л.П. Репина отметила, что эпоха Перемен для Британии и России стали временем появления новых социокультурных практик и легитимации новых поведенческих стратегий интеллектуалов. Сравнение двух культур с абсолютно разными, на первый взгляд, культурными кодами позволяет обнаружить общность вызовов, на которые отвечали интеллектуалы, а также определенные параллели в развитии Британии и России XVII–XVIII вв. На конкретно-историческом материале сочинений русских и британских интеллектуалов виден сложный процесс перехода от средневекового «человека Бога» к «человеку Мира»; интеллектуалам Британии удалось сформировать социально-ориентированный облик власти, заложив тем самым основы либеральной государственности. Анализ дискурсивных практик допетровской России обнаруживает напряженный духовный поиск и показывает, что воздействие на социум происходило через церковную гомилетику и риторику. Л.П. Репина призвала применять методы лингвистического анализа текстов, что позволит выявить специфические наборы понятий риторических конструкций, отражающих картину мира и систему ценностей двух социокультурных формаций «эпохи перемен».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Дергачева-Скоп Е.И., Соболева Л.С. Маленькая заметка о большом недоразумении, или Был ли свт. Филофей (Лещинский) автором «Сибирского Лествичника» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. С. 193-200. [Dergacheva-Skop E.I., Soboleva L.S. Malen'kaya zametka o bol'shom nedorazumenii, ili Byl li svt. Filofej (Leshchinskij) avtorom «Sibirskogo Lestvichnika» // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. S. 193-200]

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, зам. директора Института всеобщей истории РАН, зав. кафедрой Теории и истории гуманитарного знания РГГУ; lorinarepina@yandex.ru

Высокова Вероника Витальевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра новой и новейшей истории, Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина, vyssokova@mail.ru

Searching for a comparative approach: experience of comparison of Russian and British cultures XVII – XVIII centuries

The article is devoted to the analysis of reports presented at the international scientific seminar “Intellectuals and Power in Great Britain and Russia in the Age of Change (XVII – XVIII cc.)”, which took place on September 5–6, 2019 at the Ural Federal University as part of a research project supported by a grant from the Russian Science Foundation.

Keywords: Russia, Britain, intellectuals, power, identity.

Lorina Repina, Associate Member of the Russian Academy of Sciences, Dr. Sc. (History), Professor, Chief Researcher, Institute of World History, RAS; lorinarepina@yandex.ru

Veronika Vysokova, Dr. Sc. (History), Professor, Department of New and Contemporary History, Ural Federal University, Yekaterinburg; vyssokova@mail.ru

CONTENTS

Spaces of History

<i>Lorina Repina</i> History of the regions, or “Historian’s territory” after Spatial turn.....	5
<i>Nadezhda Selounskaya</i> Alien country of the past, or history with geography: Pomponius Let and Vladimir Zabugin.....	17
<i>Andrey Kuznetsov</i> The elements of “geographical horizons” for Soviet historians: experience of reconstruction basing on the cases of S.I. Arkhangel’sky and N.P. Sokolov.....	30

Spatial experience of the Other

<i>Alexander V. Makhlaiuk, Konstantin V. Markov</i> Travelogue elements in the narrative structure of Cassius Dio’s Roman History.....	46
<i>Mark S. Chistalev</i> Visualization of Egypt as exotic space in graphic monuments of Italy on the example of the Nilotic scenes.....	63
<i>Irina Vashcheva</i> Mental geography of the early Middle Ages: the Four monarchies theory in the works of Christian authors of the V–VII cc.	73
<i>Yulia Vershinina, Artem Maslov</i> Parting as a test of feelings: the emotional background of the accounts about separation from nearest and dearest.....	90

Constructing the periphery

<i>Anton E. Baryshnikov</i> Imperial threat and the transformation of landscape: Spatial history of Roman Britain.....	107
<i>Yulia S. Obidina</i> From Paradise to Heaven: representations of the borders of the Other world in the Late Antiquity and the Early Middle Ages.....	118
<i>Irina Konovalova</i> Old Rus’ on the world map of Islamic geographers of the 10 th century.....	132
<i>A.V. Podossinov, A.O. Denisov</i> The Rhipaeian Mountains on the early portolans: influence of ancient and medieval traditional cartography?.....	143

Breaking the boundaries of cultures and eras

<i>Giuseppina Larocca</i> Space and traces of Renaissance. Evgenij Anan’in and Giovanni Papini.....	161
<i>Giulia De Florio</i> Gianni Rodari and Samuil Marshak: a dialogue in time and space.....	172
<i>Michael V. Belov</i> Russians and Serbs in mutual representations Methodological notes to research project.....	182
<i>Oksana Nagornaia, Tatyana Raeva</i> Konstantin Fedin’s art of “combining”: personal experience of a Soviet ambassador of cultural diplomacy.....	200
<i>Svetlana Grigorieva</i> Spaces of Soviet influence in the memories of local wars veterans in Africa during 1960–1980.....	216

Intellectual history today

<i>Alexandr Dyakov</i> The Return of the Sage: The History of Ideas and the History of Philosophy.....	227
<i>Taisia S. Paniotova, Maxim A. Romanenko</i> Distorting mirrors of the avant-garde: utopian projections of Soviet civilization.....	237

<i>Ivan Ladynin</i>	
The Concept of feudalism at Ancient Orient and the works by V.V. Struve of 1910 – early 1930s	251
<i>Anton Afanasiev</i>	
History as a strict science:	
an experience of scientization of historical knowledge in the works by B.F. Porshnev.....	268
<i>History of medicine</i>	
<i>Elena Vishlenkova, Sergei Zatravkin</i>	
Doctor's narrative under the light of intellectual history: Kovno, 1827.....	284
<i>Anna Afanasyeva</i>	
“A Tool of Empire”? Medicine in European colonial history.....	298
<i>Crossroads of interdisciplinarity</i>	
<i>Evgeniy Rostovtsev, Dmitry Sosnitsky</i>	
Saint Vladimir as a national hero: the revival of the image.....	307
<i>Rosaliya Cherepanova</i>	
“Anti-Soviet Person” Emilia Ilina in Long Tradition of Russian Radical Intelligentsia.....	322
<i>E.M. Kharitonov, S.Y. Koshokova, A.R. Salchinkina</i>	
Importance of the works by Shora Nogmov and Khan-Giray	
exploring main issues of local history of Adyge people.....	341
<i>Andrei Sokolov</i>	
History of Sexuality as Direction in Historiography.....	355
<i>Sergey Dyukin, Irina Samoylova</i>	
Rock-culture in the collective memory of its agents.....	372
<i>Invitation to discussion</i>	
<i>Sergey Chernov</i>	
Peasant issue in Russia (1767–1861).....	384
<i>Reading books...</i>	
<i>Vladimir Boldin, Aleksandr Shirinyants</i>	
Experience of Gyula Szvák Опыт профессора Дюлы Свака	
(to the publication of the book: Gyula Szvák. The experience of microhistorography).....	401
<i>Valentina Korzun</i>	
«History can be restored only... by experienced it in itself».	
Reflection on the book: Gordon A.V. «“Historians of the Iron Age”...».....	410
<i>Events and projects</i>	
<i>Lorina Repina, Veronica Vysokova</i>	
Searching for a comparative approach:	
experience of comparison of Russian and British cultures of the XVII–XVIII centuries.....	418
CONTENTS.....	427

СОДЕРЖАНИЕ

Пространства истории

<i>Л.П. Репина</i>	
История регионов, или “Территория историка” после пространственного поворота.....	5
<i>Н.А. Селунская</i>	
Чужая страна прошлого, или история с географией. Помпоний Лет и Владимир Забугин..	17
<i>А.А. Кузнецов</i>	
Слагаемые “географического кругозора” советских историков: опыт реконструкции по материалам биографий С.И. Архангельского и Н.П. Соколова.....	30

Вообразяя пространственный опыт Другого

<i>А.В. Махлаюк, К.В. Марков</i>	
Элементы травелога в нарративной структуре «Римской истории» Кассия Диона.....	46
<i>М.С. Чисталев</i>	
Визуализация Египта как экзотического пространства на примере Нильских сцен.....	63
<i>И.Ю. Вацеева</i>	
Ментальная география раннего Средневековья: теория четырех царств в сочинениях христианских авторов V–VII вв.	73
<i>Ю.Е. Вершинина, А.Н. Маслов</i>	
Расставание как испытание чувств: эмоциональный фон рассказов о разлуке с родственниками в сочинениях Григория Турского и Беды Достопочтенного.....	90

Конструируя периферию...

<i>А.Е. Барышников</i>	
Имперская угроза и трансформация ландшафта: пространственная история римской Британии.....	107
<i>Ю. С. Обидина</i>	
От Рая земного к Раю небесному: представления о границах потустороннего мира в Поздней Античности и Раннем Средневековье.....	118
<i>И.Г. Коновалова</i>	
Русь на карте мира исламских географов X века.....	132
<i>А.В. Podossinov, А.О. Denisov</i>	
The Rhipaeen Mountains on the early portolans: influence of ancient and medieval traditional cartography?.....	143

Преодолевая границы культур и эпох

<i>Джузеппина Ларокка</i>	
Пространство и “следы” Ренессанса. Евгений Ананьин и Джованни Папини.....	161
<i>Джулия Де Флорио</i>	
Джани Родари и Самуил Маршак: диалог во времени и пространстве.....	172
<i>М.В. Белов</i>	
Русские и сербы во взаимных представлениях: методологические заметки к исследовательскому проекту.....	182
<i>О.С. Нагорная, Т.В. Раева</i>	
Искусство “сочетать” К.А. Федина: личный опыт советского посла культурной дипломатии..	200
<i>С.В. Григорьева</i>	
Пространства советского влияния в воспоминаниях ветеранов локальных войн в Африке (1960–1980-е гг.).....	216

Интеллектуальная история сегодня

<i>А.В. Дьяков</i>	
Возвращение Мудреца: история идей и история философии Е.Ф. Максимович: представитель «второго поколения»	227

<i>Т.С. Паниотова, М.А. Романенко</i>	
Кривые зеркала авангарда: утопические проекции советской цивилизации	237
<i>И.А. Ладынин</i>	
Концепция феодализма на древнем Востоке и работы В.В Струве 1910-х – начала 1930-х гг..	251
<i>А.Н. Афанасьев</i>	
История как строгая наука: опыт сциентизации исторического знания в трудах Б.Ф. Поршневa.....	268
<i>Из истории медицины</i>	
<i>Е.А. Вишленкова, С.Н. Заправкин</i>	
Врачебный текст в свете интеллектуальной истории: Ковно, 1827 год.....	284
<i>А.Э. Афанасьева</i>	
«Инструмент империи»? Медицина в европейской колониальной истории.....	298
<i>Перекрестки интердисциплинарности</i>	
<i>Е.А. Ростовцев, Д.А. Сосницкий</i>	
Владимир Святой как национальный герой: воскрешение образа.....	307
<i>Р.С. Черепанова</i>	
“Антисоветница” Эмилия Ильина в традиции русского интеллигентского радикализма.....	322
<i>Е.М. Харитонов, С.Я. Кошокова, А.Р. Салчинкина</i>	
Значение работ Ш. Ногмова и Хан-Гирея в изучении локальной истории адыгов	341
<i>А.Б. Соколов</i>	
История сексуальности как историографическое направление	355
<i>С.Г. Дюкин, И.В. Самойлова</i>	
Рок-культура в коллективной памяти ее представителей.....	372
<i>Приглашение к дискуссии</i>	
<i>С.Л. Чернов</i>	
Крестьянский вопрос в России (1766–1861).....	384
<i>Читая книги...</i>	
<i>В.А. Болдин, А.А. Шириняц</i>	
Опыт профессора Дюлы Свака (к выходу в свет книги: Дюла Свак. Опыт микроисториографии).....	401
<i>В.П. Корзун</i>	
«Историю можно воссоздать лишь... пережив ее в себе». Размышления над книгой А.В. Гордона «Историки железного века».....	410
<i>Научная жизнь: события и проекты</i>	
<i>Л.П. Ретина, В.В. Высокова</i>	
В поисках компаративного подхода: опыт сопоставления русской и британской культур XVII–XVIII вв.....	418
CONTENTS.....	427

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91
<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru
Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

Л.П. РЕПИНА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46413>
Н.А. СЕЛУНСКАЯ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46440>
А.А. КУЗНЕЦОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46441>
А.В. МАХЛАЮК, К.В. МАРКОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46442>
М.С. ЧИСТАЛЕВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46443>
И.Ю. ВАЩЕВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46444>
Ю.Е. ВЕРШИНИНА, А.Н. МАСЛОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46445>
А.Е. БАРЫШНИКОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46446>
Ю.С. ОБИДИНА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46447>
И.Г. КОНОВАЛОВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46448>
А. V. PODOSSINOV, А. О. DENISOV
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46449>
Джузеппина ЛАРОККА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46450>
Джулия Де ФЛОРИО
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46451>
М.В. БЕЛОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46452>
О.С. НАГОРНАЯ, Т.В. РАЕВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46453>
С.В. ГРИГОРЬЕВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46454>

А.В. ДЬЯКОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46455>
Т.С. ПАНИОТОВА, М.А. РОМАНЕНКО
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46456>
И.А. ЛАДЫНИН
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46457>
А.Н. АФАНАСЬЕВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46458>
Е.А. ВИШЛЕНКОВА, С.Н. ЗАТРАВКИН
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46459>
А.Э. АФАНАСЬЕВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46460>
Е.А. РОСТОВЦЕВ, Д.А. СОСНИЦКИЙ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46461>
Р.С. ЧЕРЕПАНОВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46462>
Е.М. ХАРИТОНОВ, С.Я. КОШОКОВА,
А.Р. САЛЧИНКИНА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46463>
А.Б. СОКОЛОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46464>
С.Г. ДЮКИН, И.В. САМОЙЛОВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46465>
С.Л. ЧЕРНОВ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46466>
В.А. БОЛДИН, А.А. ШИРИНЯНЦ
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46467>
В.П. КОРЗУН
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46468>
Л.П. РЕПИНА, В.В. ВЫСОКОВА
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2020.69.46469>

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

69 / 2019

Главный редактор
Лорина Петровна РЕПИНА

Адрес редакции
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1423
Тел. (495) 938-53-91
Web-страница: <http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm>
Электронная почта: dialogue.time@yandex.ru

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Формат 60x90 / 16. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 25. Тираж 600. Заказ №

Отпечатано в типографии Onebook.ru
ООО «Сам Полиграфист»
Москва, Волгоградский пр., дом 42, строение 5.
Электронная почта: info@onebook.ru
Адрес в интернете: www.onebook.ru
Тел.: +7 495 545-37-10

ISSN 2073-7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.